

ISSN 0132—3776

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

BYZANTINA ХРОНИКА

65(90)

2006

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

BYZANTINA ХРОНИКА

Том 65 (90)

Ответственный редактор
академик Г. Г. ЛИТАВРИН

МОСКВА НАУКА 2006

Редакционная коллегия:

академик Г.Г. ЛИТАВРИН (отв. редактор), доктор исторических наук М.В. БИБИКОВ,
доктор искусствоведения В.Н. ЗАЛЕССКАЯ, член-корреспондент РАН С.П. КАРПОВ,
А.М. КРЮКОВ (отв. секретарь),
доктор исторических наук Г.Е. ЛЕБЕДЕВА,
член-корреспондент РАН И.П. МЕДВЕДЕВ (зам. отв. редактора),
доктор исторических наук М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
доктор искусствоведения О.С. ПОПОВА,
доктор исторических наук И.С. ЧИЧУРОВ (зам. отв. редактора)

Редакционный совет:

академик АН Армении Р.М. БАРТИКЯН (Ереван),
доктор исторических наук О.Р. БОРОДИН, доктор исторических наук В.П. ДАРКЕВИЧ,
доктор исторических наук Н.Ю. ЛОМОУРИ (Тбилиси),
академик НАН Украины П.П. ТОЛОЧКО (Киев),
доктор исторических наук К.В. ХВОСТОВА, доктор исторических наук А.А. ЧЕКАЛОВА,
профессор И.И. ШЕВЧЕНКО (Бостон), член-корреспондент РАН Я.Н. ЩАПОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.П. МАРИНОВИЧ,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ в 1894 году

Византийский временник=BYZANTINA XRONIKA / Ин-т всеобщ. истории
РАН. – М. : Наука, 1894– . – ISSN 0132-3776.

Т. 65(90) / отв. ред. Г.Г. Литаврин. – М. : Наука, 2006. – 334 с. : ил.
ISBN 5-02-010364-0.

Очередной том ежегодника тематически и хронологически отражает широкий спектр проблематики современного византиноведения. Он открывается статьей, посвященной доселе не исследованным проблемам истории Трапезундской империи. Важное место в книге занимает социально-политическая история. Традиционно большое внимание уделяется связям Византии с сопредельными странами, в том числе Древней Русью. Интересны статьи, посвященные истории византийской литературы, в частности методу работы византийского хрониста Зонары. Публикация “Апостольской сирены” Симеона Метафраста делает этот источник доступным широкому кругу византинистов. Как всегда, в томе представлена и искусствоведческая тематика.

Для специалистов-византиноведов и широкого круга читателей, интересующихся историей Византии и ее многовековыми связями с окружающим миром.

Темплан 2006-1-286

ISBN 5-02-010364-0

- © Институт всеобщей истории РАН, 2006
- © Коллектив авторов, 2006
- © Российская академия наук и издательство “Наука”,
продолжающееся издание “Византийский временник”
(разработка, оформление), 1894 (год основания), 2006
- © Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

С.П. Карпов (Москва) Социальная борьба в Трапезундской империи: от династических смут – к гражданской войне	6
Е.В. Сильвестрова (Москва) Новелла III Юстиниана и юридическая природа прав церкви Константинополя на ее имущество в начале VI в. н.э.	29
В.В. Серов (Барнаул) К проблеме формирования столичного статуса Константинополя	37
Х. Дукакис (Афины) Land Possession and Rural Economy in the Byzantine Egypt in two Lives of Saints (4th Century)	60
А.В. Назаренко (Москва) Был ли крещен киевский князь Ярополк Святославич, или кое-что об “исторической реальности”	66
Н.Ф. Котляр (Киев) Стратегия обороны галицкими и волынскими князьями государственных рубежей в XII в.	73
Д.В. Каштанов (Москва) Русь и Фессалоника в XII–XIII веках: люди идеи, пути	94
С.И. Лучицкая (Москва) Четвертый крестовый поход глазами русского современника	107
А.С. Слуцкий (Санкт-Петербург) Византийские литургические чины “Соединения Даров” и “Теплоты”. Ранние славянские версии	126
М.В. Кривов (Солнечногорск) К вопросу о посольстве Дихьи-ибн-Халифы в Византию	146
М.А. Курышева (Москва) Византийцы и норманны: проблемы симбиоза	150
П.И. Жаворонков (Москва) Тюрки в Византии (XIII – середина XIV в.). Часть первая: тюркская аристократия	163
С.И. Муртузалиев (Махачкала) Положение зимми и Константинопольской патриархии в Османской империи XV–XVI вв.	178
О.В. Лосева (Москва) Известие о перенесении мощей свт. Николая Чудотворца из Мир в Бари (по греческой афонской рукописи Vatopediou 1145, 1431 г.)	186
Д.А. Черноглазов (Санкт-Петербург) Римская история устами византийского хрониста XII века (еще раз о методе Зонары-историографа)	191
К.И. Лобовикова (Екатеринбург) Византия и Запад: поиски путей к примирению мусульман и христиан (по поводу книги М. Баливе)	204
Т. Тотев (Шумен) Моливдовул царя Симеона (893–927 гг.) из Северо-Восточной Болгарии с пожеланиями долголетия	218
С.Б. Сорочан (Харьков) О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона	223

Т.В. Гончарова (Москва) Храм Юсуф Коч (YUSUF KOÇ KILISESI) в Гереме (Каппадокия) и его место в византийском искусстве второй четверти XI в.	231
С. Манукян (Ереван) Орнамент в рубрикации армянских рукописных Евангелий	243
Г.Е. Лебедева, В.А. Якубский (Санкт-Петербург) О.А. Добиаш-Рожественская о проблемах Крестовых походов и идейная цензура 1930-х годов.....	247

Рецензии и аннотации

А.С. Козлов (Екатеринбург) Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб.: Алетейя, 2003. 623 с.....	259
Р.М. Шукуров (Москва) Арутюнова-Фиданян В.А. "Повествование о делах армянских" (VII в.): источник и время. М.: "Индрик", 2004. 272 с., ил.	269
А.С. Козлов (Екатеринбург) Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. 256 с.	272
В. Александров (Будапешт) Максимович К.А. Закон судный людем. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М.: Древлекхранилище, 2004. 240 с.	279
М.А. Морозов (Санкт-Петербург) Бубало Ђ. Српски номици. Београд: Византолошки институт САНУ, 2004. 306 с., 12 фотогр.	281
К.А. Максимович (Москва) Δελτηχάρη 'Α. Ἁγιος Γρηγόριος ὁ Συναΐτης. Ἡ δράση καὶ ἡ συμβολή του στὴ διάδοση τοῦ ἡσυχασμοῦ στὰ Βαλκάνια. University Studio Press. Θεσσαλονίκη, 2004. 372 σ. (= Ἑλληνισμὸς καὶ κόσμος τῶν Σλάβων, 6)	283
А.А. Войтенко (Москва) Boud'hors A. Ostraca grecs et coptes des fouilles de Jean Maspero à Baouit. O. Bawit/FAO 1-67 et O. Nancy. IFAO, Le Caire, 2004. X+109 P. (Bibliothèque d'études coptes 17)	284
О.С. Апанович (Москва) The Armenian People From Ancient to Modern Times. Vol. I: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century / Ed. R.G. Hovannisian (Second Edition). N.Y., 2004. XII + 351 p. + Index.	287
О.С. Апанович (Москва) Balivet M. Les Turcs au Moyen-Âge: des Croisades aux Ottomans (XI ^e -XV ^e siècles). Istanbul, 2002. 156 p.	292
А. Плотке-Луниг (Йена), Л.Г. Хрушкова (Москва) Seibt W. (Hrsg.). Die Christianisierung des Kaukasus. The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania). Referate des Internationalen Symposiums (Wien. 9.-12. Dezember 1999). Verlag des Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 2002 (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik / Hrsg. von O. Kresten und W. Seibt. Bd. IX).....	296
И.А. Орецкая (Москва) Galavaris G. Holy Monastery of Iveron. The Illuminated Manuscripts. Mount Athos, 2002 (English translation by G.Cox). 130 p.	298
А.Н. Крекшин Trésors du monastère de Sainte-Catherine Mont Sinai Egypte. Fondation Pierre Giannada. Martigny, 2004. 200 p. (par Helen C. Evans). Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, München, 2004. 476 S. (Hrsg. von Ludwig Wamser)	300

О.С. Апанович (Москва) Kıymtayif S. Converted Byzantine Churches in Istanbul: Their Transformation Into Mosques and Masjids. İstanbul, 2001. 109 p. Index.	302
--	-----

Хроника

А.А. Войтенко (Москва) VIII Международный конгресс коптских исследований	304
--	-----

Публикации

С.А. Иванов (Москва) “Апостольская сирена”: память Симеона Метафраста на апостола Фому (ВНГ, 1835).....	309
Г. Ильинский Т.Д. Флоринский как историк славянства. (К десятилетию со дня его смерти).....	325
Список сокращений	333

С.П. Карпов

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ ДИНАСТИЧЕСКИХ СМУТ – К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Проблема борьбы центробежных и центростремительных сил, ее связи с социальными конфликтами – одна из ключевых в истории поздней Византии. В разных регионах Византии и стран-диадочов эта борьба принимала разные формы и имела разное значение. В Трапезундской империи, например, известно мало народных восстаний и мятежей. В основном они связаны с конъюнктурными обстоятельствами. Напротив, борьба группировок знати и внутрдинастические конфликты, перерастающие в гражданские войны, занимали весьма важное место во всей истории государства. Их истоки и суть рассматривались многими учеными, однако малочисленность и лапидарность источников, их тенденциозность и фигуры умолчания делали поиск зачастую затруднительным, а выводы сугубо гипотетическими.

Я. Фальмерайер первым выделил во внутренней борьбе в Трапезундской империи 2 факции: дворцовую партию, представителей старовизантийской знати, пришедшей с Комнинами в 1204 г., и “народную” или отечественную партию, из представителей коренной местной знати. Ее опора была в Керасунте и провинциях. Он предложил называть вторую месохалдиями или трапезундско-колхидской партией, а первую – схоляриями. Схолярии, по его мнению, восходили к дворцовой охране константинопольских императоров. Перемещение этой сильной и богатой факции в Трапезунд была одной из причин императорских притязаний Алексея I. Обе группировки находили сторонников в народе. Первые – среди населения городов, вторые – в провинциях. Дело доходило до войны с использованием иностранных войск, а схолярии тогда искали поддержки в Константинополе. Победой схоляриев было воцарение Василия в 1332 г., но итогом стало подчинение царской власти диктату знати и обострение противоборства ее группировок после смерти Василия и воцарения Ирины Палеологини¹. Город противостоял провинции. Город боролся за неограниченную власть монарха, провинция поддерживала “своих” архонтов. Равновесие сил затянуло борьбу, усугубило раздробленность страны². Воцарение Алексея III в условиях возросшей внешней опасности ознаменовало борьбу императорской власти против сепаратизма и попытку консолидации³.

¹ Fallmerayer J.-Ph. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827 (repr.: Hildesheim, 1964). S. 167–187.

² Ibid. S. 188–190.

³ Ibid. S. 195.

В контексте борьбы проконстантинопольской партии “схолариев” и местной знати рассматривали события Г. Герцберг⁴, Г. Гельцер⁵, П.В. Безобразов⁶, У. Миллер⁷, И. Джавахишвили и С.Г. Кауччишвили⁸ и др.

Дж. Финлей, в целом отталкиваясь от концепции Фальмераёра, сделал несколько иной акцент: “Трапезундские олигархи были представителями римской, а не феодальной аристократии, и больше напоминали античный и азиатский тип, чем западноевропейский”⁹. Основное противостояние разделяло лазскую знать и греческих вождей горожан¹⁰. Вместе с тем каждый представитель мятежной аристократии боролся за свои собственные права и привилегии, за свою долю в распределении ресурсов империи¹¹. В этом, видимо, и причина неконсолидированности группировок. Дж. Финлей попытался связать события гражданских смут и борьбы претендентов на трон в Трапезунде с борьбой Кантакузинов и Палеологов в Византии¹².

Ф.И. Успенский видел в истоках гражданской войны в Трапезундской империи притязания Константинополя и “константинопольской партии” на власть, осложненные соперничеством между Палеологами и Кантакузинами и их креатурами. Первым этапом этой борьбы стало “удаление лиц грузинского и армянского происхождения” к 1344 г., вторым – закрепление власти за рядом семейств первых архонтов, назначенных на место погибших и казненных (Схолариев, Мицоматов, Каваситов, Доранитов, Цанихитов). Победила служилая аристократия, ставшая на путь феодализации империи и образования “отдельных и независимых от царской власти синьорий”¹³; “...разгром старой системы, ослабление и истребление прежней могущественной партии (грузинской) и переход влияния к чисто эллинской, поддержанной из Константинополя партии, не послужили к выгоде и пользе Трапезунтской империи, в которой не вся сила была в эллинском элементе”, – заключает ученый¹⁴.

Крайне схематизируя и модернизируя, В. Эллен писал, что основной антагонизм империи лежал в борьбе “городской” и “сельской” партий, в основе которого был “национальный” антагонизм лазов против греков¹⁵.

⁴ Герцберг Г.Ф. История Византии. М., 1897. С. 519.

⁵ Гельцер Г. Очерк политической истории Византии // Очерки по истории Византии / Под ред. В.Н. Бенешевича. Вып. 1. СПб., 1912. С. 171–172.

⁶ Безобразов П.В. Трапезунт, его святыни и древности. Пг., 1916. С. 13–15.

⁷ Miller W. Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926. P. 43–44, 76. У. Миллер также выделял во внутренней борьбе в Трапезунде, происходившей при ослаблении позиций короны, две главные партии: месохалдов (местную аристократию) и схолариев (выходцев из византийской дворцовой гвардии). Сила первых была в провинциях, вторых – в столице, на побережье, писал он.

⁸ Кауччишвили С.Г. Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. 7. Тбилиси, 1967. С. 169, 178–180 (на груз. яз.); как противостояние лазского и константинопольского лагерей.

⁹ Finlay G. The History of Greece from Its Conquest by the Crusaders to Its Conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond 1204–1461. Edinburgh; London, 1851. P. 422.

¹⁰ Ibid. P. 427.

¹¹ Ibid. P. 373.

¹² Ibid. P. 375.

¹³ Успенский Ф.И. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929. С. 101–113; Он же. История Византийской империи. Т. 3. М.; Л., 1948. С. 742.

¹⁴ Успенский Ф.И. Очерки... С. 140.

¹⁵ Allen W.E.D. The March Lands of Georgia // The Geographical Journal. 1929. Vol. LXXIV. N 2. P. 140.

П. Кэренис рассматривал борьбу в Трапезундской империи в середине XIV в. в контексте противостояния нобилитета и народных масс (*populace*). Истинным мотивом ее он считал стремление нобилитета ограничить императорскую власть. В составе нобилитета он выделял местную знать, якобы стремившуюся искоренить влияние Константинополя, и провизантийскую факцию, состоявшую из императорской гвардии, наемников и связанных с Константинополем искателей приключений. Но истинные цели обеих групп были одинаковы: захват власти. В этой борьбе народ принимал активное и решительное участие. И хотя подчас выступал на стороне одной из группировок, он оставался верным имперской традиции и препятствовал попыткам любой из группировок разрушить центральную администрацию¹⁶.

Э. Жансан, в целом придерживаясь взглядов Фальмераьера–Финлея, полагал, что для схоляриев, утративших власть в Византии со свержением Андроника I, в Трапезунде открывались новые возможности и ресурсы богатств и власти. Тем самым Жансан также склонялся к идее константинопольского происхождения одной из группировок знати, оппозиционной месохалдиям, родовой понтийской аристократии¹⁷.

Начав, следуя за У. Миллером, с традиционного противопоставления “месохалдской фракции” (в которую входили Чанихиты, Каваситы, Мицоматы, Камахины) и греческой партии схоляриев¹⁸, Э. Брайер позднее отметил, что название “месохалдии” не встречается ни в каком трапезундском источнике, реконструировано искусственно Фальмераьером¹⁹ и предложил затем более сложную классификацию структуры правящего слоя, деление его на две основные группировки: столичную дворцовую знать, чаще всего филовизантийскую, и сельскую знать (из трех элементов, чьи интересы нередко расходились: лазского, архонтов пограничной Халдии и архонтов побережья). В 30-е годы XIV в. был достигнут критический рубеж, когда большое количество земель, с которых ранее уплачивались налоги в фиск, было пожаловано в пронию, и Великие Комнины оказались лишенными средств обеспечить лояльность этих землевладельцев. Началась борьба за земли, конфискации владений знати, процесс консолидации императорского домена – ключ к победе императорской власти над соперниками²⁰. В 1332 г. дворцовая партия одерживает верх над халдейской группировкой, в 1341 г. совместные усилия халдейских и прибрежных архонтов вновь побеждены столичной знатью, затем борьба ведется с переменным успехом, пока Алексей III в 1349–1363 гг. не берет верх над всеми группировками, опираясь на симпатии “народа” и поддержку городов и расчлняя силы соперников²¹. Результатом стало укрепление власти монарха и перераспределение земельного фонда в пользу фиска и частично монастырей.

¹⁶ *Charanis P.* Social, Economic and Political Life in the Byzantine Empire. L., 1973. N VI. P. 217–218.

¹⁷ *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 100–101.

¹⁸ *Bryer A.* Some Notes on Laz and Tzan, I // *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900. L., 1988, N XIVa. P. 189–190.

¹⁹ *Bryer A.* “The Faithless Kabazitai and Scholarioi” // *Bryer A.* Peoples and Settlement... P. 311–312.

²⁰ *Bryer A.* The Estates of the Empire of Trebizond // *Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1980. N VII. P. 418–420.

²¹ *Bryer A.* Byzantium and the Pontos during the ‘Time of Troubles’ (1332–63) // *Acts. XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Main and Communications.* Moscow, 1991. Vol. 1: History. Shepherdstown, 1996. P. 98–100.

Мы не претендуем (по уже отмеченной причине) на решение этой проблемы, но постараемся найти достоверное ядро фактов для ее уяснения.

Как кажется, начало смутам положили нестроения внутри самой династии Великих Комнинов. Начальные этапы ее истории особенно полны неясностей, недомолвок и дающих основание для самых разных суждений обстоятельств. Уже само правление Алексея I и, как можно понять из источников, более активная роль брата императора полководца Давида, навели Р.М. Шукурова на мысль о некоем соперничестве между братьями и о возможном мятеже и отстранении Давида, его ссылке на Афон, где он якобы и умер²². Я не вижу оснований для столь радикальных суждений, но допускаю, что цели двух первых Великих Комнинов, направленность их деятельности разнились.

После смерти Алексея I на престол восходит не один из его сыновей, а муж его старшей дочери (и единственный трапезундский василевс, не Комнин по крови²³) Андроник Гид. Возможно, тот самый удачливый полководец, который воевал на стороне Ласкариса против Давида²⁴. Свои военные таланты он блестяще проявит затем в борьбе с сельджуками, защищая Трапезунд. Обстоятельства его восшествия на престол не раскрывает ни написавший о самом этом факте Панарет²⁵, ни Иоанн Лазаропул, рассказавший о его победе над султаном Меликом²⁶. Прощаивая 13 лет, Андроник оставил престол не своим потомкам, но вернул его старшему и первородному сыну Алексея I Иоанну, имевшему прозвище Аксук, возможно, от имени матери²⁷. В единственной сохранившейся рукописи Панарета есть несоответствие: написано, что Иоанн I правил с 6743 г. до 6746 г. от сотворения мира и вместе с тем указано, что царствовал он 6 лет²⁸. Издатель О. Лампсидис не решается найти аргумент для устранения противоречия²⁹. Н. Икономидис склонился к двум возможным вариантам: 1) ошибке рукописи и 2) предположению, что Иоанн был соправителем Андроника еще при его жизни что и обеспечило ему безболезненный переход власти³⁰. В любом случае этот переход власти был мирным и возвратил корону Великим Комнинам. Возможно, и избрание Андроника на трон произошло из-за малолетства детей

²² *Shukurov R. The enigma of David Grand Komnenos // Mésogaios. 2001. Т. 12. Р. 125–136; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 82–88.*

²³ Никифор Григора отмечает, что у трапезундцев имелся нерушимый закон, чтобы ими управлял только тот, кто вел свой род от Комнинов: *Nicephori Gregorae Byzantina historia / A cura L. Schopeni. Т. 2. Bonnae, 1830. Р. 679. 17–22.*

²⁴ Такое предложение сделал еще Ф.И. Успенский: Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 603, а также: *Kurşanskis M. L'Empire de Trébizonde et les Turcs au 13e siècle // REV. 1988. Т. 46. Р. 114. Not. 21.*

²⁵ *Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ekd. O. Lampsides // ΑΠ. 1958. Т. 22. (Далее: Panaretos). Р. 61.7–12.*

²⁶ *Rosenqvist J.O. The Hagiographic Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996. (Далее: HDSE). Р. 308–334.*

²⁷ Panaretos. Р. 61.12–13. Ср.: *Miller W. Trebizond... Р. 24; Varzos K. Η γενεαλογία των Κομνηνῶν. Т. 2. Thessaloniki, 1984. Р. 886; Шукуров Р.М. Великие Комнины... С. 111, 369; ср. также комментарий издателя Панарета О. Лампсидиса: Panaretos. Р. 116.*

²⁸ Panaretos. Р. 61.11–15.

²⁹ Panaretos. Р. 115–116.

³⁰ *Oikonomides N. Αι χρονολογίαι εις το Χρονικόν Μιχαήλ του Παναρέτου // ΝΑ. 1957. Т. 2. Σ. 73–74.*

Алексея I и сложных задач обороны государства. Подросший Иоанн мог быть провозглашен соимператором, хотя ничто не мешало сделать это и изначально, примеров чему в византийской истории немало.

Еще больше загадок представляет последующий текст Панарета. Автор официальной хроники очень осторожно сообщает, что император Иоанн преставился после того, как по слухам (λέγεται), упал с лошади и разбился при игре в поло на циканистерии³¹. Поло было излюбленным состязанием и византийской, и грузинской знати. Вспомним, как описано оно у Шота Руставели, сравнивавшего с ним стихотворство: “Испытаньем иноходцу служит дальняя дорога, / игроку – удар искусный, если мяч рассчитан строго. / Для певца же дело чести – ширь стихов, богатство слога, / он и сам коня осадит, увидав, что речь убога”³². Поло не лишено риска, и несчастный случай в таких ристаниях не исключен. И все же... λέγεται. А далее, без перехода хронист сообщает: “Так как Иоанникий постригся в монахи, то царство наследовал в 6746 (1237/8) г. его второй брат, кир Мануил Великий Комнин...”³³. Кто такой Иоанникий нигде не говорится, и Р.М. Шукуров предположил, что это – третий (второй по старшинству) сын императора Алексея, затруднившись, правда, в объяснении, почему первый и второй сыновья назывались близкими (он считает их идентичными) именами, когда оба здравствовали³⁴. Между тем принимая монашеский постриг, чаще всего избирали имя, начинавшееся на ту же букву, что и данное при крещении (вспомним хотя бы и Давида Великого Комнина, в монашестве Даниила, Виссариона Никейского, в миру Василия и мн.др.). Следуя правилу контекста, можно связать сообщение о трагическом событии с Иоанном I с принятием им же монашества и переходе престола к следующему, второму брату, Мануилу³⁵. Также понял это место и интерполятор Панарета, отнесший заглавие о царствовании Иоанна Аксуха и к этому месту³⁶. Вопрос в другом: была ли смерть Иоанна простой случайностью? Ответа на него нет. Сам Панарет не уверен в этом.

Двадцатипятилетнее сильное царствие Мануила, названного Панаретом “величайшим полководцем и счастливейшим”, прошло “отлично и благочестиво” и не было омрачено какими-либо внутренними смутами³⁷. После краткого правления его старшего сына Андроника II (1263–1265/6) престол перешел к его сыну от второго брака с Ириной Сирикеной Георгию³⁸. Именно в его царствование произошли серьезные перемены во внешней политике империи. Георгий занял последовательные антиунионистские позиции, враждебные как византийскому императору Михаилу VIII, так и его союзни-

³¹ Panaretos. P. 61.15–16.

³² *Руставели Шота*. Витязь в тигровой шкуре / Пер. Н. Заболоцкого. М., 1969. С. 25. В переводе, как справедливо отмечает комментатор С. Цаишвили, опущено название главного орудия этой игры – чогана, клюшки для выбивания мяча (Там же. С. 348–349). Именно этой клюшкой мог быть нанесен удар по падающему всаднику.

³³ Panaretos. P. 61.17–18.

³⁴ *Шукуров Р.М.* Великие Комнины... С. 112–114. Неверно полагать, что Иоанникий – всего лишь уменьшительное прозвище от Иоанн. Иоанн и Иоанникий в святцах отмечены отдельно, и разные святые носили эти имена (например, Иоанникий Великий, Иоанникий патриарх Сербский, ср. со многими св. Иоаннами).

³⁵ Ср.: *Oikonomides N.* Αι χρονολογίαι... Σ. 72–73.

³⁶ Panaretos. P. 52–53. P. 61. Not.**

³⁷ Panaretos. P. 61.18–62.1.

³⁸ Panaretos. P. 62.2–6.

кам и родственникам: монгольскому хану Абаге (чьим вассалом он являлся) и имеретинскому царю Давиду. Трапезунд стал прибежищем врагов унии, а естественными союзниками (реальными или скорее потенциальными) стали враг Палеолога Карл Анжуйский, враги Абаги малюкский султан Бейбарс и хан Золотой Орды, соперник царя Имеретии царь Восточной Грузии – Димитре II. Все они были, в отличие от противников, географически отдалены от Трапезунда, а следствием было и то, что Георгий не благоприятствовал развитию торговли итальянских купцов и образованию факторий, которые быстро формировались в Византии и Крыму, нанося тем самым ущерб своему фиску. Хотя Георгий не порвал с ильханами и не вступил в прямой союз с мамлюками, а скорее дистанцировался от первых и координировал действия со вторыми³⁹, после ухода Бейбарса из Анатолии и его смерти в 1277 г. стала ясной ошибочность такой политики, порождавшей недовольство у части знати и горожан в самом Трапезунде. Объяснением такого курса могут быть лишь династические притязания Георгия на византийский трон и расчет на противников унии и врагов императора-узурпатора Михаила Палеолога. Но и здесь Георгий действовал недостаточно решительно и располагал ограниченными ресурсами. После 1277 г. ильханы начали суды и расправы с неверными (или подозреваемыми в неверности) вассалами в Анатолии и на Кавказе. Были казнены наместник Рума Муин ал-Дин Парвана (1277), атабег Лори (1279), репрессии прокатились по ряду городов (Жайсери, Сивасу, Эрзеруму и др.). Георгий также был вызван на суд ильхана-яргу⁴⁰. По пути в Тавриз в июне 1280 г. архонты, как сообщает Панарет, захватили его в плен в горах близ Тавриза⁴¹ и выдали монголам, возведя на престол его младшего брата Иоанна II⁴². Армянские малые хроники несколько модифицируют картину. Себастици сообщает о том, что Георгия предали мать и сестры и что он был убит Абагой, как и лорийский атабег. Епископ Степанос добавляет к этому, что дело было в Муганских степях, т.е. действительно в западной части ильханства, более близкой к Трапезунду. Аноним конца XIV – начала XV в. уточняет, что убийство как Парваны, так и трапезундского царя произошло на румской территории⁴³. Для нас интересно то, что здесь впервые архонты выступают против царствующего императора. И, по всей вероятности, опираясь при этом на оппозицию внутри династии (упоминание матери, а возможно, мачехи? и сестер).

Иоанн II радикально меняет курс: достигает сближения с Византией и заключает династический брак с Палеологами, идет на переговоры с папами, и именно при нем генуэзская фактория в Трапезунде обретает статус, а итальянская торговля с Тавризом, крупнейшим городом ильханата, значительно оживляется⁴⁴. Но эти перемены, в свою очередь, отнюдь не были

³⁹ Ср.: Шукуров П.М. Великие Комнины... С. 170–184.

⁴⁰ Bryer A. The Fate of George Komnenos, Ruler of Trebizond (1266–1280) // Bryer A. The Empire of Trebizond and the Pontos... N IV. P. 340–350; Шукуров П.М. Великие Комнины... С. 185–186.

⁴¹ О локализации в предгорьях Арарата см.: Bryer A. The Fate... P. 334–340.

⁴² Panaretos. P. 62.5–8.

⁴³ Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. 1. С. 44; Т. 2. С. 147 (на арм. яз.); Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М., 1962. С. 29, 37, 83.

⁴⁴ См.: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

бесконфликтны. Через год после его воцарения, т.е. летом 1281 г., в Трапезунде произошел мятеж некоего Пападопула. Император подвергся аресту, но вскоре был отпущен и отправился сразу же в Константинополь, где и вступил в брак с дочерью Михаила VIII Евдокией⁴⁵. Нам неизвестны ни личность Пападопула (его имя, а возможно, прозвище “сын священника”, ни о чем не говорит), ни мотивы выступления, ни обстоятельства освобождения Иоанна. Ясно лишь, что и смена курса сопровождалась борьбой, и победа Иоанна означала вместе с тем торжество проконстантинопольской ориентации. Будучи в столице Византии и отпраздновав там брак, а также подвергнувшись унижительной процедуре смены пурпурных императорских сапожек на деспотские, в угоду тестю, Иоанн пережил там, в свою очередь, смену политического курса Византии со смертью Михаила VIII 10 декабря 1282 г. Панарет, умолчавший о перемене титула Иоанном⁴⁶, тем не менее отметил, что новый византийский василевс Андроник II предал позору (στηλιτεύσας) имя отца за склонность к латинству⁴⁷. В Царьграде Иоанн узнал о нападении на Трапезунд имеретинского царя Давида, безуспешно осаждавшего город в апреле 1282 г.⁴⁸ Ясно, что и этот поход был инспирирован внутренней борьбой в Трапезунде. Давид VI Нарин был зятем Михаила VIII Палеолога, на сближение с которым пошел Иоанн, в отличие от Георгия Великого Комнина. Иоанн II только что стал его свояком. Поход Давида мог быть как акцией против архонтов в поддержку Иоанна, так и политическим нажимом на последнего, вызванным боязнью дальнейшего сближения Трапезунда с ильханами, противниками и поработителями Грузии.

Возвращение Иоанна II не принесло мира Трапезунду. Был еще жив и оспаривал свои права отпущенный монголами на волю василевс Георгий. Панарет называет его Πλόνος, блуждающий. В 1284 г. он попытался напасть на Трапезунд, но потерпел неудачу и был взят в плен⁴⁹. Дальнейшая его судьба неизвестна. Может быть, он был казнен (трапезундцами или монголами?), что произошло не в 1280, а в 1284 г., и это отмечено армянскими хрониками, соединившими событие с казнью атабега Лори в 1282 г.? После захвата Георгия на трапезундском троне утвердился не Иоанн, а старшая дочь Мануила I и некоей Русудани из Ивирии Феодора. Ее правление продолжалось несколько месяцев и столь же неожиданно кончилось, как и началось. Феодора бежала, оставив трон⁵⁰. Исследовавший проблему М. Куршанскис считает, что мятеж Феодоры имел антиильханскую и прогрузинскую направленность⁵¹. К власти затем вернулся Иоанн II, который и удерживал ее до своей смерти в 1297 г.⁵² Слабое правление Иоанна было, как справедливо отмечает Р.М. Шукуров, ознаменовано “маргинализацией и регионализацией” внешней политики Трапезундской империи⁵³ и потерей

⁴⁵ Panaretos. P. 62.10–14.

⁴⁶ См.: Карнов С.П. Средневековый Понт. N.Y. 2001. С. 132–137.

⁴⁷ Panaretos. P. 62.16–18.

⁴⁸ Panaretos. P. 62.19–21.

⁴⁹ Panaretos. P. 62.25–63.1.

⁵⁰ Panaretos. P. 62.27–63.3.

⁵¹ Kuršanskis M. L'usurpation de Théodora Grande Comnène // REB. 1975. T. 33. P. 187–210.

⁵² Panaretos. P. 63.3–6.

⁵³ Шукуров Р.М. Великие Комнины... С. 188.

крупнейшей области страны – Халивии, захваченной туркменами⁵⁴. Тем не менее эта прелюдия гражданской войны в Трапезунде (1280–1284) закончилась победой императорской власти. Надо отметить, что на карту были поставлены не второстепенные, а главнейшие направления внешней политики, и итогом стала утрата Великими Комнинами универсалистских притязаний и всяких претензий на трон василевсов Константинополя. Сам титул государя был изменен, и упоминание о царе “ромеев” ушло из него. Вероятно, что в XIII столетии не столько архонты, сколько внутридинастические конфликты расшатывали трон, предоставляя кланам знати играть более самостоятельную роль, опираясь на династическую оппозицию, как это имело место в 1280 г. при свержении Георгия.

Сын и наследник Иоанна II Алексей II, видимо, коронованный еще при его жизни в отличие от отца был энергичным правителем и талантливым полководцем. Он вернул осажденный Керасунт и раздвинул границы империи, укрепил столицу, вел независимую от Византии политику, пытался жестко контролировать итальянские фактории и не допускал никакого своеволия знати. В его договоре с генуэзцами четко отмечено обязательство взаимной выдачи мятежников с традиционным правом убежища лишь в храме Хрисокефала⁵⁵.

В 1330 г. ему наследовал сын Андроник III, приказавший умертвить двух своих братьев Михаила Азахутлу и Георгия Ахпугу⁵⁶. Младший его брат, Василий, избежал казни, оказавшись в Константинополе (или бежав туда)⁵⁷. Тем самым внутридинастические распри приняли явный и кровавый оборот. Имена убитых царевичей содержат тюркские прозвища, распространенные в монгольской среде⁵⁸. В этом можно усматривать следы влияния ильханского двора на обиход дома Великих Комнинов, возможно, идущих через жену Алексея II, дочь мтавара Самцхе Бека Жакели. В Ивирии, долгие годы находившейся под прямым суверенитетом ильханов, такие влияния ощущались явственнее. Конечно, наличия монгольских эпонимов казненных недостаточно для предположения о попытке полного освобождения от протектората ильханов, и все же могущество последних тогда быстро клонилось к окончательному закату, наступившему в середине 30-х годов XIV в.

Царствования и Андроника III, и его восьмилетнего сына Мануила II не были долгими: 1 год и 8 месяцев и 8 месяцев. Причина смерти первого неизвестна, а второй был свергнут с престола своим дядей Василием, прибывшим из Константинополя 22 сентября 1332 г.⁵⁹ Свержение Мануила прошло на фоне благоприятных для империи внешнеполитических событий: 30 августа 1332 г. трапезундцы разгромили в Мацуке значительный отряд эмира Халивии Байрам-бека⁶⁰. Таким образом, внешнеполитических поводов для переворота, как кажется, не было. Он подогревался династической борьбой

⁵⁴ Panaretos. P. 63. 6–7.

⁵⁵ Desimoni C. Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda // ASLSP. 1877–1884. T. XIII. Fasc. 3. P. 516–517.

⁵⁶ Panaretos. P. 64.6–10.

⁵⁷ Panaretos. P. 64.16–18.

⁵⁸ Шукуров Р.М. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 89–90.

⁵⁹ Panaretos. P. 64.11–19.

⁶⁰ Panaretos. P. 64.12–15; Шукуров Р.М. Великие Комнины... С. 219.

и завершился истреблением части архонтов. Репрессии коснулись семь человек, стоявших у руля государства и, судя по титулам, военных руководителей, в правление отрока: были казнены великий дука Лека Чачинчей и его сын великий domestik Чампа. Великая дукиня Сирикена (жена Леки?) была забита камнями, а Мануил отправлен в заключение⁶¹. Если считать, что Сирикена – родовое имя, то приходится вспомнить, что так звали вторую жену Мануила I, мать свергнутого императора Георгия Ирину. Вряд ли она дожила до этих событий, тем более с титулом великой дукини. Скорее, это одна из ее родственниц из местной знати. Следовательно, от власти отстранялись две породненных семьи явно понтийского происхождения. Через несколько месяцев, в феврале 1333 г., настал черед и Мануила II. Как пишет Панарет, он был убит мечом новым великим дукой “взбунтовавшимся” (ταραχθείς) евнухом Иоанном⁶². В чем суть “бунта” евнуха неизвестно. Может быть, придворный хронист просто желает скрыть достойное осуждения поведение самого государя? Во всяком случае, Василий, прибывший из Константинополя и, вероятно, нашедший там поддержку, закрепляет свои связи с Палеологами и 17 сентября 1335 г. вступает в брак в Трапезунде с приехавшей туда незаконной дочерью Андроника III Ириной⁶³. Брак этот не был счастливым. Связь, а затем брак императора Василия с местной женщиной, тоже Ириной, от которой он имел двух детей, расколол общество. Патриарх упрекал Василия, не разрешал развода и осудил попустительство Трапезундского митрополита Григория; сама отстраненная и изгнанная из дворца императрица Ирина взывала к защите и искала союзников. Трапезундский Гороскоп 1336 г., отражая настроения в обществе, предрекал мятежи “мегистанов”, выступление их против “грамматиков”⁶⁴, недовольство народа⁶⁵, непослушание войска⁶⁶. 3 марта 1337 г. в Трапезунде народ выступил против императора, забросав его камнями, когда увидел в произошедшем солнечном затмении дурной знак⁶⁷. Григора прямо пишет даже о восстании народа⁶⁸. Несмотря на это, Василий развелся с Палеологиней и 8 июля 1339 г. обвенчался с Ириной Трапезундской⁶⁹. Напряженная обстановка сохранялась до внезапной смерти Василия 6 апреля 1340 г.⁷⁰ Возможно, он был отравлен сторонниками Палеологини, которая захватила власть⁷¹. В империи началась гражданская война. Надежда Ирины Палеологини на помощь из Визан-

⁶¹ Panaretos. P. 64.20–23.

⁶² Panaretos. P. 64.23–25.

⁶³ Panaretos. P. 64.26–29; *Nic. Greg.* Vol. I. P. 536, 549–551; Vol. II. P. 678–679. По этому поводу была составлена стихотворная эпиталама: *Bryer A. Eclipses and Epithalamy in Fourteenth-Century Trebizond // Bryer A. Peoples and Settlement... VI. P. 347–352*. Поправим небольшую неточность Брайера (p. 348): брак произошел в воскресенье 17, а не 16 сентября 1335 г. (Panaretos. P. 64.28).

⁶⁴ *Lampros Sp. Το Τραπεζουντιακόν φροσκόλιον τοῦ ἔτους 1336 // NE. 1916. T. 13.* (Далее: Гороскоп 1336). P. 43.15; 44.12–13,16.

⁶⁵ Гороскоп 1336. С. 41.17–18; 43.13–14; 44.4; 45.27–28.

⁶⁶ Гороскоп 1336. С. 45.14–15.

⁶⁷ Panaretos. P. 65.3–6.

⁶⁸ *Nic. Greg.* Vol. I. P. 549.13.

⁶⁹ Panaretos. P. 65.10–11.

⁷⁰ Panaretos. P. 65.12–13.

⁷¹ Никифор Григора в частности писал, что родилось подозрение, что Василий умер вследствие тайных козней царицы Ирины: *Nic. Greg.* Vol. I. P. 549.18–19.

тии не осуществилась: пока велись переговоры, отец Ирины Андроник III скончался, и сама Византия была ввергнута в смуту.

Видимо, правление Василия, несмотря на династический кризис, не было ни слабым, ни расточительным. После смерти государя, названного его младшим современником и будущим митрополитом Трапезундским Иосифом Лазаропуллом, “великим”⁷², кроме двух малолетних детей, высланных вместе с матерью в Константинополь⁷³, осталось большое состояние, за которое и началась борьба⁷⁴. Противниками Ирины Палеологини выступали, как кажется, представители всех крупнейших трапезундских знатных фамилий как греческого, так и греко-лазского происхождения. Панарет здесь впервые подробно перечисляет состав так называемых “партий”. В числе выступивших против Ирины и укрепившихся в монастыре св. Евгения были Чанихиты, Схоларии, Мицоматы, Каваситы, Камахины, Константин Доранит, часть народа и царской гвардии. Лазаропулл называет их собирательным термином “Схоларанты”⁷⁵. Григора именует главой этой группировки человека влиятельного и богатого, Чанихиту (по Панарету – это великий стратопедарх, кир Севаст Чанихита)⁷⁶. Ища опоры, Ирина, как писал Григора, вступила в тайную связь с неназванным по имени великим домашником Трапезунда⁷⁷. Сторонниками Ирины была лишь часть дворцовой гвардии и ее особый отряд, вероятно, из наемников, амирджандарии⁷⁸. Они заняли цитадель⁷⁹.

Помощь пришла неожиданно. Великий дука евнух Иоанн выступил на стороне Ирины, приведя 2 июля 1340 г. большое войско из пограничной Лимнии. Оно решило дело. Монастырь св. Евгения был осажден и для его взятия использовали осадные машины. В ходе сражения здания монастыря загорелись, и все его красоты и сокровища погибли в пламени. Чанихита и другие архонты были взяты в плен, заточены и в июне 1341 г. казнены в Лимнии⁸⁰. Однако части из них, видимо, удалось бежать, и традиционным убежищем для них стал Константинополь⁸¹. После смерти в том же месяце Андроника III Палеолога новый правитель Византии великий домашник Иоанн Кантакузин не был склонен поддерживать Ирину Палеологиню.

⁷² HDSE. P. 338.1665.

⁷³ Panaretos. P. 65.14–15; HDSE. P. 338.1669–1670; *Nic. Greg.* Vol. I. P. 549.24–550.1.

⁷⁴ HDSE. P. 338.1666–1667.

⁷⁵ HDSE. P. 338.1668.

⁷⁶ *Nic. Greg.* Vol. I. P. 551.14–15; Panaretos. P. 65.18.

⁷⁷ *Nic. Greg.* Vol. I. P. 551.10–11.

⁷⁸ Первоначально считалось, что это родовое имя знатного семейства. Однако В. Лоран, а затем Р.М. Шукуров показали, что это не фамилия, а титул или, точнее, происходящее от арабо-персидского именование подразделения профессиональной армии, скорее всего (Шукуров), – тюркских наемников: *Laurent V. Deux Chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II // АП. 1953. Т. 18. Р. 261. Not.; Шукуров Р.М. Великие Комнины... С. 58–59. Вероятное замещение словом ἀμρτζάντης титула ἀμρτσαούσας в хрисовуле Алексея III Георгию Дораните (1371) указывает на понимание слова писцом как титула, а не родового имени, которое присутствует в тексте – Доранит: *Lampros Sp. Ανέχδοτον χρυσόβουλλον Αλεξίου Γ' του Μεγάλου Κομνηνού αυτοκράτορος Τραπεζούντος // NE. 1905. Т. 2. Р. 196.3–4; 197.18,20; 198.18 и комментарий издателя: Р. 195–196.**

⁷⁹ Panaretos. P. 65.16–23; HDSE. P. 338.1667–1669.

⁸⁰ Panaretos. P. 65.24–28, 66.3–4; *Nic. Greg.* Vol. I. P. 551.17–18.

⁸¹ HDSE. P. 338.1673–1684.

Несмотря на то что Ирина добилась временного успеха, уже в июле 1341 г. она была низложена. Лето 1341 г. было особенно тяжелым для Трапезундской империи: достигла апогея феодальная анархия, Трапезунд подвергся нападению туркмен из Амиды и был сожжен, сельская округа была разграблена. Из-за пожара и разложения трупов вспыхнула чума, усугубленная голодом от засухи и неурожая⁸². В этой обстановке 17 июля власть была захвачена при помощи лазского войска дочерью Алексея II Анной Анахутлу. Еще ранее, не зная об этом перевороте⁸³ и, видимо, согласившись с уговорами группировки Схоларантов, Иоанн Кантакузин, отказав императрице Ирине, отпустил для принятия власти в Трапезунде 56-летнего Михаила Комнина, брата Алексея II. Вместе с ним на Понт отплыли Никита Схоларий и Григорий Мицомат⁸⁴. Но византийская поддержка ограничилась лишь этим; военные силы Схоларантов составляли 2 или 3 итальянских судна и отряд “латинских” воинов⁸⁵. Недостаток этих сил и непрочность позиции столичной знати в Трапезунде привели готовящийся переворот к поражению. Первоначально Михаил Комнин был встречен с почестями, но в ночь с 30 на 31 июля его схватили, а 7 августа сослали в Иней, затем – в Лимнию. Часть поборников переворота была убита или заключена в тюрьму, часть спаслась на кораблях⁸⁶. Во всяком случае, разгром “партии” Схоларантов не был полным: все их предводители – Никита Схоларий, Григорий и Михаил Мицоматы, Константин и Иоанн Дораниты – бежали на венецианском судне в Константинополь⁸⁷. Еще ранее, 10 августа, туда выслали и Ирину Палеологиню⁸⁸. Видимо, в этот момент и произошло разделение враждебных Ирине Палеологини сил: Чанихиты, Каваситы, Камахины не упомянуты в числе сторонников Михаила. Крупные архонты провинции попытались вести свою игру, поддерживая Анну Анахутлу, а некоторые из синклитиков, по словам Григоры, хотели возвести на трон одного из незаконнорожденных детей Василия и самим пользоваться властью⁸⁹.

Бежавшие в Константинополь Схоларии и их сторонники побуждали находившихся тогда у власти в Византии императрицу Анну Савойскую и Алексея Апокавка отпустить с ними сына Михаила двадцатилетнего Иоанна⁹⁰. После почти годовых переговоров из Византии к Трапезунду 17 августа 1342 г. отплыл флот из трех зафрахтованных генуэзских галей и двух трапезундских катерг. На их борту находился отряд наемных итальянских воинов. Плавание, по сообщению Григоры, продолжалось 10 дней, и около 27 августа флот оказался в Трапезундском порту⁹¹. Те, кто совершил недавно пере-

⁸² Panaretos. P. 66.5–10; Ἀνδρέου Λιβადηνοῦ βίος καὶ ἔργα / Ekd. O. Lampsides. Athenai, 1975. (Далее: Libad.). P. 64–69, 97–100.

⁸³ Переворот был совершен 17 июля, а 30 июля Михаил уже прибыл в Трапезунд. Очевидно, Кантакузин верно учел непрочность положения Ирины Палеологини и заранее готовил свой “резервный вариант”.

⁸⁴ Panaretos. P. 66. 17–20; *Nic. Greg.* Vol. II. P. 679–680.

⁸⁵ Panaretos. P. 66.19 (3 катерги); *Nic. Greg.* Vol. II. P. 680.12 (2 судна).

⁸⁶ Panaretos. P. 66.20–29; *Nic. Greg.* Vol. II. P. 680–681. Григора заметил, что в Трапезунде установилось олигархическое правление и сохранялось недовольство дима.

⁸⁷ Panaretos. P. 67.3–6.

⁸⁸ Panaretos. P. 67.1–2.

⁸⁹ *Nic. Greg.* Vol. II. P. 680.15–681.21.

⁹⁰ *Nic. Greg.* Vol. II. P. 681.4–7.

⁹¹ *Nic. Greg.* Vol. II. P. 681.7–9.

ворот, оказали сопротивление и взялись за оружие, но против них взбунтовался народ. Бунтовщики изнутри и отряд латинян снаружи взломали ворота. 4 сентября город был взят, и часть имущества противников была пограблена. Иоанн III был торжественно коронован на амвоне храма Богородицы Хрисокефала⁹².

Переворот 1342 г. был победой Схолариев⁹³, достигнутой в условиях востания дима и обострения гражданской войны. Схоларии расправились со своими давними врагами – амирджандариями, некоторые из них были казнены, вместе со свергнутой Анной Анахутлу и матерью некоего кира Георгия, другие изгнаны⁹⁴. Нам пока неясно, кем была эта женщина. Для Панарета это самоочевидно, и он употребляет при имени Георгия почтительное “кир”, без патронима. В таком случае, можно ожидать, что это либо ближайший из упомянутых ранее архонтов, носитель того же имени (каковы неизвестны, хотя есть упоминание амирджандариев), либо один из Великих Комнинов. Возможно, под именем Георгия кроется либо имя казненного Андроником III брата, Георгия Ахпуги, либо одного из вождей противоположной группировки амирджандариев.

“История” Григоры приоткрывает завесу над тем, что произошло дальше. Придя к власти, Иоанн III перестал внимать поучениям “старейшин” Схолариев, предался кутежам и распутству, тратя на “танцовщиц и флейтисток” “игемонские сокровища”⁹⁵. Вероятно, он пользовался поддержкой великого дуки евнуха Иоанна, сторожившего свергнутого императора Михаила в Лимнии. Свержению Иоанна предшествовало убийство евнуха⁹⁶. Затем Схоларии послали за Михаилом в Лимнию и заключили с ним тайное соглашение, которым он передавал им всю реальную власть, довольствуясь императорским титулом. Иоанн III был свергнут и заточен в пещере св. Саввы, Михаил же был водворен на троне⁹⁷. Усиление Схолариев вызвало недовольство как потерпевшей поражение партии, так и дима. Зрел новый мятеж. Боясь этого, Схоларии, как писал Григора, вернули Михаилу самодержавную власть⁹⁸. “Партия” Схолариев состояла не только из представителей этого клана. После воцарения Михаила должности и чины получили Мицоматы, Каваситы, Дораниты, Чанихиты⁹⁹. Однако Панарет излагает несколько иную версию: в ноябре 1345 г. император Михаил арестовывает великого дуку Никиту Схолария, великого domestика Григория Мицомату и других их сторонников. Великим дукой стал Иоанн Кавасита¹⁰⁰. Иоанн III был отправлен под стражей в Константинополь¹⁰¹. Попытка отстранения Схолариев от власти, предпринятая оппозицией и самим василевсом не удалась. После поражения в войне с генуэзским флотом и гибели военачальников – Иоанна Каваситы и Михаила Чанихиты (май 1349 г.) – и болезни императора

⁹² Panaretos. P. 67.7–11; *Nic. Greg.* Vol. II. P. 681.9–14.

⁹³ На это прямо указывает Григора: *Nic. Greg.* Vol. II. P. 681.16–17.

⁹⁴ Panaretos. P. 67.11–16; *Nic. Greg.* Vol. II. P. 681.18–21.

⁹⁵ *Nic. Greg.* Vol. II. P. 681.23–682.4.

⁹⁶ Panaretos. P. 67.19–20; *Nic. Greg.* Vol. II. P. 682.6–7.

⁹⁷ *Nic. Greg.* Vol. II. P. 682.4–15; Panaretos. P. 67.19–68.6.

⁹⁸ *Nic. Greg.* Vol. II. P. 682.20–683.4.

⁹⁹ Panaretos. P. 67.25–68.2.

¹⁰⁰ Panaretos. P. 68.24.

¹⁰¹ Panaretos. P. 68.3–6.

(июнь 1349 г.) Схоларии вернулись к власти. Никита Схоларий вновь стал великим дукой и женился на дочери Сампсона (не упомянутого Панаретом ранее)¹⁰². Возможно, это была попытка примирения с враждебной группировкой? Панарет и Григора дают основания для выявления одной из партий – Схолариев и их сторонников. О противниках же их говорится чаще обобщенно, наиболее ясным определением является “амиджандарии”. К ориентировавшимся на Константинополь Схолариям примыкали Мицоматы, Дораниты, Каваситы и Чанихиты. Однако две последних семьи можно скорее отнести к крупным феодалам провинции, где, как известно, были их владения. Следовательно, хрупкий союз соединял как династов провинции, так и высшее чиновничество столицы и четко противопоставлять их нет оснований. В самом этом союзе появлялись нередко трещины (как, например, в правление императора Михаила). Итогом было резкое ослабление императорской власти (вплоть до договорного оформления ее), все более широкое вовлечение дима в борьбу, участие внешних сил (Византии, Грузии, генуэзцев, тюркских племен) в соперничестве за власть.

Борьба группировок в Трапезундской империи проходила в обстановке страха, недоверия, в том числе, и особенно, внутри самой победившей “партии”. Участник и жертва этой борьбы, выходец из Византии хартофилак Андрей Ливадин не раз безуспешно просил отпустить его в Константинополь, даже бежал из Трапезунда, но был насильственно возвращен туда посланными вдогонку судами уже от берегов Крыма... Произошло это в первой половине 1342 г., и правившие тогда Анна Анахутлу и амирджандарии боялись связей Ливадина со Схолариями и возможности его тайной миссии в их поддержку. Он жалуется своему другу и корреспонденту иеромонаху в Керасунте Герасиму на свои продолжающиеся бедствия и пишет, что незримый страх мешает ему раскрыть уста и только при встрече обещает поведать о происходящем¹⁰³.

Перелом в гражданской войне наступил, видимо, в 1349 г. Свержению Михаила предшествовала какая-то переписка между ромеями и трапезундцами и нажим византийской стороны¹⁰⁴. Панарет сообщает, что 13 декабря 1349 г. Михаил Комнин был низложен с престола, а чуть позднее, 22 декабря прибыл из Константинополя и был возведен на престол сын императора Василия Иоанн, принявший в память о деде и следуя традиции АИМА имя Алексея¹⁰⁵. За 9 дней было трудно отправить известие в Константинополь и прибыть оттуда с флотом, тем более, что корабли, по словам Ливадина, совершали многие остановки, а дело было зимой. Иоанн Лазаропул сообщает о готовящемся перевороте изнутри, принадлежа к лагерю его организаторов. Он находился в Константинополе и вел переговоры с Иоанном Канта-

¹⁰² Panaretos. P. 68.20–69.6.

¹⁰³ Libad. P. 63–64, 67–68, 103–104.

¹⁰⁴ Libad. P. 71.17–19.

¹⁰⁵ Panaretos. P. 69.8–12. О значении чередования императорских имен по предсказанию и традиции АИМА см.: Varzos K. La politique dynastique des Comnènes et des Anges, la prédiction АИМА (sang) et l'héritage des Grands Comnènes de Trébizonde et des Anges-Comnènes-Doukas d'Épire face au Lascarides de Nicée // *JÖB*. 1982. Bd. 32/2. S. 355–360; Bryer A. Family Planning in Trebizond: the АИМА of the Grand Komnenoi // *To ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in honour of Sp. Vryonis*. N.Y., 1993. T. 1. P. 85–90; Shukurov R. АИМА: the Blood of the Grand Komnenoi // *BMGS*. 1995. T. 19. P. 161–181.

кузином, считавшим Михаила, как пишет иерарх, недалеким и пустым старцем. В ходе этих переговоров и было решено действовать в пользу Иоанна (Алексея III). “Двигателем священной цели” Лазаропул называет Иоанна Кантакузина, а поручение о подготовке плавания и воцарения было возложено на самого скевофилака, будущего митрополита, Иоанна (Иосифа). Однако за спиной его стояли могущественные трапезундские архонты, οἱ ἐν τέλει¹⁰⁶, и именно они осуществили переворот в Трапезунде за несколько дней до прибытия Иоанна¹⁰⁷. Они несомненно принадлежали к партии “Схоларантов”, как называет их Лазаропул, а во главе их был великий дука Никита Схоларий¹⁰⁸, к чьей роли в событиях гражданской войны мы еще вернемся. Что-то заставляло инсургентов торопиться (возможно, болезнь императора Михаила, парализовавшая его действия, на что указывает Панарет¹⁰⁹): плавание и переворот произошли в декабре, и Лазаропул, как сам он сообщает, очень боялся зимней навигации и бурь, но получив заступничество св. Евгения в ночном видении и сообщив об этом Кантакузину, успокоился и благополучно достиг со всеми участниками дела Трапезунда¹¹⁰. Навигация его галее проходила с остановками в Синопе, Амисе, Керасунте и Триполи, где Алексей был торжественно встречен и провозглашен василевсом¹¹¹. Коронация состоялась в храме св. Евгения (а не в Хрисокефале, как обычно) 21 января 1350 г., в день памяти святого¹¹², углублению чьего общегосударственного почитания так содействовал затем Алексей III. Перевороту Алексея III способствовала консолидация части правящей элиты: непосредственно перед сообщением о нем Панарет повествует о прибытии Никиты Схолария из Кенхрины (где был его форпост) в Трапезунд и о браке его с дочерью Михаила Сампсона¹¹³, архонта, который затем будет играть заметную роль, выполняя важнейшие дипломатические и военные миссии¹¹⁴. Изначально большую роль в правлении Алексея III играла мать, Ирина Трапезундская, чье значение и в перевороте¹¹⁵, и в дальнейших военных походах против противников неизменно отмечает Панарет.

Несмотря на удавшийся переворот и торжество Схолариев, гражданская война и мятежи знати сразу не прекратились. Инициаторами выступлений очередной раз стали Дораниты, в 1340–44 гг. выступавшие заодно со Схолариями и входящие в их “партию”. В июне 1350 г. все они, во главе с великим стратопедархом Феодором Доранитой, по прозвищу Пилела, и его братом протовестиарием Константином (по сути и титулу главой администрации), были арестованы, но также скоро, после 7 июня, отпущены и вновь призваны на императорскую службу¹¹⁶. Однако протовестиарием стал Лев Кавасита, представитель другого знатнейшего рода. Но и его арестовали в январе

¹⁰⁶ HDSE. P. 338. 1667.

¹⁰⁷ HDSE. P. 338.1664–340.1699.

¹⁰⁸ Об этом прямо и недвусмысленно сообщает Ливадин: Libad. P. 71.34–72.3.

¹⁰⁹ Panaretos. P. 69.4–5.

¹¹⁰ HDSE. P. 340.1699–1717.

¹¹¹ Libad. P. 71.28–34.

¹¹² Panaretos. P. 69.13–14.

¹¹³ Panaretos. P. 69.5–6.

¹¹⁴ Panaretos. P. 69.16–18; 69.27–29 (с титулом татас); 71.22–25 (с титулом великого стратопедарха).

¹¹⁵ Panaretos. P. 69.12–13.

¹¹⁶ Panaretos. P. 69.19–24.

1351 г. Титул и должность протовестиария получил ранее подозреваемый (или замешанный) в мятеже Пилела. Примечательно, что сразу за этим сообщением Панарет (во второй раз – уникальный случай!) сообщает об отправке посольства Михаила Сампсона в Константинополь для устройства брака молодого императора¹¹⁷. Очевидно, что василевс не имел прочной опоры, лавировал в ее поисках, был еще нерешителен в преследовании мятежников и стремился укрепить свое положение династическим браком с правящим константинопольским домом, на который ориентировались все Схоларанты.

Пилела, получив власть, захватил акрополь и взял в плен великого дуку Никиту Схолария. Панарет подчеркивает, что Схоларий был пойман “живым” (ἐζωρήθη), т.е. намекает на военный, насильственный характер акции¹¹⁸. Попытка переворота, однако, Доранитам не удалась. Ей помешал народный бунт, освободивший Схолария. Император отправился в Триполи, лежащий близ базы Схолариев – Кенхрины, куда затем был сослан Пилела, его сын и зять, а также неизвестные нам “дети Ксенита”¹¹⁹. Мятеж Доранитов на этом не закончился. На свободе оставался брат Пилелы Константин, кефал (комендант и градоначальник) значительной крепости на западе империи – Лимнии. Трехмесячный поход против него войска во главе с императрицей Ириной, в котором принимал участие и Панарет, не был результативен¹²⁰.

В январе 1352 г. поднялись и архонты провинции: пинкертн Иоанн Чанихита захватил у императора замок Чанихи, но уже в апреле мятеж там был подавлен императором и его матерью¹²¹. В июле того же года в замке Кенхрины были казнены мятежные Дораниты¹²². Чаша весов в гражданской войне стала клониться на сторону императора. Укреплению его власти способствовал брак с Феодорой Кантакузиной, двоюродной племянницей Иоанна VI¹²³ и заключение союза с окрестными тюрками-амитиотами, ранее опасными противниками¹²⁴.

Раскол в ранее едином лагере Схоларантов не помешал самому мощному и опасному мятежу против Алексея III, возглавленному Никитой Схоларием в июне 1354 г. Схоларий бежал в Керасунт и сделал его своим оплотом. Длительные переговоры не дали результатов, и стороны начали военные действия¹²⁵. 25 марта 1355 г. великий дука Схоларий, его сын паракимомен и протовестиарий Василий Хупака (т.е. реальный глава администрации, перешедший на сторону мятежников) прибыли с флотом из 1 галеи (катерги) и 11 малых судов к Трапезунду. Они не решились на штурм города и после долгих переговоров было заключено перемирие и инсургенты вернулись в Керасунт¹²⁶. И до, и после этого события Схоларии пытались усилить свой

¹¹⁷ Panaretos. P. 69.25–29.

¹¹⁸ Panaretos. P. 69.30–31.

¹¹⁹ Panaretos. P. 69.32–70.2.

¹²⁰ Panaretos. P. 70.9–13.

¹²¹ Panaretos. P. 70.14–17.

¹²² Panaretos. P. 70.17–19.

¹²³ Panaretos. P. 70.3–8.

¹²⁴ Panaretos. P. 70.20–22; Шукуров Р.М. Великие Комнины... С. 244–247.

¹²⁵ Panaretos. P. 70.25–27.

¹²⁶ Panaretos. P. 70.28–32.

лагерь архонтами и чиновниками из Трапезунда. Их поддерживал митрополит Керасунта Кирилл, писавший “по воле друзей” влиятельным людям в столице. Именно по его настоянию (разумеется, с одобрения и по инициативе “друга” Ливадина Никиты Схолария) хартофилак Андрей был вызван в лагерь мятежников. Свой отъезд туда он совершил не тайно, но с согласия императора, возможно, с целью продолжения переговоров¹²⁷. Так или иначе, он оказался в лагере мятежников и был с ними, когда в мае 1355 г. император с матерью, женой и трапезундским митрополитом выступил против них во главе флота из двух галей и нескольких малых судов¹²⁸. Прибыв в Керасунт, недавно освобожденный от “варваров”¹²⁹, Ливадин увидел следы недавнего пожара, копоти и опустошения, однако город был неплохо укреплен. Схоларии отказались отпустить Ливадина назад в Трапезунд, хотя он получил от императора письма с приказом вернуться. Его задержка вызвала гнев правителей, а сам Ливадин оказался заложником (или сторонником?) инсургентов¹³⁰.

Никита Схоларий в этот момент был в Кенхрине, а Керасунт оборонял его сын, паракимомен¹³¹. Разгорелась морская битва. И неожиданно для оборонявшихся на помощь к императору пришли конные и пешие наемники-варвары из соседней страны, отождествленные Р.М. Шукуровым с союзными Алексею III амитиотами¹³². Их приход круто изменил соотношение сил и вызвал бунт в городе против Схолариев. Обороняющиеся перешли на акрополь, в резиденцию великого дуки на вершине горы, где было все необходимое¹³³. Войска Алексея III вошли в город. Часть осажденных бежала на корабль, доставивший их в Кенхрину, другие, в том числе и Ливадин, в латах и под обстрелом тюрок должны были идти туда по горам, минуя засады вооруженных “италийцев”, скорее всего, – генуэзцев. Выйдя на берег, Ливадин и его спутники на корабле ночью были доставлены в близлежащую Кенхрину¹³⁴. Керасунт был сдан, и паракимомен вместе со всеми сторонниками Схолариев оказался в Кенхрине¹³⁵. Кенхрина, расположенная на высоком обрывистом холме, была хорошо укреплена и, как писал Ливадин, издавна поддерживала дружественные связи с окрестными варварами¹³⁶. На этот раз связи не помогли. Амитиоты были на стороне императора. Прибыв после

¹²⁷ Libad. P. 73.8–22.

¹²⁸ Panaretos. P. 71.1–3.

¹²⁹ Известно, что Керасунт был взят, опустошен и сожжен генуэзцами в 1348 г. – Panaretos. P. 68.12–13. Однако Ливадин указывает на его освобождение от “варваров”, используя термин которым он чаще характеризует понтийских тюрок (ср.: Шукуров Р.М. Великие Комнины... С. 245), что позволяет предположить, что в середине XIV в. на какое-то время Керасунт был захвачен ими.

¹³⁰ Libad. P. 73.29–74.19.

¹³¹ Panaretos. P. 71.3–5.

¹³² Libad. P. 74.19–30. Шукуров Р.М. Великие Комнины... С. 244–245. Гипотеза Шукурова о союзе Схолариев с амитиотами в 40-е – начале 50-х годов XIV в. стоит на зыбком основании хронологических совпадений действий императорской власти против Схолариев и против амитиотов (Там же. С. 238–247), но союз с амитиотами Алексея III после 1352 и особенно их участие в походе 1355 г. против мятежного Керасунта – очевидны.

¹³³ Libad. P. 74.31–75.13.

¹³⁴ Libad. P. 79.30–81.28.

¹³⁵ Panaretos. P. 71.5–8.

¹³⁶ Libad. P. 81.30–82.4.

взятия Керасунта в Триполи, император отправил флот и войско на осаду Кенхрины. В произошедшем сражении победа также была на стороне императора. Но из текстов Панарета и Ливадина не следует, что Кенхрина была взята. Напротив, туда прибыл (видимо, с подкреплениями) из Лимний протопрестариарий Хупака¹³⁷. Между сторонами вновь завязались длительные переговоры и происходили обмены послами с участием италийцев, пока дело не закончилось письменным соглашением о мире и возвращением победителей и перешедших на их сторону в Триполи и затем в Трапезунд¹³⁸. Но конфликт не был исчерпан: попытку вернуться к власти сделал престарелый и уже постриженный в монахи Михаил Комнин. Однако не найдя поддержки, он вернулся в Константинополь¹³⁹. В октябре 1355 г. великий доместик Григорий Мицомата и великий стратопедарх Михаил Сампсон арестовали Схолария и его сторонников в Кенхрине, после чего, как пишет Панарет, установился мирный порядок¹⁴⁰, и гражданская война завершилась трудной победой императорской власти. Попытки другого династического переворота, предпринятого в 1362 г. экс-императором Иоанном III, бежавшим из Адрианополя и прибывшим в Синоп, также закончилась провалом, хотя и обеспокоила Алексея III. Претендент скончался в Синопе, видимо, став жертвой эпидемии чумы, а его сын, вырвавшись из темницы, в которую был заключен, бежал в Каффу, под защиту генуэзцев, а затем в Перу¹⁴¹. Поддержка генуэзцами очередного претендента успеха не имела.

На всем протяжении гражданской войны основным инициатором династических переворотов выступал великий дука Никита Схоларий, глава “партии” Схоларантов. К нему присоединялись или против него выступали другие группировки архонтов. Именно он добился возведения на престол Алексея III в 1349 г., и именно он стал лидером мятежа в 1354–1355 гг. После поражения и ареста в Кенхрине он не был заключен в темницу или казнен и даже не был лишен титула великого дуки. Напротив, единственные похороны представителя знати, которые отмечены Панаретом, это погребение летом 1361 г. Никиты Схолария. Хронист сообщает, что император был очень опечален, шел во главе процессии, воздавая Схоларию почести, какие подобают государям¹⁴². Все это указывает и на влияние клана Схолариев, и, возможно, на благодарную память Алексея III, не забывшего его роль в перевороте 1349 г. Стоя много лет у кормила власти или добиваясь ее, Схоларии, видимо, были затем потеснены группировкой, консолидировавшейся вокруг Алексея III и императрицы-матери Ирины, игравшей большую роль и в управлении, и даже в военных кампаниях. После смерти Никиты Схолария не оставили попыток вновь затеять смуту и свергнуть Алексея III, достаточно эффективно проводившего политику централизации. В 1362 г., как отмечает Панарет, “немного не доставало, чтобы некоторые не устроили бунт против императора”¹⁴³. В октябре 1363 г. великий логофет Георгий Схоларий вместе с Каваситами (видными архонтами про-

¹³⁷ Panaretos. P. 71.8–15; Libad. P. 82.8–83.25.

¹³⁸ Libad. P. 83.25–84.22.

¹³⁹ Panaretos. P. 71.20–21.

¹⁴⁰ Panaretos. P. 71.22–25.

¹⁴¹ Panaretos. P. 74.12–23.

¹⁴² Panaretos. P. 73.20–23.

¹⁴³ Panaretos. P. 74.21.

винции) напали на императора и преследовали его от источника св. Григория до башни акрополя. Каваситы были затем схвачены, а великий логофет со своими сторонниками бежал в Керасунт, а затем в Амис¹⁴⁴. В Амисе (Симиссо) находилась крупная генуэзская фактория. Вновь итальянский след? Видимо, да, потому что и возвращению великого логофета в декабре 1363 г. содействовал генуэзский нобиль Джанотто Спинола¹⁴⁵. Следствие обнаружало причастность к заговору и Трапезундского митрополита Нифонта, который был заключен в монастырь Сумелы и умер там 19 марта 1364 г. от плеврита¹⁴⁶.

Анализируя события гражданской войны в Трапезундской империи, нельзя не отметить, что почти все мятежники носили высокие придворные титулы и участвовали в управлении. Четкого разделения собственно столичной (служилой) и провинциальной (“сепаратистской”) знати не было. В годы гражданской войны (1340–1355) явно просматривается стремление клана Схолариев контролировать высшую власть, оттеснив другие группировки. Их опорой были Кенхрина и Керасунт, Лимния – города-крепости на западе империи, где они укрепились не столько потому, что создавали собственные апанажи, сколько потому, что получали командные и административные должности. Не случайно, что огромную роль в организации переворотов играли носители титула великих дук. Общей тенденцией борьбы за власть было усиление ориентации соперников на Византию. В Константинополе зрели планы переворотов, там принимали и поддерживали оппозиционных трапезундских архонтов, туда, под контроль ромеев, ссылали низложенных государей или претендентов на трон. При этом Палеологи поддерживали одну династическую ветвь, Кантакузины – другую. Удобным компромиссом для тех и других было возведение на трапезундский трон и поддержка Алексея III, породненного с обеими византийскими династиями. Участие в смуте лазов, итальянцев, тюрок носило маргинальный характер, хотя эти силы активно использовались противоборствующими группировками и имели собственные устремления. Участие дима в смуте было активным. Народ забрасывал камнями неугодного василевса в 1336 г., изгнал Михаила в 1341 г., бунтовал и грабил мятежных архонтов в 1342 г., освободил Схолария в 1351 г., был готов к возмущению в 1362 г. Хотя борющиеся группировки старались использовать народное недовольство в своих целях, дим порой действовал решительно и самостоятельно, отстаивая собственные интересы.

Итак, феодального распада империи не произошло. После смуты императорский домен укрепился. Семейства крупных архонтов сохранились, как и часть их владений, но они были все более связаны с императорским двором и службой. Архонты по-прежнему представляли столь значительную политическую силу, что венецианский Сенат рассматривал возможность в годы войны в 1376 г. заменить василевса венецианским ректором с согласия местных “баронов”¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Panaretos. P. 75.8–15.

¹⁴⁵ Panaretos. P. 75.17–19.

¹⁴⁶ Panaretos. P. 75.15–17; 75.20–22.

¹⁴⁷ См.: Карпов С.П. Венецианско-трапезундский конфликт 1374–1376 гг. и неизвестный мирный договор 1376 г. // ВВ. 1978. Т. 39. С. 102–109; Он же. Итальянские “бароны” трапезундских императоров // ВВ. 1996. Т. 56. С. 144–155.

Как кажется, клан Схолариев вышел ослабленным из смут середины XIV в. В XV столетии не меньшую роль стали играть Каваситы. Именно Каваситам принадлежали замки, охранявшие один из главных путей с юга к Трапезунду – Зиганский проход, а также пограничные крепости. За право проезда, а также за охрану путешествующих и купцов они брали немалые деньги или вымогали “подарки”, невзирая даже на высокий статус послов к самому Тимуру. Эскорт, данный трапезундским императором, не отваживался сопровождать послов далее Палеомацуки, “боясь врагов императора”¹⁴⁸. Далее Палеомацуки лежали замки Каваситов, для которых, подданных императора и носителей придворных титулов, власть василевса была уже номинальной. Во всяком случае, в том, что касалось их владений. Оправданием своих поборов Лев Кавасита считал то, что он содержит воинов, чтобы сражаться с турками, оберегает от них проход и живет только тем, что дают приезжие или что он отнимает у врагов¹⁴⁹. Полным подтверждением слов Клавихо служит одно из решений венецианского Сената, в котором говорится о захвате в 1400 г. неким владельцем замка мешка шелка у венецианского купца, когда император ничего не смог сделать (*nihil poterit super hoc facere*)¹⁵⁰.

Начало новым конфликтам, в которые оказались втянуты архонты, в конце XIV – начале XV в. положили опять-таки династические ссоры. Мануил III (1390–1417) приблизил к себе незнатного придворного, отличавшегося красотой, дав ему большие полномочия, титул протовестиария и пренебрегая “грандами”. Это породило его конфликт с сыном и соимператором¹⁵¹, будущим Алексеем IV (1417–1429), поддержанным архонтами (*magores omes*). Дело дошло до того, что Алексей начал военные действия и осаждал отца в столице, как писал посетивший Трапезунд Клавихо, целых три месяца. В конечном счете стороны пришли к компромиссу, и молодой император помирился с фаворитом при посредничестве горчи, однако и позднее император терпел много бесчестия¹⁵². Текст Клавихо дает основания полагать, что замирение не было прочным. Другой испанский путешественник, посетивший Трапезунд в 1438 г., Перо Тафур отмечал, что Алексей IV, будучи царевичем, желая отстранить от престола старшего брата, сблизился с Великим Турком (османским султаном) и просил у него помощи. Затем он убил отца и воцарился¹⁵³. Другими источниками эти сведения не подтверждаются. Панарет сообщает, правда, о рождении у Мануила III сына Василия в 1382 г.¹⁵⁴, но о его судьбе ничего не известно. Ко времени воцарения Алексея IV ему бы шел 35 год, в то время, как самому Алексею, о котором Клавихо в 1403 г. писал, что ему около 25 лет¹⁵⁵, было бы около 39. Следова-

¹⁴⁸ Клавихо Рюи Гонсалес, де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 гг. / Изд. И.И. Срезневский // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 123–129.

¹⁴⁹ Клавихо. С. 126–127.

¹⁵⁰ Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti. (Далее: ASV, SM). XLV. F. 65r – 22/III 1401.

¹⁵¹ По мнению Н. Икономидиса, он был соправителем отца с 1396 г.: Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidès. P., 1968. Σ. 99.

¹⁵² Клавихо. С. 117–118.

¹⁵³ Pero Tafur. Andanças é viajes. Madrid, 1874. P. 158. Pero Tafur. Travels and Adventures. 1435–1439 / Transl. and ed. by Malcolm Letts. L., 1926. P. 130.

¹⁵⁴ Panaretos. P. 80.1–6.

¹⁵⁵ Клавихо. С. 116.

тельно, Василий не был старшим братом Алексея¹⁵⁶. Кроме того, продолжатель Панарета ничего не пишет об убийстве Мануила, констатируя лишь, что он преставился 5 марта 1417 г. и был похоронен в Феоскепасте, процарствовав 27 лет¹⁵⁷. Во всяком случае, слухи о раздоре между Мануилом III и его сыном Алексеем дошли не только до Клавихо, но и намного позже до Перо Тафура.

Династические конфликты продолжились и в царствование Алексея IV. Между его двумя сыновьями, Александром (Скантарием) и Иоанном, возникла распря. Перо Тафур сообщает, что младший из них, Иоанн IV убил отца и воцарился, изгнав старшего, который жил в Константинополе при дворе своей сестры, императрицы Византии¹⁵⁸. Трапезундский источник, использованный в сочинении Халкокондила, приводит более подробную версию событий. Он рассказывает, что у Иоанн возникло подозрение, что его мать Феодора Кантакузина сблизилась с протовестиарием. Он убил вельможу, а обоих родителей запер в спальне, желая убить, однако этому помешали архонты, отославшие его в ивирские земли. Соимператором был провозглашен ВТОРОЙ (источник поправляет Перо Тафура) сын Алексея Скантарий. Иоанн, удалившийся в изгнание, женился на дочери имеретинского царя Александра I и с ней вместе (видимо, получив какую-то денежную помощь от тестя) отправился в Каффу. Правительство Генуи и администрация Каффы, к которым за содействием в организации переворота обращался Иоанн, проявляли сдержанность в ответ на его просьбы. Вероятно, эти переговоры начались до осени 1427 г.¹⁵⁹ На помощь пришла частная инициатива лигурийцев: Иоанн прибыл в Трапезунд на корабле Доменико д'Аллегро¹⁶⁰. Высадившись у монастыря св. Фоки (в Кордилах/Акчакале, немного западнее Трапезунда) и разбив там лагерь, Иоанн склонил к измене архонтов Каваситов, которые в полуночный час убили императора Алексея в шатре, в его лагере в предместье Ахантос. Переворот произошел 26 апреля 1429 г., как свидетельствует опубликованная и интерпретированная Э. Брайером поминальная запись в Бодлеянской греческой рукописи Gr. Lit. d. 6 из монастыря Перистерииоты¹⁶¹. Запись, которую пытались затем выскрести, упоминает с осуждением “безбожных архонтов Каваситов и Схолариев”, вскоре реабилитированных новым василевсом, как справедливо указывает Брайер, сопоставивший с этим и пропуск в 10 строк в соответствующем месте Хроники Панарета.

Трапезундский источник Халкокондила пытается обелить Иоанна, отмечая, что он не желал смерти отца, но только хотел взять его в плен живым и велел доставить к себе. Желая оправдаться в царубийстве и отцеубийстве, Иоанн ослепил одного из исполнителей и приказал отрубить руки друго-

¹⁵⁶ Может быть, Василий (рождение которого Панарет отмечает наравне с рождением наследников, но ни он, ни его продолжатель не говорят о его смерти) принял затем имя Алексея, следуя традиции АИМА, и тогда он и Алексей IV – одно лицо? См. также: *Kurşanskis M. Relations matrimoniales entre Grands Cômnenes de Trébizonde et princes géorgiens // Bedi Kartlisa. 1976. T. XXXIV. P. 119. Not. 53.*

¹⁵⁷ Panaretos. P. 81.4–6 и примеч. 2; *Oikonomides N. At χρονολογία... Σ. 83.*

¹⁵⁸ *Pero Tafur. Andanças é viajes. P. 158–159.*

¹⁵⁹ *Laurent V. L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (+ 1429). Date et circonstances // AP. 1955. T. 20. P. 141.*

¹⁶⁰ *Laonici Chalcoandylae Historiarum demonstrationes / Ed. E. Darkó. Budapestini, 1927. (Далее: Chalc.). II. P. 219.12–220.6.*

¹⁶¹ *Bryer A. “The Faithless Kabazitai and Scholarioi”.*

му, а тело Алексея похоронил сначала в монастыре Феоскепаст, а затем в 1432 г. торжественно перенес его прах в митрополию – Хрисокефал, построив для этого специальную усыпальницу, украсил колокольню Св. Софии фреской с портретами Алексея IV и Иоанна IV¹⁶². После смерти отца Иоанн даже издавал хрисовулы от его и от своего имени¹⁶³. Клеймо отцеубийства тем не менее преследовало Иоанна всю жизнь, и многие источники (в том числе официальные, генуэзские и венецианские) отмечают этот факт¹⁶⁴. Взяв власть, Иоанн IV изгнал Скантария в Константинополь, где тот жил при дворе своей сестры Марии, императрицы Византии, а позднее вступил в брак с дочерью Дорино I Гаттилузи, правителя Митилены. Теперь Иоанну предстояло опасаться за свой трон, на который Скантарий мог посягать с помощью тех же генуэзцев¹⁶⁵.

Итак, мы вновь видим ведущие семьи архонтов участниками внутривластной борьбы. Причем Каваситы, носители высоких придворных титулов и возглавлявшие охрану свергнутого василевса, а также крупные владельцы земель и замков на границах империи, в Месохалдии и в других ее областях¹⁶⁶, выходят на первый план, действуя в союзе с кланом чисто столичной придворной знати – Схолариями. Вновь в конфликте участвуют и иностранцы – генуэзцы, а главный помощник Иоанна получает высокий титул протостратора, с которым связана должность командующего императорским флотом. Еще один латинский “барон” пополнил ряды трапезундской знати¹⁶⁷.

Весной 1460 г. Иоанн IV умирает¹⁶⁸. По всей вероятности, его наследником был малолетний сын¹⁶⁹, однако престол переходит к брату Иоанна

¹⁶² Chalc. II, P. 220.7–24; *Успенский Ф.И.* Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунте // ВВ. 1923. Т. XXIII. С. 1–14; *Bryer A.* “The faithless Kabazitai and Scholarioi”... P. 324–327; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Т. 1. Washington, 1985. P. 124–237. В 1916–17 г. гробница Алексея IV была раскопана русской археологической экспедицией Ф.И. Успенского. В 1923 г. останки Алексея IV были перевезены в Грецию и хранились в Византийском музее в Афинах. В 1980 г. они торжественно перенесены и захоронены в Новой Сумеле при Кастании, в Верии.

¹⁶³ *Laurent V.* Deux Chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II // АП. 1953. Т. 18. P. 241–278.

¹⁶⁴ Кроме Перо Тафура и Халкокондила, например: Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, 1780, Litterarum, 4. F. 144r – 19/III 1434; ASV, SM. LVII. F. 163r (*Laurent V.* L’assassinat... P. 139) – 28/X 1429.

¹⁶⁵ *Pero Tafur.* Andanças e viajes. P. 159.

¹⁶⁶ См., например: *Beldiceanu N.* Les Qavāzid / Kabazitès à la lumière d’un registre ottoman de Trébizonde // Studia Turcologica memoriae Alexii Bombaci dedicata. Napoli, 1982. P. 41–54.

¹⁶⁷ См.: *Карпов С.П.* Итальянские “бароны” трапезундских императоров // ВВ. 1996. Т. 56. С. 144–155; *Karpov S.P.* Una famiglia nobile del mondo coloniale Genovese: i Di Negro, mercanti e “baroni” dei Grandi Comneni di Trebisonda // Oriente e Occidente tra Medioevo ed età moderna. Studi in onore di Geo Pistarino / A cura di L. Balletto. Т. 2. Acqui Terme, 1997. P. 587–604.

¹⁶⁸ *Ganchou Th.* La date de la mort du basileus Jean IV Komnēnos de Trébizonde // BZ. 2000. Bd. 93/1. S. 114–124.

¹⁶⁹ Реконструкция генеалогии потомства Иоанна IV и Скантария у М. Куршанскиса не вполне достоверна (*Kuršanskis M.* La descendance d’Alexis IV empereur de Trébizonde (Contribution à la prosopographie des Grands Comnènes) // REB. 1979. Т. 37. P. 240–244). Он считал, что упомянутый у Халкокондила сын прежнего (предшественника Давида) императора – не сын Иоанна IV, а его племянник – сын Скантария. Халкокондил (но не его трапезундский источник!) именуется Скантария императором (кстати, под именем Алексея, что уже изобличает его в неточности) лишь однажды, когда говорит о захвате сестры правителя Митилены Мехмедом II в Колхиде (*Chalc.* II. P. 274.16–18). Сведения о лишении Давида престолонасле-

Давиду, уже давно бывшему его соправителем и носившему титул деспота. Только источник Халкокондила приводит ясную информацию по этому вопросу: после смерти императора Иоанна, у которого был единственный потомок, Давид, заручившись поддержкой архонтов Месохалдских Каваситов, захватил императорскую власть и воцарился, причинив несправедливость своему четырехлетнему племяннику¹⁷⁰. После турецкого завоевания Трапезунда в 1461 г. все семейство Великих Комнинов было депортировано из Трапезунда в Константинополь и в 1463 г. казнено. В приписке об этом событии в греческой рукописи Лондонского медицинского общества, 52 вновь говорится о зловещей роли Каваситов, принявших ислам и побуждавших к этому членов династии. Писец называет Каваситов ἄθλοи (подлыми, ничтожными)¹⁷¹, что корреспондирует с другой припиской – о перевороте Иоанна IV. Из этого можно заключить, что отношение общества к архонтам, участвовавшим в смутах, было резко негативным.

Подводя некое резюме политическому развитию Трапезундской империи, причинам ее подъема и падения, Критовул отмечал, что пока императоры жили в мире, она властвовала над многими племенами и городами вокруг. Наибольший ущерб она стала терпеть после того, как начались внутренние распри, императоры боролись друг с другом, а население восставало из-за постоянных мятежей, было сильно разорено и разграблено¹⁷². Современник справедливо отметил пагубную роль возмущений знати и раздоров внутри самой династии Великих Комнинов, нередко иницилирующих выступления архонтов. Именно это обстоятельство, как кажется, было недостаточным оценено и замечено историографией.

Правящая династия, как и многие семейства на Понте, имела клановую структуру. Именно соперничество за власть между членами императорского дома вовлекало в борьбу и местных архонтов, и служилое чиновничество, и городской дим. Первоначально действия знати были несамостоятельны, ограничивались поддержкой того или иного претендента на трон, были связаны с внешними силами и нередко зависимы от них. В моменты угрозы государству и их интересам архонты проявляли большую степень солидарности, объединяясь против монарха, чью политику считали опасной. Так,

дия с передачей его Скантарю не подтверждены источниками. На переговорах Амируци в Генуе в 1449 и в последующей переписке геновской администрации имя Скантария уже не возникает. Не исключено, что Мария Гаттилузи могла с мужем искать убежища в Трапезунде (хотя пребывание там Скантария не отмечено в других источниках), но ничто не указывает на возможность отождествления ее малолетнего сына, взятого в гарем султана, с Алексеем, сыном Иоанна IV. Халкокондил писал о “ребенке прежнего императора”, которого султан держал при себе, и о ребенке Скантария и Марии Гаттилузи, обращенного в ислам, в разных местах и в разном контексте (ср. *Chalc.* II. P. 249.1–3 и 274.16–275.2). Кроме того, он прямо говорит о сыне императора и о его племяннике Алексее как о двух разных людях (*Chalc.* II, P. 49.8–9). Далее, трапезундский источник Халкокондила прямо свидетельствует о том, что у императора Иоанна остался единственный потомок (*Chalc.* II. P. 246.20–21). Оснований отрицать существование малолетнего сына Иоанна IV, таким образом, нет, хотя достоверная информация о том, что он носил преном Алексей мне также неизвестна. Й. Хаммер, например, назвал его Димитрием, опираясь на неизвестные мне источники: *Hammer J. de. Histoire de l'Empire ottoman. Paris, 1836. Vol. 3. P., 1836. P. 81.*

¹⁷⁰ *Chalc.* II. P. 246.19–24.

¹⁷¹ *Powell J.E. Die letzten Tage der Grosskomnenen // BZ. 1937. Bd. 37. S. 359–360; Gamillscheg E. Der Kopist des Par. gr. 428 und das Ende der Großkomnenen // JÖB. 1986. Bd. 36. S. 298.*

¹⁷² *Critobuli Imbriotae Historia / Rec. D.R. Reinsch. B.; N.Y., 1983. P. 152.17–153.4.*

например, поступили они в отношении императора Георгия в 1280 г. Напротив, разные семейства архонтов быстро консолидировались вокруг целеустремленного и сильного вождя, какими были Мануил I или Алексей II, несмотря на то что оба этих государя сталкивались с сильным давлением и противодействием извне, в том числе со стороны наиболее близкой им Византии.

Длительные династические смуты резко усиливали самостоятельность, а постепенно и автономность знати. Ее предводители стали уже ставить собственные цели, требуя от государей письменных договоров с ними или попросту устанавливая собственное правление на какой-то срок, как это делали они в 1345–1349 гг. Знать могла вовлекать дим в свои действия, подстрекать его к выступлениям против своих врагов. Однако несмотря на то что городской дим не имел самоуправления, устойчивых корпораций, иных форм самоорганизации (не считая церковных приходов и кварталов), он, подчас стихийно, поднимался на защиту своих интересов или просто использовал благоприятную ситуацию для того, чтобы пограбить имущество династов. О крестьянских движениях в Трапезундской империи нам неизвестно. Формы социального протеста принимали иные, более локальные формы, к тому же постоянная обстановка варварских нашествий, полона, нестабильности, необходимости выкупа родственников из неволи, полиэтничность населения способствовали тому, что крестьяне искали защиты у “сильных людей”, вождей семейных кланов местной знати, монастырей, а также долго сохраняли традиционные формы общинной организации.

Препятствием к изучению конкретных форм социальной борьбы является и состояние источников. Хроника Панарета – зачастую единственный источник. Но он отражает официальную версию, главным образом кругов, близких к Алексею III. В нем много недосказанного, умолчаний и намеков, не всегда нам понятных. Нам неизвестно, например, кто такой Пападопуло? Что это за мятеж великого дуки евнуха Иоанна, повлекший убийство бывшего императора Мануила II в 1332 г.? Не менее скрытен и Ливадин, свидетель многих мятежей и переворотов. Обстановка страха заставляла авторов и писцов пропускать или удалять неугодную архонтам или василевсам информацию. Все это существенно затрудняет исследование, делает многие выводы гипотетичными.

Несомненным, однако, было то, что семейные кланы были устойчивее и влиятельнее в Трапезундской империи, чем в Византии. Недаром мегистаны так часто фигурируют в предсказаниях трапезундского Гороскопа 1336 г. Вместе с тем число их было ограничено, и почти все они имели придворные титулы, т.е. были связаны с государственной службой, вне зависимости, где находились их основные владения: в столице или в провинции. Поэтому деление на столичную и провинциальную знать для Трапезундской империи более чем условно, равно как и попытки выделить четко идентифицируемые “партии”. Они менялись в зависимости от конкретных обстоятельств и семейных альянсов. Можно лишь с уверенностью сказать, что в числе лидирующих и наиболее активных в борьбе за власть семейств были Схоларии, Каваситы, Дораниты, Чанихиты, Мицоматы, Камахины. Их роль в избрании императоров была значительна. И все же после победы императорской власти в гражданской войне 1340–1355 гг. позиции центральной власти существенно усилились. Автономные апанажи знати существовали в Трапезундской империи лишь на ее дальних границах.

НОВЕЛЛА III ЮСТИНИАНА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВ ЦЕРКВИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ НА ЕЕ ИМУЩЕСТВО В НАЧАЛЕ VI в. н.э.

Новелла III императора Юстиниана I была издана в 535 году. В этой конституции устанавливаются нормы, регулирующие функционирование церковной организации Константинополя первой половины VI в. н.э. Основное содержание устанавливаемой императором Юстинианом нормы заключается в ограничении числа клириков, служащих в Константинопольских церквях¹. Во вводной части конституции императора приводится аргументация в пользу установления новой нормы. Император указывает, что ктиторы-создатели отдельных церквей Константинополя не только пожертвовали определенные суммы на строительство церковных сооружений, но и передали новосоздаваемым церквям определенные земли или иное имущество, доход от которых должен был быть направлен на содержание служащих в церкви клириков². Ктиторы-основатели церквей определили соответственно и число клириков, которые должны служить в новоучреждаемых церквях³. Однако с течением времени епископы рукоположили во священники этих церквей большее число лиц, чем было определено ктиторами⁴. В результате на содержание этого увеличившегося штата церковнослужителей стало требоваться большее количество средств, и дохода, выделенного на содержание этого штата при создании церкви, уже не хватало. Церковные земли передавались в качестве реального обеспечения долгового обязательства, обременялись ипотекой, для того, чтобы содержать разросшийся штат церковнослужителей⁵; а сами церкви постепенно приходили в бедственное положение⁶. Для устранения подобных злоупотреблений Юстиниан ограничивает число клириков Кон-

¹ Ср. *Barone-Adesi G.* Il sistema giustiniano delle proprietà ecclesiastiche // *La proprietà e le proprietà.* Milano, 1988. P. 99–100.

² Nov. III Just. Прооим. "...ἕκαστος τῶν τὰς ἀγιωτάτας ἐκκλησίας ἰκοδομησάντων ἐπὶ τῆς εὐδαίμονος ταύτης πόλεως οὐκ οἰκοδομίας ἐφρόντισε μόνης, ἀλλὰ καὶ τοῦ χορηγίαν αὐτάρκη δοῦναι τοῖς παρ' αὐτοῦ γενομένοις εὐαγείων οἴκοις..."

³ Nov. III Just. Прооим. "...ὄρισαι, πόσους μὲν προσῆκόν ἐστι πρεσβυτέρους καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν, πόσους δὲ διακόνους, ἄρρενάς τε καὶ θηλείας, πόσους τε ὑποδιακόνους..."

⁴ Nov. III Just. Прооим. "ὥς δὲ οἱ θεοφιλέστατοι ἐπίσκοποι ταῖς δυσωπήσεσι τιῶν αἰεὶ προσέχοντες ἐξεχέθησαν πρὸς τὸ τῶν χειροτονουμένων πλῆθος..."

⁵ Nov. III Just. Прооим. "...καὶ οὐκ ἄλλως ἰσχύουσιν ἑκάστην ποιεῖσθαι διάδοσιν τοῖς εὐλαβεστάτοις κληρικοῖς, πρὶν ἂν χρυσίον οὐ μέτριον δανείσαιο, ποιουμένην τοῦτο μὲν υποθήκας, τοῦτο δὲ ἐνεχῶρων δόσεις ἐπὶ τοῖς καλλίστοις αὐτῆς χωρίοις τε καὶ προαστείοις".

⁶ Nov. III Just. Прооим. "εἰς ἀπορίαν κατέλθειν παντελῆ". Чрезмерное количество клириков приводит церковь в бедственное положение: Nov. III Just. Прооим. "Ἐπειδὴ γὰρ οὐδὲν σχεδὸν τῶν ἐν ἀμετρία καλόν, προσῆκον ἂν εἶη μὴδὲ τὰς χειροτονίας τὰς ἐν τοῖς εὐλαβεστάτοις κληρικοῖς ἢ ταῖς εὐλαβεστάταις διακόνους γίνεσθαι τοσαύτας, ὥς ταῖς ἐκείνων ἀποτροφαῖς τὴν ἀγιωτάτην ἐκκλησίαν εἰς δανεισμάτων ἐμπλίπτειν χρεῖαν μεγάλων καὶ κατὰ μικρὸν εἰς τὴν ἐσχάτην ἀπορίαν καταφέρεσθαι".

стантинопольских церквей в соответствии с первоначальным замыслом учредителей⁷.

В дальнейшем Юстиниан запрещает совершать рукоположения в “великой церкви”⁸ Константинополя до тех пор, пока число клириков не придет в соответствие с тем, которое установлено в его конституции⁹. В тех же церквях, которые существуют на средства “великой церкви” Константинополя¹⁰, число клириков не должно превышать установленного первоначально ктиторами¹¹. В случае нарушения этого запрета епископ, совершивший рукоположение, и управляющий церковным имуществом, предоставивший содержание рукоположенному, должны будут нести расходы на содержание последнего из собственных средств¹².

Чем вызваны подобные злоупотребления, потребовавшие вмешательства императора? Имеют ли они случайный или институциональный характер?

Прежде всего необходимо установить источник злоупотреблений. В Новелле Юстиниана указывается, что бедственное положение церкви обусловлено произвольным характером рукоположений, совершаемых епископами. Церковь оказывается не в состоянии предоставить достаточное содержание новопоставленным священникам и иным церковнослужителям, прибегая в результате к займам под залог своего имущества, в основном земельного. Как указывается в Новелле, обязанность предоставлять содержание церковнослужителям возложена на управляющего церковными имуществами – эконома¹³. Таким образом, ответственность за злоупотребления лежит на епископе и экономе Константинополя.

С другой стороны, почему император Юстиниан квалифицирует действия епископа, рукополагающего во священники большее число лиц, чем установлено ктиторами церкви при ее основании, как злоупотребление, и устанавливает определенные санкции за нарушение запрета рукополагать больше определенного числа церковнослужителей? Почему действия церковных иерархов потребовали вмешательства императора?

⁷ Он не сокращает число служащих клириков, но запрещает дальнейшие рукоположения до тех пор, пока число служащих не придет в соответствие с древними установлениями: Nov. III Just. I. “Θεσπίξομεν τοίνυν τοὺς μὲν ἄχρι νῦν ὄντας κατὰ τὴν αὐτὴν ἀγιωτάτην μεγάλην ἐκκλησίαν καὶ τοὺς λοιποὺς ἅπαντας εὐαγεῖς οἴκους, καὶ τοὺς εὐλαβεστάτους κληρικοὺς καὶ γυναῖκας διακόνους... μένειν ἐφ’ οὐπὲρ εἰσι σχήματος. Οὐ γὰρ τὰ ὄν ἐλαττοῦμεν, πρόνοιαν δὲ τοῦ μέλλοντος ποιούμενοι, ταῦτα νομοθετοῦμεν. Τοῦ δὲ ἐξῆς χρόνου μηδεμίαν γινέσθω χειροτονία, μέχρις ἂν εἰς τὸν ἐξ ἀρχῆς ἀριθμὸν τὸν ἐνοστάτα παρὰ τῶν τὰς ἀγιωτάτας ἐκκλησίας οἰκοδομησαμένων ἢ τῶν εὐλαβεστάτων κληρικῶν περιστάτῃ ποσότης”. Однако, указывает Юстиниан, в связи с тем, что в Константинополе были выстроены новые церкви, штат клириков необходимо увеличить, ограничив его, впрочем, определенным числом. Император устанавливает необходимое с его точки зрения число служащих в Константинопольских церквях и вновь повторяет запрет проводить в дальнейшем рукоположения до тех пор, пока число клириков не придет в соответствие с этим числом (Nov. III Just. I. 1).

⁸ То есть Софийской церкви: *Суворов Н.С.* Вопрос о номоканоне Иоанна Постника в новой постановке. Ярославль, 1898. С. 73.

⁹ Nov. III. Just. I. 1.

¹⁰ В Константинополе в данный период существует несколько категорий церквей: “великая церковь”, число клириков которой определяет Юстиниан в своей конституции; ктиторские церкви, существующие на средства “великой церкви”, и частные церкви.

¹¹ Nov. III. Just. II. 1.

¹² Nov. III. Just. II. 1.

¹³ Nov. III. Just. II. 1.

По всей видимости, причину подобных явлений следует усматривать в особой природе церкви Константинополя начала VI в. как юридического лица, а точнее, в тех изменениях, которые претерпевает последнее понятие в рассматриваемый период¹⁴.

Как известно, в римском классическом праве идея юридического лица не получила достаточного развития¹⁵. В постклассическом римском праве концепция юридического лица приобрела более отчетливое выражение, однако за некоторыми исключениями¹⁶, и в этот период понятие “юридическое лицо” также характеризуется неразвитостью¹⁷. В частности, даже в римском постклассическом праве существует в основном только одна категория юридического лица – корпорация¹⁸, и только институционализация церкви обусловила появление второй формы юридического лица – учреждения¹⁹.

Несколько слов следует сказать об основных критериях различения двух категорий юридических лиц. Корпорацию определяют как союз лиц, существующий и действующий в интересах этих лиц, “непосредственно связанных между собой и корпорацией членскими правами и обязанностями”²⁰; тогда как учреждение представляет собой “общественное образование, действующее в интересах пользователей (дестинаторов), не связанных непосредственно между собой и учреждением в качестве его членов”²¹. Далее,

¹⁴ О юридических аспектах имущественных прав церковных организаций в постклассическом и юстиниановом праве, а также о развитии концепции церковной организации в целом в указанный период см.: *Ельшиевич Б.Б.* Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. СПб., 1910. С. 440–444; *Knecht A.* System des Justinianischen Kirchenvermögensrechtes. Stuttgart, 1905; *Saleilles R.* De la personnalité juridique. Histoires et théories. P., 1910; *Feenstra R.* Les concepts de fondation du droit romain classique jusqu'à nos jours // RIDA. 1956. 11. P. 245–263; *Orestano R.* Il problema delle persone giuridiche in diritto romano. Torino, 1964. P. 400; *De Robertis F.M.* Personificazione giuridica e ardimenti costruttivi nella compilazione giustiniana // Studi Passarelli. Napoli, 1972. 6. P. 277–300; *Barone-Adesi G.* Dal dibattito cristiano sulla destinazione dei beni economici alla configurazione in termini di persona delle venerabiles domus destinate piis causis // AARC. 1993. IX.

¹⁵ *Братусь С.* Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 40; Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 1948. С. 115, 118–119; *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1998 (изд. 1917). С. 307–315; *Philipsborn A.* Der Begriff der Juristischen Person im römischen Recht // ZSS RA. 1954. 71. S. 41–70; *Orestano R.* Il problema delle fondazioni in diritto Romano. Pt. 1. Torino, 1959. P. 5–6, 9–11, 173. Ср. *Buckland W.W.* A Manual of Roman Private Law. 2nd ed. Cambridge, 1953. P. 34–36; *Nicholas B.* An introduction to Roman Law. Oxford, 1962. P. 60–61.

¹⁶ *Kaser M.* Das römische Privatrecht. II. Die nachklassischen Entwicklungen. München, 1959. S. 103.

¹⁷ См. подробную библиографию в статье: *Feenstra R.* L'histoire des fondations (à propos de quelques études récentes) // TR. 1956. 24. P. 381–448.

¹⁸ Римское частное право. С. 119–120; *Mitteis L.* Römisches Privatrecht bis auf die Zeit Diokletians. I. Leipzig, 1908. S. 339, 414–416 (об отсутствии концепции учреждения в римском классическом праве); *Orestano R.* Il problema delle fondazioni in diritto Romano. Pt. 1. Torino, 1959. P. 9–10, 170–173; *Talamanca M.* Istituzioni di diritto romano. Milano, 1990. P. 176–177.

¹⁹ Римское частное право. С. 119–120; *Ельшиевич Б.Б.* Юридическое лицо... С. 440–444; *Покровский И.А.* Указ. соч. С. 315–316; *Kaser M.* Op. cit. S. 105–106. В основе процесса формирования концепции учреждения в применении к церковной организации лежит, с точки зрения ряда исследователей, понятие *corpus mysticum*, обусловившее возникновение представления о единстве всего церковного комплекса: *Ehrhardt A.* Das Corpus Christi und die Korporationen im spat-römischen Recht // ZSS RA. 1953. 70. S. 299–312; 1954. 71. S. 25–40; *Orestano R.* Op. cit. P. 149–151.

²⁰ *Братусь С.* Юридические лица в советском гражданском праве. С. 47.

²¹ Там же.

состав членов корпорации заранее определен, тогда как круг пользователей услугами учреждения является неопределенным. Затем, “основой (субстратом) корпорации являются люди, основа же учреждения – это так называемое целевое имущество, предназначенное для удовлетворения тех целей, ради которых учреждение создано”²². Наконец, “цель и содержание деятельности корпорации определяются общей волей самих членов корпорации, учреждение же организуется по воле лица, стоящего вне учреждения, а возможно, уже и переставшего существовать: цель здесь привнесена извне”²³. Разумеется, существуют и образования переходного типа между корпорацией и учреждением: наличествуют и учреждения с корпоративным устройством, и корпорации, “сближающиеся по своему устройству с учреждениями”²⁴.

Попробуем квалифицировать церковные образования Новеллы III Юстиниана с точки зрения их принадлежности к той или иной категории юридического лица. Хотя Юстиниан и характеризует в своей Новелле церкви в рамках концепции “*domus venerabilis*”²⁵, что следует рассматривать скорее как обозначение корпорации²⁶, однако подобная квалификация противоречит самому содержанию конституции императора. Действительно, в конституции отсутствует какое-либо упоминание “союза лиц, существующего и действующего в интересах этих лиц”. Напротив, вмешательство Юстиниана в дела Константинопольской церкви и его попытка регулировать рукоположения священнослужителей Константинополя обусловлены признанием со стороны императора особого характера “великой церкви” Константинополя и ктиторских церквей, находящихся на содержании у “великой церкви” как юридических лиц. Признавая публичный характер подобных церквей²⁷, их общественную значимость, Юстиниан выступает в качестве защитника интересов пользователей “услугами” этих церквей. Круг пользователей-дестинатаров, в интересах которых действуют Константинопольские церкви, является неопределенным, насколько можно судить по тексту рассматриваемой конституции Юстиниана.

Далее, на основании анализа Новеллы можно сделать вывод, что основой церковных образований, упоминаемых в тексте Новеллы Юстиниана, является “целевое” имущество, выделенное при основании церквей их учредителями для удовлетворения тех целей, ради которых учреждаемые церкви были созданы²⁸.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Nov. III Just. I pr.: “*προσκινητὸς οἶκος*”.

²⁶ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 212.

²⁷ Суворов Н.С. Вопрос о номоканоне Иоанна Постника в новой постановке. С. 73.

²⁸ В тексте конституции упоминается только два типа средств, выделенных в связи с учреждением новых церковных образований: средства, выделенные на строительство церкви, и средства, предназначенные на содержание штата церковнослужителей, которые должны будут служить в новых церквях. Возможно, учредителями были выделены и иные категории имущества, предназначенного для удовлетворения иных нужд нового церковного образования, однако эти категории не упомянуты в нашей конституции. Тем не менее наличие даже одного типа имущества позволяет предполагать существование категории “целевого имущества”, поскольку даже этот тип обладает признаками указанной категории: имущество предназначено учредителями для удовлетворения цели, непосредственно связанной с основным направлением деятельности учреждения.

Наконец, Юстиниан в своей Новелле квалифицирует волеизъявление учредителей как целеполагающее для деятельности церковного учреждения. Целеполагающее волеизъявление учредителей является определяющим при установлении количества церковнослужителей учрежденных церковных образований. Администрация церковного учреждения должна, с точки зрения Юстиниана, действовать в соответствии с волеизъявлением учредителя, осуществляя управление вверенным ей учреждением в рамках целей и задач деятельности учреждения, установленной его основателями. Конфликт между волеизъявлением учредителей церковного образования и волей его управляющих разрешается Юстинианом в пользу первого.

В рассматриваемой Новелле императора Юстиниана получила отражение новая концепция юридического лица, для которой определяющими факторами являются наличие целевого имущества как субстрата образования и признание решающего значения воли учредителей, устанавливающей цели и содержание деятельности нового образования²⁹. В соответствии с этой концепцией, церковное образование имеет публичный характер и действует в интересах широкого круга пользователей его “услугами” – дестинатаров.

Утверждение новой модели юридического лица занимает значительное место в законодательной политике императора Юстиниана по отношению к церкви. Именно при императоре Юстиниане статус юридического лица приобретают не только церкви и монастыри, но и различные богоугодные заведения (так называемые *pieae causae*)³⁰. Каким образом достигалась юридическая индивидуализация этих церковных образований? В данном случае юридическое олицетворение было связано с администраторами рассматриваемых учреждений; в качестве же администраторов выступали в основном епископы, управляющие епархией, к которой должно было принадлежать церковное образование³¹. Так, в конституции императора Юстиниана³² устанавливается, что в случае оставления завещательного распоряжения в пользу бедных и пленных без указания определенной богадельни или церкви, в пользу которых оставлен отказ, это распоряжение обладает юридической силой. Если отказ оставлен в пользу бедных, правопреемником назначается епископ или эконом епископской церкви того города, где проживал наследодатель. Если завещательное распоряжение было сделано в пользу пленных,

²⁹ Итальянский исследователь Дж. Бароне-Адези рассматривает нормы, устанавливаемые в Новелле III Юстиниана в контексте общей законодательной политики императоров IV–VI вв. по отношению к имуществу церковных организаций, декларирующей неотчуждаемость церковных имуществ. С точки зрения этого исследователя, подобная политика была обусловлена прежде всего тезисом о вечной природе церковных образований, но также и стремлением императоров, и в первую очередь Юстиниана, гарантировать реализацию благочестивых целей, определяемых волеизъявлением благодетелей церкви: *Barone-Adesi G. Il sistema giustiniano delle proprietà ecclesiastiche*. P. 98–100.

³⁰ *Суворов Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву. С. 212; *Cugia S.* Il termine “*pieae causae*”. Contributo alla terminologia delle persone giuridiche in diritto romano // Studi Fadda. Napoli, 1906. 5. P. 227–264; *Hagemann H.R.* Die Stellung der “*Piae causae*” nach justinianischen Rechte. Basel, 1953; *Idem.* Die rechtliche Stellung der christliche Wohltätigkeitsanstalten in der ostlichen Reichshälfte // RIDA. 1956. 11. S. 265–283. *Philipsborn A.* Les établissements charitables et les theories de la personnalité juridique dans le droit romain // RIDA. 6. 1951. P. 141–159; *Saleilles R.* Les “*pieae causae*” dans le droit de Justinien // Melanges Girardin. P., 1907. P. 13–51.

³¹ Или же эконом отдельных богоугодных заведений.

³² С. J. I. 3. 48 (49).

правопреемником становится богоугодное заведение данного города, и администратор этого заведения должен распоряжаться наследуемым имуществом в соответствии с волей наследодателя. И в первом, и во втором случае правопреемники получают статус гражданских наследников и могут истребовать по суду вещи, входящие в завещательный отказ, а также обязаны отвечать по долговым обязательствам наследодателя.

В другой своей конституции³³ император Юстиниан устанавливает правила толкования завещаний, в которых наследниками или получателями легата или фидеикомисса назначены Иисус Христос, какой-либо архангел или мученик. Такие завещания, указывает Юстиниан, имеют юридическую силу³⁴, и наследником, легатарием или фидеикомиссарием признается церковь того города, где проживал умерший³⁵.

В конституциях Юстиниана, посвященных регулированию проблем, связанных с распоряжением церковным имуществом, можно усмотреть те же противоречивые тенденции, которые получили отражение в Новелле III императора. Несомненно прослеживается тенденция к признанию института “целевого”, или институтного, имущества, поскольку Юстиниан предписывает администрации церковного образования действовать в соответствии с волеизъявлением учредителя, оставившего завещательный отказ с целью удовлетворения потребностей дестинатаров учреждения, как, например, больных или пленных³⁶. Законодатель несомненно связывает качество юридического субъекта не с отдельными лицами, а с теми органами, которым делегируется правомочие заведовать делами богоугодных учреждений³⁷. Однако субъектами имущественных прав становятся не соответствующие институты, а их администраторы (епископы, экононы, управляющие богоугодными заведениями)³⁸. Подобная законодательная политика неизбежно

³³ С. J. I. 2. 25.

³⁴ В классическом римском праве неопределенность личности любого юридического образования, отличного от физического лица, делала недействительными любые завещания, завещательные отказы или фидеикомиссы в пользу подобного образования. Единственным исключением в эпоху Ранней империи были отдельные языческие объединения: *Gaudemet J. L'Église dans l'Empire romain (IVe-Ve siècles)*. P., 1958. P. 295. В IV в. римские императоры допускают пассивную завещательную правоспособность христианских религиозных образований (*Ibid.* P. 295–298). Однако признание действительными завещаний в пользу благотворительных учреждений представляет собой юридическое новшество, введенное только в начале VI в. императором Юстинианом: (*Ibid.* P. 301). См., однако: *Philipsborn A. Der Begriff der Juristischen Person im römischen Recht*. S. 69, а также С. J. I. 3. 24; 28.

³⁵ Ср. С. J. I. 3. 45.

³⁶ С. J. I. 2. 25; ср.: *Nov. Just.* CXXXI.

³⁷ *Суворов Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву. С. 214.

³⁸ Развитая концепция юридического лица предполагает признание учреждения субъектом имущественных прав на “целевое” имущество, представляющее собой одновременно субстрат данного учреждения: *Gaudemet J. L'Église dans l'Empire romain (IVe-Ve siècles)*. P. 301. Было высказано предположение, что только благотворительные учреждения, правоспособность которых была признана императором Юстинианом, в наибольшей степени соответствуют данной концепции юридического лица. В западной части империи субъектом имущественных прав религиозного образования по-прежнему остается епископ: *Gaudemet J. Les fondations en Occident au Bas-Empire // RIDA*. 2. 1955. P. 275–286. Однако предложенный анализ законодательных актов Юстиниана показывает, что и на Востоке в начале VI в. н.э. более развитая концепция учреждения только начинает утверждаться, тогда как епископ, признаваемый управляющим имуществом религиозных образований,

приводила к злоупотреблениям со стороны администраторов церковных образований, с которыми Юстиниан был вынужден бороться³⁹. Вместе с тем возможность совершать злоупотребления была обусловлена несовершенством действующей модели церковного учреждения.

Конечно, администраторы церковных учреждений не были “полными” собственниками имущества, предназначенного наследодателями для богоугодных целей⁴⁰. Хотя администраторы и наделялись по законодательству Юстиниана титулом цивильных наследников⁴¹, однако они не приобретали прав на Фальцидиеву четверть, но были обязаны обеспечить употребление всей наследственной массы в соответствии с волей наследодателя на богоугодные цели⁴². Имущественные права передавались администраторам, таким образом, не в их личном качестве, а как управляющим церковными учреждениями, и только для целей, связанных с удовлетворением нужд дестинатаров церковных учреждений. Данная модель управления институтным имуществом была известна и до Юстиниана и может быть интерпретирована в рамках концепции фидуциарного права собственности, которое приобретали администраторы на имущество учреждения⁴³.

Недостатки указанной модели управления церковным имуществом обусловили необходимость издания и Новеллы III Юстиниана. Император Юстиниан вводит ограничения правомочий администраторов церковных образований, отвечая на новые потребности общества, связанные с рождением институтной идеи⁴⁴. Осознание вневременного характера церкви, обособление церкви от ассоциации верующих, возникновение концепции целевого имущества, предназначенного удовлетворению нужд церкви как особого установления, привели к появлению понятия учреждения⁴⁵. Однако функционирование нового института обеспечивается – в рамках законодательной политики Юстиниана по отношению к церкви – посредством прежних методов управления корпорацией, когда статус юридического лица получает только

ограничивается в правах распоряжения указанным имуществом. Годмэ, впрочем, говорит о постепенно осуществлявшейся на Западе тенденции перераспределения управления церковным имуществом в пользу отдельных образований: *Gaudemet J. L'Église dans l'Empire romain (IVe–Ve siècles)*. P. 301–302. Кроме того, Годмэ признает, что и на Востоке даже в юстиниановом праве имущественно-правовой статус различных религиозных благотворительных образований был неопределенным: *Ibid.* P. 304. Not. 1. Ср.: *Соколов П.П.* Церковноимущественное право в Греко-римской империи. Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1896. С. 110; *Philipsborn A.* Der Begriff der Juristischen Person im römischen Recht. S. 66–70.

³⁹ Посредством установления различных ограничений правомочий администраторов по распоряжению церковным имуществом. Ограничения касались возможности отчуждать вещи, входящие в церковное имущество, обременять их залогом и эмфитевсисом (*Nov. Just. VII. 1. 6*).

⁴⁰ Ср.: *Duff P.W.* The Charitable Foundations of Byzantium. Cambridge, 1926. P. 96; *Idem.* Personality in Roman Private Law. Cambridge, 1938. P. 187–192; *Gaudemet J.* L'Église dans l'Empire romain (IVe–Ve siècles). P. 309–311; *Saleilles R.* Les “*pieae causae*” dans le droit de Justinien. P. 13–51.

⁴¹ С. J. I. 3. 48. 4.

⁴² С. J. I. 3. 48. 4.

⁴³ *Talamanca M.* Istituzioni di diritto romano. P. 184. Ср.: *Duff P.W.* The Charitable Foundations of Byzantium. P. 96; *Idem.* Personality in Roman Private Law. P. 187–192; *Philipsborn A.* Der Begriff der Juristischen Person im römischen Recht. S. 69–70.

⁴⁴ То есть идеи учреждения: *Братусь С.* Юридические лица в советском гражданском праве. С. 48.

⁴⁵ Там же.

союз отдельных лиц, юридическое олицетворение которого переносится на управляющего, признаваемого “фидуциарным” собственником имущества ассоциации, тогда как концепция учреждения требует надления правом собственности на институтное имущество само учреждение как юридическое лицо, в данном случае – церковь⁴⁶. Новая институтная идея в сочетании с прежними методами регулирования деятельности корпорации приводит к появлению смешанного типа юридического лица, который можно условно обозначить как переходный от корпорации к учреждению.

⁴⁶ Там же.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СТОЛИЧНОГО СТАТУСА КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В современном византиноведении город Константинополь как объект исследования занимает особое положение. Особенность эта долгое время заключалась в том отношении к нему, которое предпочитало видеть в Константинополе то комплекс памятников византийской культуры¹, то средоточие политической жизни византийского государства², причем последнее направление предпочитало обращать Константинополь из объекта исследования в исторический фон. В известной мере сохраняет однообразие и структура работ о ранневизантийском Константинополе, опирающихся на введенные в научный оборот еще со времен Э. Гиббона³ литературные источники. Правда, попытки использовать новые виды исторических источников и критически переосмыслить утвердившуюся в историографии точку зрения о начале и основных этапах развития Константинополя предпринимались начиная с О. Зеека⁴, но лишь Ж. Дагрон удалось относительно полно охватить проблематику ранневизантийского Константинополя и максимально расширить круг источников, имеющих к ней отношение⁵. К сожалению, несмотря на усилия специалистов, нельзя считать окончательно решенным целый ряд вопросов истории раннего Константинополя. К их числу относится, в частности, вопрос о времени превращения Константинополя в столицу империи⁶. Отсутствие здесь единого мнения объясняется не только слабостью источниковой базы и различием в понимании термина “столица”, но и почти полным отсутствием комплексного подхода при анализе данных источни-

¹ Janin R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. P., 1964; Strube Ch. Die westliche Eingangsseite der Kirchen von Konstantinopel in justinianischer Zeit. Wiesbaden, 1973. Dagron G. Constantinople imaginaire: Études sur le recueil des Paris. P., 1984.

² Dagron G. Les moines de la ville: le monachisme à Constantinople jusqu'au concile de Chalcedoine (451) // ТМ. 1970. Vol. 4. P. 12–18; Козлов А.С. Основные черты политической оппозиции правительству Византии в 399–400 гг. // АДСВ: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 23–31; Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997.

³ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 2. М., 1997. С. 196–203.

⁴ Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. III. B., 1923. S. 426–428; Lot F. La fin du monde antique et la début du Moyen Âge. P., 1927. P. 39–43; Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. P. 83–84, 687–689; Cameron A. The Foundation of Constantinople: Myths Ancient and Modern // Byzantine Studies Conference. Abstracts. Washington, 1983. P. 32–33.

⁵ Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1984.

⁶ Основными в этом вопросе являются две точки зрения (см.: Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 7–10). Ведущей из них, если судить по количеству ее последователей, можно считать ту, согласно которой Константинополь сразу же после его “освящения” в 330 г. приобрел основные черты и свойства столицы. После указанной работы Ж. Дагрона в историографии распространилось мнение о постепенности формирования столичного статуса Константинополя. Но и среди приверженцев этой точки зрения нет единства по поводу окончательной даты.

ков. Представляется очевидным, что привлечение не использованных ранее в полном объеме данных способно продвинуть изучение любой темы, которая выглядит исчерпанной в методологическом смысле⁷. Применительно же к теме формирования столичного статуса Константинополя наименее изученным источником следует признать законодательство ранневизантийских императоров. Сей факт достоин удивления⁸, поскольку именно в конституциях содержится столь важный для темы исследования официальный взгляд на Константинополь и в определенном смысле отражается процесс его развития.

Обратиться к анализу сведений преимущественно законодательства о Константинополе меня побудило наличие в конституциях конца IV – VI в. немалого количества официальных эпитетов города, а также их заметное отличие от эпитетов, которыми награждали “город Константина” источники литературные. Даже при беглом сравнении заметно, что эпитеты из конституций характеризует функциональность их применения; очевидно, они в большей степени соответствовали реальному положению Константинополя в государстве, благодаря чему могут служить немаловажной характеристикой его официального статуса в конкретный период ранневизантийской эпохи⁹. Определенное значение для выяснения статуса “нового Рима” имеет также отношение императоров Западной Римской империи к нему, а ранневизантийских императоров – к старому Риму.

Изложенные замечания позволяют сформулировать задачи данной статьи: во-первых, оценка основных вех истории ранневизантийского Константинополя через призму данных законодательства; во-вторых, выяснение обстоятельств появления в конституциях тех или иных эпитетов Рима и Константинополя; в-третьих, решение важнейшей проблемы истории ранней Византии – времени превращения Константинополя в политический и административный центр государства – посредством применения заявленного метода и введения в оборот таких законодательных источников, которые прежде в таком контексте не использовались.

В рамках разрабатываемой темы наибольшую сложность представляет собой вопрос о первоначальном статусе Константинополя, когда официаль-

⁷ Примером тому могло бы служить недавно развернувшееся исследование образа византийской столицы в различных не византийских источниках, представленное докладами на XVI Всероссийской научной сессии византинистов: *Арутюнова-Фиданян В.А.* Константинополь в средневековой армянской историографии (V–XI вв.): Историческая перспектива; *Джаксон Т.Н.* Константинополь в картине мира средневековых скандинавов; *Калинина Т.М.* Ал-Мас’уди о Константинополе; и др. См.: Историческая роль Константинополя (В память о 550-летию падения византийской столицы). М., 2003.

⁸ Справедливости ради нужно заметить, что законодательные источники использовались в большинстве работ, касавшихся заявленной темы. Неудовлетворительным является отношение к ним исследователей, которые обычно пренебрегают дополнительной информацией, имеющейся в законодательстве, в частности, личностной императорской оценкой тех событий, которым посвящены (или не посвящены) указы. См.: *Гиббон Э.* Указ. соч. С. 196, 199; *Janin R. P.* 25; *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 83 и особенно – *Dagron G.* Naissance d’une capitale... Op. cit. P. 51–56, его параграф под названием “Риторика и право”, в котором правовые источники практически не рассматриваются.

⁹ В специальной литературе предпринимались попытки рассмотреть эпитеты Константинополя, но они остались не более чем попытками, не подготовленными методологически. См., например: *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 110–111; *Alexander P.J.* The Strength Of Empire and Capital as Seen through Byzantine Eyes // *Speculum.* 1962. Vol. 37. P. 342, 345.

ных эпитетов города еще не появилось. В трудах, посвященных основанию города, часты предположения относительно того, какие цели преследовал сам Константин Великий, обновлявший и обустроивший старый Византий. С середины 60-х годов прошлого столетия у многих византинистов получила признание версия, согласно которой Константин создал в Константинополе постоянную резиденцию на Востоке, приспособленную для осуществления его собственных политических нужд¹⁰. К тому времени Рим утратил былую политическую важность¹¹, но в сознании и жителей империи, и окружающих ее варваров оставался главным городом государства, своеобразным “идеальным центром империи”¹². Император Константин, якобы придавший “своему” городу статус нового политического центра, тем самым создал условия и для того, чтобы в будущем Константинополь приобрел свойства и функции религиозной и культурной столицы и административного центра государства, т.е. заменил бы Рим полностью¹³. Таким образом, по мнению большинства исследователей, целью Константина при закладке Константинополя было создание в перспективе “нового Рима”¹⁴. О том же как будто свидетельствуют и основные литературные источники. Между тем при доверительном – в целом – отношении к известным источникам, в наиболее авторитетных трудах по истории ранней Византии и Константинополя высказывались сомнения в достоверности некоторых переданных ими сведений о начале города Константина¹⁵. И действительно, из всего многообразия сведений о рождении Константинополя наиболее правдоподобными могут считаться лишь сведения тех источников, авторы которых были очевидцами или хотя бы современниками этого события. Единственным подлинным свидетелем из всех литературных источников может быть лишь Евсевий Кесарийский¹⁶. Но поскольку Евсевий тенденциозен¹⁷, как и все церковные авто-

¹⁰ Jones A.H.M. Op. cit. P. 83; Vogt J. The Decline of Rome. The Metamorphosis of Ancient Civilization. L., 1993. P. 107; Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 77–78; Krautheimer R. Three Christian Capitals. Topography and Politics. Berkeley; Los Angeles; London, 1983. P. 41–42; Pabst A. Divisio regni: Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen. Bonn, 1986. S. 89 ff.

¹¹ Jones A.H.M. Op. cit. P. 687; Pashoud F. Roma aeterna. Études sur le patriotisme romain dans l'occident latin à l'époque des grandes invasions. Roma, 1967. P. 11–12; Грант М. Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. – 476 г. н. э. М., 1998. С. 261.

¹² По выражению Ф. Пашу (*Paschoud F.* Op. cit. P. 12); см. также: *Ward-Perkins B.* Constantinople: a City and its Ideological Territory // *Towns and their Territories between Late Antiquity and the Early Middle Ages.* Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 325.

¹³ *Dagron G.* Naissance d'une capitale... P. 25, 542; *Cameron A.* Rome and Constantinople: Growth of a Mistique // *Byzantine Studies Conference. Abstracts.* Washington, 1987. P. 1; *Ward-Perkins B.* Op. cit. P. 327 sqq.

¹⁴ Дополнительно см.: *Dölger F.* Rom in der Gedankenwelt der Byzantiner // *Byzanz und die europäische Staatenwelt.* Ettal, 1953. S. 98; *Janin R.* Op. cit. P. 21; *Dagron G.* Naissance d'une capitale... P. 34, 47; *Demandt A.* Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1989. S. 392 ff.

¹⁵ Например: *Janin R.* Op. cit. P. 26; *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 83. Not. 13; *Dagron G.* Naissance d'une capitale... P. 45, 53, 78; *Mango C.* Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles). P., 1985. P. 23.

¹⁶ *Barns T.* Constantine and Eusebius. Cambridge, 1981. P. 226.

¹⁷ *Euseb.* Vita Const. I. 11: “Итак, я думаю умолчать о весьма многих государственных распоряжениях блаженнейшего василевса... Сообразно с предположенной целью сего сочинения мы будем... писать только то, что относится к жизни богоугодной”. (Здесь и далее цитирование Евсевия по изданию: *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998, с сохранением общепринятой формы ссылок на источник.)

ры, то важнейшими сведениями при рассмотрении статуса Константинополя в 324–337 гг. необходимо признать также данные нумизматики, эпиграфики и главное – законодательства.

Евсевий Памфил именует Константинополь чаще всего “городом, соименным василевсу”, а также “своим (для Константина I) городом”¹⁸. В этих частных определениях Константинополя улавливается некий смысловой нюанс, наличие которого как будто свидетельствует об особом отношении императора Константина к его детищу. Сконструированный Евсевием имидж почти интимного явления, которое представлял собою в сознании императора Константинополь, подчеркивается эмоционально холодными и даже официальными эпитетами других городов: “великого”, “царского” или “царственного” Рима¹⁹, “города, носящего имя Антиоха” и метрополии Востока Антиохии²⁰, и “царствующего среди евреев города” Иерусалима²¹. Но, изобразив Константина этаким демиургом, Евсевий не смог предъявить достаточного количества доказательств императорской приязни к предмету его приложения творческих усилий²². Напротив, по свидетельству того же Евсевия, Константин Великий осыпал милостями прежде всего город Рим, а сооружениями украшал и Рим, и многие другие города, так что Константинополь в их списке занимает далеко не первое место²³. Получается, что императорская любовь к созданному им городу тщательно скрывалась самим же императором, что представляется маловероятным, так как Константин I, будучи человеком волевым и властным, а также удачливым в политике, не стал бы скрывать личного отношения к чему бы то ни было. У самого же Евсевия имеются факты, показывающие отсутствие у Константина особого расположения к Константинополю²⁴. Если обратиться к конституциям, опубликованным в 324–329 гг., то можно увидеть, что Константин не считал создававшийся в то время новый город удобным даже для временных остановок: Константинополь не фигурирует в качестве места издания законов ни в одной из почти пятидесяти точно датированных указов названного периода. Все эти шесть лет император в лучшем случае просто проезжал мимо “своего” города, никак не выражая своего отношения к нему. Еще более примечательно то, что и в 330 г. – в год так называемого “освящения” Константинополя – среди изданных тогда законодательных источников, дошедших до нас, не появилось ни одного, который хотя бы упоминал Константинополь²⁵. Конечно, Рим в тот же период тоже не мог претендовать на исклю-

¹⁸ *Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 52; Euseb. Vita Const. III. 48, 50; IV. 58, 61, 66; Euseb. De laud. Const. 8, 9; см. также:*

¹⁹ *Euseb. Vita Const. I. 26, 33, 39, 40, 63; IV. 69.*

²⁰ *Ibid. III. 50.*

²¹ *Euseb. De laud. Const. 9.*

²² Доказательств всего два: *Euseb. Vita Const. IV. 60*, где Константин устраивает место своего будущего захоронения, и *Euseb. Vita Const. III. 48*, где говорится: “Желая отличить соименный себе город, он украсил его...”.

²³ *Mango C. Op. cit. P. 30 sqq.*

²⁴ Таких фактов тоже по меньшей мере два: *Euseb. Vita Const. IV. 61*, когда Константин не желает принимать смерть в “своем” городе, и *Euseb. Vita Const. IV. 63*, где Константин, находясь на смертном одре, пожелал благодетельствовать не жителей Константинополя, а римлян.

²⁵ В отношении некоторых конституций можно предполагать, что их появление связано с существованием Константинополя, хотя при ближайшем рассмотрении это оказывается не

читательное внимание со стороны императора, однако Константин и останавливался в Риме неоднократно²⁶, и занимался римскими делами всерьез. Правда, после 330 г. ситуация несколько меняется. В законодательных актах 331–337 гг. и сам Рим, и связанные с ним проблемы фигурируют приблизительно в том же объеме, что и прежде, а Константинополь уже заметно выделяется на фоне всех остальных городов и императорских резиденций. Почти весь 331 г. Константин I либо провел в Константинополе, либо часто и подолгу бывал в нем²⁷. В последующие годы император проводил в своем городе около месяца в году, наезжая туда по одному или по два раза²⁸. Большинство его указов за 331–336 гг. было написано в Константинополе²⁹, хотя из всей массы дошедших с того времени законов самому Константинополю определенно посвящен только один, а именно: конституция С. Th. 13.5.7³⁰.

Далее, об отношении Константина I к созданному им городу может свидетельствовать внимание императора к населяющему его “народу”. Как известно, в позднеантичную эпоху существовало стереотипное представление о том, как нужно обращаться со столичным населением, чтобы оно вело себя пристойно или даже славилло верховную власть³¹. Кроме организации питания и развлечений необходимым условием “нормального” общения с “народом” являлись эдикты, изданные *ad populum*. Частота и количество таких изданий показывает, насколько важно было мнение горожан для законодателя, и вообще, рассматривал ли законодатель ту или иную группу людей в качестве собственно “народа”, т.е. привилегированной части городского имперского населения. В правление Константина Великого “народу” было ад-

так. Например, указ С. Th. 15.2.1 (Theodosiani libri XVI / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. В., 1905. P. 814; здесь и далее ссылка на конституцию из этого издания Кодекса Феодосия производится в соответствии с общепринятой практикой), изданный 18 мая 330 г. (по времени будто бы в Константинополе), требует от консуляра вод (т.е. от чиновника одного из столичных ведомств, находившихся в Риме) обеспечить надзор за исправностью акведуков; Константин в данном случае интересовали римские проблемы, но указ, будучи включен в Кодексы, приобрел актуальность и для практики снабжения водой Константинополя в V–VI вв.

²⁶ С. Th. 15.14.3–326; 2.7.2; 6.4.2–327; 11.16.4–328.

²⁷ С. Th. 1.16.6–7; 3.30.4–5; 5.9.1; 11.30.16–17; 11.34.1; С. J. 3.19.2 (Codex Justinianus // Corpus iuris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. 2. В., 1906. P. 129; здесь и далее ссылка на конституцию из этого издания Кодекса Юстиниана производится в соответствии с общепринятым сокращением).

²⁸ Кроме данных законодательства, см.: *Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 78.

²⁹ Из 55 известных из Кодексов конституций этого периода 22 помечены его именем в качестве места издания. Правда, 6 из них имеют одинаковые дату и адресат, так что, вероятно, являются частями одной конституции (С. Th. 3.30.4; 11.30.16; 11.30.17; 11.34.1, как и не имеющие места издания – С. Th. 2.26.3; 4.5.1); другие 10 конституций, не имеющих места издания, скорее всего, опубликованы в Константинополе, если судить по датам их опубликования (Константин, наверное, находился тогда там): С. Th. 1.5.3; 2.26.3; 3.5.3; 4.5.1; 7.22.3; 8.1.3; 8.15.2; 12.1.19–20; 15.2.1, хотя некоторые из них тоже можно объединить на основании одновременности издания (С. Th. 2.26.3; 4.5.1 от 1 августа 331 г. и С. Th. 7.22.3; 12.1.19 от 4 августа 331 г.), так что получается не 10, а всего 7. Итого 33 из 55.

³⁰ Разумеется, речь здесь идет только о тех конституциях, в которых прямо упоминается город, иначе пришлось бы писать специальную работу о том, где и когда были изданы законы, попавшие в кодексы с сомнительными датировкой и указанием на место издания.

³¹ Например, у Евнапия (*Евнаний. Жизни философов и софистов // Римские историки IV века. М., 1997. С. 239*) имеется свидетельство в пользу того, что и Константин I находился под воздействием данного стереотипа. Беспокойство об “удовольствиях народа” (*voluptatibus populi*) проявлял и Констанций II (С. Th. 6.4.13), и другие императоры.

ресовано более 20 конституций, и почти все они издавались для народа Рима³². Обращения императора к народу Константинополя тоже имели место, но их количество очень невелико и сравнимо с его посланиями к представителям различных других городов империи и к провинциалам. Очевидно, что “народ” Рима находился в глазах Константина на более высокой ступени по сравнению с “народом” Константинополя, хотя нельзя отрицать и того, что Константинополь уже при Константине давал его обитателям право называться “народом”. Впрочем, этот своеобразный титул – *populus* – был дарован жителям не новой столицы, а города, который Константин выделял среди многих других городов, даже крупных и знаменитых³³.

Отношение Константина к тому что появившемуся Константинополю просматривается также в его письмах и речах, в частности в “Слове к обществу святых”, в котором император вновь ни одним словом не упоминает “свой” город, а Рим именует “великим и любимым”³⁴. Правда, Рим получал от императора яркие эпитеты только в сочинениях, созданных или аранжированных Евсевием (как, например, упомянутое “Слово...”); в конституциях Константина I этот город упоминается вовсе без эпитетов³⁵. Возможно, причина столь разного отношения к столице – в канонах жанра разных источников, хотя это не объясняет более ровного во всех источниках отношения императора к Константинополю. Возможно, в основе отношения Константина Великого и к Риму, и к Константинополю лежал единый принцип практической целесообразности объекта: при всех нюансах субъективного характера оба города были равны перед императором как одинаковые предметы приложения усилий, необходимых для достижения высших политических целей. С каждым из этих городов у Константина могли быть связаны какие-то воспоминания и ментальные ассоциации, но едва ли они могли бы корректировать характер официального отношения к тому или другому городу. Рим, если и утрачивал постепенно свое значение в глазах Константина³⁶, не лишился его окончательно, оставаясь единственной столицей Империи во всех смыслах этого понятия. Константинополь же появился как функционально определенный город, чем и был равен Риму и любому городу, обладавшему такой же величиной полезности. Константин I изменил в последние годы правления личное отношение к “своему” городу, но не изменил официального статуса Константинополя. Для того чтобы субъективные представления стали частью официального имиджа, необходимо было изме-

³² Из 25 конституций с адресатом “к народу”, существующих в обоих кодексах, 16 датированы временем до 324 г.; из оставшихся лишь одна конституция (С. Th. 13.3.3–333) содержит несомненное указание на то, что она была направлена в Константинополь и предназначалась для определенных представителей населения этого города.

³³ В законодательном материале, касающемся вопроса о “народе”, примечательна еще одна особенность, а именно: обращения Константина к народу Рима исчезают после 329 г., тогда как обращения к народу Константинополя (и явное – С. Th. 13.3.3, и сомнительное – С. Th. 6.21.15) были опубликованы после 330 г. Это еще одно свидетельство в пользу того, что Константин пересматривал свое отношение к Константинополю, хотя и не изменял его принципиально.

³⁴ Василевса Константина слово, написанное к обществу святых. Глава 22 // *Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина*. С. 209.

³⁵ С. Th. 2.16.2; 9.40.3; 13.5.4: “город Рим”; С. Th. 12.1.14: “Город”; С. Th. 2.22.1; 9.21.2: “римская община (как совокупность граждан Рима)”.

³⁶ *Гиббон Э. Указ. соч.* Т. 2. С. 191; *Грант М. Указ. соч.* С. 261.

нение объективного политического значения города, а для этого требовались время и соответствующие условия, пусть и созданные искусственно.

Имеются основания полагать, что в 324 г. Константинополь создавался как удобная военная база. Византий был разрушен временем и войной, но восстановление его в прежнем виде и с прежним названием противоречило самоидентичности Константина и не соответствовало героико-мифологической традиции, к которой он себя причислял. Уместно сравнить описание поведения Константина Великого с описанием аналогичных поступков Александра Македонского, который тоже вел свое происхождение от Геракла и, кстати, являлся объектом сравнения с императором Константином для Евсевия Кесарийского³⁷. Из нескольких описаний примеров градостроительной деятельности Александра складывается такая обобщенная картина последовательности и характера действий: царь лично определял место строительства стен, возводимый город посвящался богам, получал имя царя-снователя, был выгоден в стратегическом плане и обещал со временем превратиться в процветающее место³⁸. Картина эта удивительным образом напоминает ту, которая живописует создание Константином Константинополя, за исключением сюжета о подобию Риму. Общее сходство поведения двух великих правителей-строителей можно подтвердить и количественной составляющей их деятельности: Александр основал более десятка новых городов, а Константин, хоть и основал всего три новых города с его именем³⁹, зато много построил общественных зданий в разных городах. Нет сомнений в том, что, создавая на месте Византия сильный укрепленный пункт, Константин старался, чтобы его город не выглядел в истории хуже городов, основанных другими правителями; кроме того, он помнил и о практическом опыте градостроительства непосредственных своих предшественников⁴⁰. Действия Константина при создании Константинополя вряд ли могли быть иными: выбор места, характер построек, передача городу своего имени и последующее посвящение Константинополя христианскому богу⁴¹ – все это звенья одной поведенческой линии, обусловленной историческим временем и характером императора Константина I.

Но если наименование Константинополя вопросов не вызывает, то сюжет с сакральным посвящением города, напротив, требует тщательного анализа. Собственно, разбор сведений об “освящении” или “посвящении” Константинополя производился в историографии неоднократно⁴². Здесь же необходимо оттенить только то, что не получило должного внимания со стороны исследователей данного события. Это прежде всего поздний характер сообщений о великолепных празднествах в честь освящения Константинополя и о самой процедуре освящения: никто из младших современников

³⁷ *Euseb. Vita Const.* I. 7.

³⁸ *Атт. Anab.* III. 1. 5; 28. 4; IV. 1.3–4; 4. 1; 22.4–5. Ссылка на Арриана и цитирование его труда дается по изданию: *Арриан. Поход Александра.* М., 1993.

³⁹ *Euseb. Vita Const.* IV. 38, 39.

⁴⁰ *Lact. De mort. persec.* VII. 10. Здесь использовано издание Лактанция: *Лактанций. О смертях преследователей (De mortibus persecutorum)* / Пер., вступ. ст. и коммент. В.М. Тюленева. СПб., 1998.

⁴¹ *Euseb. Vita Const.* III. 48; C. Th. 13.5.7.

⁴² Например: *Holmes W.G. The Age of Justinian and Theodora. A History of the Sixth Century A.D.* Vol. I. L., 1912. P. 17–18; *Hearsey J.E.N. City of Constantine 324–1453.* L., 1963. P. 12 sq.; *Janin R. Op. cit.* P. 23–26; *Jones A.H.M. Op. cit.* P. 84; *Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 37–42.

Евсевия, как и сам Евсевий, ничего об этом не писал. В свое время Р. Жанен высказывал обоснованное сомнение в том, что Константин посвятил свой город языческой богине Судьбы⁴³, а Алан Кэмирон предположил, что языческой церемонии “посвящения” Константинополя не было вовсе”⁴⁴. Пожалуй, стоит согласиться и с тезисом о том, что существование Константинополя, как и его рождение, было со всех сторон окружено легендами уже в IV–V вв.⁴⁵ Переплетение рудиментов языческой мифологии и новых христианских выдумок существенно затрудняет выявление истинной картины рождения города Константина, однако не делает его невозможным. Важно уже само признание факта одновременности присутствия языческой и христианской традиций. Сам Константин I, позднее причисленный к лику святых, руководствовался в жизни, по-видимому, не столько религиозными нормами, сколько здравомыслием, практическим воплощением которого стало попеременное использование им языческих и христианских обычаев. Подобное поведение государственного деятеля было вполне приемлемым для ранневизантийской культуры; в любом случае осуждать великого императора за мнимую непоследовательность никто не осмелился бы. Основываясь на своем весьма рациональном представлении о вере и на выработанные годами языческие привычки, Константин должен был принести жертву разным богам как перед началом строительных работ в будущем Константинополе (это известное так называемое освящение новой городской стены), так и после завершения строительства важнейших сооружений, прежде всего императорского дворца как символа его власти⁴⁶. Было освящение территории, на которую Константин указал как на место будущего померия; “освящения” же самого города не было, поскольку он продолжал строиться и в 30-е годы. Желание посвятить Константинополь христианскому богу возникло у Константина несколько позже, по-видимому, ок. 334 г.⁴⁷ и было связано с осуществлением христианского религиозного строительства после языческого “освящения” 330 г.⁴⁸ После того, как в Константинополе были возведены первые “константиновские” христианские постройки, состоялось посвящение города христианскому богу в качестве своеобразной компенсации за языческую составляющую местной деятельности императора. Тем самым Константинополь оказался “подаренным” и богу христиан, и языческим богам, и местным святым. Именно в связи с данным обстоятельством Константинополь предстает к середине 30-х годов IV в. уже не только как укреп-

⁴³ Janin R. Op. cit. P. 26.

⁴⁴ Cameron A. The Foundation of Constantinople... P. 32.

⁴⁵ Varvounis M.G. Une tradition populaire sur la fondation de Constantinople // Byzantion. 1996. T. 66. P. 454–460.

⁴⁶ Считается, что подобное освящение произошло 11 мая 330 г. (см.: Krautheimer R. Op. cit. P. 43). О языческой традиции жертвоприношения по поводу основания города см.: Liv. Ab urbe cond. I. 7. 3 (*Тит Ливий*. История Рима от основания города. Т. I. М., 1989. С. 15); Arrian. Anabasis. III. 1. 5.

⁴⁷ Языческая символика присутствует на специальных монетных эмиссиях, выпущенных в Константинополе в начале 30-х годов (*Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 49). О христианской составляющей “посвящения” см.: С. Th. 13.5.7 (1 декабря 334 г.): “К выгоде города, который мы даровали богу...”; *Euseb. Vita Const.* III. 48: “Желая отличить соименный себе город, он украсил его многими молебными... и тем почтив память мучеников, вместе с тем посвятил их богу и сам свой город”.

⁴⁸ Mango C. Op. cit. P. 35 sqq.

пленный пункт, но и императорская резиденция, и растущий новый христианский центр. Город и его население приобретали новые качества и права и расширяли свой первоначальный статус, однако физический рост Константинополя был всего лишь подъемом до уровня нормального по тем временам города, а не превышением его⁴⁹.

Окончательное решение проблемы первоначального статуса Константинополя в первые годы его существования связано с вопросом о “новом Риме”: считал ли таковым свой город сам Константин, т.е. являлся ли эпитет “Новый Рим” официальным для Константинополя в годы правления Константина Великого? Ни у Евсевия Памфила, ни в законодательстве Константина, ни на монетах 20–30-х годов IV в. подобного названия не встречается. Из современных началу Константинополя источников о “новом Риме” говорится только в каком-то эпиграфическом документе 324 г., упомянутом А. Джонсом⁵⁰; в 326 г. о Константинополе как “другом Риме” писал и Порфирий Опат⁵¹. Некоторые из авторов второй половины IV в. – младшие современники Константинополя – тоже касались этой темы, причем, как можно заметить, Константинополь сравнивали с Римом либо официальные, либо официозные источники: цезарь Юлиан⁵², ритор Фемистий⁵³, поэт Авсоний⁵⁴ и Аноним Вalezий⁵⁵: В первой половине V в. о Константинополе как втором или новом Риме распространяются в основном церковные источники. Сравнение сообщений IV – первой половины V в. о “Новом Риме” приводит к выводу о том, что видеть Константинополь преемником Рима в той или иной степени стремились авторы, близкие к верховной власти, а также христианская нарративная традиция⁵⁶. Стремление части восточных епископов превратить Константинополь во второй после Рима религиозный центр вполне понятно: они были готовы признать первенство Рима в иерархии христианских епископий в обмен на признание преимуществ Константинополя перед крупнейшими митрополиями Востока. Позиция же императорской власти в вопросе о статусе Константинополя перед Римом во второй половине IV в. не кажется столь же прозрачной. Действительно, признать город Константина вторым или новым Римом означало для императоров Констанция II, Юлиана или Феодосия I – тех, которые благосклонно выслушивали фразы типа “Константинополь – Новый Рим”, – что Рим есть глав-

⁴⁹ Динамика первоначального роста послужила основой для производства в историографии необоснованных выводов об ускоренном физическом развитии Константинополя уже в первой половине IV в. См., например: Курбатов Г.Л. Города, ремесло и торговля в Византии IV–V вв. Константинополь и провинции // История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 106.

⁵⁰ Jones A.H.M. Op. cit. P. 83. Not. 13.

⁵¹ См.: Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 46.

⁵² Julian. Or. I. 8: “второй (после Рима)” (перевод сделан по изданию: The Works of the Emperor Julian. London; Cambridge (Mass.), 1962).

⁵³ Themist. Or. III. 42 a-b: “(Константинополь) участвует в судьбе и имени Рима”; Or. XIV. 184a: “(Константинополь) стал поистине вторым Римом” (издание речей Фемистия: Themistii orationes / Ed. G. Downey, A. Norman. Leipzig, 1965).

⁵⁴ Ordo urbium nobilium. 2 (см.: Авсоний. Стихотворения / Отв. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993. С. 228).

⁵⁵ Anon. Val. 30: “(Константин) решил приравнять (Константинополь к) Риму” (перевод сделан по изданию: Excerpta Valesiana / Ed. J. Moreau, V. Velkov. Leipzig, 1968).

⁵⁶ Кроме известных высказываний Сократа и Созомена в том же духе выносились постановления на Втором и Четвертом Вселенских соборах.

ная императорская резиденция, что Рим остался столицей государства, а дело рук константиновых – Константинополь – должен занять заведомо подчиненную позицию. Для Феодосия Старшего как выходца с Запада подобные рассуждения могли быть приемлемы, но для Константина Великого или Констанция при их в общем одинаково ровном отношении и к Риму, и к Константинополю было бы абсурдом давать последнему еще одно официальное название, притом столь явно политически окрашенное. Как известно из источников, Константин I не называл Константинополь публично ни вторым Римом, ни даже собственно Константинополем. Наличие в речевом обороте на Востоке начиная с 324 г. словосочетания “новый Рим” не означало, что император и его свита охотно им пользовались и предпочитали прочим названиям. Известный эпизод из Сократа о камне с текстом указа Константина, потребовавшего именовать его город вторым Римом, кажется выдумкой тенденциозного церковного писателя: Сократ Схоластик явно находился под воздействием той традиции, которая уже сложилась в ранневизантийской церковной историографии и которая видела в Константинополе второй по значению город христианского мира⁵⁷. Сократ не смог бы понять императора Константина, для которого “уравнять” Константинополь с Римом и назвать свой город “вторым Римом”, тем самым унизив его до положения подобия Рима (если бы Константин вообще раздумывал на эту тему), было совсем не одно и то же. Гипотетическое уравнение Константинополя и Рима было невозможно потому, что эти города были равны в сознании Константина из-за приблизительно равного соотношения своих положительных и отрицательных качеств: возраста, величины, характера населения, перспектив развития. Равенство же их как двух императорских резиденций легко нарушилось в пользу Константинополя, когда Константин стал больше времени проводить в нем, а не в Риме. Строго говоря, каждый город империи обладал собственным местом, и менять статус одного города за счет изменения статуса другого не имело смысла с точки зрения позднеантичного государственного устройства.

Константин не стремился создавать второй Рим, копируя оригинал. Дарование “своему” городу так называемых “столичных” привилегий еще не означало, что Константин решил возвести новую столицу в противовес столице старой. По суди своей, все эти “столичные” признаки – хлебные раздачи, привилегированное название населения, императорские постройки – являлись средством выделить Константинополь из массы обычных провинциальных полисов, которые часто обладали этими признаками вместе или по отдельности”⁵⁸. По-настоящему сделать Константинополь столицей могло

⁵⁷ *Socr.* I. 16: “Окружив этот город большой стеной и украсив различными зданиями, он расширил его, сравнял с царственным Римом и, переименовав в Константинополь, предписал законом называть его вторым Римом” (*Сократ Схоластик*. Церковная история. М., 1996. С. 38). В приведенном отрывке содержатся очевидные противоречия, причиной которых явились эклектические заимствования Сократом информации из разных по характеру источников, в том числе языческих, а также тенденциозность самого Сократа: Константин сначала приравнял свой город к Риму, затем переименовал его в Константинополь, а после того повелел называть вторым Римом. См. также: *Orosius*. VII. 28. 27 (*Павел Орозий*. История против язычников / Пер., коммент. и указатель В.М. Тюленева. СПб., 2003).

⁵⁸ В частности, хлебное снабжение восточных и африканских городов предполагало и раздачу хлеба части населения этих городов. См.: С. Th. 14. 25 (*De frumento Carthaginensi*); С. Th. 14.26 (*De frumento Alexandrino*); С. Th. 11. 15. 1; С. J. 10. 117. 3 (ситония). См. также: *Фихман И.Ф.* Государство и цены в византийском Египте // ВВ. 1991. Т. 52. С. 13–26.

бы только наличие “римского” сената. Но по вопросу о возникновении константинопольского сената можно утверждать с уверенностью только то, что все существующие на этот счет точки зрения являются не более, чем версиями, поскольку полные и достоверные сведения о сенате Константинополя в первой половине IV в. отсутствуют. Законодательство Константина I о нем не упоминает ни единым словом (в то время как имеются прямые обращения этого императора к сенату Рима⁵⁹). Единственный литературный источник конца IV в.⁶⁰, который приписывает Константину учреждение сената⁶¹, настолько неясен, что также открывает простор для предположений. Наиболее вероятной в настоящее время выглядит гипотеза А.А. Чекаловой, согласно которой первоначальный состав константинопольского сената качественно отличался от римского аналога⁶². В этом смысле статус “нового” сената – *secundi ordinis* – являлся в устах Анонима не более, чем саркастической характеристикой социального состава того образования, которое заняло место в курии Константинополя⁶³. Очевидно, что и слово “сенат” при этом использовалось не в прямом смысле, а в качестве литературной гиперболы: в самом деле, сенат в Римском государстве мог быть только один, а все прочие “сенаты” являлись по статусу городскими советами, т.е. куриями. Сенат Рима состоял исключительно из *clarissimi*⁶⁴, так что Константин, если он задумывал создавать сенат Константинополя, ничем не уступающий римскому, должен был переселить в Константинополь массу сенаторов из Рима, чего в действительности не произошло. Концентрация в Константинополе нескольких патрициев и некоторых представителей высшей администрации Востока – какие бы цели при этом ни ставил император Константин – привела к созданию не нового сената, а именно куриального совета⁶⁵; но совета особого рода: это был императорский совет из ближайших сподвижников Константина, совет-комитива, который не передвигался по стране вслед за императором, а имел стационарное расположение в одной из главных императорских резиденций и месте более длительного, чем в прочих городах Востока, пребывания Константина после 330 г. Создание такого “сената” в Константинополе подтверждает версию о первоначальном статусе города как *sedes imperii* особого рода. В этом смысле понятие “новый Рим” во второй четверти IV в. могло быть только неофициальным. После кончины Константина созданный им город остался всего лишь еще одной, хотя и более важной или любимой, чем другие, резиденцией, но никак не вторым Римом и уж во всяком случае не второй столицей. Сам Константин видел в Константинополе только плацдарм для реализации своих политических замыслов – место, свободное от многих недостатков и сложностей, присущих другим городам Востока.

⁵⁹ Например: С. Th. 8.18.1–319; 15.14.4–326.

⁶⁰ О датировке Анонима Вalezия см.: König I. *Origo Constantini: Anonimus Valesianus*. T. I: Text und Kommentar. Trier, 1987. S. 27.

⁶¹ *Anon. Val.* 30: “Где и установил сенат второго ранга: назвал (сенаторов) славными”.

⁶² Чекалова А.А. К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя // ВВ. 1989. Т. 50. С. 47–58.

⁶³ Ибо одно из значений выражения *ordo secundus* – “всадничество” (*Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1986. С. 542) или, используя реалии IV в., – “высочки” (*Чекалов А.А.* К вопросу... С. 48).

⁶⁴ *Dig.* I. 9. 12. 1.

⁶⁵ *Mudd M.M.* *Studies in the Reign of Constantius II*. N.Y., 1989. P. 80.

При преемниках Константина Великого официальный статус Константинополя не изменился. Тезис о том, что Констанций II, получивший от отца в управление весь Восток⁶⁶, стремился поднять авторитет Константинополя до уровня Рима⁶⁷, подвержен обоснованной критике⁶⁸, хотя полностью и не опровергнут. Разумеется, император Констанций ревновал братьев к власти, и само по себе обладание Константинополем не могло стать для него средством удовлетворения жажды большей власти. Столицей империи он, без сомнения, видел только Рим. В своих указах Констанций II упомянул название этого города не менее десятка раз, тогда как Константинополь был назван им лишь единожды, и то – в качестве определения⁶⁹. В законодательных памятниках периода правления Констанция по отношению к Риму не использовались эпитеты, известные по другим источникам того времени. В отличие от других крупных городов Рим, по-видимому, не нуждался в определениях, так как выделялся среди всех населенных пунктов одним своим именем – *urbs Roma*⁷⁰; Иногда, по примеру отца, Констанций величал этот город “общинной римской”⁷¹ или просто Городом⁷². Таким образом, в личном отношении к городам Риму и Константинополю император Констанций II являлся в общем продолжателем Константина I, но с небольшим отличием, а именно: если душе⁷³ Константина Великого ближе был город его имени, то Констанцию, по-видимому, ближе казался Рим, обладавший авторитетом и славой имперской столицы. Вполне вероятно, что город Константина вызывал “приязнь”⁷⁴ у Констанция II, но более вероятно то, что приязнь эта не была велика настолько, чтобы обуславливать поступки императора. Это отчетливо видно на примере пресловутого константинопольского сената.

Существует мнение, что конституции императора Констанция, адресованные “к сенату”, в подавляющем большинстве направлялись в Константинополь⁷⁵, что, как будто, говорит в пользу версии о стремлении Констанция II превратить этот город в настоящую столицу, которая обладала бы сенатом, равным римскому. Однако содержание “просенатских” постановлений таково, что свидетельствует скорее о противоположном устремлении императора. Все эти конституции, по сути дела, имели целью обременить членов “сената” расходами на поддержание городского стандарта того полиса, который носил славное имя Константина⁷⁶. Имеющиеся в нашем распоряже-

⁶⁶ *Euseb. Vita Const.* IV. 51.

⁶⁷ *Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien.* P. 1985. P. 230–231; *Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 135.

⁶⁸ См.: *Чекалова А.А.* Претура: основа комплектования сената Константинополя или налоговое бремя сенаторов? // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 37–45.

⁶⁹ С. Th. 11.16.6–346: “константинопольские граждане”.

⁷⁰ С. Th. 6.4.4; 7; 11; 9.17.2.

⁷¹ С. Th. 8.13.1.

⁷² С. Th. 6.4.3; 12.1.14.

⁷³ Состояние души Константина упоминал Аврелий Виктор (*Aurel. Victor. De caesaribus.* 41.12 “Он отвлекся душой, когда должен был быть основан город”).

⁷⁴ *Mudd M.M.* Op. cit. P. 84.

⁷⁵ Например: *Чекалова А.А.* Претура... С. 39–40. Прим. 1.

⁷⁶ См.: С. Th. 3.32.2; 6.4.5; 6.4.6; 6.4.8; 6.4.9; 6.4.10; 6.4.14; 6.4.15; 6.4.16. Мы придерживаемся той точки зрения, что не менее половины известных указов о преторах из Кодекса Феодосия относилось к Риму.

нии данные источников свидетельствуют о том, что в 40–50-е годы IV в. в Константинополе все еще не существовало “полноценного” сената, сравнимого с римским, и что Констанций II в это время и не имел цели создать его: во-первых, учреждение нескольких претур не возвышало Константинополь над прочими крупными *civitates*, курии которых несли схожие повинности⁷⁷; во-вторых, вплоть до конца 50-х годов количество в константинопольской курии сенаторов вообще⁷⁸ и клариссимов в частности⁷⁹ было явно недостаточным для уравнивания с Римом, а Констанций в то же время не был склонен увеличивать число обладателей клариссимата⁸⁰, наконец, само слово “сенат”, встречающееся в конституциях Констанция II, являлось обозначением не уникального политического учреждения, присущего столице, а именно курии значительного города⁸¹.

Большую часть времени своего правления Констанций был увлечен чем угодно, но только не увеличением авторитета Константинополя. В несравненно большей мере император был занят делами Рима. Так, все известные нам указы в адрес префектов города отправлялись в Рим⁸²; создание префектуры Константинополя не сделало нового префекта адресатом императорских посланий. Конституции *ad populum* тоже направлялись только в Рим⁸³. Возможно, Констанций II, имевший негативный опыт общения с константинопольцами⁸⁴, недолго любил и опасался их, а они отвечали императору теми же чувствами, и в результате город не получал возможных императорских милостей⁸⁵. Римскими же делами Констанций пытался заниматься даже

⁷⁷ Известно, что Констанций целеустремленно решал проблему курий, которая заключалась в том, чтобы сохранить в провинциальных городах местные “сенаты”, выполнявшие городские повинности (в этой связи замечателен пример Константины Циргенсийской, которая, по-видимому, получила в свое время имя Константина Великого и куриалы которой, возможно, на этом основании пытались получить льготный доступ в сенаторское сословие, но тщетно – С. Th. 12.1.29). Кроме того, претура не являлась исключительным атрибутом столичной курии: Либаний, например, показал существование аналогичных литургий в городах Эллады (*Lib. Or.* 14. 18; *Libanius. Opera. Lipsiae*, 1903. Далее обычный порядок ссылок на Либания).

⁷⁸ *Themist. Or.* 34. 3.

⁷⁹ С. Th. 6.4.9–356: “Желательно, чтобы в сенат пришли не менее пятидесяти клариссимов; ибо известно, (что благодаря) этому числу разливается (питательная) субстанция (для) всяческой доблести”.

⁸⁰ *Amm. Marc.* 21.16. 2 (здесь и далее ссылки даются по изданию: *Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Leipzig*, 1978); *Mudd M.M. Op. cit.* P. 128.

⁸¹ Ср.: С. Th. 6.4.5–340 (эта конституция адресована “к сенату”, но в тексте его не упоминает) и С. Th. 12.1.27–339 (адресована проконсулу Африки, но в тексте ее упоминается “сенат сивильнейшего Карфагена”). Иногда слово “курия” применялось по отношению к Риму и Константинополю в том же смысле, что и по отношению к провинциальным *civitates*: С. Th. 6.4.10 (Константинополь); С. Th. 6.4.11 (Рим).

⁸² Например: С. Th. 6.4.7; 7.20.7; 8.13.3; 9.17.1; 11.30.18; 13.5.9; 14.3.2; 15.12.2; 16.10.5.

⁸³ Например: С. Th. 9.16.4; 9.34.6; 11.16.7; в С. Th. 12.1.49 (адресат – префект претория Тавр): “одобряются голосами всего народа (Рима)”.

⁸⁴ Негатив, с одной стороны, могла породить известная “резня принцев” после интронизации Констанция (*Глушанин Е.П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Барнаул*, 1996. С. 25–26; *Грант М. Указ. соч.* С. 275), а с другой – склонность горожан к мятежам (каким, например, был мятеж 342 г. – *Socr. II*. 13).

⁸⁵ Например: С. Th. 11.16.6–346: “...константинопольские граждане, освобожденные (от) экстраординарных и рекрутских повинностей, (пусть) вспоминают, однако, обязанности и уплату за свои юги и капиталы”.

в период раздельного с братьями управления империей⁸⁶. Такая позиция являлась практическим выражением политико-административной концепции Констанция II⁸⁷, в которой Константинополь как административная единица не занимал центрального места.

Судя по данным различных источников, императорский интерес к Константинополю усилился и приобрел разносторонность после 355 г.: именно тогда появилось большинство обращений к константинопольскому “сенату”, да и само это учреждение стало более походить на сенат в узком смысле этого понятия. Вероятной причиной изменения отношения Констанция к городу, основанному отцом, было появление в политической жизни государства императорского родственника Юлиана. Его провозглашение цезарем в 355 г. предшествовало всплеску законодательной активности, коснувшейся Константинополя⁸⁸. Точно так же узурпация Юлиана и его победное шествие из Галлии на Восток послужили поводом для опубликования обширной конституции Констанция, адресованной сенаторам Константинополя⁸⁹. И если во второй половине 50-х годов город вполне мог рассматриваться императором в качестве опорного пункта при возможном выделении в будущем “цезаревой доли”, то узурпация Юлиана, отношение к которому в Константинополе было более лояльным, чем к самому Констанцию, должна была заставить последнего принять меры, которые застраховали бы его от перехода города на сторону Юлиана⁹⁰. Все указанные мероприятия, даже если они и знаменовали собой кардинальное изменение императорской позиции в отношении Константинополя, не привели бы к моментальному изменению официального статуса города. Для этого ни у Констанция II, ни у Юлиана Апостата не оказалось достаточного количества времени, и неизвестно точно, имелась ли решимость целенаправленно действовать в данном направлении. Константинополь конца 30-х – первой половины 60-х годов мог считаться современниками “городом *imperium* константиновой династии”⁹¹, однако такая общественная характеристика (одна из многих!) не влияла на его конституционный ста-

⁸⁶ Например: С. Th. 6.4.4–339: “Все клариссимы, которые проживают по диоцезам твоего высочества (имеется в виду префект претория Италии Мецилий Гилариан), принуждаются прийти в город Рим со (своими) расходами, которых требует смысл обязанности...”; С. Th. 9.17.2–349: “...в городе Риме ты (префект Италии Лимений) исследуешь вместе с понтификами...”.

⁸⁷ О целенаправленных действиях императора Констанция в данной сфере см., например: *Vogler Ch. Constance II et l'administration impériale*. Strasbourg, 1979; *Migl J. Die Ordnung der Ämter, Prätorianerpräfektur und Vikariat in der römischen Reiches von Konstantin bis zur Valentinianischen Dinastie*. Frankfurt a. M. 1994. S. 124–140.

⁸⁸ С. Th. 6.4.8; 9; 10–356; следствием громких военно-политических побед Юлиана, вероятно, стала еще одна законодательная волна: С. Th. 6.4.14; 15; 16–359.

⁸⁹ Эта конституция, датированная 3 мая 361 г., раздроблена в Кодексе Феодосия на несколько фрагментов: С. Th. 1.6.1; 1.28.1; 6.4.12; 6.4.13; 7.8.1; 11.1.7; 11.15.1; 11.23.1; 12.1.48; 13.1.3; 15.1.7.

⁹⁰ Констанций в 361 г. впервые назвал Константинополь “нашим городом” (С. Th. 6.4.13.3, 4), как совсем недавно называл Рим (С. Th. 11.30.27), а сенат Константинополя – “нашим сенатом” (С. Th. 12.1.48). Тогда же он показал себя обеспокоенным “делом устройства удовольствий народа” (С. Th. 6.4.13.pr), а также декларировал повинностные и налоговые льготы сенаторов (С. Th. 7.8.1; 11.1.7; 11.15.1; 15.1.7). Но тогда же Констанций II обратился посредством указа и к антиохийцам, которые славились склонностью к мятежам еще более, чем константинопольцы: С. Th. 16.2.16.

⁹¹ *Глушанин Е.П.* Ранневизантийский военный мятеж... С. 27.

тус. Тот же Юлиан, принадлежавший к династии Константина Великого и имевший все основания для того, чтобы испытывать к городу его имени самые искренние теплые чувства⁹², и проявлявший эти чувства в действительности, не трансформировал, однако, личное отношение в статус Константинополя. В сложную для Юлиана пору – летом и осенью 361 г. – он стремился заручиться поддержкой не Константинополя, а Рима⁹³ и направился на берега Босфора не прежде, чем поступили сведения о кончине Констанция. Встретив в Константинополе неожиданно радушный прием⁹⁴, Юлиан задержался в нем на сравнительно длительный срок и немалую часть времени и внимания посвятил тем, кто его поддержал в этом городе, – сенаторам и народу.

От периода правления Юлиана до нас дошли сведения о существовании в Константинополе консистория⁹⁵. Эта административная структура вместе с комитатом вобрала в себя тех сановников, которые при Константине I могли составлять часть константинопольской курии⁹⁶. Возможно, что реструктурирование “сената” произошло потому, что он не выполнял политических функций, а его численный состав пополнялся в IV в. отставными сановниками в ранге иллистриев. В конце правления Констанция II сенат Константинополя по числу и представительности его членов приблизился к римскому сенату, так что следующим логичным действием в “сенаторской” политике императоров стало увеличение количества привилегий восточных сенаторов, точнее, приближение их в этом отношении к сенаторам Рима. Юлиан, очевидно, утвердил соответствующие распоряжения своего предшественника на троне, а также добавил свой⁹⁷. Усилия Юлиана Апостата в этом направлении позволяют считать его правление временем превращения константинопольского собрания сенаторов в подобие столичного сената⁹⁸. Но при всем том император Юлиан не отождествлял положение сената Константинополя с официальным статусом города. Сенат приобрел представительность и авторитет, но не политическое значение, вследствие чего не мог претендовать на то, чтобы город формально соответствовал более высокому положению находившегося в нем совета. Среди законов Юлиана нет ни одного, который был бы адресован “ad senatum” после начала единоличного правления. Проблемы текущего администрирования император решал традиционно, при посредстве комитата⁹⁹ и конкретных должностных лиц. Несмотря на свою приязнь к Константинополю, Юлиан тоже относился к нему вполне в духе сложившейся в “доме Константина” традиции, признавая за Римом право называться столицей. Дела в Италии и Риме всегда стояли выше проблем Константинополя; постоянно находясь на востоке империи, Юлиан тоже обращался к чиновникам в Риме несравненно

⁹² Например: *Amm. Marc.* 22. 9. 2. У Либания же наряду с аналогичными высказываниями имеется сообщение о разочарованности Юлиана Константинополем: *Lib. Or.* 15. 55.

⁹³ *Amm. Marc.* 21. 10. 7.

⁹⁴ *Amm. Marc.* 22. 2. 4.

⁹⁵ *C. Th.* 11.39.5–362.

⁹⁶ Чекалова А.А. К вопросу... С. 51–53.

⁹⁷ Например: *C. Th.* 11.23.2; 12.13.1.

⁹⁸ *Amm. Marc.* 22. 7. 3: “Он часто посещал курию, иницируя там различные обсуждения”; *Lib. Or.* 59. 97: “Он предоставил совету свободу слова”; *C. Th.* 9.2.1–362: “Право сенаторов и авторитет этого сословия, к которому и мы причисляем самих себя, необходимо защищать от всякой несправедливости”.

⁹⁹ *C. Th.* 11.30.29; 31.

чаще¹⁰⁰. Таким образом, император демонстрировал личное расположение населению Константинополя¹⁰¹, тогда как собственно город рассматривался им традиционно – как одна из *sedes imperii*, ничем фактически не отличавшаяся, например, от Антиохии, но осененная величием и славой своего основателя¹⁰².

Личностная составляющая в отношении императоров второй трети IV в. к “городу Константина” сформировала питательную среду для развития того близкого к официозу идеологического настроения, благодаря которому и существовали устремления превратить Константинополь из императорской резиденции во “вторую столицу”. Черпавшие из этого источника авторы, современные Констанцию II и Юлиану, давали Константинополю соответствующую характеристику (наряду с описанием действительного физического состояния города, которое, к слову, не отличалось от состояния многих других городов Востока¹⁰³): помимо легенды о “втором Риме”, получившей дополнительное развитие с середины IV в.¹⁰⁴, приблизительно тогда же появляется миф о “сопернике Рима”¹⁰⁵. Имидж соперника славной столицы должен был повысить на Востоке общественный авторитет Константинополя и его жителей. Но на официальном “рейтинге” города эти усилия не отразились; можно только предполагать, что общественная идеализированная оценка статуса Константинополя в будущем повлияла на отношение к городу новых императоров, которые не имели прямой зависимости от прежних “династийных” ассоциаций и установок.

Наряду с медленно вызревавшими субъективными основаниями пересмотра статуса Константинополя, в конце IV – начале V в. появились и объективные факторы воздействия на официальную точку зрения о нем; в первую очередь, это усилившаяся тенденция к *partitio imperii*¹⁰⁶, заставлявшая императоров Запада и Востока пересмотреть отношение к прежним резиденциям с точки зрения новых политических реалий¹⁰⁷. У Константинополя в этом смысле была более выгодная перспектива, чем у Рима.

¹⁰⁰ Например: С. Th. 3.5.8 – к викарию Рима; С. Th. 14.4.3 – к префекту Рима; С. Th. 8.1.8 – к префекту претория Италии.

¹⁰¹ Кроме знаков внимания сенаторам” известны его обращения к народу Константинополя по второстепенным поводам (С. Th. 2.29.1; 9.17.5). Примечательно, что эдиктов к народу Рима от имени Юлиана не издавалось.

¹⁰² *Julian. Or. I. 8*: “Город, который настолько превзошел все другие, насколько сам ниже Рима; и представляется, что быть вторым (после Рима) – большая честь, чем числиться первым и выдающимся из всех городов рядом”. Высказывание Юлиана риторическое от начала до конца, и его назначение состояло не в выявлении действительного положения Константинополя, а в обязательном упоминании заслуг Константина, среди них было и основание города, в котором Юлиан произносил свою речь. Из вежливости он вставил в панегирик Констанцию наиболее выгодное для адресата общественное представление о значении Константинополя для членов константиновской династии.

¹⁰³ *Lib. Or. 18. 177*: “большой город во Фракии”; *Expositio totius gentium et mundi*, 50 (Geographi graeci minores / Ed. C. Müller. Vol. 2. P., 1861): “блестательный город во Фракии”; *Themist. Or. III. 41a*: “прекрасный город”. О величии Константинополя сообщает и Гимерий (*Himerius. Or. 41. 4*).

¹⁰⁴ *Lib. Or. 18. 11*: “город, после Рима величайший”; *Or. 15. 36*: “каждый из Римов”; *Or. 59. 94*: “величайший из здешних городов и второй после величайшего из всех”.

¹⁰⁵ *Lib. Or. 15. 59*; *Or. 18. 13*; *Eutrop. Brev. X. 8. 1* (Римские историки IVвека. С. 69); *Themist. Or. 41c–d*; *Or. 42*.

¹⁰⁶ *Глушанин Е.П.* Раздел Римской империи 364 г. и начало Византийского государства // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Барнаул, 1998. С. 4–8.

¹⁰⁷ *Amm. Marc. 26. 5. 4*.

Специфика политических обстоятельств и новых личных отношений в новой же валентиниановой династии обусловила изменения в официальном взгляде на Рим и Константинополь. Валентиниан I еще накануне раздела с Валентом “комитов и легионов” назвал Рим “вечным городом”¹⁰⁸, давая тем понять окружению, что он верен древним традициям¹⁰⁹ и считает Рим единственной и неповторимой столицей империи. Позднее, находясь в резиденции в Медиолане, он не только не изменил свою первоначальную позицию относительно “вечного Рима”¹¹⁰, но и дополнил ее эпитетом “священный”¹¹¹. Валент, который получил для управления Восток с Константинополем, весьма редко высказывался о проблемах своей главной ставки, а название города в его конституциях вообще не встречается¹¹². Валент словно бы демонстрировал нежелание вспоминать о нем без надобности¹¹³. По-видимому, Константинополь был неприятен Валенту, но тот не имел возможности совершенно игнорировать его. Император бывал в Константинополе по необходимости¹¹⁴, признавая за ним статус резиденции особого рода, однако едва ли задумывался всерьез об изменении этого старого официального статуса.

Первые эпитеты появились у Константинополя в законодательных источниках периода правления Феодосия Старшего. Хотя он, как выходец с Запада, был человеком, в известной мере чуждым восточным традициям, его признание вышшающегося положения Константинополя не выглядит необычным именно в силу его “чужеродности”. Феодосию I важно было утвердиться в качестве легитимного императора, а проще всего сделать это было в северной части Восточной империи, где выдающимся городом как раз и признавался Константинополь. Феодосий I согласился с определением Константинополя как “второго Рима”¹¹⁵, создав тем самым ему официальный в ранней Византии статус второй после Рима патриархии империи¹¹⁶. Но сам Феодосий не именовал Константинополь вторым Римом в конституциях; обычное его обозначение в законодательстве – “константинопольский город”¹¹⁷, в чем видится следование светской, а не церковной традиции. При всем известном своем православии Феодосий I не смешивал “богово и кесарево”, так что город Константина в его указах не обладает какой-то особой святостью, которую могло бы сообщить ему имя равноапостольного основателя, а также положение первой митрополии Востока¹¹⁸. Очевидно, религиозная теория “второго Рима” еще не вросла в сознание всего гражданского сообщества Востока, а император Феодосий не старался ускорить

¹⁰⁸ С. Th. 14.2.1; 14.22.1; 15.1.12.

¹⁰⁹ Paschoud F. Op. cit. P. 9–20.

¹¹⁰ С. Th. 11.2.2; 14.6.3.

¹¹¹ С. Th. 14.3.12: *sacratissima urbs*; С. Th. 14.15.2: *urbs sacra*.

¹¹² Единственный случай именованя Константинополя в законодательстве рассматриваемого периода встречается в конституции Валентиниана I (С. Th. 13.9.2), где город Константина, разумеется, представлен безо всякого пиетета: “... в отдаленные военные порты или в Константинополь...”.

¹¹³ Сухой тон конституций Валента в лучшем случае допускал термин “город” (С. Th. 1.6.7).

¹¹⁴ См.: *Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 82–84.

¹¹⁵ *Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия.* М., 1998. С. 158–160.

¹¹⁶ С. Th. 16.1.3; см. также 3-й канон Второго Вселенского собора.

¹¹⁷ С. Th. 1.10.4; 1.15.11; 6.2.14; 10.18.2; 14.17.9; 15.1.25.

¹¹⁸ См.: С. Th. 16.1.13: “константинопольская церковь”; С. Th. 16.5.7.3: “замечательная славная община (в смысле церковная константинопольская)”.

процесс ее укоренения. Он формально признавал духовное лидерство старорима, особенно явно в то время, когда находился в западной части Римской империи¹¹⁹, на Востоке же он почти совсем не поминал Рима, тогда как в Риме о Константинополе не забывал¹²⁰. Феодосий Великий считал Константинополь не просто своей главной резиденцией в империи, но и городом, равным Риму по значению для государства. Он немало способствовал физическому и моральному росту Константинополя, распространял миф о славном прошлом “города священнейшего имени”¹²¹ и, по сути, являлся первым из византийских императоров, приближавших Константинополь к статусу действительной столицы восточной части Римской империи. Феодосий I был также первым из императоров IV в., кто искренне любовался Константинополем, с удовлетворением отмечая свою сопричастность с судьбой этого города и оценивая результаты трудов по его усовершенствованию¹²². Тем не менее при всей очевидной приязни императора к Константинополю Феодосий не решился изменить официальный светский статус города Константина. Можно объяснить этот феномен опасениями непредсказуемых политических последствий, недостаточной подготовленностью общественного мнения или традиционализмом Феодосия – факт остается фактом: Константинополь и на исходе IV столетия пребывал одной из императорских резиденций, продолжительность остановок императора в которой целиком зависела от обстоятельств и желания императора.

Но реальное положение Константинополя стало уже таково, что после Феодосия Великого началась эпоха перманентного пребывания византийских императоров на европейских берегах Пропонтиды. Можно ли в связи с этим называть Константинополь столицей ранневизантийского государства начиная с 395 г.? Обратимся вновь к эпитетам города, которых немало обнаруживается в законодательстве сына Феодосия I, Аркадия. В его правление Константинополь начинает официально величаться “священнейшим городом”¹²³ – так, как до того называли только Рим. Отличие в применении данного эпитета от римской практики состояло в том, что константинопольский вариант “священнейшего” встречался пока только в указах религиозного направления. В большинстве же случаев упоминания Константинополя в законах “светского” содержания он назван “Городом”¹²⁴. Далее, Аркадий по примеру своего отца изредка называл Константинополь “городом священнейшего имени”¹²⁵. Наконец, в конституциях Аркадия впервые по отно-

¹¹⁹ Впрочем, именуя Рим “вечным городом”, Феодосий I как будто не вникал в суть традиционного словоупотребления, просто копируя в этом императоров Западной Римской империи. Ср.: *urbs aeterna* (C. Th. 11.1.18), *urbs venerabilis* (C. Th. 14.3.17; 14.6.4; 15.7.5; 15.10.2) – в конституциях, изданных западными императорами Грацианом и Валентинианом II, и *urbs aeterna* (C. Th. 14.1.3; 14.4.6), *urbs venerabilis* (C. Th. 11.30.49) – в конституциях, изданных Феодосием I во время его пребывания на Западе.

¹²⁰ C. Th. 2.8.19: “величайшие города Рим и Константинополь”.

¹²¹ C. Th. 14.12.1.

¹²² C. Th. 15.2.4: *florentissima urbs*. Это первый известный официальный эпитет Константинополя. Он использован в соответствии с содержанием конституции, повествующей о снабжении города водой, которая и позволяла ему “цвести”, но это уже не просто констатация физического состояния Константинополя и не риторический оборот, как в литературных памятниках второй половины IV в.

¹²³ C. Th. 16.2.37; 16.4.5; 16.5.30.

¹²⁴ Например: C. Th. 4.4.4; 7.1.17; 14.17.3.

¹²⁵ Например: C. Th. 14.17.14.

шению к Константинополю появляется эпитет “кормящий”¹²⁶. Очевидно, таким образом, что для императора Аркадия Константинополь был не просто резиденцией, но городом, пребывание в котором являлось неременной частью его повседневной жизни¹²⁷. Официальная эпитетика зафиксировала увеличение в имидже Константинополя доли субъективной императорской оценки, которая к тому же не шла вразрез с некоторыми общественными представлениями о значении города, хотя и не усиливала их. Все новые официальные эпитеты Константинополя не создавали городу нового статуса: приведенные выше определения остались частными и второстепенными по сути, поскольку описывали отдельные ипостаси города Константина: “кормящий” – в сфере аннонарного снабжения, “священнейший” – для православного населения Востока. Императорская власть пока еще не постулировала местоположения Константинополя в политическом и культурном пространстве целого государства, хотя о процессе формирования теории такого рода свидетельствует факт исчезновения из законодательных источников Рима как возможного объекта для сравнения с Константинополем¹²⁸.

Первая осторожная попытка официально назвать Константинополь царским городом и тем формально признать его столицей (в каком бы то ни было смысле) имела место в правление Феодосия II¹²⁹. Примечательно то, что она случилась не в год захвата Рима Аларихом, а много позже – вскоре после смерти императора Гонория и переезда в Константинополь его сына – будущего императора Валентиниана III¹³⁰. Тогда, в 424 году, Феодосий II не признал императором Запада Иоанна¹³¹ и, по-видимому, тогда же решил, что центр всей Римской империи переместился в Константинополь. О подобном умозаключении свидетельствует и появление в ранневизантийских законодательных источниках еще одного константинопольского эпитета, прежде относившегося только к Риму¹³². Феодосий Младший, наверное, давно мечтал об обновлении статуса Константинополя, поскольку уже в самом начале правления он санкционировал эксплицитное употребление эпитета “священнейший”, появившегося у Константинополя в правление Аркадия, так что этот эпитет стал применяться исключительно в указах светского содержания¹³³. Феодосий не согласовывал нововведение с императором Грацианом, и правительство Западной империи называло “священнейшим” и “вечным”, как обычно, город Рим¹³⁴. После интронизации Валентиниана III

¹²⁶ С. Th. 16.4.5.1–404: haec alma urbs.

¹²⁷ Константинополь удостоился от Аркадия редкого определения “наш город” (С. Th. 8.1.14–398).

¹²⁸ В конституциях Аркадия Рим не упоминается ни разу, в то время как на Западе Рим, даже оставленный императорами, сохранил для них значение идеологического символа со всеми присущими ему определениями и эпитетами: “священнейший” (С. Th. 6.2.20; 14.1.5; 14.15.3), “вечный” (С. Th. 7.13.14; 11.20.3; 14.2.3) и “почитаемый” (С. Th. 11.30.61; 14.10.2; 14.15.5).

¹²⁹ С. Th. 15.1.52–424: haec regia urbs.

¹³⁰ Грант М. Указ. соч. С. 321.

¹³¹ Там же. С. 333.

¹³² С. Th. 15.5.4: urbs aeterna. Очевидно, что речь в данной конституции идет о Константинополе: она дана от имени одного Феодосия II и касалась дел на византийской территории, в частности в префектуре Иллирик.

¹³³ С. Th. 13.5.32–409; 7.8.13–422; 6.23.4–437.

¹³⁴ С. Th. 7.21.4; 9.40.20–408; 13.5.35; 16.5.53–412; 14.10.4–416; 1.6.11–423.

в законодательстве Запада стали воспроизводиться официальные представления о Риме восточного императора Феодосия II: благодаря прямому влиянию восточного императора из указов Валентиниана исчезает традиционное величание Рима¹³⁵. Основной целью Феодосия являлся перевод Рима на второстепенные позиции по отношению к Константинополю хотя бы в государственных документах. Лишь на авторитет Рима в делах религии Феодосий II не покушался¹³⁶. Но все звучные римские эпитеты после 424 г. перекочевали в законодательство ранневизантийских императоров и стали определенными Константинополя. Рим же в официальных источниках и Запада, и Востока превратился в “город Рим”, т.е. формально – в административно-территориальный центр наподобие прочих *urbes*¹³⁷.

Вообще, на период правления Феодосия II пришелся расцвет официального использования эпитетов ранневизантийского Константинополя¹³⁸. Многие эпитеты применялись вне прямой зависимости от контекста включавших их конституций. Подобный разрыв с прежней практикой может однозначно означать, что Константинополь рассматривался в первой половине V в. не просто как населенный пункт, обладавший определенными физическими параметрами и функциями, пусть даже и запланированными самим Константином Великим, но прежде всего как особенный город, чьи многоликость и выдающиеся свойства должны были подчеркивать это особое положение среди городов империи. Казалось бы, сам собою напрашивается вывод о завершении формирования столичного статуса Константинополя в правление императора Феодосия Младшего. Но утверждать это было бы некорректно, так как попытка последнего ввести в официальный оборот эпитет “царский” не получила развития после 424 г.: важнейший из столичных эпитетов в конституциях более не встречается. Причиной императорской осторожности и непоследовательности служило, вероятно, сохранение в течение всего V в. прочно укоренившегося в общественном сознании представления о Риме как о важном явлении политического, идеологического и культурного порядка, преодолеть которое простыми манипуляциями с эпитетами было невозможно. Рим оставался “царским” городом фактически, так как в нем по-прежнему происходила легитимация западных императоров (включая и креатуру Феодосия – Валентиниана III). Константинополь в этой связи мог бы претендовать на роль второго царского города, о которой громко твердили официозные источники еще во второй половине IV в. и которая была неприемлема для честолюбия византийских императоров. Феодосию Младшему и его преемникам на троне оставалось рассчитывать на постепенное перевоспитание широкого общественного мнения относительно истинного значения Рима и Константинополя для судеб Римской империи. Возможно, разнообразие эпитетов Константинополя предназначалось

¹³⁵ Например: С. Th. 6.2.25; 8.18.9: “город Рим”.

¹³⁶ С. Th. 16.2.45: “Константинопольский город, радующийся благодаря прерогативе старого Рима”. Фраза из конституции звучит как церковный канон. Набожный Феодосий Младший, видимо, и не пытался оспорить религиозный авторитет Рима.

¹³⁷ Ср., например: С. Th. 11.1.32; 12.1.176: карфагенский город; С. Th. 16.2.43: александрийский город; С. Th. 12.1.186: *quiqua urbs*; С. Th. 12.6.33: *urbes*.

¹³⁸ С. Th. 14.16.1–409: “величайший”; С. Th. 14.6.5; С. Th. 1.2.4–419: “обширнейший”; С. Th. 15.1.51–413: “великолепнейший”; С. Th. 16.5.58–415: “знаменитый” С. Th. 6.30.24–425; 7.8.15–430; 7.8.16–435: “кормящий”; С. Th. 7.8.14–427: “счастливейший”.

для того, чтобы компенсировать невозможность одного, но главного эпитета – “царский”, означавшего не конкретную функцию города (главная императорская резиденция), но совокупность функций главного имперского города. Ранневизантийские василевсы – Феодосий II, Маркиан, Лев I и Зенон – наверняка считали Константинополь главным городом не только собственно Византии, но и всех бывших римских земель¹³⁹, однако не имели сил или воли распространить такое представление повсеместно. Анализ данных законодательства 50–80-х годов V в. показывает, что восточное правительство именно приучало общественность к эпитету “царский” в соседстве с именем города Константина: Феодосий II использовал его единожды, как и Лев I (Маркиан пользовался эпитетом “вечный”), но правление Льва было короче, а эпитет был использован в конституции, посвященной делам религии, что усиливало его звучание, поскольку христианская церковь почитала Рим главным городом, а в законах Зенона Константинополь назван царским городом уже неоднократно¹⁴⁰, но, так как прочие эпитеты из-за этого не исчезли, говорить о качественном изменении в порядке использования эпитетов нельзя вплоть до конца V в.¹⁴¹ Поэтому формально Константинополь оставался все это время той же “царской” резиденцией, какой пребывал в течение большей части IV столетия. Рим давно утратил статус реальной *sedes imperii*, но мог иногда называться “царским городом” в память о прошлом или же в пику Константинополю. С началом германского заселения Италии эстафету поддержания старого имиджа Рима подхватили даже те варварские правительства, которые признавали Константинополь в качестве важного фактора политической жизни и международных отношений в Восточном Средиземноморье¹⁴². Перевоспитание общественного мнения в духе идеи всестороннего превосходства Константинополя над Римом оказалось делом бесперспективным. Даже как “царская” резиденция Константинополь не мог претендовать на уникальность после окончательного захвата Рима варварами: любой город Запада, избранный германскими королями на роль места постоянного присутствия, формально назывался “царским” (*regia urbs*), будучи производным от латинского слова *rex*¹⁴³. Для того, чтобы возвысить Константинополь в качестве резиденции императора, необходимо было не столько преодолевать инерцию традиционного мышления, сколько изме-

¹³⁹ Например: С. J. I. 12. 6. рг. (Лев): “этот царский город, в котором мы, проживая по божеской благосклонности, издаем скорые постановления...”; С. J. 12. 3. 1 (Зенон): “этот славный город, который есть глава земного круга”.

¹⁴⁰ С. J. I. 2. 16; 11. 43. 10; 12. 40. 11; 12. 60. 6; “этот царский Город”; С. J. 11. 43. 9: “царская Община”.

¹⁴¹ С. J. I. 2. 16. 1: “эта религиознейшая Община”; С. J. 3. 24. 3: “этот кормящий Город”; С. J. 12. 3. 3: “этот славнейший Город”; С. J. 12. 21. 8: “преданнейший Город”. Об опасениях Зенона при использовании эпитетов Константинополя говорит и то обстоятельство, что конституции, где они встречаются, датированы 477–488 гг., т.е. эпитеты в них появились лишь после известных событий 474–476 гг.

¹⁴² Например, остготский король Теодорих Великий. См.: *Cassiodor. Variae*. III. 30. 1 (о Риме): “Единственное может в тебе составить многое. Какие из городов отважатся устремиться к твоим вершинам?”; IV. 6. 1: “Рим не должен быть кому-либо неприятен, никто не может назвать его чужим... он – обширнейший храм всех доблестей”; VII. 15. 5: “...а ныне верно, когда говорят, что весь Рим есть чудо” (здесь и далее – ссылка на следующее издание Кассиодора: *Cassiodori senatoris Varii* // АА. МGH. Т. XII. В., 1894).

¹⁴³ *Ibid.* I. 128. 1: “Достоинство обустройство города, которому поверяет себя царская (*regalis*) забота, так как славой временем является восстановление старых городов...”.

нять сложившийся порядок употребления эпитетов, привести эпитетику в соответствие с рождавшейся ранневизантийской доктриной Константинополя. Наиболее эффективной мерой поэтому было бы изъятие из официальной риторики всех “лишних” для определения политической роли Константинополя эпитетов, а также внедрение в нее такого заменителя прежнего эпитета *regia*, который означал бы то же самое по сути, но не имел бы ничего общего с *reges* по форме. Необходимость указанных действий казалась настолько очевидной в конце V в., что была реализована уже в правление Анастасия I. Император Анастасий достиг главного – он устранил двусмысленность семантического обозначения официального статуса Константинополя, признав его столицей незанятой варварами римской территории. В указах Анастасия I Константинополь назывался только царским городом и никаким другим, причем слово “царский” стало чаще передаваться по-гречески¹⁴⁴. Это обособило Константинополь от прочих претендентов на титул “царского города”; освобождению образа города Константина от связи с Римом послужило использование в официальной практике древнего его названия – Византий¹⁴⁵.

На этом было бы возможно завершить обзор эволюции официального статуса Константинополя по данным законодательных источников, сделав вывод о превращении города в столицу империи на рубеже V–VI вв. Но сделать так будет не вполне правильно, поскольку в VI в. в законодательство возвращается терминологическая двусмысленность, которая позволила Риму вновь соревноваться с Константинополем за первенство в некоторых ипостасях. Кодификация Юстиниана I и его реставраторские замыслы потребовали переосмысления анастасиевой позиции в вопросе об идентичности Константинополя. Юстиниан Великий неизбежно должен был порвать с принципом обособления Константинополя от Рима и сформулировать новое отношение к Риму как к историческому центру империи и как к первой из ортодоксальных патриархий¹⁴⁶. В официальном статусе Константинополя изменений почти не произошло, однако в образ города в VI в. вновь оказался включенным элемент сравнения с Римом. При Юстиниане столичный статус Константинополя утвердился, но более сложным путем, чем при Анастасии, так как пришлось учитывать “римский фактор”. Впрочем, задача Юстиниана была облегчена существованием уже практически сложившегося общественного представления “ромеев” о Константинополе как единственной столице Римской империи.

Подведем итоги. История складывания столичного статуса Константинополя прошла несколько этапов. Вплоть до конца IV в. город формально и фактически являлся одной из императорских резиденций, которые отличались друг от друга названиями и стратегически обусловленным значением. Но Константинополь обладал двумя серьезными преимуществами перед

¹⁴⁴ С. J. 1. 2. 17: βασιλίδος πόλεως; С. J. 8. 53. 32: regia urbs; С. J. 10. 27. 2: βασιλίδι πόλει.

¹⁴⁵ С. J. 1. 2. 17: Βυζαντίω.

¹⁴⁶ В Кодексе Юстиниана большинство конституций IV–V вв. были отредактированы таким образом, что название Рима лишилось изначальной образности или же вовсе исчезло. Ср., например: С. Th. 14.1.3 = С. J. 11.14.1; С. Th. 14.3.12 = С. J. 10.48.9. Одновременно с этим в ряде конституций, упоминавших Рим, его значение было намеренно подчеркнуто в редакции нового кодекса. Ср., например, в С. Th. 15.1.11: “вечный город Рим” и в С. J. 8. 11. 5: “вечный город Рим, старый и новый”.

прочими резиденциями: во-первых, он был основан Константином Великим и носил его имя, во-вторых, он обладал более выгодным географическим положением. При соответствующих усилиях заинтересованных персон названные отличия обеспечивали возможность дальнейшего отрыва от других городов – претендентов на роль главной резиденции. Второй этап истории ранневизантийского Константинополя начался после раздела империи 395 г., когда появилась основа для его соперничества с Римом в праве называться главным городом по отношению к городам и общинам Востока. Этот этап завершился в конце V – начале VI в. утверждением в официальной риторике эпитета “царский”, прилагаемого к Константинополю. Особым этапом следует считать период с 30-х по 60-е годы VI в., когда императорская власть пыталась осознать реальное положение “вечного” Рима по отношению к “царскому” Константинополю в русле развивавшейся политической теории ранневизантийского государства. Результатом пройденного Константинополем исторического пути явилось формальное превращение его из “города Константина” в столицу ранней Византии и соперника Рима в праве трактовать теологические и церковно-административные вопросы.

Конечно, невозможно абсолютно точно назвать время, когда Константинополь стал столицей Византийского государства. Но, как удалось выяснить, не вызывает сомнений то, что при определении статуса города необходим учет не только его физического состояния и роли в политической жизни государства, но и субъективных факторов – общественных и официальных представлений, лежащих в основе конкретно-исторического имиджа Константинополя.

Х. Дукакис

LAND POSSESSION AND RURAL ECONOMY IN THE BYZANTINE EGYPT IN TWO LIVES OF SAINTS (4th Century)

Egypt was the territory of the Byzantine Empire in which the asceticism appeared for the first time. There are chapters in the 'Lives of Saints' that vividly demonstrate how the people from wealthy families, both Greek and Egyptian, abandoned the comfortable cities for rustic country-side. These people tended to leave the society and to become monks, first in the rural area, then in the desert. Our task is therefore to examine how they confronted their financial needs.

LIFE OF ST. ANTONIOS: ENDOWMENT OF LAND, AGRICULTURE AND PRODUCTION IN AND OUTSIDE THE KOME

We read in the 'Life of Saint Antonios' (fl. between 251–356¹) that he was an Egyptian of aristocratic origin, with some fortune²; his parents were Christian. Although his family was wealthy he did not enjoy the pleasantness of luxurious life³. This fact can sufficiently explain why he had chosen the hermit life after the death of his parents. Indeed when this happened, Antonios endowed under God's inspiration the inhabitants of his large village with his ancestral possessions. These possessions were three hundred (300) parcels, called κτήσεις or ἄρουρες, of a fertile and wealthy land.

The data of our source, the 'Life of St Antonios', indicates that his donation was exceptional even by the standards of the time: Antonios gave the peasants of the rural place, κώμη⁴, the land estimated in no less than 816 στρέμματα⁵. It is not clear, however, whether these peasants who profited from the donation were cultivators of the farms of Antonios. We read that Antonios indeed had cultivators, but 'The Life' does not specify their status: the source only mentions the farms that brought Antonios plentiful harvests. This means that the farmers had been giving him and his sister the agricultural production. When endowed these farms to the cultivators, Antonios and his sister wanted to get rid of their property and to fully concentrate on the monastic life.

Besides the land estates, Antonios also had other items from his property which he sold; the sums that he received were given to the poor; only a part of the money

¹ The persecution of the Christians under the emperor Maximian is a *terminus post quem* of the beginning of Antonios' hermit life.

² Βίος Ἀντωνίου: Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀντωνίου, συγγραφεὶς καὶ ἀποσταλεῖς πρὸς τοὺς ἐν τῇ Ξένῃ μοναχοὺς παρὰ τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας. PG. 26. 835–976. P. 840.

³ Ibid. P. 841.

⁴ Ibid. P. 842.

⁵ 1 ἄρουρα was equivalent of 3,50 στρέμματα (or 0.68 akr.); the total Antonios' possession was therefore 816 στρέμματα.

was retained for his sister. Nevertheless Antonios did not forget his previous life as a landowner and the relations with his people. Later, when advised some monks, he mentioned the abandonment of his lands for the sake of God⁶.

The organised monasteries had not yet appeared in Egypt; and the monks did not go off to remote deserts but they dwelt in the vicinity of their *κώμη*⁷. Thus, the first anachoretēs came from the rural world, the *kome*. The data indicates that Antonios indeed came from the *kome*, as no city was mentioned as his birthplace. It seems that he belonged to the provincial aristocracy. His *kome* was called Κυριακό. An old man, who had been a monk from his young years, lingered in the nearest *kome* and became an example for Antonios. Like his teacher, Antonios choose the vicinity of his *kome* as his dwelling place. When he heard that a famous anachoretē passed through the village, he went there, looked for him, asked him for an advice, and then returned to his location⁸.

The peasants of the *kome* loved Antonios and called him “θεοφιλή”⁹. He nevertheless continued to have been tempted by his lost possessions, these κτήματα, and the enjoyments of his previous life¹⁰. Later on, he moved from his *kome* and found some graves as his new abode where he continued to exercise ascetic practice¹¹; the attack of demons left him half-dead. The person who customarily brought him his bread, found him and transferred him back to the *kome* of Kiriako. The farmers and his relatives surrounded him as if he was dead¹². One might note that these graves were located not too far from Antonios’ *kome* and that he did not lose contact with his people. Unfortunately, we do not know the exact location of Antonios’ *kome*. It might have been the vicinity of the canal of Arsinoites, full of crocodiles, which Antonios crossed later, at the time when the monasteries became numerous in Egypt¹³.

The existence of farmers is quite visible on the pages of the ‘Life of St. Antonios’. He even made some oracles, in which he warned the sailors and the farmers about the good or bad seasonal changes, or changes of the weather on this or that particular day¹⁴; and in good time beforehand the peasants managed to accommodate themselves to the abnormal weather conditions.

Antonios himself mentioned that in the place where he dwelt as a hermit, some passer-byes were forced to steal the agricultural production of the monks because they were tired and hungry during their travel¹⁵. That is why Antonios asked for his monks-companions to bring him a grubbing-hoe, an axe¹⁶ and some wheat seeds. He then found a piece of land just in the vicinity of the mountain where he was a hermit. He began sowing and watering the land; and he thus obtained his every-day bread enough to support himself and the strangers if these passed by. Like a good saint, he also brought up some vegetables.

It is interesting to see how a former landowner turned into a simple farmer. The tools which he used, the sowing, the irrigation of field and the concern for the

⁶ Βίος Ἀντωνίου... P. 868–869.

⁷ Ibid. P. 842.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 845, 4.

¹⁰ Ibid. P. 845, 5.

¹¹ Ibid. P. 853, 8.

¹² Ibid. P. 846.

¹³ Ibid. P. 865.

¹⁴ Ibid. P. 892, 33.

¹⁵ Ibid. P. 916, 50.

¹⁶ These are agricultural tools.

strangers – all these pointed out to traditional peasant values. The most important is the fact that the monks were farmers and possessed fields which they cultivated themselves. It is not quite clear if these monks were the farmers of lands of Antonios, who later became monks following the example of Antonios. But the location of the cultivated fields where Antonios was lived as hermit was far away from the original *kome* of Antonios.

For our source reads that Antonios' agricultural production was damaged by the desert animals. Likewise, there was some food (oil, olives, and legumes) which he could not grow and which the monks who took care for him brought to him¹⁷. It seems that in the final stage of his life Antonios lived in the deep desert in which these products could not have been produced as indeed were in the mountainous fields where he had been before. Likewise, the water in the mountains was clearer than that in the desert¹⁸.

The food which Antonios ate was remarkable: he started with bread, salt, and water and avoided even to ask for meat and wine¹⁹; sometimes he lacked even the bread (when he was closed in the tombs²⁰ or was isolated in another place within six months²¹ – but the monks brought the bread to him). On the one hand, he managed to provide himself with his every day bread; on the other hand, he used to employ other agricultural products from the soil more fertile than his.

LIFE OF PACHOMIOS: AGRICULTURE AND PRODUCTION IN AND OUTSIDE THE KOMÉ, MONASTIC PROPERTY, MONKS AS FARMERS AND CULTIVATORS

Pachomios appeared in Thebais of Egypt at the beginning of fourth century, some time later than Antonios, and certainly after the persecution imposed on the Christians by the emperors Diocletian and Maximian²².

Though born from pagan Greek parents, Pachomios turned himself Christian²³. His way of conversion is remarkable because he was baptised in the peasant community: during the civil war in the Roman Empire, in which Constantine the Great emerged as a victor, he was arrested and jailed in Thebais²⁴. When released, Pachomios moved to the Upper Thebais and there, in the church of one *kome* of Χηνοβοσκειά, was baptized²⁵.

In the 'Life of Pachomios' the information concerning the rural communities is scanty. Fortunately we have enough data to suggest that the production of wheat in the Byzantine Egypt was abundant (the fact which is also visible in the 'Life of Antonios') and that the monastic property gradually increased.

The monastery of Pachomios was in the *kome* and possessed rural estates. This is evident from the fact: once Pachomios compared the children and the land which

¹⁷ Βίος Ἀντωνίου... P. 917.

¹⁸ Ibid. P. 920.

¹⁹ Ibid. P. 853.

²⁰ Ibid. P. 853, 8.

²¹ Ibid. P. 861, 12.

²² Βίος Παχωμίου: Sancti Pachomii Vitae Graecae, ediderunt Hagiographi bollandiani, ex recensione Francisci Halkin S.I. Bruxelles, 1932.

²³ Ibid. P. 2.

²⁴ Ibid. P. 3.

²⁵ Ibid. P. 4.

can be ploughed. Both are rough and uncultivated when at the first age, then both must obey to those superior and reach perfection later. The cultivated sou is always ready to be used for a vineyard, but the fallow land has to be smooth in order to take the seed. Even the level ground where a good seed was planted will be fallow if kept slovenly. And if the fallow land becomes smooth with care and attention, it will produce worthy fruit²⁶. The details of description were so characteristic that only a peasant could have made these.

The occupation of the Pachomios' monks with rural works is also evident from another fact: they go to the small island of Nile in order to reap θρύα; Pachomios himself took part in the harvesting. After a hard day, they usually retired to their closures for the rest. Once Pachomios came back ill in the evening and went to his bed shivering. A monk wanted to give him a mattress from animal hair, but Pachomios refused and asked to give him a straw one from palms like the other monks²⁷.

The explanation of Pachomios' humbleness is that he knew the toils of the monks' everyday labour as well as their requests. There might have been other ill monks in need of nursing too²⁸. Pachomios is shown as a person with deep affection for his monks; and also as a supervisor interested in the health of his staff. The most interesting is that the monks were cultivators of estates of their monastery and themselves produced their food.

The meal of the monks consisted of oil, vinegar, lapsarao²⁹ (which Pachomios did not taste, because, as it is said, he avoided the luxurious food for two years after he became a monk³⁰) and, of course, bread, the chief food in Pachomios' monastery.

There were events of shortage of wheat from which we can note the existence of money economy and trade in the *kome* in which the monastery was located. When there was a lack of bread because of charity that monastery has done, Pachomios intended to buy wheat by giving in exchange two mattresses which had been donated to his monks. At that night a wheat trader appeared. He brought the wheat with the explanation that these packs are his pious donation for the people of God. Pachomios received the offering but asked him for a deadline to pay. The wheat was then transferred to the monastery³¹.

The story of healing the possessed man in the monastery also mentions some food. When the porter of cage where the monks closed him, brought to him the bread from his father, the possessed one did not taste it, but ate the other, the monastery's. The same happened when the porter brought to him the dates from palm tree and fresh cheese together with the crumb of bread from his father: he ate the others' but not his father's. But when he had been constrained to have no meal for two days, Pachomios cooked the ἀθήρα a pie, mixed with bread, and spread with oil and gave to him: the possessed one ate it and finally slept in his cage. His happy father thanked Pachomios for the healing of his son³². This story indicates that various diseases could have been healed with the help of hunger or by the lack of necessary nutrition.

²⁶ Ibid. P. 32.

²⁷ Ibid. P. 33.

²⁸ Ibid. P. 34.

²⁹ Ibid. P. 5, 7.

³⁰ Ibid. P. 21.

³¹ Ibid. P. 24.

³² Ibid. P. 28-29.

We can find in two passages of the 'Life'³³ the mention of the process of reaping θρύων³⁴ and the consequent transfer to the ship. There are also mentions of other rustic food such as cheese, figs³⁵, olives with bread³⁶, and the γαρέλαιο³⁷. These products were produced in the monastery called Μώνχωσιν. These indicate the units of agriculture tools and equipment such as oil-presses or cattle-breeding for milk.

The clearest mention of rural installation is ἀρτοκοπέο, the furnace where bread is kneaded and which was looking like a mill. The furnace was in the *kome* of Tabenisi, the location of the monastery of St Pachomios³⁸. It was said that the saint recommended the monks not to chatter during the kneading.

St. Pachomios' monastery had also farms outside the village, or *kome*, of Tabenisi, in the island of Nile. Pachomios worked there himself in order to obtain the provisioning for his monks. Once they had no food and starved. To feed them, he worked in the island for days and therefore had to neglect the visit of his brothers. The assembly of the abbots apologized for him³⁹.

In this same assembly an abbot called Theodoros was reproved for his lust for power and was sent to the monastery of Monchosin for punishment. When he arrived in the *kome* Chinovoskia, he went aboard the ferry boat in order to travel to his monastery. Two old men were on the boat. One of them, the abbot Theodoros, was happy but the other told him that he had not reached the measure of *margoniou* to be called as a happy one. This measure unit mentioned in the conversation is of particular interest as points out to the location of the monasteries of St Pachomios in the countryside.

Beside a farmer, our source also mentions a salaried peasant-worker. The irrigation of the field started at night. Both the peasant and the farmers usually had an agreement according to which the animals and the people could come to drink from the aqueduct at day. The mention of that installation indicates that there was an organised system for water-provisioning of the villages as well as the irrigation of the fields; the latter however might have been a monopoly of some local landowners who wanted to profit from this.

When our source says that the farmer did not worked with anyone, the expression might have meant that he quarrelled with his fellow-villagers for water supply which he wanted entirely for himself.

When the season of ploughing began, farmer carefully planned with his peasant where they had to plant wheat (in a dike), or barley, or lentil, or peas, or other corns⁴⁰. The mention of so many types of grain shows the extent of cultivation of corns in the fertile valleys of Nile.

During the season of reaping when the greens grew the peasant went to pick the straws which were fresh and abundant⁴¹. The last phase in the process was threshing; then the farmer asked the peasant to bring *margonio* to measure and transfer the straws to a storehouse⁴².

³³ Βίος Παχωμίου... P. 48.

³⁴ A kind of grain.

³⁵ See also in p. 65 for a basket with figs.

³⁶ Βίος Παχωμίου... P. 37.

³⁷ Ibid. P. 43.

³⁸ Ibid. P. 60.

³⁹ Ibid. P. 69-70.

⁴⁰ Ibid. P. 70-71.

⁴¹ Ibid. P. 71.

⁴² Ibid. P. 71.

During all these phases of harvesting the farmer tested the obedience of his peasant, persuaded and salaried him and after some time, if childless, he usually accepted him as his son and heir. Thus the salaried cultivator could have become a proprietor and heir from his farmer.

The last indicator of the rural property in the 'Life of Pachomios' is the mention of the monasteries' ships that had to transport the big harvests, a real nightmare for the busy abbots⁴³.

Thus, the 'Life of Pachomios' is indeed an evidence for the increased wealth of the monasteries in Thebais.

⁴³ Ibid. P. 92.

А.В. Назаренко

**БЫЛ ЛИ КРЕЩЕН КИЕВСКИЙ КНЯЗЬ
ЯРОПОЛК СВЯТОСЛАВИЧ,
ИЛИ КОЕ-ЧТО ОБ “ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ”**

В “Византийском временнике” (2004. Т. 63) была опубликована статья киевского историка и археолога П.П. Толочко¹ с полемикой по поводу одной из гипотез, высказанных в нашей книге о международных связях Древней Руси². Рецензент избрал предметом своей довольно резкой критики отдельную, весьма узкую, хотя и не раз пристрастно обсуждавшуюся в историографии тему – предполагаемое крещение латинскими (у нас – немецкими) миссионерами киевского князя Ярополка Святославича (970/972–978). Среди ссылок на литературу вопроса и возражений нашего почтенного оппонента почти нет таких, которые так или иначе не обсуждались бы нами в книге, где уже сформулировано и по мере сил обосновано наше к ним отношение. Это, как и частный характер вопроса, не располагает к подробному ответу на критику, который во многом свелся бы к тавтологическому повторению сказанного. Всякий заинтересованный читатель, полагаем, способен самостоятельно сопоставить два текста и оценить изложенные в них соображения и доводы. Поэтому следующее ниже – не возражения рецензенту (вернее, не просто возражения), а несколько более или менее общих, если угодно, метод(олог)ических, а значит, в известном смысле необязательных размышлений о работе историка. Размышлений, навеянных чтением заметки П.П. Толочко.

Признаться, нас немало смутил уже ее подзаголовок, в котором “историческая реальность” программно противопоставлена “ученой фикции”. Смутил тем более, что с подобными, обычно брошенными похода, формулами приходится сталкиваться нередко. Во всяком случае, для П.П. Толочко она не уникальна и потому вряд ли не случайна³. Нам хочется ошибиться, но прямой и ясный смысл она имеет только в одном случае: когда под “ученой фикцией” имеется в виду сознательная фальсификация или по крайней мере недобросовестная, неудовлетворительная с профессиональной точки зрения работа. Думаем, не будет слишком самонадеянным полагать, что наш уважаемый рецензент не желал упрекнуть нас ни в том, ни в другом. Тогда как же его понять? Исходя из того, что П.П. Толочко настойчиво акцентирует

¹ Толочко П.П. Крещение Ярополка Святославича: историческая реальность или ученая фикция? // ВВ. 2004. Т. 63. С. 59–66.

² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

³ Ср., например, названия других работ: *Tolochko P. Volodimer Svjatoslavič's Choice of Religion: Fact or Fiction?* // *Harvard Ukrainian Studies*. Cambridge (Mass.), 1990. Vol. 12/13 (1988/1989) (*Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine*). P. 816–829; *Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная?* СПб., 2005.

гипотетичность наших построений (“Все это авторские предположения: так могло бы быть”, и пр.), именно ее он и подразумевает под “ученой фикцией”. Если так, то вполне принимаем в свой адрес это определение. Остается самая малость – уразуметь, что в таком случае скрывается за термином “историческая реальность”.

На этих страницах не место вдаваться в собственно философские аспекты исторического знания и обсуждать гносеологическую категорию “факта” в истории. Но вопрос-то важный. Ведь рецензент на разные лады варьирует, в сущности, одно главное возражение: “Разумеется (? – А.Н.), ничего подобного древние источники не сообщают”, а построения автора “больше основываются не на источниках, а на их интерпретации”. Возникает устойчивое впечатление, что, по убеждению П.П. Толочко, историк имеет право работать только с прямыми свидетельствами источников, избегая подвергать их какой-либо интерпретации. Допускаем, что такой дескриптивный подход тоже возможен, но насколько он плодотворен? Что он может дать, кроме пересказа источника своими словами? Неужели нужно напоминать, что механизм движения науки – это противоборство именно интерпретаций? Что для того, чтобы оспорить такую интерпретацию, совершенно недостаточно указать на ее гипотетическую природу, а нужно оспорить аргументы, на которых она покоится, или привести соображения, которых она не учитывает?

Сама по себе реконструктивность исторического построения – не порок, а неизбежное его свойство. Именно с такими реконструкциями и работает наука. Есть целые области гуманитарного знания (чтобы не говорить о науке в целом), которые оперируют преимущественно реконструкциями. Таково, например, сравнительно-историческое языкознание. Ведь, скажем, общеслав. **borda* “борода”, **korva* “корова”, **golva* “голова” и т.д. ни одним текстом не засвидетельствованы и суть не более чем результат реконструкции путем сопоставления реально существующих в разных славянских языках позднейших форм, и только в этом смысле закон метатезы плавных (частными случаями которого служат все три приведенных примера) является законом, т.е. неким обязательным для ученого умозаключением (интерпретацией). О более архаических, нежели общеславянское, праязыковых состояниях и говорить нечего. Если быть методологически строгим, то придется признать, что лингвисты вообще не уверены, что та или иная реконструируемая ими праформа в таком виде когда-либо и где-либо реально звучала; она имеет смысл только в качестве герменевтического инструмента, с помощью которого поддаются удобному истолкованию фактически зафиксированные явления языка. Текстология, и в частности столь важная для исторического исследования текстология летописная, также работает исключительно с реконструкциями, ибо тексты, очищенные в историко-критической реторте источникововеда, в таком виде, как правило, нигде не засвидетельствованы и, следовательно, сугубо гипотетичны. Эту гипотетичность, как известно, не уставал подчеркивать применительно к своим построениям А.А. Шахматов, которому многие из современников, да и из последующих поколений историков (чаще всего нетекстологов) действительно были склонны вменять в вину излишнюю, с их точки зрения, сложность его гипотез и склонность постоянно корректировать их – в чем усматривался, очевидно, признак их шаткости. Это не помешало ряду текстоло-

гических реконструкций А.А. Шахматова (например, гипотезе о так называемом Начальном своде 1090-х годов) со временем закрепиться в науке и прочно войти в арсенал не только собственно летописевода, но и историка в самом широком смысле слова.

Если вернуться собственно к истории, то и здесь примеров такого рода более чем достаточно. Так, нет ни одного источника, в котором бы прямо сообщалось об учреждении в Киеве митрополии в результате крещения Владимира Святого. И если современная наука все же пришла к убеждению (быть может, временному), что дело обстояло именно так, то только на основе более или менее убедительных умозаключений (интерпретаций) в результате полемики с другими гипотезами – в частности с гипотезой о появлении митрополии в Киеве только при Ярославе Мудром ок. 1037/9 г., которая (гипотеза), к слову сказать, покоится как раз на прямом сообщении Повести временных лет⁴ (другое дело, что его можно по-разному интерпретировать) и которая имела в числе своих сторонников многих авторитетов – того же А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова и др.

Таким образом, историческое исследование и есть, собственно говоря, конструирование гипотез, интерпретация *par excellence*, и доказательность этой процедуры – считаем методологически важным сделать на этом упор – состоит не в последнюю очередь в ее способности обнять максимальную совокупность показаний источников, равно как и объяснить те показания, которые не были использованы при построении самой гипотезы. В этом отношении наша гипотеза о направленном против Чехии и Польши союзе киевского князя Ярополка Святославича с германским императором Оттоном II (973–983), покоящаяся главным образом на новом прочтении Генеалогии Вельфов (письменно зафиксированной в 1160-е годы), представляется нам достаточно эффективной, ибо она объединяет единой интерпретацией многие события X в., которые до сих пор не поддавались убедительному объяснению, например, поход Владимира Святославича “к ляхом”, помещенный в летописи под 981 г. Напоминаем, что именно эта гипотеза и является для нас центральным положением, тогда как вопрос о крещении Ярополка, на чем сосредоточился наш оппонент, – всего лишь возможное ее приложение к довольно популярному в науке спорному сюжету. Конечно, можно сведения Генеалогии Вельфов о браке дочери “славнейшего графа Куно”, т.е. швабского герцога Конрада I (983–997), с “русским королем” объявить неудачной позднейшей интерполяцией (как предпочитал думать в свое время К. Шмид). Можно присутствие русских послов на имперском съезде в Кведлинбурге в 973 г. счесть просто жестом политической вежливости нового киевского князя или даже признать сообщение об этом у Ламперта Херсфельдского вымыслом (как считает, например, М.Б. Свердлов). Можно так или иначе дезавуировать данные списка сыновей Владимира Святославича о “чехине” как первой жене Владимира. Можно, буквально следуя за летописью, верить, что причиной кровавой схватки между Святославичами стала случившаяся на охоте неприятность с Лютом Свенельдичем. Можно предположить, что далекий поход к западной границе Руси на следующий же год после вокняжения в Киеве Владимир предпринял потому, что его европейская разведка доложила о войне польского князя Мешка I с Оттоном II и го-

⁴ “Заложи Ярослав... црквы святыя Софья митрополью” (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151; Т. 2. Стб. 139).

рячий юный князь решил, воспользовавшись удобным случаем, немедленно отнять у Польши Червенские города. Можно развести руками перед лицом известия Кекавмена об “анепсии императора Франгии” (т.е. Оттона II) Петре, который зачем-то поступил на византийскую службу в начале правления Василия II. Можно, наконец, не слишком вникая в источниковедческие детали, не обращать внимания на компилятивные рассказы о крещении Руси Бруно Кверфуртским, сочтя их тривиальным тенденциозным баснословием (как, солидаризовавшись с Е.Е. Голубинским, и делает П.П. Толочко). Можно все разъять на части и каждой из них подыскать более или менее вероятное истолкование или даже не делать и того. Но здравый смысл, который еще Вильяма Оккама заставил призвать философов не создавать лишних сущностей (“бритва Оккама”), заставляет, думаем, и нас, историков, стремиться сводить число необходимых гипотез к минимуму и предпочитать те из них, в ложе которых укладывается максимум подлежащих интерпретации свидетельств. Еще и поэтому гипотеза о русско-немецком союзе при Ярополке Святославиче представляет, на наш взгляд, интерес.

Разумеется, кроме подобного рода методологических оснований, она опирается также и на вполне конкретные исторические аргументы. П.П. Толочко упрекает нас в том, что мы не объяснили, “каким образом новая идентификация Куно (как швабского герцога Конрада; заметим к слову, что никакой “старой” идентификации этого загадочного персонажа до А. Вольфа вообще не было. – А.Н.) помогает датировке “русского брака” его дочери”, т.е. датировке именно временем Ярополка. Это не так, поскольку установление было нами дано, хотя и в предыдущих работах, на которые, естественно, есть отсылка⁵. Тезис о браке Ярополка и дочери Куно-Конрада – ключевой для всего нашего построения. Ведь если он справедлив, то по меньшей мере о планах крещения Ярополка в этой связи позволительно говорить с определенной уверенностью, ибо замужество внучки императора Оттона Великого (936–973) (а именно таковой дочь Куно представлена в Генеалогии Вельфов) за язычника было бы немислимо. И тут не помогут никакие ссылки нашего оппонента на то, что немецкое посольство к Ярополку с целью его крещения “не засвидетельствовано в письменных источниках”: крещение нельзя было осуществить заочно. Следовательно, критика П.П. Толочко должна была бы сосредоточиться на наших доводах в пользу датировки брака дочери Куно и “русского короля” 970-ми годами. Однако рецензент этого вовсе не делает, а ограничивается заимствованным из нашей же книги замечанием, что А. Вольф (который, собственно, и показал тождество непонятого “графа Куно” с вполне историческим швабским герцогом Конрадом) продолжает держаться догадки Н.А. Баумгартена, будто речь должна идти не о Ярополке, а о Владимире и его втором христианском браке после смерти Анны в 1111/12 г. Мы постарались подробно разъяснить, почему не можем согласиться с мнением А. Вольфа⁶, но наш уважаемый рецензент этих разъяснений не разбирает и вообще никак не учитывает; для него достаточно констатировать: “судя по тому, что... А. Вольф остался

⁵ Назаренко А.В. Русь и Германия в 70-е годы X века // *Russia Mediaevalis*. Т. VII. 1. München, 1987. С. 38–89; *Он же*. Русь и Германия в IX–X вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования*, 1991 год. М., 1994. С. 99–131.

⁶ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 362–363. Примеч. 8.

верен прежнему предположению ... твердых оснований для датировки этого брака 70-ми годами X в. ... нет". Можно ли это назвать научной критикой? Не уверен. Ведь если бы для опровержения конкретных аргументов было бы довольно ссылки на существование других позиций, то науку следовало бы вообще закрыть, а открыть клубы по интересам, где каждый мог бы гордиться тем, что имеет "собственное мнение".

Для того чтобы правильно оценить позицию А. Вольфа, надо учесть еще и то специфическое обстоятельство, что "русский" сюжет в полемике между немецкими медиевистами, для которых Древняя Русь находится далеко за пределами их научных интересов, не мог стать предметом полноценного обсуждения. Если К. Шмид (вернувший науку к обсуждению генеалогических проблем вокруг графа Куно) и Э. Главичка (выступивший поначалу с критикой гипотезы А. Вольфа, а потом согласившийся с ней), не вникая в дело, поспешили попросту объявить "русского короля" недоразумением, то А. Вольф пошел дальше и заглянул в генеалогический компендиум Н.А. Баумгартена, где свидетельство Генеалогии Вельфов было увязано со вторым браком Владимира Святославича. Характерен несколько комический диалог, произошедший между Э. Главичкой и автором этих строк в коридорах мюнхенского института Monumenta Germaniae Historica еще в 1990 г.; в ответ на наше сообщение, что фрагмент о русском браке дочери Куно-Конрада все же поддается разумной интерпретации, немецкий медиевист, замахав руками, заверил нас, что ему это совершенно безразлично и что он не может и не желает углубляться в эти маргинальные, с его точки зрения, и мало понятные ему обстоятельства. Плюрализм мнений налицо, с научностью сложнее. Если же вернуться к точке зрения А. Вольфа, то хуже всего то, что она имеет мотив: согласно франкфуртскому историку, дочерью от этого второго, немецкого, брака Владимира могла быть как раз та русская жена маркграфа Саксонской северной марки Бернхарда, сын от которой, Оттон, выступил в середине XI в. претендентом на германский престол; в таком случае происхождение бабки Оттона от Людольфингов и служило бы объяснением этих претензий. Однако корень родства Бернхарда и его сына с Саксонской королевской династией нет нужды искать так далеко, поскольку об Оде, родной сестре отца Бернхарда, известно, что она "происходила из королевского рода"⁷.

В свете сказанного понятно, почему мы не склонны придавать большого значения критике, коль скоро она направлена только против возможных выводов из нашей гипотезы. Нам представляется вовсе не принципиальным, был ли действительно крещен Ярополк Святославич, или дело ограничилось планами крещения, которые не осуществились из-за скорой гибели киевского князя. Мы попытались представить доводы в пользу первого мнения, но никоим образом не собираемся настаивать на нем. П.П. Толочко совершенно напрасно уверяет читателя, будто крещение Ярополка в наших глазах – "доказанный факт". И наши постоянные оговорки, именуемые рецензентом "неуверенностью", которую он к тому же склонен почему-то ставить в вину автору (как будто "уверенность" – неперемнная спутница научности), делаются не "на всякий случай" (словно автор мог бы тем самым избавить себя от возможной ответственности), а именно с целью обозначить открытость вопроса.

⁷ Urkundenbuch des Hochstifts Halberstadt / Hrsg. G. Schmidt. Bd. 1. Leipzig, 1873. N 151.

При всем том – “на всякий случай” – хотим подчеркнуть, что признание вопроса открытым не означает лицензии на произвольность мнений и не избавляет от необходимости конкретно оспаривать конкретные доводы. Поэтому нам не совсем понятна явная упрощенность контраргументации нашего оппонента, пусть и направленной мимо главного.

Отнюдь не считая наличие точной даты вокняжения Владимира в Киеве у Иакова Мниха – 11 июня 978 г. – “бесспорным доказательством” факта крещения Ярополка (как снова почему-то уверен П.П. Толочко), мы все же не можем не задаться вопросом о ее происхождении. Ведь все полные датировки событий X в. (т.е. в пору отсутствия летописания), имеющиеся в древнерусских письменных источниках, должны быть как-то объяснены, и их характер (сообщения о кончине) ведет к предположению о церковном памятнике как источнике сведений такого рода. Но именно этого принципиального момента рецензент склонен не замечать. Если 11 июня 978 г. – дата не смерти Ярополка, а вокняжения Владимира, которое, по мнению П.П. Толочко, по времени могло не совпадать с гибелью его старшего брата (хотя именно у Иакова Мниха находим выражение, вроде бы, говорящее об ином: “крести же ся князь Володимер в десятое лето по убиении брата своего Ярополка”), то откуда в памятнике, возникшем не ранее конца XI в., взялась полная дата этого вокняжения? П.П. Толочко следовало бы либо объяснить это, либо поставить датировку под сомнение. Однако рецензент не делает ни того, ни другого. В результате м н е н и е заявлено, но контраргумента нет.

Совершенно так же обстоит дело и с возражениями рецензента против нашего прочтения загадочного места из проложного жития св. Владимира: “И оттоле наречеса место святое, идеже ныне църкы есть Петрова, и ть бысть первый ходатаи нашему спасению”. Предпочитая другое чтение – “църкы святою мученику Турова”, – П.П. Толочко просто ссылается на А.А. Шахматова и тот факт, что “Киевская летопись... не знает церкви с таким названием (св. Петра. – А.Н.) применительно к предполагаемому месту крещения киевлян”. Киевская летопись не знает многого, и ссылка на ее молчание – вовсе не довод. В начале 1120-х годов Владимир Мономах строит в Киеве каменную церковь св. Иоанна Крестителя “на Сетомли, у Купшина (Кукшина?) монастыря” для реликвии (перста св. Иоанна), доставленной в столицу Руси из Константинополя. Об этом событии мы знаем благодаря проложному сказанию⁸, тогда как Киевская летопись о нем умалчивает, хотя оно сопровождало заключение русско-византийского мира. В результате историки не знают, где же располагался Купшин монастырь, да и археологи им ничем помочь не могут. Поэтому-то и указание П.П. Толочко на то, что раскрытая раскопками церковь на Подоле (ул. Волошская, № 20), в которой мы рискнули предположить ту самую церковь св. Петра из проложного жития св. Владимира, уже идентифицирована археологами “вовсе не с мифической церковью св. Петра, а с вполне реальной летописной церковью св. Михаила, или Новгородской божницей”⁹, никак невозможно принять в качестве аргумента, который, по задорному выражению нашего оппонента,

⁸ Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. Отделения русского языка и литературы АН. СПб., 1907. Т. 82. № 4. С. 56–57.

⁹ С извинениями должны признать, что это обстоятельство оказалось упущено нами в книге.

делает “рассуждения А.В. Назаренко... лишенными смысла”. И дело тут отнюдь не в том, верно или неверно заключение археологов, а в том, что читателю снова как нечто самоочевидное предлагается мысль о “реальности” прямо написанного в летописи и “мифичности” того, к чему историк пробивается с помощью анализа. В возражениях П.П. Толочко нет, на наш взгляд, главного: опровержения наших текстологических аргументов против точки зрения А.А. Шахматова и в пользу первичности чтения “църкы... Петрова”, которые ведь, собственно, и переводят церковь св. Петра близ Почайны из разряда “мифических”, по П.П. Толочко, в разряд “реальных” – в смысле прямого упоминания о ней в письменном источнике, причем источнике весьма древнем. Нежелание обращать внимание на эту текстологическую суть вопроса заставляет нашего уважаемого рецензента допускать уже прямую ошибку, поспешно утверждая, будто вариант “Турова” присутствует “в большинстве списков”. На самом же деле во всех (даже не в большинстве!) древнейших списках, в том числе и в самом раннем (РНБ, Ф. п. I. 47 XIII в.), видим как раз вариант “Петрова”. И это тоже аргумент в пользу нашего прочтения текста, хотя и не главный. А если чтение “църкы... Петрова” все-таки первично, то (заметим уже *à propos*) что тогда делает идентификацию “археологов” более предпочтительной, нежели наша?

Ограничимся сказанным и в завершение этих невеселых размышлений еще раз подчеркнем их методический по преимуществу характер. Да, мы признаем гипотетичность наших построений, разбираемых П.П. Толочко, но гипотетичность – это форма существования и движения науки. От догадки гипотезу отличает ее аргументированность, поэтому оспорить гипотезу можно, только оспорив аргументы, на которые она опирается, но никак не с помощью нехитрой справки, что в источниках на этот счет ничего такого буквально не написано. Действовать так, значило бы сводить науку либо к простому накоплению “фактов”, не подлежащих критике, с одной стороны, либо к хаосу “мнений” – с другой.

Н.Ф. Котляр

СТРАТЕГИЯ ОБОРОНЫ ГАЛИЦКИМИ И ВОЛЫНСКИМИ КНЯЗЬЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РУБЕЖЕЙ В XII В.

С давних времен историки многократно отмечали губительное значение войн и военных действий вообще в истории народов и государств. В своем многотомном сочинении С.М. Соловьев затронул военную историю Древней Руси эпохи удельной раздробленности. Согласно его наблюдениям, в 1228–1462 гг., за 234 года, летописи и другие источники содержат сведения примерно о 300 войнах и военных походах, 85 крупных битвах. Две трети войн происходили с внешним врагом: татарами, литовцами, ливонцами, немцами, шведами и др.¹ Для Галицко-Волынской Руси основными внешними партнерами и противниками были Венгерское королевство и польские княжества: Краковское и Мазовецкое, а также Литва и ятвяги. Но важное место во внешней политике галицких и волынских государей по-прежнему занимала Византийская империя.

Русско-византийские отношения второй половины XII – XIII в. в значительной мере отличались от дипломатических связей предыдущего времени между двумя великими державами средневековья. Канули в лету большие войны, размашистые морские и сухопутные походы русских на Царьград, крупные межгосударственные соглашения, обмен полномочными посольствами, одно из которых возглавила даже сама княгиня Ольга. Феодалная (удельная) раздробленность, расколовшая Русь на полтора десятка в определенной мере автономных земель и княжеств, была главной причиной того, что отношения между этими двумя странами измельчаются, сводятся к локальным и нерегулярным контактам между императорским престолом и государями тех или иных княжеств, переносясь преимущественно в церковную сферу. Те взаимоотношения с Византией, которые сложились с середины XII в., в значительной мере сосредоточили в своих руках галицкие и волынские государи. Галицкое и Волынское княжества выдвинулись на первый план по важности и интенсивности (пусть и весьма относительной в сравнении с X – первой половиной XI в.) связей с империей.

На Руси хорошо представляли все это. В сознании ее общества в XII–XIII вв. Галицко-Волынская Русь и Византия постоянно пребывали в дружественных и даже союзнических отношениях. Первая предоставляла империи военную помощь (вспомним контингенты русских воинов, служивших в Византии со времен княгини Ольги), в Галиче прятался от опасности будущий греческий император, а галицких послов с почетом принимали в Константинополе. Подобная уверенность в близости двух правящих дворов временами рождала искаженные, а то и легендарные представления о характере связей галицких и волынских суверенов с империей. Это не могло не отразиться в памятниках древнерусской словесности.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. IV. СПб., 1871. С. 207–208.

Галицкое княжество, образовавшееся в начале 40-х годов XII в. и стремительно выдвинувшееся на первые роли в большой политической игре в Древнерусском государстве, с самого начала своего существования стремилось проводить независимую политику в отношении близкой к нему Византии и, одновременно, опираться на империю в соперничестве с другими русскими княжествами, прежде всего Волынским. Первый галицкий князь Володимирко (Владимир) Володаревич приложил также немало усилий для того чтобы остаться суверенным властителем и в отношении Киева.

В 60-е годы его сын Ярослав (Володимирко умер в конце 1152 г.), бывший дотоле верным соглашению отца с Византией, да и сам, вероятно, подписавший с ней дружественный договор ок. 1162 г., вскоре после того заключил направленный против империи союз с Венгрией², а в 1164 г. поддержал соперника императора Мануила I – Андроника Комнина, предоставив ему политическое убежище. Киевская летопись засвидетельствовала, что тогда “прибеже ис Царягорода братан царев кюр Андроник к Ярославу у Галичь, и прия и Ярослав с великою любовью”³. Князь “да ему (Андронику. – *Н.К.*)... неколико городов на утешение”⁴. Андроник подружился с Ярославом, принимал участие в его пирах и “ловах”, особенно отличившись в пасной охоте на туров. Он даже заседал вместе с ближними боярами в княжеском совете.

Впрочем, Андроник пробыл в Галиче недолго, поскольку император Мануил пошел на примирение с ним и, можно думать, восстановил договорные отношения с галицким князем. Это событие засвидетельствовано Киевской летописью, составитель которой в данном случае мог воспользоваться галицким источником (или свидетельством информатора): “Потом же присла царь (Мануил I. – *Н.К.*) два митрополита, вабя и (Андроника. – *Н.К.*) к себе. Ярослав же пусти (Андроника. – *Н.К.*) к нему с великою честью, *приставив к нему пискупа своего Кузму и мужа своя передняя*”⁵ (курсив мой. – *Н.К.*). Вероятнее всего, в летописи сказано о галицком посольстве в Константинополь. После этого Мануил сумел расстроить русско-венгерский альянс и восстановил союзные отношения с Галичем.

К последним годам XII в. относится союзный договор между императором и волынским князем Романом Мстиславичем, будущим создателем великого Галицко-Волынского княжества. Косвенные свидетельства об этом соглашении содержатся у Никиты Хониата и русской летописи. Между 1197 и 1204 гг. Роман Мстиславич осуществил три победоносных похода в Половецкую степь. Два из них – второй и третий – известны русской летописи. Лаврентьевский извод датирует их 1202 и 1205 гг.⁶ Однако первый поход Романа на половцев остался неизвестным русским книжникам. О нем рассказывает византийский историк и современник тех событий Никита Хониат. Он начинает речь о войне Романа с кочевниками словами: “В следующем

² Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 179, 189, 195.

³ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 359.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. (Далее: Лаврентьевская летопись. 2. Стб. 417, 419. 1205 год соответствует в действительности 1204 году. См.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 88.

году...”⁷. Поэтому, дабы правильно датировать это событие, – сам Хониат почти никогда не указывает годов – следует внимательно рассмотреть относящиеся к предыдущему году записи историка.

В этих записях речь идет о соперничестве за власть между сыновьями турецкого султана Килыч-Арслана II (1152–1188) в Иконии и Малой Азии. Текст оканчивается сообщением о том, что старший сын султана Рукратин выгнал младшего Кайхосроя, и тот бежал вначале в Малую Армению к царю Леону II, а затем в Константинополь, к императору Алексею III Ангелу⁸. Первое правление Кайхосроя продолжалось с 1192 по 1196 г.⁹ Следовательно, можно думать, что поход Романа Мстиславича против половцев состоялся в 1197 или самое позднее в 1198 г., если прибавить время на скитания изгнанника.

Итак, в 1197 или 1198 г., повествует Хониат, половцы вместе с болгарами вторглись в Византию, опустошили прилегавшие к Константинополю земли и собирались подступить уже к стенам столицы, как вдруг Роман напал на кочевников и нанес им сокрушительное поражение. Хониат сообщает, что русский князь откликнулся на просьбу о помощи византийского патриарха. Греческий историк свидетельствует, что князь Роман еще несколько раз побеждал половцев, чем оказал неоценимую услугу империи¹⁰. И в последующие годы Роман продолжил борьбу с половецкими ханами, с чем можно связать пребывание галицкого посольства в Царьграде, которое видел там в 1200 г. новгородский архиепископ Антоний¹¹. Тогда Роман был уже государем созданного им в 1199 г. Галицко-Волынского княжества.

Таким образом, на рубеже XII и XIII вв. отношения между Галицко-Волынской Русью и Византией были добрыми и союзническими. Об этом знали на древнерусских землях, чем, вероятно, следует объяснить известную в средневековой историографии версию о бегстве византийского императора в Галич после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Расположенная в бассейнах рек Сана, Южного Буга, Днестра, Западного Буга, Случи Галицко-Волынская Русь с запада граничила с Польшей и Литвой по рекам Вепрю и Вислоке, на востоке – с Киевской землей по рекам Горыни и Серету. На севере галицко-волынская областная территория была ограничена Западным Бугом, на юге – средним течением Днестра. На юго-западе кордон между Галицкой землей и Венгрией составляли Карпаты, которые летописцы называли просто “Гора”¹². Закарпатье было заселено русинами, также принадлежавшими к восточнославянскому этносу. В течение XII в. Венгерское королевство присоединило эту отрезанную Карпатскими горами от других восточнославянских земель территорию.

Уже само политико-географическое положение Галицко-Волынской Руси на юго-западе расселения древнерусской народности было одной из главных причин ее постоянных военных столкновений с западными соседями: Венгрией и Польшей, Литвой и ятвягами. Расположение же Галицкой

⁷ *Nic. Chon. De Alex. Is. Ang. Fr. III, 5. Ed. Bonnac, 1835. P. 691.*

⁸ *Ibid. III, 4. P. 688–691.*

⁹ *Гордлевский В.* Государство сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 185–186.

¹⁰ *Nic. Chon. De Alex. Is. Ang. Fr. III, 5. P. 691–692.*

¹¹ Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде *Антония*, архиепископа новгородского в 1200 г. СПб., 1899. С. 15.

¹² *Крип'якевич І.П.* Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 13–20.

земли длинной и сравнительно узкой полосой вдоль Днестра и северных склонов Карпат делало ее границы крайне протяженными и доступными для противника. То же самое можно сказать и о всей Западной и Северо-Западной Волыни.

В наступившую с 40-х годов XII в. эпоху удельной раздробленности галицким и волынским князьям приходилось обороняться и от своих русских соседей, прежде всего киевского князя, стремившегося ограничить их автономию, а то и посадить там своих ставленников. Все это вынуждало государей Галицкого и Волынского княжеств (а с 1199 г. – Галицко-Волынского княжества) постоянно заботиться об укреплении своих рубежей. В ходе постоянных войн и стычек с соседями постепенно выработывалась стратегия обороны границ.

Оборона русских земель вообще не ограничивалась строительством фортификаций городов, возведения крепостей и укрепленных “городков” на пограничье, о чем речь пойдет далее. Государи крупных и сильных княжеств ставили перед собой масштабные стратегические задачи укрепления границ своих владений, создания максимально возможных затруднений для наступавшего врага. Особенно наглядно можно продемонстрировать это на примере Галицко-Волынской Руси, находившейся в юго-западном регионе федеративного Древнерусского государства и испытывавшей давление и военные вторжения разнообразных соседей – от кочевников-половцев до Венгрии, Польши, Литвы и ятвягов¹³.

ГРАНИЦЫ ГАЛИЦКОЙ ЗЕМЛИ

Начиная с первых лет существования Галицкого княжества, возникшего в начале 40-х годов XII в., его государи стремились укрепить свои рубежи – как внешние, так и отделявшие княжество от русских соседей. В действиях Володимирко Володаревича и его преемника Ярослава явно просматривается стратегическая линия создания укрепленных городов и крепостей практически по всему периметру княжества.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ГАЛИЦКОГО КНЯЖЕСТВА В XII В.

В достаточно уязвимом положении издавна находилась юго-западная область Галицкой земли – “Горная страна Перемышльская”, как называет ее галицкий летописец, одинаково подверженная опасности со стороны как Малопольши со столицей в Кракове, так и Венгрии. Защита галицкого кордона усугублялась отсутствием природных географических рубежей – на нем не существовало ни гор, ни рек. Поэтому сама эта граница была вовсе не линией, а широкой полосой¹⁴. На этом направлении стратегическая деятельность галицких князей по укреплению рубежей начиная с 40-х годов XII в. была особенно энергичной и просматривается отчетливо.

¹³ Более подробно об усилиях галицких и волынских князей по укреплению своих рубежей, строительстве новых и усовершенствовании старых городов и крепостей см.: *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

¹⁴ *Кордуба М.* Західне пограниччя Галицької держави між Карпатами та долинінм Сяном // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Т. CXXXVII–CXL. Львів, 1925.

О сложности проведения размежевательной линии между Малопольшей и Галицким княжеством могут свидетельствовать следующие факты. В Перемышльскую землю входила область верхнего и среднего течения р. Сана и значительная часть земель по р. Вислоке, тогда как нижнее течение Сана и другая часть земель по Вислоке принадлежали Польше¹⁵. К тому же временами польские князья на несколько месяцев, а то и лет, присоединяли к Малопольше земли вплоть до верховьев Днестра¹⁶.

Важность юго-западного рубежа всегда осознавалась галицкими, а в XIII в. и галицко-волынскими князьями. Заботились об укреплении этой границы со своей стороны и польские князья. Польские археологи неоднократно отмечали скопление укрепленных городищ в области р. Вислоки, которые играли роль польских пограничных пунктов. Понятно, что подобную функцию должны были нести и многие русские крепости и городки в западной части Перемышльской земли, где также отмечено значительное скопление древнерусских городищ. Здесь же известны по письменным и археологическим источникам и значительные города: Санок, Перевореск, Любачев, Ярослав¹⁷.

Много лет исследовавший историю византийской военной мысли и боевого искусства В.В. Кучма подчеркивал важность городов и крепостей в деле организации и обороны и наступления. В случае войны, писал он, города приобретали особенно важное значение. “От результатов сражений вокруг городов в значительной степени зависела судьба частной военной кампании или общего исхода стратегического противостояния конфликтующих сторон”¹⁸. Сказанное в полной мере относится к истории войн и военного искусства Древней Руси.

Несомненным представляется то, что находившийся на западной окраине Галицкой земли стольный город Перемышль, исконный центр древнего Перемышльского княжества, был основным опорным пунктом обороны Галицкого княжества с первых лет его существования. Историки издавна отмечали важнейшее, ключевое значение Перемышля, который, по свидетельству Длугоша, уже во второй половине XI в. был главным оплотом русских в регионе и сам был очень сильно укреплен¹⁹. Город-крепость представлял собой объект территориальных претензий и польских князей, и венгерских королей. Порубежное положение затрудняло защиту этого ключевого пункта в обороне сначала Перемышльского, затем Галицкого, наконец – Галицко-Волынского княжества Романовичей.

Едва ли не главным порубежным замком на границе с Венгрией был стоящий на р. Сан Санок, впервые упоминаемый Киевской летописью под 1150 г. Киевский свод повествует, что “король (венгерский. – Н.К.) же прошедь Гору²⁰ и взя Санокъ городъ, и посадника его яша, и села у Перемыш-

¹⁵ Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Ч. 1. Киев, 1884. С. 177–180.

¹⁶ Widajewicz J. Południowo-wschodnie kresy Polski w X i XI wieku. Poznań, 1937.

¹⁷ Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967 (МИА. № 140). С. 175–176. Эта работа представляется мне наиболее ценной в проблеме истории возведения оборонных сооружений, стратегии и тактики в их размещении и использовании.

¹⁸ Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 409.

¹⁹ См.: Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель... С. 176.

²⁰ Карпатский перевал.

ля многа взя”²¹. Археологически Санок мало исследован. Обнаружены дети-нец и посад, относящиеся к XII–XIII вв. Но Санок древнерусского времени еще не был развитым феодальным городом, которым он предстает в актовых источниках XV–XVI вв. Он был возведен в качестве стерегущего рубеж замка. На противоположном берегу Сана найдено укрепление, по-видимому охранявшее переправу. И в дальнейшем он оставался пограничной крепостью, что явствует из сообщений Галицко-Волынской летописи первой трети XIII в.²²

Точно так же порубежным городом Галицкой земли, но на границе с Польшей был стоявший на той же р. Сан Ярослав, впервые названный Киевской летописью под 1152 г. (и, вероятно, тогда же и возведенный, и укрепленный) в рассказе о встрече Изяслава Мстиславича киевского с союзником, венгерским королем Гезой: “Изяславъ же приде на Санъ рку, яже идетъ подь Перемышль; и якоже пребредѣ рѣку Сан, и ту пригна ему посоль отъ короля... утрии же день Изяславъ поиде къ Ярославлю, помина и ста обѣду, и ту присла к нему король мужа своего...”²³. Из приведенного текста явствует, что Изяслав встречал Гезу на русском кордоне. Представляется поэтому приемлемым мнение, согласно которому Ярославский замок (как и Саноцкий) был основан для прикрытия Перемышля²⁴. По всей вероятности, крепость была заложена сыном Володимирко Ярославом и названа в честь последнего²⁵.

Переворск и Любачев так же, как и Ярослав, прикрывали путь к Перемышлю с северо-запада²⁶. В этих городах и городках сидели сильные гарнизоны, способные отбиться от врага, о чем свидетельствуют события более позднего времени (лета 1245 г.), когда гарнизон Ярослава совершил вылазку и отбросил венгерское войско и враждебные князю Даниилу боярские отряды²⁷. Хуже обстояло дело на русско-венгерской границе.

На кордоне с Венгрией естественным рубежом Галицкого, а с конца XII – начала XIII в. Галицко-Волынского княжества были Карпатские горы. Летописи, сначала Киевская XII в., а затем Галицко-Волынская XIII в., обычно называют “Гору”, т.е. Карпаты, в качестве границы с Венгрией. В течение XII в. венгерские феодалы колонизовали Закарпатье, оттеснив местное русское население в горы и на неудобные для земледелия земли. Источники того времени называют собственностью венгерского короля главные закарпатские замки²⁸. Порубежная зона на карпатской границе состояла из самих Карпат и прилегающих к ним с обеих сторон земель. Переходить горы можно было лишь в нескольких местах, через перевалы.

Еще Н.П. Дашкевич, утверждая, что галицко-венгерская граница проходила по Карпатскому хребту, обратил внимание на то, что позднейший (ско-

²¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 282.

²² Галицко-Волинський літопис / За ред. М.Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 77, 94.

²³ Летопись по Ипатскому списку. С. 309.

²⁴ *Раппопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель. С. 175–176.

²⁵ *Насонов А.Н.* “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 138.

²⁶ *Зубрицкий Д.* История древняго Галицко-Русскаго княжества. Ч. 3. Львов, 1855. С. 147.

²⁷ Галицко-Волинський літопис. С. 107.

²⁸ См.: *Неедлы З.Р.* История Закарпатской Руси до XIV в. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1945. № 4. С. 209–211.

рее всего, конца XIV в.) список русских городов Воскресенской летописи называет в качестве русских ряд городов, расположенных в самих горах²⁹. Есть основания согласиться с мнением известного исследователя Буковинско-Карпатского региона, что с образованием Галицкого княжества, т.е. во второй половине XII в., сложилась Попрутская пограничная полоса, основой которой стал верхний Прут, текущий вдоль восточных склонов Карпатских гор. Пограничная полоса в этой области была очень широкой, достигая 200 км³⁰. По склонам Карпатских гор, выходя на равнину, располагались по-рубежные укрепления Галичины и Венгрии³¹. Исследования топонимии левого берега р. Тисы привели к выводу, что северным рубежом Венгрии при Стефане I (975–1038) была эта река. Лишь впоследствии, не ранее XII в., граница передвинулась к засечной линии между Мукачевым и Свалявой³². Венгерский участок границы Галицкого (далее Галицко-Волинского) княжества в течение XII–XIII вв. оставался наиболее уязвимым в сравнении с другими участками: польским, литовским и ятвяжским.

РУБЕЖИ ГАЛИЦКОЙ ЗЕМЛИ С КИЕВСКОЙ И ВОЛЫНСКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII В.

Между Галицкой и Волинской землями в отношении организации их обороны существовали серьезные различия, связанные не только с их географическим положением, но и с политическими судьбами и даже с некоторыми особенностями социального строя. Волынь всегда была теснее связана с Киевом, чем Галич³³. И это нетрудно объяснить: с конца XI в. киевские князья превратили Волынь в свой домен. До конца XII в. в ней княжили потомки Владимира Мономаха. Тогда как галицкие князья, начиная с первого – Володимирко Володаревича, постоянно конфликтовали с Киевом, стремясь добиться, если не полной независимости, то максимальной автономии³⁴. Все это не могло не создавать напряженности на галицко-волинском рубеже.

Граница Волини с Галичиной не имела никаких естественных рубежей (гор, рек, лесов и др.). Поэтому они обозначались укрепленными городами и крепостями. По количеству городов и крепостей Волинская земля в несколько раз превосходила Галицкую, на что неоднократно обращали внимание историки³⁵. Галицкие рубежи с Волынью в частности обозначались древним Теробовлем и новыми городами Микулиным и Гольми Горами. Оба впервые упомянуты в Киевской летописи под 1144 г. и вовсе не случайно появились на ее страницах в это время.

И галицкие, и волинские князья, по мнению знатока проблемы П.А. Раппопорта, готовясь к войне друг против друга, “придавали основное

²⁹ Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам. Киев, 1873. С. 65.

³⁰ Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIII ст.). Київ, 1982. С. 86.

³¹ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 94–95.

³² Ісаевич Я.Д. Історична географія Угорщини та суміжних країн X–XIV ст. // Архіви України. 1967. № 2. С. 72–73.

³³ Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель... С. 178.

³⁴ Котляр М.Ф. Галицко-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 120–123.

³⁵ См.: Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 90.

значение не инженерной подготовке пограничной территории, а военно-политическим союзам. Волынские князья, как правило, заключали против Галича военный союз с Польшей или Венгрией”³⁶. Галицкие князья, сначала Володимирко, затем его сын Ярослав, искали союзников в Северо-Восточной Руси и в Чернигово-Северской земле.

Первый галицкий князь Володимирко Володаревич стремился обезопасить себя в первую очередь от киевских князей (в то время обычно занимавшими и волынский стол). В военном конфликте 1144 г. между Володимирко галицким и Всеволодом Ольговичем киевским, завершившемся жестоким поражением галицкого князя, “възвороти³⁷ ему Всеволодъ Ущицу, Микулинъ”³⁸.

Местоположение Микулина локализуется известием Галицко-Волынской летописи, которое можно датировать 1206 годом (опираясь на тождественное по смыслу сообщение летописца Переславля Суздальского): “Събравшю же Рурику половци и руси много, и прииде на Галичь... И пришедшю ему на Галичь, и срѣтоша и бояре галицкии и вълодимерьстии у Микулина, на рѣцѣ Серетѣ, и бившимися имь весь день о рѣку Серетъ”³⁹. Это, а также несколько других летописных известий позволяют считать Микулин галицкой крепостью на рубеже с Киевской землей. Упомянутая в приведенном тексте Ущица стояла на южном кордоне Галицкого княжества.

Голые Горы (в которых далеко не все исследователи склонны видеть населенный пункт, полагая его урочищем⁴⁰) находились на восточном рубеже Галицкого княжества с Волынским. В этом месте рубеж был древним и устойчивым, в чем убеждают следующие соображения. Рассказ Лаврентьевской летописи о походе Всеволода Ольговича киевского на Володимирко Володаревича в 1144 г. существенно отличается в деталях от аналогичного повествования Киевского свода. Северорусский книжник вначале свидетельствует, что Володимирко встретил княжеское войско во главе со Всеволодом на восточном рубеже своих владений, у Теребовля; противники оказались на разных берегах Серета и двинулись вверх вдоль реки. “И на Рожни Поли не могоша ся бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ Горахъ”. Но когда Изяслав Давидович (двоюродный брат Всеволода) привел половцев и захватил с ними Ущицу и Микулин, Володимирко был вынужден отступить к Звенигороду⁴¹.

Это Рожне Поле упоминается в рассказе Повести временных лет под 1097 г. о битве Володаря и Василько Ростиславичей с киевским князем Святополком Изяславичем, пытавшимся отнять у братьев Теребовльскую волость: «И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим... Володарь же и Василко, побѣдивша, стаста ту, рекуща: “Довлѣть нама на межи своей стати”, и не идоста никаможе»⁴². Разгромленный Святополк бежал в стольный град Волыни Владимир, которым тогда он фактически владел.

³⁶ *Раппопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель... С. 179.

³⁷ Так в Хлебниковском списке Киевской летописи.

³⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 226.

³⁹ Галицко-Волынский літопис. С. 77.

⁴⁰ См., например: *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 117—118.

⁴¹ Лаврентьевская летопись. 2. Стб. 311.

⁴² Повесть временных лет. Т. 1—2. М.; Л., 1950. С. 115.

Следовательно, Теробовльское княжество Василько Ростиславича граничило с Волынским у Рожна Поля и здесь же впоследствии возникла крепость Голые Горы. Следует, вероятно, согласиться с Барсовым, полагавшим, что Голые Горы – это село Гологоры (ныне в Золочевском районе Львовской обл.)⁴³.

Далее галицко-волынский рубеж направлялся на запад, к городу Плеснеску. Его порубежное расположение засвидетельствовано Киевской летописью в повествовании о неудачной попытке волынского князя Романа Мстиславича вокняжиться в Галиче в 1188 г. Выйдя с дружиной из киевского города Белгорода, “Романъ же передъ с вои посла ко Прѣснску⁴⁴, да заѣдутъ Прѣснескъ переди. Они же затворишася; угре же и галичане заехаша и у Преснескъ, инѣхъ изимаша, а друзии утѣкоша”⁴⁵. Есть основания полагать, что в качестве укрепленного порубежного замка Плеснеск возник незадолго перед первым упоминанием о нем в летописи⁴⁶.

От Плеснеска галицко-волынский рубеж уходил вдоль Западного Буга на северо-запад, к галицкому пограничному замку Унову (на р. Солокии, впадающей в Буг). В 1169 г. Мстислав Изяславич ввиду приближения огромного войска южнорусских и северо-восточных князей бежал из Киева. Оказавшись в Галицком княжестве, “съ братомъ же Ярославомъ снися за Уновью, и тако идоста Володимирю”⁴⁷. Археологически эта крепость совершенно не изучена; можно думать, что особого значения она не имела и так и не переросла в феодальный город.

На Западном же Буге стоял и волынский город-крепость Бужск, ставший предметом длительного территориального спора между соседями, когда все расширявшаяся территория вновь образующейся Галицкой земли достигла этой реки. В 1149–1150 гг. Бужск был захвачен Володимирко Володаревичем и так и не возвращен им киевскому и волынскому князю Изяславу Мстиславичу, несмотря на соответствующие клятвы и уверения⁴⁸. Но в дальнейшем волынским князьям удалось вернуть себе Бужск и даже сделать его, правда, на короткое время, центром небольшого удельного княжества. Киевский свод под 1167 г. свидетельствует, что там княжил внучатый племянник тогдашнего киевского князя Ростислава Мстиславича Ярополк Мстиславич⁴⁹.

От Унова галицко-волынский кордон направлялся на запад, водоразделом Западного Буга и Сана, к г. Ярославу. Другие галицкие крепости, вне сомнения, существовавшие на этом рубеже, науке неизвестны. Галицко-Волынская летопись середины второго десятилетия XIII в. упоминает здесь важный галицкий город Любачев⁵⁰, стоявший на р. Любачевке, правом притоке Сана. Вероятно, он возник в качестве порубежного замка в последние десятилетия XII в., когда отношения между Галицким и Волынским княжествами были особенно напряженными.

⁴³ Барсов Н.П. Географический словарь Русской земли. Вильно, 1865. С. 53.

⁴⁴ В Хлебниковском списке Киевской летописи здесь и далее употреблена форма “Плѣснескъ”.

⁴⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 445.

⁴⁶ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 96–97.

⁴⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 372.

⁴⁸ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 97–98.

⁴⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 361.

⁵⁰ Галицко-Волинський літопис. С. 82.

ЮЖНАЯ ГРАНИЦА ГАЛИЦКОГО КНЯЖЕСТВА

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема южного рубежа Галицко-Волынского княжества, долгое время остававшаяся дискуссионной. Издавна распространено мнение, будто бы южный рубеж Галицкого княжества со второй половины XII в. достигал низовьев Дуная⁵¹. Однако письменные источники этого мнения не подтверждают⁵². Чуть ли не единственным аргументом в его пользу представляется поэтическая характеристика галицкого князя Ярослава Владимировича в “Слове о полку Игореве”: “Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко съдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными пѣлкъы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная”⁵³. Поэтому при определении южного рубежа Галицкого княжества второй половины XII в. необходимо рассмотреть историческую основу этой записи “Слова” о Ярославе Владимировиче (1152–1187).

Выражение “Слова” “суды рядя” привлекает к себе особенное внимание еще и потому, что, насколько мне известно, не встречается в других памятниках древнерусской литературы и историографии. Д.С. Лихачев в комментарии к “Слову” приводит лишь словосочетания “ряды правити” и “ряды рядити”⁵⁴. Специальный словарь “Слова о полку Игореве” указывает только “суд судить”⁵⁵. Но сам смысл выражения “суды рядя” не вызывает сомнений: оно означает, что, по мнению автора обращения к Ярославу Владимировичу, этот князь осуществлял судебно-административную власть на огромной территории – вплоть до Дуная, несомненно, нижнего, поскольку средний Дунай во второй половине XII в. пребывал в сфере политического влияния Венгрии и Византии.

Нельзя сводить толкование сочетания слов “суды рядя” лишь к обладанию галицким князем землей по нижнему Дунаю: в этом случае было бы “на Дунае”, а не “до Дуная”. Поэтому буквальное и конкретное понимание выражения “суды рядя до Дуная” означало бы, что южный рубеж Галицкого княжества в конце 80-х годов XII в. (во времена, когда было написано “Слово о полку Игореве”) проходил по меньшей мере по левому берегу нижнего Дуная. С этим регионом связан эпизод бурной политической биографии древнерусского кондотьера Ивана Ростиславича по прозвищу Берладник – двоюродного племянника галицкого государя Володимирко Володаревича, вначале скромного удельного князя в Звенигороде, попытавшегося в 1145 г. отнять у могущественного дяди Галич и после краха попытки превратившегося в наемника, служившего за деньги разным князьям.

В 1158 г. сын Володимирко и тогдашний галицкий князь Ярослав потребовал от киевского государя Изяслава Давидовича (при дворе которого жил Иван Ростиславич) выдачи Берладника. Изяслав отказался, но Иван Ростис-

⁵¹ См., например: *Дашкевич Н.* Княжение Данила Галицкого... С. 73; *Середонин С.М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 129; *Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. М., 1964. С. 211.

⁵² Разбор известных источников, привлекавшихся для его доказательства, см.: *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 98–106.

⁵³ Слово о полку Игореве. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники). С. 22.

⁵⁴ Там же. С. 442–443.

⁵⁵ Слово о полку Игореве. Словарь-справочник. Вып. 5. Л., 1978. С. 252.

славич “уполошивъся ѣха в поле къ Половцемъ”⁵⁶. Вместе с половецкой ордой (рассчитывавшей пограбить окраины Галицкого княжества) Иван отправился в низовья Дуная. Далее в летописи следует место, которое обычно рассматривается как свидетельство принадлежности низовых дунайских городов галицким князьям: “Иванъ же... ста в городѣх Подунайскихъ, и изби двѣ кубарѣ и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовомъ галичскимъ”⁵⁷. Но это известие летописи никак не может быть свидетельством принадлежности низовьев Дуная Галицкому княжеству. Наоборот, оно, на мой взгляд, говорит о том, что галицкие князья не имели власти над подунайскими городами. Ведь в 1158 г. Иван давно уже был изгоем, порвавшим связи с галицким домом Ростиславичей и вынужденным с оружием в руках добывать средства к жизни. К тому же он оставался злейшим врагом Ярослава, поэтому уже само его появление и пребывание на нижнем Дунае доказывает то, что эта область не входила в состав Галицкого княжества. Замечу также, что нет доказательств принадлежности галичанам захваченных Берладником кораблей. Одинокое же упоминание о галицких рыболовах на Дунае не может, конечно же, служить доказательством прохождения границ княжества по этой реке: рыболовы не воины, они могли промышлять и вне пределов своей земли.

Еще более убеждает в независимости Подунавья от Галицкого княжества продолжение летописного рассказа о действиях Ивана Ростиславича на Дунае. Главное же – летопись позволяет определить подлинные южные рубежи княжества в середине XII в.: “И придоша к нему (Ивану. – Н.К.) половци мнози и берладника у него скупися⁵⁸ 6000. И поиде къ Кучелмину, и ради быша ему. И оттуда къ Ушици поиде. И вошла бяше засада Ярославля в городъ, и начаша ся бити крепко засадници из города”, – вот где наконец Иван Ростиславич встретился с войском Ярослава! Местное население поддержало Берладника: “А смерди скачють чересь заборола къ Иванови, и перебѣже ихъ 300”⁵⁹. Половцы потребовали от Ивана отдать им Ушицу на разграбление, но он отказал им в этом. Тогда кочевники покинули Берладника, которому довелось возвратиться в Киев, к Изяславу Давидовичу. В приведенной цитате из Киевского свода названы действительные пограничные города Галицкого княжества на юге. Именно вблизи крепостей Кучелмина и Ушицы в среднем течении Днестра начиналась территория княжества, на которой и мог “суды рядить” Ярослав Владимирович, далее его преемник и сын Владимир. Оба городка принадлежали к наиболее важным среди упоминаемых летописью галицких оборонных замков на южном рубеже. В упомянутой выше кампании Иван Ростиславич беспрепятственно продвинулся по направлению к галицкому кордону из Подунавья, его с радостью встретили жители Кучелмина (гарнизон крепости, видимо, был немногочисленным или его застали врасплох) и лишь в Ушице Берладник натолкнулся на сопротивление Ярославова войска.

⁵⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 341.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Этот глагол указывает на местное, дунайское происхождение отряда берладников. Ведь половцы к Ивану “придоша”, а берладники “скупися”, т.е. находились в той области и собрались под его хоругвями.

⁵⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 341.

Местоположение Кучелмина издавна вызывало споры среди специалистов по средневековой исторической географии. Принимаю предложение Б.А. Тимощука: считать остатками Кучелмина городище Галица возле с. Непоротово Черновицкой обл.⁶⁰, поскольку оно точнее прежних согласуется с географией рассмотренного похода Ивана Берладника. Ясно, что выдвинутый в Поле, на правый берег Днестра, Кучелмин был сторожевой заставой, своеобразным “барбаканом”, призванным первым встретить подходящего из степи врага.

Подобно Кучелмину мало исследован археологически г. Ушица (ныне с. Старая Ушица Хмельницкой обл.), расположенный при впадении одноименной реки в Днестр. Все исследователи видели в нем галицкий порубежный город на Днестре. Археологи открыли в Ушице остатки сторожевой крепости, но следы хозяйственной деятельности жителей прослеживаются слабо. Городок использовался в основном в военно-оборонительных целях⁶¹.

Рассмотрение других летописных свидетельств также убедило меня в том, что южная граница Галицкого княжества проходила возле Ушицы, по Днестру. В 1144 г. “Володимеръ (Володаревич. – *Н.К.*), стоя на Голыхъ Горяхъ, приде же к нему князь Изяславъ Давыдовичъ с половци, переемъ два города, Ушицю и Микулинъ”⁶². В приведенном тексте речь идет о порубежных городах Галицкого княжества.

К южным пограничным городам и крепостям Галицкого княжества второй половины XII в. следует отнести также Василев, Онут, Калиус и Бакоту, хотя в качестве таковых они упоминаются уже Галицко-Волинской летописью в первой половине XIII в. Можно с большой долей уверенности предположить, что юго-восточные рубежи княжества при Данииле Романовиче не претерпели значительных изменений, поскольку в начале XIII в. тот же Микулин продолжал оставаться пограничным галицким городом: “И пришедшу ему (Рюрику Ростиславичу. – *Н.К.*) на Галичь, и срѣтоша его бояре галицкии и вѣлдимерьстии у Микулина, на рѣцѣ Серетѣ, и бившимся имь весь день о рѣку Сереть... и не стерпѣвши възвратишася в Галичь”⁶³ (1205 г.). То же самое можно сказать и об Ушице. В 1230 г. Даниил Романович, “събравъ землю Галицкую... отъ Бобръкы (реки. – *Н.К.*) даже и до реки Ушицы и Прута...”⁶⁴ – как видим, и в то время южные пределы Галицкого княжества не простирались далее среднего Поднестровья.

В 1219 г.⁶⁵ Даниил, по повелению своего тестя Мстислава Мстиславича (тогдашнего галицкого князя), оставил Галич в связи с наступлением польско-венгерского войска, “пройдоша в Онутъ и идоша в поле”⁶⁶. Следовательно, за Онутом начиналась степь и кончалась галицкая территория. Архео-

⁶⁰ Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина... С. 84–85.

⁶¹ Кучера М.П., Горишний П.А. Исследования летописной Ушицы // Тезисы докладов XVII научной конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978. С. 114.

⁶² Лаврентьевская летопись. Стб. 311.

⁶³ Галицко-Волинський літопис. С. 77.

⁶⁴ Там же. С. 92.

⁶⁵ Дата определена на основании сообщения Никоновской летописи под этим годом о занятии Галича венграми: ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885. (Далее: Никоновская летопись). С. 82.

⁶⁶ Галицко-Волинський літопис. С. 83.

логическими исследованиями 50-х годов XX в. установлено, что Онут находился на Днестре, на территории одноименного села Черновицкой обл. Возможно, Онут был торговым портом⁶⁷. На мой взгляд, Онут мог быть пограничной крепостью, как и другие названные летописью поселения на Днестре и его притоках.

Порубежными укрепленными городами при Данииле Романовиче и, вероятно, еще во второй половине XII в. были Калюс и Бакота. Осенью 1241 г. “Даниилъ же хотя землю установити⁶⁸ и еха до Бакоты и Калиуса ...”⁶⁹. И соперник Даниила в борьбе за галицкий стол Ростислав Михайлович, и татарские военачальники, вступая в войну с Даниилом, начинали ее обычно с захвата порубежного города Бакоты⁷⁰.

Полная археологическая неизученность Калюса, стоявшего на Днестре при впадении в него р. Калюсика⁷¹, лишает возможности сказать о нем что-либо определенное. Летописный рассказ позволяет видеть в нем лишь порубежную крепость без каких бы то ни было следов деятельности ремесленно-торгового населения. Напротив, хорошо изучено городище древнерусской Бакоты. Согласно материалам раскопок, город в XII–XIII вв. состоял из детинца, замка и посада. Открыты остатки скального христианского монастыря. На посаде изучены гончарные мастерские, металлургические печи и кузница⁷². Следует считать Бакоту феодальным городом с развитыми хозяйственными функциями. По всей вероятности, Бакота возникла во второй половине XII в. как оборонительная крепость и уже впоследствии, в конце XII – первой половине XIII в., обросла посадом.

Невдалеке от Онута лежал галицкий порубежный город Василев: “Пойде король (Даниил. – Н.К.)⁷³ к Василеву, и перейде Днѣстръ, и пойде къ Пруту”⁷⁴. Хорошо изученный Василев (ныне село Черновицкой обл.), расположенный на левом берегу Днестра, был, подобно Бакоте, подлинным феодальным городом, но превосходил ее по размерам и значению. Раскопками открыты замок, стоявший на холме (сохранились остатки земляных укреплений), торг и пристань. Исследованы фундаменты древнего храма, служившего усыпальницей: в нем обнаружено 9 саркофагов⁷⁵. Общая площадь Василева достигала 50 га, но посад не был укреплен. По-видимому, он возник во второй половине XII в., когда граница Галицкого княжества вплотную придвинулась к Днестру.

Ближайшей к Галичу крепостью на южной границе во второй половине XII в. была Тысяница (ныне поселок в Ивано-Франковской обл.), лишь однажды упомянутая в летописи, когда в начале 1145 г. галицкие “городские

⁶⁷ Тимошук Б.О. Літописні міста Буковини за археологічними даними // Український історичний журнал. 1960. № 6.

⁶⁸ Обследовать рубежи.

⁶⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 104.

⁷⁰ Там же. С. 103, 104, 117.

⁷¹ Барсов Н.П. Географический словарь Русской земли. С. 86–87.

⁷² Винокур І.С., Горішній П.А. Бакота. Кам'янець-Подільський, 1994.

⁷³ Результаты позднейшего редактирования летописи: в приведенном тексте речь идет о событиях 1230 г., а Даниил Романович принял корону от папы лишь в конце 1253 г.

⁷⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 93.

⁷⁵ Логвин Г.Н., Тимошук Б.А. Белокаменный храм XII в. в Василеве // Памятники культуры. М., 1961; Тимошук Б.О. Літописні міста Буковини за археологічними даними // Український історичний журнал. 1960. № 6. С. 164–165.

мужи” позвали к себе в князя Ивана Берладника, воспользовавшись тем, что их государь Володимирко Володаревич уехал на охоту⁷⁶. Археологически эта крепость вовсе не изучена, известно городище древнерусского времени над р. Стрымбой⁷⁷.

Таким образом, упоминания о наиболее южных галицких городах и крепостях в летописях, часто с прямыми указаниями на их окраинное, а то и порубежное положение, позволяет достаточно четко обозначить южную границу Галицкого княжества в XII в. Она проходила в среднем течении Днестра, через города и замки Василев, Онут, Бакота, Ушица, Калюс. Лишь один Кучелмин представлял собой опорный пункт, выдвинутый в поле, что временами, как это было в случае с захватом его Иваном Берладником, делало крепость уязвимой со стороны степи.

Уже само расположение этих городов и замков на рубежах Галицкого княжества, характер их укреплений и т.п. дают основания считать, что они появились в результате сознательной и целенаправленной деятельности галицких князей Володимирко Володаревича и Ярослава Владимировича. Эта деятельность была продолжена и развита в княжение Даниила Романовича Галицкого.

Итак, территория южнее Днестра не принадлежала галицким князьям и не входила в сферу влияния каких-либо иных русских князей. Она представляла собой невозделанную степь, которую занимали кочевники. Сложнее выглядит вопрос о городах и городках по нижнему Дунаю, наличие русско-го населения в которых несомненно. Речь идет о берладниках и бродниках⁷⁸. Но можно с уверенностью утверждать, что и эти города, и их жители не входили в состав ни одного из русских княжеств.

РУБЕЖИ ВОЛЫНИ

Территория Волыни, как еще в большей степени Галицкой земли, начала складываться в сравнении с другими южнорусскими землями (Киевской, Черниговской и даже Переяславской) значительно позднее, почему и завершился этот процесс с опозданием, а именно в XIII в.

К концу XI в. формирующаяся Волынская земля занимала пространство от Берестья на Западном Буге – на севере, до Бужска и Выгошева в верховьях р. Серета – на юге. Ее порубежными городами на западе были Сутейск и Червен, на востоке – Дорогобуж и Острог. Незначительное количество известных по летописи XI в. волынских городов, редкость и скудость упоминаний в источниках об этой территории, наконец, малая археологическая исследованность региона лишают историков возможности определить рубежи Волынской земли начального периода ее складывания (последние годы X – конец XI в.). В той ее древней части, основу которой составляли Червенская и Белзская земли, значительных изменений не произошло, а в начавшем за-

⁷⁶ “Въшедшу Володимиру в Тисяницю на ловы, в то же время послашася галичане по Ивану по Ростиславича въ Звенигородъ, и въведоша к собѣ в Галичь” (Летопись по Ипатскому списку. С. 226).

⁷⁷ *Janusz B. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej*. Lwów, 1918. S. 242–243.

⁷⁸ Время от времени ученые вновь обращаются к истории русского люда нижнего Подунавья и Поднестровья. См. одну из последних работ: *Рабинович Р.А.* Призрачная Берладь // *Stratum plus*. 1999. № 5.

селяться междуречье Стыря и Горыни рубежи до конца XI в. не установились. Это произойдет в первой половине XII в. С середины XII в. есть основания говорить о более или менее определенных рубежах Волынского княжества⁷⁹.

В 40-х–50-х годах XII в. Волынь становится автономным княжеством, входившим в федеративное Древнерусское государство, состоявшее из полутора десятков земель и княжеств. Начиная с княжения в Киеве Святополка Изяславича (1093–1113), он и его преемники постепенно превратили Волынь в домен киевских князей. А Владимир Мономах (княжил в Киеве в 1113–1125 гг.) и его старший сын и преемник Мстислав рассматривали Волынь уже как наследственное владение Мономашичей. В конце киевского правления внука Мономаха Изяслава Мстиславича (1146–1154) Волынь досталась его младшему сыну Ярославу, ибо старший Мстислав, будучи преемником отца, сидел неподалеку от Киева, в Переяславле. Но после кончины отца Мстиславу не удалось занять Киев. Да и Владимир Волынский переходил из рук в руки, пока в 1170 г. там не укрепился старший сын Мстислава Изяславича Роман. С его именем связано укрепление рубежей Волынского княжества и строительство порубежных городов и крепостей.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ РУБЕЖ

Он приблизительно отмечается письменными источниками, начиная с первой половины XI в. Но представляется излишне оптимистичным мнение П.А. Раппопорта, полагавшего, что “линия границы (с Польшей. – Н.К.) достаточно четко определяется здесь по письменным источникам – она проходила по левым притокам р. Вепря, затем пересекала эту реку и шла в северо-западном направлении”. При этом сделана лишь одна сноска на Киевскую летопись конца XII в. Впрочем, далее ученый признает, что вся линия границы была в большой мере условной и “пограничный характер имела вся полоса, лежащая между Вепрем и Западным Бугом”. Можно согласиться с П.А. Раппопортом в том, что на волыньско-польской границе был расположен г. Сутейск, основанный, по его мнению, в 30-х годах XI в. Ярославом Владимировичем в качестве пограничной крепости⁸⁰.

Однако Сутейск впервые упоминается в Повести временных лет гораздо позднее, в “Поучении” Владимира Мономаха в качестве порубежного пункта: его отец Всеволод Ярославич послал сына “на Сутейску мира творить с ляхи”⁸¹. Впрочем, Д.С. Лихачев думал, что Сутейск был урочищем: “Урочищ со сходными названиями (Сутейск) имеется несколько”⁸². К подобному мнению склонялись и другие историки. О порубежном положении Сутейска (урочища или крепости) свидетельствует Повесть временных лет под 1097 г.: “Ярослав⁸³ же бѣжа на Ляхы и приде Берестью, а Давыдъ⁸⁴ займъ

⁷⁹ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 49.

⁸⁰ Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель... С. 181. Автор ссылается при этом на книгу: Rhode G. Die Ostgrenze Polens in Mittelalter. Bd. 1. Köln, 1957.

⁸¹ Повесть временных лет. С. 102.

⁸² Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. С. 522.

⁸³ Сын киевского князя Святополка Изяславича.

⁸⁴ Игоревич, князь-изгой, стремившийся утвердиться в Владимире Волынском и захватить Теревовльское княжество.

Сутъску”⁸⁵. В источниках XII–XIII вв., Киевской и Галицко-Волынской летописях, Сутейск не упоминается.

Ниже я излагаю свой взгляд на прохождение северо-западной границы Волыни и стоявшие на ней города, несколько отличающийся от мнения П.А. Раппопорта. Одним из древнейших порубежных городов Волыни было резко выдвинутое на северо-запад Берестье. Оно издавна занимало ключевое стратегическое положение в системе обороны рубежей Волыни в данном регионе, поэтому следует рассказать о нем подробнее. Впервые город упоминается на страницах Повести временных лет под 1019 г.: разгромленный Ярославом Владимировичем Святополк через Берестье бежал в Польшу⁸⁶. Однако авторитетная Новгородская первая летопись старшего извода впервые называет этот город под 1017 г.: “Ярославъ иде къ Берестию”⁸⁷. Г. Ловмянский, проанализировав известия источников, прежде всего русских летописей, о борьбе между сыновьями Владимира Святославича за киевский стол, пришел к выводу, что город Берестье существовал до 1016 г. и входил тогда в состав княжеского удела Святополка. В период междоусобиц на Руси город был занят польским гарнизоном и удерживался им до 1022 или даже до 1031 г.⁸⁸ Предположение Ловмянского выглядит вероятным.

А.Н. Насонов предполагал, что Берестье возникло еще раньше, во второй половине X в., и было возвращено Руси Владимиром Святославичем в 981 г. вместе с Перемышлем, Червеню и “иными градами”. По его мнению, пограничная с Польшей русская земля на северо-западе начиналась с Берестейской волости. Поэтому естественно, что среди “иных градов”, попавших под власть киевского князя, было и Берестье⁸⁹.

Кажется правдоподобным предположение Насонова о том, что когда краковский князь Болеслав Храбрый в 1018 г. “города червеньскыя зая собъ”⁹⁰, Берестье также перешло к Польше. Формулу летописи под 1022 г. “приде Ярославъ къ Берестию”⁹¹ ученый понимал как констатацию факта окончательного закрепления Берестейской волости за Русью⁹². Как бы там ни было, Берестье с округой при Ярославе Владимировиче надолго попало под власть киевских князей. В качестве порубежного с Польшей города Берестье упоминается летописью в конце XI в.: “Ярослав же бѣжа на Ляхы, приде Берестю”⁹³ (1097) – речь идет о сыне тогдашнего киевского князя Святополка Изяславича, участвовавшего во вспыхнувших в то время, после ослепления Василько Ростиславича Давидом Игоревичем, усобицах на Руси. Свое значение важнейшего порубежного города на северо-западе Волыни Берестье сохраняло в течение всего XII в., о чем согласованно свидетельствуют летописи.

⁸⁵ Повесть временных лет. С. 115.

⁸⁶ Там же. С. 63.

⁸⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 15.

⁸⁸ *Łowmiański H. Świętopelk w Breściu w r.1019 // Studia ku uczczeniu prof. K. Tymienieckiego. Poznań, 1970. S. 229–244.*

⁸⁹ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 127.

⁹⁰ Повесть временных лет. С. 63.

⁹¹ Там же. С. 64.

⁹² Насонов А.Н. Указ. соч. С. 128.

⁹³ Повесть временных лет. С. 115.

Однако к середине XII в. северо-западный рубеж Волыни продвигается еще далее на северо-запад по Западному Бугу, достигнув с той поры порубежного волынского города Дорогичина. Берестье остается в глубине территории, что, впрочем, не лишило его важного оборонительного значения. С этого времени можно утверждать о проведении волынскими князьями целенаправленной политики укрепления прежде всего северо-западной, а затем и других границ. И все же для первой половины XII в. не представляется возможным конкретизировать северо-западный рубеж Волынской земли. Почти полное отсутствие упоминаний в летописях о городах и крепостях на этом рубеже до 40-х–50-х годов XII в. не позволяет сделать это. По всей видимости, он совпадал с древней западнорусской и севернорусской границами с Польшей.

Наиболее северным городом-крепостью на северо-западной границе Волынского княжества оказывается Дорогичин, расположенный на высоком правом берегу Западного Буга. Он впервые упоминается вместе с Берестьем и двумя другими городами в Киевской летописи под 1142 г. в рассказе о раздаче киевским князем Всеволодом Ольговичем волостей своим братьям Обиженный старшим братом Игорь заявил: “Даеть ны по городу, Берестий и Дорогычинъ, Черторыескъ и Кльчьскъ, а отчинъ своеъ не дасть Вятичь”⁹⁴. Но, согласно археологическим исследованиям, возникновение града (укрепленного поселения) Дорогичина можно датировать второй половиной XI в. Город состоял из детинца и посада и был крупным торгово-ремесленным центром⁹⁵.

Таким образом, к концу первой половины XII в. на рубежах Волыни, особенно на северо-западных, возникают города, защищавшие эти рубежи и служившие прибежищем местному населению в случае вражеского нашествия. Однако государственные границы Волынского княжества более отчетливо устанавливаются с середины XII в. Окончательно же волынская государственная территория формируется уже в XIII в. По крайней мере, именно тогда источники наиболее точно фиксируют ее рубежи. В значительной степени это объясняется существованием для XIII в. уникального и подробного источника, сосредоточившего свое внимание на истории Волыни и Галичины, – Галицко-Волынской летописи.

ВОСТОЧНЫЙ РУБЕЖ

Наиболее северными городами и крепостями на восточном волынском рубеже с Киевщиной были Черторыйск и Мычск (Мыцк). Черторыйск – тот самый единственный волынский город XII века, упоминающийся летописью в его начале. Расположенный на р. Стыри Черторыйск впервые встречается в Повести временных лет в изложении решения Витичевского княжеского съезда 1100 г. в отношении “возмутителя спокойствия” Руси Давида Игоревича: «”Дубенъ и Черторыескъ” дал ему от себя (взамен отобранного у Давида на этом съезде г. Владимира Волынского) киевский князь Святополк Изяславич»⁹⁶. В качестве зависимого от киевского госуда-

⁹⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 222.

⁹⁵ Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne. Wrocław etc. 1959. Т. 6. S. 229–232.

⁹⁶ Повесть временных лет. С. 116.

ря город Черторыйск назван в Киевской летописи под 1142 г.⁹⁷, что все-таки дает основания видеть в нем киевский город, как полагали, например, некоторые дореволюционные ученые.

Впрочем, конкретно-исторический анализ приведенных выше свидетельств летописей утверждает в ином мнении: Черторыйск был все же волыньским городом. Другое дело, что в 1097 г., воспользовавшись ослеплением Давидом Василько Ростиславича, Святополк Изяславич поставил Волынь в более тесную зависимость от великокняжеского стола. Эта зависимость продолжалась до середины XII в., и я не вижу ничего удивительного в том, что Всеволод Ольгович в качестве киевского великого князя, посадив сына во Владимире Волыньском, рассматривал Волынь как собственное владение и раздавал там города, и не только порубежные с Киевщиной. Ведь в сообщении Киевской летописи 1142 г. среди отданных Всеволодом братьям городов наряду с Черторыйском названы окраинные Берестье и Дорогичин, находившиеся на северо-западном рубеже⁹⁸.

Краткого упоминания в летописи Нестора о Черторыйске под 1100 г., думается, достаточно для того, дабы видеть в нем заметный город, поскольку он входил в число четырех городов, отданных Игорю в качестве компенсации за утрату им основной части Волынской земли с Владимиром. Мало известно историкам о другом порубежном городе Мычске. В 1150 г. Изяслав Мстиславич возле Мычска столкнулся с Володимирко галицким. Судя по контексту летописного сообщения, Мычск стоял на границе между Киевщиной и Волынью: “И угада Изяславъ съ дружиною своею пойти чересь ночь къ Мичьску...”. А в марте следующего, 1151 г., Изяслав утверждает в Киеве, но “Володимеру⁹⁹ же того не вѣдущо съ Андрѣмъ¹⁰⁰, и стага у Мичьска, и пославша сторожѣ и испытаста, оже Дюрги у Городци уже, а Изславъ Киевѣ”¹⁰¹. Из обоих контекстов следует, что Мычск находился в Волыньском княжестве, на границе с Киевской землей (великокняжеским доменом).

После отодвинутой вглубь Волынской земли, но сохранявшей значение приграничного города и хорошо укрепленной Пересопницы¹⁰² (впервые упомянута в Киевской летописи под 1149 г.) восточный рубеж княжества спускался на юги, достигал р. Корчика, притока р. Случи. Здесь был расположен пограничный город Корческ (ныне г. Корец Ровенской обл.). Его порубежное положение ясно уже из первого упоминания о нем в Киевской летописи под 1150 г. Находившийся тогда во Владимире Волыньском Изяслав Мстиславич провожал ехавшего в Киев, где временно сидел Юрий Долгорукий, его сына Глеба, «и ту пристави (Изяслав. – Н.К.) к нему сына своего Мьстислава до Коречька, и тако проводивъ и за Корческъ, и рече ему Мьстиславъ: “Поѣди же, брате, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину”»¹⁰³. В качестве общей границы Волыни с Киевщиной р. Го-

⁹⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 222.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Князю галицкому.

¹⁰⁰ Сыном Юрия Долгорукого.

¹⁰¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 286, 289.

¹⁰² Свое название город получил, вероятно, от земляного укрепления – “переспы”, своего рода вала.

¹⁰³ Летопись по Ипатскому списку. С. 276.

рынь упоминается и в Лаврентьевской летописи под 1139 г.¹⁰⁴ Археологически Корчеськ не исследован, но о том, что город был значительно укреплен, свидетельствует его неплохо сохранившееся городище трехугольной формы, окруженное валами и рвами, соединявшимися с р. Корчик¹⁰⁵.

Вместе с Горынью восточный рубеж Волынского княжества поворачивал на юго-запад, где наиболее южным его городом был Выгошев. Затем граница направлялась к Бужску, стоявшему на Западном Буге (см. о нем в рассказе о рубежах Галицкой земли XII в.)

Стоит особо остановиться на границах Волынской земли с Киевской, имевших особенно большое значение в междукняжеских усобицах второй половины XII в. С середины XII в. и до конца его, согласно моим подсчетам, на Волыни возникло 11 новых заметных городов и лишь три из них – в центральной части этой земли, остальные вблизи киевских рубежей, в Погорине, бассейнах рек Горыни и Случи. Это еще раз подтверждает мысль, о том, что стратегические усилия стратегических усилий волыньских князей, были направлены на укрепление восточной границы, которая прикрывала княжество также от вторжения кочевников-половцев.

На правом берегу Случи, между волыньским пограничным городом Корчеськом и киевским Ушеськом лежал Чертов лес, признаваемый Киевской летописью середины XII в. пограничным¹⁰⁶. Его местоположение понятно из рассказа источника под 1150 г. о войне между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруком. Находясь в волыньском городе Зарчеське, Изяслав был застигнут врасплох вестью, “оже Володимеръ галичьской идеть на нь”. Изяслав оставил блюсти г. Владимир своего брата Святополка, а сам двинулся на Киев против Долгорукого. Сначала он “переиде Случь и оттолѣ поиде чересь Чертовъ лѣсъ к Ушьску, и переиде реку Ушю подъ Ушеськомъ”¹⁰⁷. Отсюда напрашивается вывод и о порубежном положении р. Уши.

Невдалеке от порубежного Корчеська лежал другой пограничный город Волыни Сапогынь. В 1151 г. сидевшему в Киеве и боровшемуся против Долгорукого Изяславу Мстиславичу пошел на помощь с венгерским союзным войском сын Мстислав. У Сапогыня, судя по контексту, на границе с Киевской землей, на него напал союзник Долгорукого Володимирко галицкий, находившийся тогда в Киевской земле. Когда Мстислав Изяславич стоял у Сапогыня, “выслалъ ему бяшетъ Володимеръ Андрѣевичъ питье из Дорогобужа...”¹⁰⁸, откуда следует, что Сапогынь был расположен вблизи Дорогобужа. Н.И. Надеждин и К.А. Неволин резонно указывают на с. Сапожин (ныне в Ровенской обл.)¹⁰⁹.

В северо-восточном углу Волынской земли стоял пограничный город Небль. Под 1158 г. в Киевской летописи упоминается “Небльская волость”, ранее принадлежавшая Ярополку Изяславичу¹¹⁰, внуку Ярослава Мудрого. О местоположении этого, возникшего, вероятно, во второй половине XI в. города свидетельствует известие Галицко-Волыньской летописи, относящее-

¹⁰⁴ Лаврентьевская летопись. 2. Стб. 307.

¹⁰⁵ Андрияшев А. Очерк истории Волыньской земли до конца XIV в. Киев, 1887. С. 79.

¹⁰⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 280.

¹⁰⁷ Там же. С. 284–285.

¹⁰⁸ Там же. С. 305.

¹⁰⁹ См.: Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 72.

¹¹⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 338.

ся к 1262 г. Отражая нападение литовского войска, волынский князь Василько Романович “угониша я у Небля города. Литва же бяше стала при озерѣ...”. Сражение закончилось полным разгромом литовцев, с чем князя Василько поздравили пинские князья Федор, Демид и Юрий¹¹¹. Из летописного повествования следует, что город Небль стоял на границе с Турово-Пинским княжеством, при одноименном озере, по левую сторону Припяти¹¹².

В юго-восточном углу Волынской земли располагался крупный пограничный город Полонное. Рядом с ним летопись упоминает другой волынский город на рубеже с Киевской землей – Семыч. Киевская летопись под 1196 г. повествует, что, получив от тестя, киевского князя Рюрика Ростиславича Полонное с волостью, Роман Мстиславич не удовлетворился этим, “посла люди своя в Полоны, и оттолѣ повѣлѣ имъ ездячи воевати”¹¹³. Скорее всего, в этой записи речь идет о волынском городе на рубеже с Киевщиной. Таковым оставалось Полонное и в 30-х годах XIII в., когда Даниил Романович “угони его въ Полономь, и яша и в лузѣ Хоморскомъ”¹¹⁴ – своего двоюродного брата и соперника Александра Всеволодича, князя Белзской волости. Это случилось на самой границе Волыни с Киевской землей, куда пытался бежать к тестю Владимиру Рюриковичу киевскому неугомонный Александр.

На Горыни, неподалеку от слияния ее со Случью, возник, вероятно, в 70-е – начале 80-х годов XII в. еще один пограничный город Волынского княжества – Дубровица (ныне город в Ровенской обл.). Этот важный в стратегическом отношении город лишь однажды, да и то не прямо, упоминается в Киевской летописи, знающей “Глѣба Гюргевича князя Дубровицьского”, участвовавшего среди прочих второстепенных князей в 1184 г. в походе на половцев, организованном великим князем киевским Святославом Всеволодичем и его соправителем в Киевской земле Рюриком Ростиславичем¹¹⁵. Из краткого сообщения источника следует, что Дубровица была столицей небольшого удельного княжества.

Не просто установить положение другого порубежного с Киевской землей города Волыни Каменца, поскольку в Юго-Западной Руси существовало несколько городов с таким названием. Историко-географическое рассмотрение рассказа Киевской летописи о мерах возмездия, предпринятых в 1196 г. по указанию Рюрика Ростиславича, тогда великого князя киевского, в отношении его зятя Романа Мстиславича (вторгавшегося в Киевский великокняжеский домен из Полонного) привело меня к выводу, что нападение киевской рати на “волость Романову около Каменця”¹¹⁶ произошло на восточному рубеже Волыни.

Уточняет положение этого Каменца известие Галицко-Волынского свода XIII в. о стычке Даниила Романовича с галицким боярством и болоховскими князьями в начале 1236 г.¹¹⁷: “Прийдоша галичане на Каменецъ и вси

¹¹¹ Галицько-Волинський літопис. С. 126 (текст), 307–309 (коментарий).

¹¹² Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. С. 121–122, 292.

¹¹³ Летопись по Ипатскому списку. С. 468.

¹¹⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 97.

¹¹⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 426.

¹¹⁶ Там же. С. 468.

¹¹⁷ Котляр М.Ф. Коментар // Галицько-Волинський літопис. С. 221.

болоховстии князи с ними, и повоеваша по Хомору, и пойдоша кь Каменцю, и вземше полонъ великъ пойдоша”¹¹⁸. Река Хомора – один из притоков Случи, на ней стоит г. Полонное. Поэтому летописному Каменцу на южном участке восточной границы Волыни с Киевщиной лучше всего соответствует расположенное на левом берегу Случи с. Каменка Житомирской обл.

Подводя итоги складыванию и укреплению рубежей Волынской земли в XII в. необходимо отметить, что эти явления протекали неравномерно. Вобрав в себя древние Червенскую и Белзскую земли, Волынское княжество стало далее развиваться в восточном направлении, в порубежных с Киевщиной регионах. Этому способствовало немало экономических и политических факторов; среди последних необходимо выделить стремление киевских князей подчинить себе Волынь и превратить ее в великокняжеский домен, что и произошло при Мономахе и его потомках. Поэтому на восточном рубеже Волыни с начала XII в. вырастают укрепленные города и замки. Впоследствии укрепление волынского рубежа продолжилось, но уже не столько в связи с угрозой со стороны великокняжеского центра, сколько из-за нападений кочевников-половцев и общей нестабильности междукняжеских отношений эпохи удельной раздробленности.

Северная, западная и южная области Волынского княжества также заселялись и обрастали укрепленными городами и крепостями, причиной чему был фактор внешней опасности: на западе со стороны польских князей, на севере – литовских и ятвяжских князьков, на юге – кочевников-половцев. Лишь объединение Волынского княжества с Галицким Романом Мстиславичем в 1199 г. привело к более равномерному освоению территорий обеих земель и усилению процесса обустройства государственных рубежей.

¹¹⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 98 (текст).

Д.В. Каштанов

РУСЬ И ФЕССАЛОНИКА В XII–XIII ВЕКАХ: ЛЮДИ, ИДЕИ, ПУТИ¹

... Сюда я приехал с Запада
На мой роковой Восток.
При Кесаре, при Андронике,
Меня пырнули ножом,
Но те же они, Салоники,
Но тот же розовый дом...

Ю.П. Иваск²

Эти строки могли бы поведать – с долей вымысла – о судьбе жившего за восемь веков до их создания возмутителя спокойствия в русских землях, несчастливому князю Ивану Ростиславичу, прозванному “Берладником”. По-терпев в 1156/57 г.³ поражение от галицкого князя Ярослава, в 1161/62 г.⁴ он умер в Солуни, и летописец донес до нас слухи, будто “ини тако молвяхуть, яко съ отравы бѣ ему смерть”⁵. Это событие – само по себе не значимое, но от этого не менее интригующее – дает повод задуматься над тем, что же нам известно о связях Солуни и русских земель. Ниже мы увидим, что другой сюжет этой темы окажется столь же занятным.

Все же связи Руси и Фессалоники – ни когда она еще была вторым по величине городом империи, ни когда стала центром самостоятельного, сначала латинского, а потом греческого государства – не становились предметом специального рассмотрения⁶. За их свидетельство Г.Г. Литаврин выдавал известие о том, что, якобы согласно “Тимариону”, в первой половине XII в. “русские товары везли караванами не в столицу на Босфоре, а в Фессалонику”⁷, в более ранней работе исследователь выражался иначе: “Русские товары везли теперь иногда караванами из Константинополя в Фессалонику”⁸.

¹ Автор был бы благодарен за отклики по вопросам, затрагиваемым в статье. E-mail: deniska@id.ru.

² Это стихотворение опубликовано: Поляков Ф.Б. Византийские образы в эсхатологической концепции культуры Юрия Иваска и поэта Осипа Мандельштама // МОСХОВИА. Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. Вып. 1. К 60-летию Б.Л. Фонкича. С. 389.

³ По Н.Г. Бережкову, это произошло в конце 6664 мартовского года, а в летописи стоит 6665 ультрамартовский год: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 168.

⁴ Н.Г. Бережков считает, что статья 6670 г. – ультрамартовская, и ее основное содержание относится к 6669 мартовскому году (Хронология... С. 173).

⁵ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2. Стб. 519. Очерк жизни князя см.: Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 70–74.

⁶ В отличие, скажем, от связей Руси с Мореей, Никеей и Трапезундом, которым посвящены следующие статьи: Тихомиров М.Н. Греки из Морей в средневековой России // СВ. 1964. Вып. 25. С. 166–175; Карпов С.П. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 38–47; Жаворонков П.И. Никейская империя и княжества Древней Руси // ВВ. 1982. Т. 43. С. 81–89.

⁷ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 294.

⁸ Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // Литаврин Г.Г. Византия и славяне (сборник статей). СПб., 1999. С. 513.

Последнее толкование ближе словам источника: “Города же Евксинского Понта, посылая сначала свои товары в Византий, оттуда украшают ярмарку: множество выючных лошадей и мулов доставляют в Византий их товары”⁹; однако никаких “русских товаров” в словах “Тимариона” мы не встретим, как не сможем утверждать, что имелись в виду города только северного побережья Черного моря. Так, Р.А. Наследова применительно к данному месту пишет о товарах из Понта без какой бы то ни было детализации¹⁰. Справедливости ради надо отметить, что в описании праздника св. Димитрия упоминаются пришедшие поклониться святому жители “прибрежья Океана”¹¹, но это указание настолько неопределенно, что не позволяет сделать никаких конкретных выводов. Перечисляя посетителей солунской ярмарки, Р.А. Наследова утверждает, что среди них были купцы “из Скифии”¹², в которых можно было бы увидеть русских. Однако текст “Тимариона” в том месте, к которому обращается исследовательница, во-первых, не упоминает именно купцов, а лишь посетителей ярмарки вообще, и, во-вторых, говорит о том, что на ярмарку стекаются “мисийские племена, населяющие земли вплоть до Истра и пределов Скифии”, т.е. именно болгары, а вовсе не “скифы”.

Кроме этих, неправильно истолкованных сообщений “Тимариона”, за XII–XIII вв. есть лишь несколько разрозненных упоминаний о связях Руси с Фессалоникой в русских летописях. Существует, однако, любопытная запись, донесшая до нас не оцененные по достоинству сведения, которые дополняют скудную картину связей Руси с Фессалоникой. В рукописях она следует за “Сном царя Иоаса”¹³, средневековой компиляцией по мотивам “Четвертой книги Царств”, “Екклесиаста”, “Песни Песней”, и заметкой “О ливане”, повторяющей текст перевода толкований Афанасия Александрийского на псалмы 28:5, 36:35 и 71:16¹⁴, которая дошла до нас в шести, а точнее, если не считать одной копии сохранившейся рукописи, в следующих пяти списках.

РГБ. Ф. 205 (собр. ОИДР). № 171. Вторая половина XIII в. (далее: О). Л. 20 об.¹⁵

РГБ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 13. До 1519 г. (по вкладной записи) (далее: В). Л. 225–225 об.

РГБ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 14. 1519–1545 гг. (список с предыдущей рукописи, верхняя временная рамка –

⁹ Тимарион / Пер. со ср.-греч. С.В. Поляковой и И.В. Феленковской // Византийский сатирический диалог / Изд. подгот. С.В. Полякова и И.В. Феленковская. Л., 1986. С. 30.

¹⁰ Наследова Р.А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX – начала X в. по данным Иоанна Камениаты // ВВ. 1956. Т. 8. С. 77.

¹¹ Тимарион... С. 28.

¹² Наследова Р.А. Ремесло и торговля Фессалоники... С. 77.

¹³ Он опубликован по русскому списку РНБ. Q. п. I. 18 (*Мочульский В. Сон царя Иоаса* // РФВ. 1897. Т. 37. С. 111–113; отзыв на эту статью: *Истрин В.М.* К вопросу о “Сне царя Иоаса” // ЖМНП. 1898. С. 306–307) и по единственному болгарскому списку 1348 г. РНБ. Ф.п. I. 367 (*Кувев К. Иван Александровият сборник от 1348.* София., 1981. С. 383–385).

¹⁴ Алексеев А.А. К истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРЛ. 1989. Т. 41. С. 181.

¹⁵ Описание этой рукописи см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 312. № 375; Алексеев А.А. К истории... С. 155.

наличие ее в монастырской описи 1545 г., что и указано на переплете почерком XIX в.) (далее: *B*₂). Л. 358 об. – 360.

РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). Оп. 5. Ч. 2. № 478/958. Третья четверть XVI в. (по водяным знакам) (далее: *A*). Л. 533–533 об.

РНБ. Q.I.43. XVII в. (далее: *Л*). Л. 134 об. – 135.

РГБ. Ф. 98 (собр. Е.Е. Егорова). № 891. XVI в. (с этой рукописью я не имел возможности ознакомиться, поскольку она находилась на реставрации).

В заметке “О ливане” говорится (текст по древнейшему списку *O*)¹⁶:

пс(а)л(о)м 28. скрушитъ г(осподь) кедры ливаньскыя.

т(ол)къ. Бѣсы | яко гърды. присно | радующася ливану. ливанъ бо гора | нарицається. жерьтва идольская. съкруши же е Х(ристо)во съшествие. и упразни | идольское неистовство.

пс(а)л(о)м 36. Видѣхъ нечестиваго прѣвозносящася и высящася яко кедры ливаньскыя.

т(ол)къ. Диявола гл(аголе)тъ. яко възнесетсѣ на ч(е)л(о)в(е)чѣство идолослужениемъ. ливанъ бо весдѣ | прилагается. по | кажениемъ идолѣхъ.

пс(а)л(о)м. 71. превъзнесетсѣ пача ливана | плодъ его.

т(ол)къ. Възнесе бо ся г(осподь) на кр(е)стѣ. и | вера кр(е)стьянская възнесетсѣ. паче идолѣхъ жертвъ. ливанъ бо скажется. | жертва идольская. и | жилище бѣсовское.

А вот интересующая нас запись сохранилась лишь в двух из перечисленных выше рукописей. В списке *O* – необычно узком пергаменном кодексе в один столбец – она выполнена почерком писца и чернилами основного текста, но мелкими буквами, и располагается на внешнем (левом) поле л. 20 об. сверху вниз перпендикулярно к основному тексту. Подчищенная в конце, она гласит: «То же ми баше сказалъ попинъ гречьскый въ Селоуни азъ же бяхъ купилъ много ливана и то слышавъ роздахъ. и сдѣ пришедъ сказахъ [?]»¹⁷. Во второй рукописи (*A*, л. 533 об.) запись следует непосредственно за текстом заметки “О ливане” и содержит немаловажные дополнения: упоминание Иерусалима, где автор записи покупал ладан, и князя Георгия: “И[Т]о же ми сказа попинъ грѣческый в Селѹни. | азъ же бѣхъ купилъ много ливана въ Иерлѣмѣ. | и то слышавъ расъспахъ. и здѣ пришеа сказахъ | Георгию кѣсю»¹⁸.

¹⁶ При передаче текста из отсутствующих в современно русском алфавите букв оставлены только ъ в конце слов, ѣ и і. Надстрочные знаки не передаются, титла раскрыты, что обозначено круглыми скобками, выносные буквы внесены в строку, что специально не обозначается. Прописные буквы и пунктуация переданы в полном соответствии с рукописью. Киноварные инициалы подчеркнуты. Утраты заключены в квадратные скобки. Вертикальная черта обозначает начало строки. Начало каждого псалма и толкования с красной строки введено для удобства восприятия текста.

¹⁷ Оба текста записи воспроизведены максимально близко к тексту – опущены только знаки придыханий и ударений, присутствующие в списке *A*.

¹⁸ Далее следует текст, отсылающий к “Житию Константина” (Житие Константина-Кирилла / Подгот. текста и пер. Л.В. Мошковой, А.А. Турилова, коммент. Б.Н. Флори // БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. XI–XII века. С. 52) и не имеющий прямого отношения к данной записи: “Цисла отъ втораго на десять лѣта | [С]оломония ц(еса)рства до Х(рист)а, лѣтъ, 900 и 9. Се азъ невѣжа и неумѣя истолковахъ. да кто ест(тъ) хитрѣ | умѣя и онъ паки хитрѣ толкуи, и не зазрїте моеи худости. азъ бо не учихъ философи, | но тому учихъ иже не вѣдати ничто же”.

Этому тексту, несмотря на то что он содержит одно из немногих упоминаний Солуни в оригинальной древнерусской письменности, можно сказать, не повезло с “научной карьерой”. Специально данной записи была посвящена единственная и не слишком подробная статья А.И. Соболевского, а ее существующие издания страдают разной степенью неточности в передаче текста и комментариях.

Впервые на запись обратил внимание А.И. Соболевский¹⁹, который опубликовал ее по обоим спискам²⁰. Его передачу текста *A* можно считать достаточно точной, за исключением “аз” вместо “азъ”, мена “изъ” на “аз” имеется и в публикации текста *O*. Кроме того, А.И. Соболевский, со вниманием отнесшийся к пунктуации в *A*, в издании второй части заметки из *O* ввел собственную постановку знаков препинания. Наконец, он закончил чтение записи в *O* на слове “пришедь”, отметив, что далее запись неразборчива.

А.И. Соболевский рассматривал запись в единстве с заметкой “О ливане” и строками, следующими за записью в *A* (см. выше, примеч. 18). Причем в случае с последними были приведены лишь слова “Се азъ, невѣжа и не умѣя истолковахъ. Да кто есть хитрѣ...” (привожу по тексту статьи А.И. Соболевского), а вот предшествующий текст о “числах” от Соломона до Христа был заменен многоточием – тем самым было искусственно создано впечатление единства записи и следующих за ней слов. А.И. Соболевский делил заметку “О ливане” на две части, считая обе древними, на том основании, что в *A* первые два псалма водятся фразой “псалмопѣвецъ рече” и “псалмопѣвецъ же рече”, тогда как последний словами “псаломникъ пишет”.

¹⁹ Несмотря на утверждение Л.В. Столяровой (*Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 165. № 135), которая поставила описание рукописей библиотеки Общества истории и древностей, выполненное П.М. Строевым, под первым номером в списке посвященных записи исследований, в этом труде о записи не сказано ни слова, самой же рукописи *O*, датированной XIV в., там посвящено несколько строк: [*Стров П.М.*] Библиотека императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 61. № 171.

²⁰ *Соболевский А.И.* Неизвестный русский паломник // *ИОРЯС.* 1911. Т. 16. Кн. 1. С. 6. Л.В. Столярова ссылается только на статью А.И. Соболевского “Особенности русских переводов домонгольского периода” в сборнике его трудов, именно на с. 144. Однако на этой странице начинаются “Словарные материалы” к статье о Номоканоне Иоанна Схоластика (*Соболевский А.И.* Номоканон Иоанна Схоластика // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. (СОРЯС. Т. 88). С. 141–153), а указанная Л.В. Столяровой статья находится на с. 162–177 (*Соболевский А.И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования... С. 162–177). И в ней на с. 177 действительно отмечается, что при дальнейшем исследовании может оказаться, что толкования Филона Карпафийского на “Песнь Песней”, сохранившиеся в списке московского Общества истории и древностей XIII–XIV вв. (т.е. *O*), были переведены на Руси. Указания на интересующую нас запись в этой статье нет! А три упоминания Солуни в этом сборнике (по указателю) относятся к разысканиям о деятельности Константина Болгарского (*Соболевский А.И.* К истории древнейшей церковнославянской письменности // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования... С. 120), черноризца Храбра (Там же. С. 132), а также о возможном происхождении из этого города некоторых старославянских рукописей (Там же. С. 137) и связях Солуни с Сербией в XII–XIII вв. (Там же. С. 137. Примеч. 1). Таким образом, получается, что из трех ссылок на исследования рассматриваемой записи в работе Л.В. Столяровой две (!) – на работы П.М. Строева и А.И. Соболевского – оказываются не относящимися к делу, а одна еще и неверной.

Однако если посмотреть на текст древнейшего списка заметки “О ливане”, приведенный выше, то станет совершенно ясной искусственность такого разделения. В конце статьи исследователь обратил внимание на находящееся в некоторых русских рукописях XV–XVI вв. описание базилики св. Димитрия²¹, лишь намекнув на возможную общность их происхождения²².

По списку *A*, указанному А.А. Туриловым, запись привел А.А. Алексеев²³. Недостатки его передачи текста заключаются во введении собственной пунктуации по современным правилам и ряде ошибок: вместо “Селѹни” там фигурирует “Сулуни” (если это не опечатка), вместо “лзъ” – “аз”, а вместо “сказахъ” – “сказахъ”. А.А. Алексеев отметил, что эта же приписка находится и в рукописи *O* без последних двух слов. Тем самым, правильно прочитав окончание записи в рукописи *O*, исследователь не обозначил отсутствия упоминания там Иерусалима.

По списку *O* после А.И. Соболевского запись была опубликована дважды. В чтении Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв.²⁴ вместо “сдѣ” стоит “здѣ”, вместо ясно читающегося “сказахъ” – “[ми сказахъ (?)]”, квадратные скобки, очевидно, указывают на неуверенность чтения. Запись датирована там второй половиной XIII в. – датой рукописи, эту же датировку повторила Л.В. Столярова²⁵. В ее издании запись прочитана небрежно и с ошибками – даже по сравнению со Сводным каталогом: вместо простейшей (одна точка!) пунктуации источника зачем-то введена авторская, не разобрано последнее ясно читаемое в рукописи слово “сказахъ”, зато в критическом аппарате приведено неточное чтение Сводного каталога; “лзъ” превратилось в “азъ”, а “кѹпиль” – в “скѹпиль”. Тот факт, что Л.В. Столярова завершает чтение записи на слове “пришедъ”, как и А.И. Соболевский, несмотря на ясно читаемое далее в рукописи “сказахъ”, наводит на размышления о том, не пользовалась ли исследовательница при подготовке издания этой записи по преимуществу не рукописью, а статьей своего предшественника, которая, однако, не указана в списке литературы? Другие ее комментарии не менее сомнительны. Так, неточно указаны псалмы, отрывки из которых использованы в заметке “О ливане”. Л.В. Столярова утверждает, что автор записи купил плоды ливанского кедра после разговора со священником (т.е. уже в Фессалонике), что маловероятно, следуя логике заметки “О ливане” и записи, которая подразумевает, что на момент разговора у автора записи уже имелся ладан, не говоря о записи в *A*, прямо упоминающей Иерусалим как место его приобретения. Хотя, строго говоря, в записи нигде не указано направление движения паломника (Иерусалим – Солунь или Солунь – Иерусалим), последовательность действий: покупка – разговор со священником – избавление от благовоний – не вызывает сомнений, следовательно, и паломник возвращался из Иерусалима, а не направлялся туда. Кроме того, Л.В. Столярова считает, что ливан был роздан паломником уже по приезде на Русь, что ниоткуда не следует и невероятно. Первоначальным представляется вариант “разсыпахъ” из *A*, а не “роздахъ”, как в

²¹ ВМЧ. СПб., 1880. Октябрь, дни 19–31. Стб. 1912 (26 октября).

²² Соболевский А.И. Неизвестный... С. 7.

²³ Алексеев А.А. К истории... С. 182. Примеч. 67.

²⁴ Сводный каталог... С. 312. № 375.

²⁵ Столярова Л.В. Свод записей... С. 165. № 135.

О – он лучше соотносится со смыслом заметки “О ливане”. После всего сказанного в качестве курьеза можно указать написание исследовательницей “Солоники”. По сути, это, конечно, мало что меняет, но ведь “дьявол – в деталях”, которые указывают на отношение исследовательницы к своим материалам...²⁶

Перейдем к текстологии списков изучаемой записи. Два ее варианта следуют за текстами заметки “О ливане”, различия которых несущественны, и за двумя видами “Сна царя Иоаса”, которые, напротив, отличаются не только многочисленными разночтениями, но и расположением отдельных частей текста. В *О*, где начало “Сна” утрачено, видение Иоаса представляет собой единый текст, а все толкования следуют за ним, тогда как в *А* видение разбито на две части, после каждой из которых следует толкование. Возможно, и разночтения, и разница в расположении частей текста – результат позднейшей правки, так как во всех списках есть общие ошибки, которые позволяют говорить о том, что в конечном итоге все они восходят к одному оригиналу. Таково непонимание места, которое передано следующим образом: “градъ ж паки великъ, мнѣ малъ” (*В*, л. 223 об.), “градъ убо ес(ть) великъ м□ (знак, похожий на букву “г”) ѣ малъ” (*А*, л. 532 об.).

Списки “Сна” *О*, *В* и *П* относятся к одному виду, его заключает заметка “О ливане”, за которой не следует записи (кроме списка *О*, где та помещена на поле). Списки “Сна” *О* и *В* настолько близки, что создается впечатление, будто второй переписан с первого. В *П* “Сон” имеет по отношению к *О* и *В* множество разночтений, не носящих принципиального характера, а текст заметки “О ливане” в трех рукописях практически идентичен. Вероятнее всего, эти тексты в *В* и *П* так или иначе восходят к одному источнику, в основе которого лежала *О* (вполне возможно, что в *В* они переписаны непосредственно из *О*, тогда *П* могла почерпнуть эти тексты – в конечном итоге – из *В*). Такое соотношение позволяет объяснить отсутствие записи во всех рукописях, содержащих “Сон” и заметку “О ливане” в редакции, близкой *О*. Писец протографа *В* и *П* (самой рукописи *В*?) опустил запись потому, что ее легко можно было отделить от основного текста. Это возможно в том случае, если она помещена вне его – именно так, как в *О*.

Однако является ли запись рукописи *О* оригинальной записью самого писца, сообщающей об эпизоде из его жизни, как считает Л.В. Столярова, датируя ее второй половиной XIII в., или ее воспроизведением? Разрешение этого вопроса упирается в проблему, почему запись в списке *О* размещена столь необычно. Ни одна другая дневниковая или выходная запись писцов (по материалам, собранным Л.В. Столяровой) не расположена таким образом, обычно для них отводится или основная площадь листа, или же нижнее или верхнее поле. Единственная писцовая запись, частично расположенная так же – молитвенная, на рукописи 1354 г., но начинается она на нижнем поле листа, а продолжается – на левом, внешнем²⁷. Из публикации Л.В. Столяровой причина этого неясна, видимо, такое размещение объясняется нехваткой места на нижнем поле листа. Аналогичное объяснение применимо к на-

²⁶ Аналогичное мнение в отношении книги Л.В. Столяровой в целом и данного сюжета в частности было высказано в рецензии: *Мошкова А.В., Турилов А.А.* “Плоды ливанского кедра”. [Б. м.], 2003. С. 54–56.

²⁷ *Столярова Л.В.* Свод записей... С. 280. № 269.

шей записи, тем более, что она достаточно развернутая, а рукопись написана в один столбец, и нижнее поле заведомо бы ее не вместило. Заметка “О ливане” уместилась на л. 20 об. впритык к нижнему краю листа, а на л. 21 начинается следующий текст. Только отсутствием места убедительно объясняется необычное размещение записи на боковом поле.

Таким образом, представляется, что запись была не внесена в текст, изначально находившись вне его, а с точностью до наоборот, выделена из него, и именно писцом рукописи *O*, которому не хватило места для того, чтобы воспроизвести ее вместе с текстом заметки “О ливане” или на нижнем поле. Отсутствие упоминания Иерусалима и Георгия можно объяснить, например, повреждением кодекса с текстом, который так или иначе лежал в основе *O*. Такое объяснение требует наименьшего количества допущений. Поэтому нужно признать запись в рукописи *O* восходящей, как и запись в *A*, к общему протографу, а не оригинальной. Поскольку же в *A* находится более полный текст записи, чем в *O*, но рукопись *A* написана позже, они не могли черпать из одного источника. Это означает, что в *O* запись попала даже не из оригинала, чего, кстати говоря, мы не можем прямо утверждать в отношении *A*.

Запись, как она сохранилась в позднейшем списке *A*, дошла до нас в своем первоначальном виде, а вот текст “Сна” и заметки “О ливане” в варианте, более близком к тому, что переписывал автор записи, сохранился в списке *O* и восходящих к нему, т.е., в списке *A* (или в предшествовавших ему) текстуальная правка не коснулась записи, которую, очевидно, было не по чему править, а в списке *O* запись подверглась искажениям.

Еще в протографе всех изученных списков заметка “О ливане” следовала за “Сном”, а раз “Сон” существует в рукописной традиции и без заметки, значит, ко времени ее составления уже существовали и другие списки “Сна”. Иными словами, заметка с записью была присоединена к списку “Сна”, возможно, выполненному ее автором. Это находит подтверждение и в количественном соотношении списков, в которых они присутствуют вместе (6) и в которых – лишь “Сон царя Иоаса” (их количество измеряется десятками)²⁸.

Два текста – “Сна” и заметки – местами действительно похожи, но объясняется это их жанром толкований, в одном случае – на “Песнь Песней”, в другом – на Псалтирь. Хотя возможно, что уже в XIII в. “Сон” и заметка воспринимались как единое целое, в списках *O*, *B* и *П* они разделены киноварным инициалом, правда, находящимся в строке. Об их разном происхождении позволяет говорить и различная тональность, когда речь заходит о ливанских кедрах. Во “Сне” они ассоциируются с праведниками (Пс. 91:13), а в заметке – с дьяволом и язычеством (Пс. 28:5, 36:35, 71:16): Столь резкий контраст в небольшом тексте, принадлежащем одному автору, вряд ли возможен, поэтому их следует разделять.

Таким образом, нижняя временная граница создания записи – время создания “Сна царя Иоаса”, верхняя же – вторая половина XIII в. По наблюдениям А.А. Алексеева, автор “Сна” располагал переводом не толкового, а четьего текста “Песни Песней”, но уже знал перевод толкований Олимпиодора Александрийского на “Екклесиаст”²⁹, который был использован также

²⁸ Алексеев А.А. К истории... С. 182. Примеч. 65.

²⁹ Там же. С. 182, 186.

в “Послании” Климента Смолятича. Перевод же Толковой “Песни Песней” был известен уже в конце XII столетия Даниилу Заточнику³⁰. Таким образом, появление славянского “Сна царя Иоаса” может быть датировано второй половиной XII в., а заметки с записью – второй половиной XII – концом XIII в.

Что касается языка записи, то можно с уверенностью говорить о его книжном характере со значительным влиянием старославянского. Запись состоит из двух фраз, объединенных соединительно-противительной частицей “же”. А.И. Соболевский специально отметил употребление плюсквамперфекта “бѣхъ купилъ”, состоящего из формы старославянского архаичного аориста глагола “быти”, которая употреблялась в значении имперфекта, и причастия на “-л” (в *О* присутствует форма имперфекта “блхъ”). Трудно сказать, какая форма стояла в оригинале. Аорист в значении имперфекта “бѣхъ” в наибольшей степени характерен для южных церковнославянских памятников, в древнерусском языке ему соответствовал стоящий в более древнем списке *О* имперфект “блхъ”, стяженный из формы “биахъ”³¹. С другой стороны, в древнерусских рукописях XII–XIII вв. отмечается вариативность употребления форм “бѣхъ/блхъ” в качестве глагола-связки³².

В плюсквамперфекте в списке *О* стоит и сказуемое первого предложения “баше сказалъ” (“баше” – также стяженная форма имперфекта); в рукописи *А* ему соответствует аорист в нормативной для старославянского языка форме “сказа”. Обе эти формы являются исключительно книжными³³, но опять же трудно определить, какая из них стояла в оригинале. Однообразие форм плюсквамперфекта “блхъ купилъ”, “баше сказалъ” в *О* может говорить в пользу их первоначальности. Трудно объяснить замену в списке *А* плюсквамперфекта на аорист, учитывая, что в нем имеется второй плюсквамперфект, однако еще затруднительнее было бы предполагать обратную замену писцом *О*. Если изначален именно плюсквамперфект, отмечим употребление автором записи формы неаугментированного (без окончания “-тъ”) имперфекта 3 л. ед. ч., характерного для старославянской книжности³⁴. Плюсквамперфект, который встречается значительно реже других глагольных форм и знаменует собой книжную черту языка³⁵, употреблен в записи дважды, и в обоих случаях он уместен. Во второй фразе он обозначает преждепрошедшее по отношению к другому прошедшему времени (“блхъ купилъ” и аорист “раꙗсыпаꙗ/роздалхъ”, “сказахъ”). А два плюсквамперфекта,

³⁰ Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 177–178.

³¹ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 2004. С. 269–270; Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 189–190.

³² Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995. С. 457.

³³ Успенский Б.А. История... С. 215–220.

³⁴ Вайан А. Руководство... С. 267; Успенский Б.А. История... С. 188.

³⁵ По мнению Б.А. Успенского, конструкция плюсквамперфекта, которая имеется и в рассматриваемой записи, по преимуществу характерна для старославянского языка, тогда как в русских памятниках плюсквамперфект часто выражается через сочетание перфекта глагола “быть” (без глагола-связки, т.е., по сути, причастия на “-л” от этого глагола) и причастия на “-л” (Успенский Б.А. История... С. 251). Однако, согласно другим данным, такая форма начинает встречаться в рукописях светских деловых и эпистолярно-бытовых текстов с XIII в. (Древнерусская грамматика... С. 457–458, 461). Тем самым, саму по себе конструкцию плюсквамперфекта в нашей записи еще нельзя считать нехарактерной для древнерусской книжности.

по одному в каждом предложении, связывают их в смысловом плане в ряд последовательных событий в прошлом, которым частицы “же” придают оттенок противопоставления³⁶.

В пользу того, что “ра³сыпахъ/роздалхъ” и “сказахъ” – именно аорист, а не имперфект (в древнерусском их формы в 1 л. ед. ч. совпадали), говорит значение этих глаголов, обозначающих ряд законченных действий, последовательно сменявших друг друга в прошлом (аналогичную смысловую нагрузку несут и два плюсквамперфекта)³⁷. Аорист также характерен как для старославянского, так и древнерусского книжного языка, хотя и отсутствовал в разговорном языке Руси³⁸. Важно, что для записи на книге такие грамматические “изыски” не представляются чем-то особенным: сочетание плюсквамперфекта и аориста имеется в заметке Наслава на Мстиславовом евангелии начала XII в.: “Азъ рабъ бжїи недостойныи хоудыи грѣшныи. съпсахъ памяти дѣля цр҃ѣи нашему и лждемъ о съконьчаныи еуаѣ. кже башеть казалъ Мьстиславъ кѣназь. хоудомоу Наславоу...”³⁹. Одной из примет старославянского влияния в рассматриваемой записи является также сочетание причастия “пришедъ” с личным глаголом речи “сказахъ”⁴⁰. Обращает на себя внимание и правильная церковная форма имени “Георгии”, аналогом которой в светской письменности были формы наподобие “Гюрги”⁴¹. Употребление в столь небольшом тексте значительного количества “ученых” форм характеризует достаточно высокий уровень образованности автора записи, основанной на старославянской книжности и языке.

Графико-фонетические особенности записи разбирать гораздо сложнее в силу того, что у нас в распоряжении нет оригинального текста. В качестве русской черты можно отметить йотированное “а” в “изъ/азъ”⁴². Возможно – хотя трудно об этом говорить с уверенностью – и название “Селунь” более характерно для древнерусской письменности⁴³, тогда как для старославянской – “Солунь”⁴⁴. В остальном же в двух вариантах наблюдается чередование славянизмов и русизмов: различное отражение префикса “orz-”: восточнославянское “роздалхъ” (O) и южнославянское “ра³сыпахъ” (A)⁴⁵, которое, впрочем, было употребительно и в древнерусской письменности⁴⁶; характерное для древнерусского отсутствие второй палатализации в “ск” в “грѣческ-

³⁶ Древнерусская грамматика... С. 458–459.

³⁷ Там же. С. 415.

³⁸ Там же. С. 411–427; Успенский Б.А. История... С. 215–220.

³⁹ Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983. Рис. 4.

⁴⁰ Успенский Б.А. История... С. 255.

⁴¹ См. примеры: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 820.

⁴² Успенский Б.А. История... С. 195–196. Хотя подобное явление наблюдалось и в Македонии (Селищев А.М. Старославянский язык. В двух частях. Изд. 2. М., 2001. С. 112 (второй пагинации)), этот вариант можно исключить по историческим соображениям.

⁴³ Съказание, и страсть, и похвала святому мученику Бориса и Глѣба // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 57 (176. 25); Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1 Изд. 2. Стб. 26, 414, 437; Ипатьевская летопись... Стб. 18, 519.

⁴⁴ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1999. Изд. 2. С. 618–619.

⁴⁵ Селищев А.М. Старославянский язык. С. 174–175 (первой пагинации); Древнерусская грамматика... С. 166; Успенский Б.А. История... С. 192.

⁴⁶ Съказание, и страсть, и похвала... С. 62 (206. 14); Древнерусская грамматика... С. 417.

ий” (А) и нейтральное “гречьскыи” (О)⁴⁷. Слово “гречьскыи” (О) представляется несомненно более древней формой, которая еще не зафиксировала появления суффикса “-еск” после шипящего⁴⁸. Орфографические и морфологические отличия двух текстов ведут к мысли о том, что в О сохранился более древний и однообразный с лингвистической точки зрения текст, который в А, где, напомним, он ближе к оригиналу с точки зрения текстологии, подвергся определенной языковой правке.

Как итог текстологического и языкового анализа записи можно предложить ее реконструкцию: “То же ми бѣше сказалъ попинъ гречьскыи въ Селоуни. Изъ же бѣхъ купилъ много ливана въ Иерусалимѣ и, то слышавъ, розсыпахъ и сдѣ, пришедъ, сказахъ Георгию князю”.

С жанровой точки зрения эта запись не одинока: в древнерусской письменности нам известна и другая запись дневникового характера, также представляющая собой краткое авторское послесловие о связанных с паломничеством обстоятельствах создания содержащей ее рукописи. Речь идет о тексте, завершающем в одном из списков “Слово святого Григория богословца изобрѣтено въ тѣлцѣх о том, како пръвое погани суще языци служили идолом и иже и нынѣ мнози творять”: “Досюда бесѣда си бысть. досюдѣ могахъ написати. даже несоша ны Цѣрю гю. а мы высѣдше ись корабля. идохомъ въ Стюю гороу. нѣ то бѣше велико слово нѣ дотоудѣ написахъ”⁴⁹. В основе этого “Слова” лежит сочинение Григория Назианзина на праздник Благовещения, вернее, его начало, в славянском переводе⁵⁰, куда странствовавший переписчик, который, возможно, жил на рубеже XI–XII вв. и был выходцем из Киево-Печерского монастыря, вплел собственные дополнения о славянском язычестве.

Обратимся к некоторым реалиям, упомянутым в нашей записи, в частности “ливану”, или ладану, разные сорта которого были известны на Руси. Даниил, бывший в Святой Земле в начале XII столетия, называет черный темьян-игоифит, который собирался в Ликии, на юго-западном побережье Малой Азии, темьян-ладан (без уточнения), собиравшийся на Кипре, и ливан, и темьян белый, происходившие с горы Ливан в Палестине⁵¹. Темьян упоминается также в ряде других древнерусских источников⁵². А. Мусин пришел к выводу, что в эпоху зрелого средневековья используется исключительно этот термин, а интерес Даниила к темьяну объясняется его редко-

⁴⁷ Успенский Б.А. История... С. 197.

⁴⁸ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М., 2002. С. 252.

⁴⁹ Слово св. Григория, изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали // Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. Т. 2 (в одной книге). Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. С. 25.

⁵⁰ XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI в. Критико-палеографический труд А. Будиловича. СПб., 1875. С. 1–15.

⁵¹ Хождение игумена Даниила / Подгот. текста, пер. и коммент. Г.М. Прохорова // БЛДР. 1997. Т. 4. XII в. С. 31, 33, 99.

⁵² Лаврентьевская летопись... Стб. 211, 214 (1091 г.); Стб. 391 (1184 г.); Стб. 457 (1231 г.); Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 163, 165; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 400 (Б 90). См. также: Александр (Мусин), диакон. Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII–XIII веках // БТ. 1999. Сб. 35. К 150-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847–1997). С. 97.

стью на Руси. Наш же паломник, видимо, имел при себе еще более редкий вид благовоний – ливан, происходивший только из Палестины, тогда как темьян вывозили и из других мест. И только недоумение может вызывать объяснение Л.В. Столяровой слова “ливан” как “плоды ливанского кедра”. Как известно, плоды кедра – шишки, а “ливан” – его смола.

В изучаемой приписке в списке А упоминается князь Георгий. Это крестильное имя было очень популярным в княжеской семье. А.И. Соболевский даже отказался от попыток идентификации упомянутого князя, ограничившись ничего не значащим замечанием о том, что Георгия нужно искать среди русских князей XII–XIII вв.⁵³ Однако засвидетельствованные связи с Фессалоникой изо всех русских князей имел только Всеволод Юрьевич. Его поездка в этот город упоминается в статье владимирского происхождения “А се князи русьстии”, предшествующей Комиссионному списку Новгородской первой летописи: “На третий год⁵⁴ приде изъ замория из Селуны братъ его⁵⁵ Всеволодъ, нареченыи въ крещении Дмитрии Юрьевичъ, и съде на великое къняжение, и мсти обиду брата своего Андрѣву...”⁵⁶. Когда Андрей был убит, Всеволод был на Руси⁵⁷. В 1174 г. и летом следующего он, согласно свидетельствам Радзивилловской и Ипатьевской летописей, действовал заодно с братом Михалком⁵⁸. Михалко умер 20 июня 1176 г., после чего Всеволод, вернувшись из Солуни на третий год после гибели Андрея, т.е. после 29 июня 1176 г., стал князем во Владимире⁵⁹. Таким образом, пребывание Всеволода в Солуни можно относить к осени 1175 – весне 1176 г.. Летописец специально указывает на крестильное имя, дабы стало ясно, что ездил Всеволод, скорее всего, в судьбоносный для себя момент поклониться мощам своего небесного покровителя.

Всеволод и позже, став князем, поддерживал связь с Фессалоникой, откуда 10 января 1198 г. во Владимир были перенесены “доска гробная” – видимо, икона в рост с саркофага св. Димитрия⁶⁰ – и частица его окровавленной сорочки⁶¹. Деятельность этого князя зеркально отражает действия братьев Асений, Ивана и Петра, только-только провозгласивших возрожденное Болгарское царство. В его новой столице Тырнове в 1186 г., после взятия Фессалоники в августе 1185 г. норманнами короля Сицилии Вильгельма II, появляются чудотворная икона св. Димитрия, якобы покинувшая греческий город после норманнского погрома, и, возможно, частица его мощей – сорочки; впрочем, эта икона почти сразу была отобрана у болгар Исааком II Ангелом⁶².

⁵³ Соболевский А.И. Неизвестный... С. 6.

⁵⁴ После гибели Андрея Юрьевича 29 июня 1174 г. См.: Лаврентьевская летопись. Стб. 369; Ипатьевская летопись. Стб. 586.

⁵⁵ Михалка Юрьевича.

⁵⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 468.

⁵⁷ Лаврентьевская летопись. Стб. 371–372; Ипатьевская летопись. Стб. 595.

⁵⁸ Радзивилловская летопись. СПб.; М., 1994. Л. 219–221 об.; Ипатьевская летопись. Стб. 595–596, 600–602.

⁵⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 379–380.

⁶⁰ Зверев А.С. Константинопольские и греческие реликвии на Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 119–120. № 28.

⁶¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 414, 437.

⁶² Божилев И. Фамилията на Асеневици (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1994. С. 28; Польшанский Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000. С. 131–132.

Отцом Всеволода, чья связь с Фессалоникой столь очевидна, был Юрий Владимирович (уп. 1108 – 15 мая 1157 г.), сыном – тоже Юрий (29 ноября 1187 или 1188 г. – 4 марта 1238 г.)⁶³. Неизвестный по имени русский паломник, посетивший Солунь, мог говорить об одном из них. А поскольку до Всеволода никаких известий о связях русских князей с Фессалоникой нет, Георгий записи – скорее всего, Юрий Всеволодович, великий князь владимирский с февраля 1218 г. Свидетельство нашей записи позволяет предполагать продолжение связей с Фессалоникой, возникших при его отце Всеволоде Юрьевиче.

Если эта догадка верна, можно представить, в какой обстановке русский паломник мог оказаться в Фессалонике. В декабре 1224 г. ее освободил от латинского владычества эпирский правитель Феодор Ангел Комнин, самый сильный греческий соперник латинян в то время. В 1227 г. он был коронован как император ромеев, а его государство стало одним из претендентов на роль восстановителя империи. Но сокрушительное поражение, нанесенное Феодору (сам он был взят в плен) болгарским царем Иваном II Асенем в битве при Клокотнице 9 марта 1230 г., положило конец имперским притязаниям эпирского деспота. Фессалоника попала под влияние Тырнова, ее правителем стал зять Асеня Мануил Ангел, а на монетах и печатях болгарского царя появился образ св. Димитрия, венчающего или благословляющего Ивана Асеня⁶⁴.

В то же время, в сентябре 1228 г., император Священной Римской империи Фридрих II возглавил Шестой крестовый поход, и 18 февраля 1229 г. египетский султан аль-Камиль уступил ему по мирному договору, заключенному сроком на 10 лет, Иерусалим, которым мусульмане обладали с 1187 г., за исключением квартала, где располагались две главные мечети, а также Вифлеем, Назарет и все селения, расположенные по дорогам, ведущим к Иерусалиму⁶⁵. Надо отметить, что до русских земель доходили сведения о крестовых походах в Палестину в конце XII – начале XIII столетия. Киевская летопись сочувственно и подробно, хоть и не всегда точно, рассказывает о взятии Иерусалима мусульманами в 1187 (6695) г. (возможно, основываясь на галицком источнике), а затем о гибели немецких “цесарей” (Фридриха Барбароссы и его сына Конрада) в Третьем крестовом походе в 1190 (6698) г.⁶⁶ В Типографской летописи в статье 1217 (6725) г. (передающей ростовский источник?) говорится о закончившемся неудачей Пятом крестовом походе 1217–1221 гг., в котором участвовали венгры и “немцы”⁶⁷. По наблюдениям А.В. Назаренко, паломничества русских в Святую Землю предпринимались по преимуществу тогда, когда ею владели крестоносцы⁶⁸. Может быть, нужно датировать путешествие нашего паломника временем между 1229 и 1238 гг., возвращением крестоносцев в Иерусалим и гибелью князя

⁶³ *Войтович Л.В.* Генеалогія династії Рюриковичів. Бібліографічний довідник. Київ, 1990. С. 105. № 16; С. 150. № 14, С. 153. № 34; С. 148.

⁶⁴ *Божиллов И.* Фамилията на Асеневици... С. 80; *Польвянный Д.И.* Культурное своеобразие... С. 145.

⁶⁵ *Заборов М.А.* Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 274.

⁶⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 655–656, 667–668.

⁶⁷ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 87.

⁶⁸ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 631.

Юрия Всеволодовича, учитывая к тому же, что десятилетний мир с мусульманами кончился в 1239 г., а в 1244 г. султан ас-Салих Эйюб Наджм ад-Дин захватил Иерусалим, учинив резню христианского населения⁶⁹.

Любопытно, что маршрут возвращения русского паломника из Иерусалима совпадает с тем, который избрал для себя архиепископ сербский Савва, когда после путешествия к святыням Востока, как раз после взятия Иерусалима, через Nikeю и Афон он заехал в Фессалонику зимой 1229/1230 г., еще до поражения Феодора; правда, оттуда Савве было удобно возвращаться в Сербию⁷⁰.

Уместно вспомнить, что в Фессалонике существовала почва для интеллектуального общения славян и византийцев. Евстафий Солунский упоминает участие монахов *ἐκ τῆς τῶν Σέρβων* в обороне Фессалоники в 1185 г.⁷¹ Савва Сербский во время своего посещения Солуни в 1219 г., еще при латиняках, проживал в монастыре Филокале, где его считали за ктитора и где он работал над юридическим сводом – Кормчей, которая была необходима для сербской церкви⁷².

В любом случае, не связанное наверняка с политическими мотивами наше паломничество находится в контексте событий и путей того времени, и русский странник, видимо, был о них неплохо осведомлен, когда решался на столь длительное путешествие в то беспокойное для Балкан и Палестины время.

⁶⁹ Заборов М.А. Крестоносцы... С. 276.

⁷⁰ Оболенский Д. Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 520.

⁷¹ *Eustazio di Tessalonica*. La espugnazione di Tessalonica / Ed. S. Kyriakidis (Testi e Monumenti. Istituto Siciliano di Studi Bizantini e Neoellenici. Testi. T. 5). Palermo, 1961. P. 94.25.

⁷² Даничић Ђ. Живот светога Симеуна и светога Саве, написао Доментијан. Београд, 1865. С. 226–227; Даничић Ђ. Живот светога Саве, написао Теодосије Хиландарац. Београд, 1860. С. 77, 135–136. О пребывании Саввы в Фессалонике и о более поздних связях этого города с южнославянскими землями см. также: Снегаров И. Солун в българската духовна култура. Исторически очерки и документи. София, 1937. С. 7–8; Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // ТОДРЛ. 1963. Т. 19. Русская литература XI–XVII вв. среди славянских литератур. С. 119–121; Оболенский Д. Византийское Содружество наций... С. 513–514. О значении Кормчей Сербской редакции см.: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 117–155.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ГЛАЗАМИ РУССКОГО СОВРЕМЕННОКА

Четвертый поход крестоносцев (1202–1204), в результате которого был захвачен и разграблен Константинополь, – событие, которое имело решающее значение в средневековой истории. О нем подробно рассказывают современные западные и византийские историки, откликнулись на него и русские летописцы¹. Несомненно, завоевание Константинополя латинянами должно было произвести на православных жителей Древней Руси удручающее впечатление. В том, что гибель Византии была весьма остро воспринята в древнерусском обществе, не сомневался, пожалуй, никто из историков. Еще в 1818 г. Н.М. Карамзин писал: “В княжение Всеволода был завоеван Крестоносцами Царьград: происшествие важное и горестное для тогдашних Россиян, тесно связанных с Греками по Вере и торговле!”² Ф.И. Успенскому, изучавшему эти события, принадлежат следующие строки: “Горе греков, поругание их святынь отозвалось по всему православному Востоку, включая и Русь, залегло глубоко, оставив глубокий след в душе греческого народа”³. Позже Д. Оболенский полагал, что в Византии, как и в Древней Руси, “долго сохранялось горестное чувство обиды на варваров 4-го крестового похода, которые под предлогом своего продвижения на Восток, взяли штурмом и ограбили византийскую столицу”⁴. В том, что взятие Константинополя было воспринято русским обществом как катастрофа, не сомневался и Д.С. Лихачев: “Когда в 1204 году крестоносцы захватили и разграбили Константинополь, это событие глубоко потрясло Русь”⁵. Действительно, если вспомнить о тесных связях Руси и Византии, не только торговых и дипломатических, но и в вопросах религии и культуры⁶, то станет ясно, насколько значимым для древнерусского культурного сознания, видимо, было это событие.

Вспомним, сколь важное место занимал Царьград – город городов – и в воображении древнерусских людей. Он рассматривался как вечный город христианского мира, своего рода *urbs orbis, urbs aeterna*. Вслед за византийцами русские рассматривали Константинополь не только как “Новый Рим”, но

¹ Самый ранний рассказ о событиях содержится в синодальном списке Новгородской первой летописи. См.: Новгородская летопись старшего и младшего извода / Изд. А.Н. Насонов. Л., 1950. Стб. 46–49.

² Карамзин Н.М. История государства российского. Т. II–III. М., 1991. С. 431.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Восточный вопрос. М., 1997 (1-е изд. 1909). С. 322.

⁴ *Obolensky D.* Russia's Byzantine Heritage // Oxford Slavonic Papers / Ed. by S. Kononov. Vol. 1. Oxford, 1950. P. 63.

⁵ Лихачев Д.С. Литература эпохи “Слова о полку Игореве” // Памятники литературы древней Руси. XII век. М., 1980. С. 14.

⁶ Как образно писал Д. Оболенский, Византия дала Руси пять даров: свою религию, свое право, свой взгляд на мир, свое искусство и свою письменность (*Obolensky D.* Op. cit. P. 42).

и как “Новый Иерусалим”, или “Второй Иерусалим”⁷. Ведь византийская столица была для них не только политическим, но и церковным центром мира, т.е. “Новым Иерусалимом” (Откр. 21:1–2), перенявшим у “ветхого” Иерусалима функцию спасения человечества, столицей православия⁸. Само имя города – Царьград – означало не просто местопребывание императора (“царя”), но и могло быть истолковано как “Город Христа”⁹. О восприятии русскими Константинополя можно судить по сочинению митрополита Киевского Илариона – “Слове о законе и благодати” (1037–1050), в котором “Константин град” прямо назван “Новым Иерусалимом”, из которого князь Владимир “с бабою своею Ольгою” принесли в Киев фрагменты Честного Креста подобно тому, как Константин Великий с матерью своей Еленой принесли крест из Иерусалима¹⁰. Представление о Царьграде как центре мира, образе “Обетованной земли” Царства Небесного, “Иерусалима Нового” получало развитие и воплощение в зримых архитектурных образах: так, например, прототипом Золотых ворот в Константинополе послужили Золотые ворота Иерусалима, через которые Христос совершил свой торжественный вход в Иерусалим. Русские хорошо знали эту символику и применяли ее к своим городам, претендовавшим на роль столиц. Им также не чуждо было представление о Русской земле как образе “Обетованной земли” Царства небесного, “Иерусалима нового”. Так, Золотые ворота Киева в древнерусском сознании имели своим прообразом Константинополь, а через его посредство и Иерусалим¹¹. Благодаря подражанию Константинополю русские столицы искони приобретали двойное значение – как церковные центры и как политические. В них создавались два “образа” – иерусалимский и римский. Таким образом, со времен крещения связь Руси со Святой Землей, а столичных русских городов – с Иерусалимом, осуществлялась через Константинополь.

Церковь древней Руси была тесно связана с Византией: русские митрополиты назначались в Константинополе, да и сами происходили из греков. После собора 1054 г. антилатинская полемическая литература получила широкое распространение в Древней Руси¹². Наиболее известными текстами

⁷ Об этом говорится, например, в письме патриарха Фотия. См.: Фотия святейшего архиепископа Константинопольского о Гробе Господа нашего Иисуса Христа и другие малые его творения на греческом и армянском языках / Изд. А.И. Пападопуло-Керамевс // Православный палестинский сборник. СПб, 1892. Т. 11. Вып. 1. С. 231–235. Константинополь, “который есть второй Иерусалим, построенный вторым Давидом, т.е. святым Константином” (Там же. С. 232).

⁸ Об этом см.: *Лебедев Л., протоиер.* Богословие Русской земли // *Он же.* Москва патриаршая. М., 1995. С. 285–333.

⁹ Об этом см.: *Данилевский И.Н.* Мог ли Киев быть новым Иерусалимом? // *Одиссей.* М., 1998. Вып. 10. С. 134.

¹⁰ *Иларион.* Слово о законе и благодати / Изд. А.А. Молдован. Киев, 1981. С. 197. Крещение Руси тем самым уподоблялось обращению империи, а Киев – Царьграду: *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 200.

¹¹ Не случайно киевский митрополит Иларион сравнивал Ярослава Мудрого с Соломоном: ведь Ярослав сделал в Киеве то же, что Соломон в Иерусалиме: построил новые крепостные стены с величественным храмом (Софийский собор). Следовательно, Золотые ворота в сознании русских имели своим прототипом не только Константинополь, но и Иерусалим. *Лебедев Л., протоиер.* Указ. соч. С. 288.

¹² См. об этом: *Иконников В.С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 276.

были послание Михаила Керулария к антиохийцам и сочинение “О фряжах и прочих латинян”¹³.

Многие факты говорят об огромном влиянии Византии, которое, однако, вовсе не исключало интенсивное культурное взаимодействие Древней Руси с Западом¹⁴. Примечательно, что вскоре после избрания правителя Латинской империи Иннокентий III, лелеявший несбыточную мечту объединить западную и восточную церкви, обратился в письме к русскому духовенству с призывом подчиниться римской церкви: “Хотя до сих пор вы, словно неродные сыны, были удалены от груди нашей матери, мы, исполняя данную от Бога, может быть и незаслуженно, папскую обязанность просвещать свой народ, не можем пренебречь отцовскими чувствами и не побуждать вас разумными увещаниями, как голова управляет другими членами тела, как Эфраим обратился к Иуде и Самария к Иерусалиму”¹⁵. Иннокентий III предлагал русским епископам признать верховную власть над собой, так как Византия, которой они ранее подчинялись, более не существовала: “Как умолчим о том сейчас, когда греческая империя и почти все церкви обратились к вере апостольской и смиренно покорились ей и повинуются; кажется невозможным, чтобы часть не соглашалась с целым и частное противоречило общему”¹⁶. Он даже назначил легата апостольского престола в Россию¹⁷. Но, как известно, Древняя Русь никак не отозвалась на папские увещания римского понтифика.

Какую реакцию древнерусских летописцев на события 1204 г. следует ожидать в свете всех выше изложенных фактов? Насколько оригинальной и самобытной была их трактовка событий, в какой степени отличалась от интерпретаций византийских и западных историков? Как воспринимали гибель православной империи и ее подчинение католикам русские современники?

Хорошо известно, что главный вопрос, на который хотели ответить уже современники событий, а затем изучавшие историю Четвертого крестового похода ученые, заключался в следующем: как случилось, что христиане напали на христиан, каким образом стало возможным отклонение крестонос-

¹³ Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; см. также: *Неборский М.Ю.* Антилатинская полемика на Руси до Флорентийского собора (по материалам Кормчих книг). Автореф. дис. к.и.н. М., 1994 и *Биби-ков М.В.* *Byzantinorossica*. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.

¹⁴ Вместе с тем Византия, как отмечал Д. Оболенский, не столько воздвигла стену между Россией и Западом, сколько оказалась воротами России в Европу. *Obolensky D.* Op. cit. P. 61. См. о тесных связях древней Руси и Западной Европы: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

¹⁵ *Innocentii III romani pontificis Opera omnia*: “Licet hactenus elongati fueritis ab uberibus matris vestrae, tanquam filii alieni, nos tamen, qui sumus in officio pastoralis a Deo, licet immeriti, constituti ad dandam scientiam plebi suae, non possemus affectus paternos exuere, qui vos sanis exhortationibus et doctrinis studeamus tanquam membra vestro capiti conformare, ut Ephraim convertatur ad Judam, et ad Jerusalem Samaria revertatur...” (PL. T. CCXV. Cos. 1232–1233).

¹⁶ “Ut autem ad praesens de reliquis taceamus, cum Graecorum imperium et Ecclesia pene tota ad devotionem apostolicae sedis redieret, et ejus humiliter mandata suscipiat et obediat jussioni, nonne absonum esse videtur ut pars toti suo non congruat, et singularitas a suo discrepet universo?” (Ibid. Col. 1234).

¹⁷ “...filium nostrum G. ... presbyterum cardinalem... ad partes vestras duximus destinandum...” (Ibid. Col. 1234).

цев от первоначальной цели, которая состояла в том, чтобы освободить Иерусалим и Святую Землю из рук неверных, т.е. из-под власти египетского султана? Какие политические силы и обстоятельства сыграли главную роль в этом, как писал П. Риан, “великом конфликте честолюбий”?

Уже в XIX в. историки, основываясь на анализе сведений средневековых современников, создавали различные интерпретации событий Четвертого крестового похода и были склонны приписывать главную роль в отклонении от первоначальной цели то Венеции, то Штауфенам или папе Иннокентию III, стремившемуся во что бы то ни стало объединить греческую и латинскую церкви, а то и вовсе объяснять произошедшее стечением случайных обстоятельств¹⁸. Какой же версии ближе всего древнерусские авторы?

Как мне представляется, чтобы ответить на вопрос о специфике восприятия русскими Четвертого крестового похода, необходимо рассмотреть сведения древнерусских источников в западноевропейском контексте. Для этого придется, пусть кратко и схематично, обсудить, как сначала в источниках, а затем в историографии трактовались события 1204 г., т.е. изучить, так сказать, “образ” Четвертого крестового похода в западной исторической традиции, а затем, уже исходя из этого контекста, посмотреть на древнерусские памятники. Полагаю, если рассмотреть сведения древнерусских источников в западноевропейском контексте, то картина событий 1204 г. станет более рельефной.

Итак, вначале попытаемся посмотреть на Четвертый крестовый поход глазами западных хронистов и историков. Как известно, современники событий стремились оправдать действия крестоносцев и изобразить разгром византийской столицы как цепь случайных факторов. Именно так Жоффруа Виллардуэн, знатный шампанский сеньор, описал происходившее в своем сочинении “Взятие Константинополя”¹⁹. Позже его версия событий стала называться “теорией случайностей” (*théorie du hasard*). И для другого современника событий Робера де Клари²⁰, автора сочинения “Завоевание Константинополя”, причина отклонения от первоначальной цели – игра случая, сцепление различных обстоятельств: смерть Тибо Шампанского, необходимость захвата Задара с целью расплатиться с венецианским дожем за корабли, коварная политика греков, чередование успехов и неудач крестоносцев и пр. Как цепь случайных обстоятельств изображается событие и у эльзасца Гунтера Пэрисского²¹. Так вслед за современниками объясняли неожиданный поворот в ходе крестоносной экспедиции и многие историки в середине XIX в.²²

¹⁸ Обзор этих мнений лучше всего изложен в следующих очерках: *Queller D.E., Setton S.J. A Century of Controversy on the 4th Crusade // Studies in Medieval and Renaissance History / Ed. W.M. Bowsky. Lincoln, 1969. Vol. VI. P. 235–277; Митрофанов П. Изменения в направлении 4-го крестового похода // ВВ. 1897. Т. 4. С. 461–523; см. также: Успенский Ф.И. Четвертый крестовый поход // Он же. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001. С. 387–416.*

¹⁹ *Geoffroy de Villehardouin. La conquête de Constantinople / Ed. N. de Wailly. P., 1872.*

²⁰ *Robert de Clari. La conquête de Constantinople / Ed. Ph. Lauer. P., 1924.*

²¹ *Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana seu de urbis Constantinopolitanae expugnatione // Exuviae sacrae Constantinopolitane. T. I. Genava, 1877. P. 57–126.*

²² *Queller D.E., Setton S.J. Op. cit. P. 235–277.*

Начиная с 70-х годов XIX в. над “теорией случайностей” возобладала “теория венецианской измены”, приписывавшей вину в разгроме Константинополя венецианскому дожу Энрико Дандоло. Именно он изображался как главный астор *regum* в событиях 1204 г., и именно под этим углом зрения интерпретировались средневековые источники. Сторонники этой интерпретации ссылались на противоречия между Венецией и Византией, о которых нередко рассказывали средневековые писатели (например, Гунтер Пэриский). Излюбленный аргумент адептов этой теории заключался в том, что торговые интересы венецианцев чаще всего оказывались сильнее их религиозных чувств. Так, немецкий историк В. Гейд полагал, что хотя инициатором девиации был Бонифаций Монферратский, но истинным вождем похода был Энрико Дандоло, руководствовавшийся единственным мотивом – защитой торговых интересов Венеции²³. Наиболее последовательно эта точка зрения была представлена в монографии Л. Мас-Латри, ссылавшегося на сведения, в частности французского хрониста Эрнуля, о том, что дож вступил в тайный сговор с Египтом и обязывался задержать крестоносцев в обмен на торговые льготы в Александрии и крупные денежные суммы²⁴. Теории “венецианской измены” придерживался и Г. Аното, показавший при этом ошибочность интерпретации предшественниками хроники Эрнуля²⁵. В наше время “теория венецианской измены” подверглась острой критике со стороны американского историка Д. Квеллера и его ученика Ф. Мэддена: они настаивают на том, что Венеция отнюдь не стремилась к тому, чтобы переориентировать крестоносцев с Египта на Константинополь и вовсе не преследовала цель взять византийскую столицу²⁶.

Не менее авторитетной была и так называемая теория швабской измены, согласно которой роль главной движущей силы в изменении цели крестового похода приписывали Штауфенам. Эта теория, самым последовательным защитником которой был Поль Риан²⁷, объясняла изменение направления похода политикой германского короля Филиппа Швабского. Именно при его дворе, считали сторонники “теории швабской измены”, возникла мысль воспользоваться предстоящим крестовым походом в пользу династии Ангелов. Хорошо известно, что в качестве наследников норманнского королевства в Южной Италии и Сицилии Штауфены были всегда соперниками Византии. И в то же время они стремились препятствовать сбли-

²³ *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Age. Vol. 1. Leipzig, 1885. P. 265*; Та же точка зрения изложена в монографии Л. Штрейта: *Streit L. Venedig und die Wendung des 4. Kreuzzuges gegen Konstantinopel. Anklam, 1877.*

²⁴ *Mas-Latrie L. de. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan. T. 2. P., 1861. P. 161–163.*

²⁵ Как доказал Г. Аното, привилегии венецианцам были на самом деле даны Египтом намного позже. *Hanoteaux G. Les Venitiens ont-ils trahi les Chrétiens en 1202? // Revue historique. P., 1877. T. 4. P. 74–102.* С его точки зрения, мотивы поведения Венеции были несколько иными: это месть пизанцам, которым Алексей Комнин предоставил широкие права, необходимость подавления мятежа в Задаре, а также тайные надежды извлечь для себя выгоду из раздела Константинополя.

²⁶ См.: *Madden Ph., Queller D. Some Further Arguments in Defence of Venetians on the Fourth Crusade // Byzantion. 1992. T. 52. P. 433–473.*

²⁷ *Riant P. Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat // Revue des Questions Historiques. 1875. T. XVII. P. 321–375; T. XVIII. P. 5–75.* Еще ранее эту точку зрения отстаивал Г. Винкельманн: *Winkelmann E. Philipp von Schwaben und Otto von Braunschweig. Bd. 2. Leipzig, 1873–1878.*

жению между греческой империей и другим своим противником – папой римским. Для осуществления этих интересов был найден ловкий агент – Бонифаций Монферратский, который служил, согласно предположению П. Риана, посредником между папой и германским королем. Разногласия между венецианцами и крестоносцами дали Бонифацию отличную возможность для отклонения от первоначальной цели похода.

Наконец, согласно, пожалуй, наиболее авторитетному мнению, ход событий следует рассматривать в контексте ухудшения отношений между католическим Западом и православным Востоком, между Византией и Западной Европой. Негативное отношение к Византии подогревалось то норманнскими рыцарями, то Штауфенами; а во время Второго крестового похода французские крестоносцы, изнуренные пустыми обещаниями византийского императора, предлагали отомстить византийцам²⁸. Таким образом, конфликт между Западом и Востоком оказался неизбежным. Подобная точка зрения представлена прежде всего в монографии В. Нордена, которая оказала влияние на многих историков²⁹. В русской историографии сходных взглядов придерживался Ф.И. Успенский. Для него события 1204 г. явились одной из вспышек векового конфликта католического Запада и православного Востока из-за обладания святыми местами. По мнению русского историка, во время крестовых походов латинский Запад погряз в правах православия, что позволило ему говорить о вине Запада “перед судом истории” и о необходимости для России в дальнейшем принять активное участие в разрешении так называемого восточного вопроса³⁰. Антивизантийская направленность крестового похода, с точки зрения сторонников рассмотренной версии событий, постоянно возрастала. В XX в. идею конфликта Запада и Востока как первопричины Четвертого крестового похода развивал и Ч. Брэнд в своей монографии³¹.

Приведенные примеры – лишь незначительная часть различных интерпретаций событий 1204 г., истолкованных историками в пользу той или иной версии. О Четвертом крестовом походе сложился целый спектр мнений, отраженных в средневековых памятниках и трудах историков. Еще в начале прошлого века, пытаясь объяснить различные интерпретации события, Ф.И. Успенский писал о том, что изменение направления Четвертого крестового похода – результат весьма сложных “политических отношений того времени, с одной стороны – между империями Восточной и Западной, с другой – между Венецией и Византией” и, чтобы выяснить обстоятельства изменения цели крестового похода, нужно непременно выявить отношение Германии к Византии, Венеции к Византии и всех трех – к папству³². Примерно в то же время П. Риан, обобщая различные версии события, заявлял, что поход – “результат действия нескольких сил, представляющих различные интересы тех, кто был вовлечен в события 1202–1203 гг.: Венеции – в силу ее торговых интересов, Филиппа Швабского – в силу его традиционной политики,

²⁸ См.: Odoni Diogili de Ludovici VII Itinere Libri VII // PL. T. 185. Col. 1201–1246.

²⁹ Norden W. Der vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz. В., 1898.

³⁰ Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 645. О взглядах Ф.И. Успенского см.: Заборов М.А. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в. // ВВ. 1969. Т. XXV. С. 121–142.

³¹ См.: Brand Ch. Byzantium confronts the West, 118–1204. Cambridge (Mass.), 1968.

³² Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 281.

Бонифация – в силу притязаний Монферратов на Востоке, латинского духовенства (если не лично папы Иннокентия III) – соблазненного иллюзорной надеждой союза двух церквей... каждая политическая сила имеет свое четко определенное место в этом великом конфликте честолюбий”³³.

В XX в. многие работы историков – Д. Квеллера и его ученика Ф. Мэддена, А. Андреа, Я. Фольды и многих других – как раз и были посвящены всестороннему рассмотрению роли всех этих политических сил, участвовавших в конфликте 1204 г.³⁴ Современная историография не отдает предпочтение ни одной из выше перечисленных теорий (венецианской измены, швабской измены или теории случайностей), делая акцент прежде всего на комплексном анализе источников, освещающих событие 1204 г. и подчеркивая, что ответ на вопрос об изменении направления крестового похода не может быть однозначным³⁵.

В свете всех выше изложенных интерпретаций истории Четвертого крестового похода и историографических концепций обратимся к той версии событий, которая отражена в древнерусских источниках. Наиболее подробный рассказ о событиях находим в своеобразном литературном памятнике – “Повести о взятии Царьграда фрягами”³⁶. Самый ранний ее текст представлен в Синодальном списке Новгородской первой летописи, в той части ее, которая датируется XIII в.³⁷ Таким образом, рукопись незначительно удалена от времени создания памятника³⁸. Повесть также входит в состав более поздних по времени записи летописях – Софийской (первая четверть

³³ *Riant P.* Le changement de direction de la IV croisade d'après quelques travaux récents // *Revue des questions historiques.* P., 1878. Т. XXIII. P. 111.

³⁴ *Queller D., Madden T.* The Fourth Crusade. University of Pennsylvania Press, 1996. 2nd ed. (Appendix: *Andrea A.* The Sources for the Fourth Crusade). P. 299–318; *Madden T.* Outside and Inside the Fourth Crusade // *The International History Review.* 1995. Т. 17. P. 343–385; *Madden T., Queller D.E.* Vows and Contracts in the Fourth Crusade: The Treaty of Zara and the Attack on Constantinople in 1204 // *The International History Review.* 1993. 15. P. 441–445; *Andrea A.* Contemporary Sources for the Fourth Crusade. Leiden, 2000; *Folda J.* The Fourth Crusade, 1201–1204: Some Reconsiderations // *Byzantinoslavica.* 1926. Т. 65; *Brand Ch.* The Fourth Crusade: Some Recent Interpretations // *Medievalia et Humanistica.* 1984. Т. 12. P. 33–45; *Юзбашиян К.Н.* Классовая борьба в Византии в 1180–1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957.

³⁵ См.: *Harris J.* Looking back on 1204: Nicetas Choniates in Nicaia // *Mésogaios.* 2001. Vol. 12. P. 117–124; *Noble P.S.* The Importance of Old French Chronicles as Historical Sources of the Fourth Crusade and the Early Latin Empire of Constantinople // *Journal of Medieval History.* Amsterdam, 2001. Vol. 27. P. 399–416; *Idem.* Eyewitnesses of the Fourth Crusade: the Reign of Alexius V // *Medieval Chronicle* / Ed. E. Kooper. Amsterdam; New York, 2002. Vol. 2. P. 178–189

³⁶ См. издания памятника: Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году / Подгот. текста, пер. и примеч. О.В. Творогова // *Изборник.* М., 1969. С. 280–289, 734–735; Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году / Подгот. текста, пер. и примеч. О.В. Творогова // *Памятники литературы древней Руси: XIII век.* М., 1981. С. 106–113, 537–539.

³⁷ Новгородская летопись старшего и младшего извода / Изд. А.Н. Насонов. Л., 1950. Стб. 46–49. В настоящей статье цитаты даются по этому изданию (далее: Повесть).

³⁸ Повесть входит в качестве пассажа в состав Еллинского летописца второй редакции – хронографического свода, содержащего изложение всемирной истории. См. также: *Лихачев Д.С.* Еллинский летописец 2-го вида и правительственные круги Москвы к. XVI в. // *ТОДРЛ.* 1948. Т. VI. С. 100–111. О рукописях Повести см.: *Меицкерский Н.А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // *ТОДРЛ.* 1954. Т. 10. С. 132–134.

XV в.)³⁹, Воскресенской (середина XVI в.)⁴⁰, Никоновской⁴¹, Густынской (XVII в.)⁴² и Тверской (XV–XVI вв.)⁴³ и др.

Новгородская “Повесть о взятии Царьграда фрягами” исследовалась в основном отечественными специалистами по древнерусской литературе. Западные историки, изучавшие события 1202–1204 гг., тоже опирались на этот памятник, хотя и не изучали его всесторонне. Одним из первых на него обратил внимание К. Климке в своем обзоре источников по истории Четвертого крестового похода. Он высказал мнение о том, что Повесть вторична и представляет собой позднейший перевод неизвестного греческого оригинала⁴⁴. Ш. Хопф перевел древнерусский памятник на латынь, дав ей название “Chronista Novgorodensis” и использовал ее в своей монографии⁴⁵. Мнение К. Климке о вторичности древнерусского источника не подтвердилось. Уже П. Риан писал в своей статье: “Это источник подлинный, из первых рук, а число русских, которые в это время посещали имперскую столицу, позволяет предположить, что рассказ новгородца написан по свидетельствам очевидцев”⁴⁶. Итак, П. Риан придавал Повести большое значение, полагая, что ее автор беспристрастен и его точка зрения на события нейтральна⁴⁷. В разной степени в качестве источника Повесть использовали А. Люшер, граф П. Риан, а в наши дни Д. Квеллер. В дальнейшем Повесть была переведена на английский⁴⁸, французский⁴⁹, немецкий⁵⁰ и испанский⁵¹ языки.

Занимавшиеся этим памятником русские ученые – Ф.И. Успенский, В.С. Иконников и др., а позднее Н.А. Мещерский и М.А. Заборов⁵² – не сомневались в том, что она написана русским очевидцем, хотя расходились в

³⁹ Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 253–260.

⁴⁰ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. Стб. 109–111.

⁴¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. Стб. 37–42.

⁴² Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 2003. Стб. 108–109.

⁴³ Тверской летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 294–300.

⁴⁴ Klimke C. Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges. Dissertation. Breslau, 1875. S. 71.

⁴⁵ Chroniques Greco-romaines inédites ou peu connues / Ed. Ch. Hopf. V., 1873. P. XIV–XV; 93–98; Hopf Ch. Geschichte Griechenlands im Mittelalter und in der Neuzeit. Leipzig, 1867. S. 184–200.

⁴⁶ Riant P. Le changement... P. 77, 87. Конечно, для П. Риана было весьма важно прежде всего то, что древнерусский памятник подтверждал его мнение о роковой роли Филиппа Швабского в изменении направления похода. Новгородская повесть могла также подкрепить его гипотезу о том, что Бонифаций Монферратский играл роль посредника между папой и королем (Ibid. P. 88).

⁴⁷ Riant P. Exuviae Sacrae Constantinopolitanae. Vol. 1. Genevae, 1877. P. CCLVI.

⁴⁸ The Chronicle of Novgorod, 1016–1471 / Transl. from the Russian by R. Mitchell, N. Forbes. With an Introduction by C.R. Beazeley and an account of the Text by A.A. Schakhmatov. L., 1914. P. 43–48; Gordon J. The Novgorod Account of the 4th Crusade // Byz. 1973. T. 43. P. 306–311.

⁴⁹ Patri S. La relation russe de la 4-ième croisade // Byz. 1988. T. 58. Fasc. 2. P. 467–473.

⁵⁰ Dietze J. Die Erste Novgorod Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalhandschrift 1016–1333). Leipzig, 1971. S. 79–83.

⁵¹ См.: Sara de Mundo L. La Cuarta Cruzada según el cronista novgorodense // Anales de historia antigua y medieval de la Universidad de Buenos-Aires. 1950. P. 135–141. Перевод на испанский был сделан с не очень удачного латинского перевода К. Хопфа. См. кн.: Sara de Mundo L. Cruzados en Bizancio. La Cuarta Cruzada a la luz de las Fuentes latinas y orientales. Buenos-Aires, 1957.

⁵² Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 2. Киев, 1892. С. 1366; Успенский Ф.И. Четвертый крестовый поход. С. 416; Заборов М.А. Папство и захват Константинополя крестоносцами // ВВ. 1952. Т. V. С. 156–177; Он же. Известия русских современников о крестовом походе // ВВ. 1971. Т. XXXI. С. 89–108.

оценках точки зрения летописца на события. Из русских ученых самый обстоятельный и всесторонний анализ Повести был осуществлен специалистом по древнерусской литературе Н.А. Мещерским в двух его статьях⁵³. Интересное исследование памятника принадлежит и русскому медиевисту П.М. Бицилли⁵⁴. Историк полагал, что в Повести изложена так называемая ибеллинская, т.е. оправдывающая позицию Штауфенов⁵⁵. Бицилли также считал, что в основу Повести легли устные предания и рассказы, почерпнутые древнерусским автором из бесед с немцами.

Сходная точка зрения на Повесть была высказана немецким историком Л. Фрейданком. Как и П. Бицилли, он обратил внимание на то, что по древнерусскому сочинению, Филипп Швабский действует заодно с папой, хотя в реальности Иннокентий III отказывался признать его германским императором. С его точки зрения древнерусский автор стремился показать, что отклонение от похода явилось не результатом вмешательства посторонних сил, а следствием борьбы за трон византийских императоров. Как и П. Бицилли, Л. Фрейданк полагает, что сведения о событиях автор черпал из бесед с немцами и утверждал к тому же, что его главным собеседником был архиепископ Хальберштадтский. На этом основании Л. Фрейданк делает вывод о “крайней тенденциозности” древнерусского автора⁵⁶.

Как известно, теория “венецианской измены” исключала теорию “германской измены”, потому неудивительно, что сторонники “ибеллинской версии” возлагали вину в отклонении похода на Венецию. Именно так, опираясь в том числе на статью П.М. Бицилли, оценивал впоследствии события 1204 г. М.А. Заборов⁵⁷. Наконец, Ф.И. Успенский, сравнивая Повесть с западными источниками, также пришел к выводу об уникальности нашего памятника. При этом он совершенно иначе, чем П. Риан, П.М. Бицилли или Л. Фрейданк, оценивал характер его оригинальности: по его мнению, новгородский автор “стоит совсем одиноко и оказывается в полном противоречии с хвалебными латинскими и французскими описаниями похода”. С точки зрения Ф.И. Успенского, Повесть осуждает действия крестоносцев и дает современникам “урок гуманности и терпимости и любви к человеку”⁵⁸. В дальнейшем изложении нам предстоит выяснить, насколько справедливы все эти суждения.

⁵³ Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 120–135; *Он же*. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // ВВ. 1956. Т. 9. С. 170–185.

⁵⁴ Бицилли П.М. Новгородское сказание о 4-м крестовом походе // *Исторические известия*. М., 1916. Т. III–IV. С. 53–60. Согласно автору Повести, подчеркивает П.М. Бицилли, никакого отклонения от цели крестоносной экспедиции не было, а решение о походе против узурпатора Алексея III было принято совместно папой и императором. Он также обращал внимание на то, что в Повести политика Иннокентия III приписана германскому королю. Такой интерпретации событий, по мнению П.М. Бицилли, мы не найдем ни в одном западноевропейском источнике.

⁵⁵ Там же. С. 60: «Новгородская летопись отразила в себе официальную “ибеллинскую” точку зрения на значительнейшее из мировых событий того времени».

⁵⁶ Freydanck D. Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (Chronista Novgorodensis) // *Byzantinoslavica*. 1978. Т. 29. S. 334–359.

⁵⁷ Заборов М.А. Известия русских современников... С. 103: «Подобно эльзасцу Гунтеру Пэрисскому автор “Повести” обвиняет венецианцев во главе с дожем Энрико Дандоло в злощастном исходе крестового похода».

⁵⁸ Успенский Ф.И. Четвертый крестовый поход. С. 416.

Новгородская повесть привлекала внимание историков прежде всего потому, что она содержит подробный и очень точный рассказ о событиях 1204 г. Вот только несколько примеров, свидетельствующих о ценности памятника как исторического источника. Так, новгородец очень точно описал размеры опустошения, причиненного первым пожаром в столице: “И пожжень бысть град и церкви несказны лѣпотою, имъ же не можемъ числа съповѣдати; и Святое Софие притворъ погорѣ, идеже патриарси вси написани, и подрумье и до моря, а семо по Цесаревъ затворъ и до Суда погорѣ”⁵⁹. Цесарев затвор – цепь, преграждавшая путь к Суду – заливу Золотой Рог⁶⁰. Таким образом, автор указал на границы территории, охваченной пожаром. Он точно передает некоторые детали окончательного штурма Константинополя: “...приступиша къ граду, солнцю въсходящю, противу Святому Спасу, зовемыи Вергетисъ, противу Испигасу, сташа же и до Лахерны”⁶¹. Церковь Спаса Евергета находилась в центре византийской столицы. Испигас – название ворот в городе (πύλη τῆς πηγῆς), через которые путь вел в район города Пиги (εἰς πηγὰς)⁶². Повесть упоминает и другую подробность: корабль крестоносцев, который благодаря попутному ветру быстро пересек залив во время штурма Константинополя⁶³. Этот пассаж свидетельствует о точном знании военной техники фрягов. Автор Повести упоминает также особые военные корабли крестоносцев – дромоны, в которых рыцари перевозили свою конницу: “И тако бысть възятие Цесаря града великого: и привлеце корабль къ стенѣ граднѣй вѣтръ, и быша скалы ихъ великыя чрѣсъ град, и нижнее скалы равно забороломъ, и бхуть съ высокыхъ скалъ на градъ Гръкы и Варягы камением и стрѣлами и сулицами, а съ нижнихъ на град сълѣзоша, и тако взяша град”⁶⁴. Еще одна деталь, свидетельствующая о хорошей осведомленности летописца: после штурма 12 апреля крестоносцы не решились продолжать военные действия и переночевали в том месте, где ранее была ставка императора Мурцуфла, а на рассвете вошли в храм Св. Софии: “и внидоша въ град Фрязи вси, априля въ 12 день, на святого Василия исповѣдника, въ понедѣльник, и сташа на мѣсте, идеже стояше цесарь

⁵⁹ Повесть. Стб. 47. См. буквальное воспроизведение рассказа новгородца в Тверской летописи: Тверской летописец. Стб. 296.

⁶⁰ Как известно, именно на цепь, запиравшую вход в Золотой Рог, и целились крестоносцы. Робер де Клари говорит о том, что большая железная цепь закрывала порт Константинополя в со стороны Галаты. *Robert de Clari La Conquête de Constantinople*. P. 43: “Порт Константинополя был очень хорошо защищен большой железной цепью, которая проходила с одной стороны в город, а с другой – к башне Галаты” – “estoit li pors de Constantinoble moult bien fremés d’une molt grosse caaine de fer qui tenoit en la chité et d’autre part du port a la tour de Galatha”.

⁶¹ Повесть. Стб. 48.

⁶² *Janin R. Constantinople Byzantine, développement urbain et répertoire topographique*. P., 1964. P. 274–275.

⁶³ Повесть. Стб. 49.

⁶⁴ Повесть. Стб. 48. О рыцарской коннице говорится и в Тверской летописи (стб. 298). Упоминание о военных кораблях, где в трюмах находились воины, совпадают со сведениями Робера де Клари. Французский хронист сообщает, что рыцари находились в трюме в полном вооружении, а в нужный момент по перекидному мостику выходили наружу. *Robert de Clari*. Op. cit. P. 42: “si issirent li chevaliers hors des uissier tot monte, que li uissier estoient en tele maniere fait que il li avoit wis que on ouvroit bien, si lanchoit on un pont hors, par ou le chevalier pooient issir hors a tere tot monté..”. М.А. Заборов, изучавший русские летописи, обращал внимание на то, что цифры летописца более объективны, чем у западных хронистов (Известия русских современников о крестовых походах).

Грьчьскыи, у Святого Спаса, и ту стаща и на ночь”⁶⁵. Автор Повести, скорее всего, лично наблюдал все события, о которых он рассказывает.

Но не только точность описания деталей делает Повесть уникальным источником. По убеждению многих историков, этот литературный памятник дает свою совершенно самобытную версию событий Четвертого крестового похода. В чем же она состоит? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, из каких источников черпал информацию автор, создавая свою интерпретацию происходящего. Ведь как писал П. Бицилли, “не выдумал же свое объяснение наш очевидец. Остается предположить, что он почерпнул его из беседы на месте. Эти беседы он мог вести либо с греками, либо с латинянами”⁶⁶. В самом деле, обилие прямой речи, диалогов и монологов позволяет предположить, что материал для сочинения новгородец действительно черпал из устной традиции. Об этом же свидетельствует и наличие сказочных мотивов в Повести, проанализированных литературоведом Н.А. Мещерским⁶⁷. Так, в сказочном духе изображено бегство царевича Алексея из Константинополя от преследований Алексея III. Как мы знаем из сочинения Никиты Хониата, Алексей под влиянием отца принял решение бежать и договорился с одним пизанским судовладельцем. Его бегство было замечено, но он “остриг себе волосы в кружок, нарядился в латинскую одежду и смешался с толпой”⁶⁸. В Повести же говорится, что он был приведен на корабль и посажен в бочку, имевшую с одного конца три дна, там, где сидел царевич Алексей, а с другого конца, где затычка, была налита вода. Алексея повсюду искали, повыбивали из бочек затычки, но, увидев, что из бочек течет вода, ушли ни с чем⁶⁹. Несомненно, рассказы о бочке с тройным дном имеют сказочное происхождение. О наличии фольклорных мотивов повести свидетельствует и пристрастие автора к символическому числу “сорок”: так, среди награбленных крестоносцами драгоценностей он перечисляет “40 кадие чистаго золота” и “40 кубьковъ великихъ... иже бяху прѣд олтарем”. На 40 кораблях крестоносцы подплывают к Царьграду (“Приступиша же на 40 корабль въ великихъ...”) ⁷⁰. Эти устные предания были, вероятно, распространены среди простонародья, и в Повести мы видим популярную версию изложения событий.

Уже Н.М. Карамзин, впервые обративший внимание на сказочные мотивы, предположил, что летописец “слышал все описанные им подробности от какого-нибудь очевидца, земляка своего”⁷¹. Историк П. Савваитов предположил, что этим земляком мог бы быть Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ новгородский Антоний, который побывал в Царьграде в 1201 г. и

⁶⁵ Повесть. Стб. 48. Ср.: Тверская летопись. Стб. 298: “и стаща на мѣстѣ, идеже стояше царь греческій...”.

⁶⁶ Бицилли П.М. Указ. соч. С. 56.

⁶⁷ Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 129.

⁶⁸ Хониат Никита. История со времен царствования Иоана Комнина. Т. 2. СПб, 1862. С. 267–269.

⁶⁹ Повесть. Стб. 46. Такой же рассказ содержится в Тверской летописи. Стб. 295: “И ведень бы въ корабль, всажен в бочку, имущу три дна... и вся мѣста обыскаша... и не обретоша его...”.

⁷⁰ Повесть. Стб. 46. См. то же описание в Тверской летописи. Стб. 298; Мещерский Н.А. О взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 129.

⁷¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 572. Примеч. 149.

описал Константинополь и его реликвии⁷². Возможно, автор Повести мог использовать и сочинение своего соотечественника⁷³.

Какими еще источниками он мог воспользоваться? Общался ли он с крестоносцами, непосредственными участниками событий? На этот вопрос мы сможем ответить, если проанализируем содержание Повести и выясним, какую из западных версий он разделял – “теорию венецианской измены”, “теорию швабской измены” или, быть может, “теорию случайностей”?

Для начала отметим, что новгородец называет трех главных вождей (“воевод”) Четвертого крестового похода: “Се же имена воеводам ихъ: 1 маркосъ от Рима, въ граде Бърне, идеже бе жилъ поганьи злыи Дедрикъ. А 2-й кондофъ Офланъдръ. А 3 дужь слепии от Маркова острова Венедикъ”⁷⁴. Итак, Бонифаций Монферратский и Энрико Дандоло наряду с Бодуэном Фландрским названы в числе главных действующих лиц. Сразу же отметим, что новгородец не разделяет версии западных хронистов – Виллардуэна, Робера де Клари и др. – в соответствии с которой изменение направления похода произошло вследствие роковой случайности. Для древнерусского автора история похода начинается с того момента, когда “царевич Алексей”, подстрекаемый свергнутым с престола отцом, бежит к мужу своей сестры – “немецкому цесарю” Филиппу и просит того помочь восстановить себя на престоле. “Всь град Костянтинъ хотятъ моего царства”⁷⁵, – уверяет Алексей Филиппа. Затем новгородец сообщает о переговорах Филиппа и Иннокентия III, в результате которых король и папа решаются на то, чтобы направить поход “фрягов” к Константинополю, т.е. против узурпатора Алексея III⁷⁶. По словам автора, Филипп Швабский и папа указывали крестоносцам такой путь действий: “Такоже посадяче его на прѣстоль, поидите же къ Иерусалиму въ помочь; не всъхотятъ ли его, а ведете и опять къ мнѣ, а пакости недеите Гръческой земли”⁷⁷. Итак, с точки зрения русского летопис-

⁷² См.: Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в концъ 12-го столѣтїя с предисл. и примеч. Павла Савваитов. СПб., 1872. С. 8. См. другое издание памятника: *Антоний Новгородский. “Книга паломник”* / Изд. Лопарев Х.М. СПб., 1899. Сочинение новгородского паломника было переведено на французский язык еще в XIX в. Б. Хитрово: *Itinéraires russes en Orient trad. Pour la Societé de l’Orient latin par M-me V. de Khitrowo*. Osnabrück, 1966 (1-е изд. 1881). Р. 87–115. Благодаря переводу этот памятник был довольно быстро введен в научный оборот в западной историографии. Поль Риан отмечал точное описание новгородцем достопримечательностей Константинополя. *Riant P. Exuviae Sacrae Constantinopolitanae*. Р. ССVIII–ССXVIII.

⁷³ Высказывались предположения, что именно архиепископ новгородский и написал Повесть. См.: История русской литературы. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 303. Существовало мнение, согласно которому Антоний создал сначала один вариант записей о путешествии в Царьград, под 1202 г., а затем после латинского завоевания Царьграда в 1204 г., сам же сделал к ним дополнения. См.: *Белоброва О.А. “Книга паломник” Антония Новгородского. К изучению текста // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 178–186.*

⁷⁴ Повесть. Стб. 49.

⁷⁵ Повесть. Стб. 46.

⁷⁶ Точно так же Густынская летопись сообщает о событиях, правда, летописец перепутал Иннокентия III и Целестина. См.: Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 4. Стб. 108: “Но Алексей Исакович, егда избывъ от узъ, побъеже из грекъ к Филиппу, кесарю Нѣмецкому, зятю своему, и сестрѣ своей, жалѣся на стрия своего Алексѣя Ангела, и проси его о помощь. Кесарь же посла его въ Рим ко Келестину папѣ”.

⁷⁷ Здесь почти буквально воспроизводятся слова Иннокентия III: “Nec videntes terras Christianorum nec laedentes in aliquo” // *Patrologiae crusus completes. Series latina*. Р., 1855. Т. 214. Р. 1178–1182. На это сходство обратил внимание Д. Фрейданк (*Freydank D. Op. cit. S. 350*).

ца, никакого “отклонения” от первоначальной цели похода не было – он изначально по инициативе Филиппа Швабского направлен на Царьград. Объясняя дальнейший ход событий, древнерусский автор стремится отвести обвинения от папы Иннокентия III и германского императора Филиппа Швабского. Повесть дважды, на что обратил внимание еще Н.А. Мещерский, напоминает о призыве к рыцарям “не причинять зла Греческой земле”⁷⁸. Второй раз они вспоминают про заповедь папы и императора, когда Алексей Мурцуфул (Алексей V) объявляет им о смерти предательски умерщвленного им цесаревича Алексея, которого крестоносцы должны были в случае провала их плана привезти обратно: “Тъгда же фрязи печальни бивъше за прѣслушание свое: не тако бо бѣ казал имъ цесарь нѣмѣчьскыи и папа римьскыи, якоже си зла учиниша Цесарюграду”⁷⁹. Они уже не смогут вернуться к папе и Филиппу с царевичем Алексеем и, следовательно, не смогут выполнить обещание. Именно на эту подготовленную почву падает предложение кого-то из крестоносцев: “оже намъ нѣту Исаковиця, с нимъ же есме пришли, да луче мы естъ умрети у Цесаряграда, нежели съ срамомъ отъйти”, – так передает его слова древнерусский автор⁸⁰. Итак, рыцари-крестоносцы оказываются в Повести нарушившими слово вассалами, которые силой обстоятельств вынуждены отступить от первоначальной цели похода – освобождения Иерусалима. В целом древнерусский автор дает негативную оценку их поведению: с его точки зрения, еще в самом начале похода в византийскую столицу “фрязи же и вси воеводы ихъ възлюбиха злато и срѣбро, иже мѣняшеть имъ Исаковиць, а цесарева велѣния забыша и папина”⁸¹. Еще более резко свое негативное отношение к крестоносцам он высказывает, описывая бесчинства крестоносцев. Подробнее всего он описывает разграбление Св. Софии: “Заутро же, солнцю всъходящю, вѣнидоша въ святую Софию, и одьраша двѣри и расѣкоша, а онболъ окованъ бяше всъ сребромъ, и столпы сребрьные 12, а 4 кивотныя... и 12 креста...”⁸². Все главные сокровища, по свидетельству новгородца, были разграблены, за исключением, к его радости, Одигитрии: “Дигитрию чюдную, иже по граду хожаше, святую богородицю, съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне естъ, на нюже надѣмся”⁸³. Русский автор отмечает, что ограблению подверглась не только Св. София, но и храм Богородицы во Влахерне; и многие другие церкви и монастыри, “имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати”⁸⁴. Он также рассказывает о расправе над монахами и монахинями, попами, которых крестоносцы убивали или грабили⁸⁵. Главные защитники

⁷⁸ Повесть. Стб. 46.

⁷⁹ Повесть. Стб. 47.

⁸⁰ Повесть. Стб. 47–48. Так же изображает события Тверская летопись: “оже нам нынѣ нѣту Исаковича, съ нимъ же пришли есми, да луче ны естъ здѣ умрѣти у Цареграда, нежели съ срамомъ отъйти” (стб. 298).

⁸¹ Повесть. Стб. 46.

⁸² Повесть. Стб. 48.

⁸³ Повесть. Стб. 49. В Воскресенской летописи содержится отдельный рассказ об иконе (“О иконе пречистой Одигитрии в Цариграде”). См.: Воскресенская летопись // Русские летописи. Т. II. Рязань, 1998. Стб. 154.

⁸⁴ Повесть. Стб. 49.

⁸⁵ Там же: “Черньче же и чернице и попы облупиша и неколико ихъ избиша, гръки же и вагыгы изгнаша изъ града, иже бяхуть остави”.

города – греки и варяги – были, как сообщает древнерусский автор, изгнаны крестоносцами⁸⁶.

В этом описании грабежа новгородец, несомненно, осуждает поведение рыцарей-крестоносцев, прельстившихся легкой добычей. Согласно его версии события приняли трагический оборот – христиане напали на христиан – поскольку крестоносцы ослушались повеления “немецкого цесаря”. С одной стороны, новгородец склонен всячески подчеркнуть невинность папы и императора. С другой, он приписывает большую долю вины не только алчным рыцарям, но и венецианцам и, в частности их дожу, который “много брани на град замышляше”. В этой оценке он, несомненно, расходится со своим западным современником – Виллардуэном, изображавшим дожа благородным человеком⁸⁷. По словам новгородца, “Съ же Дужъ много брании замышляше на град, и вси его послушаху, и корабли его велиции бяхуть, с них же градъ възша”⁸⁸. Древнерусский автор упоминает и о напряженных отношениях между Венецией и Византией и о том, что император Мануил лишился дожа зрения, подвергнув изощренной византийской казни: ослеплению стеклом⁸⁹. Как известно, “теория венецианской измены” логически исключает “теорию швабской измены”, и именно в “ибеллинской” версии Четвертого крестового похода вина за происшедшее возлагалась на Венецию. Но все же нельзя не обратить внимание на то, что в Повести присутствует лишь это единственное упоминание о роли Венеции в происходящей в Константинополе трагедии, да и то приводится оно в самом конце рассказа новгородца. Конечно, многие детали Повести, казалось бы, убеждают нас склониться на сторону П.М. Бицилли и Д. Фрейданка и признать, что происшедшее излагается в Повести с точки зрения и в пользу Штауфенов. К этому склоняет и анализ языка памятника, проделанный сначала П.М. Бицилли, а затем Н.А. Мещерским⁹⁰. Так, маркиз Бонифаций Монферратский назван “Маркосом из Берны” (здесь автор явно смешал титул маркиза с именем Марк), а именно немцы называли Верону Берн⁹¹. Кроме того, новгородец

⁸⁶ Там же: “Грьки же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остали”. Тверская летопись повторяет новгородца с незначительными изменениями, при этом летописец в целях создания правдоподобия называет много цифр. См. стб. 298: “300 чрънци же, и чръници и попы облыпуша, и нъколило ихъ избыша”. Густынская летопись несколько подробнее рассказывает о похищении рыцарями византийских реликвий. См.: Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 2003. Стб. 108: “И много въ то время святыни изнесоша съ Цариграда в Римъ, си есть икон чудотворных, сосуд честныхъ и мощей святых. Тогда изнесоша и мощи святыхъ въ Рим Иоанна Златоуста и образ нерукотворенный и проч.”.

⁸⁷ См. восторженные характеристики венецианского дожа в сочинении Виллардуэна, где он называет его “мудрым и доблестным”. *Geoffroy de Villehardouin. Conquête de Constantinople / Ed. Natalis de Wailly. P., 1882. P. 16: “li dux mult ere sage et proz”*. Виллардуэн отмечает ясный ум и искусство Энрико Дандоло, рассказывая о заключении договора между венецианцами и крестоносцами. “Et il i par son sens et par son engin, que il avoit mult clere et mult bon, les mist en ce que il le lerent...” (Ibid.). В другом месте Виллардуэн восхваляет прекрасную речь дожа: “Des paroles que li dux dist bones et belles ne vos puis tout raconter...” (Ibid. P. 18).

⁸⁸ Повесть. Стб. 49.

⁸⁹ Там же: “Царь же не хотя его убити, повеле очи ему слепити стьклом, и быста очи ему яко неврежене, нъ не видяше ничегоже”.

⁹⁰ Бицилли П.М. Указ. соч. С. 59; Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 131.

⁹¹ Как подтверждает Д. Фрейданк, Верона была известна немцам по сказаниям о Дитрихе Бернском (*Freydank D. Op. cit. S. 348*).

упоминает Дитриха Бернского – Теодориха Веронского (“идеже бе жил поганый злыи Дедрик”) и, возможно, как предположил Н.А. Мещерский, был знаком с “Песнью о Нибелунгах”, в которой Теодорих фигурирует именно под этим именем⁹². На немецкий манер автор назвал Венецию так же, как ее называли немцы: Венедикт (Venedig). Все эти элементы лексики, по мнению Н.А. Мещерского, отражают общение автора с “фрягами”, а с точки зрения П.М. Бицилли, льют воду на “ибеллинскую” версию, стало быть, заставляют предположить, что древнерусский автор черпал сведения, общаясь с немцами⁹³. Но все же делать выводы преждевременно, пока мы не обратились к изображению новгородцем византийцев.

И здесь, на мой взгляд, мы сталкиваемся с самой парадоксальной чертой древнерусского памятника. В отличие от западноевропейских хронистов, он не винит в случившемся только крестоносцев, хотя и рисует картину трехдневного разграбления города при зареве пожара. События по Повести развиваются так: цесарь Исаак глубоко сожалеет о разграблении монастырей, к которому византийцы вынуждены прибегнуть ради уплаты долга крестоносцам (Как мы помним со слов Хониата, Алексей – юный по летам и уму – обещал латинянам баснословные суммы, и его отец был вынужден просить у церкви⁹⁴.) На него удручающее впечатление производит пожар, который устроили в Царьграде фряги, все эти переживания обостряют его болезнь и ускоряют кончину. Согласно Повести после смерти Исаака Ангела возмущенные “людие” поднимают восстание против Алексея (“про зажъжение градъное и пограбление монастырское”). В дело вмешивается “чернь”, которая, на время став хозяйкой положения, увлекает за собой и “добрых мужей”. “Чернь” решает передать власть сначала в руки Радиноса, который отрекается от власти и постригается в монахи, а затем самовольно коронует в храме Св. Софии нового кандидата на престол – Николая Канава. Испугавшись гнева простонародья (“людие”), Алексей IV намеревается ввести в город крестоносцев. “Бояре” отговаривают его, но затем “убоявъшеся ввѣдения фрягъ”, тайком договариваются с Алексеем Мурцуфлом и свергают Алексея IV, который незадолго до этих событий освободил Мурцуфла из заключения, взяв с него обещание, что тот не будет добиваться престола, бросают в тюрьму. Мурцуфл сначала сблизается с простонародьем, объявив ему, что он захватил “ворога вашего Исаковиця” и обещает Канаве власть (“А Николь даю пѣрвыи въ боярехъ”), но затем бросает его и его жену в темницу. Истощенная византийская столица становится легкой добычей крестоносцев, которые при следующем штурме без труда захватывают ее. Летописец подчеркивает положительную роль Мурцуфла в обороне города: в отличие от западных хронистов, для которых он всего лишь узурпатор, коварно убивший законного престолонаследника⁹⁵, новгородец изо-

⁹² Н.А. Мещерский предположил, что форма “Дедрик” свидетельствует о нижненемецком его произношении (Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 131).

⁹³ В этом контексте суждение Д.С. Лихачева о том, что автор Повести общался прежде всего с греками, кажется не вполне обоснованным. См.: Лихачев Д.С. Литература эпохи “Слова о полку Игореве”. С. 15: “Автор не только видел некоторые из событий собственными глазами, но и слышал о них от других – греков”.

⁹⁴ Хониат Никита. История со времен царствования Иоана Комнина. С. 273.

⁹⁵ Крестоносцы постоянно объясняют свои агрессивные действия тем, что они стремятся восстановить в правах законного наследника и создать ситуацию законности. Так, по словам

бражает его крепким военачальником, который в критический момент взял бразды правления в свои руки, “надеясь расправиться с фрягами”. Однако во время штурма, показывает летописец, “бояре” отказываются защищать Царьград, а затем вместе с императором и патриархом бегут из захваченного крестоносцами города⁹⁶. Лишь немногочисленные отряды греческих воинов и наемных варягов, верных присяге, отстаивают город и погибают⁹⁷. Итак, новгородец в целом склонен рисовать поведение византийцев в негативных красках и объяснять случившееся не столько внешними причинами – действиями крестоносцев или политикой Венеции, сколько внутренними причинами – распрями внутри высших слоев византийского общества и их коварной политикой по отношению к своему народу. На мой взгляд, этот мотив в Повести звучит более отчетливо, чем мотив осуждения фрягов, разграбивших столицу. Древнерусский автор подвергает моральному осуждению не столько латинян, сколько византийцев – своих братьев по вере – и не ищет для них оправдания. Черпая сведения у латинян, он тем не менее излагает свою самостоятельную точку зрения на ход событий, он обвиняет византийцев, но не так, как западные хронисты, изображавшие греков коварными и вероломными, а их правителей – узурпаторами законной власти. Для него ясно одно: “Греческая земля” погибла не по вине Венеции или германского императора, алчных рыцарей-крестоносцев или вследствие случайного стечения обстоятельств, но исключительно из-за “свады цесарей”, правителей, предавших интересы государства и народа, и это единственное объяснение происшедшего в Византии. При этом писатель отнюдь не объясняет “погибель Греческого царства” в религиозном духе – как наказание за грехи.

Почему же новгородец преподносит читателю вполне мирскую и, казалось бы, необычную для древнерусского автора версию, если можно так выразиться, “византийской измены”? Отчасти это связано с тем, что в Повести действительно изложена престолярная версия событий⁹⁸. Все же давно высказанное мнение П. Риана о политической нейтральности древнерусского автора представляется более убедительным. Древнерусский автор не отягощен богословскими знаниями и не разбирается в тонкостях символической концепции “богохранимого города Константинова”. Из гибели Царьграда он не

Виллардуэна, они утверждают на престоле Алексея IV со следующими словами: “Тот, кого вы слушаетесь как своего господина, несправедливо правит вами, против воли Божьей и разума. Знайте же, что он вероломно поступил со своим братом и господином, что он его предал и несправедливым греховным способом захватил царство” (*Geoffroy de Villehardouin*. Op. cit. P. 83: “Car cil cui vos obéissez cum a seignor, vos tient à tort et à pechié, contre Dieu et contre raison. Et bien savez con il a desloiaument ovré vers son seignor et vers son frere; que il li a les els traizm et tolu son empire à tort et pechiez”). Примечательно, что точно так же мотивирует агрессию против греков латинское духовенство, даже обещая отпущение грехов, в случае если рыцари завоюют империю с целью подчинить ее апостолическому престолу и умрут в этой борьбе: “la bataille est droite et juste; et se vos avez droite entention de conquerre la terre et mettre a l'obedience de Rome, vos avez le pardon tel cum l'apostoiles le vos a octroie, tuit cil qui confies i mortont” (*Geoffroy de Villehardouin*. Op. cit. P. 130).

⁹⁶ Повесть. С. 110: “Цесарь же Мюрчюфоль крепляше бояры и все люди, хотя ту брань створити с фрягы, и не послушаша его: побегоша от него вси...”.

⁹⁷ Повесть. С. 110: “и быхухъ съ высокыхъ скаль на граде гръкы и варягы камениемъ и стрелами и сулицами...”.

⁹⁸ Трудно согласиться с Д. Фрейданком, который полагал, что в таком изображении событий проявилась тенденциозность древнерусского автора, якобы защищавшего прежде всего немецкие интересы (*Freydank D*. Op. cit. S. 351).

выводит никаких зловещих последствий для всего православного мира, и в том числе для Древней Руси. Но дело, видимо, не только в этом. На мой взгляд, ответ на этот вопрос станет более ясным, если мы рассмотрим описание событий в контексте других сообщений древнерусских летописей.

О чем же сообщают летописи под 1204 г.? Еще Н.М. Карамзин обратил внимание на то, что под 1204 г. в русских летописях часто встречаем описание апокалиптических картин⁹⁹. Действительно, Лаврентьевская летопись рассказывает о зловещих знамениях – в ту зиму многие страшные явления предвещали бедствия: небо было в огне, снег имел цвет крови, с небес падали звезды, и казалось, что наступила кончина света¹⁰⁰. Софийская первая летопись под 1204 г. (6712) также говорит об апокалиптических знамениях: “Того же лѣта бысть знамение велие на небеса 3 солнца на встоцѣ, а 4-е на небесах на западѣ, а посреди небеси акы мѣсяць великъ, подобен дузѣ”¹⁰¹. Такие же сведения содержатся и в Густынской летописи¹⁰².

Кажется заманчивым на основании летописных цитат предположить, что события в византийской столице в 1204 г. были восприняты в апокалиптическом и эсхатологическом духе, ибо Царьград – “город городов” был, как уже отмечалось, для древнерусских людей вечным городом, *uirbs aeterna*, столицей православия, центром Земли Обетованной и Новым Иерусалимом и представлялся политическим и церковным центром мира. Однако на самом деле в Лаврентьевской летописи нет упоминаний о взятии Царьграда (как нет и в другой известнейшей летописи – Ипатьевской), и рисуемые ею апокалиптические картины скорее лишь фон, на котором разворачивается повествование о взятии Киева князем Рюриком из племени Ростислава Мстиславича и Ольговичами и тех опустошениях, которые произвел грабеж главного древнерусского города. Все происходит во время княжения великого князя Всеволода Юрьевича суздальского. Продолжается междуусобная борьба, в которой принимают участие потомки князя Ярослава. Старая Киевская Русь уже распалась, и на месте прежней единой русской земли, которую соединял род св. Владимира в некое политическое целое, возникли удельные княжества, ведущие между собой войну. Опустошение Киева – одно из последствий этих междуусобиц. Именно на описании Киева и сосредоточены взгляды летописцев. Они рассказывают, какому страшному разграблению подверглась древняя столица Руси, ее церкви и монастыри. Так, Лаврентьевская летопись сообщает: “И створися велико зло в Русьти земли. Такого же зла не было от крещения под Киевомъ... и миторполью святую Софью разграбиша и Десятинную святую Богородицю разграбиша и монастыри всѣ и иконы одраша, а иныѣ поимаша и крестѣ честныя и ссуды свя-

⁹⁹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 571. Примеч. 148.

¹⁰⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 419: “Тое же зимы знаменія бысть многи на небеси, едино же отъ нихъ скажем: бысть во едину мощь, в 5 часъ нощи, потече небо все и бысть чермно, по земли же и по хоромом снѣгъ, мнѣти всѣмъ челоуѣкомъ зряче, аки кров прольня на снѣгу; и видѣша же нѣци теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мнѣти видячимъ я яко кончину. Знамень бо въ небеси, или в звѣздахъ, или въ солнци, или въ лунѣ, или етером чимъ, не на добро бывають. Но знаменія сица на зло бывають, или проявляютъ рати или гладь, или смерти проявляютъ...”

¹⁰¹ Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 260.

¹⁰² Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 2003. Стб. 108: “В лѣто 6712. (1204) бысть знамение на небеси: явишася три солнца на встоцѣ, а четвертое на западѣ, а посред неба акы мѣсяць великъ, подобенъ дузѣ; и стояша та знаменія даже до полудня”.

ценныя и книги...”¹⁰³. Густынская летопись, хотя и упоминает о событиях 1202–1204 гг., но все же более подробно описывает страшное разорение древнерусского города. Она отмечает, что Киев был разграблен князем Рюриком Ростиславовичем и половцами: сожжены собор Св. Софии и многие монастыри, но и были уведены в плен жители города¹⁰⁴. Подробно о распри между князьями говорит и упоминающая о взятии Царьграда Тверская летопись; она рассказывает не только о взятии Рюриком Киева зимой 1204 г., но и о дальнейших распри князей – летом 1204 г. в Треполе Рюрик и Роман Галицкий вновь спорят о власти, Роман принуждает Рюрика постричься в монахи, а его детей – Ростислава и Владимира – увозит к себе в Галич. Это причиняет новые огорчения Всеволоду, который в конце концов утверждает на киевском престоле Ростислава¹⁰⁵. Эти рассказы летописцев о бедах Русской земли, намного более пространные и подробные, отчасти затмевают происходящее в Византии. Здесь следует опять напомнить о том, сколь значительное место занимал в воображении древнерусского человека именно Киев. Благодаря ориентации на Константинополь Киев был связан с Иерусалимом¹⁰⁶, и как говорится в Повести временных лет, этот город – “мать городов русских”¹⁰⁷. Восприятие Киева было окрашено в цвета той же символики, которая была обычной для Константинополя, в определенных чертах подражавшего Иерусалиму. Как уже отмечалось, летописцам эта символика древнерусской столицы была хорошо известна. Возможно предположить, что взятие Киева и распри князей было во всяком случае не менее значимым для древнерусских летописцев событием, чем взятие Царьграда. И не только потому, что Киеву наряду с Царьградом приписывалось символическое значение, но и потому, что Русь, раздираемая внутренними противоречиями и междоусобицами, интересуется древнерусского человека не меньше, чем то, что происходит в отдаленной византийской столице. Если принять такое предположение, то более понятной станет позиция новгородца: он смотрит на события глазами древнерусского человека, мерит все меркой русской истории и ищет параллели между

¹⁰³ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 418: “И створися велико зло в Русѣй земли, якого же зла не было отъ крещенья над Киевом... митрополью святую Софию разграбиша, и Десятинную святую Богородицю разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы одраша, а инѣ поймаша, и кресты честныя, и ссуды священья, и книги...”.

¹⁰⁴ Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 2003. Стб. 109: “Рюрик Ростиславич съ поганымъ Кончакомъ и Даниломъ (Кобековичи) и со всюю силою Половецкою те Олговичи и взѣтъ Киевъ под Ингавремъ Ярославичем, намѣсникомъ Киева злѣйшее бѣ раче всѣхъ прежнихъ плѣненихъ: не токмо бо пограбиша в немъ обрѣтающаяся тогда, но связаны въ плѣнние поведоша люди, и градъ, и светую Софию, и вся монастыри огнемъ пожгоша...”.

¹⁰⁵ Тверской летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 293: “Въйдоша во Треполь Рурик з дѣтми, Ростиславомъ, ... и Володимеромъ, и Романъ Галичскій, зять ихъ, и ту хотящие рядъ положить и дѣль сѣтворимъ в полону противу трудовъ, (кто) како пострадалъ за Рускую землю, и бысть смятеніе велико, тогда Романъ изима Рурика и з дѣтми, и посла его... въ Киевъ, повелъ его постричи въ чрънци и жену его, свою дочь, въ черници; а детей его, Ростислава и Володимера, ведя въ Галичъ съ собой, се же слыша князь великій Всеволодъ, еже сѣтворися иное зло в Руской земли, печалень бѣ о сватѣ и о дѣтѣхъ его. И посла къ Романови въ Галичъ; онъ же послушавъ его отпусти и зятя его Ростислава и брата его Володимера. Князь же великій Всеволодъ дасть зятю своему Ростиславу опять Киевъ”.

¹⁰⁶ См. об этом: *Stupperich R. Kiev, das zweite Jerusalem // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1935. Т. XII. С. 352.*

¹⁰⁷ Лаврентьевская летопись. Стб. 23: “Се буди градомъ рускимъ”. В этом пассаже просматривается библейская параллель. См.: Гал 4:26 (“А вышний Иерусалимъ свободенъ: онъ – мать всемъ намъ”). См. об этом: *Данилевский И.Н. Повесть временныхъ лет... С. 203.*

византийской и русской историей. Неслучайно для русского писателя одна из причин разгрома Константинополя – ссора императоров и предательская политика верхов по отношению к простому народу. Эта лапидарная формула – “свада цесарев”¹⁰⁸ – часто повторяется на страницах Повести.

На фоне других сообщений летописей картина становится более ясной. Теперь мы можем и ответить на вопросы, поставленные вначале: насколько оригинальной и самобытной была их версия событий? Как воспринимали гибель православной империи и ее подчинение католикам русские современники? Как мы выяснили, автор Повести, содержащий рассказ о взятии Константинополя, повторявшийся затем в ряде летописей, черпал информацию из устной традиции и даже из устных преданий, общался как с фрягами, так, видимо, и с византийским простонародьем, и создал версию событий, на первый взгляд, близкую “ибеллинской”. Но в его рассказе о событиях в далеком Царьграде, где вследствие ссоры императоров пала столица православия, подспудно высказаны мысли и по поводу судьбы русской земли. Изображая византийскую элиту, погрязшую во взаимных распрях, виновной в разыгравшейся трагедии, новгородец предупреждает древнерусских князей. Напомним, что его предостережение прозвучало незадолго до татаро-монгольского нашествия. Этот взгляд на события в Царьграде глазами русского делает памятник оригинальным подобно тому, как точность деталей и подробности делают его уникальным.

Отсюда вытекает и ответ на другой вопрос относительно впечатления, которое произвело на древнерусских современников падение Константинополя. Несомненно, оно не осталось незамеченным, и автор новгородской Повести и другие летописцы, переписывавшие ее, сокрушались по поводу гибели вечного города, но, на мой взгляд, прежде всего стремились извлечь из событий нечто поучительное для Русской земли и предостеречь своих соотечественников об опасностях ссор и раздоров.

Оценивая то или иное событие прошлого, мы часто смотрим на него из нашего исторического далека; историческая память формирует представления, которые играют роль своего рода *idées préconçues*, оказывающих мощное влияние на восприятие событий прошлого. Разгром Константинополя громким эхом отозвался в русской истории и культуре, значение этого факта, несомненно, со временем росло и обретало новые смыслы. Об этом эпизоде всемирной истории вспоминали, когда создавали теорию “Москва – третий Рим”¹⁰⁹, а позже разгром Константинополя стал одной из существенных претензий православного мира католической Европе. Но последующее толкование события все же не должно заслонять видения события древнерусскими современниками, а, как мне представляется, оно не воспринималось столь остро и катастрофично, как это видится в ретроспективе. В данной статье мы попытались реконструировать представления современников событий 1204 г. с тем, чтобы показать, как реагировало русское общество на гибель греческой империи в момент взятия Царьграда.

¹⁰⁸ Слово “свада” чрезвычайно многозначно: оно обозначает и ссору, и спор, и раздор. Главный же сьвадитель – дьявол. См.: *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1903. Стб. 655.

¹⁰⁹ См. об этом: *Stremoukhoff D.* Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine // *Speculum*. 1953. Vol. XXVIII. N 1. P. 84–108; *Schaeder H.* Moskau, das dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. Darmstadt, 1957; *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

**ВИЗАНТИЙСКИЕ ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ЧИНЫ
“СОЕДИНЕНИЯ ДАРОВ” И “ТЕПЛОТЫ”.
РАННИЕ СЛАВЯНСКИЕ ВЕРСИИ***

Одной из важнейших частей византийской литургии является совокупность действий, непосредственно предшествующих причащению и завершающих освящение Святых Даров. Этот момент службы в современном служебнике описан следующим образом¹:

Діако́нъ же, показѣвъ ѿра́емъ сѣ́й поті́ръ, глаго́летъ:

Испо́лни, влады́ко, сѣ́й поті́ръ.

Свяще́нникъ же, взѣмъ горѣ́ лежа́щюю ча́стицѣ, ꙗ́же ИИС, твори́тъ съ нею́ крѣстъ́ верхѣ́ сѣ́гѣ́ поті́ра, глаго́ла:

Исполне́ніе дѣ́а сѣ́гѣ́.

И та́къ влада́етъ во сѣ́й поті́ръ.

Діако́нъ: Я́минь.

И пріѣ́мла́ тепло́тъ, глаго́летъ ко́ свяще́нникѣ́:

Благослови, влады́ко, тепло́тъ.

Свяще́нникъ же́ благослова́етъ, глаго́ла:

Благослове́на тепло́та сѣ́ихъ твои́хъ, всегда́, ны́не и́ присно́ и во́ вѣ́ки вѣ́ковъ. Я́минь.

И діако́нъ влива́етъ, е́лику до́вольнѣ, кресто́образнѣ́ внѣ́тъ сѣ́гѣ́ поті́ра, глаго́ла:

Тепло́та вѣ́ры испо́льнъ дѣ́а сѣ́гѣ́. Я́минь.

И ѿста́вивъ тепло́тъ, стои́тъ ма́лѣ́ пода́тъ.

Сразу же вслед за этими действиями происходит причащение священнослужителей. Итак, завершение приготовления Святых Даров к причастию состоит из вложения части Святого Тела в потир со Святой Кровию (чин “Соединения”) и добавления в потир “Теплоты”, т.е. горячей воды (чин “Теплоты”). В современной греческой службе при соединении Даров используется несколько иная формула²:

Διάκονος: Πλήρωσον, Δέσποτα, τὸ ἅγιον ποτήριον

ἱερέως: Πλήρωμα ποτηρίου πίστεως Πνεύματος Ἁγίου.

Добавление в потир Теплоты происходит в согласии с описанием славянского служебника.

Наиболее существенной особенностью славянской рукописной традиции чина Соединения является наличие во многих древнерусских списках архаичных литургических формул чина Соединения, восходящих к древнейшим сиро-палестинским источникам. Этот факт приобрел важное значение после того, как А. Жакоб в фундаментальном исследовании греческих евхологиев доказал, что сиро-палестинский вариант чина Соединения встречается

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда гуманитарных исследований (код проекта 03-01-12021в).

¹ Служебник. Ч. 1. М., 1991. С. 159, 160.

² Ἡ θεία Λειτουργία τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου. Ἀθήνα. 1997. Σ. 48, 49; Ἡ θεία Λειτουργία Βασιλείου τοῦ Μεγάλου. Ἀθήνα. 1993. Σ. 58, 59.

лишь в рукописях южноитальянского происхождения и *полностью отсутствует в богослужебной традиции Константинополя*³. Появление сиропалестинских литургических обычаев в Южной Италии объясняется переселением православных монахов в итало-греческие монастыри из-за арабских завоеваний на Ближнем Востоке. Столь же естественные причины появления и широкого распространения сиропалестинского обряда на Руси указать не удастся. Поэтому свидетельства о частном, на первый взгляд, факте рукописной литургической традиции могут выявить важные обстоятельства первоначальной истории распространения христианства в славянских землях.

Итоговым исследованием истории византийских чинов Соединения Даров и Теплоты в настоящее время является монография о. Р. Тафта “The Precommunion Rites”⁴. Однако как в этой работе, так и в предшествующих историко-литургических публикациях второй половины XX в. не учитывалась большая часть древнеславянских служебников – в исследованиях истории чинопоследования византийской литургии использовались лишь фрагменты славянских рукописей, опубликованные в конце XIX – начале XX в.⁵ В данной работе история славянского чина Соединения описывается с учетом всех рукописных служебников XII–XIV вв., попавших в известные каталоги рукописных коллекций⁶, частично используются также и более поздние славянские источники XV–XVII вв.⁷

Для определения места и времени появления в славянской литургии сиропалестинского чина Соединения Даров следует определить, произошло ли заимствование данного богослужебного обряда в Южной Италии или же этот обряд попал в славянское богослужение иным путем. Весьма существенным обстоятельством, указывающим на возможную связь славянской и итало-греческой богослужебной традиции, является наличие в одном славянском служебнике XIV в. особого порядка совершения чина Теплоты, упоминающегося только в рукописях южноитальянского происхождения

³ *Jacob A. Histoire du formulaire grec de la liturgie de Saint Jean Chrysostome. Louvain, 1968. P. 476–492* (Неопубликованная докторская диссертация); *Idem. Deux formules d'immixtion syropalestiniennes et leur utilisation dans le rite byzantin de l'Italie méridionale // Vetera Christianorum. 1976. 13. P. 29–64.*

⁴ *Taft R. The Precommunion Rites. Roma, 2000 (Orientalia Christiana Analecta. Vol. 261), где чину Соединения посвящена гл. 8, а чину Теплоты – гл. 9.*

⁵ Фрагменты славянских служебников опубликованы в следующих работах: *Муретов С.* Последование проскомидии, Великого Входа и Евхаристии в славяно-русских служебниках XII–XIV вв. // Чтения в обществе любителей древнего просвящения. М., 1897. Кн. II; *Petrovslj A. Histoire de la rédaction slave de la Liturgie de s. Jean Chrysostome // ХРΥСОСТОΜΙ-ΚΑ. Studi e ricerche intorno a S. Giovanni Crisostomi / A cura del comitato per il XIV° centenario della sua morte, 407–1908. Rome, 1908. P. 859–928; *Орлов М.* Литургия св. Василия Великого. СПб., 1909; *Лисицин М.* Первоначальный славяно-русский Типикон (историко-археологическое исследование). СПб., 1911 и др.*

⁶ Перечень учтенных каталогов приведен в статье: *Слуцкий А.С.* Диалог священнослужителей после Великого Входа в славянских служебниках XIII–XIV веков // Христианский Восток. 2000. Т. 2. С. 242–254. Примеч. 5.

⁷ Наиболее ранние известные в настоящее время славянские рукописи, содержащие последование литургии (славянские служебники), относятся к концу XII – началу XIII в. По-видимому, древнейшим источником является датируемый рубежом XII и XIII столетий служебник *Син. 604* Государственного исторического музея. Об этой рукописи см.: *Рубан Ю.И.* Служебник Варлаама Хутынского // Ученые записки Российского Православного университета. Вып. 2. 1997. С. 99–129.

(см. II.3). Однако исследование славянских списков чина Теплоты важно и само по себе. Древнейшие славянские служебники, близкие по времени написания к первым свидетельствующим о литургической Теплоте греческим евхологиям⁸, имеют разнообразные литургические формулы, не прослеживающиеся в греческих рукописях, и служат дополнительным источником для ответа на ключевой вопрос истории чина Теплоты – определения времени появления этого литургического обряда в византийском богослужении.

I. Чин соединения даров

1. Константинопольская традиция чина Соединения. Древнейший из известных современной науке евхологиев, рукопись VIII в. *Barberini gr. 336*, содержит следующую литургическую формулу для чина Соединения:

Εἰς πλήρωμα πνεύματος ἁγίου⁹.

Как отметил А. Жакоб¹⁰, наличие этой же формулы в двух других рукописях (в литургии Иоанна Златоуста из евхология X в. Порфирия Успенского *St. Peterburg gr. 226* и в латинском переводе XII в. литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого *Paris Nouv. acq. lat. 1791*) показывает, что чтение *Barberini gr. 336* не является изолированным. Однако предлог εἰς исчезает уже с X в. (в тексте литургии Василия Великого из *St. Peterburg gr. 226* его уже нет¹¹), и с XI по XV в. практически единственной в практике Константинополя становится формула:

Πλήρωμα πνεύματος ἁγίου¹².

С XIV в. в некоторых евхологиях появляется фраза:

Πλήρωμα ποτηρίου πίστεως Πνεύματος Ἁγίου,

вошедшая в первые печатные издания евхология и сохранившаяся в современной греческой службе¹³.

2. Чин Соединения в итало-греческих источниках. В некоторых евхологиях итало-греческого происхождения находятся архаические литургические формулы, имеющие сиро-палестинское происхождение¹⁴. Древнейшие греческие списки иерусалимской литургии св. апостола Иакова содержат указание о произнесении при соединении Даров фразы:

Ἐνωσις τοῦ παναγίου σώματος καὶ τοῦ τιμίου αἵματος τοῦ Κυρίου καὶ θεοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ¹⁵.

⁸ Впервые чин Теплоты появляется лишь в литургических рукописях XII в. Древнейшие греческие евхологии упоминания о Теплоте не содержат (*Taft R. The Precommunion Rites. P. 473*).

⁹ *Parenti S., Velkovska E. L'Eucologio Barberini gr. 336. Rome, 1995. P. 22* (литургия Василия Великого). P. 40 (литургия Иоанна Златоуста).

¹⁰ *Jacob A. Deux formules... P. 31.*

¹¹ *Taft R. The Precommunion Rites. P. 384–385.*

¹² См.: *Jacob A. Deux formules... P. 31–32.* P. Тафт приводит немногочисленные разночтения этой формулы в рукописных греческих евхологиях (*The Precommunion Rites. P. 386–387*).

¹³ По мнению Р. Тафта, глосса πίστεως – результат влияния соответствующей формулы из чина Теплоты (*The Precommunion Rites. P. 390*).

¹⁴ *Jacob A. Deux formules... P. 29, 63.*

¹⁵ *Brightman F.E. Liturgies Eastern and Western. I: Eastern Liturgies. Oxford, 1896. P. 62; Marcier B.-Ch. La Liturgie de S. Jaques. Édition critique, avec traduction latine. P., 1946. (Patrologia Orientalis. 26. 2). P. 228.*

А. Жакоб выделил 13 итало-греческих евхологий, в которых эта «христологическая формула чина Соединения из литургии Иакова присутствует в чинопоследовании литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого или Преждеосвященных Даров¹⁶. Только в двух из них, рукописи конца XII в. *Vatican gr.* 2005 и евхологии начала XIV в. *Vatican gr.* 2324, христологическая формула Соединения находится на своем изначальном месте и соответствует моменту соединения Даров¹⁷. В остальных 11 евхологиях христологическая формула сопровождает действия священника, когда тот, после причащения священнослужителей, кладет в потир частицы, предназначенные для причащения народа (для чина Соединения в этих евхологиях используется обычная константинопольская формула)¹⁸. Источником сиро-палестинского влияния на литургическую практику средневековой Южной Италии являлось переселение в византийские монастыри православных монахов из Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, вызванное арабскими завоеваниями на Востоке¹⁹.

Отметим, что отличительной особенностью христологической формулы чина Соединения в итало-греческих евхологиях является наличие слова *τελειῶσις*, не встречающегося в списках литургии Иакова при описании соединения Даров²⁰.

Особо подчеркнем установленный А. Жакобом факт отсутствия сиро-палестинской формулы Соединения в евхологиях, созданных за пределами Южной Италии, – литургические формулы, упоминающие *ἔνωσις* в чине Соединения содержатся *только в евхологиях итало-греческого происхождения*²¹.

¹⁶ *Jacob A. Deux formules...* P. 34–43.

¹⁷ Древнейшее свидетельство, рукопись *Vatican gr.* 2005, содержит палестинскую христологическую формулу чина Соединения в литургии Василия Великого: “Ἐνωσις, τελει(ω)σις τοῦ τιμίου σώματος καὶ αἵματος. В литургии Иоанна Златоуста из *Vatican gr.* 2005 для соединения Даров используется трижды повторяемая константинопольская формула (*Jacob A. Deux formules...* P. 34, 35). В евхологии *Vatican gr.* 2324 христологическая формула имеется как в литургии Василия Великого, так и в литургии Иоанна Златоуста, причем оба раза ей предшествует традиционная константинопольская формула соединения: Πλήρωμα πνεύματος ἁγίου. “Ἐνωσις, τελειῶσις τοῦ ἀρχάντου σώματος καὶ τοῦ τιμίου αἵματος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (*Ibid.*).

¹⁸ А. Жакоб идентифицировал в итало-греческих евхологиях также “пневматологическую” формулу чина Соединения: “Ἐνωσις πνεύματος ἁγίου. В шести списках данная формула приводится в чине Соединения (в большинстве случаев для литургии Преждеосвященных Даров), а в 28 евхологиях пневматологическая формула используется на проскомидии, при приготовлении чаши с вином для литургии (см.: *Jacob A. Deux formules...* P. 52–63). Существуют многочисленные славянские свидетельства использования этой формулы на проскомидии (древнейший известный источник – служебник XIII в. *Сопф.* 518 из Российской национальной библиотеки, л. 17). Славянские списки литургии, употребляющие пневматологическую формулу в чине Соединения, нам не известны.

¹⁹ *Jacob A. Deux formules...* P. 29, 30; многочисленная литература приведена в: *Taft R. The Psecommunion Rites.* P. 384–385. Примеч. 64.

²⁰ Слово *τελειῶσις* содержат 12 списков. Единственное исключение – рукопись XII–XIII вв. *Valllicellianus G 70*, чтение которой *Πλήρωσις καὶ ἔνωσις...* по-видимому, возникло под влиянием константинопольской формулы (*Jacob A. Deux formules...* P. 50, 39).

²¹ Единственным исключением является рукопись XII в. *Paris Coislin gr.* 214, в которой фраза “Ἐνωσις τοῦ ἀρχάντου καὶ τοῦ τιμίου αἵματος Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ... приписана другой рукой на полях рукописи, в конце литургии Василия Великого (*Jacob A. Deux formules...* P. 51).

3. Чин Соединения Даров в славянских рукописях XII–XIV вв. Большинство ранних славянских рукописных служебников либо вовсе не описывают чин Соединения, опуская упоминание о вложении Святого Тела в потир, либо предписывают совершать соединение Даров “*по обычаю*”. Сведения о чине Соединения, содержащиеся в сербских служебниках, соответствуют современному обряду – иерей вкладывает Святое Тело в потир, возглашая “*Исполнение Святого Духа*”. Такая же практика зафиксирована и в большинстве рукописных служебников русского и болгарского изводов. Однако в 15 русских рукописях XII–XIV вв. и в одном болгарском служебнике XIV в. встречается сиро-палестинская формула чина Соединения “*Смешение Святого Тела и Честныя Крови Господа нашего Иисуса Христа*”²².

Как правило, сиро-палестинская формула приводится наряду с обычной константинопольской “*Исполнение Святого Духа*”, обычно впереди последней, лишь в служебнике XIII в. *Соф.* 518 из Российской национальной библиотеки и в рукописях XIV в. *Q. n. I.* 67 из той же библиотеки сиро-палестинская формула находится позади константинопольской. Рукописи, содержащие формулу “*Смешение Святого Тела и Честныя Крови...*”, составляют почти половину от общего числа русских служебников XII–XIV вв., описывающих чин Соединения: из четырех рукописей XII–XIII вв., предписывающих произнесения возгласа “*Исполнение Святого Духа*”, два приводят также фразу “*Смешение Святого Тела и Честныя Крови...*”, а из 29 русских служебников XIV в., имеющих константинопольскую формулу чина Соединения, 13 упоминают также и сиро-палестинскую. В трех случаях формула “*Смешение Святого Тела...*” содержится в литургии Преждеосвященных Даров, а в 14 случаях – в полной литургии (рукописи XIV в. *Соф.* 526 и *Q. n. I.* 67 из РНБ имеют сиро-палестинскую формулу как в литургии Иоанна Златоуста, так и в литургии Преждеосвященных).

Из всех источников XII–XIV вв. лишь в двух, служебниках XIV в. *Соф.* 526 и *Рогож. кладб.* 566, из Российской государственной библиотеки, сиро-палестинская формула приводится без константинопольской, причем оба раза в чинопоследовании литургии Преждеосвященных Даров²³. Служебники *Рогож. кладб.* 566 и *Соф.* 526 содержат тексты наиболее ранней из известных славянских версий этой литургии – древнерусской редакции²⁴. Однако,

²² Происхождение встречающейся в средневековых славянских служебниках формулы “*Смешение Святого Тела и Честныя Крови...*” из литургии Иакова неоднократно отмечалось при описании как рукописных коллекций (см.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Т. III. Ч. 1. М., 1917. С. 7; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1898. С. 56), так и отдельных рукописей (см., например: *Рубин Ю.И.* Древнейшая новгородская Литургия // *София.* 2001. № 1. С. 18).

²³ Фраза “*Смешение Святого Тела и Честныя Крови...*” без упоминания формулы “*Исполнение Святого Духа*” имеется в некоторых более поздних описаниях чина Соединения, например, хранящихся в РНБ рукописях библиотеки Соловецкого монастыря, кормчей XV–XVI в. *Сол.* 477/496, л. 261 об., требнике XVI в. *Сол.* 1085/725, л. 617 об., кормчей XVI–XVII в. *Сол.* 475/494, л. 318 об.

²⁴ Эта древнейшая славянская редакция выделена в работе: *Слуцкий А.С.* Чинопоследование вечерни литургии Преждеосвященных Даров в славянских служебниках XII–XIV вв. // *Славяне и их соседи.* М., 1996. Вып. 6. С. 119–132. Термин “древнерусская редакция” введен в статье: *Афанасьева Т.И.* К истории текста Литургии Преждеосвященных Даров в славянской рукописной традиции XII – первой половине XIV в. // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность.* СПб., 2001. Вып. 4. С. 34–46.

по всей вероятности, отсутствие фразы “Исполнение Святаго Духа” в *Рогож кладб.* 566 и в *Соф.* 526 связано не с более ранним происхождением текста, а с более краткой формой описания действий, завершающих освящение Святых Даров, в славянских списках XII–XIV вв. литургии Преждеосвященных Даров²⁵.

Рукописи XII–XIV вв. содержат, как правило, существенно более краткие рубрики (богослужебные указания), чем печатные служебники, причем текст рубрик в различных списках варьируется значительно больше текста молитв или диаконских ектений. Служебники, содержащие сиро-палестинскую формулу, по типу рубрик чина Соединения могут быть разделены на три группы. Рубрики рукописей основной группы предписывают священнику произносить слова “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...” непосредственно при погружении Тела в потир с Кровию, а затем, после диаконского призыва об “исполнении” Чаши, возглашать над Чашей со Святыми Дарами: “Исполнение Святаго Духа”. В служебниках второй группы фраза “Исполнение Святаго Духа” относится к чину Теплоты, а в чине Соединения используется формула “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...”. Остальные служебники (третья группа рукописей) не содержат точных указаний о том, когда произносятся формулы Соединения. Приведем текст чина Соединения из служебников XII–XIV вв. в порядке, соответствующем предложенной классификации.

4. Сиро-палестинская формула Соединения в славянских служебниках. Основной тип рубрик. К группе служебников с основным типом рубрик относятся семь рукописей: служебник XIII в. *Син* 604 (см. примеч. 7), а также списки XIV в. *Син.* 598, *Син.* 600, *Воскр.* 8 из ГИМа, *Соф.* 524, *Q. n. I.* 7 из РНБ и рукопись № 15472 из Ярославского музея-заповедника (далее: ЯМЗ: 15472). Приведем текст чина Соединения по рукописи *Син.* 598, л. 24–24 об., обозначая части текста буквами греческого алфавита:

А' ...пѠ вълагаи в чашю глѣть се •
 В' възмѣшение пѣчѣаго тѣла і чѣтныя крове га нашего іса хѣа •
 Г' дѣако рѣе • ісполни оѣе чѣа •
 Д' пѠ • ісполнение гѣтго дѣа •
 Е' дѣако • амѣи ...

Часть А' подвержена наибольшему варьированию. В рукописи ЯМЗ 15472 она имеет вид и *вземъ часть влагаетъ в потиръ • гѣа • глѣт.* Служебник ЯМЗ 15472 предназначен для святителя (епископа) и в соответствии с этим в рубриках служебника ЯМЗ 15472 систематически вместо священника упоминается святитель. Остальные списки содержат следующие разночтения:

пѠ] от. *Соф.* 524, *Син.* 600, *Воскр.* 8;

вълагаи] от. *Q. n. I.* 7, *въкладати Син.* 600;

в чашю] от. *Q. n. I.* 7, *хѣбъ въ чашю Соф.* 524, *хѣбъ Син.* 604, *часть Син.* 600, *Воскр.* 8;

глѣть се •] глѣть *Соф.* 524, *Син.* 604, *рѣтъ Син.* 600, *Воскр.* 8, *Q. n. I.* 7.

²⁵ Из 16 списков древнерусской редакции, кроме упомянутых *Рогож. кладб.* 566 и *Соф.* 526, описание чина Соединения имеется еще лишь в трех: *Син. тип.* 40 из Российского государственного архива древних актов и *Q. n. I.* 4, *Q. n. I.* 5 из РНБ. Во всех этих трех формулах приводится только традиционная константинопольская формула “Исполнение Святаго Духа”.

Наименьшее число разночтений имеется в ключевой части В':

взмѣшение] смѣшение все списки

прѣтаго] прѣтаго Соф. 524, стго ЯМЗ 15472, Син. 604;

ѡа •] ѡа • нынѣ Соф. 524, ѡа • и ны и пр ЯМЗ 15472.

Часть Г' в Син. 604 имеет вид дѡа. амин. • влѣв и вѣти вѣче чашю сню •••, а в Соф. 524 дѡако • пристоуплѣ • възложитѣ роукоу на роуцѣ чашн глѣ • исплани вѣче ча- шю сню. Остальные разночтения:

дѡако] от. Q. n. I. 7;

вѣче] от. Син. 600, Воскр. 8, Q. n. I. 7, глѣ ЯМЗ 15472;

ча] чашю сню ЯМЗ 15472, Син. 600, Воскр. 8, Q. n. I. 7.

В части Д' имеются разночтения:

по] от. Соф. 524, Син. 600, Воскр. 8, Q. n. I. 7 стѣ. ре ЯМЗ 15472;

исполнение] исполнениемъ Соф. 524,

а также добавление в конце:

нынѣ и присно ••• Соф. 524,

всегда и нынѣ и при ••• ЯМЗ 15472,

нынѣ и присно и въ ••• Син. 604.

В Син. 600, Воскр. 8, Q. n. I. 7 и Син. 604 часть Е' отсутствует.

Итак, чин Соединения в служебниках первой группы состоит из:

А' – указания о вложении священником Святого Тела в потир,

В' – священнического возгласа “Смешение Святого Тела и Честныя Крови...”,

Г' – диаконского призыва об “исполнении” Чаши,

Д' – священнического возгласа “Исполнение Святого Духа”,

Е' – диаконского “Аминь”.

Подчеркнем, что в части А' всех служебников первой группы содержится прямое указание о произнесении возгласа “Смешение Святого Тела и Честныя Крови...” непосредственно в момент вложения Тела в потир, а последующий возглас “Исполнение Святого Духа” отделен от этого момента диаконским призывом об “исполнении” Чаши. Разночтения списков, как правило, связаны со степенью подробности описания действий священнослужителей. Наиболее значимое разночтение – замена в древнейшем списке Син. 604 диаконских слов “исполни Чашу” (часть Г') на “благослови и освяти Чашу”.

5. Сиро-палестинская формула Соединения и чин Теплоты. В служебнике XIV в. Соф. 523 из РНБ литургическая формула “Смешение Святого Тела и Честныя Крови...” относится ко вложению Агнца в Чашу, а формула “Исполнение Святого Духа” используется в чине Теплоты. В чинопоследовании литургии Иоанна Златоуста из Соф. 523 (л. 43–43 об.) завершение освящения Чаши описано так:

...и кладе • крѣтообразнѣ • на дискѣ и въземъ ппѣ • верхнюю часть • и влѣв в потирѣ • глѣ.

смѣшение прѣтаго тѣла и чѣтныа крови га нашего іса ѡа • і ны.

дѡа • рѣть многа лѣ вѣ вѣ стѣу и чѣтнуу твоу мѣтву дарѣеть намъ многа лѣ чѣтныи вѣ •••

по ре • купно съ животомъ нашимъ •

дѡа • аминѣ •

и дѡа • ре • исполни вѣ чашю сню •

и ѿѣ оукропъ • в потиръ •
и по • гать исполнениѣ стго дха і ны • ...

После вложения Тела в потир и произнесения формулы “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...” служебник Соф. 523 предписывает священнику и диакону произнесение короткого диалога, лексика которого традиционна для русских служебников XIII–XIV вв.²⁶ Диаконский призыв к освящению Чаши и фразу священника “Исполнение Святаго Духа” писец рукописи Соф. 523 относит к чину Теплоты.

Чинопоследование литургии Преждеосвященных Даров из рукописи Рогож. кладб. 566 содержит следующее описание действий священнослужителей перед причащением (л. 31)²⁷:

...взе попъ дастъ стѣ хлѣва. і влаганѣ в поти глѣ
смѣшенѣ стго тѣ
дѣтанъ . влаганѣ оукро. рѣ ісполни вчѣ ча.
і прѣстѣса по шбѣн. ...

В Рогож. кладб. 566 отсутствует фраза “Исполнение Святаго Духа”, однако диаконский призыв об “исполнении” Чаши во всех списках чина Соединения предшествует соответствующему священническому возгласу, поэтому текст данного служебника указывает на использование константинопольской формулы Соединения при добавлении Теплоты. Отсутствие слов “Исполнение Святаго Духа”, по-видимому, связано с тенденцией к сокращению рубрик писцом рукописи Рогож. кладб. 566 (в частности, в отличие от других источников фразу “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...” писец обрывает в самом начале).

Итак, в рукописи Соф. 523 и Рогож. кладб. 566 содержат те же реплики священника и диакона В', Г', Д', что и служебники, упомянутые в предыдущем разделе. Однако в Соф. 523 и Рогож. кладб. 566 к чину Соединения относится лишь формула В'. Служебники Соф. 523 и Рогож. кладб. 566 призыв диакона Г', а рукопись Соф. 523 также и ответ священника Д', относят к чину Теплоты.

6. Сиро-палестинская формула Соединения в славянских служебниках. Текст с краткими рубриками. В чине Соединения литургии Иоанна Златоуста из служебников XIV в. Соф. 520 и Соф. 526, хранящихся в РНБ, диаконский призыв Г' (см. I. 2) предшествует священническим возгласам В' и Д', при этом указаний, определяющих момент произнесения реплик, в рубриках не содержится. В рукописи Соф. 520 (л. 30–30 об.) текст имеет вид:

²⁶ Например, во всех служебниках XII–XIV вв. русского извода, содержащих диалог после Великого Входа, приводится фраза “многа лета честный отче”, ответ священника “купно со всеми вами” содержит служебник XIV в. Рум. 398 из Российской государственной библиотеки (см.: Слуцкий А.С. Диалог священнослужителей... С. 245–249). В служебниках XIV в. из РНБ Q. n. I. 5, Соф. 520, Q. n. I. 7 диалог, почти дословно совпадающий с диалогом из Соф. 523, предписывается произносить священнику и диакону перед преломлением Хлеба, непосредственно предшествующем чину Соединения.

²⁷ Современная практика предписывает на литургии Преждеосвященных Даров опускать Тело в потир, молча, “ничтоже глаголя”. В служебниках XII–XIV вв. действия священнослужителей перед причащением на литургии Преждеосвященных сходны с соответствующими действиями на полной литургии, в частности чин Соединения, как правило, содержит формулу “Исполнение Святаго Духа”, а в трех рукописях, Рогож. кладб. 566, а также Q. n. I. 67 и Соф. 526 из РНБ, содержится фраза “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...”.

... дѣл. исполни оубѣ ча сню. по. смѣшеник прѣтаго тѣла. і чѣныа крѣве га наше іс хѣ •••
исполненик стго дха ••• ...

Соответствующая часть текста литургии Иоанна Златоуста из служебника *Соф.* 526 не имеет разночтений с *Соф.* 520, а в литургии Преждеосвященных Даров из *Соф.* 526 соединение Даров описывается еще более кратко:

... по. ѿ стго хѣба влагаѣ в потирь глѣ смѣшеник тѣла и крове хѣ ба ••• ...

Если описание соединения Даров в последовании литургии Преждеосвященных из служебника *Соф.* 526 еще может быть интерпретировано как неполная запись соответствующего момента полной литургии, то в служебнике *Q. n. I. 67* чин соединения литургии Преждеосвященных имеет иной порядок по сравнению с чином Соединения литургии Иоанна Златоуста. В литургии Преждеосвященных из *Q. n. I. 67* (л. 75 об.) сиро-палестинская формула, как обычно, предшествует константинопольской:

... и влагаѣть тѣло в чаши глѣ • смѣшеник стго тѣла и чѣныа крѣве га нашего іс хѣ • всегда и ны прѣ • исполненик стга дха аминь ••• ...

однако в литургии Иоанна Златоуста (л. 25 об.) порядок возгласов священника иной:

... и въземз часть възкладѣе въз чаши • и ре • днаконз. исполн ѿчѣ • а по • реть • исполненик стго дха • дна • аминь • по • смѣшеник прѣтаго тѣла и чѣныа крове га нашего іс хѣ • ...

В рукописи XIII в. из РНБ *Соф.* 518 формула “Исполнение Святаго Духа” также предшествует возгласу “Смешение Святаго Тела и Честныа Крови...” (л. 36):

... і реть • дѣл • исполни оубѣ • і по реть исполненик стго дха • смѣшеник стго тѣла • і крове чѣныа га нашего іс хѣ • всегда ••• ...

Рубрики служебника *Соф.* 518 не определяют момент соединения Даров, в то время как в *Q. n. I. 67* описание чина Соединения начинается с указания о вложении Тела в потир. В служебнике *Рум.* 398 (см. примеч. 26) на л. 42–42 об. описание чина Соединения также начинается с указания о вложении Тела в Чашу:

... по • д • ю часть въз потирь клада глѣ смѣшеник чѣнаго тѣла и крѣве га нашего іс хѣ. исполненик стго дха аминь...

В необычном описании чина Соединения рукописи XIV в. из РНБ *Соф.* 522 (литургия Иоанна Златоуста, л. 38 об.) указание о вложении Хлеба приводится дважды:

и въземз четвертѣю часть тѣла • и възкладѣеть въз чаши глѣ • смѣшеник прѣтаго тѣла • и чѣныа крове га нашего іс хѣ • и реть • дѣл • оуларь положе • исполни оубѣ чаши сню а по възклада в потирь глѣ • исполненик стго дха всегда и ны • дѣл • цѣлаца оуларь глѣ аминь •••.

Итак, служебники русского извода XII–XIV вв., содержащие сиро-палестинскую форму чина Соединения, имеют разнообразный состав рубрик, однако саму фразу “Смешение Святаго Тела и Честныа Крови...” все русские списки приводят в одной и той же грамматической форме – эта часть текста чина Соединения содержит наименьшее количество разночтений.

В единственном известном нам южнославянском свидетельстве сиро-палестинской формулы чина Соединения, служебнике болгарского извода XIV в. *Увар.* 46 из ГИМа как фраза “Смешение Святаго Тела и Честныа Крови...”, так и константинопольская формула “Исполнение Святаго Духа” (литургия Иоанна Златоуста, л. 38 об.) имеют иную грамматическую конструкцию:

...и влагаеть въ чашѣ • и прѣкрѣщаетъ • гл҃а • смѣшается ꙗ҃чѣнное тѣло и крѣзъ га ба спа
нашего въ исполненіе ст҃го д҃ха •: • ...²⁸

Эта же фраза (с единственным разночтением ꙗ҃чѣнное – чѣнное) содержится в служебнике *Увар.* 46, также и в тексте литургии Василия Великого.

II. Чин теплоты

1. Чин Теплоты в византийских источниках. Два наиболее ранних свидетельства о литургической Теплоте относятся к V и VI вв. В 591 г. император Маврикий (582–602) вызвал в Константинополь армянского католикоса Моисея II Эгивартедзе (574–604). Католикос ответил императору: “Я далек от мысли перейти пограничную реку Азат и вкусить кислого хлеба (*p'urmid*) и пить теплую воду (*t'ermon*)”²⁹. Другое свидетельство – письмо Раввулы, епископа Эдесского (411/12–435/6), в котором он не порицает обычая вливать в Чашу горячую воду³⁰. Однако затем на протяжении более чем пятивекового периода источники ничего о литургической Теплоте не сообщают³¹. Первые упоминания о Теплоте в византийских памятниках относятся к XI в., причем в литургических текстах первые свидетельства о Теплоте появляются лишь в XII в.

Современная, трехчленная структура чина Теплоты:

A' – диаконский призыв к благословению Теплоты
 (“Благослови, владыко, Теплоту”),

B' – иерейское благословение

(“Благословенна Теплота святых Твоих...”),

Г' – формула, произносимая при вливании Теплоты

(“Теплота веры...”),

появляется с XIV в. Древнейшие рукописные литургические источники чина Теплоты, относящиеся к XII в., части Г' не содержат, однако формула Г' (без A' и B') имеется уже в евхологии *Patmos* 709 (1260 г.)³². Наиболее ранние источники указывают при вливании Теплоты произносить фразу “ζέσις πνεύματος ἁγίου”, уже с XIII в. имеются евхологии, содержащие формулу “ζέσις πίστεως πνεύματος ἁγίου”, с XIV в. находятся рукописи с вариантом “ζέσις πλήρης πίστεως πνεύματος ἁγίου”, близким к современному тексту “ζέσις πίστεως, πλήρης πνεύματος ἁγίου”, появляющемуся в рукописных источниках начиная с XV в.³³ В некоторых евхологиях чин Теплоты содержит дополнительную часть:

Δ' – завершающий тропарь.

²⁸ Отметим совпадение *Увар.* 46 с древнейшими списками *Barberini gr.* 336 и *St. Peterburg gr.* 226 (см. примеч. 10), наличие предлога *въ* в формуле “Исполнение Святаго Духа”.

²⁹ *Garitte G.* La Narratio de rebus Armeniae. Édition critique et commentaire (Corpus scriptorum Christianorum orientaliū 132 – Subsidia 4). Louvain, 1952. P. 226, 227 sqq.; здесь цит. по: *Киприан (Керн), архим.*, Евхаристия. Париж, 1947. С. 308.

³⁰ *Taft R.* The Precommunion Rites. P. 452.

³¹ Р. Тафт отмечает (*The Precommunion Rites.* P. 453), что ошибочным является неоднократно повторенное в литературе мнение (см., например: *Киприан (Керн)*. Евхаристия. С. 308), согласно которому о литургической Теплоте свидетельствует также и житие Федора Сикеона († 613).

³² *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 2. Εὐχρηθολόγια. Киев, 1901. С. 131.

³³ *Taft R.* The Precommunion Rites. P. 477, 478.

В качестве части Δ' чаще всего встречается тропарь 4-й песни канона на Пятидесятницу Иоанна Дамаскина “*Баню божественную пакибытия...*”, иногда тропарь 9-й песни канона воскресной утрени 5-го гласа “*Божественною Кровию...*”, упоминается также “*кровь, огонь и курение дыма*” (Иоиель 2:30)³⁴.

Центральный вопрос истории чина Теплоты – время появления этого обряда в византийском богослужении. С одной стороны, существует два свидетельства о Теплоте, относящиеся к V–VI вв., с другой стороны, не известно ни одного упоминания о Теплоте за последующие пять веков. Возможны различные варианты объяснения этой ситуации. Прежде всего следует отметить, что источники V–VI вв. не указывают прямо на обряд добавления теплой воды в уже освященную Чашу со Святыми Дарами. Поэтому свидетельство католикоса Моисея II может быть отнесено к восходящему еще к античности византийскому обычаю нелитургического употребления вина, разбавленного теплой водой³⁵. Однако Л. Грондис предполагает существование чина Теплоты в VI в. и связывает его появление с поддержкой императором Юстинианом (527–565) учения автародокетов, сформулированного Юлианом Галикарнаским († после 527 г.). По Грондису, после признания доктрины автародокетов еретический чин Теплоты угасает и возобновляется лишь в XI в. в связи с широким распространением учения Никиты Стифата (ок. 1005 г. – ок. 1090 г.) о нетленности Тела Спасителя, связанной с действием Святого Духа³⁶. Р. Тафт считает более вероятным, что Моисей II и Раввула Эдесский говорят об обычае добавлять теплую воду в еще неосвященную Чашу на проскомидии, и относит возникновение чина Теплоты к XI в., полагая неслучайным единовременное появление и богословского объяснения чина Теплоты у Никиты Стифата и первых упоминаний о Теплоте в евхологиях³⁷. Вместе с тем Р. Тафт отмечает, что хотя упоминания о Теплоте в евхологиях до XII в. совершенно отсутствуют (в том числе и в рукописях, имеющих подробные рубрики, описывающие действия священнослужителей), молчание источников может быть объяснено и тем, что смешение вина с теплой водой соответствует обычной, нелитургической практике и поэтому при служении литургии могло проводиться без какого-либо символического истолкования и не фиксироваться в евхологиях³⁸.

2. Чин Теплоты в славянских рукописях XIII–XIV вв. Большинство служебников русского извода XII–XIV вв. никаких упоминаний о Теплоте не содержат. Чин Теплоты приводится только в 9-ти рукописях – в служебнике XIII в. *Соф.* 518, а также в кодексах XIV в. *Соф.* 523, *ОЛДП Q.* 110, *Q. n. I.* 60, *Q. n. I.* 67, *Пог.* 36 из РНБ, *Син.* 601, *Син.* 952 из ГИМа и *Тр. Серг.* 8 из РГБ. Последние семь служебников содержат чин Теплоты в обычной для источников XIV в. виде: *Син.* 601, *ОЛДП Q.* 110, *Пог.* 36, *Q. n. I.* 60 содержат часть А' и часть Г' в форме “*Теплота Святаго Духа*”³⁹, остальные три –

³⁴ Ibid. P. 480–482.

³⁵ Ibid. P. 467.

³⁶ Grondijs L.N. La mort du Christ et le rite de zéon (Réponse à la critique de M.A. Grillmeier) // Byzantion. 1953. T. 23. P. 251–274.

³⁷ Taft R. The Precommunion Rites. P. 501.

³⁸ Ibid. P. 473.

³⁹ В *ОЛДП Q.* 110 – “*Теплота Духа Святаго*”.

только часть Г' (*Тр. Серг.* 8 – “Теплота Святаго Духа”, *Q. n. I.* 67 – “Теплота Духа Святаго”, *Син.* 952 – “Теплота дар Святаго Духа”).

В двух рукописях чин Теплоты имеет особую форму. Свидетельство служебника *Соф.* 523 подробно обсуждалось в предыдущем разделе, поскольку в этой рукописи предписывается при добавлении Теплоты произнесение фразы “Исполнение Святаго Духа”, обычно используемой при вложении в потир Агнца. В служебнике *Соф.* 518 о Теплоте говорится так (л. 36):

... дѣѣ вѣлѣваѣтъ • водоу • глаѣ • се •
гѣниде гѣ яко дѣзжѣ на роуѣно и яко капла на зѣмлю каплюща •
весегда...

Вторая строка является стихом 6 псалма 71. Другие славянские и греческие источники, предписывающие произнесение Пс. 71:6 при добавлении в чашу Теплоты, нам не известны.

Из всех славянских служебников XII–XIV вв. наиболее часто чин Теплоты встречается в рукописях сербского извода. О Теплоте упоминают источники второй половины XIII в. *Q. n. I.* 48 (литургия Иоанна Златоуста), *Q. n. I.* 68 из РНБ, а также служебники XIV в. *Увар* 574 из ГИМа, *Пог.* 37 из РНБ, *Хиландар* 316 из Хиландарского монастыря на Афоне и хранящиеся в Сербии служебники XIV в.: *Дечани* 119, *Дечани* 120, *Дечани* 121, *Дечани* 122, *Дечани* 123, *Дечани* 127, *Дечани* 130 из монастыря Дечаны⁴⁰, *Рс* 694 из Народной библиотеки (Белград), *Ђоровић* 7 из библиотеки Белградского университета, *Крушедол Ж IV* 64 из монастыря Крушедол⁴¹, *Никољац* 18 из монастыря Николяц.

Чаще всего чин Теплоты в сербских служебниках XIII–XIV вв. имеет обычную трехчленную структуру без указания конкретной формулы иерейского благословения (В') и с фразой “Теплота Духа Святаго”, произносимой при вливании Теплоты. Вот как, например, изложен чин Теплоты литургии Иоанна Златоуста в кодексе *Дечаны* 119 (л. 31 об.):

А' ...и принесенноу топломоу • принеси гѣ глѣтъ • къ нерен •
блѣвы блѣко топлоу.
В' іерей же вѣлѣваѣтъ •
Г' діаконъ же дѣзже лѣвоу роуѣноу стѣоу чашоу •
дѣкѣтъ топлоу • елико кѣ доволно •
на ними же глаѣ іерей • топлота дѣа стѣо •
діаконъ же амнѣ • ...

Сходный текст содержится и в служебниках *Хиландар* 316, *Дечани* 122, *Дечани* 123, *Дечани* 127, *Дечани* 130, *Никољац* 18, *Крушедол Ж IV* 64.

В *Рс* 694 (л. 16) чин Теплоты имеет более краткую форму:

А' ...и прие діѣ оукропѣ. и възрѣвъ на сѣнника. глаѣ.
блѣвн блѣко оукропѣ.
Г' ппѣ. топлота стѣо дѣа. діѣ. амнѣ.

В таком же виде приводится текст чина Теплоты в служебниках *Увар.* 574, *Q. n. I.* 48, *Q. n. I.* 68 и в литургии Василия Великого из *Дечани* 120, а в литургии Василия Великого из *Ђоровић* 7 и в *Пог.* 37 отсутствует не только часть В', но и А'.

⁴⁰ В настоящее время все служебники XIV в. из монастыря Дечаны, находящегося на северо-западе Косово, хранятся в Народной библиотеке Сербии (Белград).

⁴¹ В настоящее время хранятся в музее Православной церкви Сербии (Белград).

В трех сербских служебниках, *Дечани* 120 (литургия Василия Великого и литургия Иоанна Златоуста), *Дечани* 121 и *Ђоровић* 7 (литургия Иоанна Златоуста) содержится часть Δ' чина Теплоты (тропарь 4-й песни канона на Пятидесятницу Иоанна Дамаскина “*Барю божественную пакибытия...*”), а также указывается формула священнического благословения в части В'. В литургии Иоанна Златоуста из *Дечани* 120 и *Дечани* 121 чин Теплоты имеет следующие вид:

<p><i>Дечани</i> 120 (л. 34–34 об.)</p> <p>А' ...приносимѣи же топлѡѣ. дѣлѣко глѣ. блѣви влѣко топлотоу.</p> <p>В' пѣ. блѣвивь роуком глѣ. блѣнь бѣ блѣвен и шщѣакѣ всѣчѣкаа своѣю блѣтнѣю всегѣа •:•</p> <p>Г' и вьливѣакѣ. кѣже доволнок вь сѣти потырѣ глѣ. топлота сѣтѣо дѣлѣа мѣн. чѣа. глѣ</p> <p>Δ' блѣни бѣжѣтвнѣоу порождѣнѣа словѣо чрѣпавь сьложеникѣ кѣстѣва. тоучно нѣстѣакѣши ми сѣроуи из нѣтлѣбнѣнаго ти прободѣннаго ребѣра ш бѣжѣнѣкѣ сло. назнаменѣакѣ разгорѣнѣкѣ дѣлѣа...</p>	<p><i>Дечани</i> 121 (л. 21 об.)</p> <p>... и вѣзьмѣ дѣлѣакѣ оукропѣ. глѣкѣть кѣ иерѣн. блѣви влѣко топлотоу. иерѣн же блѣвѣнѣть глѣ. блѣнь бѣ живѣви. вѣсѣгѣа нѣнѣа и прѣно и •:• дѣлѣа мѣнѣнѣ.</p> <p>и вьливѣакѣ оукропѣ дѣлѣа вѣ сѣти потырѣ глѣнѣцоу. иерѣн. блѣни бѣжѣтвнѣоу порѣждѣнѣнѣа словѣомѣ чрѣпавь сьложѣннѣоу кѣстѣвоу. тоучно нѣстѣакѣши ми сѣроуи. изъ нѣтлѣбнѣнѣхѣа прободѣннѣи тѣвѣнѣхѣу ребѣрь ш бѣжѣнѣкѣ слово. нѣапѣчатлѣкѣ топлѣтомѣ дѣлѣа •:• ...</p>
--	---

Текст чина Теплоты в литургии Иоанна Златоуста из рукописи *Ђоровић* 7 (л. 49 об.–50) почти полностью совпадает с текстом из *Дечани* 121: единственное лексическое различие — различие *нѣнѣа* и *прѣно и*] и *нѣнѣа* (часть В'). Текст чина Теплоты литургии Василия Великого из рукописи *Дечани* 121 части А' и В' не содержит. Начинается он так (л. 42):

...и вьливѣакѣ оукропѣ глѣкѣть. топлота сѣтѣо дѣлѣа дѣлѣа мѣнѣнѣ. чѣа иерѣн глѣкѣть.

Далее следует часть Δ', тропарь канона на Пятидесятницу, совпадающая с соответствующей частью чина Теплоты литургии Иоанна Златоуста.

Таким образом, из трех рукописей, имеющих в чине Теплоты тропарь “Баню божественную пакибытия...”, наиболее полный порядок действий приходится в литургии Иоанна Златоуста из служебника *Дечаны* 120: текст чина Теплоты содержит все четыре элемента А' – Д'. В литургии Иоанна Златоуста из *Дечаны* 121 и *Боровић* 7 отсутствует возглашение “Теплота Духа Святаго” (элемент Г'), а в литургии Василия Великого из рукописи *Дечаны* 121 – благословение Теплоты (части А' и В').

В других славянских служебниках XIII–XIV вв. 4-я песня канона св. Иоанна Дамаскина на Пятидесятницу в тексте чина Теплоты не упоминается, однако многочисленные свидетельства употребления тропаря “Баню божественную пакибытия...” в чине Теплоты имеются в русских рукописях XVI в.⁴²

Указания о Теплоте содержат четыре служебника XIV в. болгарского извода – № 231 Софийской народной библиотеки, *Зограф*. 1. г. 12 из Зографского монастыря на Афоне, а также упоминаемые ранее *Увар*. 46 и *Q. n. I. 48* (литургия Василия Великого)⁴³, причем текст формулы Г', произносимой при добавлении Теплоты, в этих рукописях различается. В *Q. n. I. 48* (л. 16):

... и вѣнвалъ ѹкропъ глѣ. топлота стго дха діакѡ. аминъ...

в № 231 Софийской народной библиотеки (л. 33 об.) и в *Зограф*. 1 г. 12 (л. 46 об.), литургия Иоанна Златоуста⁴⁴:

...діакон • вѣи вѣжкѡ тѡплатѡж • и сѣнникѡ ѹвѡ вѣлѣбѣ тѡж глѣ • изліаніе стгѡ дха аминъ...

в № 231 Софийской народной библиотеки (л. 55 об.) и *Зограф*. 1. г. 12 (л. 68), литургия Василия Великого⁴⁵:

...та вѣнвалѣ тѡплатѡж глѣ • тѡплатѡ дарѡ стгѡ дха аминъ...

В *Увар*. 46 чин Теплоты имеет следующую необычную редакцию (л. 40, литургия Иоанна Златоуста⁴⁶):

В' ...и приеъмь ѹкроп. и вѣнвалѣтъ вѣ чашѡж. глѣ.
вѣкѣнь вѣ на

Г' топлота вѣды и дха стго ам' ••

Д' сѣгрѣкѣса срѣце мое вѣ мнѣ
и вѣ поученіе мое разгорѣ огнь. всегда ннѣ...

Здесь, в отличие от всех других известных нам славянских и греческих источников, частью Д' является стих 4 псалма 38.

⁴² Тропарь “Баню божественную пакибытия...” приводится, например, в служебниках *Син.* 680, *Син.* 909, *Син.* 310 из ГИМа, № 15471 из Ярославского музея-заповедника, *Сол.* 1023 из РНБ.

⁴³ Чин Теплоты литургии Иоанна Златоуста относится к части рукописи *Q. n. I. 48*, написанной во второй половине XIII в. сербским писцом. Часть, содержащая чин Теплоты литургии Василия Великого – болгарская, третьей четверти XIV в., см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 327–328.

⁴⁴ Текст № 231 Софийской народной библиотеки приводится по изданию: *Коцева Е.* Евтимиев служебник. София, 1985. С. 110. Чин Теплоты в *Зограф*. 1. г. 12 совпадает с № 231 Софийской народной библиотеки, см.: *Сырку П.А.* К истории исправления книг в Болгарии. Т. 1: Литургические труды патриарха Ефимия Тырновского. Вып. 2. Тексты. СПб., 1890. С. 43.

⁴⁵ *Коцева Е.* Евтимиев служебник. С. 154; *Сырку П.А.* К истории исправления книг... С. 54.

⁴⁶ В служебнике *Увар*. 46 форма чина Теплоты литургии Василия Великого (л. 68) полностью совпадает с формой чина Теплоты литургии Иоанна Златоуста.

3. Место чина Теплоты в чинопоследовании литургии. Наряду с указанием о произнесении стиха “*Согреяся сердце мое во мне...*” чин Теплоты в *Увар. 46* имеет еще одну уникальную особенность, не встречающуюся в других известных нам славянских служебниках. Обычно в средневековых рукописных источниках место чина Теплоты в чинопоследовании литургии соответствует современному богослужению. Теплота добавляется в Чашу после соединения Даров, а сразу после прибавления Теплоты происходит причащение священнослужителей – сначала Святым Телом, а затем Святой Кровию. Однако в *Увар. 46* указан иной порядок священнодействий. После соединения Даров служебник *Увар. 46* предписывает священнослужителям не совершение чина Теплоты, а причащение Святым Телом. Лишь затем следует чин Теплоты, по завершении которого священнослужители причащаются из Чаши, причем такой порядок священнодействий указан в *Увар. 46* как для литургии Иоанна Златоуста (л. 38 об.–40) так и для литургии Василия Великого (л. 66 об.–68).

Этот порядок чинопоследования литургии содержится лишь в нескольких греческих евхологиях, причем все они имеют *южноитальянское происхождение*⁴⁷. Таким образом, свидетельство служебника *Увар. 46* имеет весьма важное историко-литургическое значение. Чин Теплоты является принадлежностью исключительно византийской литургии, и ни в какой иной литургической традиции он не встречается⁴⁸. Поэтому, в отличие от изучаемого ранее чина Соединения, совпадение порядка священнодействий предписываемого славянским служебником *Увар. 46* с литургическим обычаем, зафиксированным лишь в Южной Италии, не может быть объяснено заимствованием в том и в другом случае ближневосточного обряда. Так как никаких иных, не итало-греческих источников, указывающих на данный порядок священнодействий, нам не известно, свидетельство рукописи *Увар. 46* указывает на возможность прямой зависимости славянского богослужения от итало-греческой традиции.

III. Заключение

1. Чин Теплоты в ранних славянских рукописных источниках. Первые записи, относящиеся к литургической Теплоте, появляются в греческих евхологиях лишь с XII в. Для исследования вопроса о времени фактического появления Теплоты в православном богослужении необходим сравнительный анализ всех самых ранних литургических текстов, содержащих упоминание о Теплоте, т.е. греческих евхологий XII–XIII вв. и славянских служебников XIII–XIV вв. Ранние славянские источники выявляют важную особенность первоначальных свидетельств о Теплоте – существенное разно-

⁴⁷ Taft R. The Precommunion Rites. P. 473.

⁴⁸ Указание о Теплоте в позднем (XVII в.) славянском списке литургии Иакова из библиотеки Российской академии наук (рукопись 16. 3. 13, л. 138 об.) несомненно является результатом позднейшей правки, о которой в конце текста литургии сказано: *преведѣнна еуфиліємъ, патріархомъ терновскимъ, з грѣческаго на славѣскій языкъ. Исправлена же и исправованна, іеромонахомъ, іованііємъ грѣкомъ.* Автор правки, старец Иоанникий, считался келарем московского Новоспасского монастыря, приехал в Россию в 1618 г. и умер в 1630 г. (см.: Сырку П.А. К истории исправления книг... С. XC1).

образии связанных с Теплотой литургических формул. Наряду с наиболее часто встречающейся фразой “Теплота Святаго Духа” (“Теплота Духа Святаго”), в служебниках XIII–XIV вв. к чилу Теплоты относятся также формулы “Теплота дар Святаго Духа”, “Теплота излияние Святаго Духа”, “Исполнение Святаго Духа”. Служебник XIII в. *Соф.* 518 предписывает при добавлении Теплоты произносить стих 6 псалма 71, а в рукописи *Увар.* 46 возгласение “Теплота веры и Духа Святаго” сопровождается стихом 4 псалма 38. Три сербских служебника содержат в чине Теплоты тропарь 4-й песни канона на Пятидесятницу Иоанна Дамаскина.

Разнообразие литургических формул, сопровождающих добавление Теплоты, указывает на то, что чин Теплоты существовал задолго до первых свидетельств о нем в литургических рукописях. Появление учения Никиты Стифата привлекло внимание к символическому значению Теплоты, а также, по-видимому, и привело к фиксации чина Теплоты в богослужебных книгах. Отсутствие упоминаний о Теплоте в значительной части служебников XIII–XIV вв. можно считать одним из проявлений общей тенденции – ранние литургические рукописи опускают описание кратких богослужебных действий, хорошо известных священнослужителям и выполняемых ими в соответствии с установившейся традицией.

2. Сиро-палестинский чин Соединения в славянской рукописной традиции. Замечательной особенностью рукописных славянских служебников является наличие в них архаичных элементов сиро-палестинского богослужения, как правило, отсутствующих в византийских источниках⁴⁹. Один из таких элементов, возглас священника “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...”, произносимый при вложении Тела в Чашу с Кровию, и вовсе не встречается в греческих списках литургий Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных Даров, за исключением нескольких рукописей южноитальянского происхождения.

Письменные источники показывают широкое распространение сиро-палестинской формулы “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...” в Древней Руси уже в начале XIII в.: эту фразу содержит как новгородский служебник *Соф.* 518, так и галицко-волынский *Син.* 604⁵⁰. В славянской традиции сиро-палестинская формула Соединения представлена почти исключительно русскими списками⁵¹, причем фраза “Смешение Святаго Тела и

⁴⁹ Наряду с формулой “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...” к таким элементам относятся в частности молитвы литургии Иакова, находящиеся в славянских списках литургии Иоанна Златоуста: “По множеству грехов моих...” (например, в *Син.* 604, *Соф.* 520, *Соф.* 524, *Q. n. I.* 7, *Рум.* 399 и др.), “От силы в силу и мы грешные и недостойные...” (в *Соф.* 518, *Соф.* 524 и др.), “Господи Боже наш, приимый Авелевы дары и Ноевы и Аироновы...” (в *Соф.* 520, *Сол.* 1016), “Владыко, животворяй, благодетелю, давший нам надеяние жизни вечныя...” (в *Син.* 598, *Соф.* 520, *Соф.* 523, *Соф.* 526 и др.), “Благодетелю всякой твари...” (в *Сол.* 1023), “Боже вседержителю, великоименитый...” (в *Соф.* 523).

⁵⁰ О принадлежности *Син.* 604 к памятникам галицко-волынской письменности см.: *Соболевский А.И.* Очерки из истории русского языка // *Университетские известия.* Киев, 1884. № 12. С. 24–32.

⁵¹ Болгарский служебник XIV в. *Увар.* 46 (см. I. 6) является единственным известным нам исключением.

Честныя Крови...” в некоторых источниках сохраняется в чине Соединения вплоть до XVII в.⁵²

Следует отметить значительное разнообразие рубрик чина Соединения в рукописях, содержащих христологическую формулу, при достаточно стабильном тексте самой фразы “*Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...*”, почти всегда записанной полностью, без сокращения⁵³. Стабильность формулы “*Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...*” и в частности необычный перевод греческого слова “*ἕνωσις*” славянским “*гмешенне*”⁵⁴ доказывают единство происхождения славянского текста христологической формулы Соединения во всех древнерусских источниках, относящихся к литургии Иоанна Златоуста и Преждеосвященных Даров, в том числе и в более поздних списках XV–XVII вв.⁵⁵ Разнообразие рубрик, по-видимому, объясняется фиксацией в древнерусских источниках XII–XIV вв. процесса наложения на изначальную практику произнесения при соединении Даров фразы “*Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...*” появившимся затем обрядом, использующим формулу “*Исполнение Святаго Духа*”. Столкновение двух традиций и привело к возникновению различных местных обычаев использования двух формул соединения Даров.

3. Происхождение славянской версии сиро-палестинского чина Соединения. Наличие фразы “*Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...*” в самых ранних известных сейчас древнерусских списках литургии (рукописях XII–XIII вв.), происходящих из различных частей Киевской Руси, указывает на широкое распространение сиро-палестинского варианта формулы

⁵² Древнейший славянский источник христологической формулы Соединения – служебник XII–XIII вв. *Син.* 604 (см. примеч. 7), по-видимому, наиболее поздний – хранящаяся в РНБ кормчая книга XVI–XVII вв. *Сол.* 475/494 (см. примеч. 23). Отметим, что хотя упоминавшиеся в примеч. 23 источники принадлежат библиотеке Соловецкого монастыря, употребление формулы “*Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...*” в XVI–XVII вв. не было только местным соловецким обычаем. В частности, рукопись *Сол.* 475/494, согласно записи на первом листе, была передана в Соловецкий монастырь из Троице-Сергиевой Лавры. Сохранение сиро-палестинской формулы Соединения, вопреки общепринятой практике, зафиксированной в многочисленных списках чинопоследования литургии, по-видимому, явилось результатом устойчивости и консервативности устной богослужбной традиции.

⁵³ Единственное исключение – сокращенная запись формулы “*Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...*” в тексте литургии Преждеосвященных Даров из служебника *Соф.* 526.

⁵⁴ Славянскому “*гмешенне*” более соответствует греческое слово “*κράσις*”, тогда как греческому “*ἕνωσις*” – славянское “*гоєднєнєнє*”. Именно как *гоєднєнєнє* переведено слово *ἕνωσις* в списках последования проскомидии литургии Иоанна Златоуста, например в рукописи XIII в. *Соф.* 518, л. 17 (примеч. 18). Славянские списки литургии Иакова также переводят в чине Соединения *ἕνωσις* как *гоєднєнєнє*, в частности фразу “*Соединение Святаго Тела...*” имеет список литургии Иакова середины XVI в. в рукописи *Пог.* 298 (л. 36) из РНБ (об этой рукописи, содержащей также весьма редко встречающийся текст славянской литургии св. апостола Петра, см.: *Slucki A. New Evidence of the Slavonic Liturgy of St. Peter // Byzantinoslavica. 1995. LVI. P. 601–604*), в сборнике XVII в. *Соф.* 104 (105) из Национальной библиотеки Украины (л. 128), а также списки литургии Иакова, относящиеся к XVII в. и приведенные в книге: *Сырку П.А. К истории исправления книг...* С. 212.

⁵⁵ Некоторые источники XV–XVII вв. упомянуты в примеч. 23, см. также перечень служебников, содержащих христологическую формулу, в книге: *Дмитриевский А.А. Богослужение в Русской церкви в XVI в. Казань, 1884. С. 124.*

Соединения уже в домонгольский период. Раннее возникновение славянской версии христологического чина Соединения Даров затрудняет определение обстоятельств его появления в древнерусском богослужении. Известный рукописный материал указывает на отсутствие прямой зависимости русских списков христологической формулы чина Соединения от южноитальянских евхологиев⁵⁶. Во-первых, отличительной чертой всех итало-греческих источников является наличие во фразе “Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...” слова $\tau\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\omega\sigma\iota\varsigma$ (см. примеч. 20), однако ни в одном известном нам славянском списке вариант “ $\epsilon\nu\omega\sigma\iota\varsigma \tau\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\omega\sigma\iota\varsigma$...” не встречается. Во-вторых, в итало-греческих евхологиях иногда присутствует пневматологическая формула чина Соединения: “ $\epsilon\nu\omega\sigma\iota\varsigma \lambda\nu\epsilon\acute{\upsilon}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma \acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\upsilon$ ”. Славянские служебники пневматологической формулы в чине Соединения не имеют (см. примеч. 18). В-третьих, большинство (11 из 13-ти) итало-греческих евхологиев содержат указание о произнесении христологической формулы Соединения после причащения священнослужителей, при подготовке Чаши к причащению народа. Ни один славянский источник такого порядка священнодействий не приводит.

Одним из вероятных мест заимствования сиро-палестинского обряда является Синай⁵⁷. В связи с возможным синайским происхождением славянского варианта христологической формулы чина Соединения упомянем также другие особенности, свидетельствующие о связи ранней славянской христианской традиции с Ближним Востоком: неоднократно отмеченное сходство оформления древнейших глаголических книг не с византийскими, а с сиро-палестинскими памятниками⁵⁸, а также наличие необычной молитвы предложения в одном из древнейших славянских литургических источников – глаголической рукописи XI в. *Folia Sinaitica* (РНБ, Глаг. 2). Эта молитва имеется в богослужении коптов, в *Folia Sinaitica* она находится перед анафорой литургии Иоанна Златоуста⁵⁹. (Отметим, что греческие списки этой молитвы имеют южноитальянское происхождение⁶⁰.)

Христологическая формула чина Соединения в ряду других иерусалимских богослужебных обычаев могла также появиться в древнерусском богослужении через Корсунь. Участие корсунского духовенства в христианском просвещении Руси зафиксировано в русских летописях⁶¹. На связь Херсоне-

⁵⁶ Ср.: *Jacob R. Deux formules...* P. 52.

⁵⁷ Ср.: *Taft F. The Precommunion Rites.* P. 395.

⁵⁸ *Мавродинова Л.* Образците внимание на старобългарската ръкописна книга и нейните паралели и други изкуства // *Славянска палеография и дипломатика.* Т. 2. София, 1985. С. 193–214; *Прохоров Г.М.* Глаголица среди миссионерских азбук // *Труды Отдела древнерусской литературы.* 1992. Т. 45. С. 199.

⁵⁹ По-видимому, впервые сходство *Folia Sinaitica* с коптским обрядом отмечено в статье *Khs.-Burmester O.H.E.* An Offertory–Consecratory Prayer in the Greek and Coptic Liturgy of Saint Mark // *Bulletin de la Société d'Archéologie Copte.* 1963–1964. Vol. 17. P. 22–23. В связи с изучением раннеславянского богослужения эта работа О. Хаджи-Бурместера обсуждается в статье: *Лурье В.М.* Святой Кирилл перед мощами святого Климента // *Общого и специфичного в балканските култури до края на XIX век.* Сборник в чест на 70-годишнината на проф. Василка Тъпкова-Займова, София, 1999. С. 62–86.

⁶⁰ *Parenti S.* Influssi italo-greci nei testi eucaristici bizantini dei “Fogli Slavi” del Sinai (XI sec.) // *Orientalia Christiana Periodica.* 1991. Vol. 57. P. 145–177.

⁶¹ В частности, об участии “попов корсунских” в крещении киевлян в 988 г. сообщает Лаврентьевская летопись (см.: *Полное собрание русских летописей.* Т. 1. Л., 1926. С. 116–117).

са с богослужебной традицией Иерусалима указывает в частности известная легенда о семи епископах иерусалимских⁶², а также историко-литургические свидетельства, относящиеся к IX в.⁶³

Широкое распространение сиро-палестинского чина Соединения в древнерусском богослужении указывает на то, что его источник, по всей вероятности, должен был иметь фундаментальное значение в формировании литургической традиции на Руси. В этой связи важным обстоятельством является наличие южнославянского списка христологической формулы чина Соединения, рукописи болгарского извода *Увар. 46*. Редакция чина Соединения, представленная служебником *Увар. 46*, отличается от русской (“смешение – смешается”, “во исполнение – исполнение”), причем в *Увар. 46* сохраняются варианты, имеющие параллели лишь с древнейшими рукописями. Чтение “во исполнение” содержится только в самых ранних византийских евхологиях (см. I. 1), а глагольная форма вместо существительного ἔνωσις в чине Соединения Даров употребляется в древнейших грузинских списках литургии Иакова⁶⁴. Рукопись *Увар. 46* наряду с христологической формулой чина Соединения имеет весьма существенную особенность, не известную нам более ни в одном славянском списке литургии: согласно *Увар. 46*, Тепло́та добавляется в Чашу не до, а после причащения священнослужителей Святым Хлебом. Такой порядок чинопоследования указан лишь в некоторых греческих рукописях итало-греческого происхождения (см. II. 3). Хотя другие уникальные особенности служебника *Увар. 46*, наличие псалма 38 в чине Тепло́ты и глагольной формы в чине Соединения, не имеют соответствия в итало-греческих рукописях, а особая итало-греческая форма христологической формулы Соединения (“Ἐνωσις τελείωσις...”) не соответствует тексту *Увар. 46*, тем не менее факт совпадения порядка священнодействий при добавлении Тепло́ты является весомым свидетельством зависимости традиции, представленной служебником *Увар. 46*, от богослужения Южной Италии⁶⁵.

С одной стороны, близкая лексика формулы соединения Даров в *Увар. 46* и в русских списках, а с другой стороны, уникальные особенности *Увар. 46* позволяют предположить как наличие двух независимых путей проникновения сиро-палестинской формулы соединения Даров в славянское

⁶² См., например: Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. I. М., 1994. С. 110–112, 325–329.

⁶³ О сиро-палестинских богослужебных обычаях Херсонеса, нашедших отражение в Корсунской легенде, сказании об обретении в 861 г. мощей св. Климента Римского св. Кириллом, см.: Лурье В.М. Святой Кирилл перед мощами святого Климента.

⁶⁴ Tarchnishvili M. Liturgiae Ibericae antiquiores. I: Textus. Louvain, 1950 (Corpus scriptorum christianorum orientaliū. 122). P. 19; Кекелидзе К. Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис, 1908. С. 19. Отметим, однако, что существование в XIV в. греческих рукописей, имеющих в чине Соединения архаичную глагольную форму, засвидетельствовано славянским переводом литургии Иакова, выполненным Евфимием Тырновским. Сохранившая этот перевод рукопись 16. 3. 13 библиотеки Российской академии наук (см. примеч. 48) содержит формулу “Соединяется пресвятное и пречистое Тело и Кровь...” (л. 130 об.).

⁶⁵ Отметим, что на возможную связь ранней славянской литургической традиции с Южной Италией указывает и упомянутая ранее молитва предложения в *Folia Sinaitica*, в греческом случае связанная с евхологиями, имеющими итало-греческое происхождение (см.: Parenti S. Influssi italo-greci... P. 156–161).

богослужение (один привел к появлению христологической формулы в русских списках, другой – в служебнике *Увар. 46*), так и южнославянское происхождение формулы “*Смешение Святаго Тела и Честныя Крови...*” в древнерусских служебниках, причем в этом случае южнославянская традиция, скорее всего, являлась бы промежуточным звеном между Южной Италией и Русью. Отметим также, что особенности чинов Соединения Даров и Теплоты в *Увар. 46* не известны нам более ни в одном славянском списке, поэтому выводы, основанные на свидетельстве этого *единственного* южнославянского источника христологической формулы Соединения, не являются достаточно твердо обоснованными. Таким образом, вопрос об обстоятельствах появления в славянской литургической практике сиро-палестинского варианта чина Соединения Даров остается открытым.

М.В. Кривов

К ВОПРОСУ О ПОСОЛЬСТВЕ ДИХЬИ-ИБН-ХАЛІФЫ В ВИЗАНТИЮ

Согласно мусульманскому преданию, пророк Мухаммед отправлял посольства к правителям соседних государств, в том числе и к византийскому императору Ираклию, к которому был отправлен посол Дихья (по другому произношению Дахья)-ибн-Халифа ал-Калбй¹. В истории этих посольств много неясного. Известия о них дошли до нас в сильно искаженном виде в сочинениях более поздних арабских авторов. Если кто-то из правителей более или менее благосклонно принимал посланцев пророка, они представляли дело так, будто он принял ислам, даже когда в действительности такого принятия не было. Встречаются противоречивые факты.

Не пытаясь реконструировать подлинный текст письма Мухаммеда к Ираклию, мы попытаемся здесь уточнить некоторые факты, связанные с посольством Дихьи, и его датировку.

Как свидетельствуют арабские источники, Дихья прибыл к императору с письмом пророка в 627 г. (6 г. х.), был благосклонно им принят и получил от него почетные одежды. Когда посол с почетными одеждами и товарами возвращался к Мухаммеду, его ограбили арабы одного из родов племени джузам, но другой род того же племени, незадолго перед тем принявший ислам, отбил у соплеменников украденное и возвратил посланцу, Мухаммед не удовлетворился этим и отправил своего приемного сына Зейда-ибн-ал-Харису с пятью сотнями воинов наказать виновных в месяце джумада II (18/X–15/XI – 627 г.). В результате этого набега были убиты непосредственные виновники нападения на Дихью, 100 членов семей взятые в плен, захвачены 1000 верблюдов и 500 овец. Однако джузамиты-мусульмане считали, что конфликт уже разрешен внутри племени, когда они отобрали и вернули награбленное. Поэтому они убедили Мухаммеда освободить пленных и вернуть скот.

О.Г. Большаков справедливо сомневается в том, что посол пророка добрался до императора, находившегося в 627 г. в Армении. В то же время он предполагает, что, “скорее всего, его (посла. – М.К.) принял префект Бостры (Бусры) и вручил одежды от имени императора”².

В данном случае О.Г. Большаков упускает из вида, что в 627 г. никакого византийского “префекта” в Бостре не могло быть, поскольку в то время между Византией и Ираном еще шла война и Сирия, Палестина и Египет были оккупированы персами. Кстати, сам факт такой оккупации убедительно свидетельствует против столь ранней датировки мусульманского посоль-

¹ Посольство Дихьи не следует смешивать с другим посольством, упомянутом армянским историком Себеосом, которое Мухаммед отправил незадолго до своей смерти к Ираклию с требованием передать Палестину арабам (Кривов М.В. Притязания арабов на Палестину при Мухаммеде // ВВ. 2001. Т. 60. С. 56–58).

² Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 265. Примеч. 12.

ства к Ираклию. Ведь отправить посла через занятую персами территорию было равносильно тому, чтобы обречь его на верную смерть.

Перемирие между ромеями и персами было заключено в 628 г., как предполагает А.И. Колесников, уже при шахе Каваде II Шируйе, царствовавшем с февраля по октябрь того года³. Это самая ранняя из возможных датировок, поскольку Хосров II Парвиз, непосредственный предшественник Шируйе, до самого конца своего правления воевал с византийцами. Окончательный мир был заключен в следующем 629 г. По свидетельству сирийской хроники 724 г., сведения которой весьма точны (раньше она была известна в науке под названием *Liber calipharum*), персы вывели свои войска из Александрии и всех городов Сирии в июне 629 г.⁴

Наиболее вероятным представляется, что Дихья был послан в Византию после вывода персидских войск из восточных провинций Ромейской империи. Менее вероятно, хотя и допустимо, что Мухаммед отправил его сразу же после заключения перемирия между ромеями и персами. Ведь после прекращения военных действий посланник мог проехать к Ираклию и через занятую персидскими войсками территорию, не опасаясь за свою жизнь и свободу. Если мы допустим, что Шируйе заключил перемирие с ромеями сразу же после своего вступления на престол в феврале 628 г., то известие об этом могло достигнуть Медины в марте. Таким образом, самая ранняя из возможных датировок отправления Дихьи Мухаммедом – март 628 г.

Чтобы установить наиболее поздний предел для датировки этого события, необходимо исследовать историю его возвращения в Аравию. Различные источники по-разному называют местность, в которой был ограблен Дихья. Согласно Ибн-Са'ду, это была Хисма́ (حسمى)⁵, гористая местность к западу от Табука⁶ (северо-запад Аравийского полуострова). Ибн-Хишам, кроме этой версии, приводит также и другую, согласно которой место ограбления называлось Шанар (شَنَار)⁷. Второй версии придерживается также Якут. Наряду с формой Шанар, он приводит и другую форму этого названия Шинан (شِنَان) и объясняет, что это вāди в Сирии (وَادٍ بِالشَّامِ)⁸.

Эти разноречивые, на первый взгляд известия не являются абсолютно не согласуемыми между собой. Вāди Шинан (Шанар), видимо, действительно находилось в местности Хисма́, являвшейся, как о том пишет Якут в другом месте своего сочинения, областью джузамитов⁹. То, что он локализует Шинан в Сирии, несколько этому не противоречит, поскольку в средние ве-

³ Колесников А.И. Иран в начале VII века // ПС. 1970. 22. С. 90.

⁴ Болотов В.В. К истории императора Ираклия // ВВ. 1908. Т. XIV. 1. С. 92; *Liber calipharum* / Ed. I.P.N. Land // *Anecdota Syriaca*. Lugd. Bat., 1862. Т. 1. P. 115. Эта хроника под названием *Chronicon miscellaneum ad an. 724* была переиздана в CSCO, *Scriptores Syri*. Ser. Za. P., 1904. Т. 4.

⁵ *Ibn Saad*. *Biographien Muhammed's, seiner Gefährten und der späteren Träger des Islam's* / Hrsg. von E. Sachau u. A. Leiden, 1909. Bd. II. Т. 1. S. 63.

⁶ Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 4. СПб., 1897. С. 1465.

⁷ *Das Leben Mohammed's nach Mohammed Ibn Ishak bearbeitet von Abd al-Malik ibn Hisham* / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. II. Göttingen, 1860. S. 975. Наряду с чтением "Шанар" возможно также чтение "Шинар".

⁸ *Jacut's geographisches Wörterbuch* / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. III. Leipzig, 1898. S. 325.

⁹ *Ibid.* Bd. I. S. 212.

ка арабские авторы причисляли к Сирии Палестину, Северо-Западную Аравию и даже Синайский полуостров¹⁰.

Мы не знаем, находились ли джузамиты, ограбившие Дихью, на службе у ромеев или нет. Скорее всего, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, поскольку византийское влияние в Северо-Западной Аравии ощущалось в исследуемую эпоху весьма слабо. О том, что местные арабы признавали власть Византии только номинально, свидетельствует уже то, что часть местных джузамитов ко времени ограбления Дихьи приняла ислам и не подверглась за это никаким репрессиям со стороны ромейских властей.

Возвращаясь к предположению О.Г. Большакова о том, что Дихью принял не сам император, а правитель Бусры, нужно отметить, что оно возникло не на пустом месте. В отличие от других авторов, утверждающих, что Дихья встречался с самим кесарем, ан-Навави пишет, что он был послан к повелителю Бусры с письмом, адресованным Ираклию¹¹. Рассмотрим, насколько вероятно эта версия.

Византийская администрация была восстановлена в восточных провинциях не раньше вывода из них персидских войск в июне 629 г. Мы не знаем, был ли правитель Бусры представителем этой администрации, или он являлся арабским федератом империи¹². Источники ясного ответа на этот вопрос не дают. Так ал-Ма'суди называет его "сāхиб" (صاحب)¹³. Данный термин может означать как самостоятельного правителя, так и наместника. Ал-Вākиди именуется им царем¹⁴, что указывает на то, что это был автономный арабский правитель, признававший свою зависимость от византийского императора. Но каким бы ни был действительный статус правителя Бусры, ясно, что выступить в роли посредника между Дихьей и Ираклием он мог не раньше конца июня 629 г. (если допустить, что персидские войска были выведены из восточных византийских провинций в самом начале этого месяца).

Многочисленные арабские авторы отразили в своих сочинениях первое военное столкновение между арабами-мусульманами и ромеями, имевшее место в том же 629 г. (ибн-Исхак, ал-Вākиди, ибн-Са'д, ат-Табари и др.). Поводом к нему послужило убийство гассанидом Шурахбилем-ибн-Амром посла ал-Хариса-ибн-Умайра ал-Азди, которого Мухаммед отправил к правителю Бусры. Чтобы наказать Шурахбиля, пророк послал против него отряд во главе с Зейдом-ибн-ал-Харисой, который был наголову разгромлен при Муте объединенными силами ромеев, гассанидов и других арабов, находившихся на службе у Византии. Согласно арабским источникам, данные

¹⁰ Например, тот же Якут пишет, что Синайская гора находится в Сирии (Ibid. Bd. III. S. 553). Другой арабский географ ал-Бекри, повествуя о Мадьяне, расположенном на северо-западе Аравийского полуострова, там же, где и Хисма, утверждает, что это известная местность в Сирии, одно из местопребываний джузамитов (Wörterbuch des Abu Obeid Abdallah ben Abd el-Aziz el-Bekri... / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, Paris, 1877. Bd. II. S. 516).

¹¹ Медников Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 572.

¹² Кроме О.Г. Большакова, версию о том, что правитель Бусры был представителем византийской администрации, поддерживал Т. Нельдеке. Только в отличие от первого, называвшего его "префектом", он называл его "комендантом" (Nöldeke Th. Die Ghassanischen Fürsten aus dem Hause Gafna's. B., 1887. S. 44).

¹³ Kitab attanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi // Bibliotheca geographorum arabicorum. Leiden, 1894. T. 8. P. 265.

¹⁴ Wellhausen J. Muhammed in Medina, das ist Vakidi's Kitab al Maghazi... B., 1882. S. 309.

события имели место в первой джумаде 8 г. х. (27/VIII–25/LX 629 г. н.э.). Сам Зейд при этом погиб¹⁵.

Мы видели, что ранее он возглавлял карательную экспедицию против джузамитов, ограбивших Дихью. Если предположить, что поход в Мўту, закончившийся гибелью Зейда, состоялся сразу же после этой экспедиции, то самое позднее время, которым можно датировать посольство Дихьи в Византию – август 629 г. Таким образом, наиболее вероятным временем данного посольства является промежуток между концом июня и августом 629 г. Менее вероятно, хотя, в принципе, допустимо датировать его между мартом 628 г. и августом 629 г.

Тот факт, что Мухаммед послал к правителю Бусры, имя которого неизвестно, ал-Хариса-ибн-Умайра, свидетельствует в пользу того, что Дихья встречался с самим Ираклием, поскольку мало вероятно, что к одному и тому же лицу были отправлены два посольства. Кроме того, многочисленные византийские, арабские и сирийские источники утверждают, что после окончания византийско-иранской войны Ираклий значительную часть своего времени проводил на Ближнем Востоке, посетив там немало мест, освобожденных от персидской оккупации¹⁶. Следовательно, мусульманскому послу не нужно было ехать в Константинополь или какие-нибудь другие отдаленные места. Летом 629 г. Дихья мог встретиться с императором в Сирии или Палестине, недалеко от Аравии и в общем не нуждался в посредничестве правителя Бусры. Поэтому наиболее вероятно, что он встречался непосредственно с Ираклием.

¹⁵ Подробнее о сражении при Мўте и связанных с ним событиях см.: *Кривов М.В.* Сражение при Мўте по арабским источникам и Феофану // ВВ. 1979. Т. 40. С. 96–103; *Kaegi W.E.* Byzantium and the Early Islamic Conquests. Cambridge, 1993. P. 71–74.

¹⁶ У Феофана в частности говорится о посещении императором Ираклием Тивериады, Иерусалима, Иераполя и Эдессы (*Theophanis Chronographia* / Ed. C. de Boor. T. 1. Lipsiae, 1833. P. 327–329).

М.А. Курышева

ВИЗАНТИЙЦЫ И НОРМАННЫ: ПРОБЛЕМЫ СИМБИОЗА*

В XI–XII вв. во время установления норманнского господства в южно-итальянском регионе происходит взаимодействие греческого и латинского (а на Сицилии – арабского) населения Южной Италии и вследствие этого – постепенная латинизация греков и арабов. В настоящее время достаточно хорошо изучена политическая история региона, однако сравнительно мало уделялось внимания мирным формам взаимоотношений между этносами. Блистательная и яркая история завоеваний и смен правлений не должна, однако, заслонять для современного историка все остальные проявления разнообразной сложной реальности той эпохи. Слишком мало известно об отношениях в мирное время между местным христианским населением (с определенной долей условности мы имеем в виду греков) и латинянами (в первую очередь норманнами) на землях Южной Италии. До сих пор нельзя однозначно ответить на вопрос, был ли этот регион открыт для чужаков, селились ли они на землях империи, интегрируясь в местное сообщество, или же так и оставались чуждыми обществу и культуре Византийской империи, а также каковы были условия их сосуществования. Отчасти восполнить этот пробел может анализ антропонимов, встречающихся при исследовании актового материала.

Антропонимические исследования не новы в византистике. Можно, например, вспомнить антропонимические штудии историков Равеннского экзархата (А. Гийу, Т. Брауна, О. Бородина¹) или же некоторые просопографические исследования по средневизантийскому периоду в отечественной византистике (я имею в виду в первую очередь А. Каждана²), а также по поздневизантийскому периоду (монография Д. Моравчика³, работы Р. Шукурова⁴). Подобные изыскания значительно облегчаются сегодня в связи с появлением “Просопографического словаря палеологовского времени” – труда австрийских медиевистов, вобравшего почти всю антропонимику

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 04-01-00212а).

¹ *Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'Empire byzantine au VIIe siècle. L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1972 (Istituto storico italiano per alto medioevo. Studi storici. Fasc. 75–76). Brown T.S. Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. Ad 554–800. Rome, 1984; Бородин О.П. Византийская Италия в VI–VIII вв. Барнаул, 1991.*

² *Каждан А.П. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. Предварительные выводы // ВЗ. 1973. Bd. 66. S. 47–60; Он же. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974; Он же. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.*

³ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1–2. Leiden, 1983.*

⁴ *Шукуров Р.М. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. II. М., 1995. С. 68–103; Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogeos. 1999. 6. P. 7–47.*

поздневизантийского времени⁵, а также немецкого просопографикона средневизантийского периода⁶.

Итоги этих и подобных исследований показали, что антропонимический материал достаточно надежный (а во многих случаях и единственный) источник для реконструкции этнического состава исследуемых обществ, с его помощью вполне могут быть выявлены личности и даже прослежены пути проникновения и приспособления варваров в греческом обществе.

В настоящей работе мы попытаемся разобрать антропонимику норманнского происхождения по сфрагистике, документам и нарративным свидетельствам в Византии и в южноитальянских источниках – в греческих актах, которые происходят из пяти монастырских архивов Южной Италии и Сицилии (по опубликованным источникам), – почти единственных сохранившихся свидетельствах проживания греков на этих территориях. Значительная часть имен, собранная нами, относится к лицам латинского происхождения, принадлежащим к низшим и средним слоям общества, что затрудняет поиски аналогий для имен в современных византийских нарративных источниках. Отмеченное обстоятельство, равно, как и обычная для греческих источников высокая степень вариативности написания имен, даже греческого происхождения, не говоря уже об иноязычных именах, усугубленная особенностями орфографии наших источников, созданных отнюдь не в самой высокообразованной среде, создает дополнительные трудности для этимологизации имен. Поэтому в данной работе мы предполагаем рассмотреть те бесспорно норманнские имена и патронимы, которые имеют точные аналогии в византийских нарративных источниках и латинских хрониках. Мы ограничимся здесь рассмотрением имен лишь бесспорно норманнского происхождения, поисками их истоков и некоторыми моментами их бытования как в Византии, так и в южноитальянском регионе, откуда они собственно и попали в Византийскую империю, а также вопросам эллинизации их владельцев, которые частично можно проследить в наших источниках.

Первым прозвищем-патронимом норманнского происхождения в Византии являлся Франкопул (Φραγγόπουλος) – прозвище по этнониму, означающее “сын франка”⁷. Ко времени от смерти Василия II до воцарения Алексея I Комнина по печатям известны самые яркие представители, носящие этот патроним: Ервевий Франкопул (Ἐρβεβίος ὁ Φραγγολῶλος) – норманнский наемник, вестиярит, один из виднейших полководцев империи, а также норманнский рыцарь – вестиярит Урселий Франкопул (Οὐρσελίος Φραγγολῶλος)⁸.

⁵ Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1996.

⁶ Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867). Bd. 1–4. Nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt R.-J. von Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow unter Mitarbeit W. von Brandes, J.R. Martindale, B. Zielke. B., 1999–2001.

⁷ Laurent V. Légendes sigillographiques et familles byzantines // EO. 1931. XXX. P. 469.

⁸ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. I. Thurn. B.; N.Y., 1973. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. V). P. 467–468, 484–486; Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantine. P., 1884. P. 656–664; *Idem*. Deux chefs normands des armées byzantines // Revue historique. 1881. XVI. P. 296 sqq.; Regling K. Byzantinische Bleisiegel III // BZ. 1924. Bd. XXIV. P. 102–103. № V; Simpson A.J. Three Sources of Military Unrest in Eleventh Century Asia Minor: The Norman Chieftains Hervé Frankopoulos, Robert Crispin and Roussel de Bailleul // Mésogeios. 2000. 9–10. P. 181–207.

Для XII в. известны печати Льва Франкопула⁹, Феодора Франкопула¹⁰ и Криспина Франкопула, которого можно связать с Робертом Криспином¹¹, Николая Франкопула – ипертата и протоновелсима¹².

К концу XII в. известны следующие Франкопулы: Иоанн Франкопул¹³ – грамматик в патриаршей школе в Константинополе, что свидетельствует об определенной степени эллинизации потомков оказавшихся в Византии норманнов. После 1204 г. Андроник Франкопул обучает в Никее и вступает в переписку с императором Феодором II Ласкарем (1254–1258)¹⁴. Был и Франкопул императорский грамматик при никейском дворе¹⁵, Георгий Франкопул – дука Фессалоники (ок. 1220 г.)¹⁶, а также Феодор Франкопул в районе Велл в Эпире¹⁷. По печати XII–XIII в. известен мистик Николай Франкопул. В XIV в. Франкопул был никейским митрополитом¹⁸. В палеологовское время Франкопул – часто встречающийся патроним¹⁹, однако почти невозможно определить, кто из носящих его действительно ведет свой род от истинных норманнских эмигрантов. Таким образом, к концу XII в. Франкопулы – это полностью эллинизированная семья: в Византии у них высокое социальное положение, они носят византийские титулы, преподают в школах и создают

⁹ *Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1932. N 405. P. 144.*

¹⁰ *Ibid. N 561. P. 195.*

¹¹ Вполне вероятно, что “Криспин Франкопул” XII в. возможно расшифровывать как “Криспин сын Франка”, т.е. сын известного латиняно-норманна Роберта Криспина, современника Эрвегия и Урселия Франкопулов (*Schlumberger G. Sigillographie... P. 657*). Однако это всего лишь предположение, и нет причины рассматривать этого Криспина Франкопула как истинного потомка норманнского рыцаря.

¹² *Laurent V. Les bulles métriques... N 562. P. 195–196; Idem. Légendes sigillographiques... P. 467, 468; Idem. Légendes sigillographiques et familles byzantines // EO. 1932. XXXI. P. 344–347.*

¹³ *Browning R. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century // Byzantion. 1963. XXXIII. P. 22; Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 474.*

¹⁴ *Theodori Ducae Lascaris Epistolae CCXVII / A cura di N. Festa. Firenze, 1898. N 217. P. 271; Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. S. 478.*

¹⁵ *Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. IV. Vindobonae, 1871. P. 9, 232–233; Laurent V. Légendes sigillographiques et familles byzantines // EO. 1931. XXXIV. P. 471; Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entres les leux occupations turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle // TM. 1965. Vol. I. P. 161; Angold M. Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Lascarides of Nicaea (1204–1261). Oxford, 1975. P. 166.*

¹⁶ *Analecta Sacra et Classica Spicilegio Solesmensi Parata / Ed. J.B. Pitra. VI. Roma, 1891. Col. 454.*

¹⁷ *Bees N.A. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien) / Ed. E. Bees-Seferli // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. XXI. 1971–1976. N 39. S. 97–99.*

¹⁸ Эпитафия ему написана Мануилом Филом (см.: *Manuelis Philae Carmina / Ed. E. Miller. T. II. P., 1857. P. 280–281*).

¹⁹ О Франкопулах см.: *Laurent V. Légendes sigillographiques... // EO. 1931. XXX. P. 467–473; Idem. Légendes sigillographiques... // EO. 1931. XXXIV. P. 469, 471–473; Idem. Légendes sigillographiques... // EO. 1932. XXXI. P. 346–347; Idem. Les Regestes des Actes du patriarcat de Constantinople. I: Les Actes des Patriarches. Fasc. IV: Les Regestes de 1208 a 1309. P., 1971. N 1541. P. 329–330; Каждан А.П. Социальный состав... С. 216; это Николай Франкопул – колоритная персона в XIII в.: *Laurent V. La Collection C. Orghidan: Documents de sigillographie byzantine. P., 1952. N 463. P. 233; некий Георгий Франкопул, автор труда по этимологии в 1310 г.: Turyn A. Codices Graeci Vaticani saeculis XIII et XIV scripti annorumque notis instructi. Città del Vaticano, 1964. P. 108; об одном из носящих патроним Франкопул в 1270 г. сказано “Francopolum, hominem domini imperatoris”, см.: *Tafel G.L.F., Thomas G.M. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. III. Wien, 1857. P. 176–177. Некоторые члены семьи известны в XIV и XV вв., см.: P.L.P. 30080–30104, 30131–30139.***

литературные произведения, принимают православную веру и занимают места в церковной иерархии. Их патроним напоминает тем не менее о варварском происхождении их предков.

Нынешний объем введенных в оборот источников не позволяет сколько-нибудь полно описать пути проникновения чужеземцев на территорию империи. Однако некоторые линии этого проникновения все же можно наметить.

Главный источник появления “иностранцев” – норманнов – в Византии это в первую очередь – военные формирования. Процесс включения иноземных рыцарей в византийское общество начинался с наемничества.

Однако для полной интеграции выходцев с Запада в византийское общество, к которой, видимо, они стремились, требовались длительные вассальные отношения между императором и личностью. Для этого необходимы были, и это мы попытаемся показать, три важнейших условия, которые редко выполнялись полностью: 1) свободное владение греческим языком; 2) обращение в православную веру; 3) матримониальные связи с византийскими семьями с последующим постепенным полным растворением в византийском обществе. Они и являются для нас критериями при исследовании включения или невключения чужеземцев в новую для них общественную структуру. Таковым можно считать также обретение ими имущества на византийской территории и долгое, из поколения в поколение, обладание земельной собственностью в Византии²⁰.

С первым условием, похоже, проблем все же не было. Почти все подписи под документами, за редким исключением, они писали по-гречески, вступали в переписку с образованнейшими людьми своего времени, копировали рукописи, создавали литературные произведения. Относительно второго, то определенно, что латинянин не мог быть включен как полностью интегрированный член византийского общества без его обращения в православную веру или по крайней мере без православного крещения детей, носящих его имя. Византийское каноническое право было до некоторой степени амбивалентно в случае смешанных браков между православными и католиками²¹.

Что касается третьего, в общем довольно очевидно: смешанные греко-латинские семьи, жившие более чем одно поколение в Византии как полноправные члены общества, должны были быть православными и грекоязыч-

²⁰ Как можно допустить, обращение некоторых из представителей в монашество в конечном итоге можно считать высшим выражением такого процесса интеграции.

²¹ Ярким примером является судьба Марии Венгерской, которая вышла замуж за византийского императора Исаака II Ангела (1185–1195, 1203–1204) и приняла православие. После его смерти и Четвертого крестового похода она вышла замуж вторично за Бонифация Монферратского. Папа Иннокентий III особо следил за тем, чтобы она снова приняла латинскую веру. Другой пример из жизни аристократии в XIII в.: после Четвертого крестового похода в Эпире и Фессалии 8 из 11 женщин из знатных греческих семей вышли замуж за латинян, ни один из которых не женился без православного обряда. Греки Эпира были потрясены браками с латинянами, заключенными никейскими императорами Феодором I Ласкарисом (1208–1222) и Иоанном III Дукой Ватацем (1222–1254) (см.: *Nicol D.M. Mixed Marriages in Byzantium in the Thirteenth Century // Studies in Church History / Ed. C.W. Dugmore, C. Duggan. I. London; Edinburgh, 1964. P. 163; Idem. Symbiosis and Integration. Some Greco-Latin Families in Byzantium in the 11th to 13th Centuries // Nicol D.M. Studies in Late Byzantine History and Prosopography. L., 1986. N. III. P. 119–121).*

ными. Однако, как правило, они “забывали” свои западные *nomina* и, таким образом, теряли свою этническую идентичность, впоследствии же их потомки чаще всего полностью ассимилировались. Тем не менее мы имеем примеры трех семей бесспорно норманнского происхождения, которые достаточно успешно включились в этот процесс тотальной интеграции и все же попытались сохранить свои латинские имена, возможно, восходящие к трем норманнским наемникам XI в. Их эллинизированные патронимы – Рогерий, Рауль и Петралиф. Рассмотрим их по порядку.

Первый патроним образовался, вероятно, от имени норманнского рыцаря Рожера в войске Роберта Гвискара (1015–1085). Этот Рожер воевал вместе с Алексеем I Комнином в 1081 г. и получил титул севаста. Когда он умер в начале XII в., знаменитый врач и поэт Николай Калликл составил в его память эпитафию²². Это поэтическое произведение описывает перипетии жизни норманнского воина Рожера во франкских землях, когда он двинулся с латинского Запада на греческий Восток. Повествует о многих его воинских подвигах в Италии и Иллирии с Робертом Гвискаром, после которых он перешел на сторону императора Алексея. Получив высокий чин севаста, он породнился со знатной византийской семьей, обзавелся детьми и сражался против “врагов империи ромеев”. Таким образом, мы имеем здесь, если так можно выразиться, поэтическое свидетельство о процессе интеграции, который в жизни норманна Рожера прошел весьма успешно. Он осел, эллинизировался под своим именем Рогерий (а не под безликим Франкопул – “сын франка”!), и его семья стала носить это имя. Заманчиво было бы идентифицировать его с Рогерием, имя которого стоит под Девольским договором 1108 г. Анна Комнина называет его Рожер, сын Такуперта или Дагоберта – ‘Ρογέρης ὁ τοῦ Ταχουλέρτου²³. Он же фигурирует в одной латинской хронике как Rotgerus filius Dagoberti, которого Алексей I отправляет в посольство к Готфриду Бульонскому в 1096 г.²⁴, и “франк Рогерий”, посланный с миссией к Боэмунду Тарентскому в 1107 г.²⁵

Как представляется, его можно считать родоначальником патронима разных Рогериев, которые начинают основательно эллинизироваться в XII в. Процесс их интеграции при императорах-латинофилах Иоанне II (1118–1143) и Мануиле I (1143–1180) был завершен в пределах одного поколения. Так, известен Константин Рогерий, который умер до 1136 г. Он имел чин севаста и был таким усердным православным, что его имя как благодетеля поминалось три раза в году в монастыре Пантократора в Константинополе²⁶. Можно предположить, что он мог бы быть сыном “первого” норман-

²² *Cantarella R. Poeti Bizantini*. I. Milano, 1948. N LXXVII. P. 176–177 (ранее издано: *Nicolai Calliclis Carmina* / Ed. L. Sternbach. Cracovie, 1903. N VI. P. 321–322); См. также: *Mathieu M. Cinq poésies byzantines des XIe et XIIe siècles // Byzantion*. 1953. Vol. XXIII. P. 137–140.

²³ *Anna Comnène. Alexiade*. II / Ed. Reifferscheid. Leipzig, 1884. P. 221; III / Ed. B. Leib. P., 1945. P. 138. (Далее: Анна, II).

²⁴ *Albert of Aix. Historia Hierosolimitanae expeditionis... // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux*. IV. P., 1879. P. 305; PL. CLXVI. Col. 415C.

²⁵ *Anna*. II. P. 187, 202, 205; III. P. 101, 117, 120; *Force M. de la. Les conseillers latines d'Alexis Comnène // Byzantion*. 1936. Vol. 11. P. 160.

²⁶ *Lampros Sp. 'Ο Μαργαρίτης κῆριξ*, 524 // NE. 1908. V. P. 396; *Gautier P. L'obituaire du Typikon du Pantokrator // REB*. 1969. T. XXVII. P. 235–262; *Laurent V. Les bulles métriques... N 562*. P. 186.

на Рогерия. Брат Константина – Иоанн Далассин Рогерий. Л. Стирнон убедительно показал, что Иоанн Рогерий и Иоанн Далассин источников – одно и то же лицо²⁷. Иоанн женился на Марии Комнине, порфирородной принцессе, старшей дочери Иоанна II и сестре Мануила I. При бракосочетании приблизительно в 1136–1137 гг. он получил титул кесаря²⁸. Его православие удостоверяется его присутствием на заседании собора, который сверг патриарха Косьму II в 1147 г. Имя Иоанна Рогерия стоит среди свидетелей после подписи императора Мануила²⁹. Его влияние основывалось и на обладании земельной собственностью: он был владельцем территории к востоку от Вардара³⁰. В 1152 г. император послал Иоанна, который к тому времени был уже вдовцом, в Антиохию в надежде, что он будет вторым мужем Констанции, вдовы Раймунда Антиохийского. После довольно резкого отказа по причине его преклонных лет, кесарь Иоанн Далассин Рогерий вернулся в Константинополь. Известно, что он перед смертью принял монашескую схиму³¹.

Что касается его второго имени – Далассин, возможно, оно было связано с материнской ветвью семьи. С другой стороны, Рогерий мог жениться впоследствии на Далассине. Однако определенно одно: Иоанн предпочитал патроним Далассин “варварскому” патрониму Рогерий (печать и подписи на документах – “Иоанн Далассин кесарь”)³². Его имя, следовательно, не было сохранено его потомками. Они, вероятно, выбрали к тому времени более прославленную фамилию, которую носила их мать, – Комнины.

Для XII в. известны упоминания и о других Рогериях. Наиболее значительные из них: Алексий Рогерий, севаст и вестиарит императора, участник собора 1166 г. в Константинополе³³. Лев Рогерий (женился на Ирине из семьи Иаситов), “внук севаста”, упомянут в эпиграмме XII в. как переводчик с латинского³⁴ и его предки – дед, который был севастом, и отец – протоновелисом. Точно устанавливается, что Лев был внуком севаста норманна Рогерия, эпитафию которому писал Калликл. Упоминается и Андроник, который писал свое имя как $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\nu$ ’Ανδρόνικον ἐκ ’Ρωγερῶν; он был начальником примикириев и стратиотов дворцовой гвардии Влахернского

²⁷ *Stiernon L.* Notes de titulature et de prosopographie byzantines: A propos de trois membres de la famille Rogérios (XIIe siècles) // *REB.* 1964. XXII. P. 184–198.

²⁸ *Laurent V.* Les bulles métriques... N 724; *Lampros Sp.* Τὸ πρωτότυπον τοῦ τυλικοῦ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τοῦ Παντοκράτορος // *NE.* 1911. VII. P. 21, 28, 29; *Stiernon L.* Notes de titulature... la famille Rogérios. P. 185–186.

²⁹ *Allatius L.* De Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua consensione. Coloniae Agrippinae, 1648. P. 682.

³⁰ *Ферjanчић Б.* Апанажни посед кесара Јована Рогерија // *ЗРВИ.* 1970. XII. P. 199; *Stiernon L.* Notes de titulature... la famille Rogérios. P. 190.

³¹ *Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke.* Bonnae, 1836. P. 36–38; *Schmitt J.* Über den Verfasser des Spaneas // *BZ.* 1892. Bd. 1. S. 318–321; *Chalandon F.* Les Comnène. Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). P., 1900. P. 197 sq.; *Runciman S.* A History of the Crusades. II. Cambridge, 1954. P. 332; *Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 106 f.; *The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazhdan with ed. A.-M. Talbot, A. Cutler, T.E. Gregory, N.P. Ševčenko.* N.Y.; Vol. 3. Oxford, 1991. P. 1802–1803.

³² *Stiernon L.* Notes de titulature... la famille Rogérios. P. 186–187.

³³ *PG. CXL.* Col. 236D–237A; *Stiernon L.* Notes de titulature et de prosopographie byzantines: Sébaste et gambros // *REB.* 1965. T. XXIII. P. 234.

³⁴ *Lampros Sp.* Ὁ Μαρκιανὸς καθὶξ 524. P. 129.

дворца и основал монастырь Богородицы Хрисокарнариотиссы в Константинополе³⁵. Больше упоминаний о Рогериях нет. Но, видимо, они сохранили свое значение и свой патроним до конца XII в. Их наследники, вероятно, предпочитали опустить со временем “варварское” имя своих предков в пользу более достойного византийского патронима, приобретенного благодаря женитьбе.

Этого не произошло с потомками другого норманнского ренегата – Рауля, который, как пишет Анна, был братом Рожера и входил в состав посольства Роберта Гвискара к Никифору III Вотаниату (1078–1081)³⁶, следовательно, также происходил от Дагоберта. Рауль сбежал от гнева Гвискара и его сына Боэмунда, которые были тогда в Иллирии. Он был одним из тех, кто участвовал в посольстве Алексея I Комнина к Готфриду Бульонскому, описанном латинским хронистом Альбертом Аахенским³⁷.

Эллинизация семьи Рауля в историографии уже была объектом специальных исследований³⁸, поэтому мы лишь вкратце наметим основные вехи ее истории. Она представляет особый интерес не только потому, что долго просуществовала, но и потому, что ее члены в отличие от Рогериев единственные, кто сохранил свое родовое имя, ставшее впоследствии патронимом, продержавшимся вплоть до XV в.

Одна из подписей под Девольским договором в 1108 г. – “Умбертос, сын Грауля”. Спустя 30 лет появляется имя писца двух греческих кодексов теологического содержания (хранящихся в Вене), который в колофоне в 1139 г. определяет себя как “Лев из семьи Рауля”, “ἀμαρτωλὸς καὶ ἀνάξιος” (“грешный и недостойный монах”). Таким образом, к 1139 г. этот представитель рода Раулей был уже совершенно эллинизирован и интегрирован в греческое общество (он упоминается также в типиконе монастыря Пантократора в Константинополе³⁹).

Изначально членам этой семьи были свойственны военные функции. Однако со времени Алексея I о полководческой деятельности Раулей нет упоминаний в источниках⁴⁰. Они, вероятно, искали “новые” родовые связи в иной социальной среде и к этому времени превратились в гражданскую знать. Эта семья принадлежала к высшему времени правящему слою. Несмотря на нечастое упоминание семьи Раулей в XII в., ее члены, возможно, относились к элите: они владели большими землями во Фракии⁴¹. Константин Рауль имел достоинство пансеваста севастов при Исааке II Ангеле (1185–1195) и участвовал против него в заговоре, провозгласившим императором брата

³⁵ Laurent V. Andronic Rogerios, fondateur du couvent de la Th  otokos Chrysokanariotissa et son sceau in  dit au type de l’“offrande” // Academie Roumaine. Bulletin de la section historique. 1946. XXVII. P. 74; *Stiernon L.* Notes de titulature... la famille Rog  rios. P. 191; *Papadopoulos-Kerameus A.* Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. II. СПб., 1894. С. 367. *Ферjanvuh Б.* Апанажни посед кесара Јована Рогерија. P. 199; *The Oxford Dictionary of Byzantium.* P. 1802.

³⁶ τοῦ Ῥαυλ τοῦ ἀδελφοῦ Ῥογ  ρη... (Anna. I. P. 52; II. P. 55; *Force M. de la.* Les conseillers... P. 161–162).

³⁷ *Albert of Aix.* Historia... P. 305.

³⁸ *Χιτςη Α.Χ.* Οἱ Ῥαυλ, Ῥ  λ, Ῥ  λαι (1080–1800). Kirchhain, 1908; *Fassoulakis S.* The Byzantine Family of Raul-Ral(l)es. Athens, 1973; *Βλαχοπούλου Φ.* Μιά   στεροβυζαντιν   οἰκογ  νεια: οἱ Ῥαυλ-Ῥαλ(λ)ήδες // Βυζαντιν   καὶ Νεοελληνικ   Μυριόβιβλος. 1987–1988. 12–13. Σ. 22–24.

³⁹ *Gautier P.* L’obituaire du Typikon du Pantokrator // REB. 1974. XXXII. P. 123.

⁴⁰ *Καждои Α.Π.* Социальный состав... С. 172.

⁴¹ *Carile A.* Partitio terrarum Imperii Romaniae // Studi Veneziani. 1965. N 7. P. 219.

Исаака Алексея III Ангела (1195–1203) в 1195 г.⁴² Надпись на его печати “Константин Рауль Дука севаст”. Возможно, его отец был женат на Дукене и присоединил этот прославленный патроним к своему родовому имени. Хонниат описывает Константина Рауля как родственника императора Алексея III Ангела⁴³. Раули в отличие от Рогериев гордились своим патронимом и не стыдились оставлять его, добавляя к нему те имена, которые приобрелись с течением времени.

До самого конца XII в. эта грецизированная семья сохранила свое влияние в высших византийских кругах. В договоре о разделе империи 1204 г. Раули обозначены как крупнейшие землевладельцы, имперская элита, ближайшие к императорскому дому⁴⁴. Они активно действовали после 1204 г. в Никее⁴⁵. Полководец Алексей Рауль, сын Константина Рауля, женился на племяннице императора Иоанна III Дуки Ватаца (1222–1254) и был возведен в достоинство протовестиария. Как и многие другие, он был лишен его Федором II Ласкарисом в 1254 г. и четыре его сына были брошены в тюрьму⁴⁶. Спустя годы, после восшествия на престол Михаила VIII Палеолога (1261–1282), они снова появляются при дворе императора⁴⁷. Иоанн Рауль, старший сын, расположив к себе Палеологов, был возведен в ранг протовестиария и женился на племяннице Михаила VIII Палеолога Феодоре. Она пережила своего мужа и умерла в монастыре в 1300 г. Она более известна как Феодора Раулена – одна из самых образованных женщин своего времени⁴⁸. Именно для нее и ее окружения на рубеже XIII–XIV вв. был изготовлен ряд великолепных кодексов, в специальной литературе получивших определение как рукописи константинопольского “скриптория” Феодоры Раулены, написанные архаизирующими почерками⁴⁹. В одном из манускриптов – ее автографе – она перечисляет полностью свое имя: Кантакузина Ангелина Дукена Палеологиня, жена Иоанна Рауля Дуки⁵⁰. Раули достигли таких должностей и титулов, как великий domestik, великий стратопедарх, вели-

⁴² Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul-Ral(I)es. N 4. P. 13–14.

⁴³ Nicetae Choniatae Historia / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1835. P. 593; Polemis D.I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 173.

⁴⁴ Каждан А.П. Социальный состав... С. 214–216.

⁴⁵ Жаворонков П.И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита // Византийские очерки. 1991. С. 88, 90.

⁴⁶ Georges Pachymères. Relations historiques / Éd., introd. et not. par A. Failler. Trad. française par V. Laurent. P., 1999. III. P. 173.11–15; Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul-Ral(I)es. N 5. P. 15–16; PLP. 2410.

⁴⁷ Имена троих из сыновей Алексея известны: протовестиарий и полководец в походе против Михаила II Ангела (ок. 1231–1268 гг.) Иоанн Рауль (PLP. 24125); Исаак и Мануил Раули – оба брата дважды сидели в тюрьме и были ослеплены за свои оппозиционные взгляды в 1280 г. (PLP. 24120, 24132). У Алексея Рауля был еще четвертый сын, имевший дочь Ирину, которая вышла замуж за Константина, сына Михаила VIII (Χάτζη Α.Χ. Οἱ ‘Ραῦλ, ‘Ράλ, ‘Ράλα (1080–1800). Kirchhain, 1908. Σ. 23, 78).

⁴⁸ Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul-Ral(I)es. N 11. P. 25–26; Nicol D.M. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenos) ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study // DOS. XI. 1968. N 14. P. 16–19; The Oxford Dictionary of Byzantium. P. 1772; PLP. 21382 (Παλαιολογίνα, Θεοδώρα Κομνηνῆ Δούκαινα ‘Ραούλαινα).

⁴⁹ О “скриптории” Феодоры Раулены: Фонкич Б.Л. Византийские скриптории (некоторые итоги и перспективы исследования) // ЮВ. 1981. Bd. 31. С. 443–444.

⁵⁰ Автограф Феодоры Раулены находится среди греческих рукописей ГИМ в Москве см.: Фонкич Б.Л. Заметки о греческих рукописях советских хранилищ // ВВ. Т. 36. 1974. С. 134.

кий логофет, севастократор и деспот⁵¹. Об апофеозе, которого достигла эта семья, говорит имя одного из членов семьи первой половины XV в.: Иоанн Торник Дука Ангел Палеолог Рауль Ласкарис Филантропин Асень⁵². Вполне возможно, что в патроним включались и не прямые предки, которыми они гордились⁵³.

Похожей была и судьба норманнской семьи Петралифов (Петραλ[ε]ίφας, ж.р. – Петраλίφαινα)⁵⁴. И снова отправной точкой их истории явился Девольский договор между Алексеем I и Боэмундом, где среди прочих фигурирует Петр Алифа (τοῦ Ἀλίφα – образовано от топонима – местность недалеко от Казерты в Южной Италии). Во время вторжения в Эпир Роберта Гвискара он воевал вместе с ним против Алексея I. После смерти Роберта в 1085 г. он перешел в византийский лагерь. В 1097 г. этот норманнский рыцарь оказывается в византийском войске под командованием Татикия, которое сопровождало крестоносцев через Анатолию⁵⁵. В 1107 г. он вместе с Рогерием находился в составе посольства Алексея I к Боэмунду. Анна описывает Петра Алифу как человека прославленного в войне и в постоянстве его преданности императору⁵⁶. После 1108 г. в награду он получает земли в районе Дидимотихона во Фракии.

Сорок лет спустя Никита Хониат помнил храбрость четырех братьев из семьи Петралифов из Дидимотихона во времена кампании Мануила по освобождению Корфу от норманнов⁵⁷. Никифор Петралиф воевал под командованием Иоанна Дуки в 1166 г. Алексей Петралиф, представленный на соборе 1166 г. как севаст и вестиарит императора, в 1173 г. командовал армией в Анатолии⁵⁸. Некий Иоанн Петралиф упоминается вместе с Константином Раулем среди заговорщиков против Исаака II в 1195 г.⁵⁹ Севастократор Никифор Комнин Петралиф утверждал афонский монастырь Ксиропотам в правах на владение имуществом, которое он унаследовал от своей бабки Марии Комнины Цусмень⁶⁰. Севастократор Иоанн Петралиф был правителем Фессалии и Македонии в конце XII в.⁶¹

⁵¹ Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul. N 13, 32, 16, 31, 61; PLP. 1506 (Ἀσάνης, Μανουὴλ Κομνηνός Ῥαοῦλ), 1519 (Ἀσάνης Ῥαοῦλ), 17788 (Μελίκης, Μανουὴλ Ῥαοῦλ), 17789 (Μελίκης, Μανουὴλ Ῥαοῦλ Παλαιολόγος), 17790 (Μελίκης, Ματθαῖος Ἀσάνης Παλαιολόγος Ῥαοῦλ), 17984 (Μετοιχίτης, Μανουὴλ Ῥαοῦλ), 21531 (Παλαιολόγος, Μιχαὴλ Ῥαοῦλ).

⁵² Ibid. N 72; PLP. 1502 (Ἀσάνης, Ἰωάννης Торνίτζης Δούκας Ἄγγελος Παλαιολόγος Ῥαοῦλ Λάσκαρις Φιλανθρωπηνός).

⁵³ С XIV в. Раули теряют свое значение, только на Пелопоннесе позднее представители этого рода играли важную роль в сопротивлении туркам. Раули сопровождали Софью Палеолог в Москву, где они выполняли роль дипломатов (см.: Скржинская Е. Ч. Кто были Раулы после Ивана III в Италии // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 267–281).

⁵⁴ The Oxford Dictionary of Byzantium. P. 1643.

⁵⁵ Gesta Francorum / Ed. L. Bréhier. P., 1924. IV, 11. P. 60–62; The Ecclesiastical History of Ordericus Vitalis. Oxford, 1975. IX, 8. P. 66.

⁵⁶ Anna. II. P. 187; III. P. 101.

⁵⁷ Nicetae Choniatae Historia. P. 110.

⁵⁸ Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. P. 292; PG. CXL. Col. 236D.

⁵⁹ Nicetae Choniatae Historia. P. 593.

⁶⁰ Actes de Xéropotamou / Ed. J. Bompaire. P., 1964 (Archives de l'Athos. III). N 8. P. 67–71; Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. N 33. P. 90–93.

⁶¹ Ферјанчић Б. Севастократори в Византији // ЗРВИ. 1968. XI. P. 141–192.

Таким образом, потомки Петра Алифы к концу XII в. полностью эллинизировались и интегрировались в византийское общество. После латинского завоевания их служба была “поделена” между Эпиром и Никеей. Другая ветвь семьи осталась в Греции, Сербии, и эти территории были захвачены Феодором Комнином, дукой Эпира в 1223 г., где он женился на Марии Петралифине. Она была сестрой Иоанна Петралифа в Никее, один из сыновей которого, Феодор, женился на дочери Димитрия Торника, великого логофета Феодора I Ласкариса в Никее. О сестрах Феодора и дочерях Иоанна Петралифа известно следующее: первая, Мария, вышла замуж за одного из Сфрандзи, вторая стала второй женой Алексея Слава, болгарского деспота, третья, самая известная, Феодора Петралифина – св. Феодора из Арты – была женой Михаила II дуки Эпирского⁶². В Арте в церкви св. Феодоры сохранилась ее могила, украшенная скульптурными портретами ее и старшего сына Никифора с надписью “василисса Дукена Феодора”⁶³. Сыновья последней сестры предпочитали, вероятно, так подчеркивать свою связь с фамилией Дук.

Патроним Петралифы после середины XIII в. не имел распространения (как, например, Раули), и среди носящих его уже нет личностей высокого достоинства и влияния.

Таким образом, все три семьи с самого начала пытались сохранить свои имена как патронимы в новом обществе. Причиной этого была, как представляется, в первую очередь гордость за свой род и за деяния своих предков. Функционально аристократы-иноземцы принадлежали главным образом к военной знати. Во второй половине XI в. большая группа чужестранцев играла первостепенную роль в византийской армии. Родоначальники рассматриваемых семей выступали как советники Алексея Комнина, которые избрали новый путь служения и успешно включились в новые для них политические отношения. Они вступали в родственные связи с византийской знатью, в том числе с членами императорского дома, и постепенно становились “своими” в византийской правящей элите в качестве землевладельческой провинциальной аристократии. Особо важным для нас является то, что они, как мы попытались показать, до конца сохранили свое имя, постепенно превратившееся в патроним (Рогерии в меньшей степени, Раули и в большей степени Петралифы).

Как же обстояло дело с этими именами в Южной Италии – там, откуда в Византию, собственно, и отправлялись за удачей норманнские воины?

Здесь наше исследование, преследуя в первую очередь скорее историко-социологические, чем этнолингвистические задачи, имеет целью с помощью антропонимического анализа актов выделить в среде населения Южной Италии XI в. пришлый норманнский субстрат. Нас будут интересовать прежде всего преномы и патронимы тех лиц, которые жили в этом регионе.

⁶² Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Vol. I. Lipsiae, 1903. P. 39; PG. 127. 903–908; PLP 5664; Nicol D.M. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. P. 128–131, 149–160, 200–203; Polemis D.I. The Doukai... P. 166; PLP 5664, 23007, 16876, 27269; The Oxford Dictionary of Byzantium. P. 2038; Георгий Акрополит. История / Пер., вступит. ст., коммент. и прил. П.И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 205–206. Примеч. 391.

⁶³ Grabar A. Sculptures byzantines du moyen âge, II (XIe–Xe siècle). P., 1976. N 152.

Свои наблюдения мы строили на материале пяти сохранившихся архивов, опубликованном А. Гийу⁶⁴, исследуя в общей сложности около 134 греческих документов, – выборка, территориально охватывающая почти всю Калабрию и Восточную Сицилию. Греческие источники были взяты потому, что нас интересовал процесс ассимиляции норманнов в новой еще для них во второй половине XI в. греческой среде. При самом предварительном подсчете антропонимов, как показал А. Гийу, этнический состав (в процентном соотношении) исследуемого общества к середине XI в. выглядит следующим образом: 70% – греки; 17% – латиняне, 13% – арабы.

Во всем архивном комплексе латинские имена, упомянутые в документах, составляют лишь в монастыре Богородицы в селении св. Агафьи в Оппидо 17%⁶⁵, а в других местах их число существенно меньше. Однако это отражает реальную расстановку сил в регионе, предварительные наблюдения над которой нам и хотелось бы изложить.

Итак, тщетно искать в византийской Калабрии “детей франков” – Франкопулов. По актовому материалу к таковым может быть отнесен лишь один – “Лев Франк” – “Λέων ὁ τοῦ Φράγγου” (1042)⁶⁶. Этот факт говорит только об одном: что к середине X в. патроним на этой основе в южноитальянском регионе не сложился. Лишь для середины XII в. мы имеем прозвище по этнониму – “Франкопетр” – “Φρανχοπέτρος” (1155)⁶⁷. Как показывает опыт изучения антропонимии⁶⁸, предок у этого человека может быть только один – Петр Франк, который жил примерно в первой половине XII в. или чуть ранее и носил такое прозвище.

Патроним Рогерий также не зафиксирован в Южной Италии и Сицилии. Имена людей с именем Рогерий можно разделить на две группы. Для первой объяснить это можно тем, что к X в. (как показывают общие французские исследования по антропонимике⁶⁹) превалировала система одного имени персоны, которая эволюционировала у аристократии гораздо быстрее – как на Востоке, так и на Западе – в систему двух имен: пренома и патронима. Для XI в. есть упоминание свидетеля в нескольких актах с 1128 по 1133 г.: “Рогерий, нотариус Склавопетр” – “Ρωγήριος νοτάριος Σκλαβώλετρος”⁷⁰. Его преном и патроним не оставляют сомнения в том, что он – норманн. Однако его патроним можно интерпретировать и как Петр Славянин. Вполне допустимым кажется предположение, что его норманнское происхождение

⁶⁴ *Guillou A.* Les actes grecs de S. Maria di Messina. Enquête sur les populations grecques d'Italie du Sud et de Sicilie (XIe-XIVe s.). Palermo, 1963 (Istituto siciliano di studi bizantini e neoellenici. Testi e monumenti pubblicati da B. Lavagnini. Testi, 8); *Idem.* Saint-Nicolas de Donnoso (1031-1060/1061). Città del Vaticano, 1967 (Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 1); *Idem.* Saint-Nicodème de Kellarana (1023/1024-1232). Città del Vaticano, 1968 (Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 2); *Idem.* La Théotokos de Hagia-Agathè (Oppido) (1050-1064/1065). Città del Vaticano, 1972 (Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 3); *Idem.* Saint-Jean-Théristès (1054-1264). Città del Vaticano, 1980 (Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 5).

⁶⁵ *Guillou A.* La Théotokos de Hagia-Agathè (Oppido).. P. 16.

⁶⁶ *Guillou A.* Saint-Nicolas de Donnoso... P. 17.

⁶⁷ *Guillou A.* Saint-Jean-Théristès... P. 77.

⁶⁸ *Shukurov R.* The Byzantine Turks of the Pontos // *Mésogéos*. 1999. 6. P. 35-36.

⁶⁹ *Anthroponymie et société villageoise (X^e-XIVe siècle) // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. II: VIIIe-XVe siècle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morisson. P., 1991. P. 225-238.*

⁷⁰ *Guillou A.* Saint-Jean-Théristès... P. 10, 13.

ние уходит своими корнями в Далмацию. “Простой свидетель Рогерий Епископ” – “Ρωγέριος τοῦ Ἐπισκόπου” (1127–1128)⁷¹ – столь странное определение могло появиться, быть может, как намек на незаконнорожденное происхождение его владельца.

В одном из договоров купли-продажи встречается “Рогерий, судья судей” – “Ρωγέριος κριτῆς τῶν κριτῶν” (1144)⁷², по происхождению явно норманн, занимающий высокую должность, доставшуюся норманнским правителям в наследство от катепаната Италия византийского времени.

Заметим, что кроме Рогериев встречается лишь одно упоминание свидетеля на Сицилии, относящееся ко времени норманнского господства на острове: “Иоанн, сын Рауля Малакуруны” – Ἰωάννης υἱὸς Ραοῦλ Μάλακουροῦνα (1148–1149)⁷³, странный патроним отца которого (Μάλακουροῦνα) наводит на мысль об его арабском происхождении.

Встречается также интересное имя – “Καλαχῦριος τῆ ἐπονημία Ταβερνίτης καὶ βισκόμης κατὰ Ῥογερίου δὲ Λουτροῦ” (1156)⁷⁴. Перед нами – житель южноитальянского селения по имени Калокир, по прозвищу Тавернит (вероятно, владелец таверны?) и вице-комит (название особой должности в провинции) при своем синьоре. “Рогерий де Лютр” – что это, намек на профессию или прозвище, имитирующее франкские именованья по топонимам?

Калабрийский акт о продаже 1181 г. собственноручно составил “простой Рогерий, чтец и сын Иоанна Ота, пленный и тавулярий Вукиты” – “ὁ εὐτελής Ῥωγέριος ἀναγνώστος καὶ υἱὸς Ἰωάννου Ὀτου ἐχμάλωτος καὶ ταβουλάριος Βουκήτων”⁷⁵. У этого нотариуса Вукиты – красивая нотариальная подпись и отличный, необычайно грамотный и каллиграфичный, почерк. Текст акта написан элегантно, почти книжным греческим языком. Рогерий обладал высокой степенью грамотности, что является редчайшим исключением и резко выделяет его из основной массы составителей привлекаемых документов (это тем более удивительно применительно к концу XII в. для совершенно потерявшей связь с Константинополем Южной Италии). Патроним его отца Иоанна Ота может свидетельствовать о его германском происхождении. Сам нотариус определяет себя как “ἀναγνώστος καὶ υἱὸς... ἐχμάλωτος καὶ ταβουλάριος...” (“чтец и сын... пленный и тавулярий...”). Вероятно, Рогериев того времени в данном районе было много. И то, что мы видим здесь, – это попытка самоидентификации этого нотариуса Рогерия, его способ определить себя и выделиться из большого числа его тезок. Потенциально эти определения, конечно, являются патронимами.

Вторая группа имен свидетельствует об изменившихся условиях существования населения Южной Италии по сравнению со временем византийского господства в регионе. XII век – время укрепления норманнской власти в Южной Италии и Сицилии и поиска путей приспособления для местного греческого населения в условиях нового государства.

В акте судебного решения 1098 г. фигурирует родоначальник целой семьи – спафарокандидат Иоанн Мосхат. У него был брат Василий и сыновья: Генесий, у которого сын Рогерий – монах, и Николай, каваларий (особый

⁷¹ Ibid. P. 18.

⁷² Ibid. P. 40.

⁷³ Guillou A. Les actes grecs de S. Maria di Messina... P. 23.

⁷⁴ Guillou A. Saint-Jean-Théristès. P. 28.

⁷⁵ Guillou A. Saint-Nicodème de Kellarana... P. 38.

титул норманнской администрации на юге Италии) “ὁ τοῦ Ἀδαντινοῦ”⁷⁶, и его дети Рогерий и Иоанн. Что касается их патронима, а все они упоминаются в разных актах как Мосхаты, он, возможно, арабского происхождения. Вполне вероятно предположение, что к 1098 г. некий Иоанн, имея военный опыт, прибыл из Антиохии и, будучи крещеным арабом, осел в Южной Италии и стал основателем целого южноитальянского семейства Мосхатов. Сначала он давал своим детям греческие имена общехристианской номенклатуры (Генесий, Николай). Однако то, что его внуки носили в числе прочих имен эллинизированное норманнское имя Рогерий, – свидетельство того, как они приспособлялись к условиям нового господства. Этим же можно объяснить и то, что в последней четверти XII в. в актах, к примеру, появляются: “Рогерий, сын Григория Левка” – “Ροῦέριος υἱὸς Γρηγορίου Λευκοῦ” (1175)⁷⁷ (Григорий Левк по происхождению явно был греком и дал своему сыну норманнское имя) и “Рогерий, сын благочестивого Льва, логофета Мессины” – “Ροῦέριος υἱὸς τοῦ μακαρίτου Λέοντος λογοθέτου Μεσσηνίας” (1189)⁷⁸. Знатные люди “старого порядка” в Калабрии и Сицилии должны были приспособляться к новой ситуации, чтобы не потерять достигнутого социального и экономического положения. По частнопроводимым актам прослеживаются пути достижения этой цели путем матримониальных союзов у высшей провинциальной знати. Но это предмет особого исследования⁷⁹.

Итак, если в Византии норманны, гордящиеся своими предками, пытались сохранить свои имена, и они с течением времени становились патронимами, но все же постепенно они перенимали греческие имена и полностью интегрировались в византийское общество, то в Южной Италии отсутствие норманнских патронимов для тех же имен можно объяснить иными историческими условиями. Слишком мал был срок – одно поколение – от момента первого столкновения норманнов с византийцами в Южной Италии до установления ими там своего господства. Патроним не успел образоваться и закрепиться, так как государство уже управлялось норманнами, и необходимость в полном растворении “чужих” в греческой среде отпала. Однако в XII в. для греческой среды Южной Италии характерны те же пути приспособления к местному окружению, которые осваивали норманны в Византии: владение греческим языком, принятие православной веры и взаимное полюдие богатых и знатных правящих семей.

⁷⁶ *Guillou A. Saint-Jean-Théristès...* P. 120.

⁷⁷ *Guillou A. Les actes grecs de S. Maria di Messina...* P. 11.

⁷⁸ *Ibid.* P. 152.

⁷⁹ Так, мы знаем Рогерия Мессинского (до 1166 г.), сына Иоанна Секрета (высшего чиновника казны норманнских королей), – грека, женившегося на гречанке Уло Графеа, дочери архонта Секрета, Иоанна Графеа, грека, крупного земельного собственника на Сицилии и на юге Калабрии (*Guillou A. Les actes grecs de S. Maria di Messina...* APP II (1189); *Spata G. Le pergamene greche esistenti nel Grande Archivio di Palermo. Palermo, 1861. P. 293–296 = Cusa S. I diplomati greci ed arabi di Sicilia pubblicati nel testo originale, tradotti ed illustrati. Palermo, 1861. P. 432–434* (акт датирован апрелем 1183 г.)). Заметим, что сестра Уло вышла замуж за норманнского барона Гульельма Марторанского – тоже своеобразный путь интеграции в сложившихся условиях уже норманнского правления в регионе второй половины XII в.

**ТЮРКИ В ВИЗАНТИИ (XIII – СЕРЕДИНА XIV в.).
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ТЮРКСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ***

Временем появления тюркской знати в византийском обществе считается середина XI в. На протяжении последующих 150 лет (до 1204 г.) количество знатных тюркских родов (многие из них в одном поколении) в империи достигло 15–20. Точной цифры не существует, так как разные исследователи – А.П. Каждан¹, П. Баденас² – не всегда единодушны в отнесении той или иной восточной семьи к тюркам или арабам. Кроме того, нет единого мнения и о том, следует ли считать единственных представителей тюркской знати за отдельную семью. В целом исследования А.П. Каждана и П. Баденаса выявили не менее 53 лиц тюркской знати в XI–XII вв.

Однако, по нашему мнению, в состав тюркской знати Византии этого периода необходимо включить еще два рода: Маниаков и Манкафов. Хотя в отношении Маниаков среди современных историков нет единодушия (одни считают их тюрками, другие – армянами, а третьи – греками), но предпочтительным представляется их тюркское происхождение. Еще в VI в. известен тюркский посланец Маниах, а в XI в. среди Маниаков прославились византийский полководец Георгий Маниак (возможно, арменизированный тюрк) и куманский предводитель Маниак. На рубеже XII в. семья Маниаков входила в высший разряд знати и известна в истории этого периода шестью представителями³.

Что касается патронима Манкафа, то он произошел от турецкого *mankafa* – “глупая, тупая голова”⁴. Род Манкафов, осевших в Малой Азии, в районе Филадельфии уже в XI в., дал по меньшей мере трех представителей знати (протоспафарий, севасты)⁵, самый известный из которых был Феодор

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ (проект № 04-01-00212а).

¹ А.П. Каждан в своей анкете учел 10 тюркских родов, укоренившихся в Византии в XI–XII вв., и двух отдельных представителей: 9 Камицев, 5 Татикиев, 5 Цитов, 5 Хасанов, 4 Халуфа, 3 Аксуха, 3 Казана, 3 Просуха, 2 Караджа (Караца), 2 Сомухи и по одному Ашертикино и Пупаку (Пупакису); см.: *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков. М., 1974. С. 93, 96–100, 146–147, 167–168, 202–204, 213–215.

² П. Баденас (*Bádenas P.* L'intégration des Turcs dans la société Byzantine (XIe–XIIe siècles). *Échecs d'un processus de coexistence // Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6ος–12ος αι.)*. Αθήνα, 1998. P. 181–184, 186) добавляет к списку А.П. Каждана еще 10 лиц, находящихся на ответственных постах византийской администрации: Проздра Арисинга, великого примиккирия Цаку, основателя монастыря на Афоне Куптумуша, Исиса, Сиауса, Елхана, Хрисоскура, Цикногона, Перама и Скагиара.

³ Подробнее см.: *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. Bd. 2. В., 1983 (Далее: Мор. II). S. 181; *Каждан А.П.* Указ. соч. С. 95, 107, 109, 113, 116, 201.

⁴ Об этимологии имени см.: *Radič P.* Обласни господари у Византији крајени XII и у првим деценијама XIII века // ЗРВИ. 1986. XXIV–XXV. С. 265. Примеч. 5; *Balivet M.* *Romanie Byzantine et pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication Greco-turque*. Istanbul, 1994. P. 104. Not. 248.

⁵ *Каждан А.П.* Указ. соч. С. 98, 167.

Манкафа, или Морофеодор⁶, поднявший в 1189 г. мятеж против центральной власти⁷.

Таким образом, к названным выше 53 лицам тюркской знати следует до-бавить еще 9 представителей Маниаков и Манкафов. И хотя тюркская знать в XI–XII вв. составляла ок. 3% византийской аристократии (62 человека из 2300⁸) ее значение и влияние в империи были существенными⁹. Однако катастрофа 1204 г. разрушила ее благополучие и процветание. Ни в никейское время, ни в эпоху Палеологов уже ничего не известно о знатных семьях Аксухов, Амерткиев, Епханов, Казанов, Просухов¹⁰, Пупакисов, Сиаусов, Татикиев¹¹, Хасанов, Цаков и многих других. Из почти 20 знатных семей только шесть – Камицы, Исисы, Маниаки, Манкафы, Хапуфы и Казаны – сумели в разной степени пережить трагедию распада Византийской империи в начале XIII в. и сохранить свое место среди византийской аристократии в эпоху Никейской империи.

Но и эти шесть сохранившихся после 1204 г. знатных тюркских семей со-шли по существу с исторической сцены уже в Никейской империи. Великий этериарх Иоанна III Ватаца (1222–1254) и приближенный Феодора II Ласка-ря (1254–1258) Иоанн Камица¹², и простостратор никейского войска в конце 1220-х годов Исис (Иса)¹³ – последние представители этих родов. И хотя не-сколько Камицев фигурируют в начале второй половины XIV в., но они уже не входили в число византийской знати¹⁴: приход к власти Михаила VIII Па-леолога (1259–1282), которого они не поддержали, означал удаление их из рядов византийской знати¹⁵. Вероятно, та же судьба постигла и некогда из-

⁶ То есть “глупый Феодор”. Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypo edi-tionis anni MCMIII correctior cur P. Wirth. Stuttgart, 1979. Vol. I. (Далее: Acrop. I). P. 12.10–11.

⁷ О нем см.: *Paduh P.* Указ. соч. С. 265–272; *Cheyne J.-C.* Philadelphia, un quart de siècle de dis-sidence, 1182–1206 // *Philadelphie et autres études*. P., 1984. P. 45–53; *Σαββίδης Α. Γ. Κ.* Βυζαντινά στασιαστικά καὶ αὐτονομιστικά κινήματα στὰ Δωδεκήμετρα καὶ στὴ Μικρὰ Ἀσία. 1189–1240 Μ.Χ. Αθήνα, 1987. Σ. 173–190.

⁸ *Καждан А. П.* Указ. соч. С. 101.

⁹ *Bádenas P.* Op. cit. P. 183, 188.

¹⁰ Из актов известен только некто Иоанн Прусух (Προσοῦχ), живший в 1272–1283 гг. около Смирны (MM. IV. P. 127, 132). То, что он тюрк, не вызывает сомнений, но имел ли он какое-то отношение к Просухам (Προσοῦχ) XII в. – неизвестно, как неясен и его социальный статус.

¹¹ Некий Николай Татикий был свидетелем при составлении завещания Феодора Гордота в 1281–1283 гг. около Смирны (MM. IV. P. 126). Примечательно, что Прусух и Татикий жи-ли в одно и тоже время и недалеко друг от друга. О других Татикиях в раннепалеологов-ское время неизвестно.

¹² Иоанн Комица был сыном известного в конце XII – начале XIII в. протостратора Мануила Камицы (о нем см.: *Nicetae Choniatae Historia* / Rec. I. A. van Dieten. Berlin; New York, 1973. (Далее: Nic. Chon.). P. 471.3–6, 511.66–67, 512.87–88; Acrop. P. 20.14–16; *Σαββίδης Α. Γ. Κ.* Τὸ κίνημα τοῦ Μαν. Καμ(μ)ύτζη–Καμίτη στὴ Βδ. Μακεδονία καὶ στὴ Θεσσαλία στις ἀρχές τοῦ 13 ου αἰῶνα // *Θεσσαλικὸ Ημερολόγιο*. 1987. 12. Σ. 145–157). В 1228 г. он был назначен ни-кейским императором одним из руководителей похода на Адрианополь. Вернувшись в Ни-кею, получил титул великого этериарха. Acrop. 38.15–17, 40.18–29; *Karlin-Hayler P.* L'Hétériarque. L'évolution de son rôle du De Cerimoniis au Traité des Offices // *IOB*. 1974. Bd. 23. P. 132; *Георгий Акрополит*. История / Вступ. ст., пер. и коммент. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. (Далее: Акроп. История). С. 204. Примеч. 378.

¹³ Acrop. P. 38.15–17; Исис от араб-тур. Isā. Возможно, это был Иоанн Исис или Исис Мели-син. Подробнее см.: Акроп. История. С. 204. Примеч. 377.

¹⁴ См.: PLP. 10817, 10850–10851, 92305.

¹⁵ PLP. 10846; Ср.: *Georges Pachymères*. Relations historiques / Ed. introd. et notes par A. Failler. P., 1984. Vol. I–II; P., 1999–2000. Vol. III–IV. (Далее: Pach. I–IV). I. P. 93.10.

вестный род Маниаков, члены которого в XIII – середине XIV в. не поднимались выше ранга грамматиков¹⁶. Из семьи Хапуфов известен только Георгий Хапуф, сборщик коммеркия в Анайе у Эфеса в 1273 г.¹⁷ Казаны в раннепалеологовское время представлены в основном париками¹⁸. Исключением является упомянутый в одном документе Лемвиотийского монастыря около Смирны под 1283 г. Казан Комнин Кантакузин¹⁹. В грамоте он назван в несколько искаженной форме: Γαζενὲ (от турк.-монг *gāzān*)²⁰.

Из шести тюркских знатных родов, сохранившихся после 1204 г., лишь Манкафы менее всего потеряли свое положение в поздневизантийском обществе. Хотя в 1205–1206 гг. независимость Феодора Манкафы в Филадельфии была окончательно ликвидирована императором Феодором I Ласкарем (1205–1222) и его дальнейшая судьба неизвестна, но его родичи сохранили земельные владения как в самой Филадельфии²¹, так и в районе Смирны и Милета²². Иоанн Манкафа, бывший апографевсом на о-ве Кос в 1259–1263 гг., стал вестиарием и οἰκείος императрицы Феодоры Палеологини²³. Другой Манкафа (преном не известен) был οἰκίτης Андроника III (1328–1341), но затем перешел на сторону Иоанна IV Кантакузина (1347–1354)²⁴. Многие Манкафы в середине XIV в. были архонтами и крупными земельными собственниками на Пелопоннесе (Халкидика, Янина, Мистра)²⁵. Правда, нет полной уверенности, что они являлись потомками (или родственниками) малоазийской ветви Манкафов.

Таким образом, следует признать, что ко времени прихода к власти Михаила VIII последние роды тюркской ромеизированной и крещенной знати, составляющие в XI–XII вв. определенную прослойку византийской аристократии, почти окончательно сошли со сцены политической истории империи. Единственным исключением является род Манкафов.

Вместе с тем в первой половине XIII в. в Нике и Эпире (прежде всего в Фессалоникийской империи) отмечено появление целого рода новых знатных тюркских представителей. Их приток шел с двух направлений: севера (половцы-куманы) и с востока (тюрки-сельджуки). Среди приближенных императора Феодора Ангела Дуки (1224–1230) фигурируют его γαμβρός²⁶ турок-сельджук Василий (?) Цамас²⁷, бывший дукой Веррии, а также Кир

¹⁶ PLP. 16622–16630.

¹⁷ MM. VI. P. 97; PLP. 30532.

¹⁸ PLP. 10115–10116, 93676. Правда, Николай Казан (статус неизвестен) сумел в 1240-е годы породниться с Амиросанами (см. примеч. 47).

¹⁹ MM. IV. P. 101; PLP. 3442.

²⁰ Об этимологии Казан-Газан см.: Мог. II. S. 146; Ср. также: *Каждан А.П.* Указ. соч. С. 98. № 231.

²¹ В 1247 г. вдова некоего Манкафы подарила монастырю Пресвятой Богородицы в Филадельфии свои земельные владения. *Nästurel P.S. Recherches sur le Testament de Maxime de Skouteinē (1247) // Philadelphie et autres études.* P. 95. Not. 102.

²² MM. IV. P. 175; VI. P. 151–152; *Cheyne J.-C.* Op. cit. P. 45–46.

²³ См. о нем: PLP. 16063.

²⁴ Ibid. 16059.

²⁵ Ibid. 16053, 16055, 16057.

²⁶ О многозначности термина γαμβρός см.: *Stiernon L. Notes de titulature et de prosopographie Byzantine. Sebaste et Gambros // REB.* 1965. T. 23. P. 222–243.

²⁷ См.: *Nicol D.M. Refugees, Mixed Population and Local Patriotism in Epiros and Western Macedonia After the Fourth Crusade // Nicol D.M. Studies in Late Byzantine History and Prosopography.* L., 1986. N. IV. P. 16. Not. 61.

Коман²⁸ и Феодор Софас²⁹, женатый на знатной гречанке из Веррии. В свою очередь, куманскими и сельджукскими подразделениями никейской армии командуют крещенные турки: Никифор Римпса³⁰, отличившийся в битвах при Пелагонии (1259) и Новых Патрах³¹, Пупах³², приближенный Феодора II половец Клеоп³³, великий архонт аллагия Константин Маргарит³⁴ и татий двора (эта должность возникла в Нике) Феодор Калампак³⁵, назначенный в 1256 г. императором командовать отрядом войск в Велесе³⁶.

Однако лишь немногие из них смогли укорениться на византийской почве и стать основателями новых родов. Прежде всего это Калампаки. От 1284 г. нам известен Мануил Калампак (может быть, сын Феодора) – дукка и апографевс фемы Неокастра³⁷. Еще один Калампак – Михаил – упомянут в источниках этого же времени³⁸. После захвата Малой Азии турками-османами они, возможно, переселились на Балканы и в XIV в. фигурируют как земельные собственники в Македонии³⁹. Другой род – это Римпсы. Один из них, может быть, сын Никифора Римпсы, при Андронике II стал пансевастом, οἰκείος императора и λαίτωρ τοῦ δήμου в Константинополе⁴⁰. К пустившим корни на византийской почве, наверное, можно отнести и род Цамасов⁴¹.

В 1229 г. после поражения войска иконийского султана Кай-Кубада I (1219–1237) в сражении с никейскими отрядами в империи оказалось несколько знатных сельджуков, в том числе и сын сестры Кай-Феридуна, брата султана⁴². О его дальнейшей судьбе ничего не известно, но упоминаемые

²⁸ *Pitra J. Analecta sacra et clarissima Specilegio Solesmensi parata. T. VI. Paris; Roma, 1891. P. 235. Имеется в виду половец. См.: Мор. II. S. 167.*

²⁹ *Pitra J. Analecta... P. 295–298. Об этимологии фамильного имени см.: Мор. II. S. 271.*

³⁰ Ῥιμψᾶς. О его турецком происхождении и крещении прямо говорит Акрополит. (Асгр. P. 170.24–171.1; PLP. 24292).

³¹ Pach. I. P. 273.2–3; II. P. 425.18–427.7.

³² В 1257 г. вместе со своим отрядом он перешел на сторону эпирского деспота Михаила II (Асгр. P. 151.6–7).

³³ *Teodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII. Nunc primum ed. N. Festa. Firenze, 1898. P. 259; Teodori Scutariotae Additamenta // Georfii Acropolitae Opera. Vol. 1. Stuttgart, 1978. P. 293.12; PLP. 11787.*

³⁴ Μαρμαρίτης, согласно Ш. Дюканжу, образовалось от (Μ)αγαρίτης, что означает араба; в данном случае турка-сельджука (*Du Cange Ch. Glossarium od scriptores media et infinae praecitatis. Lyons, 1638. Col. 1563*). О его карьере при Ватаце и Феодоре II см.: Асгр. P. 122.3–4; 123.6–18; Асгр. История. Примеч. 784, 791–793.

³⁵ Его фамильное имя (Καλαμπάκης) произошло от турецкого qalabaq (“монашеская шапка”). См.: *Nästurel P.S. Op. cit. P. 95.*

³⁶ Асгр. P. 139.10–11. Возможно, он был сыном умершего до 1247 г. Н. Калампака, завещавшего свой метох всех святых монастырю Пресвятой Богородицы в Филадельфии. Διαδήξος Μαξίμου μοναχοῦ κτίτορος τῆς μονῆς Κοτινῆς (1247) / Ed. E. Εὐστρατίδης. Ἡ ἐν Φιλαδέλφεια μονὴ τῆς Ὑπεραγίας Κοτεινῆς // *Ελληνικά. 1930. 3. Σ. 337.28–29.*

³⁷ MM. IV. P. 268–269; *Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la region de Smyrne entre les deux occupations Turques (1081–1317), particulièrement au XIIe siècle // TM. 1965. Vol. 1. P. 165.*

³⁸ MM. IV. P. 129.

³⁹ *Actes d'Iviron. T. III. De 1204 à 1328. P. 1994 (= Archives de l'Athos, 17). P. 251; PLP. 93687.*

⁴⁰ MM. IV. P. 276; PLP. 24291.

⁴¹ В середине XIV в. известен священник Иоани Цамас (PLP. 27731).

⁴² *Cahen Cl. Questions d'histoire de la province de Kastamonu au XIIIe siècle / Cahen Cl. Turcobyzantina. L., 1974. P. 148. N 15.*

в грамоте 40–80-х годов XIII в. Амирасаны⁴³, Амиралисы⁴⁴ и Атугдисы⁴⁵, возможно, были из его свиты. Так, Алексей Амирасан не позднее 1247 г. продал свой хораний монастырю Пресвятой Богородицы в Филадельфии⁴⁶. Затем у него был Николай Казан, тоже крещенный тюрк⁴⁷. Здесь же, около Филадельфии находилось имение еще одного Амирасана (преном не известен), который также продал его тому же монастырю⁴⁸. Из других Амирасанов известен один клирик в Константинополе в середине XIV в.⁴⁹ Из малоазиатских⁵⁰ Амирасанов известен только Лев Амиралис – собственник дома в Монтане, около Смирны в 1280–1283 гг.⁵¹ Он мог быть только сыном или потомком эмира Али, прибывшего в Никею в 1230 г. Статус Василия Атугдиса, названного “Киром”, по источникам не известен⁵².

Хотя ни один из представителей родов Амирасанов, Амиралисов и Атугдисов не дан с византийским титулом или должностью (лишь Василий Атугдис назван “киром”), тем не менее мы считаем, что отнесение их к знати (возможно, местной) вполне правомерно, учитывая высокий статус их или их родителей в Иконийском султанате.

Однако по настоящему лишь одному из знатных тюрков, оказавшемуся в Нике, удалось стать основателем значительной аристократической семьи. Речь идет о роде Сиргианов. В 1241 г. Иоанн III Ватац переселил значительное количество половцев с Балкан в Малую Азию, на Меандр. Среди них находился племенной вождь Ситциган (Σιτζιγάν), получивший после крещения имя Сиргиан⁵³. Командуя куманским отрядом и находясь в подчинении великого коноставла Михаила Палеолога, он поддержал избрание последнего императором в конце 1258 г. и, вероятно, вскоре женился на одной из дочерей Алексея Дуки Филантропина⁵⁴. Нам не известна его дальнейшая судьба, но от этого брака родился сын, который быстро продвинулся по должностной лестнице и в конце 1280-х годов вступил в брак с младшей дочерью Иоанна Кантакузина и Ирины Комнины Палеологини (сестры Михаила VIII) – Евгенией Палеологиней Комниной Кантакузи-

⁴³ Ἀμιράσανη, от араб.-тюр. amīr (эмир) и (X)асан, т.е. эмир (X)асан (Mog. II. S. 72).

⁴⁴ Ἀμιράλης, от араб.-тюр. Amīr (эмир) и Али, т.е. эмир Али (Mog. II. S. 66–67).

⁴⁵ Ἀτουγδῆς, от турец. Ai-togdi (См.: Mog. II. S. 58).

⁴⁶ Διαθήκη Μαξίμου... Σ.334.12–13; 335.22–23.

⁴⁷ Ibid. Σ. 334.11–12; 335.8–9.

⁴⁸ Ibid. Σ. 338.20–21.

⁴⁹ MM. I. P. 334; PLP. 776.

⁵⁰ Помимо малоазийской ветви на Балканах в первой половине XIV в. появилась еще одна семья Амиралисов, но ее родоначальником, по нашему мнению, был другой эмир Али, прибывший в Византию вместе с султаном Кей-Кувасом II (1246–1260) уже в 1260 г. Подробнее о ней см. ниже.

⁵¹ MM. IV. P. 101, 123, 128; PLP. 774.

⁵² Papadopoulos-Kerameus A. Ἀνάλεκτα ἱεροβουλτικῆς οὐαυλογίας. Vol. 4. Petropolis, 1897. P. 124–125; PLP. 1638.

⁵³ Ioannis Cantacuzeni Historiam libri IV / Ed. J. Schopen. T. I–III. Bonnae, 1828–1832. (Далее: Cant. I–III). P. 18; Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte / Überst. u. erf. J.-L. van Dielen. Stuttgart, 1973–1979. Bd. II. S. 118; Bd. III. S. 15–16.

⁵⁴ Род Филантропинов в качестве знатного появился в середине XIII в. (см.: Polemis D.I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 167). Его основатель – Алексей Дука Филантропин – имел несколько дочерей, выданных за Михаила Сенахерима (Pach. I. P. 157.1–2), Михаила Тарханиота (Ibid. P. 273.16–17) и Сиргиана. Последнее не подтверждается пока источниками и является нашей гипотезой. Но иначе трудно объяснить появление в фамильном имени его сына и внука патронима Филантропин.

ной⁵⁵, а в 1290 г. становится великим домашником. Их сын, родившийся в 1290 г., – Сиргиан Палеолог Филантропин Комнин – стал впоследствии благодаря женитьбе на племяннице Андроника II Марии Дукини Палеологини (между 1315 и 1317 гг.) великим дукой, пинкерном, наместником в Македонии и Фракии, интриганом в политической жизни Византии первой трети XIV в.⁵⁶

Но появление в широких масштабах новых тюркских родов, игравших значительную роль в палеологовской Византии, связано с бегством в Никею в конце 1260 – начале 1261 г., а затем и в Константинополь сельджукского султана Кей-Кавуса II, окончательно изгнанного братом-султаном Кылыч Арсланом IV (1248–1264) и монголами из Иконийского султаната⁵⁷. Вместе с ним в освобожденную византийскую столицу прибыло не только все его семейство (мать-христианка⁵⁸, жены⁵⁹, сыновья⁶⁰, дочь⁶¹

⁵⁵ Cant. I, 109, 114, 116; Nicol D.M. The Byzantine Family of Kantakuzenos (Cantacizeni) ca. 1100–1460. Washington, 1968. P. 24–25; PLP. 21368.

⁵⁶ Подробнее о нем см.: PLP. 27167 с соответствующей литературой.

⁵⁷ Изз ад-Дин Кей-Кавус II был старшим сыном султана Кей-Хосрова II (1237–1245). Родился он в 1234/35 г. Его матерью была дочь греческого священника в Иконии. После смерти отца власть в Иконийском султанате по завещанию покойного должна была перейти к младшему (7 лет) сыну – Ала Ад-Дину Кей-Кубаду II, матерью которого была грузинская принцесса Расудан. Однако старшие братья – Кей-Кавус и Кылыч Арслан (9 лет), рожденный от знатной турчанки – не согласились с таким решением отца, и между тремя братьями, поддерживаемыми эмирами, началась междоусобная борьба. В 1254 г. после гибели младшего брата Иконийский султанат с помощью татаро-монголов был разделен на две части: западные области были отданы Кей-Кавусу II. Но соперничество между братьями не прекратилось. Татаро-монголы поддерживали Кылыч Арслана IV, а Кей-Кавус II опирался на неоднократную помощь Никейской империи, являясь, вероятно, тайно крещеным в христианскую веру (Pach. II. P. 339.4–12; 347.1–4, 9–17; Nicephori Gregori Byzantina historia / Ed. J. Schopen. Bonn, 1829–1830. T. I–II. (Далее: Greg. I–II). I. P. 94.13–14, 16–19). Подробнее о ситуации в Иконийском султанате в этот период и никейско-сельджукских отношениях см.: Turan O. Les souverains seldjoukides et leur sujets non-musulmans // Studia Islamica. 1953. I. P. 80; Nyatazopoulou M. Le dernière reconquête de Sinope par les Grecs de Trébizonde (1254–1265) // REB. 1964. T. 22. P. 244–245; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. N.Y., 1968. P. 271, 274, 276–279; Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50-е годы XIII в.) // ВВ. 1978. Т. 39. С. 93–101; Hiero E.M. Die byzantinische-katalonischen Beziehungen im 12. und 13. Jahrhundert unter besonderer Berücksichtigung der Chronic Jakobs I. von Katalonien-Aragon. München, 1996. S. 261–262.

⁵⁸ О прибытии в Константинополь матери-христианки султана сообщают многие источники. Pach. I. P. 183.23; 303.17; 313.13; Duda H.W. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. (Далее: Duda). S. 284, 285.

⁵⁹ Сколько с султаном прибыло жен – не известно. В большинстве случаев источники сообщают о нескольких женах (γυναικας) (Duda. S. 283; Pach. I. P. 183.23; 185.3, 13; 303.17). Но дважды говорится только об одной жене (Pach. I. P. 313.13; Greg. I. P. 101.15), которая после бегства султана из Византии (1264) была с детьми взята под стражу. В данном случае речь, скорее всего, идет о жене-христианке, от которой султан имел двух сыновей-христиан (Cahen Cl. Une famille Byzantine au service des Seldjuques di Asie Mineure / Polychronion. Festschrift F. Dolger. Heidelberg, 1966. P. 146). К. Каэн даже высказывает предположение, какими источниками не подкрепленное, что этой женой-христианкой была дочь императора Иоанна III Ватаца (Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 274). Нам ничего не известно о дочерях Иоанна III, в том числе и незаконнорожденных.

⁶⁰ Источники сообщают о нескольких сыновьях (Duda. S. 284; Pach. I. P. 337.14; 339.9), хотя чаще указывается просто “дети” (τέκνα) султана (Duda. S. 283; Pach. I. P. 183.23; 303.17; 313.14; Greg. I. P. 101.15). Ибн Биби сообщает о двух сыновьях (Duda. S. 285), хотя в действительности их было не менее четырех: Масуд, Масур (Мансур), Константин и Кайумарс (см. ниже).

⁶¹ В источниках говорится о присутствии в Константинополе только одной дочери Кей-Кавуса II (Duda. S. 285; Pach. I. P. 313.13).

и сестра⁶²), но и многочисленная свита и часть войска⁶³, значительное количество которого было христианами⁶⁴. Не вдаваясь в подробности политических событий и интриг, которые затевал в Константинополе султан⁶⁵, обманутый Михаилом VIII в своих ожиданиях⁶⁶, отметим, что после его освобождения в конце 1264 г. из крепости Энос золотоордынским ханом Берке и болгарским царем Константином Тихом⁶⁷ и прибытия в Крым, где он умер в 1278/80 г., в Константинополе остались все его родные и приближенные⁶⁸, за исключением, наверное, двух сыновей – Масура и Масуда, которые ушли с отцом⁶⁹. Именно многие из оставшихся в Константинополе и стали родоначальниками новых турецких знатных семей, породнившихся вскоре с высшей византийской знатью.

Среди них главенствовали семьи Меликов и Султанов. Высшие турецкие титулы⁷⁰ стали в Византии фамильными именами. Наиболее многочисленной и разветвленной уже при Михаиле VIII и Андронике II была семья Меликов. Источники, к сожалению, очень скупы, а главное, противоречивы в отношении родоначальников каждой из ветвей Меликов. Основателем пелопоннесской ветви Меликов я склонен считать не Константина Мелика, одного из христианских сыновей султана Кей-Кавуса II, как полагал В. Лоран⁷¹,

⁶² О сестре султана упоминает (трижды) только Георгий Пахимер (Pach. I. P. 183.14; 303.17; 313.14).

⁶³ Pach. I. P. 183.22–24; 185.12–15; Greg. I. P. 101.16–18.

⁶⁴ Duda. S. 284.

⁶⁵ О его заговоре против Византийского императора в 1263 г. см.: Ibid. S. 284.

⁶⁶ Михаил VIII обещал Кей-Кавусу II свою помощь в возвращении трона, либо предоставить часть византийской территории в полную его собственность (Pach. I. P. 185.4–9; Greg. I. P. 82.11–14). Но византийский император, который в это время вел переговоры с татаро-монголами о союзе, разумеется, не мог сделать ни того, ни другого. Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymère // REB. 1981. T. 39. P. 150; Hiero E.M. Die byzantinische-katalonischen Beziehungen... S. 262.

⁶⁷ Pach. I. 301.11–313.19; Greg. I. P. 100.1–101.19; Failler A. Chronologie... P. 150–154.

⁶⁸ Военачальники Кей-Кавуса II – эмиры Ахур Огурлу и Али Бехадур – были посажены в тюрьму. Первый был вскоре ослеплен, а второй убит (Duda. S. 284). Мать султана, его жены, дочь и дети были биты кнутом и также заключены в темницу (Pach. I. P. 313.11–15), а мусульманская часть свиты и войска окрещена и включена в Византийскую армию (Greg. I. P. 101.15–19).

⁶⁹ После смерти отца в Крыму Мелик Масуд (“счастливый”) отправляется в Иконию и становится султаном Масудом II (1284–1304, с перерывами) (Duda. S. 324; PLP. 17233). А его брат Масур, или Мансур (“победитель”), чуть ранее высаживается в Пафлагонию, где пытается, опираясь на помощь ильхана Аргуна, создать свое государство. Подробнее о его деятельности и взаимоотношениях с Византией в 1284–1293 гг. см.: Pach. IV. P. 359.14, 361.4; Greg. I. P. 137.4–23; Failler A. Les émirs turcs à la conquête de l'Anatolie au début du 14e siècle // REB. 1994. T. 52. P. 92–95. Я придерживаюсь мнения А. Файе, что фигурирующий у Пахимера Масур не тождественен султану Масуду II, ровно как и Кайумарсу сельджукского историка (Ибн Биби). Не представляется убедительным и вывод Д.А. Коробейникова, что под Масуром у Пахимера имеется в виду брат Масуда II Кылыч Арслан (Коробейников Д.А. Византино-турецкая граница в Малой Азии (конец XIII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 1999. С. 35).

⁷⁰ О значении терминов “мелек – мелик” см.: Mor. II. S. 187; Laurent V. Une famille torque en service de Byzance: les Mélikès // BZ. 1956. Bd. 49. P. 361–362.

⁷¹ Ibid. P. 362–363.

а Мелика, убежавшего в Никею чуть ранее султана⁷². В 1263 г. он был послан императором вместе с Сонихом во главе двухтысячного тюркского войска (там были как туркопулы, так и наемники) в Морею. Высадившись в Моневрасии вместе с греческими войсками под командованием севастократора Константина Палеолога они заняли Скорту, Калавриту и атаковали Андравиду. Но им не платили жалованья, и они перешли на сторону морейского князя Гийома II Виллардуэна⁷³. Вскоре часть тюрков была отпущена князем на Восток, а сам Мелик остался и женился на знатной вдове Аймон де Симиго⁷⁴. Мы ничего не знаем о его детях, но его внуки и правнуки во второй половине XIV–XV в. породнились с Раулями, Палеологами и Асенями⁷⁵. Матфей Асень Палеолог Рауль Мелик – потомок этого Мелика – знатнейший вельможа около Коринфа в середине XV в.⁷⁶

После бегства султана Кей-Кавуса II два его сына – скорее всего, это были Константин (крещенный в Константинополе⁷⁷) и мусульманин Кайумарс⁷⁸, или другой сын Кей-Кауса II – были отправлены в Веррию и назначены ее правителями⁷⁹. Позже Константин был возвращен императором в Константинополь. По словам Георгия Пахимера, “он горячо приобщился к ромейским обычаям”⁸⁰ и при Андронике II в 1305 г. назначен наместником г. Пиги⁸¹, куда вскоре была прислана его племянница, “воспитанная в ромейских традициях” и считавшаяся приемной дочерью Андроника II⁸². Это была дочь его старшего брата Масура, который после смерти Кей-Кавуса II (1278/80) прибыл из Крыма в Пафлагонию⁸³.

⁷² Этот Мелик “веря в старую дружбу с императором” прибыл в Никею к Михаилу VIII в начале 1260 г. (Pach. I. P. 149.18–21; 183.26–185.1). Никифор Григора называет его братом Кей-Кавуса II (Greg. I. P. 82.5–6). Если это был четвертый сын Кей-Хосрова II, то имя его осталось в истории неизвестным.

⁷³ The Chronicle of Morea / Ed. J. Schmit. L., 1904, vv. 4549–4555, 5099–5102, 5722–5729; Savvides A.G.C. Morea and Islam, 8th–15th Centuries. A Survey // Journal of Oriental and African Studies. 1990. 2. P. 55–57; Σαββίδης Α.Γ. Η προέλευση και ο ρόλος των τουρκοφώνων μισθοφόρων στου Μορέα κατά τον βυζαντινο-Φραγκικό πόλεμο τοψ 1263–64 // Πρακτικά Δ΄ Διεθνούς Συνεδρίου Πελοποννησιακών Σπουδών. Vol. 1. Athens. 1992. Σ. 165–188.

⁷⁴ The Chronicle of Morea, vv. 5733–5736; Bon A. La Morée franque. T. 1. P., 1969. P. 131–132, 337; PLP. 17785.

⁷⁵ О них см.: Laurent V. Une famille... P. 355–359, 364–365, 367; PLP. 17788–17792; Μουτσάπουλος Ν. Ο Ραούλ Μανουήλ Μελίκης και η ελιγραφία της γέφυρας της Καρύταινας // Τετράμηνα. 1993. 50. Σ. 3617–3625.

⁷⁶ Laurent V. Une famille... P. 358–359; PLP. 17790.

⁷⁷ Pach. IV. P. 675.3.

⁷⁸ Правда, согласно Ибн Биби, Кайумарс ушел с султаном в Крым (Duda. S. 322–324). Однако греческие источники этого не подтверждают. Пахимер считает, что с Кей-Каусом II отправился только Масур (см. примеч. 69).

⁷⁹ σουφλασιήδες, от осм. su-başı. Ζαχαριάδου Ε. Οι χριστιανοί αλόγογοι του ΄Ιζζεδίν Καϊκασούς β΄ στη Βέροια // Μακεδονικά. 1964/5. 6. Σ. 63.

⁸⁰ Pach. IV. P. 675.4.

⁸¹ Ibid. P. 675.11–13.

⁸² Ibid. P. 671.19–20, 673.34–675.1, 675.11; см. примеч. 69.

⁸³ В 1291/2 г. Масур, побежденный в Пафлагонии Ашурием, эмиром туркоман, отправляется в Константинополь и оставляет там у Андроника II жену и дочь (Pach. IV. P. 361.2, 5; подробнее см.: Failler A. Des émirs turcs... P. 93–94). В конце 1305 г. она была выдана императором замуж за Исаака (правильнее, наверное, Исхака) Мелика, полководца тюрков, который обещал императору в обмен на брак с дочерью Масура и передачу г. Пиги свою поддержку в борьбе с каталонцами (Pach. IV. P. 651.2–7, 10–14; 671.5–18; PLP. 8242; Failler A. Des émirs turcs... P. 89–90). Однако вскоре каталонцы раскрыли заговор Исхака и убили его (Pach. IV. P. 695.22–31).

Константинопольская ветвь Меликов, родоначальником которой, несомненно, был сын Кей-Кавуса II Константин⁸⁴, немногочисленна. Несмотря на требование полководца тюрок Исхака Мелика провозгласить султаном сельджуков Константина, Андроник II не пошел на это⁸⁵. Другой крещеный Мелик (преном не известен) командовал до 1305 г. в византийском войске более чем тысячным отрядом туркопулов (крещенных турок)⁸⁶. Был ли он сыном Константина, сказать трудно. В 1306 г. он перешел на сторону каталонцев, а затем ушел с войском в Сербию⁸⁷. От середины XIV в. в Константинополе известен священник Константин Мелик⁸⁸.

Третья ветвь Меликов образовалась несколько позднее в Македонии. Ее основателем, очень предположительно, можно считать Кайумарса, младшего сына Кей-Кавуса II. Он до конца жизни, согласно османскому историку Языджиоглу Али, оставался мусульманином, как и его сын⁸⁹, которым мог быть Астрапир Мелик. Как отец, так и сын были ойкейос византийских императоров. В 1342 г. Астрапир, как один из благородных (αρίστων) веррийцев, прибыл к Иоанну VI Кантакузину в качестве посла⁹⁰. Однако его сыновья уже были крещены⁹¹, получили крупные земельные владения в качестве пронии около Серр и Веррии⁹², породнились с Раулями⁹³ и активно придерживались Иоанна VI⁹⁴.

Но намного ранее там же, в Веррии, образовалась новая тюркская знатная семья Султанов, родоначальниками которой могли стать сыновья Мелика⁹⁵, отправленного в 1263 г. с войском в Морею, т.е., возможно, племянники Кей-Кавуса II. Одним из них был хйр Афанасий Султан⁹⁶. Он умер ок. 1324 г. в Веррии, имея от роду 80 лет. Значит он родился в Иконийском султанате ок. 1244 г. По прибытии с отцом в 1260 г. в Константинополь был крещен Афанасием, получил земельные владения около Веррии и вскоре женился на знатной византийской женщине. Личное и фамильное имя ее неизвестно, но их дочь Евдокия (ум. до 1326 г.)⁹⁷ в 1279 г. вышла замуж за знатного веррийца Феодора Саронтина Ангела Дуку Комнина (ум. в 1330 г.), ставшего впоследствии скутерием, пансевастом и ойкейос Андроника II⁹⁸.

⁸⁴ О нем см.: *Laurent V. Une famille...* P. 363–364; *Failler A. Des émirs turcs...* P. 93; PLP. 17762.

⁸⁵ *Rach. IV. P. 675.6–10.*

⁸⁶ *Greg. I. P. 248.5–10, 19;* Правда, Никифор Григора ошибается, представляя двух Меликов (Исхака и N.) как одно лицо (*Ibid. P. 254.5–9*).

⁸⁷ *Greg. I. P. 254.9–14;* PLP. 17761.

⁸⁸ PLP. 92662.

⁸⁹ *Zaḥaríadov E. Op. cit. Σ. 71.*

⁹⁰ *Ibid. Σ. 66, 72;* PLP. 1597.

⁹¹ *Zaḥaríadov E. Op. cit. Σ. 63.*

⁹² Восточнее Веррии до сих пор сохранился топоним Мелики.

⁹³ Иоанн Мелик, земельный собственник около Серр, был женат на Феодоре Раулине (PLP. 17787). То, что он был сыном Астрапира, как и другой анонимный Мелик, является нашей гипотезой.

⁹⁴ N. Мелик был верным приверженцем императора в середине XIV в. (PLP. 17784).

⁹⁵ Конечно, нельзя исключать, что этими сыновьями (или одним из них) могли быть неизвестные нам сыновья самого султана Кей-Кавуса II. Однако предпочтительнее видеть в них сыновей именно этого Мелика, возможно, родного или двоюродного брата султана.

⁹⁶ PLP. 26337.

⁹⁷ *Polemis D.I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 164. N 158.*

⁹⁸ PLP. 24906. Род Сарантинов известен с Василия II (976–1025) и дал много известных личностей Византии в XI–XII вв. (*Каждин А.П. Указ. соч. С. 90, 105, 108, 111, 117, 145, 179*).

В качестве приданного жены Феодор получил от тестя зевгелатий Команица (сейчас деревня Команицы, 40 км западнее Веррии)⁹⁹. Одна из их дочерей на рубеже XIII–XIV вв. вышла замуж за Михаила Дуку Арианита, происходившего из давно эллинизированного тюркского рода в Византии (с Василия II)¹⁰⁰. Она, как и мать, умерла не позднее 1326 г., и судьба ее детей (а они были) и внуков не известна.

Несколько лучше известна другая ветвь веррийских Султанов, происшедших от другого сына упомянутого выше Мелика, который тоже родился в султанском дворце¹⁰¹, был крещен в Византии (имя не известно)¹⁰², женился на сестре протоеракарисиоса Димитрия Палеолога¹⁰³, от брака с которой в середине 1260-х годов родился два сына: Алексей Султан Палеолог и Димитрий Султан Палеолог. Сам он вскоре умер. Его старший сын, Алексей, прониар императора около Веррии¹⁰⁴, женился на Ксени Палеологини¹⁰⁵. Перед смертью (до 1344 г.) он пожаловал свою пронию сыну – Димитрию Султану Палеологу. Нам не известно, из какого рода была жена Димитрия, но их дочь Феодора вышла замуж за Мануила Мономаха и до 1376 г. подарила монастырю Продрома в Веррии земельный участок¹⁰⁶. Что касается младшего брата Алексея, – Димитрия Султана Палеолога – то он прожил ок. 80 лет (ум. ок. 1345 г.)¹⁰⁷. Мануил Фил и ему посвятил эпитафию¹⁰⁸.

Более или менее ясная картина жизни семьи Султанов в Веррии на этом заканчивается, но их род не прекратил свое существование. Когда султан Баязид I (1389–1402) овладел Веррией, то к нему явились, согласно османскому источнику, два брата: Димитрий и Михос Султаны¹⁰⁹. Кроме того, где-то в середине XIV в. Султаны породнились со знатным родом Лизикосов (Λίζικός), члены которого занимали важные посты в военной и гражданской администрации городов Серр и Веррии и являлись крупными земельными собственниками в этом районе¹¹⁰. Потомки этих Лизикосов, так же, как и

Феодор, видимо, находился в родственных отношениях со знаменитым полководцем второй половины XIII в. N. Сарантином Ангелом Дукой Комнином (PLP. 24898), которому Мануил Фил посвятил целую поэму (Manuelis Philae Carmina / Ed. E. Miller. P. 1855. T. I. P. 247–249; 1857. T. II). Племянники Феодора (сыновья его братьев Иоанна и Герасима) стали великими етериархами, протоеракарисиосами, скутериями. PLP. 24900, 24901, 24910, 24912, 24915.

⁹⁹ Ζαχαριάδου Ε. Op. cit. Σ. 69–70.

¹⁰⁰ Polemis D. A. Op. cit. P. 103–104. N. 66.

¹⁰¹ Об этом говорится в эпитафии Мануила Фила, посвященной Димитрию Султану Палеологу (ум. в 1345 г.), сыну этого Султана. (Manuelis Phila Carmina inedita / Ed. Em. Martina. Neapoli, 1900. P. 71).

¹⁰² См.: PLP. 26333.

¹⁰³ Имя сестры Димитрия Палеолога не известно. Сохранилась эпитафия Мануила Фила (Manuelis Phila Carmina. P. 69) Димитрию Палеологу. О нем см.: PLP. 94378.

¹⁰⁴ Papadopoulou Th. Versuch einer Genealogie der Paläologen. 1259–1453. München, 1938, N 110; PLP. 26338. Возможно, он идентичен Султану Палеологу, владевшему в это же время мельницей около Веррии (PLP. 26341).

¹⁰⁵ О ней см.: PLP. 26336.

¹⁰⁶ PLP. 26335.

¹⁰⁷ Ζαχαριάδου Ε. Op. cit. Σ. 68–69; PLP. 26339.

¹⁰⁸ Manuelis Phila Carmina. P. 70–71.

¹⁰⁹ Ζαχαριάδου Ε. Op. cit. Σ. 64.

¹¹⁰ Среди них назовем тавулярия Серр в начале XVI в. Алексея Лизикоса (PLP. 14913), сакеллария и великого эконома Серр в 1365–1388 гг. (PLP. 14916); коменданта Фессалоники (1328) и Эдессы (1350) и сторонника Иоанна VI Кантакузина Георгия Лизикоса, родом из

Султаны, явились к Баязиду I и представили доказательства своего родства с сельджукской семьей Султанов и получили освобождение от налогов¹¹¹.

Предположительно, генеалогическое древо первых Султанов в Веррии, исходя из нашей интерпретации имеющихся исторических фактов, может быть представлено следующим образом (см. табл.).

Если эти два рода (Мелики и Султаны) были “царскими” или “султанскими”, то многие прибывшие с султаном Кей-Кавусом II эмиры и полководцы сумели создать в Византии собственные фамильные роды. Таковы Анатавлы¹¹², ставшие севастами и крупными земельными собственниками в районе Фессалоники¹¹³. Известны три представителя этого рода. Более многочисленны (5 чел.) были Апелменисы (Апелмелисы)¹¹⁴. Иоанн Апелменис в 1320-е годы был дукой фемы Вонерон и Мосинополь¹¹⁵, а Димитрий Апелмелис в это же время – апографевсом фемы Фессалоники и пансевастом¹¹⁶. Михаил Апелменис уже в 1268 г. достиг титула севаста¹¹⁷. В середине XIV в. Димитрий Апелменис исполнял обязанности протедика Серр, имея около города обширные земельные владения¹¹⁸. Анонимный Апелменис был в 1341–1342 гг. доверенным лицом Иоанна VI Кантакузина, но вскоре изменил ему, был пленен болгарским властителем Момчилом и выдан императрице Анне Палеологине¹¹⁹.

К тюркоязычной знати, по нашему мнению, следует причислить и семью Атзимов¹²⁰. Среди ее представителей выделяется Михаил Атзим, domestik восточных фем в 1311–1319 гг., пансеваст севаст, κοινόςτοπος, покровитель Мануила Фила¹²¹. На рубеже XIII–XIV вв. среди Атзимов было два севаста: Василий¹²² и Мануил¹²³. Вероятно, они были близкими родственниками Михаила Атзима. Атуманы (Атуглисы)¹²⁴ стали также

Веррии (PLP. 15196); земельного собственника около Веррии хёр Михаила Лизикоса (PLP. 15198), бывшего, вероятно, родственником Георгия.

¹¹¹ Ζαχαριάδου Ε. Οр. cit. Σ. 63, 73.

¹¹² Ἀναταυλάς, от араб.-тур. Alāeddoula (Mor. II. S. 69).

¹¹³ Георгий Анатавл при Андронике III был севастом (PLP. 870), а его родственники в это же время – крупными земельными собственниками на Халкидике (PLP. 868, 869).

¹¹⁴ Ἀπελμενέ (Ἀπελμελέ) от араб.-тур. Абу-Меликб или Абдул-Мелик (Mor. II. S. 54).

¹¹⁵ PLP. 1167.

¹¹⁶ *Eustratiades S.* Ἱστορικὰ μνημεῖα τοῦ Ἀθῶ // *Hellenika*. 1929. 2. Σ. 377, 380; PLP. 1156.

¹¹⁷ MM. IV. P. 161; PLP. 1158.

¹¹⁸ Actes de Chilandar / Ed. L. Petit // *BB*. 1911. T. 17. Приложение. С. 310; PLP. 1153, 1156.

¹¹⁹ Cant. II. P. 138, 247, 432; PLP. 1151, 1152.

¹²⁰ Ἀτζίμης, от араб.-осм. aǰ'mi (говорящие на чужом языке). (Mor. II. S. 77).

¹²¹ *Fatouros G.* Die Briefe des Michael Gabras (ca. 1290 – nach 1350). Bd. 2. Wien, 1973. S. 72–73, 80, 91–92, 99, 122–124, 148, 193, 231, 261–263; *Manuelis Philae Carmina*. I. P. 86, 104, 130, 251; II. P. 174, 259; PLP. 1633.

¹²² *Manuelis Philae Carmina*. II. P. 171; PLP. 1626.

¹²³ *Manuelis Philae Carmina*. II. P. 66–67; PLP. 1632.

¹²⁴ Ἀθουμάνος (Атоумџ), от тюрк. Ataman, Ataman ~ араб. Otmān. (Mor. II. S. 214–215). Вполне вероятно, что Атуманы появились в Византии еще в конце XII в., а не прибыли с Кей-Кавусом в 1260 г. Имеется дворцовая печать некоего Петра Атумана, *οπαθαροκουβιχουλαρίου* (*Laurent V.* La collection C. Orghidan. P., 1932. N. 158), датируемая предположительно XII в. Кроме того, Атуманов-Атумисов, наверное, не следует отождествлять с византийскими Атманами, которые, скорее всего, были армянского происхождения: Иоанн Атман, игумен Бачковского монастыря, происходил из селения Атма в Армении. *Бартикян Р.* К византийской просопографии: Μοναστηριώται: кто они? // *Αντίφωνο*. К 75-летию акад. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 46.

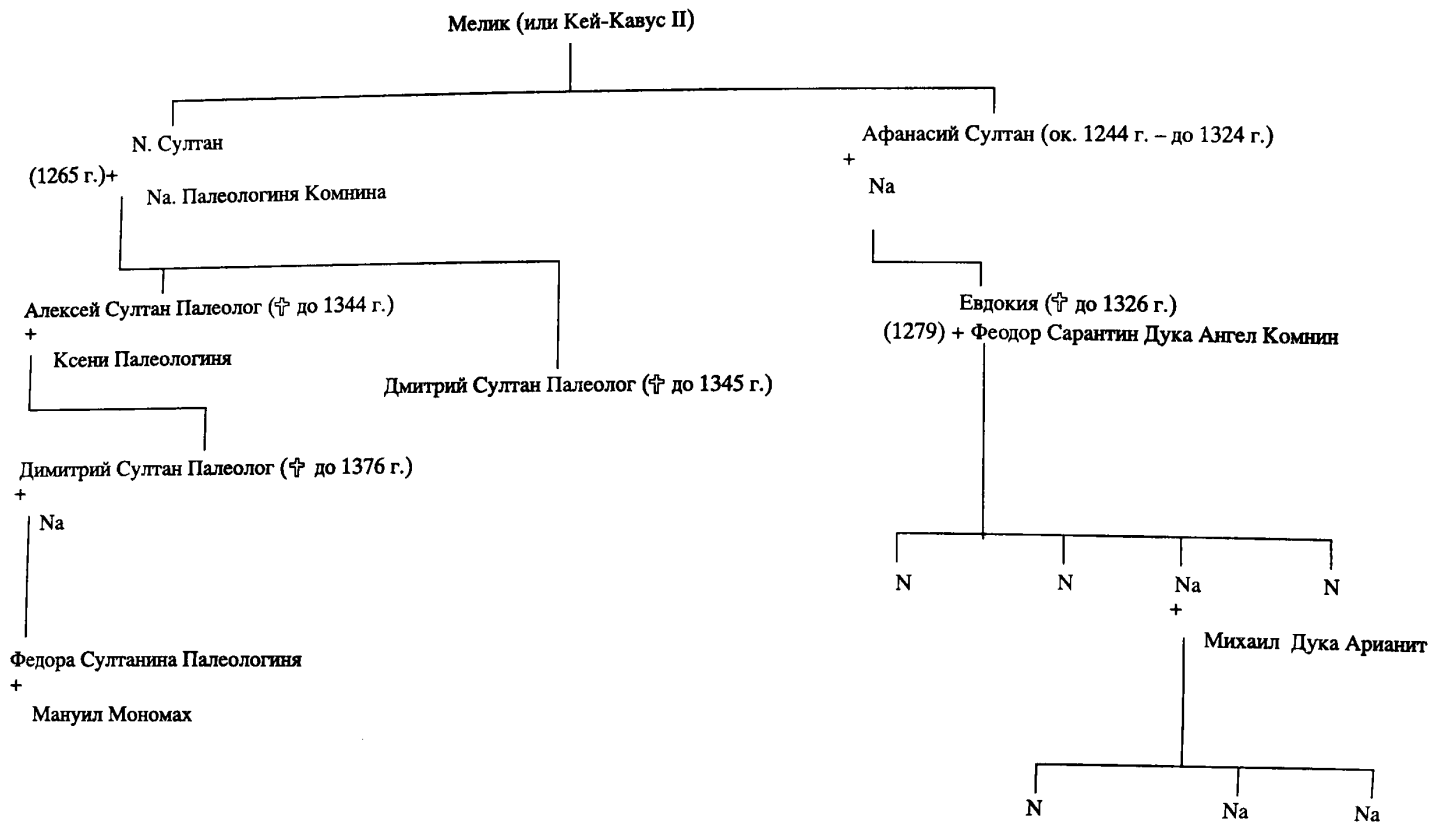

Таблица. Генеалогическое древо первых Султанов в Веррии

севастами¹²⁵, вестияриями¹²⁶, один – митрополитом Монемавасии¹²⁷. Во второй половине XIV в. другой представитель этой семьи – Симон Атуман – достиг сана латинского архиепископа Фив (1366–1383), стал писателем и гуманистом¹²⁸. Гази (Газисы)¹²⁹ представлены в рассматриваемый период всего двумя лицами: аллагатором (1280-е годы) и протоаллагатором (1344) большого алпягия в Фессалонике¹³⁰. Впоследствии (XV в.) этот род дал знаменитого писателя и гуманиста Феодора Газима.

Но, пожалуй, самым многочисленным для этого времени был род Масгидов¹³¹ (7 лиц). Среди них прониары, ктитор монастыря, доулос императора. Они породнились с Дуками и Комнинами. Иоанн Масгид Дука был крупным прониаром около Серр (1324–1346), доулос Андроников II и III, женат на Ирине Дукене. Жертвовал деньги на афонские монастыри¹³². Его брат Афанасий – один из основателей монастыря Продрома около Серр (до 1336 г.)¹³³. Алексей Масгид породнился с Комнинами и был направлен императором улаживать спор с Лаврой св. Афанасия на Афоне¹³⁴, куда его дядя Константин продавал хлеб¹³⁵. Три других представителя Масгидов имели в 1310–1324 гг. в собственности (вероятно, в качестве пронии) землю на Халкидике и Стримоне¹³⁶.

К тюркской аристократии следует отнести и Мелахринов¹³⁷. Большинство из них не принадлежали к знати (парики, священники, владельцы домов и т.д.) Но среди них были протоаллагаторы, служившие вместе с Гази в большой алпягии Фессалоники¹³⁸, а Иоанн Мелахрин породнился с Дуками¹³⁹. В конце рассматриваемого периода на сцене появляется и род Ягупов¹⁴⁰. Один из Ягупов был в 1344 г. протоиеракариосом в Фессалонике¹⁴¹. Но по настоящему расцвет этого рода приходится на вторую половину XIV в., когда его члены стали архонтами, апографевсами и т.д. Как мы уже писали выше (см. примеч. 50), в первой половине XIV в. возникает и балканская ветвь

¹²⁵ Михаил Атумис, севаст (XIII в.). *Laurent V. Les bulles metrique dans la sidillographie Byzantine.* Athen, 1932. N. 34; *Sebi W. Die byzantinischen Bleisigel in Österreich. I. Teil Kaiserhof.* Wien, 1978. S. 317–318; PLP. 91398.

¹²⁶ Иоанн Атумис, вестиярий (1340-е годы); см.: PLP. 1650, 1651.

¹²⁷ Митрополит Монемавасии Н. Атуман в 1310 г. снят с должности из-за симонии. *Laurent V. Le patriarche Nippon et les depositions d'évêques pour delit de simonie // REB.* 1969. T. 27. P. 220, 224; PLP. 1647.

¹²⁸ Он являлся туркопулом, рожденным в Константинополе. Вначале был монахом Студийского монастыря, затем принял католичество и успешно продвигался по служебной лестнице. Подробнее о нем с литературой вопроса см.: PLP. 1648.

¹²⁹ Об этимологии рода см.: Мор. II. S. 108.

¹³⁰ Их личные имена не известны; см.: PLP. 3444, 91580.

¹³¹ Маоудас, от араб.-осм. Masiid (мечеть) (Мор. II. S. 182–183).

¹³² PLP. 17222, 17216.

¹³³ *Mercatis S. Sull' epitafo di Atanasio Masgidis // OCP.* 1977. T. 13. P. 239–240, 244; PLP. 17219.

¹³⁴ *Lemerle P., Guillard A., Svoronos N. Actes de Lavra.* T. III. P., 1980. P. 97, 98; PLP. 17220.

¹³⁵ PLP. 17223.

¹³⁶ См.: PLP. 17217, 17218, 17221.

¹³⁷ Μελαχρονοί, с новогреч. “смуглые, темнокожие”. Возможно, они были куманами, знали турецкий язык: Мануил Мелахрин был послан в 1424 г. к Мураду II в качестве посла (PLP. 17659).

¹³⁸ См.: PLP. 17625.

¹³⁹ *Polemis D.I. Op. cit.* N. 145; PLP. 17665.

¹⁴⁰ Ἰαγούβης, от араб.-осм. Yağub, турец. Yakut (рубин) (Мор. II. S. 135).

¹⁴¹ PLP. 92055.

Амиралисов. Среди них интересен Н. Амиралис, сын кесаря Новака. Его изображение находится в монастыре Богородицы в Мали Град на Преспенском озере¹⁴².

Хотя эти роды и составляли основу тюркской знати среди византийской аристократии, не меньшее значение имели и ее отдельные представители. Так, полководец Кей-Кавуса II Али Бехадур, прибывший вскорее вслед за султаном в Константинополь (1261), был дружественно принят и обласкан Михаилом VIII. Но в 1263 г. за участие в заговоре султана против византийского императора он был казнен¹⁴³. Несмотря на это, его сын, а скорее внук, принявший православие и носивший имя Георгий Бехадур, стал протовестиарием и пал в битве во Фракии¹⁴⁴. Ибрагим-паша служит при молодом Андронике протоиеракарисом¹⁴⁵. Татарин Кутцимакс, верховный шаман у золотоордынского хана Ногая, после смерти последнего прибывает в Византию, принимает вместе со всей семьей в 1302 г. крещение¹⁴⁶ (православное имя не известно) и становится доверенным лицом Андроника, выполняя различные его поручения¹⁴⁷, в том числе улаживает конфликт с аланами во время каталанской компании¹⁴⁸. Махрам, полководец Андроника II, становится его *οἰχιδῆς* и комендантом крепости Ассос на берегу Никомидийского залива¹⁴⁹, а его соплеменник Царапи, полководец туркопулов, начальником гарнизона г. Апро во Фракии в 1306 г.¹⁵⁰ Должность примикария *τῶν ἔξουβιτῶρων* в начале правления Иоанна VI Кантакузина занимает Харац¹⁵¹.

Таким образом в 150-летней истории (1204–1350) Византийской империи нам удалось зафиксировать 28 родов (77 человек) тюркоязычной знати. Плюс 6 отдельных представителей¹⁵². Разумеется, представленный ниже список далеко не полный, так как некоторые роды сюда не вошли из-за неясности их этнической принадлежности. В скобках указано количество лиц

¹⁴² Милуков П. Христианские древности западной Македонии // ИРАИК. 1899. 4. С. 68; PLP. 91160.

¹⁴³ Duda. S. 284.

¹⁴⁴ Он погиб в молодом возрасте в первой четверти XIV в. (Manuelis Philae Carmina. II. P. 17–21).

¹⁴⁵ В греческой транскрипции он дан как Абрамакс. В 1290/1 г. по приказу императора сопровождал сына Кей-Кавуса II Масура из Константинополя в Нимфей. (Pach. IV. P. 361.5–8).

¹⁴⁶ Pach. IV. P. 379.5–11; PLP. 13622.

¹⁴⁷ В 1302 г. Андроник II назначил его главой района Никомидии и убедил отдать замуж свою дочь за Сулеймана-пашу, тюркского вождя этого региона, чтобы этим браком “погасить” натиск турок (Pach. IV. P. 379.11–23). В 1305 г. он был послан к хану Золотой Орды Токту, чтобы снять напряжение между Византией и татаро-монголами. (Ibid. P. 627.15–22).

¹⁴⁸ В 1305 г. он женился вторым браком на сестре вождя алан Курситиса (Pach. IV. P. 627.26–27). Подробнее об улаживании конфликта см.: Pach. IV. P. 603.27–31; 627.15–629.5.

¹⁴⁹ Ibid. P. 481.22–483.3.

¹⁵⁰ Ibid. P. 697.7–10; PLP. 27802.

¹⁵¹ *Χαρατζαῖος*, от араб.-осм. *harāġ* (харадж) (Mor. II. S. 340). Возможно, что именно он летом 1345 г. преследовал в Фессалонике сторонников Григория Акиндина (MM. I. P. 325; PLP. 30614, 30615).

¹⁵² Следовательно, общее число лиц по мужской линии составляет 83 человека. За XI–XII вв. – 62 человека.

по мужской линии:

1. Апелменисы (Апелмелисы) (5)	15. Маниаки (1)
2. Амиралисы (2)	16. Манкафы (6)
3. Амирасаны (3)	17. Маргариты (1)
4. Анатавлы (3)	18. Масгиды (7)
5. Атзимы (3)	19. Малахрины (2)
6. Атугдисы (1)	20. Мелики (8)
7. Атуманы (Аумисы) (4)	21. Пулахы (1)
8. Гази (2)	22. Римпсы (2)
9. Исисы (1)	23. Сафасы (1)
10. Казаны (2)	24. Сиргианы (3)
11. Калампаки (5)	25. Султаны (6)
12. Камицы (1)	26. Цамасы (2)
13. Клеопы (1)	27. Халуфы (1)
14. Команы (1)	28. Ягупы (1)

Отдельные представители: Бехадур Георгий, Ибрагим-паша, Кутуимпакс, Махрам, Царапи, Хараци.

Проведенное исследование позволяет прийти к трем выводам. Во-первых, катастрофа 1204 г. была одновременно и крахом тюркской аристократии, существовавшей при Комнинах и Ангелах. Во-вторых, появление новых тюркских родов и отдельных представителей знати связано прежде всего с поражением Иконийского султаната в борьбе с монголами и широким привлечением на службу империи при Палеологах сельджуков и куман-половцев. В-третьих, в качестве гипотезы можно высказать предположение, что тюркские¹⁵³ и туркопульские слои византийского общества (а в него входила не только тюркоязычная знать, но и свободные земельные собственники, духовенство, владельцы недвижимости, многочисленные воины, парики и др.)¹⁵⁴, значительно увеличившиеся в середине XIV – начале XV в. составляли тот базис, на котором смогла оформиться к началу XV в. туркофильская партия в Византии.

¹⁵³ Тюрки-мусульмане, проживающие в Византии, уже по крайней мере в X в. имели свою мечеть в Константинополе, расположенную в северной части города, около храма Ирины (Balivet M. Op. cit. P. 35; Шукуров P.M. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 101. Примеч. 80). Во время штурма Константинополя крестоносцами в 1204 г. она была разграблена и сожжена (Nic. Chon. P. 553.1–5). Но в 1261 г. Михаил VIII ее заново отстроил и расширил (Mor. II. S. 193; Balivet M. Op. cit. P. 36). Патриарх Афанасий I (1289–1293) писал, что мусульмане в Константинополе имеют полную свободу, чтобы созывать верующих к молитве (The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople / Ed. M. Talbot. Washington, 1975. P. 350).

¹⁵⁴ О них пойдет речь во второй части работы.

ПОЛОЖЕНИЕ ЗИММИ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ XV–XVI вв.

Проблема исламско-христианского диалога, столь актуальная в наши дни, зародилась почти четырнадцать столетий назад. В период средневековья сложилась и укрепилась дошедшая до нас идея исторического противоборства ислама и христианства. С позиций военно-политической и религиозной конфронтации оценивались в историографии и завоевания турок-османов и падение Константинополя 29 мая 1453 г. Это на столетия определило парадигму развития христианского мира, но в особенности социокультурную эволюцию народов Балканского полуострова, ставшего важной и неоднозначной по последствиям контактной зоной цивилизационного обмена между Востоком и Западом.

Примеры неоднозначного и не однолинейного отношения европейцев к османам и вероучению мусульман содержат источники XV–XVI вв., свидетельствующие о значительном числе поклонников турок-османов, особенно среди угнетенной и эксплуатируемой части населения Балкан, Венгрии, Западной Европы, России и Магриба. Туркофильство и идеализация османских порядков (например: Г. Розенплют, И.С. Пересветов, Т. Кампанелла, Ф. Альбергати, Л. Цукколо, Ибн Абу Динар и др.) породили мифы о веротерпимости, о народолюбии турок, о “крестьянской правде” османских султанов и сановников. Все это хорошо показано в работе Н.А. Иванова, который справедливо отметил, что только “на рубеже XVI–XVII вв. рухнул миф о крестьянской идиллии под харизматической властью дома Османов”¹.

Решение данной проблемы требует изучения всей совокупности и многообразия исламо-христианских контактов. В этом ряду исследований важное место занимает вопрос о положении завоеванных христиан – зимми – и роли Константинопольской патриархии в механизме османской системы управления, вопрос, имеющий значительный “разброс” мнений о роли и характере политики Константинопольской патриархии в отношении христианских народов, о ее туркофильстве, о статусе православного миллета и т.д.

Изучением указанных вопросов занимались многие ученые, в силу чего мы не можем согласиться с утверждением историка из Праги З. Весела о том, что “до сих пор нет исследований, в которых бы прослеживалось положение церкви в рамках османского государства и его феодальной структуры...”². В то же время автор совершенно прав, говоря, что обращение к такому принципиальному вопросу “сейчас, когда разработана лишь незначительная часть существующих источников”, можно рассматривать только “как призыв к дальнейшему исследованию проблемы”³.

¹ Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. Изд. 2-е, доп. М., 2001. С. 242–244, 251, 257.

² Весела З.К. К вопросу о положении христианской церкви в османском государстве // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 118.

³ Там же.

Задачей нашей статьи является очередная попытка дать краткую характеристику положения православной паствы (миллета) и церкви в османском государстве, определить место и роль Константинопольской патриархии в системе управления мирянами, выяснить юридическое положение христиан в европейских (балканских) владениях Османской империи в XV–XVI вв.

Расширение границ мусульманского государства на Балканах, как известно, приводило к ликвидации местных православных автокефалий и подпадению все новых территорий под власть Константинопольских (Вселенских) патриархов, которые стремились к уничтожению национальных церквей, заботясь о сохранении и расширении своего господства над православной паствой. Данный фактор сыграл далеко не последнюю роль в последующем вхождении Константинопольской патриархии в административный организм Высокой Порты.

Таким образом, еще задолго до падения Византии сфера влияния Константинопольской патриархии стала возрастать одновременно с османскими завоеваниями. Одну из причин подобного симбиоза следует искать, по-видимому, в зависимости патриархии в 40–60-х годах XIV в. (это и время начала активной экспансии турок на Балканах) от светской власти Византийской империи (положение духовного владыки было довольно шатким): главным желанием патриархов было сохранение своего веса в клерикальном мире, а завоевания османов представляли для этого прекрасную возможность. Не случайно протурецки настроенные элементы византийского общества (Алексей Макремволит, Лука Нотара и др.) готовы были признать власть мусульманских завоевателей⁴.

Исследователи по-разному оценивают роль Геннадия (в миру – Георгия) Схолария – одного из главных представителей антиуниатского и протурецкого направления среди православных кругов Константинополя. Основываясь на материалах и выводах немецких историков, К. Маркс характеризовал деятельность Схолария как политику “предательского фанатизма”⁵. Диаметрально противоположную оценку деятельности Схолария дает английский византинист Стивен Рансимен, считающий, что после падения Константинополя “только Схоларий... был призван сыграть конструктивную роль в создании нового мира, в объединении своего народа вокруг церкви и устройства патриаршего двора...”⁶. При всех несомненных достоинствах труда С. Рансимена, считаем, что ученый переоценивает особую заботу султана Мехмеда II “о благосостоянии церкви”, который вместе со своим “другом Схоларием” разработал “новый свод законов для греческого миллета”⁷.

Вероятность совместной работы над сводом законов для христиан вполне допустима и возражений не вызывает. Что же касается особой заботы султана о православной церкви, то С. Рансимен сам же отмечает: “В целом это были условия, которые мусульмане *обычно* (курсив наш. – С.М.) предписывали завоеванным христианским общинам”⁸. “Особая забота” Мехмеда

⁴ Удальцова З.В. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // ВВ. 1950. Т. 3; *Они же*. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // ВВ. 1953. Т. 7.

⁵ Архив Маркса и Энгельса. Т. VI. М., 1939. С. 207.

⁶ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983. С. 165.

⁷ Там же. С. 138, 139, 142.

⁸ Там же. С. 140.

Фатиха о православной церкви объясняется, на наш взгляд, осознанием трудности, а то и невозможности управлять иноверным населением без сохранения некоторых прежних византийских институтов. По словам Бенедикта Курипешича (1530), который входил в состав посольства короля Фердинанда I в Османскую империю, турки сами признавали, что не смогли бы подчинить балканские народы, если бы не разрешили им сохранить свою религию: "...султан оставил веру... лишь бы они обрабатывали землю. Также позволил им сохранить священников, церкви и другие свои порядки"⁹.

Таким образом, желание нормализовать хозяйственную и административную жизнь в захваченных землях вынуждало османов проводить достаточно гибкую политику, что нашло свое выражение в известном покровительстве восточноправославной церкви и ее институтам. Предпосылки и условия такого решения проблемы османскими властями сложились еще в конце XIV – начале XV в., т.е. еще до завоевания Константинополя¹⁰.

Существовали, разумеется, и иные причины сохранения и/или заимствования прежних структур, позволявших управлять огромным многоконфессиональным и полиэтническим государством. Одним из таких социально-политических институтов были миллеты – конфессиональные общины, не дифференцированные по этническому признаку, хотя та или иная этническая группа могла входить в тот или иной миллет.

Ислам, пришедший на Балканы извне и лишенный глубоких корней в местном обществе, не мог на равных соперничать с конфессиями, которые утвердились здесь значительно раньше. Объективная оценка конфессиональной ситуации привела к тому, что в конце XV в. в Османской империи было дозволено существование трех инорелигиозных общин: православной, армяно-грегорианской и иудейской. Христианское население империи объединялось в так называемую "ромейскую общину", или "румиллети". В учрежденных общинах османы осуществляли управление подданными – зимми – в соответствии с предписаниями Корана и шариата.

Согласно исламской концепции, термин "зимми" фиксировал юридический статус немусульманских общин – "людей Писания", т.е. христиан и евреев, живущих под "покровительством" мусульманского государства. Как отмечает Бат-Йеор, многие положения, касающиеся зимми были созданы самой православной церковью – она явилась "истинным творцом будущей зимма. Кодекс Феодосия II (438) и кодекс Юстиниана (534) представляли собой гармоничную и хорошо организованную юридическую систему, оправдывавшую преследования язычников, еретиков и евреев на всей территории" Византии¹¹.

Османские завоеватели творчески позаимствовали многие из этих положений, касающихся зимми, приведя их в соответствие с предписаниями Корана, шариата и хадисов, добавив подушный налог – джизью и харадж¹², плата которого должна была гарантировать протекцию зимми.

⁹ Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV–XVI в. София, 1979. С. 143.

¹⁰ Ломизе Е.М. К вопросу о раннеосманской религиозной политике в отношении христиан на завоеванных землях // Славяне и их соседи. Вып. 4. М., 1992. С. 11–20.

¹¹ Бат-Йеор. Зимми. Евреи и христиане под властью ислама. Иерусалим, 1991. С. 92, 127–129.

¹² Подобный поземельный налог уже существовал в Византии накануне османского завоевания. В Османской империи харадж иногда объединялся с джизьей.

Священной книгой мусульман устанавливалось, что первоначально весь род человеческий был одной религиозной общиной (2:209; 10:2)¹³, но когда было дано “Писание”, тогда возникла религиозная ненависть, и люди “разошлись” по разным общинам, для каждой из которых Господь установил особые порядки (22:66), причем мусульманская община (умма), разумеется, объявлялась самой лучшей (3:100; 3:106). Это означало, что “неверный” (инаковерующий) никогда не может властвовать над мусульманами. Отстранение зимми от исполнения общественных обязанностей также основывалось на нескольких аятах Корана (3:27, 113, 5:56) и на хадисах.

Исследуя проблему межконфессиональных отношений, нельзя не согласиться с Бат-Йеор, заметившей: “Ирония истории состоит в том, что на территориях, подпадавших под власть ислама, ислам оказался способен использовать для разрушения восточного христианства ту самую систему подавления, которую создала и довела до совершенства византийская церковь. Вводя антиеврейское законодательство, отцы церкви – бессознательные агенты истории – готовили почву для разрушения восточного христианства. И точно так же, как церковь доказывала превосходство своей догмы, унижая иудаизм, так и ислам в свою очередь утверждал свое собственное превосходство, унижая церковь”¹⁴.

Вместе с тем следует заметить, что в XV–XVI вв. положение зимми в Османской империи было несколько лучше, нежели в других мусульманских государствах. Одной из главных причин большей терпимости османов к зимми служит, на наш взгляд, тот факт, что являясь субъектами налогообложения (вспомним знаменитое “райя – казна падишаха”), которых в любое время можно было принудить выполнять ангарии, зимми снабжали своих завоевателей средствами и ресурсами, усиливая тем самым мощь османского общества и содействуя дальнейшей экспансии турок. В османской армии было много христиан с Балканского полуострова – славянская речь звучала в большей части армии¹⁵. Славянский язык в XVI в. был разговорной речью султанского двора и янычарского войска, на греческом языке говорило большинство жителей Стамбула и других старых византийских городов. А.Е. Крымский даже считал возможным говорить об Османской империи XV–XVI вв. как о “государстве славянском, только с религией мусульманской”¹⁶.

После взятия Константинополя Мехмед II повелел уточнить религиозно-мировоззренческие основы официальной доктрины Порты и приступить к составлению обновленной османской “редакции” шариата. Как отмечает Н.А. Иванов, это нашло отражение в труде богослова Мехмеда ибн Фирамурзы, или муллы Хюсрева, “Дурар аль-хуккам” (“Жемчужины правителей”, 1470 г.) и в фундаментальной работе Ибрахима аль-Халеби “Мультака аль-абхур” (“Слияние морей”, 1517). В более практической плоскости новая трактовка шариата была закреплена в султанских канун-наме Баязида II (1481–1512) и Сулеймана Великолепного (1520–1566), а также в трудах

¹³ Здесь и ниже ссылки даются на Коран. Первая цифра означает номер суры, вторая – стиха (аята). Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1963.

¹⁴ Там же. С. 128.

¹⁵ Бартольд В.В. Халиф и султан // Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 61.

¹⁶ Крымский А. История Турции и ее литературы. От расцвета до начала упадка. М., 1910. С. 125–127.

шеих-уль-ислама Абу-с-Сууда эфенди, занимавшего свой пост в 1544–1574 гг.¹⁷

Таким образом, многие византийские законы, прежде действовавшие при иной системе ценностей, перешли в исламское законодательство, а Константинопольские патриархи, получившие название “миллет-баши”, стали выразителями интересов прежде всего зажиточной части греческого населения Порты и посредниками между христианской райей (зимми) и султанами. Кажущаяся полная несовместимость господствующей идеологии – ислама – и христианства не помешала патриархии войти в механизм османского государства и постепенно превратиться в орудие государственной политики завоевателей¹⁸.

Вопрос о правах и обязанностях патриархов и церковного клира в XV–XVI столетиях во многом остается неясен из-за отсутствия документальных свидетельств о какой-либо юридической их фиксации. В частности, не доказано, регулировались ли они уже Мехмедом II или же существовал другой не дошедший до нас правовой акт? С. Рансимен придерживается иного мнения, хотя сам же отмечает отсутствие подобного документа¹⁹. Однако очевидно, что именно при Мехмеде II были заложены основы того статуса Константинопольской патриархии, который нашел отражение в дошедших до нас султанских бератах более позднего времени²⁰. Посредством этих бератов, без которых патриархи и митрополиты не могли вступать в должность, подтверждалось верховенство власти султанов над церковью. Специальные документы уведомляли местные османские власти о новоназначенных христианских иерархах. О нарушениях ими порядка при исполнении служебных обязанностей местные власти со своей стороны извещали визирей Высокой Порты, которые отправляли свои предписания уже в патриархию. Иногда православное духовенство согласовывало свои действия непосредственно с местными османскими властями или прямо в столице империи – Стамбуле²¹.

Такая зависимость высшего клира от султанов часто использовалась в корыстных целях и приводила к коррупции в самой церкви, что открывало широкие возможности для вмешательства Порты в выборы христианских патриархов. С начала 70-х годов XV в. Порта наживается на частой смене патриархов, взимая с них деньги за возведение во Вселенские патриархи – так называемый пескезий (пешкеш). Начиная с Геннадия Схолярия (1454–1456) и кончая Матфеем II (1593–1602) патриархи сменялись 37 раз²². Иногда это было продиктовано интересами империи, иногда личными (карманными) интересами высших чиновников, иногда к помощи Порты прибегали сами представители противоборствующих группировок высшего грече-

¹⁷ Иванов Н.А. Указ. соч. С. 243.

¹⁸ Маркова З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976. С. 17.

¹⁹ Рансимен С. Указ. соч. С. 138–139.

²⁰ Подробное см.: Ломизе Е.М. Становление политики Мехмета II в отношении христиан (православных и католиков) после падения Константинополя (1453) // Славяне и их соседи. Вып. 4. М., 1992. С. 20–30.

²¹ Опис турски документи за църковно-националната борба на българския народ и за християнските църкви в Османската империя XV–XX век. София, 1971. С. 55.

²² Лебедев А. История греко-восточной церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 г.) до настоящего времени. Т. 1. Сергиев Посад, 1896. С. 243, 303.

ского клира. Кроме того, османские власти часто нарушали иммунитетные права Константинопольской патриархии, согласно которым османские судебные органы не могли арестовывать и судить церковных служителей без согласия вышестоящего религиозного иерарха. Разорению и насилию подвергались монастыри и монахи. Хотя в Коране и говорилось о том, что “скиты, и церкви, и места молитвы” находятся под защитой Аллаха (22:41), однако турки-османы часто нарушали коранические предписания о неприкосновенности христианских культовых сооружений. Поэтому внутренняя автономия церкви, как и автономия религиозной жизни христиан, выглядела весьма относительной.

Патриархи представляли османскому фиску сведения о численности христиан для обложения их государственными налогами. В то же время Константинопольская патриархия собирала с православной паствы налог (“владычину”) в пользу христианского духовенства. Так как значительная часть собранных доходов поступала в различной форме в имперскую казну, султаны были заинтересованы в содействии фискальной деятельности патриархии, для чего предоставляли в распоряжение церковных налоговщиков отряды янычар²³.

В этих условиях и при сложившемся механизме управления положение балканских христиан православного вероисповедания было весьма сложным ввиду одновременного действия сразу нескольких несовпадающих и даже входящих в противоречие официальных правовых систем и норм обычного права. К таковым относятся: мусульманское религиозное право (Коран, шариат и хадисы), светское османское законодательство (канун-наме, ферманы, бераты), обычное право мусульман (адаты), христианское каноническое право (предписания священных книг, решения Вселенских и поместных соборов) и, кроме того, ряд унаследованных византийских и балканских государственных законов, регулировавших некоторые церковные отношения и придававших обязательный характер тем или иным канонам, и наконец, ограниченное сферой православной общины (сельской и городской) обычное право христианских народов (греков, болгар, сербов и т.д.).

Пределы компетенции указанных видов законодательства не всегда были четко очерчены, и христиане в случае возникновения спорных вопросов оказывались перед необходимостью выбора (что далеко не всегда означало свободу выбора в каждом конкретном случае) между различными судебными инстанциями. Многие зависело от характера тяжбы. Христианам следовало обратиться либо в кадийский суд (судопроизводство осуществлялось на основании государственных законоположений – канун-наме, которые обосновывались Кораном, шариатом и хадисами), либо в церковный православный суд (который руководствовался каноническим церковным правом, причем компетенция его простиралась в основном на область частного права), либо к представителям (старейшинам) своей общины, разбиравшим обыденные гражданские дела в соответствии с нормами обычного права. Разумеется, речь идет лишь о теоретической возможности свободы выбора рассмотрения дел в той или иной судебной инстанции, тогда как фактически большинство дел разбиралось кадиями и состоявшими при них муфтиями, утверждавшими решение кадия, если оно не противоречило установлениям ислама.

²³ Маркова З. Указ. соч. С. 21.

Объясняется это тем, что система христианского “самоуправления” находилась под контролем кадиев, вмешательство которых в жизнь зимми носило двойственный характер. Выполняя волю государства, кадии выступали как притеснители завоеванных народов в условиях этноконфессиональной дискриминации. В то же время, согласно канун-наме, кадии были обязаны защищать зимми от произвола со стороны государственных чиновников, спахнев, янычар и т.д., но защита эта (постановление суда) должна была соответствовать нормам шариата (решение кадия вступало в силу только после положительной фетвы муфтия), что предопределяло неравноправное положение христианской общины и отдельных ее представителей в их взаимоотношениях с мусульманами, с представителями государственных институтов Османской империи. Такой механизм конфессионально-юридической “автономии” христиан создавал предпосылки для размежевания мусульман и христиан, для отождествления (на уровне обыденного сознания) категорий этнической и религиозной принадлежности.

Постепенно сложилась своеобразная система иерархического соподчинения этих одновременно действовавших видов законодательства. Легко заметить, что Коран и шариат занимали в этой системе ведущее положение. Даже государственные законодательные акты, издававшиеся от случая к случаю, обретали необходимую юридическую непротиворечивость лишь потому, что приводились в соответствие с предписаниями Корана и шариата. Столь же очевидно ограниченное, подчиненное положение, которое было отведено в этой системе каноническому церковному и обычному праву христиан-зимми.

Почему же оказались необходимы эти подчиненные “второстепенные” звенья правовой системы, сложившейся на захваченной османами территории? Хотя Коран и шариат являлись в Османской империи господствующим законодательством, оно было неприменимо ко многим сторонам повседневной жизни инаковерующих, в основном к сфере семейно-брачных и связанных с ними наследственных отношений. Вследствие этого в тех случаях, когда это было возможно, продолжали действовать каноническое право восточно-православной церкви и обычное право христианских народов. Попутно отметим, что шариат, несмотря на исключительное многообразие охватываемых им вопросов, не может претендовать на универсальность. Объективное признание этого содержится в нем самом – мы имеем в виду категорию “урф”. К ней относятся все местные правовые нормы, применение которых допускается шариатом постольку, поскольку они не противоречат ему. К этому разряду относились прежде всего разнообразные местные обычаи, адаты, обычное некодифицированное право различных этнических групп и мусульман и немусульман. Очевидно, под эту категорию подпадало и обычное право христиан. Более того, поскольку православное население, согласно вероучению мусульман, относилось к зимми, оно приобретало тем самым возможность сохранения своего канонического церковного права.

Таким образом, шариатское право содержало формальные основания для включения в его систему каких-то локальных норм, отражающих местные особенности и занимающих в общей системе права контролируемое, подчиненное, ограниченное положение.

Думается, излишне говорить о том, что в условиях религиозной дискриминации христиане имели веские основания остерегаться разбора дел кади-

ями. Если только дело можно было решить на основании своего обычного права, то христиане нередко воздерживались и от обращения в митрополичьи или епископальные суды.

Исходя из вышеизложенного, следует признать справедливым мнение К. Маркса о том, что “система господства духовенства над христианами православного вероисповедания в Турции и все их общество имеет своим крайним камнем подчинение райи Корану, который, со своей стороны, относясь к ней как к неверным, то есть как к отдельной нации в религиозном смысле, санкционирует соединение духовной и светской власти в руках их священников”²⁴. Вывод этот, сделанный применительно к XIX в., во-первых – в значительной мере характеризует положение христиан в Османской империи XV–XVI вв., а во-вторых – свидетельствует о значении и роли Константинопольской патриархии в османской системе управления христианскими народами.

Сама же система османского государственного управления представляла собой своеобразную систему баланса социально-политических сил и применялась почти на всех ее уровнях. Эффективность системы заключалась в том, что Порта осуществляла руководство империей одновременно по нескольким направлениям. Включение мусульманских богословов – улемов – в государственный аппарат показывает роль ислама как важного фактора духовного единения империи. Этому вопросу султаны уделяли большое внимание. Через административный аппарат улемы во главе с шейх-уль-исламом (с 1424 г.) регулировали жизнь империи на основе Корана и шариата, присвоив себе функции интерпретаторов²⁵ и исполнителей мусульманских законов, призванных руководить общиной единоверцев.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 10. С. 168.

²⁵ Теоретически в исламе отсутствуют официальные посредники между богом и человеком.

ИЗВЕСТИЕ О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ
СВТ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА ИЗ МИР В БАРИ
(ПО ГРЕЧЕСКОЙ АФОНСКОЙ РУКОПИСИ
VATOPEDIΟΥ 1145, 1431 г.)¹

В научной литературе утвердилось мнение, что Греческая церковь не признала праздника перенесения мощей свт. Николая из Мир Ликийских в Бари и что это событие отмечалось только Западной и Русской церковью. Однако из современного греческого календаря явствует, что этот праздник включен в него под 20 (а не под 9) мая. В печатный календарь данное событие было внесено благодаря Никодиму Святогорцу († 1809 г.), который обнаружил сведения об этом празднике в ряде афонских рукописей, перевел с церковнославянского языка соответствующее синаксарное сказание и сам написал службу на перенесение мощей свт. Николая². Авторитетность “Синаксариста” – сборника житий, составленного Никодимом Святогорцем, – обеспечила в дальнейшем включение этого праздника в печатный календарь. Из текста “Синаксариста” следует, что под 20 мая Никодим поместил событие, реально произошедшее 9 мая 1087 г. Причины соотношения этого праздника с 20 мая не объясняются, только утверждается, будто бы именно в этот день мощи свт. Николая были привезены в Бари³.

Однако сведения о барийском празднике 9 мая стали довольно рано (если не изначально) проникать в греческую агиографическую традицию. Прежде всего речь идет о греческих литургических рукописях южно-итальянского происхождения, в которых отмечен ряд западных праздников, что заметно отличает их состав от константинопольских памятников. Одной из ранних рукописей с точной датой, упоминающей 9 мая как дату перенесения мощей Николая Чудотворца, является Типикон Криптоферратского монастыря 1300 г. (Срут. А.П.7)⁴. Маргинальные записи об этом торжестве встречаются в Синаксаре из библиотеки Лейпцигского университета (Cod. R.II.25) 1172 года и в Синаксаре из университетской библиотеки в Мессине (Cod. 103) XII в.⁵ Для XIV–XVI вв. упоминания об этом событии в богослужебных книгах довольно часты: ряд Миней из Криптоферратского монастыря (Срут. В.β.IV, XIV в.; Δ.α.XXXI и Δ.α.XLV, XVI в.)⁶, Типикон 1552 г. (Vat. Barber. 78)⁷ и др. Не позднее XII в. было создано слово на перенесение мощей

¹ Исследование выполнено в рамках проектов РФНФ № 02-01-00401а и № 05-01-01506а.

² Νικόδημος Ἀγιορείτης. Συναξαριστής τῶν 12 μηνῶν. Τ. 5. Θεσσαλονίκη, 1998⁴. Σ. 114–116; Климент (Зедергольм), иеромонах. О жизни и трудах Никодима Святогорца. СПб., 1998². С. 33–34; Ματθαίου Β. Ὁ Μέγας Συναξαριστής τῆς Ὁρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 1980³. Τ. 5. Σ. 503–504.

³ Νικόδημος Ἀγιορείτης. Συναξαριστής... Σ. 115–116.

⁴ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Туλιχά. Киев, 1895. С. 906–907.

⁵ Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902. (Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris). Col. 665, 672.

⁶ Kulić J. Ricerca sulle commemorazioni giornaliere bizantine nei Menei. Roma, 1992. P. 148.

⁷ Дмитриевский А. А. Указ. соч. С. 896.

Николая Чудотворца (ВНГ. N 1361b)⁸ – греческая редакция латинской хроники Никифора (1087/1088), наиболее раннего источника, повествующего об экспедиции барийцев в Миры Ликийские.

Параллельно с традицией, относившей празднование перенесения мощей свт. Николая к 9 мая, на греческой почве существовала и иная, приурочивающая это событие к 20 мая. Она зафиксирована в ряде византийских рукописей, самая ранняя из известных нам – майская служебная Минея 1431 г. библиотеки Ватопедского монастыря № 1145⁹. В ней под 20 мая отмечен праздник перенесения мощей свт. Николая, архиепископа Мир Ликийских: *μνήμη τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν ἀρχιεπισκόπου Μύρων τῆς Λυκίας, μυροβλήτου καὶ θαυματουργοῦ Νικολάου* (л. 130 об.) и содержится канон, посвященный этому событию, составленный монахом Иовом Мелисом¹⁰. Иов Мелис (Ἰὼβ Μέλῆς), живший во второй половине XIII в., является также автором жития царицы Феодоры Артской († ок. 1270 г.), супруги эмирского деспота Михаила II Комнина Дуки, и, возможно, гимнов на Рождество Христово, Богоявление и Пятидесятницу. Исследователи с большой долей вероятности отождествляют Иова Мелиса с известным церковным деятелем и писателем монахом Иовом Иаситом Мелиасом, советником константинопольского патриарха Иосифа I, автором Томоса против латинян, который был сослан в Вифинию в 1275 г.¹¹ Атрибуция данного канона Иову Мелису означает, что перенесение мощей Николая Чудотворца (20 мая), несомненно, праздновалось в Византии уже в XIII веке.

В Ватопедской рукописи заголовок в начале раздела 20 мая, гласит: *ἀκολουθία εἰς τὸν ἐν ἁγίοις πατέρα ἡμῶν ἀρχιεπίσκοπον Μύρων τῆς Λυκίας, μυροχεύμονα καὶ θαυματουργὸν Νικόλαον* (л. 119). Под 20 мая кроме канона Иова Мелиса содержится другой канон свт. Николаю Чудотворцу, написанный гимнографом Феофаном (он помещен под 6 декабря в современных греческих и русских Минеях), соединенный с каноном мученику Фалалею, составленным Иосифом Песнописцем. Специальные заголовки, объясняющие суть празднуемого события, перед каноном Иова (л. 123) и перед каноном Феофана (л. 126 об.) отсутствуют. Любопытно, что в тексте канона Иова Мелиса ничего не говорится о перенесении мощей и вообще о мощах.

После 6-й песни второго канона помещены два кратких синаксарных сказания: одно посвящено свт. Николаю Чудотворцу, другое – мученику Фалалею. Неопубликованное до сих пор синаксарное сказание о Николае Чудотворце по инципитам не совпадает с перечисленными в *Bibliotheca Hagiographica Graeca* (стих: Ὁ Νικόλαος ὑμνεῖσθαι καὶ πολλάκις, θέμις γὰρ αἰετῶν τὸν εὐεργέτην; начало: Ὁ θαυμαστός οὗτος καὶ μέγας πατὴρ ἡμῶν Νικόλαος πατρίδα μὲν ἔσχε τὰ Πάταρα, πόλιν Λυκίας, εὐσεβεῖς δὲ καὶ ἀλαϊδας

⁸ *Anrich G. Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche. T. 1. Leipzig, 1913. S. 435–449.*

⁹ *Arkadios (Vatopedinos), Sophronios (Eustratiades). Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mt. Athos. Cambridge, 1924. P. 196.*

¹⁰ *Ταμείον ἀνεκδότων βυζαντινῶν ἱσαματικῶν κανόνων seu Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Orientis Christiani / E. Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου. Ἀθήναι, 1996. T. 1: Κανόνες Μηνιαίων. Σ. 201.*

¹¹ *Pétridès S. Le moine Job // Echos d'Orient. 1912. T. 15. P. 40–48; Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 677; Macrides R.J. Job // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2. New York; Oxford, 1991. P. 1042.*

γεννήτορας κερκτιμένος) и требует специального изучения. В нем после кратко-го жизнеописания и похвалы святителю следует рассуждение о празднике перенесения мощей этого святого (л. 131 об.). Приводим его дословный перевод.

Но его всесвятые мощи в его собст-венной митрополии прежде положены, многие там годы лежали прославляемые. Потом же латинянами, еще православия придерживавшимися, оттуда перенесены, в Бари Итальянский были переложены. Гнусное бесчинство, говорят, в то время храмовый прислужник у гроба святого, увы, творил, и посему иерарх возмутился, и переселение предпочел в чужую страну от своей паствы. Посредством ночных видений и угроз латинян убедил. Поэтому и настоящее, как я думаю, торжество мы приняли праздновать до сего дня.

Ἄλλὰ τὸ πανάγιον αὐτοῦ λείψανον ἐν τῇ ἰδίᾳ μητροπόλει πρῶην κατατεθέν, πολλοῖς ἐκεῖ χρόνοις ἔκειτο δοξαζόμενον. Ὑστερον δὲ παρὰ τῶν Λατίνων ἔτι τῇ ὀρθοδοξίᾳ κρατουμένων. ἐκεῖθεν ἀνακομισθέν, ἐν Βάρει τῆς Ἰταλίας μετετέθη. Μυσαρὰν ἀσέλγειαν ὡς φασι τοῦ κατὰ καιρὸν νεωκόρου ἐπὶ τὸν τάφον φεῦ τὸν ἅγιον ἐργαζομένου, καὶ διὰ τοῦτο τοῦ ἱεράρχου ἀγανακτήσαντος, καὶ τὴν μετανάστευσιν ἐλομένου, καὶ πρὸς ξένην ἐκ τῆς ποιμνῆς. Διὰ τε νυκτερινῶν ὄψεων καὶ ἀπειλῶν τοὺς Λατίνους πείσαντος. Διὸ καὶ τὴν παροῦσαν ὡς οἶμαι πανήγυριν παρελάβομεν ἐορτάζειν κατὰ τὴν σήμερον.

Очевидно, что этот текст призван как-то объяснить тот факт, что такое прискорбное событие, как утрата мощей святого, празднуется греками. Для оправдания автор, во-первых, возводит перенесение мощей к эпохе Неразделенной церкви (ἔτι τῇ ὀρθοδοξίᾳ κρατουμένων), а во-вторых, возлагает вину на одного из жителей Мир (конкретно на одного из алтарников-неоко-ров). Отношение к латинянам нейтральное, автор не наделяет их никакими отрицательными эпитетами, в то время как даже греческое Слово на перенесение мощей Николая Чудотворца (ВНГ. N 1361b), главным источником которого является латинское сочинение Никифора, именует норманнов ἀτάσθαλοι (дерзкие или нечестивые)¹².

Обвинения в адрес церковных служителей могут являться отголоском рас-сказа Никифора о наказании одного из монахов-стражников: жители Мир “схватили его и стали наказывать бичами за то, что он, с товарищами своими, за деньги будто бы отдал святое тело” барийцам¹³. В хронике Никифора содер-жатся также “претензии” святого к жителям Мир, переселившимся из-за турок на близлежащую гору. Николай Чудотворец объявляет, “чтобы они или воз-вратились жить и стеречь город, или знали, что он переселится инуды”¹⁴ (с этим предупреждением святитель явился трем церковным служителям).

¹² Anrich G. Op. cit. S. 435.

¹³ Русский перевод хроники Никифора: А/нтонин (Капустин), архим./ Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Ликки в Италию // Труды КДА. 1870. Май. С. 411; ита-льянский перевод хроники Никифора: Corsi P. La traslatione di San Nicola: Le Fonti. Bari, 1987. P. 27.

¹⁴ А/нтонин (Капустин), архим./ Указ. соч. С. 406; Corsi P. Op. cit. P. 22.

Версия ватопедской рукописи содержит компоненты традиционной барицкой легенды: угроза осквернения святыни, служитель при гробе, ночное явление святителя, но сюжет событий совершенно другой. Этот наивный рассказ, возможно, отзвук устных преданий об утрате этой святыни Восточной церковью. Надо сказать, что это наименее убедительная из существующих нелатинских версий о причине перенесения мощей.

В отличающемся прозападным настроением древнерусском цикле, посвященном перенесению мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари, приводятся другие объяснения данного феномена. Автор службы Николаю Чудотворцу 9 мая, составленной на Руси предположительно в конце XI в., придает перенесению мощей святителя на Запад миссионерский, просветительный характер: “Пастырь Христова стада, отче, инем овчам посылаешися к латинскому языку, да вся удивиши чудесы твоими и к Христове приведешиси...”¹⁵. Похвальное слово “Присно убо должны есмы, братие, праздники Божия творяще в честь держати...” (первая четверть XII в.) в качестве причины перенесения мощей Николая Чудотворца называет опустошение Мир Ликийских турками-сельджуками. Согласно похвальному слову, перемещение реликвии на Запад произошло по Божией воле: “бысть не можаще зрети угодника своего Господь наш Иисус Христов на пустом месте лежаща мощем его и ни от кого же славимым”, в то время как в Бари нашлись и пресвитер “благоверен, христоролюбив и праведен”, которому явился Николай Чудотворец, и “мужи благоговеины”, и некий черноризец “духовен”¹⁶.

В сказании о перенесении мощей Николая Чудотворца 9 мая, сохранившемся в многочисленных списках Пролога начиная с XIV в. содержание похвального слова дано в пересказе и введен новый сюжет о намерении “сирян от Антиохия” и неких людей “от Константина града” завладеть мощами святителя¹⁷. В похвальном слове конкурентами барийцев названы венецианцы (“венецици”), что соответствует действительности. Вопрос о перемещении мощей решается в пользу барийцев благодаря вмешательству свыше: “явлению же самого Бога бывшую и хотению святого Николы прити в Бар град” (РГАДА. Тип. № 173. Л. 86 б, первая половина XIV в.). Проложное сказание завершается эмоциональным призывом: “да не точю в Бару веселятся о нем, но и весь мир, и вся страны крестьяньскыя” (там же. л. 86 г). Участие Константинополя, равно как и антиохийцев, в данном предприятии явно представляет собой выдумку автора проложной версии. Предпочтение Бари перед Константинополем не может не показаться странным. Каким бы неоднозначным не было отношение русских к грекам, но статус Царьграда как сакрального центра империи, места сосредоточения наиболее чтимых христианских святынь, был неизменно высок. Предпочтение, оказанное барийцам, отражает сознательную позицию автора проложного сказания, убежденного, что Царьград недостоин обладать такой святыней. Подразумевается, что барийцы более благочестивы, нежели жители Константинополя.

¹⁵ Леонид (Кавелин), архим. Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца. СПб., 1888 (Памятники древней письменности и искусства. Т. 72). С. 63.

¹⁶ Шляпкин И. А. Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая Чудотворца. СПб., 1881 (Памятники древней письменности и искусства. Т. 19). С. 5–6, 8.

¹⁷ Лосева О. В. “Латиняне” в проложном сказании 9 мая // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской Церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). М., 2004. С. 112–116.

В печатном Прологе 1643 г. (март–май) эпизод о желании жителей Антиохии и Константинополя увезти мощи свт. Николая опущен, а само событие комментируется как “вразумление” латинян путем приобщения к святыне: “Да не дивит же тя любимиче, яко от восточных стран многих святых телеса... изволи Бог на запад преселитися... Яко наипаче жая всемогий Бог погибели тех, яко же живы апостолы телеса святых в страны их препосылает, чудодействии наказуя и поучая тех, во еже бы исповедания апостол и отец паки ятися и в разум истинный приити и ко отечестей возвратитися истине, от новоумышленных своих преданий... призывающе тех в соединение веры” (Л. 362–362 об.).

Сам выбор даты празднования перенесения мощей Николая Чудотворца 20 мая заслуживает специального исследования, поскольку в этот день ряд южнославянских календарей XIII–XIV вв. отмечает другой праздник, священный со святителем Николаем – Рождество Николая Чудотворца. Время и причины установления этого празднования не известны, оно зафиксировано в ряде болгарских и сербских рукописей XIII–XIV вв.: Ассеманиево Евангелие XI в. (л. 146 об., приписка XIII в.); Евангелие НБКМ, № 844, XIII в. (л. 112 об., приписка XIV в.); Апостол НБКМ, № 882, конец XIII в.¹⁸; Апостол ГИМ, Хлуд. № 35, конец XIII – начало XIV в. (л. 179, приписка XIV в.); Евангелие Ath. Pant. Slav. 4, 1313 г. (л. 192); Евангелие Nat. Paris. Slav. 25, третья четверть XIV в.¹⁹ Данное совпадение вряд ли можно считать случайным, между ними несомненно существуют пока еще не выясненные содержательные корреляции.

Приведенные выше данные рукописей позволяют удревнить традицию литургического почитания в Византии праздника перенесения мощей Николая Чудотворца из Мир в Бари и говорить о различных календарно-агиографических привязках внутри этой традиции. Перспективным является исследование причин и времени приурочения чествования свт. Николая Чудотворца к 20 мая в греческой и южнославянской агиографии и о возможном взаимовлиянии этих версий.

¹⁸ Коцева Е., Атанасов А. Цариградският месецослов от X век и календари в български писмени паметници // Хиляда и осемдесет години от смъртта на св. Наум Охридски. София, 1993. С. 221.

¹⁹ Martinov J. Annus ecclesiasticus graeco-slavicus. Bruxelles, 1863. P 337. Т. Йованович датирует это Евангелие XIII веком (Йовановић Т. Инвентар српских хирилских рукописа Народне библиотеке у Паризу // Археографски прилози. Београд, 1981. С. 300–301). Новая датировка установлена в результате обнаружения водяных знаков 1360-х годов в другой рукописи, написанной тем же писцом (Раввулой) (Tarnanidis I.C. The Slavonic Manuscripts discovered in 1975 at St Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988. P. 172).

Д.А. Черноглазов

**РИМСКАЯ ИСТОРИЯ УСТАМИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ХРОНИСТА XII ВЕКА
(ЕЩЕ РАЗ О МЕТОДЕ ЗОНАРЫ-ИСТОРИОГРАФА)**

Излишне повторять, что Иоанн Зонара – выдающийся писатель двенадцатого столетия, а его хроника (“Сокращенная история”) занимает особое место в византийской историографии. Вместе с тем нужно признать, что метод работы Зонары над источником остается малоизученным. Труд Зонары – компилятивное сочинение. Чтобы верно оценить его идейное своеобразие и художественную природу, необходимо выяснить, какой материал он заимствует из источников и как он его перерабатывает. Необходимость такого рода исследований убедительно доказана в научных трудах Якова Николаевича Любарского¹.

В предшествующей работе мы рассмотрели соотношения труда Зонары с двумя ее источниками – “Обозрением истории” Иоанна Скилицы и “Хронографией” Михаила Пселла². Сопоставление хроники с этими текстами позволило выявить интересную закономерность: пересказывая сочинения предшественников, наш автор последовательно применяет методы, не типичные для византийской всемирной хроники. Так, многие летописцы распределяют материал во временной последовательности, а Зонара, напротив, нарушает хронологический порядок ради связности повествования. Результаты этого исследования побуждают продолжить изучение методов Зонары как историографа. Но если прежде мы анализировали свидетельства хрониста о событиях девятого–одиннадцатого столетия, то теперь обратимся к его рассказу о римской истории.

Предметом изучения станет та часть труда Зонары, в которой изложена история Рима от Ромула до императора Александра Севера (Zon. II 84.18–III 123.23). Дальнейшие события описаны на основании утраченных сочинений, что исключает возможность пословного сопоставления текстов.

Однако прежде чем перейти к описанию методов работы хрониста, необходимо сделать отступление и определить, какие источники лежат в основе его повествования. Рассматриваемая часть “Сокращенной истории” обнаруживает параллели с целым рядом текстов. Рассмотрим по порядку соотношения хроники с каждым из них.

“РИМСКАЯ ИСТОРИЯ” ДИОНА КАССИЯ

Большинству византийских летописцев “Римская история” была известна лишь в позднейших переложениях и сокращениях. Наш автор, вопреки сложившейся традиции, обращается к этому тексту непосредственно. Сочинения

¹ Любарский Я.Н. Феофан Исповедник и источники его “Хронографии” (К вопросу о методах их освоения) / Византийские историки и писатели. СПб., 1999. С. 31–54; Об источниках “Алексиады” Анны Комниной // Византийские историки... С. 230–261.

² Черноглазов Д.А. Хроника Иоанна Зонары и ее источники (IX–XI вв.) // ВВ. 2004. Т. 63. С. 137–154.

нение Диона Кассия – основной источник Зонары для истории указанного периода. Прямая зависимость хроники от труда римского историка ни разу не ставилась под сомнение.

Найти полный текст “Римской истории” было в то время уже непросто. Еще Иоанн Ксифилин (конец XI в.), взявший на себя труд составить сокращенное изложение этого труда, указывал на обширную лауну: в рукописи была утрачена почти вся LXX книга, посвященная времени правления Антонина Пия. Пробел пришлось заполнять сведениями из других источников (Xiph. 658.21–23; 658.39–659.4). С теми же трудностями встречается и Зонара. Доведя повествование до событий 146 г. до н.э., он вынужден прерваться и сразу перейти к рассказу о Помпее. Столь значительный пропуск хронист объясняет “отсутствием книг”, повествующих о тех событиях (Zon. II. 339.10–11). Зонаре, по-видимому, недоступны и последние книги Диона Кассия. В известной ему рукописи текст “Римской истории” доводился, вероятно, только до императора Нервы или Траяна. Возможно, именно поэтому, повествуя о дальнейших событиях, писатель ограничивается пересказом эпитомы Ксифилина.

ЭПИТОМА ИОАННА КСИФИЛИНА

Иоанн Ксифилин был племянником своего знаменитого тезки – константинопольского патриарха Иоанна VIII (1064–1075)³. Краткое изложение (эпитому) части “Римской истории” Иоанн составил в годы царствования Михаила VII Дуки (1071–1078). Эпитома охватывает XXXVI–LXXX книги Диона Кассия – от походов Помпея до правления Александра Севера.

Первые исследователи хроники Зонары В.А. Шмидт и Т. Бюттнер-Вобст полагали, что наш автор остается верен Диону Кассию вплоть до конца его труда – до истории правления Александра Севера, а к труду Ксифилина обращается лишь тогда, когда кодекс “Римской истории” поврежден⁴. Это мнение было опровергнуто Буасевеном. В своей лаконичной статье ученый убедительно показал, что рассказ Зонары, посвященный периоду от Нервы (Траяна?) до Александра Севера восходит уже не к тексту Диона Кассия, а исключительно к эпитоме⁵.

“СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ” ПЛУТАРХА

Сообщения Диона Кассия Зонара нередко чередует с занимательными рассказами Плутарха⁶. Иногда “Сравнительные жизнеописания” становятся даже основным источником хроники: писатель пересказывает биографии Ромула, Нумы, Попликолы, Помпея и Цезаря. В других случаях Зонара заимствует у Плутарха отдельные эпизоды, детали и словесные обороты,

³ Подробнее о жизни и сочинениях Ксифилина младшего см. ODB.

⁴ Schmidt W.A. Über die Quellen des Zonaras // Zon. P. XLVIII–XLIX; Büttner-Wobst Th. Die Abhängigkeit des Geschichtsschreibers Zonaras von den erhaltenen Quellen // Commentationes Fleckeisenianae. Leipzig, 1890. S. 165–168.

⁵ Boissevain U.Ph. Zonaras' Quelle für die römische Kaisergeschichte von Nerva bis Severus Alexander // Hermes. 1891. 26. S. 440–452.

⁶ О соотношениях Зонары и Плутарха см.: Schmidt W.A. Über die Quellen...; Büttner-Wobst Th. Die Abhängigkeit...

дополняя ими переложение “Римской истории”. Так, рассказ Диона Кассия хронист сплетает воедино с текстом жизнеописания Камилла (Zon. II. 147–161). Повествуя о пленении македонского царя Персея, Зонара приводит не только версию своего основного источника, но и слова Плутарха, заимствованные из жизнеописания Эмилия Павла (Zon. II. 318.28–319.10). Ряд эпизодов и образных деталей, почерпнутых из биографии Брута, обогащают рассказ хрониста о битве при Филиппах⁷ (Zon. II. 393.30–398.13; см. также 398.14–399.11). Рассказывая о битве при Акции и о трагической гибели Антония и Клеопатры, писатель привлекает сведения из жизнеописания Антония (Zon. II. 427.8–434.21).

“ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ” ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Составляя всемирную хронику, Зонара остается верен канонам жанра: он не ограничивается рассказом о политических событиях, но уделяет внимание и истории церкви. По мнению большинства исследователей, сообщения писателя, относящиеся к церковной истории, восходят непосредственно к труду Евсевия⁸. Прямая зависимость хроники от этого сочинения ставилась под сомнение лишь К. Де Боором⁹. По мнению ученого, источником Зонары была не “Церковная история”, а неизвестный текст-“посредник”, в котором рассказ Евсевия был дополнен сведениями из других сочинений. Доводы Де Боора сводятся к следующим пунктам:

1. Зонара передает слова Евсевия в распространенной форме (исследователь не приводит конкретных примеров). Для хрониста это *не характерно*. Как правило, он либо копирует текст источника без изменений, либо сокращает его.

2. Исчисляя дату Рождества Христова, Зонара сравнивает свидетельства трех авторов – Евсевия, Иосифа Флавия и Диона Кассия. Зонаре это *не свойственно*. Следовательно, весь пассаж был в готовом виде заимствован у посредника.

3. Пересказ Евсевия сопровождается ссылками на других авторов – Филострата и Аппиана.

Безусловно, точка зрения немецкого исследователя имеет право на существование, но доводы Де Боора малоубедительны: в основе его аргументации лежат ошибочные представления о методе хрониста. Исследования показали, что Зонара нередко распространяет тексты источников¹⁰. Осмысленный и “критический” подход к сочинениям предшественников тоже не чужд писателю: можно указать и другие случаи, когда он сравнивает различные версии и приходит к самостоятельным выводам. Что же касается ссылок на Аппиана и Филострата, то хронист мог найти их на полях рукописи. Таким образом, у нас нет оснований отрицать прямую зависимость хроники от труда Евсевия Кесарийского.

⁷ О других причинах, побудивших Зонару включить эти эпизоды в свою хронику, см. ниже.

⁸ Schmidt W.A. Über die Quellen... S. XLIV–XLV; Büttner-Wobst Th. Die Abhängigkeit... S. 165, 167.

⁹ De Boor C. Römische Kaisergeschichte in byzantinischer Fassung // BZ. 1892. T. 1. S. 30–31.

¹⁰ Boissevain U.Ph. Zonaras' Quelle... S. 443–444; Черноглазов Д.А. Хроника... С. 142.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

Зонара не всегда ограничивается пересказом своих основных источников. В его тексте можно найти немало параллелей и с другими сочинениями. “Иудейская война” Иосифа Флавия. Повествуя о мятеже Веспасиана, Зонара приводит две различные версии. Одна из них восходит к утраченному тексту Диона Кассия (Zon. III. 49.1–8), а вторая заимствована из “Иудейской войны” Иосифа Флавия (Zon. III. 49.8–50.8, cf. Jos. I. 4).

Synopsisquelle. Рассказ Зонары о событиях III–IV столетий зачастую обнаруживает сходство с анонимным “Обозрением истории”, которое относится к XIII в. и приписывается Феодору Скутариоту. Сопоставив эти тексты, Э. Патциг пришел к выводу, что Зонара и Скутариот пользовались общим источником¹¹. Зависимость от этого утраченного сочинения обнаруживается и в рассматриваемой части хроники. Так, разрозненные сообщения Ксифилина о правлении Антонина Пия Зонара дополняет тремя эпизодами (Zon. III. 79.15–29; 79.30–80.2; 80.12–18). Как убедительно показал Патциг, эти эпизоды восходят именно к указанному источнику¹².

Excerpta Salmasiana (ES). Рассказ Зонары об истории Империи нередко обнаруживает параллели и с другим утраченным сочинением, сохранившимся в отрывках, известных как ES. Эти эксцерпты содержатся в составе Codex Regius 1763. В лемме рукописи они приписываются Иоанну Антиохийскому, но в действительности навряд ли принадлежат ему¹³. Параллели между ES и хроникой носят различный характер. Чаще всего они сводятся к едва уловимым лексическим совпадениям. Ряд таких примеров в рассказе Зонары о раннем принципате отмечает ДиМаио¹⁴. По мнению исследователя, речь идет о прямой зависимости Зонары от этого труда (который ДиМаио уверенно приписывает Иоанну Антиохийскому). Такое заключение основано на гипотезе Патцига: ученый предположил, что труд, сохранившийся в ES, послужил непосредственным источником для рассказа Зонары о событиях III столетия¹⁵. Однако последующие исследователи оценивают гипотезу Патцига как весьма спорную¹⁶. Таким образом, и к выводу ДиМаио следует относиться *cum grano salis*. Ясно лишь одно: текст “Римской истории” хронист сравнивает с неизвестным историческим сочинением, которое либо идентично, либо родственно ES.

Итак, мы перечислили предполагаемые источники хроники Зонары для избранного нами периода. Это “Римская история” Диона Кассия, ее эпитама, составленная Иоанном Ксифилином, “Сравнительные жизнеописания” Плутарха, “Церковная история” Евсевия, а также утраченный источник

¹¹ Patzig E. Über einige Quellen des Zonaras I // BZ. 1896. T. 5. S. 24–53.

¹² Ibid. S. 34–36.

¹³ Boissevain U.Ph. Über die dem Ioannes Antiochenus zugeschriebenen Excerpta Salmasiana // Hermes. 1887. 22. S. 161–178.

¹⁴ DiMaio M. The Antiochene Connection: Zonaras, Ammianus Marcellinus, and John of Antioch on the Reigns of the Emperors Constantius II and Julian. Appendix A: Zonaras, Dio Cassius and John of Antioch // Byzantion. 1980. T. 50. P. 174–183.

¹⁵ Patzig E. Die römischen Quellen des salmasischen Joannes Antiochenus. Mit einem Anhang zur Textkritik der Scriptorum Historiae Augustae // BZ. 1904. T. 13. S. 13–50.

¹⁶ Bleckmann B. Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen Geschichtsschreibung. Untersuchungen zu den nachdionischen Quellen der Chronik des Joannes Zonaras. München, 1992. S. 45–46.

Скутариота, “Иудейская война” Иосифа Флавия и неизвестный текст, родственный *Excerpta Salmasiana*. Исследователи уже многократно отмечали, что для византийской всемирной хроники подобный набор источников нетипичен. Излагая светскую историю Ветхого Рима, многие предшественники Зонары довольствовались скудными и разрозненными заметками *Excerpta Salmasiana*, а иногда и вообще ограничивались перечнем имен и дат – не заполненной событиями хронологической таблицей. Хроника Зонары резко выделяется на этом фоне – подробный рассказ писателя напрямую восходит к сочинениям античных авторов. Однако неверно было бы вслед за некоторыми исследователями¹⁷ полагать, что на этом своеобразии хроники исчерпывается. Оригинальность труда Зонары не только в подборе источников, но и в методах их переработки. Этот вывод, высказанный а priori, мы попытаемся обосновать в наших последующих рассуждениях.

* * *

Пересказывая “Обозрение истории” Иоанна Скилицы и “Хронографию” Михаила Пселла, Зонара нередко трактует их сообщения по-своему, подвергает их текстам идеологической правке¹⁸. Желая придать вес своим политическим взглядам, автор приписывает их даже справедливейшему императору Феофилу¹⁹. В рассказе писателя о римской истории тоже можно найти немало следов индивидуальной авторской позиции.

В нескольких случаях Зонара выражает свои взгляды открыто. Хронист прямо вмешивается в повествование и вставляет свой собственный эмоциональный комментарий. Рассмотрим два таких примера. Вслед за Дионом Кассием Зонара повествует о позоре и безумии Антония при дворе Клеопатры. Перечень обвинений завершается тем, что Антоний подпоясывался акинаком и носил платье не по римскому обычаю (λαρὰ τὰ λάτρια). Упомянув об этом, хронист не в силах удержаться от восклицания: “Если чужеземное платье вменялось в вину ему – консулу и военачальнику ромеев, то как же не смеяться и не обвинять нынешних государей ромейских, которые переоблачились супротив обычая и носят варварское платье не иногда, а постоянно?” (Zon. II. 423.15–20). Вводя этот риторический вопрос, Зонара затрагивает весьма актуальную для него тему. По мнению писателя, одна из важнейших обязанностей императора – блюсти чистоту древних законов и обычаев (Erit. 766.10–11). Алексей Комнин же, по словам Зонары, заботился о том, чтобы изменить и упразднить их (Erit. 766.11–13).

Такие комментарии вообще очень характерны для Зонары. Их можно найти и в каноническом труде нашего автора²⁰. Они нередко построены на антитезе τότε – ныне (тогда – теперь). Сравнивая “век нынешний и век минувший”, Зонара вновь и вновь приходит к неутешительному выводу: законы

¹⁷ См., к примеру: *Bleckmann B. Die Reichskrise... S. 7.*

¹⁸ Об идейных позициях Иоанна Зонары и Никиты Хониата см.: *Magdalino P. Aspects of Twelfth Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. T. 58. P. 326–346.* В этой же работе см. ряд примеров идеологической переработки источника в хронике Зонары.

¹⁹ Черноглазов Д. А. Хроника... С. 144.

²⁰ *Macrides R. Perception of the Past in the Twelfth-Century Canonists // Byzantium in the Twelfth Century. Canon Law, State and Society / Ed. N. Oikonomides. Athens, 1991.*

попираются, древние обычаи забыты, царская власть обратилась в тиранию, а синклит упразднен (RP. II. 282–284).

Другой, не менее показательный пример относится к истории Республики. Следуя, видимо, утраченному тексту Диона Кассия, Зонара объясняет значение прозвища Цинциннат: он назывался так потому, что “носил длинные кудри”. Следующая фраза – это, видимо, язвительный комментарий самого хрониста: “Их (Цинциннатов) нынче при дворе множество. Стоило тогда этому пороку проникнуть в государство – и вот: Цинциннаты теперь повсюду!”. Пример аналогичен предыдущему: Зонара вновь касается важной и злободневной для него темы. Достаточно вспомнить слова того же Зонары в комментарии на 96 канон Трулльского собора: Зонара восклицает: “Что может быть более противоестественным и избыточным украшением, чем заплетать волосы? Уже Отцы Церкви упоминают о плетении и украшении волос. Ведь тогда творилось то же самое, что делается и теперь. Люди, которые красят и подделывают волосы (τριχοβάλταις καὶ τριχολλάστοις), прикладывают все усилия, чтобы отрастить их длиннее, завивают женские локоны, ниспадающие до пояса. (...) В таком виде они являются в церковь, и священнослужители не налагают на них эпитимию, но, напротив, благословляют и даже – о ужас! – допускают к причастию” (RP. II. 534–535). Гневная речь Зонары значительно превосходит по объему трезвый и лаконичный комментарий его младшего современника Вальсамона – вопрос о ношении кудрей явно не оставляет его равнодушным. Упоминание о Цинциннате – это для писателя лишний повод высказаться на злободневную тему и посетовать на испорченные нравы современности. Суждение о “нынешних временах” окрашено в неизменно мрачные тона.

Итак, мы убедились, что Зонара не скрывает своих воззрений. Повествуя о событиях глубокой древности, он не упускает возможности выразить свои взгляды на современность. Эта тенденция характерна для литературы XI–XII вв. Авторы этой эпохи уже не скрывают своей индивидуальной позиции²¹ и открыто выражают свою точку зрения даже во всемирных хрониках. Прямые авторские “вмешательства” отмечены, к примеру, в “Краткой истории” Михаила Пселла²² и в “Обзрении истории” Константина Манасси²³. Однако неверно было бы утверждать, что идейные позиции Зонары проявляются только в самостоятельных комментариях. По всей видимости, взгляды автора выражаются в хронике и другими, косвенными путями.

Можно предположить, что политическая позиция и интересы автора нередко влияют на подбор материала. Обратимся к одному из таких случаев. Поведая о том, как Камилл в 384 г. вошел в город Фалерии, Зонара, следуя Плутарху, сообщает о недовольстве римского войска: “Воины ожидали, что им будет позволено разграбить Фалерии, и они принялись клеймить Камилла ненавистником народа” (Zon. II. 152.13–14, cf. Plut. Camill. 11). Слова Плутарха хронист дополняет свидетельством другого автора, вероятно, Диона

²¹ *Ljubarskij Ja.* “Writers’ intrusion” in Early Byzantine Literature // *Византийские историки...* С. 344–347.

²² *Любарский Я.И.* “Краткая история” Михаила Пселла: существует ли проблема авторства? // *Византийские историки...* С. 174–181.

²³ *Reinsch D.R.* Historia ancilla litterarum? Zum literarischen Geschmack in der Komnenenzeit: das Beispiel der Συνοψις χρονική des Konstantinos Manasses // *Pour une “nouvelle” histoire de la littérature byzantine.* P., 2002. S. 88–92.

Кассия: “Зависть все росла, и Камилла обвинили в том, что из тирренской добычи он в казну (τὸ δημόσιον) ничего не отдал, а многое присвоил” (Zon. II. 152.15–17). Дальнейший текст вновь восходит к жизнеописанию Камилла. Почему Зонара включает в пересказ Плутарха фразу из другого источника? Однозначно ответить на этот вопрос, разумеется, невозможно. Ясно лишь то, что обвинение, предъявленное Камиллу, звучит для писателя очень актуально. В сущности, то же обвинение хронист адресует своему современнику Алексею Комнину: император считал государственное достояние (τὸ δημόσιον) своей собственностью и одаривал из казны своих родичей и слуг (Erit. 732.15–733.1; 767.2–8; см. также 15.9–16). Может быть, именно злоба дня побуждает писателя включить эту фразу в свое повествование?

Рассмотрим еще один сходный пример. Повествуя о правлении Антонина Пия, Зонара, как уже было упомянуто, следует Ксифилину, но при этом дополняет его рассказ тремя эпизодами, заимствованными из утраченного сочинения. Первые два из них – короткие сообщения, касающиеся законодательной деятельности Антонина (Zon. III. 79.30–80.2; 80.12–18). Их появление в хронике Зонары не случайно: хронист, как бы сказали византийцы, служитель “италийской музыки” – его интерес к римскому праву отмечался неоднократно²⁴. Но третий эпизод еще интереснее. Перед нами вставная новелла, в которой говорится о великодушном поступке римского императора. Нуждаясь в средствах для ведения войны, он не облагает подданных непомерными налогами, а распродает свои собственные сокровища и украшения супруги (Zon. III. 79.15–29)²⁵. Что побуждает хрониста отвлечься от основного источника (эпитомы Ксифилина) и привести этот пространный эпизод? Вероятно, и здесь сказались политические взгляды писателя. Антонин выступает как положительный император, и Зонара, видимо, хочет представить его антиподом Алексея Комнина. Византийский тиран присваивает государственное достояние, а римский император, наоборот, жертвует ради государства своей собственностью.

Идейные позиции хрониста определяют не только подбор материала, но и его обработку. Так, например, Плутарх сообщает, что Ромул назвал лучших (ἀρίστους) граждан патрициями и создал из них сенат (Plut. Rom. XIII. 2). Зонара, заимствуя эту фразу, значительно распространяет ее (Zon. II. 91.18–21). Согласно хронисту, сенат был составлен не просто из лучших, а из “наиболее прославленных своим родом, мудростью и образом жизни” (τῶν... λερφανεστέρων γένει τε καὶ συνέσει καὶ βίου αἰρέσει – гомеотелевты придают фразе большую выразительность). Это преобразование не случайно. Зонара – представитель гражданской знати, которая в результате *renovatio imperii* утратила прежнее положение²⁶. В хронике и других сочинениях Зонара не-

²⁴ Magdalino P. Aspects...; Macrides R. Perception of the Past... P. 591–592. Интерес хрониста к римскому праву особенно заметен в его рассказе о Республике: Зонара подробно повествует, например, о полномочиях народных трибунов (Zon. II. 130.5–132.20), о законах Двенадцати таблиц (Zon. II. 139.10–140.10), о правах диктатора (Zon. II. 126.3–29), об учреждении должности квестора (Zon. II. 123.30–124.11).

²⁵ Зонара ошибочно приписывает это деяние Антонину Пию. Согласно остальным источникам, этот поступок совершил Марк Аврелий (SHA. Marc. 17; Eutrop. 8. 13; ES 117M; Man. 2181–2200).

²⁶ О положении византийской гражданской знати в XI–XII вв. см.: Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

Однократно заявляет, что синклитиков должно уважать, и жалуется, что нынешние государи-тираны пренебрегают сенатским сословием и унижают его (Erit. 15.7; 729.10–13; 733.1–3; 766.17–19). Вполне возможно, что именно современное положение старой гражданской аристократии побуждает нашего хрониста подчеркнуть достоинства первых римских сенаторов. Эту похвалу можно расценивать как скрытый упрек в адрес Комнинов, которые ни во что не ставят лучших и знатнейших.

Приведем еще один подобный пример. Эпитома LXIX книги “Римской истории”, посвященной правлению императора Адриана, содержит следующую фразу (Xiph. 652.28–29): ἔφραττε δὲ καὶ διὰ τοῦ βουλευτηρίου πάντα τὰ μεγάλα καὶ ἀναγκαῖότατα²⁷. Заимствуя это сообщение, наш хронист не копирует текст Ксифилина дословно, а слегка распространяет его (Zon. 72.25–26): καὶ πάντα δὲ τὰ μεγάλα καὶ ἀναγκαῖα οὐκ ἰδία, ἀλλὰ μετὰ τῶν βουλευτῶν ἔφραττε²⁸.

Итак, Зонара вводит в предложение антитезу. Можно предположить, что это изменение тоже связано с политическими взглядами писателя. Проблема соотношений императора и сената, как мы уже видели, весьма актуальна для нашего автора, и он считает нужным особо подчеркнуть, что Адриан правил не единолично, а вместе с сенаторами.

Особого рассмотрения заслуживает рассказ Зонары о Юлии Цезаре. Здесь идейные позиции хрониста побуждают его к более значительным и последовательным преобразованиям.

Зонара пересказывает жизнеописание Цезаря Плутарха, а затем обращается к Диону Кассию и заимствует у него перечень невиданных почестей, которые диктатор получил от сената. В источнике этот пассаж предваряется следующими словами: “Конечно, в том, что Цезаря стали ненавидеть, есть доля его вины, но ведь сенаторы сами возвысили и вознесли его теми новыми и чрезмерными почестями, за которые потом стали поносить и клеймить его, ибо он де охотно принимал их и окружил себя роскошью. Бывало, разумеется, что и Цезарь был неправ, соглашаясь на некоторые из даров – он полагал, что его и вправду считают достойным этих наград. Однако в большей степени были виноваты они – те, что первыми принялись осыпать его почестями, а затем за то, что сами присудили, и обвинили его” (Dio. Cass. XLIV. 3. 1–2). У Зонары перечень сопровождается совсем другим введением, более кратким, но не менее выразительным: “Вот как погиб Цезарь от собственного властолюбия и честолюбия – зная его жажду славы и первенства, льстецы награждали его все новыми почестями” (Zon. II. 371.15–19). Из перевода ускользает словесная игра – хронист употребляет четыре композита с одним корнем: φιλοτιμία, φιλαρχία, φιλόπρωτον, φιλόδοξον. Парономасия призвана усилить выразительность фразы.

Нетрудно заметить, что реплика Зонары отнюдь не восходит к “Римской истории”. Зонара дает событиям принципиально новую оценку. Слова Диона Кассия – гневная инвектива в адрес сенаторов. Это они виновники убийства Цезаря и зачинщики гражданских войн, а бесконечный список почестей – вопиющее свидетельство их лицемерия и коварства. У Зонары все иначе: вина

²⁷ “Все наиболее значительные и важные решения он (Адриан. – Д.Ч.) согласовывал с сенатом”.

²⁸ “Все важные и значительные решения он принимал не единолично, а вместе с сенаторами”.

перекладывается на самого диктатора – льстецы угождали ему потому, что знали о его тщеславии. В ином контексте оказывается и перечень почестей. Нагромождение титулов свидетельствует уже не против лукавых сенаторов, а против самого Юлия Цезаря. Византиец подчеркивает свою самостоятельную позицию и в заключительной фразе, завершающей перечень: “Все это возбуждало зависть, или скорее негодование, и так Цезарь восстанавливал против себя многих, пока не пришел ему конец” (Zon. II. 372.15–17). Эта итоговая ремарка призвана, вероятно, еще раз подчеркнуть, что Юлий Цезарь сам стал виновником своей гибели.

Негативное отношение хрониста к Юлию Цезарю отражается и на подборе материала. Обратимся к той части рассказа Зонары, где он следует Плутарху. Упомянув о стремлении героя к царской власти, античный автор замечает: “В остальном же Цезарь держал себя безупречно”, и далее повествует о его деяниях и помыслах, достойных похвалы и свидетельствующих о его “деятельной натуре” (μεγαλοουρία). Мы узнаем, что Цезарь великодушно прощает врагов, задумывает устройство гавани, весьма полезной для судоходства, и реформирует календарь, по словам Плутарха, “дело в высшей степени полезное” (Caes. LVII–LX). Зонара значительно сокращает эти главы жизнеописания (до девяти строк), ни словом не упоминает о переустройстве календаря и, разумеется, опускает вводную фразу о “безупречности” героя (Zon. II. 368.2–10). Предсудительные поступки Юлия Цезаря, напротив, старательно фиксируются. Например, следуя Плутарху, наш автор рассказывает о том, как диктатор нанес оскорбление сенаторам, не поднявшись им навстречу (Zon. II. 368.30–369.3). Показательно, что при этом Зонара опускает все те детали, которые могли бы хоть сколько-нибудь оправдать Цезаря в глазах читателей. Так, он умалчивает о том, что впоследствии Цезарь горько сожалел о случившемся и признавался друзьям, что не имел намерения никого оскорбить (Plut. Caes. LX. 6).

Осуждение Цезаря сочетается у хрониста с положительной оценкой его противников. Повествуя об убийстве тирана и о битве при Филиппах, Зонара вновь проявляет тенденциозность в подборе материала. С одной стороны, хронист не спешит осудить цезареубийц вслед за Дионом Кассием – римский историк считает причиной их преступления “зависть” и называет заговорщиков в числе зачинщиков гражданских войн (Dio. Cass. XLIV. 1). С другой стороны, Зонара заимствует у Плутарха ряд эпизодов, свидетельствующих о доблести и благородстве приверженцев Брута и Кассия. Так, хронист описывает подвиг Луциллия, выдавшего себя за Брута (Zon. II. 397.16–31). Рассказывая о самоубийстве Марка Катона, византиец, цитируя Плутарха, причисляет его к “лучшим и отважнейшим” из римлян (Zon. II. 397.9–10).

Чем Юлий Цезарь заслужил такую неприязнь со стороны византийца XII столетия? Причина, вероятно, в том, что в глазах писателя он прежде всего тиран. Согласно Зонаре, правителю подобает хранить чистоту древних законов и уважать сенат. Цезарь поступает совсем иначе – он узурпирует власть, принимает вопреки закону чрезмерные почести и выказывает сенаторам открытое пренебрежение. Не случайно хронист, вслед за Плутархом (Caes. LVII. 1), именует власть Цезаря тиранией и подчеркивает это определение словом *τύραννος* (Zon. II. 367.30). Наверное, именно поэтому

Зонара не осуждает Брута и Кассия – “тирания” Цезаря дает им законное *jus resistendi*²⁹.

Таким образом, повествуя о Юлии Цезаре, Зонара подвергает тексты двух источников – Диона Кассия и Плутарха – целенаправленной идеологической переработке. Он тенденциозно подбирает материал и сопровождает рассказ “Римской истории” самостоятельным оценочным комментарием. Последовательная правка приводит к ощутимым результатам. Плутарх и Дион Кассий создают сложный и многогранный образ Юлия Цезаря. “Заключительного определения одной чертою” ему не дать. Зонара пишет образ этого героя одной лишь черной краской. Юлий Цезарь предстает как возгордившийся тиран, который пал жертвой собственного тщеславия и не заслуживает никакого сочувствия.

До сих пор говорилось о политической тенденциозности Зонары и о различных проявлениях его индивидуальной позиции. Однако работа хрониста над источниками, разумеется, не сводится к идеологической переработке. Под пером Зонары тексты предшественников претерпевают и другие изменения.

Излагая римскую историю, Зонара берет на себя труд пересказывать произведения античных авторов. Это обширные тексты и хронисту придется значительно сокращать их. Как он это делает? Метод писателя не типичен для его предшественников. Он не искусственно “вырезает” из источника отдельные фразы и эпизоды, а суммирует текст своими словами, сохраняя основной смысл. Достаточно одного примера. Дион Кассий подробно рассказывает о том, как Антоний разными способами пытался завлечь к себе в лагерь армянского царя, дабы захватить его в плен (*Dio. Cass. XLIX. 32. 2–4*). Опуская этот детальный рассказ, хронист вмещает его в одну фразу: “Замышляя, как бы наказать Армянина, Антоний, как гласит пословица, испробовал все ходы (πάντα λίθων κινῶν), пока наконец не убедил его войти в лагерь” (*Zon. II 419.20–24*). Пословица, приведенная Зонарой, в источнике отсутствует. Включив ее в свой рассказ, наш автор предельно кратко и не без изящества передает смысл объемного пассажа “Римской истории”.

Теперь обратимся к тем случаям, когда наш автор не ставит перед собой цели сократить источник. Зонара и здесь не склонен копировать текст дословно, а, напротив, систематически вносит сходные изменения. Так, например, хронист последовательно преобразует аористные формы в перфект и плюсквамперфект³⁰. Почему он так поступает? Семантическое различие

²⁹ О “праве на сопротивление” тирану в Византии см.: *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 57–72.

³⁰ Примеры многочисленны. Ограничимся немногими:

Plut. Rom. VIII. 5, cf. *Zon. II. 89.24–25*: ἔπεμψε > λέπομφε

Plut. Rom. IX. 4, cf. *Zon. II. 90.7*: ὀρμήσασι > ὀρμημένοις

Dio. Cass. XLVI. 42.4, cf. *Zon. II. 382.3*: ἔπεμψε > ἐκλέπομφε

Dio. Cass. XLVII. 22.3, cf. *Zon. II. 390.13–14*: πρᾶχθέντα > πεπραγμένα

Dio. Cass. XLVIII. 44.5, cf. *Zon. II. 407.7–9*: κατέλιπεν > καταλέλοιπεν

Dio. Cass. XLVIII. 54.2, cf. *Zon. II. 409.13–14*: ἀντέλαβεν > ἀντείληφεν

Dio. Cass. XLIX. 5.5, cf. *Zon. II. 411.12*: ἀπεσώθη > διασέσωστο

Dio. Cass. XLIX. 11.1, cf. *Zon. II. 413.6*: ἐγένετο > γέγονε

Dio. Cass. LIX. 3.6, cf. *Zon. III. 13.27*: προεπέθανε > προεπεθνήκει

Xiph. 656.20, cf. *Zon. III. 75.26*: ἐνόμισε > νενόμιστο

Xiph. 680.12, cf. *Zon. III. 93.30*: ἐξετέθη > προὔτεθειτο

между этими глагольными временами уже давно стерлось, но взамен возникло различие стилистическое. Аорист был более общеупотребительным и стоял ближе к разговорной речи. Древний перфект, напротив, воспринимался как признак изысканного “аттического” стиля³¹. Последовательная замена аориста перфектом объясняется, вероятно, сознательной тенденцией к архаизации языка. По той же причине Зонара зачастую преобразует множественное число в двойственное³², хотя здесь наш автор не столь последователен.

Та же тенденция проявляется и на лексическом уровне. Общеупотребительные слова источника хронист нередко заменяет архаизмами, которые встечаются лишь у Гомера и трагических поэтов. Так, например, вместо нейтрального *πολεμικός* (Xiph. 642.42) он вводит эпическое *ἄριστος* (Zon. III. 66.25), существительное *κεφαλή* (Euseb. II. 11) заменяет на *κάρρα* (Zon. III. 36.18), для глагола *κοιμάμαι* (Plut. Caes. LXIII. 8) находит редкий гомеровский синоним *λαριαύω* (Zon. II. 370.3). Словосочетанию *εἰς τὴν γῆν πεσῶν* (Xiph. 642.34) Зонара предпочитает *ἐς οὐδας κατακλιθεῖς* (Zon. III. 66.17–18).

Стремление к архаизации стиля сочетается у Зонары с другой тенденцией. Преобразуя источник, хронист зачастую вводит разнообразные риторические фигуры. Излюбленный прием писателя – параномасия. Приведем несколько случаев, в которых Зонара, по-видимому, намеренно преобразует текст источника, чтобы его рассказ содержал сходные по звучанию слова³³.

Plut. Numa III. 1: *ὑπονοίαις καὶ θορύβοις περιέλιπτον ὡς μεθιστάντες εἰς ὀλιγαρχίαν τὰ πράγματα... βασιλεύεσθαι οὐκ ἔθέλοιεν.*

Zon. II. 98.29–99.1: *ἀλλὰ καὶ οὕτως ἐξ ὑπονοίας ἐφύοντο θόρυβοι, ὑποπτευομένων τῶν πατρικίων εἰς ὀλιγαρχίαν τὴν πολιτείαν περιστᾶν καὶ μὴ βούλεσθαι βασιλεύεσθαι.*

Dio. Cass. XLVII. 14. 2. 4: *τοὺς τὰ χωρία ἔχοντας τὸ ἥμισυ τῶν προσόδων αὐτῶν ἀφείλοντο... τὸ μὲν οὖν πλῆθος τῶν στρατιωτῶν τούτοις ἀνηρτῶντο, τῶν δὲ δὴ λογιωτέρων τοὺς μὲν τοῖς κτήμασι τοῖς τῶν ἀπολλυμένων ἐδελέαζον τὰ μὲν ἐλευωνίζοντες, τὰ δὲ καὶ προῖκα σφισι χαριζόμενοι, τοὺς δὲ καὶ ταῖς ἀρχαῖς ...αὐτῶν ἐτίμων.*

Zon. II. 388.17–20: *καὶ τοὺς τῶν χωρίων κτήτορας τὸ ἥμισυ τῶν προσόδων ἀφείλοντο, καὶ τὰ κτήματα τῶν κτεινομένων τοῖς στρατιώταις παρεῖχον, τὰ μὲν δῶρον, τὰ δὲ ἐλευωνίζοντες.*

Dio. Cass. XLVII. 22. 2: *ὡς οὖν καὶ ἐκ τοῦ δόγματος τὴν ἡγεμονίαν ἐβεβαίωσατο, αὐτὸς τε ἐπὶ πλεῖον προεθυμήθη καὶ τὸ ὑπήκοον ἀπροφασίστως συναιρόμενον ἔσχε.*

Zon. II. 390. 13–14: *κάντεῦθεν αὐτὸς τε γέγονε προθυμότερος καὶ ὑπεῖκον ἀπροφασίστως ἔσχηκε τὸ ὑπήκοον.*

Dio. Cass. XLIX. 17. 3: *συγκαλέσας οὖν αὐτοὺς τὴν... σκευὴν τὴν στρατηγικὴν ἀπεδύσατο.*

³¹ Böhler G. Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner mit besonderer Berücksichtigung der Schriften des Michael Psellos. B., 1956. S. 227.

³² Несколько примеров употребления Зонарой двойственного числа вместо множественного приводит И. Григориадис: *Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies in the Epitome Historion of John Zonaras. Θεσσαλονίκη*, 1998. P. 128–129.

³³ И. Григориадис отмечает ряд других случаев параномасии в хронике Зонары (*Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies...* P. 149–156), но, к сожалению, не указывает, какие из них в готовом виде заимствованы у предшественников, а какие введены самим автором в результате целенаправленной переработки источников.

Zon. II. 414. 27–29: συγκαλέσας οὖν αὐτοὺς καὶ τὸ στρατιωτικὸν ἀποδυσάμενος ἔνδυμα.

Euseb. III. 20: τότε ἠρώτησεν αὐτούς, πόσας κτήσεις ἔχουσι.

Zon. III. 62. 7–8: προσεπήρετο οὖν πόσας κέκτηνται κτήσεις.

Xiph. 672. 36–39: καὶ ὁ δῆμος... ὥρμησε πρὸς τὸν Κόμοδον... πολλὰ μὲν ἐκείνῳ κἀγαθὰ ἐπευχόμενος, πολλὰ δὲ κατὰ τοῦ Κλεάνδρου καταρώμενος.

Zon. III. 89. 9–11: καὶ ὁ δῆμος... ὥρμησε πρὸς τὸν Κόμοδον... ἐκείνου μὲν ὑπερευχόμενος, τοῦ Κλεάνδρου δὲ κατευχόμενος.

Euseb. VI. 2: ἐκεῖνος δὲ τῷ μὲν δοκεῖν εἰς πρόσωπον ἐπέπληττεν αὐτῷ, μηδὲ ὑπὲρ ἡλικίας μηδὲ τῆς προφανοῦς διανοίας περαιτέρω τι ζητεῖν παραινῶν, ἰδίως δὲ παρ' ἑαυτῷ τὰ μεγάλα γεγηθώς, τὴν μεγίστην ὠμολόγει τῷ... Θεῷ χάριν.

Zon. III. 108. 7–9: ἐκεῖνος δὲ λόγῳ μὲν ἐπέπληττε τὸν παῖδα τῆς πολυπραγμοσύνης, τῇ δ' ἀληθείᾳ τὴν αὐτοῦ διάνοιαν *ἐξεπλήττετο*³⁴.

Другая риторическая фигура, характерная для нашего автора – гомеотелевты. Пересказывая источник, писатель нередко вводит рифмованные окончания, хотя, следует отдать ему должное, этим приемом Зонара не злоупотребляет. Хронист не выстраивает утомительно длинных периодов, а ограничивается, как правило, двумя или тремя гомеотелевтами. Приведем несколько примеров.

Dio. Cass. L. 14. 2: ...οὐ μόνον οὐδὲν τῆς νίκης ἀπώνητο, ἀλλὰ καὶ προσδιεφθάρη.

Zon. II. 425.29–30: οὐ μόνον οὐδὲν τῆς νίκης οἱ τοῦ Ἀντωνίου ἀπώναντο, ἀλλὰ καὶ ἀπώλοντο.

Xiph. 655.32–33: Ὁ μὲν οὖν τῶν Ἰουδαίων πόλεμος ἐς τοῦτο ἐτεκεύτησεν, ἕτερος δὲ ἐξ Ἀλανῶν... ἐκινήθη.

Zon. III. 75.5–7: Ὁ μὲν δὴ πρὸς Ἰουδαίους πόλεμος οὕτως ἦνυστο, ὁ δὲ πρὸς Ἀλβανούς... *κεκίνητο*.

Xiph. 667.21–23: νῦν δὲ τῇ ἑπτακαιδεκάτῃ τοῦ Μαρτίου μετήλλαξεν, οὐχ ὑπὸ τῆς νόσου... ἀλλ' ὑπὸ τῶν ἰατρῶν, ὡς ἐγὼ σαφῶς ἤκουσα, τῷ Κομόδῳ χαριζομένων.

Zon. III. 85.18–19: ἀλλὰ μετήλλαξε, τῶν ἰατρῶν αὐτὸν κατεργασαμένων, ὡς λέγεται, τῷ Κομόδῳ χαριζομένων.

* * *

Итак, мы перечислили и охарактеризовали основные методы нашего хрониста, которые проявляются в рассматриваемом разделе “Сокращенной истории”. В заключение остается поставить вопрос: насколько Зонара последователен в своих методах? Не меняются ли его подходы к источникам на протяжении труда? Сравнение показывает, что, излагая историю Рима и повествуя о событиях недавнего прошлого, писатель перерабатывает тексты сходными путями. Так, при сокращении источника он предпочитает не искусственно “монтировать текстовые блоки”³⁵, а пересказывать содержа-

³⁴ Выстраивая эту фразу, Зонара заботится не только о созвучии, но и о порядке слов: благодаря симметричному расположению глаголов ἐπέπληττε и ἐξεπλήττετο возникает эффект хиазма. К этому приему Зонара прибегает неоднократно, например: *Dio. Cass. LVII. 1. 1, cf. Zon. III. 1.6–8; Dio. Cass. LIX. 4. 5, cf. Zon. III. 14.7.*

³⁵ Любарский Я.Н. Феофан Исповедник...

ние своими словами. В тексты предшественников Зонара регулярно вносит сходные изменения, которые позволяют судить о вкусах автора и мере его образованности. Так, писатель подвергает источники стилистической правке: последовательно архаизирует стиль и украшает рассказ риторическими фигурами. Хронист питает особое пристрастие к паронимии и гомеотелеграммам.

Одну особенность метода Зонары в отношении римской истории необходимо отметить особо. История Рима для Зонары – не предмет отвлеченных научных занятий. Он отбирает и перерабатывает материал, исходя из своих идейных позиций, вкладывает в повествование новый, актуальный для него смысл, оживляет рассказ злободневным, нередко ироническим комментарием. Такое отношение к римской истории, конечно, не типично для византийской всемирной хроники вообще, но весьма характерно для историографии конца XI–XII столетий. В эту эпоху интерес к римским древностям возрастает, и вместе с тем возникает тенденция к актуализации истории Рима. Так, пересказывая труд Диона Кассия, Иоанн Ксифилин не ограничивается сокращенным изложением этого произведения, а прямо и косвенно выражает свои политические взгляды и касается актуальных проблем своего времени³⁶. Та же тенденция проявляется и у младшего современника Зонары Константина Манасси, автора стихотворной всемирной хроники. В отличие от Зонары, он в духе комниновской энкомиастической литературы³⁷ восхваляет Юлия Цезаря как царя-воина и при этом особо подчеркивает, что тот вынужденно пошел на переворот (Man. 1768–1779; восхваление пращурца Цезаря – 1809–1820; неприязненный отзыв о Бруте и Кассии – 1828–1829). Причины, которые призваны оправдать Цезаря, очень походят на оправдания Алексея Комнина в устах его дочери (Alex. II. 1, 4). Трудно отделаться от впечатления, что, вступаясь за Цезаря, Манасси в скрытой форме оправдывает своего старшего современника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Alex. – *Anna Comnèna*. Alexiade (règne de l'empereur Alexis I Comnène 1081–1118) / Texte établi et traduit par B. Leib. T. I–III. P., 1937–1945

Epit. – *Ioannis Zonaræ Epitomæ historiarum libri XIII–XVIII* / Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnæ, 1897

Man. – *Constantini Manassis Breviarium Chronicum* / Rec. O. Lampsidis. Vol. I–II. Athenis, 1996

RP. – *Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων* / Ἐκδ. ὑπὸ Γ. Πάλλη καὶ Μ. Ποτλῆ. T. I–VI. Ἀθῆναι, 1852–1859

Xiph. – *Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanarum quae supersunt* / Ed. U.Ph. Boissevain. Vol. III. Berolini, 1901. P. 479–730

Zon. – *Ioannis Zonaræ Epitome historiarum* / Ed. L. Dindorf. Vol. I–VI. Lipsiae, 1868–1875

³⁶ Черноглазов Д.А. Эпизод римской истории глазами византийца XI века // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып. 12: Классическая филология. СПб., 2003. С. 22–27.

³⁷ Magdalino P. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge, 1993.

К.И. Лобовикова

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД: ПОИСКИ ПУТЕЙ К ПРИМИРЕНИЮ МУСУЛЬМАН И ХРИСТИАН (ПО ПОВОДУ КНИГИ М. БАЛИВЕ)*

Известного византиниста и тюрколога Мишеля Баливе по праву можно назвать одним из самых авторитетных исследователей проблем исламо-христианского диалога в средние века. Этому ученому принадлежат наиболее обстоятельные и глубокие работы, посвященные проблемам культурных, религиозных и политических контактов мусульман и христиан в эпоху средневековья¹.

В 1980 г. М. Баливе опубликовал большую статью “Два сторонника религиозного объединения христиан и мусульман в XV в.: турок Бедреддин Самавна и грек Георгий Трапезундский”². Исследователь не только проанализировал попытки двух мыслителей найти основание для религиозного диалога мусульман и христиан, но и попробовал рассмотреть их отношения в широком историческом контексте. С одной стороны, М. Баливе стремился найти аналогии примирительным взглядам Георгия Трапезундского в турецкой среде, а с другой – указывал на сходные точки зрения авторов, принадлежащих византийской интеллектуальной традиции, таких, как Николай Мистик, Георгий Гемист Плифон, Григорий Палама, Геннадий Схоларий и Мануил Палеолог. В то же время ученый не оставил без внимания и проявления религиозной толерантности в латинской среде: он упоминает в этой связи работы Франческо Филельфо, Николая Кузанского, Хуана Сеговийского и папы Пия II.

В упомянутой статье М. Баливе впервые выдвинул интересную гипотезу, согласно которой хронологическая близость интеллектуальных демаршей шейха Бедреддина и Георгия Трапезундского и тот факт, что оба были родом из географически близких местностей, а в особенности их общая идея об объединении ислама и христианства позволяют говорить об одновременно возникшей глубокой тенденции в менталитете балкано-эгейского мира в XV в. Для этой тенденции, с точки зрения исследователя, был характерен дух религиозной открытости и терпимости, стремление “раздвинуть интеллектуальные горизонты, разрушить старые предрассудки и удовлетворить стремление к культурному обогащению в новых направлениях”³.

Как бы ни были многообразны проявления религиозной терпимости и открытости, М. Баливе выделил на общем фоне двух авторов: шейха Бедреддина и Георгия Трапезундского, так как они, по мнению ученого, были

* *Balivet M.* Pour une concord islamo-chrétienne. Démarches byzantines et latines à la fin du Moyen-Âge (de Nicolas de Cues à George de Trébizonde). Roma, 1997.

¹ Я благодарю Р.М. Шукурова, в беседах с которым окончательно сформировалась моя точка зрения на концепцию М. Баливе.

² *Balivet M.* Deux partisans de la fusion religieuse des chrétienne et de Musulmans au XV-e siècle: le turc Bedreddin de Samavna et le Grec George de Trebizond // Byzantina. 1980. T. 10. P. 363–396.

³ *Ibid.* P. 363.

создателями “наиболее дерзких теорий сближения мусульманского и христианского миров”⁴.

М. Баливе отметил у Георгия Трапезундского “склонность к религиозному синкретизму”, которой он был обязан влиянию Плифона⁵. Одним из наиболее важных выводов, к которым пришел М. Баливе, можно считать признание новаторского, исключительного характера трактата Георгия Трапезундского “Об истинности христианской веры”. По мнению исследователя, этот трактат “опередил по смелости все подобные попытки того времени”⁶. Если для папы Пия II превосходство христианства над исламом не вызывало сомнений, а Николай Кузанский представлял ислам как упрощенное христианство для идолопоклонников-арабов, то Георгий Трапезундский, как полагает М. Баливе, “был единственным, кто пошел дальше и заявил о равенстве двух религий и их глубокой идентичности”⁷.

Статья М. Баливе переросла в книгу “Византийцы и латиняне на пути к исламо-христианскому согласию в конце средневековья. (От Николая Кузанского до Георгия Трапезундского)”, опубликованную в Риме в 1997 г., т.е. спустя семнадцать лет после выхода статьи⁸. То, что в статье было намечено лишь пунктирно, нашло в книге полное и глубокое воплощение: автор подробно анализирует попытки византийцев и латинян наладить межконфессиональный диалог, целью которого было, по мысли исследователя, примирение (*une concordie*) мусульман и христиан.

Книга состоит из двух глав. Первая глава “Специфический исторический контекст” представляет собой изложение и анализ попыток византийцев и латинян осмыслить проблему ислама⁹. Вторая глава “Новаторский текст? Трактат Георгия Трапезундского для Мехмеда II” содержит перевод на французский язык значительного количества выдержек из трактата, тематически подобранных и озаглавленных автором монографии¹⁰.

Перед М. Баливе стояла непростая задача: показать, как представители двух разных и в то же время во многом схожих миров, мира византийского и западноевропейского, пытались решить проблему конфессионального антагонизма мусульман и христиан. В первых двух разделах первой главы автор монографии выделяет общее и особенное в отношении к исламу византийцев и западноевропейских гуманистов.

Нельзя не согласиться с глубоким наблюдением М. Баливе, согласно которому проекты достижения мира и согласия между разными народами и цивилизациями, предложенные такими западными мыслителями, как папа Пий II, Франческо Филельфо, кардиналы Хуан Сеговийский и Николай Кузанский, остались лишь гуманистической утопией и не вышли за пределы круга ученых-идеалистов¹¹. Их мечтам о *concordia mundi* было суждено разбиться о реальность непреодолимого политико-религиозного противостояния турок и мусульман. Все это М. Баливе объясняет тем, что Западная

⁴ Ibid. P. 364.

⁵ Ibid. P. 380.

⁶ Ibid. P. 383.

⁷ Ibid. P. 385.

⁸ Balivet M. Pour une concordie...

⁹ Ibid. P. 11–36.

¹⁰ Ibid. P. 37–78.

¹¹ Ibid. P. 12.

Европа в меньшей степени подвергалась угрозе турецкого вторжения, чем Византия, для которой длительная турецкая экспансия оказалась роковой. Для византийской элиты поиск решения проблемы отношений с миром ислама не был лишь гуманистической утопией. Этот поиск был обусловлен необходимостью культурного выживания и сосуществования двух цивилизаций, что побуждало византийцев прибегать к более конкретным действиям.

Тем не менее М. Баливе совершенно справедливо отмечает близость позиций западноевропейских мыслителей и византийских интеллектуалов: и те, и другие пытались решить главную проблему – проблему присутствия ислама и турок на Балканах и их наступления на Италию – на путях диалога и контактов¹². И византийцы, и латиняне осмыслили проблему конфессионального противостояния в рамках гуманизма, который, как полагает М. Баливе, в конце средних веков был общим философским течением в Византии и Западной Европе¹³.

В разделе книги “Папа и султан” исследователь дает оценку знаменитого письма папы Пия II Мехмеду Завоевателю¹⁴. М. Баливе не без основания рассматривает инициативу Пия в контексте старой традиции понтификов, для которой было характерно стремление обратить варварские народы в христианство: “Папа рассматривал примирение с исламом как односторонний отказ мусульман от своей религии в пользу христианства. Он не понимал необходимости настоящего диалога, где каждая из сторон играет позитивную роль для достижения минимального доктринального согласия”¹⁵.

Тем не менее стоит отметить, что М. Баливе не упоминает о том немало важном для понимания позиции Пия факте, что папа был вдохновителем и главным организатором крестового похода против турок. Автор не ставит вопроса о том, как же соотносится письмо Пия к Мехмеду, где папа предлагает султану принять христианство и стать “самым могущественным и знаменитым человеком своего времени”¹⁶, со стремлением понтифика сокрушить власть турок силой оружия¹⁷.

Не без основания М. Баливе отмечает, что кардиналы Хуан Сеговийский и Николлай Кузанский своими поисками межрелигиозного взаимопонимания продолжили развивать направление, начало которому положил знаменитый испанский теолог Раймонд Луллий (1235–1315)¹⁸. Луллий знал арабский язык, который по его инициативе начали преподавать в университетах Европы. Он был организатором межрелигиозных дискуссий на Сицилии и способствовал проведению таких диспутов в Испании, Франции и Италии. Несмотря на то что Луллий оставался теологом-мистиком, главным желанием которого было прежде всего обратить мусульман в христианство, по мнению М. Баливе, он со своим примирительным и открытым отношением к миру ислама, несомненно, был предвестником гуманизма эпохи Кватроченто¹⁹.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. P. 11.

¹⁴ Ibid. P. 12–13.

¹⁵ Ibid. P. 13.

¹⁶ *Pius II. Lettera a Maometto* / Ed. G. Toffanini. Naples, 1953. P. 110.

¹⁷ Еще одна попытка разгадать загадку письма папы Пия II отражена в недавнем исследовании В. Поджи. *Poggi V. Lettera non spedita di Pio II a Maometto II // Studi sull'Oriente Cristiano*. Roma, 2003. V. 7/2. P. 113–133.

¹⁸ *Balivet M. Pour une concord...* P. 13–14.

¹⁹ Ibid. P. 14.

В разделе “Кардиналы-гуманисты: Хуан Сеговийский и Николай Кузанский” исследователь анализирует взгляды мыслителей, продолживших поиски оснований для диалога с мусульманами, начатые каталонским теологом²⁰.

Хуан Сеговийский поставил задачу радикально изменить методы решения проблемы ислама. Для него главным условием плодотворных контактов была хорошая информированность. Именно поэтому кардинал начал большую работу над созданием нового перевода Корана. Он полагал, что предстоящая полемика с исламом была сфокусирована на таких второстепенных проблемах, как оценка морального облика пророка Мухаммада или обоснованность его пророческого дара. Для Хуана Сеговийского задачей первостепенной важности было понять, является ли Коран словом Божиим, а для этого было необходимо создать максимально точный перевод священной книги мусульман с арабского языка²¹.

Хуан Сеговийский считал, что христиане не должны ограничиваться критикой мусульманских догматов – правильный подход заключается, на его взгляд, в открытии общих для обеих религий представлений. Христианские апологеты должны хорошо знать обычаи и традиции мусульман, так как им нужно прежде всего создать атмосферу взаимопонимания и доверия. Хуан Сеговийский настаивал на необходимости проведения религиозных конференций с представителями ислама, он полагал, что даже если они не приведут к немедленному обращению мусульман, все же лучше вести диалог с мусульманами, чем сражаться с ними силой оружия²².

М. Баливе не без основания заключает: Хуан Сеговийский не был сторонником традиционной проповеди, целью которой является обращение мусульман в христианство: испанский кардинал открыл новый способ коммуникации с миром ислама²³.

Тем не менее стоит отметить, что, несмотря на новаторский подход к решению проблемы, цель испанского кардинала не была нова: он мечтал об обращении мусульман в христианство, но считал при этом, что религиозные дискуссии принесут пользу, даже если они не обещают быстрого обращения мусульман. Он надеялся, что диспуты будут способствовать просвещению мусульман, пониманию ими сути христианства, что, в свою очередь, должно было привести к их обращению в христианскую веру. Вот как характеризует позицию кардинала Р. Швоебел: “Он не преуменьшал опасности и трудности. Его паролем были терпение и понимание... Он утверждал, что даже хорошо образованные мусульмане плохо знакомы как с учением Христа, так и с учением Мухаммада. Он ожидал, что за просвещением последует обращение”²⁴.

М. Баливе упоминает о том, что Хуан Сеговийский и Николай Кузанский состояли в переписке, и последний разделял взгляды испанского кардинала. Но М. Баливе не указывает на еще один важный факт, связанный с распространением идей Хуана Сеговийского. Кардинал перед самой смертью в 1458 г. написал письмо папе Пию II, в котором излагал свой проект

²⁰ Ibid. P. 14–15.

²¹ Ibid. P. 14.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 14.

²⁴ *Schwoebel R. The Shadow of the Crescent: The Renaissance Image of the Turk (1453–1517)*. N.Y., 1967. P. 224.

решения проблемы ислама²⁵. Римский папа не смог ответить непосредственно автору письма в виду смерти Хуана, но есть основания полагать, что послание Пия Мехмеду II представляет собой своего рода отклик и на обращение испанского кардинала²⁶.

Безусловно, среди западноевропейских авторов, которые пытались решить проблему ислама, М. Баливе особо выделяет Николая Кузанского. Трактату кардинала “О мире веры” автор монографии посвящает целый раздел своей книги²⁷.

М. Баливе отмечает, что вся жизнь Николая Кузанского была посвящена “поиску согласия (Concordance) между людьми”²⁸. Психологический шок, связанный с известием о падении Константинополя, стал для него толчком к созданию двух трактатов “О мире веры” (1453) и “Просеивание Корана” (“Cribratio Alkorani”) (1461), в которых автор изложил свою концепцию согласия между религиями.

Трактат “О мире веры” представляет собой воображаемый диалог между представителями разных религий. Цель этого диспута – гармонично свести все различия между религиями к одной единственной вере. При этом не нужно менять веру, так как повсюду по сути дела она одна и та же. Различие же существует только в обрядах. Но верующих не должно смущать их разнообразие, так как можно изменить знак, но не то, что он обозначает²⁹.

М. Баливе обращает внимание на то, что Кузанец постоянно подчеркивает общность догматов христиан и мусульман, полагая, что Авраам является отцом всех верующих, без различия, христиан, мусульман и иудеев³⁰. Автор монографии высоко оценил “благосклонную интерпретацию” Николаем Кузанским священной книги мусульман, представленную в трактате “Просеивание Корана”. М. Баливе считает ее “замечательной по своей умеренности и объективности”³¹. Он видит “методологическую оригинальность” Николая Кузанского в том, что тот не атакует принципы Корана, чтобы защитить Евангелие, но доказывает истинность Евангелия с помощью свидетельств самого Корана³².

Однако первооткрывателем этого метода исследования Корана был, без сомнения, не Николай Кузанский, а Георгий Трапезундский. В трактате “Об истинности христианской веры”, который был написан еще в 1453 г., за восемь лет до появления работы Кузанца, Георгий последовательно доказывал истинность христианства, опираясь на цитаты из Корана и избегая критики в адрес священной книги мусульман³³. Николай Кузанский и Георгий

²⁵ Cabanelas D. Juan de Segovia y el problema islamico. Madrid, 1952. P. 343–349.

²⁶ Эта нелишенная основания гипотеза впервые была высказана Р. Саузерноном. См.: Southern R.W. Western Views of Islam in Middle Ages. Cambridge, 1962. P. 98–99.

²⁷ Balivet M. Pour une concord... P. 15–17.

²⁸ Ibid. P. 15.

²⁹ Nicolai de Cusa. De pace fidei / Trad. Galiboi. Sherbrooke, 1977. Русский перевод трактата: Николай Кузанский. О мире веры / Пер. и примеч. В.В. Библихина // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 29–51.

³⁰ Balivet M. Pour une concord... P. 16; Николай Кузанский. О мире веры. С. 47–48. Георгий Трапезундский также подчеркивал, что и христиане, и мусульмане являются сынами Авраама. Collectanea Trapezuntiana: Texts, Documents and Bibliographies of George of Trebizond / Ed. J. Monfasani. N.Y., 1984. CXLIV. 2. (Далее: СТр.).

³¹ Balivet M. Pour une concord... P. 17.

³² Ibid.

³³ Zoras. G. Γεώργιος ὁ Τραπεζούντιος καὶ αἱ πρὸς ἑλληνοτουρκικὴν συνεννόησιν προσπάθειαι αὐτοῦ. Ἀθήναι, 1954. Σ. 93–165.

Трапезундский, как известно, были знакомы, поэтому нельзя исключить, что работа Георгия могла оказать влияние на кардинала.

М. Баливе считает, что концепция трактата “Просеивание Корана” позволяет предположить, что Кузанец осознавал “функциональную преемственность” трех религий откровения (имеются в виду христианство, мусульманство и иудаизм), восходящих к Аврааму. Николай Кузанский, с точки зрения исследователя, не считал, что история монотеизма завершилась с возникновением христианства, но полагал, что она была продолжена Мухаммадом, который упростил догматы христианской веры, чтобы сделать их доступными для “идолопоклонников-арабов”³⁴. По мнению М. Баливе, точка зрения Николая Кузанского близка мусульманской концепции, согласно которой Мухаммад является “печатью” пророков. Тем не менее не стоит упускать из виду другой аспект трактата Николая Кузанского “Просеивание Корана”. Этот трактат является критическим исследованием священной книги мусульман. Кузанец, например, выделил три пласта в Коране. Первый пласт – это христианство несторианского толка. Второй – антихристианские утверждения, их появление связано с влиянием некоего иудея, который был наставником Мухаммада. Третий – это те искажения, которые внесли в текст Корана евреи после смерти Мухаммада³⁵.

Египетский исламовед Г. Анавати комментирует работы Кузанца иначе, чем М. Баливе. Он пишет: “Могут ли быть полезны для исламо-христианского диалога работы Николая Кузанского? Без всякого сомнения, нет!”³⁶. Вопреки мнению М. Баливе исследователь полагает, что если бы трактат “Cribratio Alkorani” попал в руки мусульман, то это бы вызвало бы только их гнев. Г. Анавати не согласен с тем, что работы Николая Кузанского отражают прогрессивные взгляды на ислам, так как оскорбительные высказывания Кузанца в адрес пророка Мухаммада вряд ли нашли бы положительный отклик среди мусульман. В качестве подтверждения данного тезиса Г. Анавати стоит привести цитату из Предисловия к трактату “Просеивание Корана”. Кардинал пишет о Коране, что “даже в этой книге много такого, что весьма укрепило бы Евангелие, нуждайся оно в подтверждении, а что расходится с ним, то идет от незнания и, во-вторых, от извращенности намерения Мухаммада: Христос искал славу не себе, но Богу Отцу славу и человеческого спасения, а Мухаммад – не славы Богу и человеческого спасения, а собственного прославления”³⁷.

Г. Анавати, на наш взгляд, удалось более объективно изложить точку зрения Кузанца. Действительно, не нужно забывать, что для кардинала ислам был всего лишь упрощенным (а значит несовершенным) христианством, с которым пророк Мухаммад познакомил идолопоклонников-арабов. Николай Кузанский был весьма далек от того, чтобы признать ислам в качестве самостоятельной монотеистической религии, идентичной христианству. Поэтому закономерна его критика пророка Мухаммада и священной книги мусульман в трактате “Просеивание Корана”.

³⁴ Balivet M. Pour une concord... P. 17.

³⁵ Nicolai de Cusa. Opera Omnia. VIII. Cribratio Alkorani / Ed. L. Hagemann. Hamburgi, 1986.

³⁶ Anawati G.C. Nicolas de Cues et le problème de l'Islam / Nicolò Cusano agli inizi del mondo moderno. Atti del Congresso internazionale nel V centenario della morte. Firenze, 1970. P. 141–173.

³⁷ К сожалению, латинский текст “Просеивание Корана” оказался нам недоступен. Цитату приводим по изданию: Николай Кузанский. О мире веры. С. 53.

С нашей точки зрения, не все так однозначно в концепции Николая Кузанского, как может показаться на первый взгляд, поэтому в изучении отношения Кузанца к исламу еще рано ставить точку.

М. Баливе полагает, что и в византийской среде многие философы, теологи и гуманисты прониклись “духом открытости по отношению к миру ислама”³⁸. Из этой среды исследователь выделил трех авторов, которые были вынуждены, столкнувшись лицом к лицу с миром ислама, предложить свои решения проблемы греко-тюркского противостояния XV в. М. Баливе отметил, что решения, предложенные Георгием Гемистом Плифоном, Георгием Амируци и Георгием Трапезундским, отличались яркой оригинальностью³⁹.

Для Плифона и христианство, и ислам в равной степени были неистинными религиями, так как они, по мысли Плифона, должны были быть упразднены появлением новой, действительно истинной религией неоплатонизма⁴⁰. Взгляды же Плифона на мусульманское общество отличались большей позитивностью: он высоко оценил государственное устройство турок и их военные институты. Одобрения со стороны Георгия удостоилась и вера мусульман в Божественное Провидение⁴¹.

С точки зрения М. Баливе, неоплатонизм был характерен также и для некоторых мусульманских мистиков. Исследователь отмечает, что среди мусульманских философов также можно наблюдать стремление поставить философию выше религии⁴². Он не считает возможным полностью отвергнуть гипотезу о влиянии ислама на формирование концепции Плифона⁴³.

С точки зрения исследователя, большой интерес представляет тот факт, что отрывки из работ Плифона, переведенные на арабский язык, были обнаружены в библиотеке султана Мехмеда II⁴⁴.

М. Баливе приходит к выводу, что отношение Плифона к тюрко-мусульманскому миру было сдержанно открытым⁴⁵. Философ из Мистры пренебрегал конфессиональными и культурными барьерами. С точки зрения исследователя, работы Плифона отражают присущий ему “интеллектуальный эклектизм”, для которого было характерно смешение различных враждебных друг другу традиций: христианства, иудаизма, ислама и эллинизма. Умнообразие Плифона, как философа, отличалось религиозным релятивизмом, а как человека – космополитизмом. Тем не менее, с точки зрения М. Баливе, эклектизм Плифона не приводит ни к философскому универсализму, ни к надконфессионализму⁴⁶.

В параграфе, выразительно озаглавленном “Георгий Амируци на службе у султана или интеллектуальный оппортунизм”, М. Баливе представил еще один подход к решению турецкой проблемы⁴⁷.

³⁸ Balivet M. Pour une concord... P. 17.

³⁹ Ibid. P. 18.

⁴⁰ Ibid. P. 21. О попытке Плифона создать новый религиозный культ, а также перевод его антихристианского трактата “Законы” см.: Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 92–109, 220–290.

⁴¹ Balivet M. Pour une concord... P. 21.

⁴² Ibid. P. 20.

⁴³ Ibid. P. 21–22.

⁴⁴ Ibid. P. 22.

⁴⁵ Ibid. P. 22.

⁴⁶ Ibid. P. 23.

⁴⁷ Ibid. P. 23–27.

Георгий Амируци стремился к открытому объединению с турками в области политики. В религиозной сфере он пытался познакомить мусульман с христианством как с религией, находящейся в согласии с разумом и здравым смыслом. Георгий Амируци и его семья были сторонниками сотрудничества греков с новым турецким режимом⁴⁸. Георгию удалось найти свою нишу в турецком государстве: “Георгий Амируци также является интересным представителем той группы византийских интеллектуалов, которые, отказавшись от бегства на христианский Запад, согласились занять официальное место в новом мусульманском обществе в обмен на уважение их религиозной инаковости и греко-христианского культурного своеобразия”⁴⁹.

М. Баливе отмечает, что Георгий Амируци действовал в двух сферах: в политической и культурной. В области политики Георгий сыграл не последнюю роль при сдаче Трапезунда в 1461 г. Он уговорил императора Давида Комнина принять условия капитуляции и сдаться. Греческие хроники того времени обвиняли Амируци в причастности к казни императора в 1463 г.⁵⁰

Культурная роль Амируци, как отмечает М. Баливе, не была столь трагична. Он работал в скриптории султана и перевел (вместе со своим сыном) “Альмагест” Птолемея на арабский язык⁵¹. Кроме того, Георгий пытался объяснить турецкому султану основы христианской веры. В 1470 г. Амируци написал трактат “Диалог о вере во Христа”, в котором в качестве собеседника Георгия был изображен сам Мехмед II⁵². В трактате Амируци не пытался убедить султана в превосходстве христианской веры, но лишь доказывал, что христианство не противоречит разуму и здравому смыслу. Султан же, напротив, стремился доказать, что христианство не является разумной религией. Георгий Амируци, как автор трактата, был ограничен тем, что султан запретил ему сравнивать ислам и христианство.

М. Баливе отмечает, что трактат Амируци не особенно оригинален, но его ценность в том, что он демонстрирует интерес турецкого султана к христианству⁵³. Кроме того, так как трактат не был предназначен для мусульманской аудитории, Георгий имел возможность более реалистично изобразить в нем характер Мехмеда II. Амируци отмечает, что султан в процессе беседы часто терял хладнокровие и демонстрировал свой вспыхивающий характер. Конец диалога не сохранился, но общий тон трактата убеждает М. Баливе в том, что Амируци, вероятно, пришел к выводу о возможности примирения ислама и христианства при помощи философии. Тем не менее автор монографии приходит к выводу, что, несмотря на стремление к греко-тюркскому сотрудничеству в области политики и культуры, Амируци не продвинулся слишком далеко в плане религиозного объединения, так как в

⁴⁸ Об особенностях тюркизации Грузии Амируци см.: *Шукуров Р.М.* Имя и власть на византийском Понте (Чужое, принятое за свое) // *Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья* / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 229–233.

⁴⁹ *Balivet M.* Pour une concord... P. 24.

⁵⁰ *Ibid.* P. 25.

⁵¹ *Ibid.* P. 25.

⁵² *Argyriou A., Lagarrigue G.* Georges Amiroutzès et son “Dialogue sur la foi au Christ tenu avec le sultan des Turcs” // *ВФ*. 1987. Т. XI. P. 29–221. Анализ и интерпретация трактата Георгия представлены в работе: *Карпов С.П.* Культура Трапезундской империи // *Культура Византии XIII – первая половина XV в.* / Под. ред. Г.Г. Литаврина. М., 1991. С. 111–112.

⁵³ *Balivet M.* Pour une concord... P. 26.

этой области он опасался критики со стороны своих соотечественников и обвинений в оппортунизме⁵⁴.

С точки зрения автора монографии, Георгий Трапезундский гораздо дальше продвинулся на пути межрелигиозного согласия. Будучи современником Амируци и его другом (“аристотеликом”, так же, как и он) Георгий Трапезундский, как отмечает М. Баливе, занимает особое место среди сторонников греко-тюркского сближения в XV в.⁵⁵ Исследователь приходит к выводу, что Георгий был “самым систематичным из греческих теоретиков тюрко-христианского взаимопонимания в XV в.”⁵⁶.

Нетрудно заметить генетическую связь статьи М. Баливе “Два сторонника религиозного объединения христиан и мусульман...”⁵⁷ и его книги. Одним из главных героев книги, равно как и статьи, героем, отмеченным особым вниманием автора, остается Георгий Трапезундский. Книгу предваряет его портрет, а эпиграфом служит цитата из трактата “Об истинности христианской веры”⁵⁸. Анализу позиции Георгия посвящено шесть параграфов⁵⁹, и как уже отмечалось, вторая глава монографии содержит перевод значительной части трактата “Об истинности христианской веры”.

Кроме того, интерпретация взглядов Георгия Трапезундского на ислам не претерпела существенных изменений. Автор монографии так характеризует его позицию: “Георгий Трапезундский, надеясь с помощью своего философского демарша показать, что догматические барьеры не являются непреодолимыми и что христианство и ислам могут объединиться, благодаря общим для обеих религий догматам и идентичной цели, пришел к определенному надконфессионализму, который напоминает надконфессиональные взгляды некоторых турецких дервишей XIV в.”⁶⁰.

М. Баливе анализирует два письма, написанные Георгием в 1466 г. Мехмеду II, которые, как справедливо отмечает исследователь, отражают основные идеи его политико-религиозной системы⁶¹. Автор монографии упоминает также два других трактата Георгия “О божественности Мануила” и “О вечной славе самодержца и его мировом владычестве”. Он считает, что эти трактаты до сих пор не изданы. Кроме того, исследователь полагает, что два указанных трактата и письма Георгия к Мехмеду Завоевателю представляют собой лишь резюме основного произведения Георгия – трактата “Об истинности христианской веры”. М. Баливе оценивает этот трактат как “уникальное для средневекового христианства проявление желания примирения с исламом”. Единственный трактат того времени, который может сравниться с работой Георгия, это, по мнению исследователя, трактат Никодая Кузанского “О мире веры”⁶².

⁵⁴ Ibid. P. 27.

⁵⁵ Ibid. P. 27.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ *Balivet M.* Deux partisans de la fusion religieuse...

⁵⁸ *Balivet M.* Pour une concord... P. 5.

⁵⁹ Ibid. P. 27–36.

⁶⁰ Ibid. P. 18.

⁶¹ Ibid. P. 29–31. Издание писем: *Mercati A.* Le due lettere di Giorgio da Trebisonda a Maometto II // OCP. 1943. Vol. 9. P. 65–99.

⁶² *Balivet M.* Pour une concord... P. 35.

Тем не менее трактаты “О божественности Мануила” (1467) и “О вечной славе самодержца” (1466), изданные Дж. Монфазани в 1984 г., но не использованные в книге М. Баливе, заслуживают, на наш взгляд, не меньшего внимания, чем трактат “Об истинности христианской веры”⁶³. Эти работы позволяют понять, как справедливо отмечает их издатель, действительное отношение Георгия Трапезундского к проблеме ислама⁶⁴.

М. Баливе пришел к выводу, что Георгий стремился не только продемонстрировать султану, что христианство и ислам почти тождественны, он также пытался убедить султана в необходимости найти практические способы для официального объединения их в одну веру⁶⁵. С точки зрения исследователя, у Георгия речь идет не о замене одних несовершенных догматов веры на другие, более совершенные, но именно об объединении двух религий, которое станет возможным, если обе стороны признают глубокую идентичность ислама и христианства, скрытую под разными формулировками⁶⁶.

Однако трактаты, изданные Дж. Монфазани, доказывают обратное: Георгий Трапезундский стремился убедить Мехмеда Завоевателя сменить веру. При этом он намеренно избегал критики ислама, чтобы не разгневать султана, и пытался продемонстрировать ему, что, поскольку между исламом и христианством нет непреодолимых догматических противоречий, для Мехмеда Завоевателя разумнее всего будет принять христианство.

В трактате “О божественности Мануила” Георгий сообщает султану, что до конца света осталось совсем немного времени. До прихода Антихриста все народы должны обратиться к Христу, и это обращение произойдет под руководством самого Мехмеда II. Георгий советует султану принять имя Мануил, тем самым в завуалированном виде предлагая ему принять христианство⁶⁷.

Почему Георгий выбрал для турецкого султана именно это имя? Ответ, на наш взгляд, кроется в эсхатологических представлениях и ожиданиях автора. Имя Мануил – это византийский вариант еврейского Еммануил. В Евангелии цитируется знаменитое место из пророка Исаий: “се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил”⁶⁸. Далее следует евангельское пояснение: “что значит: с нами Бог”⁶⁹. Итак, мы склонны предполагать, что Георгий видел в Мехмеде Завоевателе некий образ и символ Мессии, т.е. Иисуса.

Так как автор трактата считал, что до конца света, а следовательно, и до второго пришествия Христа осталось совсем немного времени⁷⁰, то, скорее всего, для Георгия появление Мехмеда-Мануила как императора христианского всемирного царства, было закономерной прелюдией ко второму пришествию Мессии.

Для византийской традиции было характерно отождествлять турок с эсхатологическими народами Гога и Магога, появление которых будет сиг-

⁶³ Стр. Р. 492–560, 564–573.

⁶⁴ *Monfasani J. George of Trebizond: A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic.* Leiden, 1976. P. 131, 132.

⁶⁵ *Balivet M. Pour une concord...* P. 32.

⁶⁶ *Ibid.* P. 34.

⁶⁷ Стр. CXLV.

⁶⁸ Ис. 7: 14; Матф. 1: 23.

⁶⁹ Матф. 1: 23.

⁷⁰ Стр. CXLV. P. 571.

нализировать о скором пришествии Антихриста⁷¹. Гога и Магога олицетворяли силы зла. Георгий смотрел на проблему иначе. Он полагал, что Мехмед, приняв христианство и изменив имя, станет символом Мессии, олицетворением сил Добра и Света. Георгий, по-видимому, надеялся, что вслед за Мехмедом и его народ примет христианство, вследствие чего и произойдет “божественное единение мусульман и христиан”.

В трактате “О вечной славе самодержца” Георгий утверждает, что если Мехмед II не примет христианство, то Бог сам искоренит ислам, а мусульман постигнет печальная участь древних готов. Георгий полагает, что Бог создал ислам с одной целью – наказать восточных схизматиков, разрушивших единство веры и церкви⁷².

В трактате “Об истинности христианской веры” мы также находим указание на то, что Георгий стремился убедить Мехмеда сменить веру. Он вспоминал историю Константина Великого, побуждая султана следовать примеру византийского императора: “Пусть убедит тебя пример Константина, самодержца ромеев и всей Европы и Африки, кроме того, еще и Азии до Персии. Ибо вначале он был худшим и суровейшим преследователем христиан, затем, заболев проказой и став благодаря несчастью кротким, взял обычай размышлять о Христе и софилософствовать [с христианами] и издал справедливейший закон, позволяющий всем его подданным думать о божественном [так], как они желают. Он не только не запрещал быть приверженцем Христа, но сам присоединился к христианам и основал по имени своем названный [город] Константинополь”⁷³.

С нашей точки зрения, хотя Георгий Трапезундский и надеялся на примирение мусульман и христиан, тем не менее условием этого примирения был переход Мехмеда Завоевателя в христианство. В письме к папе Павлу II Георгий Трапезундский сам говорит о том, что его похвалы в адрес турецкого султана служат одной цели: обратить его в христианскую веру⁷⁴.

Таким образом, вопреки мнению М. Баливе, для Георгия единственно истинной религией оставалось христианство. В противном случае, как иначе можно объяснить суровую критику пророка Мухаммада в трактате Георгия “Сравнение философов Аристотеля и Платона” (1457)? Георгий считал, что философия Платона глубоко враждебна христианству и церкви и называл, между прочим, Мухаммада третьим Платоном⁷⁵.

⁷¹ Anderson A.R. *Alexander's Gate, Gog and Magog, and the Close Nations*. Cambridge, 1932: *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh Through the Fifteenth Century*. Berkeley, 1971. P. 418; *Vasiliev A. Medieval Ideas of the End of the World: West and East // Byz. 1942–1943*. Т. 16. P. 462–502; *Magdalino P. The Year 1000 in Byzantium // The Medieval Mediterranean*. Vol. 45. P. 234–271.

⁷² СTr. CXLIV / I. 10–15.

⁷³ Zoras G. Op. cit. №. 163.2031–2043.

⁷⁴ *Monfasani J. A Biography and a Study...* P. 357–358.

⁷⁵ *Comparationes philosophorum Aristotelis et Platonis a Georgio Trapezuntio viro clarissimo editae. Venetiis, 1523* (repr. Frankfurt, 1965). S. XII b. Блестящий анализ трактата см. в статье: *Ciszewski M. “Aristotelizm chrzescijanski” Jerzego Trapezuntu // Studia Mediewistyzn*. 1974. 15. S. 3–69. Польский ученый пришел к выводу, что христианский аристотелизм Георгия, обоснованный в трактате “Comparationes”, претендовал на роль идеологии, способной, с точки зрения Георгия Трапезундского, объединить христианский мир и церковь для защиты от экспансии ислама.

Трактаты Георгия вовсе не иллюстрируют, как полагает М. Баливе, знаменитое высказывание Луки Нотары о том, что византийцы предпочли бы скорее видеть в Константинополе “турецкий тюрбан”, чем “папскую тиару”⁷⁶. Георгий Трапезундский, с его мечтами об установлении на земле “одной веры, одной церкви и одного царства”⁷⁷, был горячим сторонником унии церквей. После падения Константинополя появление в бывшей византийской столице “папской митры” и достижение “единства веры, церкви и царства” стало, с точки зрения Георгия, возможным при условии перехода Мехмеда II в христианство.

Итак, с нашей точки зрения, М. Баливе склонен несколько преувеличивать степень веротерпимости таких авторов, как Георгий Трапезундский, Хуан Сеговийский и Николай Кузанский. Безусловно, позиция этих мыслителей отличалась большей открытостью по отношению к миру ислама, чем у их предшественников. Тем не менее они были далеки от того, чтобы признать ислам идентичным христианству. Более того, Хуан Сеговийский и Георгий Трапезундский так и не смогли оставить надежду на обращение мусульман в христианскую веру.

Особенности концепции М. Баливе можно объяснить ее неразрывной связью с современными взглядами на проблемы межрелигиозного диалога. Символично то, что иллюстрации, предворяющие книгу, представляют собой изображения, созданные в XIX и XX вв., тогда как книга посвящена авторам конца средневековья. Основной темой иллюстраций служит встреча и диалог представителей ислама и христианства: литография (XIX в.) изображает встречу в Константинополе великого муфтия и православного патриарха, а современная мозаика из Константинопольского патриархата в Стамбуле – султана Мехмеда Завоевателя и патриарха Геннадия Схолария⁷⁸.

М. Баливе, как представляется, осознавал тесную связь своего исследования с днем сегодняшним. В параграфе “Георгий Трапезундский и мусульмане: смелость и современность” ученый отмечает не только теологическую отвагу Георгия, но актуальность и современность его взглядов. Он пишет, что хотя трактат Георгия “Об истинности христианской веры” принадлежит своему времени, в нем обсуждаются проблемы, очень близкие современным проблемам интеллектуальных отношений европейцев и мусульман, проблемам, “которые сегодня, так же, как и в XV в., нуждаются в серьезном и спокойном осмыслении”⁷⁹.

Историки не раз обращали внимание на актуальность для современного мира тех проблем, над которыми задумывались философы эпохи Кватроченто. Р. Швоебел в своей монографии “Тень полумесяца: ренессансный образ турка” совершенно справедливо отметил: “Понятно, что в свете современной истории и нашей сегодняшней заботы о мире на планете ученые склонны подчеркивать прагматические и доброжелательные подходы к турецкой проблеме в эпоху Ренессанса. Безусловно, идеи Хуана Сеговийского или Николая Кузанского ближе нашему поколению, чем идеи сторонников крестового похода”⁸⁰. Тем не

⁷⁶ Balivet M. Pour une concord... P. 36.

⁷⁷ СTr. CXLIV / I. 5.

⁷⁸ Balivet M. Pour une concord... P. 7, 9.

⁷⁹ Ibid. P. 36.

⁸⁰ Schwoebel R. The Shadow of the Crescent: The Renaissance Image of the Turk (1453–1517). N.Y., 1967. P. 225.

менее, с точки зрения Р. Швоебела, было бы ошибкой утверждать, что мирные или даже реалистические взгляды на турецкую проблему были широко распространены во второй половине XV в.

Подкупающую близость идей Хуана Сеговийского современному восприятию проблем диалога между религиями подчеркивает и Р. Саузерн. Взгляды испанского кардинала, с точки зрения исследователя, могут “затронуть за живое душу современного читателя”⁸¹. Но именно в этой “завораживающей близости” идей таких мыслителей, как Николай Кузанский, Георгий Трапезундский и Хуан Сеговийский, может таиться для историков серьезная опасность принять желаемое за действительное и приписать этим авторам те взгляды, которые они на самом деле не разделяли.

С нашей точки зрения, М. Баливе склонен рассматривать работы Георгия Трапезундского, Николая Кузанского и Хуана Сеговийского сквозь призму современных представлений о религиозной толерантности. Книга М. Баливе отражает определенное направление в современной науке. И это направление связано с именем великого французского востоковеда и общественного деятеля Луи Массиньона (1883–1962)⁸².

М. Баливе не раз ссылается в своей книге на работы Л. Массиньона. Кроме того, сфера научного поиска М. Баливе совпадает с научными интересами Л. Массиньона: оба исследователя уделяли большое внимание изучению общих для ислама и христианства теологических тем, а также истории культурных, политических и религиозных контактов представителей двух миров⁸³. Не случайно в названии своей книги, посвященной жизни шейха Бедреддина, М. Баливе упоминает имя суфийского мистика ал-Халладжа, личность и учение которого были одной из главных и любимых тем научных изысканий Л. Массиньона⁸⁴.

Исследователи творчества Л. Массиньона сходятся во мнении, что личная духовная позиция, научные изыскания и политическая деятельность ученого подготовили коренную переориентацию католицизма в его отношении к исламу: “Теологические аспекты массиньоновской интерпретации ислама можно принимать на веру или отвергать, с ними можно соглашаться или не соглашаться, но их необходимо уяснить, потому что без этого невозможно понять отношения современной католической мысли к исламу”⁸⁵.

Л. Массиньон не рассматривал ислам в качестве одной из христианских ересей; для него ислам был религией, обладающей самостоятельной ценностью и наделенной божественной благодатью. Исследователь принимал мусульманскую схему трех богооткровенных религий: иудаизма, христианства

⁸¹ Southern R.W. *Western Views of Islam in Middle Ages*. Cambridge, 1962. P. 91–92.

⁸² Выражаю свою признательность Р.М. Шукурову, который обратил мое внимание на возможное влияние идей Л. Массиньона на концепцию М. Баливе.

⁸³ *Massignon L. Parol donnée*. P., 1962; *Idem. Le Christ dans les Evangiles selon al-Ghazali / Opera Minora*. T. 2. Beyrouth, 1963; *Idem. Mystiques musulmane et mystiques chrétienne au Moyen-Âge / Opera Minora*. T. 2.; *Balivet M. Roumanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turc*. Istanbul, 1994; *Idem. Byzantins et Ottomans: relations, interaction, succession*. Istanbul, 1999.

⁸⁴ *Massignon L. La passion d'al-Hallâj, martyr mystique de l'Islam*. T. 1. P., 1922; *Balivet M. Islam mystique et révolution armée dans les Balkans Ottomans. Vie du cheikh Bedreddin le “Hallâj des turks”* (1358/59–1416). Istanbul, 1995.

⁸⁵ См.: Журавский А.В. Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога. М., 1990. С. 48.

и ислама. Он считал, что христиане могут признать условный авторитет Корана и частично принять Мухаммада в статусе пророка. С точки зрения Л. Массиньона, учение Мухаммада было “восполнено” ал-Халладжем. Изучение суфизма приводит ученого к мысли, что ислам открыт для “действия благодати” и что в нем возможно “обращение изнутри”, которое исследователь противопоставляет “обращению в другую веру”⁸⁶.

Таким образом, Л. Массиньон полагал, что христиане и мусульмане должны прийти к религиозному взаимопониманию, а католическая церковь может и должна признать статус ислама как самостоятельной монотеистической религии⁸⁷.

Взгляды Л. Массиньона на ислам, безусловно, оказали влияние на концепцию М. Баливе. Но работы Л. Массиньона принадлежат своему времени, так же, как трактаты Георгия Трапезундского и его современников принадлежат эпохе Кватроченто. Поэтому интерпретация взглядов мыслителей конца средневековья на ислам нуждается во взвешенном и осторожном подходе.

Монография М. Баливе, без всякого сомнения, является значительным шагом вперед в исследовании попыток средневековых христианских авторов понять мир ислама и наладить с ним плодотворный диалог. Автор книги остается пока единственным специалистом, уделившим особое внимание комплексному анализу представлений Георгия Трапезундского об исламе. Этот факт стоит отнести к числу несомненных заслуг французского исследователя, так как Георгий Трапезундский, на наш взгляд, был незаслуженно обойден вниманием ученых. Не вызывает сомнения и то, что работы Николая Кузанского или письмо папы Пия II к Мехмеду Завоевателю удостоились большего внимания и были изучены на сегодняшний день гораздо подробнее, чем работы Георгия.

М. Баливе убедительно доказал, что попытки византийских и латинских авторов наладить диалог с миром ислама не были единичными и разрозненными явлениями, но, напротив, все они отражали общую тенденцию в мировоззрении интеллектуалов того времени. Более того, исследователь увидел проявление того же духа открытости и терпимости также и в турецкой среде. Таким образом, М. Баливе удалось обнаружить общность идей, характерную сразу для представителей трех миров: мира византийского, западноевропейского и тюркского.

Тем не менее очевидно, что в исследовании проблем, которым посвящена монография М. Баливе, еще рано ставить точку: они заслуживают тщательного изучения и, возможно, переосмысления.

⁸⁶ Там же. С. 50–51.

⁸⁷ Л. Массиньон стремился к тому, чтобы римско-католическая церковь изменила свою позицию в отношении ислама. Есть мнение, что дружба Л. Массиньона с римским папой Павлом VI, а также переписка с церковными иерархами во многом повлияли на обсуждение взаимоотношений католической церкви с мусульманами на II Ватиканском соборе. Там же. С. 52.

Т. Тотев

МОЛИВДОВУЛ ЦАРЯ СИМЕОНА (893–927 гг.)
ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ
С ПОЖЕЛАНИЯМИ ДОЛГОЛЕТИЯ¹

Объектом рассмотрения в данной статье является свинцовый моливдовул, найденный в точно не установленное время на территории деревни Доброплодно (до 1934 г. она называлась Елес Факъ)². В 1996 г. печать была предоставлена нам для публикации Георгием Моисеевым – одним из шуменских нумизматов-любителей³. Именно ему мы обязаны и краткими сведениями о месте и обстоятельствах обнаружения печати. Первой собственницей моливдовула была Иванка Христова, нашедшая его “много лет назад” при окучивании подсолнечника на своем земельном участке, расположенном к юго-западу от деревни. Отсутствие каких-либо иных предметов, как и монет, и следов фундаментов, и остатков материалов старых построек, представляется серьезным препятствием для установления (даже приблизительно) даты и археологической обстановки, связанной с обнаружением печати⁴.

У местных жителей деревни Доброплодно сохранились воспоминания об относившихся к разным историческим эпохам памятниках, находившихся некогда как вблизи места находки моливдовула, так и в более отдаленных окрестностях. К сожалению, на указанной территории до сих пор не производились археологические исследования. Важно, однако, подчеркнуть особо, что один из известных золотых медальонов хана Омуртага (814–841) был найден при раскопках К. Шкорпила около деревни Белоградец (известной до 1934 г. под названием Кара Арнаутлар), находящейся всего в 7–8 км от деревни Доброплодно⁵.

Оттиск на печати сохранился относительно хорошо (рис. 1, а, б). Стенки свинцового ядра, со значительной патиной в нескольких местах, носят сле-

¹ См. об этом моливдовуле также: *Тотев Т.* Оловен печат с акламации от с. Доброплодно Провадийско // Пленарни доклади и материали по случай 25 годишнина на Шуменския университет “Елископ Константин Преславски”. Шумен, 1997. С. 45–52; *Он же.* Нов печат на цар Симеон с акламации // Вестник “Шуменска заря”. 1997. № 175.

² Деревня Доброплодно Варненской области находится в 30 км к северу от Провадия и в 8 км к северу от деревни Белоградец, входящей в состав общины Ветрино Провадийского округа.

³ Хочется еще раз поблагодарить Георгия Моисеева, проживающего в г. Шумен по ул. Харалан Ангелов, д. 10, кв. 10, за предоставленную нам возможность публикации материалов, связанных с этой печатью. Недавно нам стало известно, что Г. Моисеев продал печать фонду “13-вековая Болгария”. Наши двукратные попытки узнать, под каким номером печать фигурирует теперь в коллекции нового собственника печати, оказались безрезультатными.

⁴ Культурному слою на предполагаемом месте находки печати после 1950 г. был нанесен значительный ущерб механизаторами МТС.

⁵ См. об этом: *Шкорпил К.* Абоба–Плиска // ИРАИК. София, 1905. Т. X. С. 378. Рис. 57; *Йорданов И.* Едностранни златни монети-медальони с името на хан Омуртаг // Нумизматика. 1976. 4. С. 18–32; *Сливчев П., Йорданов И.* Златни медальони на хан Омуртаг (814–831) // Археология. 1979. № 2. С. 25–33.

ды налета. Диаметр ядра равен 22 мм, а толщина варьирует от 2 до 3,6 мм. Неравномерная толщина и обусловила, по всей вероятности, своеобразное размещение, а вместе с тем и значительные искажения надписей на лицевой и оборотной сторонах печати. Некоторые буквы надписи рассечены посередине и расшифровываются только по нижней сохранившейся их половине.

Л.с. В “зернистом” круге распо-

ложено поясное изображение Пресвятой Богородицы типа Никапея с нимбом, продолжающим овал лица, с накидкой и мафорием, закрепленным вокруг головы (рис. 1, а). Богоматерь прижимает к груди обеими руками младенца Христа. Над ее плечами отчетливо читаются обычные для той эпохи буквенные аббревиатуры МР – ΘΥ с четко проведенной над каждой парой букв горизонтальной чертой. Внутри, по периметру частично оттиснутого “зернистого” круга размещена надпись на греческом языке, предваряемая крестом: † ΕΡΙΝΟΠΥΟΣ ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΠΟΛΑΤ = † Ε(ι)ρινολυός βασιλέος (sic!) πολ(λ) ἂ τ(ἂ ἔτη), т.е. “Василевсу-миротворцу – многая лета!”.

О.с. Внутри “зернистого” круга расположено поясное изображение царя Симеона (рис. 1 б, 2 б). Его голову венчает корона, с обеих сторон от которой свисают подвески. Одет царь в дивитисий и лор, в правой руке он держит шар (державу) с крестом, а в левой – лабарум, который касается плеча. Внутри “зернистого” круга размещена также с частично рассеченными при оттиске буквами надпись на греческом, предваряемая крестом: † ΣΥΜΕΟΝ

ΒΑΣΙΛΕΟ ΠΟΛΑΥΕΙΤΣ = † Συμεών βασιλέο(ς) πολ(λὰ) αὐξί(ση ?) τ(ἂ ἔτη), т.е. “Симеону василевсу – многая, многая лета!”.

С точки зрения иконографии и стиля изображение Пресвятой Богородицы на лицевой стороне печати обнаруживает сходство с изображениями на печатях патриарха Фотия⁶ и болгарского архиепископа Георгия⁷.

Вытянутая форма лица, широко открытые глаза, общий вид одеяния выдают сходство с образом Богоматери на печатях князя Бориса I Михаила (“архонта Болгарии”) и царя Симеона (“архонта Болгарии”⁸). Объяснение использованию образа Богоматери на печатях царя Симеона следует искать не только в новых тенденциях развития репертуара персонажей в изобра-

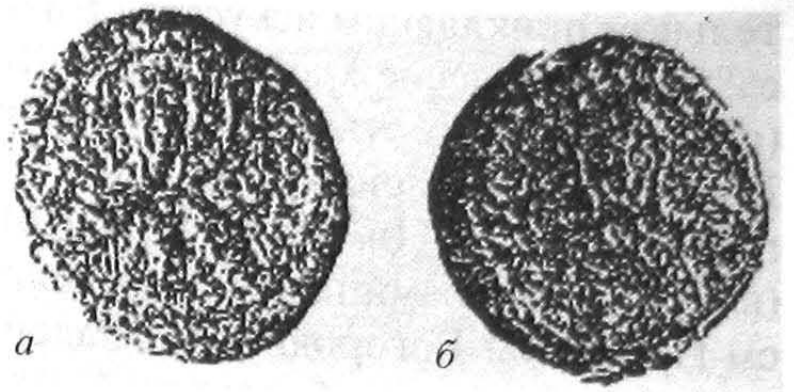

Рис. 1 а, б. Моливдовул царя Симеона с пожеланием долголетия из Северо-Восточной Болгарии

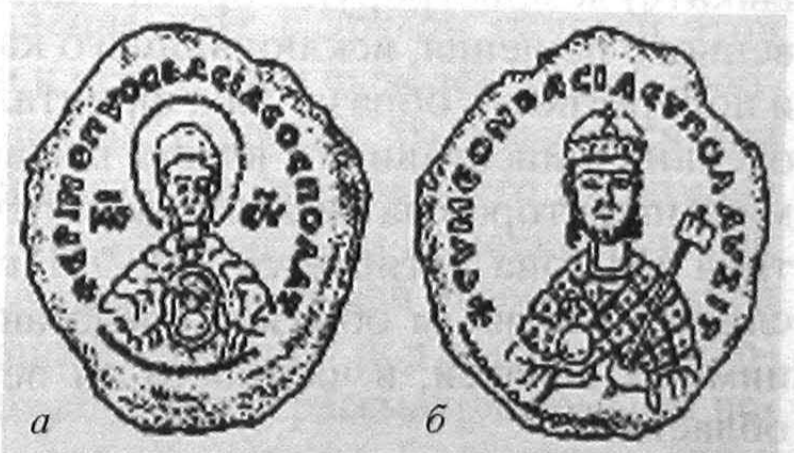

Рис. 2 а, б. Прорись моливдовула царя Симеона

⁶ См.: Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Vol. 1–3. P., 1963–1972. PL. 1/7.

⁷ Тотев Т. Два новооткрите оловни печата на български архиепископ // Плиска-Преслав. 1979. 1. С. 198–199. Рис. 1–2.

⁸ См.: Юркова Й., Пенчев В. Български средновековни печати и монети. София, 1990. Рис. на с. 25–26.

тельном прикладном искусстве Византии периода “Македонского ренессанса”⁹. Византийские хронисты Лев Диакон (род. ок. 950 г.) и Иоанн Скилица (последняя четверть XI в.), рассказывая о завоевании Византией Северо-Восточной Болгарии, в том числе о триумфальной встрече в 971 г. в Царьграде Иоанна I Цимисхия (969–976), сообщают о захваченной в Преславе (вместе с коронами плененных болгарских государей) иконе с изображением Пресвятой Богородицы с младенцем Христом¹⁰. Скилица подчеркивает, что доставленная из болгарской столицы Преслава в качестве трофея икона является “Божьей Матерью – защитницей города (Преслава. – Т.Т.)”¹¹. О необыкновенной иконе и ее высоких художественных достоинствах свидетельствует и тот факт, что это событие (использование императором названной иконы в своем триумфе) было отражено в иллюстрации к знаменитой Мадридской рукописи хроники Иоанна Скилицы¹².

Характер изображения царя Симеона на оборотной стороне печати соответствует практике, утвердившейся при изготовлении печатей в Византии и в ее монетном деле. Государь изображался с коротко подстриженными бородой и усами, в парадном одеянии и с инсигниями власти. Основу его короны составляли широкий обруч, инкрустированный драгоценными камнями. Опясывающие царя крест-накрест ленты образуют в оконечностях крест (рис. 1, б и рис. 2, б). Ленты также имеют украшения, но на оттиске они трудно различимы. Круглое лицо и его детали (уши, нос, борода, глаза навывкате) демонстрируют ориентацию мастера на стандартность художественного решения, исключаящего какие бы то ни было индивидуальность и портретность образа. Так, фронтальное изображение царя Симеона, его одеяния и инсигнии его власти выдают большое сходство с изображениями императоров на византийской печати Романа I, Христофора и Константина VII (она датируется 921–931 гг.), найденной при раскопках в Преславе¹³. Сходным образом представлен образ Симеона на одной из анонимных печатей, в частности на печати из деревни Пепелина Русенской области¹⁴.

Сравнение рассматриваемой в данной статье печати с другими известными печатями царя Симеона доказывает, что она принадлежит к особой, обособленной группе печатей с “пожеланием долголетия”¹⁵. Исследуемый оттиск является шестым по счету в этой группе. Первые три связаны с археологическими раскопками и исследованиями в Преславе. Относящиеся к разному времени обнаружения и поступления в поле зрения исследователей,

⁹ См. об этом вопросе: *Томев Т.* За преславската керамична икона на света Богородица и Исус Христос от манастира “Под Вълкашина” // *Годишник на Националния исторически музей.* 1992. VIII. С. 249–253; *Оп же.* Света Богородица в изкуството на Първото българско царство // *Трудове на катедрите по история и богословие.* Т. 8 (в печати).

¹⁰ ГИБИ. 5. С. 274.

¹¹ ГИБИ. 6. С. 275; ГИБИ. 7. С. 183.

¹² *Божков А.* Миниатюри от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972. С. 222. Рис. 67.

¹³ *Томев Т.* Византийски императорски печати от Плистка и Преслав // *Известия на народния музей Варна.* 1991. Кн. 26 (41). С. 99–100. Табл. 1, 2.

¹⁴ *Томев Т.* За иконографията на анонимните печати на цар Симеон (863–927) // *Старобългаристика.* 2000. XXIV. Кн. 4. Рис. 3, 3.

¹⁵ *Йорданов И.* Акламации към цар Симеон I Велики (893–927). София, 1993. С. 9–13, 25–30. Табл. IV.

Рис. 3 а, б. Прорись моливдовула царя Симеона с пожеланием долголетия из Национального исторического музея в Софии

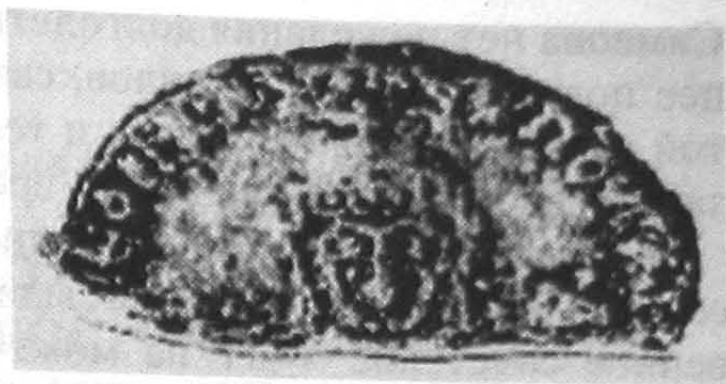

Рис. 4. Неопубликованный моливдовул царя Симеона с пожеланием долголетия из Национального исторического музея в Софии (оборотная сторона)

они прочно вошли в научную литературу¹⁶. Четвертый экземпляр куплен в последние годы тырновским коллекционером и ныне фигурирует в фонде Национального исторического музея (рис. 3)¹⁷. Пятый является собственностью иностранной коллекции, и материалы о нем остаются неопубликованными¹⁸. Сходство всех печатей в этой группе (за исключением неизданного экземпляра) по их размеру, иконографии и сопровождающим изображения надписям с определенностью свидетельствует о том, что они являются оттисками, сделанными одним и тем же буллотирем. О том же говорит и сохранившаяся половина неопубликованной печати (рис. 4).

Внимательное изучение и сопоставление друг с другом печатей этой обособленной группы позволяет прийти к некоторым выводам как об изображениях на них, так и о сопутствующих им надписях. Выявившиеся при этом разногласия среди исследователей касаются прежде всего прочтения надписей и осмысления их содержания. За исключением немецких ученых Ф. Альтхайма и К. Штиля, по мнению которых на лицевой стороне печатей говорится о половецком вожде, принявшем крещение под именем Симеона¹⁹, все остальные исследователи, знакомившиеся с рассматриваемыми печатями, считают, что печати принадлежали правителю Болгарии – царю Симеону.

Т. Герасимов, специально занимавшийся публикацией и изучением первых трех печатей интересующей нас группы, указывает на трудность прочтения последнего слова надписи на оборотной стороне печати. Он предлагает читать надпись следующим образом: † CVMEWN BACILEY ПОЛАВИСИТ²⁰. Известные болгарские ученые Ив. Дуйчев и В. Бешевлиев первыми сделали заключение, что в надписи указанной группы печатей царя

¹⁶ Герасимов Т. Оловни печати на българските царе Симеон и Петър // ИБАИ. 1938. XII. С. 355–364; Он же. Новооткрит оловен печат на цар Симеон // ИАИ. 1960. XXIII. С. 67–70. Рис. 1–2; Он же. Български и византийски печати от Преслав // Преслав. 1976. 2. С. 125–142.

¹⁷ Тотев К. Нов печат на цар Симеон (893–927) от колекцията на Националния исторически музей // Плиска–Преслав. 1995. 7. С. 144–149. Табл. I, 1–2.

¹⁸ Йорданов И. Акламации към цар Симеон I Велики (893–927) според текста на неговите печати // Епископ-Константинови чтения. 1996. 2. С. 228–233, бел. 9 под линия.

¹⁹ Althelm F., Stihl R. Byzantinoturcicum // Acta antiqua Acad. scientiarum Hungariae. 1962. 10. S. 13–15; см. рецензию Моравчика: ВЗ. 1951. Bd. 54. S. 249.

²⁰ Герасимов Т. Оловни печати на българските царе Симеон и Петър. С. 357–359; Он же. Новооткрит оловен печат на цар Симеон. С. 67–70.

Симеона нет пожелания долголетия (polychronion)²¹. Эту точку зрения позднее поддержал и И. Божилов, связавший содержащиеся в надписях идеи с той ведущей ролью Симеона и тем местом, которые этот болгарский царь занимал в истории Балкан в то время²².

Названными печатями, а точнее прочтением нанесенных на них надписей занялся и С. Михайлов. Ссылаясь на заявление Т. Герасимова, что буквенное сочетание VCIТ не может найти объяснения в греческом языке, Михайлов полагает, что речь в данном месте может идти о слове v(i)ciт, возводимом к латинскому глаголу vinco – “побеждать”, и предлагает читать надпись на оборотной стороне печати следующим образом: † Συμεών βασιλεύς πολά ἄξι [v(i)ciт], т.е. “Царь Симеон победил много врагов и одержал много побед” (!?)²³. В статье, посвященной печати Национального исторического музея, толкование Божилова принял и К. Тотев²⁴.

На последней из печатей указанной группы, как уже упоминалось выше, сосредоточил свое внимание И. Йорданов. Подвергнув тщательному анализу надписи всех печатей рассматриваемой группы (включая неизданную), он признал наиболее убедительным следующее чтение надписей при изображениях на лицевой и оборотной сторонах:

Л.с.: † ΕΡΙΝΟΠΥΟΣ ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΠΟΛΑΤ =

† Ε(ι)ρινολυός βασιλέος (sic!) πολ(λ)ά τὰ ἔτη (“Василевсу-миротворцу – многая лета !”);

О.с.: + ΣΥΜΕΟΝ ΒΑΣΙΛΕΟ ΠΟΛΑΥΕΙΤ =

† Συμεών βασιλέο(ς) πολ(ά) ἄξι τ(ά ἔτη), + (“Симеону василевсу – многая, многая лета!”)²⁵.

Приведенный текст находится и на рассматриваемой свинцовой печати царя Симеона. И хотя некоторые буквы оттиска рассечены и надпись сохранилась лишь в виде ее нижней половины (рис. 1 а, б), ее принадлежность к греческому языку несомненна. Полное совпадение начертания надписи и ее содержания, согласно выводам И. Йорданова²⁶, позволяет нам вслед за ним утверждать, что в тексте всех печатей царя Симеона, относящихся к рассмотренной группе, содержатся пожелания долголетия, которые обычно употреблялись в дипломатической практике Византии, как об этом свидетельствует “Книга о церемониях” Константина Багрянородного²⁷.

²¹ BZ. 1961. Bd. 54. S. 426; *Dujcev Iv. Medioevo byzantino-slavo. III. Roma, 1971. P. 188; Beševliev V. Souveränitätsansprüche eines bulgarischen Herrschers im 9. Jh. // BZ. 1962. N 55. S. 18–20; Idem. Protobulgarischen Inschriften. B., 1963. S. 330. N 89 a.*

²² *Божилев И. Цар Симеон I Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. София, 1983. С. 113–117.*

²³ *Михайлов С. По разчитането на един оловен печат на цар Симеон // Старобългаристика. 1960. Кн. 1. С. 111–112.*

²⁴ *Тотев К. Нов печат на цар Симеон... С. 145 сл.*

²⁵ *Йорданов И. Акламации към цар Симеон I Велики... С. 232.*

²⁶ Там же.

²⁷ *Le livre des cérémonies / Ed. A. Vogt. Vol. II. P., 1967. P. 86.*

С.Б. Сорочан

О БАЗИЛИКЕ АПОСТОЛА ПЕТРА И ХРАМОВОМ КОМПЛЕКСЕ ВОСТОЧНОЙ ПЛОЩАДИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

История застройки крайней, приморской оконечности Херсонесского мыса, от которого начиналась следующая направлению водораздела основная продольная улица города, заслуживает особого внимания вследствие своей культовой, а значит и идеолого-политической значимости. В последнее время удалось получить ряд ценных наблюдений относительно ее сакрального значения в античную эпоху, тогда как материальные и письменные свидетельства последующей, раннесредневековой поры еще нуждаются в реконструкции и уточнениях, могущих стать весьма любопытными для истории и топографии византийского Херсона.

Прежде всего представляется, что в VI–X вв. Восточная площадь являла собой единый с архитектурной точки зрения культовый комплекс не меньше чем из четырех монументальных церковных сооружений, в чем видится ее внешний и смысловой континуитет с предыдущей порой. С самого раннего этапа существования города она выполняла роль храмового участка, и это ее значение не изменилось после утверждения христианства. Единственное зримое отличие заключается, пожалуй, лишь в том, что по отношению к главной продольной улице ось площади была повернута под углом 30° на запад, тогда как поворот здания ранневизантийской Восточной базилики (№ 36), воздвигнутой тут же, имеет угол в 45°¹.

Основываясь на материалах раскопок 1908 г., К.Э. Гриневич относил к VII–VIII вв. первый строительный период храма (по нумерации Р.Х. Лепера – № 17) с северо-западной стороны этой площади, позднее переделанного в средневековую капеллу или часовню (6,4 × 4,92 м), с большой, пятигранной снаружи апсидой². Исходя из рабочего плана, составленного Р.Х. Лепером, выходило, что постройка имела два настила – нижний, более ранний, из прекрасно обработанных мраморных плит из проконесского и белого греческого островного мрамора, и поздний (X–XII вв.), лежавший на метр выше предыдущего, в котором были устроены две могилы. В действительности капелла могла быть и более раннего времени, нежели VII–VIII вв., поскольку в 1908 г. к востоку от ее апсиды по верхнему слою до уровня пола апсиды были найдены монета Льва I и три монеты Юстиниана I³. Примечательно также, что на полу среди обнаруженных материалов оказался обломок мраморного карниза высотой 15,5 см, длиной 28 см от внутреннего декора храма с тщательно вырезанной однострочной надписью ранневизантийского

¹ Федоров Б.Н. К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического // КСИА АН СССР. 1985. Вып. 182. С. 8. Рис. 1.

² Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // Х. сб. 1930. Вып. 3. С. 22. Примеч. 1. Рис. 5, 8, 9.

³ Там же. С. 23.

времени, упоминавшей о постройке “по обету (молитве) такого-то” (...ὕπερ] εὐχῆς τ[οῦ]...)⁴. На месте церкви можно подозревать наличие остатков стены, которая с запада ограждала некогда находившийся здесь античный теменос. Одновременным с евктирием, судя по стратиграфии, был крытый водосток шириной 0,75 м, идущий через всю площадь в северо-восточном направлении⁵.

Здание, расположенное близ Восточной базилики, в нескольких метрах от ее северо-западного угла, отличалось монументальной кладкой, лежащей почти у скалы или на скале. Оно было облицовано гладко тесаными, тщательно пригнанными блоками камня толщиной 0,5 м, уложенными правильными рядами, а остальная толща стен выполнена из некрупных, грубо отесанных, полубутовых камней на крепком известковом растворе, не характерном для так называемых часовен поздневизантийского времени, стены которых обычно клали на “грязи”⁶. Поначалу в церквушку вело два входа: с юга, со стороны аккуратно мощеной плитами Восточной площади с базиликой № 36, и с запада (последний оказался позже заложен в связи с устройством помещения с многоярусными погребениями). Наконец, следует обратить внимание, что азимут этого небольшого храма не совпадает с ориентировкой ближайших средневековых жилых построек, но зато близок к направлению более ранней Восточной базилики (соответственно 49,5° и 53,5°)⁷.

Сама Восточная базилика уже функционировала к VII в.: перед ней в квартале I в колодце, единовременно засыпанном, судя по обломкам поздней краснолаковой керамики и монетам Маврикия, позже конца VI в., оказались мозаичные кубики из мозаики этого храма⁸. Следовательно, после своего сооружения здание пережило большой ремонт или скорее приняту в византийском проектировании очередную достройку, повлекшую перепланировку площади перед базиликой, на что указывает засыпь колодца.

⁴ Р.Х. Лепер полагал, что зданием, которому анонимный ктитор посвятил карниз, могла быть та самая капелла, в которой он был найден (*Лепер Р.Х.* Херсонесские надписи // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 67. № 16; *Латышев В.* Заметки к херсонским надписям, изданным Р.Х. Лепером // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 136). По мнению С.А. Беляева, аналогичные надписи датируются концом IV–VI в. (*Беляев С.А.* Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI в. // ПС. 1987. Вып. 29. С. 76. № 9; ср. № 1–10).

⁵ *Гриневич К.Э.* Указ. соч. С. 15. Рис. 3.

⁶ В поздневизантийский период храмик был переоборудован в квартальную церковь-усыпальницу, на что указывает пристройка гробницы-кимитирия (κοιμητήριον) со стенами на земляном растворе с юго-западной стороны здания и находка в ней золотоордынской монеты, а также погребения внутри самого храма и в соседнем помещении, пристроенном с запада (см.: *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. С. 48–49, 243. Рис. 3, 153). Надо согласиться с тем, что обкладка храмаика весьма напоминает технику исполнения некоторых поздних церквушек, капелл или часовен Херсона, к примеру, так называемой “базилики Лаврентия–Леонтия” в цитадели, но для храмаика на северо-западной оконечности Восточной площади такая обкладка могла быть выполнена раньше, а пятигранные апсиды херсониты не менее охотно возводили и в ранневизантийский период, особенно в VI–VII вв., как это видно на примере базилик № 13, 22, 23, 28, 36, крещальни около базилики № 23, ранней базилики на холме (№ 14), базилик 1932 г., 1935 г. и др.

⁷ *Фирсов Л.В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического // Архив НЗХТ. Д. 868. Табл. 1. № 40, 46. Л. 15. Примеч. 30.

⁸ См.: *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1976 г. // Архив НЗХТ. Д. 1836. Л. 12–19; *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 60–71.

Схожесть планировки, облика, характера кладки этого просторного (34,6 × 16,4 м), трехнефного, с мозаичными полами, богатого, облицованного внутри мраморными плитами храма с херсонскими базиликами, сооруженной не ранее второй половины – конца VI в. (Уваровской, Северной, Западной, базиликой 1932 г. и 1935 г., “базиликой в базилике” и “базиликой на холме”), позволяют думать, что на месте храма мог находиться более ранний и меньший по размерам, который и подвергся кардинальной перестройке в конце VI – первой половине VII в. Близость в данном месте скального основания, которое к тому же перед началом строительства нивелировалось, не позволила запечатлеть в культурном слое хотя бы какие-нибудь остатки первоначальной церкви, возведенной, очевидно, во имя апостола Петра стараниями обращенных херсонеситов по повелению епископа Капитона в середине 380-х или начале 390-х годов⁹.

Вероятно, интерьеру этого первоначального храма, к примеру, его канцели могли принадлежать два обломка мраморной квадратной плиты (0,75 × 0,75 м, толщиной 3,5 см), на одной стороне которой был изображен крест, а с другой барельеф, изображающий Иисуса Христа, спасающего ап. Петра от потопления на Тивериадском озере, и с пояснительной надписью ‘Ο κ(ύριος) Ἰ(ησοῦς) διδοῦς χωρηγίαν τῷ ἀγίῳ Πέτρῳ. Один фрагмент плиты был вывезен во время Крымской войны и попал в Лувр, а другой был найден в 1896 г. у входа в загородный позднеантичный склеп¹⁰. Согласно ступеням святости, такие изображения Христа и апостолов должны были быть как можно ближе к входу храма¹¹. Не исключено, что причиной гибели этого прекрасного образца ранней византийской мраморной пластики, как и других подобных находок в Херсоне (плит с изображением благославляющего Христа и св. Фоки Кипура, св. Герасима со львом и пр.), стали события иконоборства, когда, послушные приказам из Константинополя, местные священноначальники выполняли волю василевсов и патриархов-иконоборцев и удаляли из церквей неугодные священные предметы.

Откуда же проистекает уверенность в том, что Восточная базилика может быть отождествлена с известным житийным ориентиром, увязываемым с христианской топографией города? Дело в том, что из Житий свв. епископов Херсонских, составленных не ранее третьей четверти и не позже конца VI в., следует, что в восточной части города (ἀνατολικώτερον τῆς πόλεως μέρος), недалеко от гавани и “регеона” (τοῦ ῥηγεόνοϋ) с так называемой “малой агорой” (μικρὰ ἀγορά) функционировал как раз храм апостола Петра¹².

⁹ Соображения по поводу этой датировки см.: Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. (1994) 1995. Вып. 4. С. 547–549.

¹⁰ Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895–1898 годах с объяснениями акад. В.В. Латышева // МАР. 1899. Вып. 23. С. 26–27. № 40; Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905. С. 89; Шестиков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3. С. 27; Латышев В.В. К церковной археологии Херсонеса // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 303–310. Табл. II.

¹¹ Шульц Г.И. Візантійська літургія: Свідчення віри та значення символів. Львів, 2002. С. 130.

¹² Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки АН. 1906. VIII серия по истор.-филол. отделению. Т. 8. № 3. С. 16, 51–55, 62. § 17; Страдание святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними / Пер. В.В. Латышева // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 112; Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее / Вступ. ст. В.В. Латышева, пер. К. Кекелидзе // ИАК. 1913. Вып. 49.

Исследователи не обратили внимание на очевидный факт: эту “восточную часть” без труда помогает локализовать ясно выраженная в первые века нашей эры ортогональная конфигурация городской планировки, отчего ἀνατολικώτερον τῆς πόλεως μέρος четко соответствовала тому городскому региону (одному из четырех), который образовывало пересечение главной продольной и главной поперечной улиц, унаследованное еще от римской эпохи (*cardo maximus* и *decumanus maximus*)¹³. Эта *megos* включала участок от южных, так называемых “Мертвых ворот”, поблизости от которых у перекрестка находилась малая агора и крупные общественные, потестарные многокамерные постройки, в том числе, “здание Г”, а затем имела своей северной границей значительный, почти 600-метровый отрезок главной продольной улицы, оканчивавшейся у Восточной площади на берегу моря.

Примечательно и очень важно, что место, где стоял христианский храм, сохранило и в раннесредневековый период (“доныне” – μέγρη τῆς θεῆρο источника) старый агороним – Парфенон, недвусмысленно указывающий на то, что прежде здесь могло находиться языческое “капище” богини Девы – Афины Спасительницы, защищавшей и приносившей удачу, или Артемиды Ортии (она же Партенос), а может быть, и обоих вместе. Во всяком случае, херсонеситы всегда видели в своей Партенос Артемиду, дочь верховного олимпийского бога Зевса и Латоны, сестру и паредру Аполлона¹⁴. По мнению Б.Н. Федорова, в северном конце вымощенной каменными плитами приморской площади, образовывавшей удлинённый прямоугольник размерами около 30 × 9 м, существовал монументальный храм, возможно, Афродиты, покровительницы моряков и мореплавателей, а перед ним по сторонам находились две небольшие постройки, которые, вероятно, были сокровищницами и фланкировали теменос с запада и востока¹⁵. Результаты исследований М.И. Золотарева и А.И. Буйских, признанные другими исследователями, подтверждают, что священный участок – теменос города с храмами, алтарями и уникальной для Северного Причерноморья монументальной бронзовой статуей Афины Сотейры работы афинского скульптора Поликрата IV в. до н.э. располагался в античном Херсонесе именно здесь, а сама статуя, стоявшая на краю высокого мыса и достигавшая вместе с постаментом 5 м, могла в свое время служить одновременно ориентиром-маяком, указы-

С. 78–79, 88; *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano* / Ed. H. Delehaeye. *Acta Sanctorum. Propylaeum ad Acto Sanctorum Nivembris*. Bruxelles, 1902. Col. 336–338; *Halkin F.* La passion des sept eveques de Cherson (Crimee) // *AB.* 1984. Т. 102. P. 253–261. Подробнее об обосновании локализации восточной части города – “Феоны” и о формах территориальной общности горожан см.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001. С. 60–61, 97–98.

¹³ Прежнее, эллинистическое деление на девять магистральных продольных и поперечных улиц, если оно вообще имело место, безусловно, утратило свое значение ко II в. н.э., и ведущая роль до конца существования города перешла к двум главным, наиболее широким улицам, достаточно хорошо просматривающимся на археологической карте города (ср.: *Буйских А.В., Золотарев М.И.* Градостроительный план Херсонеса Таврического // *ВДИ.* 2001. № 1. С. 129).

¹⁴ *Русяева А., Русяева М.* Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999.

¹⁵ *Федоров Б.Н.* Объемнопространственная композиция северо-восточной площади Херсонеса Таврического и ее реконструкция // *Проблемы развития зарубежного искусства.* 1980. Вып. 10. С. 17–22; *Он же.* К вопросу о реконструкции северо-восточной площади... С. 8–11.

вая на вход в гавань¹⁶. В любом случае древнейший приморский храмовый участок города был связан с присутствием женского божества, которое херсонеситы привычно называли Партенос.

Столь же важно, что, по данным К.К. Косцюшко-Валюжинича, рядом с Восточной базиликой находилась крещальня с купелью, следы которой исчезли уже вскоре после раскопок¹⁷. Она примыкала к оконечности левого нефа новой Восточной базилики, а рядом с храмом и, видимо, одновременно с ним был сооружен сравнительно крупный крестовидный мавритий со сводчатым перекрытием, подобно тому, как это было сделано у Западной базилики¹⁸. Внутри его были найдены гробницы, но описание их не сохранилось¹⁹. Сооружения такого типа с безапсидным, прямоугольным очертанием восточной ветви, не характерные для константинопольской архитектуры, но широко распространенные в Малой Азии, Восточном Причерноморье, вообще на Востоке, представляли собой преимущественно усыпальницы, так как концы ветвей креста особенно удобны для расположения в них гробниц²⁰. По расчетам Ю.Г. Лосицкого, длина всех ветвей этой пристройки, кроме южной, была равна их ширине и составляла 4,9 м, толщина стен – 0,98 м, а длина южной, укороченной ветви, непосредственно примыкавшей к базилике, составляла 2,94 м²¹. Заведующий раскопками не оставил планов открытых им пристроек с северо-восточной стороны базилики № 36, но вполне уверенно определил одну из них как крещальню, причем не по аналогиям с комплексом херсонской Западной базилики № 13, а именно в виду наличия следов купели²². Помещение было встроено между крестовидным мавритием и плечом базилики, что говорит о его строительстве несколько позже последних либо о том, что крестовидный мавритий был пристроен к ним, как

¹⁶ IOSPE. I². 406; *Золотарев М.И., Буйских А.И.* Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3. С. 78–101; *Zolotarev M.I., Bujskikh A.V.* The Temenos of Ancient Chersonesos: An Attempt of an Architectural Reconstruction // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1995. Vol. 2. N 2. P. 125–156; *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков, 1996. С. 26; *Трейстер М.Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // X. сб. 1999. № 8. С. 127–128, 142.

¹⁷ *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 63; ср.: *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 25.

¹⁸ На одновременность сооружения храма в виде креста и Восточной базилики указывает идентичность их кладки и точное совпадение азимутов обоих построек – 53,5° (*Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 165; *Фирсов Л.В.* Ориентировка средневековых храмов... Л. 11. Табл. I. № 46–47). И.А. Завадская тоже полагает, что крестообразные пристройки херсонесских базилик (Восточной, Западной) "могут относиться к периоду, близкому возведению самих базилик" (*Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 275).

¹⁹ *Айнилов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1. С. 44.

²⁰ *Покровский Н.В.* Памятники византийской архитектуры // Памятники христианской архитектуры. СПб., 1910. С. 17; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 204–205; *Она же.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49. С. 164.

²¹ *Лосицкий Ю.Г.* Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // ААИК. Киев, 1988. С. 34.

²² Ср.: *Завадская И.А.* Баптистерии ранневизантийского Херсонеса // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 36; *Она же.* Баптистерии Херсонеса // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 263–264.

это было в случае с Западным храмовым комплексом, однако это не мешает представлению об общем континуитете построек на Восточной площади. Здесь могли покоиться остатки как раз того первоначального баптистерия, который некогда примыкал к раннему христианскому храму св. Петра на месте базилики № 36 и который повелел построить епископ Капитон “смежно с ним” (ἐχόμενον ταύτης), торопясь поправить прежнее “логово эллиниста”²³.

Если следовать логике повествования составителя Житий свв. епископов Херсонских, Капитон и “начальствующий” (τὸ τῆν ἐπιστοσίαν) Феона с его стратиотами мог попасть в Херсонес из Константинополя только с открытием навигационного сезона в марте месяце, который, согласно херсонесскому календарю, соответствовал эвклию – месяцу, посвященному Артемиде Славной (Эвклии). Судя по тексту известного херсонесского декрета конца II в. до н.э. в честь стратига Диофанта, он следовал после месяца Дионисий и был связан с проведением регулярного общегосударственного праздника Партений, посвященного главной покровительнице и защитнице города – Артемиде Партенос (Деве)²⁴. Следовательно горожане, на тот момент в масе своей еще “эллины”, “поклонники идолов”, могли готовиться к этому празднику как раз в срок прибытия миссии из столицы Восточной Римской империи и, вероятно, собирались обновлять именно храм Партенос, для чего разожгли две печи для выделки извести (ἰδίῳ χάμινοι δύο πρὸς ἀσβέστου ποιήσιν ἀναφθεῖσαι τοῦ ἡμετέρου ναοῦ)²⁵. В этом случае строительство крещальни, а затем и христианского храма во имя первоверховного апостола Петра, через двести лет перестроенного в виде Восточной базилики с крестовидным мемориумом, явилось примером не только “церковной”, но и, пользуясь выражением протоиерея Александра Пелина, “политической топографии”, ибо таким образом стиралась память о нежелательном языческом сооружении, издавна находившемся на этом месте²⁶. Примечательно, что в греческих рукописях Парижской национальной библиотеки 1587 и 1617 подчеркивалось, что Капитон, утвердившись в Херсоне, задумал разрушить храм τοῦ Παρθενίου εἰδώλου λεγομένου, т.е. “идола Партенос”, вероятно, ксоанон богини Девы (Сотейры, Простаты, Василиссы), о котором наряду с одноименным храмом упоминал Страбон, и взамен построить церковь апостола Петра, что и породило его спор с неверными, закончившийся знаменитым чудом с печью, на месте которой в юго-западной оконечности Хер-

²³ “Итак, великий, повелев тотчас построить крещальню из обожженной извести, всех окрестил в ней; воздвиг он и храм, примыкавший к ней, во имя первого и верховного апостола Петра” (Страдание святых священномучеников... С. 112. Гл. 17); Жития свв. Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона // *Лавров П. Жития херсонесских святых в греческо-славянской письменности. Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 157–158* (χολυμβήθραν οὖν εὐθὺς οἰκοδομηθῆναι προτάξας ὁ μέγας ἐκ τῆς χεχαυμένης ἀσβέστου, ἐν ταύτῃ πάντας ἐβάπτισεν. Ἀνεστῆσέ τε καὶ ναὸν ἐχόμενον ταύτης ἐπ’ ὀνόματι τοῦ πρώτου καὶ χορυφαίου τῶν ἀποστόλων Πέτρου).

²⁴ Декрет был датирован 19-м днем месяца Дионисий, а награждение Диофанта золотым венком должно было состояться на приближавшемся празднике Партений (IOSPE. I². 352).

²⁵ Жития свв. Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона. С. 157. Sec. 15.

²⁶ Ср.: *Протоиерей Александр Пелин. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дис. канд. богословия. Московская Духовная академия. Сергиев Посад, 2001 (рукопись). С. 18–19.*

сона, как убедительно доказал К.Э. Гриневич, горожане со временем воздвигли мемориальный четырехапсидный теофанический мартирий²⁷.

Символизм и значительность описанного в Житии действия становится гораздо рельефнее и понятнее с учетом того, что происшедшее крещение уязвляется не с любым другим местом, но именно с тем, где херсонеситы долгое время, вплоть до начала массовых гонений на язычников в конце IV в., почитали богов своих главных, государственных, полисных культов. Необходимо было подорвать остававшуюся столетиями, несмотря ни на что, непоколебимую веру в культ главной патронессы – Партенос, в ее чудодейственную силу, которая являлась квинтэссенцией религиозного мышления херсонеситов и своеобразным мерилom их памяти. Демонстрация бессилия богов херсонесского Парфенона и явилась окончательным знаменательным событием на оскверненном, с точки зрения язычников, теменосе, ставшем, в свою очередь, еще более надежным гарантом, чем дети заложники, что обратного пути не будет. Таким образом, сначала ранний храм св. Петра, а затем сменившая его одноименная базилика № 36 стали служить крайней восточной точкой во время стациональных литургий – богослужебных последований (*аколуфий*), процессий, связанных с именем апостола – первокрестителя язычников и с почитанием священномучеников – первых епископов Херсонских.

Д.Ю. Коробкову принадлежит предположение, что разрушение языческого храма, вопреки свидетельству житийного источника, могло быть не одновременно крещению херсонеситов. Он связывал его с событиями третьей четверти V в. – времени пребывания в Херсонесе ссыльного александрийского архиепископа, монофисита Тимофея Элура, горячего, несдержанного проповедника, который мог вдохновить горожан на обновление храма, переделанного из иудейской синагоги на северном берегу, в квартале XIX²⁸. В этом случае храм во имя апостола Петра соотносится с базиликой 1935 г., которая действительно находилась ближе к “Святым (Красивым) воротам” и тем двум известеобжигательным печам на юго-западной оконечности городища, продукцию которых, согласно легенде, использовали для сооружения баптистерия. Однако выше уже были изложены соображения, которые позволяют объяснить необходимость возведения крещальни именно на противоположном конце города: там располагалось священное для многих поколений херсонеситов место, которое Церковь должна была освоить в первую очередь как понятийный всеми знак своей окончательной победы над “эллинами и иудеями”. К тому же версия Д.Ю. Коробкова не в состоянии объяснить, почему участок на северном берегу горожане стали бы звать “Парфенон”, и уж тем более он не подходит для житийного ориентира, совершенно определенно указанного применительно к восточной части городища.

Другой ориентир, который обычно выбирают исследователи для идентификации с храмом апостола Петра, – большая Уваровская базилика или

²⁷ Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратоновского. Л., 1964. VII. 4. 2; Франко И. Святой Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1903. Т. 56. Кн. 6. С. 159–160; Гриневич К.Э. Четырехапсидное здание в Херсонесе (Новая попытка его объяснения) // Архив НЗХТ. Д. 1035. Л. 129–134.

²⁸ Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р. Х. // Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 68–73.

некий гипотетичный ранний храм рядом с ней на северном берегу Херсона, на месте кварталов IV и V – не подходит на эту роль по тем же причинам, но зато удачно соотносится с известной из агиографических источников херсонской “кафолической церковью” (*basilika major*) – храмом свв. Апостолов Петра и Павла²⁹.

Следовательно, можно с достаточно большой степенью уверенности считать, что именно Восточная базилика и примыкающие к ней культовые сооружения были тем храмом, который в раннесредневековую эпоху высился на приморской площади, по давней традиции именуемой херсонитами Парфенон. Даже одержав полный триумф, новая религия оказалась не в состоянии искоренить этот древнейший агороним города, который, несмотря на его языческое звучание, был покорно унаследован христианством.

²⁹ *Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты. С. 54–55; *Яковсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 159–160; *Романчук А.И.* Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986. С. 162; *Беляев С.А.* Уваровская базилика // Литературная Россия. 1989. № 21. 26 мая; *Он же.* О храме апостола Петра в Херсонесе // VIII Рождественские образовательные чтения: Церковные древности. М., 2001. С. 5–28; *Он же.* Исторические предпосылки постройки кафедрального храма Херсонеса во время Константина Великого (Уваровской базилики – храма апостола Петра) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002. С. 34; ср.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. Киев, 2003. С. 127–132.

Т.В. Гончарова

ХРАМ ЮСУФ КОЧ (YUSUF KOÇ KILISESİ) В ГЕРЕМЕ (КАППАДОКИЯ) И ЕГО МЕСТО В ВИЗАНТИЙСКОМ ИСКУССТВЕ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI в.

Темой данного исследования являются росписи пещерного храма Юсуф Коч (Yusuf koç) в Каппадокии. Несмотря на то что храм Юсуф Коч неоднократно фигурирует в различных исследованиях в качестве примера совершенно особенной иконографической программы куполов, стиль и иконографическая программа его росписей в целом не вызвали пристального интереса историков искусств¹. К сожалению, надпись-посвящение, часто сопровождающая росписи других каппадокийских храмов, сохранилась лишь частично, и дата создания неизвестна². Однако более пристальный взгляд на черты, определяющие его художественный стиль позволяет увидеть сходство с памятниками второй четверти XI в., в частности с мозаиками Софии Киевской и Осиеос Лукас в Фокиде, росписями Софии Охридской³.

В предложенном ниже исследовании предпринята попытка проанализировать иконографические и главным образом стилистические особенности росписей, выявляя их художественное своеобразие, соотносить с более крупными явлениями общевизантийской живописи этого периода.

Храм расположен в нескольких километрах на северо-запад от селения Авчилар, недалеко от группы аналогичных памятников в музее Гереме. Церковь вырублена в западной части конуса. Вокруг входа скала была выровнена, а фасад украшен тремя слепыми арками подковообразной формы, которые в настоящее время сильно испорчены эрозией. Помимо храма в теле того же конуса имеется еще несколько помещений различного назначения, которые вместе, видимо, составляли маленький монастырь⁴.

План церкви представляет собой вариант крестово-купольного храма на четырех колоннах, имеет две апсиды и два купола, опирающиеся на шесть

¹ Впервые о Юсуф Коч упомянуто в трехтомной публикации М. Рестле, где росписи датированы XIII в. (*Restle M. Byzantin Wall Painting In Azia Minor. Vol. 1. Recklingbauzen, 1967. P. 350-351*). Этой же даты придерживается К. Жолеве-Леви (*Jolivet-Levy C. Les eglises Byzantines de Cappadoce. Le program iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991. P. 75*). Л. Родлей предложена дата – начало XI в. (*Rodley L. Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia. Cambridge University Press, 1985. P. 151-157*), Н. Тьерри – середина XI в. (*Thierry N. Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie au Xe et XIe siècles. Ankara, 1974. P. 205*). Позже, в последней работе дата сдвинута на третью четверть XI в. (*Thierry N. La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Age. Turnhout, 2002. P. 196*).

² О датированных памятниках Каппадокии см.: *Thierry N. De la datation des eglises de Cappadoce // BZ. 1995. Bd. 88*.

³ Особенности стиля второй четверти XI в. изучены в работах Д. Моурики и О.С. Поповой (*Mouriki D. The Mosaics of Nea Moni on Chios. Athens, 1985; Попова О.С. Аскетическое направление в византийском искусстве второй четверти XI в. и его дальнейшая судьба. Доклад в Охриде. 2000 г.; Она же. Византийские и древнерусские миниатюры. Автореф. дис. д-ра искусствоведения. М., 2004. С. 9-11*).

⁴ *Jolivet-Levy C. Les eglises Byzantines de Cappadoce... P. 75*.

колонн, две из которых являются общими (рис. 1). Таким образом, создаются шесть компартиментов, перекрытых полуциркульными сводами, ориентированными по два на восток и запад, по одному – на север и юг, и еще четыре угловых, перекрытых плоским потолком. Внутренние стороны конх апсид приходились на столб, который разделял их пространства так, что образовывалась аркада, состоящая из двух арочных пролетов. В каждой апсиде был алтарь, прилегающий к стене. Колонны и столб, на который опирались апсидные арки, не сохранились. Такой план должен был соединить двухнефный храм, характерный для Каппадокии⁵, и храм византийского типа на четырех колоннах. Декоративная программа подтверждает это и позволяет считать, что северная часть предназначалась для литургии, а южная – для службы по усопшим.

Прежде чем перейти к иконографическому анализу росписей, хотелось бы отметить несколько общих моментов, характерных для ансамблей, возникших в период после 843 г. и до середины XI в.⁶ Во-первых, это количественное преобладание отдельных образов над изображением сюжетов. Напомню, что в наосе Оснос Лукас сюжетных композиций всего четыре и более ста пятидесяти одиночных фигур, в Неа Мони – восемь сцен в восьми конхах наоса и огромное количество святых⁷, в Юсуф Коч – одна сюжетная композиция и около пятидесяти отдельных образов. Это обстоятельство было вызвано тем, что сразу после иконоборческого периода наблюдался особый интерес к индивидуальным изображениям святых, что объяснялось вновь обретенным правом писать и почитать иконы⁸. По словам О. Демуса в этот период весь интерьер храма превращается в одну огромную икону, помещенную в оправу его стен⁹. Во-вторых, особая теологичность программ этого времени. Логика построения иконографической программы в Юсуф Коч в целом соответствует программам ансамблей средневизантийского периода, лишенным повествовательного начала, которые понимаются как сокращенные символы, соответствующие основным догматическим истинам. Такие программы представляют собой структуры, где каждый элемент есть часть неделимого целого. Это вело к замене полной версии композиции ее сокращенным символическим вариантом, а при согласовании отдельных образов или композиций предоставлялась возможность их множественного истолкования¹⁰.

Северная часть храма. Иконографическая программа апсиды состоит из двух регистров, разделенных фрагментарно сохранившейся греческой надписью. В конхе представлено поясное изображение Богоматери “Воплощение” с Младенцем – Эммануилом, которого она держит прямо перед собой. В левой руке Эммануила – свиток, правой рукой Он благословляет. Отметим, что в каппадокийских храмах IX – начала XI в. в конхе алтарной апси-

⁵ Teteriatnikova N. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Rome, 1996.

⁶ Belting H. Bild und Kult. Eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst. München, 1991; Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 199–203.

⁷ Mouriki D. Op. cit.

⁸ Ibid. P. 198; Der Nersesian. Le décor des églises du IXe siècle. Actes du Vie Congrès International d'Études Byzantines. P., 1951. P. 315–320.

⁹ Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии. М., 2001. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 90.

ды редко встречается образ Богоматери с Младенцем. Здесь доминирует образ Христа во славе – “Теофании”. Для всего остального византийского мира иконографический тип Богоматери, представленный в храме Юсуф Коч, был основным в иконографических программах. Под изображением Богоматери с Младенцем в нижнем регистре представлены стоящие в рост, под аркадой четыре епископа: Василий Великий, Григорий Богослов, Николай Мирликийский и Иоанн Златоуст, фланкированные с двух сторон изображениями диаконов. Сохранился один из них, и он – в строго фронтальной позе, в тунике, без бороды, с обычными атрибутами: орарем, дарохранительницей и кадиллом, что и указывает на его участие в небесной Литургии. Чуть заметные остатки надписи, относящейся к левому изображению, свидетельствуют, что это архидиакон Стефан. Парным обычно является диакон Лаврентий. Их фигуры у входа в алтарь, как и изображение святительского чина в каппадокийских росписях, становятся традиционными раньше, чем в других местах.

Изображения диаконов, предваряющих алтарную композицию и таким образом включенных в состав святительского чина в храме Юсуф Коч, если и не буквально иллюстрируют службу святых отцов, то четко ее обозначают.

Образ Эммануила на руках у Богоматери явлен отцам Церкви, совершающим Литургию как изображение евхаристической жертвы.

В тимпане северной части над апсидой помещен погрудный образ Христа, который возвышается над изображением Богоматери с Младенцем, согласно традиционному иерархическому порядку, а вместе с декором апсиды прочитывается смысловая ось Воплощение – Служение – Спасение. Изображение Христа, несущего закрытое Евангелие, воспринимается как “литургический образ” Воплощения Слова, Его явления в мир. С земным служением Христа связан Его благословляющий жест. В Благовещении (рис. 2), расположенном на прилегающей к алтарному пространству стене, единственной композиции в общей системе росписей храма, интерпретируется тема Воплощения и Вместилища Логоса. Здесь же можно усмотреть и литургический подтекст, так как в проскомидии извлечение Агнца из просфоры уподобляется Непорочному зачатию и Воплощению Христа из Девственного Чрева. Священник, по уставу Великой церкви иссекающий агнца из просфоры, уподобляется архангелу Гавриилу, принесшему Марии весть о зачатии божественного младенца.

Своды, примыкающие к восточной, западной, северной стенам, занимают парные поясные изображения мучеников: Флора и Лавра, Сергия и Вакха, Кирика и Трифона.

На плоском перекрытии северо-западного углового компортимента находится изображение Мисаила – одного из трех отроков в Пещи огненной. Изображения двух других – Анании и Азарии – помещены на перекрытиях угловых компортиментов в южной части храма. Полуфигура отрока Мисаила в южной части храма может быть трактована и как прообраз литургии, и как ветхозаветный прообраз Богоматери. Три отрока по тексту пророка Даниила (Дан. 3 : 25), так же, как и Неопалимая купина, уподоблялись нетленному чреву Марии, опаленному божественным огнем и оставшемуся невредимым, т.е. образу непорочного зачатия, и являются тоже прообразами Воплощения. Образы трех отроков как бы обрамляют всю иконографиче-

скую композицию, выдвигая богородичную тему как важнейшую. Характер расположения этих изображений, а также выделение из всей программы сцены Благовещения, позволяют предположить, что посвящение храма было связано именно с этим сюжетом.

Южная часть храма. В апсиде представлен Деисус, состоящий из фигур Христа и обрацающихся к Нему Марии и Иоанна Предтечи.

Традиционно Деисус интерпретируется как эсхатологический образ и выражает догмат о заступничестве церкви новозаветной, в лице Богоматери, и ветхозаветной, в лице Предтечи – перед Христом-Судиею за грешников. В монументальной живописи Деисус был чрезвычайно распространен по всему христианскому Востоку¹¹. В памятниках византийской монументальной живописи эта композиция фигурирует изредка и не имеет точно фиксированного места в системе росписи храма¹².

Однако Деисус был элементом иконографических программ большей части каппадокийских храмов уже с X в. и часто, в композиции с тронным образом Христа, имел теофанический подтекст из-за окружающих Его трон небесных сил¹³. Активное обоснование роли святых, прежде всего Богоматери, в качестве посредников между Богом и человеком началось, по мнению К. Уолтера¹⁴, в монашеской среде, что объясняет популярность Деисуса в монастырских церквях Каппадокии.

В тимпане над алтарной композицией Деисуса изображены апостолы Петр и Павел (рис. 3), трех-четвертные фигуры которых повернуты друг к другу. Петр и Павел составляют центр апостольского чина, распределенного по всему верхнему ярусу, а точнее по сводам и тимпанам южной части. Фигуры Луки и Матфея находятся на своде, обрамляющем восточный тимпан с изображениями Петра и Павла, Варфоломей и Симон расположены на западном своде, соприкасающемся с люнетом западной стены, в котором изображена полуфигура Иакова. Марк и Андрей – в своде, образующем арку южной стены, здесь же, в тимпане – Иоанн Богослов. Исключения составляют два угловых плафона, где расположены образы Анании на востоке и Азарии на западе. Апостолы изображены в античных одеждах, со свитком или Евангелием в руках. Они беседуют, их руки сложены в благословляющие, пророчествующие, принимающие благодать жесты. Изображения апостолов Петра и Павла располагаются прямо над алтарем, симметрично к фигуре Христа-Судии, что соответствует порядку расположения фигур в Страшном суде. Напоминание о Страшном суде было незримо включено в композицию Деисуса, и его изображение в погребальных программах было само собой разумеющимся.

Продолжают эсхатологическую тему Константин и Елена, держащие Крест, изображенные в рост на западной стене южной части храма. Именно они являются первыми свидетелями обретения Креста, на котором был рас-

¹¹ Например, в Грузии. Об этом см.: *Velmans T. L'Image de la Deisis dans les eglises de Géorgie et dans celles d'autres régions du monde Byzantin. Pt. 1. La Deisis dans l'apside // Cahiers archéologiques. 1980–1981. 29. P. 47–101.*

¹² Подробнее см.: *Щенникова Л. Деисус в византийском мире. Иконографический обзор // Вопросы искусствознания. 1994. № 2–3. С. 132–163.*

¹³ Подробнее см.: *Thierry N. A propos des peintures d'Ayvali Koy (Cappadoce). Les programmes absidaux à trios registres avec Deesis, en Cappadoce et en Géorgie // Zograf. Belgrad, 1974. 5.*

¹⁴ *Walter Ch. Studies in Byzantine Iconography. L., 1977. P. 251–267.*

пят Христос. Его первое пришествие связано с очистительной жертвой, второе ожидается как Судии.

Рядом с Константином и Еленой справа читается сильно “потертая” фигура святого, меньшая по масштабу, в позе “оранта”. Можно с уверенностью сказать, что это Даниил во рву львином. Его образ, а также изображения “Трех отроков” могут быть интерпретированы как символы Воскресения во плоти и спасения праведных, что соотносит их по смыслу с эсхатологической темой, развернутой в алтаре, на сводах и в тимпанах южной части храма.

Остальные плоскости нижнего регистра посвящены воинским образам. Рядом с апсидной аркой – Прокопий, воин в короткой тунике и плаще, заброшенном назад. У его ног – маленькая женская фигура; видимо, она – один из донаторов храма. На южной стене поперечного нефа, примыкающего к алтарной апсиде, изображен св. Димитрий, к нему обращены молитвы второго донатора, имя его названо в надписи, которая переводится с греческого как “служитель Бога Феодор”¹⁵ (рис. 4).

В центре южной стены – всадники Георгий и Федор, обращенные друг к другу лицами, на белом и красном конях, пронзающие копьями дракона. Эта композиция, уподобленная геральдическому знаку, неоднократно повторялась в каппадокийских храмах (рис. 5).

Большое количество изображений святых воинов и место, выбранное для Георгия и Федора на конях, в центре южной стены, напротив Благовещения, выделяют воинскую тему как одну из основных. Их изображения активно включены в тему Деисуса.

Купола заняты поясными изображениями четырех архангелов, занимающих половину купола каждый (рис. 6). Они в императорских одеждах, со скипетрами и сферами (рис. 7). Архангелы не названы по именам, как это часто бывает, позволяя сделать вывод, что они являют собой не столько личные образы в соответствии с их собственными именами, сколько “лик” Небесных сил, служащих Богу вместе с сонмом других Бесплотных и Святых угодников, представленных ниже.

В парусах северного купола архангелы окружены четырьмя серафимами, о чем свидетельствуют надпись “гексаптерига” – шестикрылый; лица их плотно обрамлены шестью крыльями. В парусах южной части храма располагаются херувимы – тетраморфы, изображенные, согласно видению Иезекииля: “И у каждого из них – четыре крыла... Подобие лиц их – лице челоука и лице льва с правой стороны... а с левой стороны – лице тельца... и лице орла...” (Иез. 1 : 6, 10). Замысел куполов в храме Юсуф Коч не имеет аналогий в известном круге памятников византийского мира. Однако структура расположения образов в иконографической программе соответствует классическому представлению о системе крестово-купольного храма, которое описано патриархом Фотием¹⁶. В куполе, как известно, помещалось изображение Пантократора. В Юсуф Коч архангелы с серафимами и херувимами в парусах есть символический образ небесных сил, обычно сопровождающих

¹⁵ Н. Тьерри предположила, что храм и его роспись могли быть заказаны супружеской парой во спасение их душ и души их молодого сына, солдата, подвергавшегося риску быть убитым (Thierry N. La Cappadoce... Fiche 43).

¹⁶ Mango C. Homilies of Photius Patriarch of Constantinople. Cambridge (Mass.). 1958. P. 188.

образ Пантократора в куполе. Их изображения предполагают его незримое присутствие, что не противоречит в данном случае традиционному пониманию иконографии купола как темы прославления Пантократора в качестве властителя Вселенной, который охраняется и прославляется ангельским чином. Символическая важность этих образов наделила их особо глубоким смыслом и дала возможность множественного их истолкования в связи с другими изображениями и композициями. Купольные композиции объединяют две основные догматические идеи о первом и втором пришествии Христа, затронутые в разных частях храма. В северной апсиде они могут быть трактованы как логическое завершение темы Воплощения, представленной в образе Богородицы с Эммануилом и Христа с Евангелием в тимпане над апсидной аркой. В южной, дополняя композицию Деисуса, позволяют трактовать ее более широко как символический эквивалент видения Христа – Теофании (рис. 8). И наконец, их мощные выразительные образы, нависающие над молящимися, – напоминание о небесном воинстве Христа.

Программа декора Юсуф Коч следует основным принципам искусства начала XI в., общим для всего византийского мира, при этом очевидно отвержена каппадокийским традициям. В апсидах каппадокийских храмов IX–XI вв. доминирует образ Христа во славе – Теофании, созданный на основе пророческих видений Исайи и Иезекииля, и редко присутствует основная византийская тема – образ Богородицы с Младенцем.

Как продолжение местной традиции видится изображение воинов-всадников, а также Деисуса в апсиде южной части храма. Композиция Деисуса постепенно сформировалась исходя от образа Христа во славе, имеющего в Каппадокии теофанический смысл; в нем соединились две важнейшие символические идеи: заступничество Богородицы и святых, понимаемое как эсхатологическая тема, и Теофания – видение Христа, понятое как образ второго пришествия, что отражает погребальное назначение южной части храма.

Так же, как и иконографическая программа, стиль живописи Юсуф Коч ориентирован на традиции, связанные с греко-византийским миром, но сохраняет при этом приверженность каппадокийским вкусам, тяге к экспрессии, линейности и стилизации.

Живопись Каппадокии всегда, во все времена обладала особыми стилистическими качествами и средствами в формировании образа и почти никогда не ориентировалась на искусство, создававшееся под воздействием вкусов столицы. Росписи Юсуф Коч представляют собой продолжение местной художественной традиции, сохраняют акцентированный восточный характер, выраженный в повышенной экспрессивности и символичности образов, но в то же время обладают некоторыми эстетическими чертами, общими для византийских памятников этого времени. В этот небольшой отрезок времени (вторая четверть XI в.) столица избирает в поисках средств и формул, способных отразить аскетические умонастроения эпохи, художественный язык, зародившийся в монашеской среде Востока. Характерными примерами живописного языка этого времени являются мозаики и фрески Панагии в Халкеоне, Осиев Лукас, Софии Киевской, Софии Охридской. Для искусства этого периода свойственны сходные типы лиц и одинаковый подход к трактовке человеческого тела. Лица неподвижны и суровы, абсолютно симметричны. Большие головы, широкие кубические плечи, укоро-

ченные пропорции делают фигуры мощными и статичными. Все это говорит об общности росписей Юсуф Коч с художественными идеалами культуры Византии второй четверти XI в.

Сходной с византийскими памятниками этого времени является также архитектурно-живописный ансамбль Юсуф Коч, художник которого владеет классическими приемами осмысления пространства. Почти все изображения имеют только естественные архитектурные обрамления, что присуще монументальному искусству XI в.

В отличие от большинства сохранившихся памятников этого времени храм Юсуф Коч и его росписи представляют собой образец камерного решения как архитектурной, так и живописной задачи. Учитывая небольшой интерьер церкви, был найден соразмерный архитектуре тип человеческой фигуры в нижнем регистре, на сводах и в люнетах. Изображенные в полный рост святые воины либо равны человеческому росту, либо слегка уменьшены, что не лишает образы монументальности. Необходимо отметить роль архитектуры в композиционной организации стены. Арочные элементы, являющиеся зеркальным отражением подпружных арок на стене и создающие трехпролетный мотив аркады с пониженными боковыми частями, лишают монотонности плоскости северной и южной стен, заключая в арки фигуры воинов. Нижний регистр фресок, возможно, был заполнен изображениями панелей мраморировок или полилитий, как в Осиос Лукас и Неа Мони, не превышавших полутора метров от пола.

Масштабные и пропорциональные построения фресок Юсуф Коч имеют продуманную систему соотношений, соответствующую сакральному осмыслению храмового пространства. Сакрализация масштабных соотношений присуща монументальной живописи средневизантийского периода в целом¹⁷. В вышеназванных памятниках преобладало классическое соотношение мозаичной декорации и архитектуры, в котором главенствовал принцип увеличения масштаба изображения по мере его удаления от зрителя. В Юсуф Коч принцип последовательного изменения масштаба сохранен: меньший применен для композиций стен, средний для сводов и люнетов, крупный для конх и куполов. Однако здесь в большей степени ощущается намеренная ориентация на контрастное сопоставление фигур и композиций, выполненных в малом и большом масштабах, что делает основные темы более ясно читаемыми. Изображение Богоматери в конхе имеет резко преувеличенный масштаб по сравнению с Младенцем, с одной стороны, и со святиТЕЛЬСКИМ рядом, с другой. Фигуры архангелов, нависающие массивностью тел над людьми, стоящими в подкупольном пространстве, воспринимаются преувеличенно крупными из-за малого масштаба изображений серафимов и херувимов, находящихся в парусах. Для изображения Христа, помещенного в люнете над апсидой северного храма, выбран масштаб более мелкий по сравнению с изображением Богоматери с Младенцем в конхе апсиды, но тот же, что и для представленных в люнете над южной апсидой апостолов Петра и Павла. Тем самым выделяется тема Воплощения, а изображение Христа соответствует апостольским, занимающим все люнеты южного храма.

Характерную для XI в. архитектурно-живописную роль в системе росписи имеют декоративные элементы, главным из которых является широкая лента,

¹⁷ Демус О. Указ. соч. С. 25–29.

представляющая собой выполненную красной охрой полосу, ограниченную с двух сторон белой тонкой линией. Именно таким способом отмечаются все архитектурные и композиционные членения. Орнаментальным декором украшены в основном внутренние поверхности арок, места сопряжения архитектурных форм, уголки между стеной и арочным пролетом. Элементы орнамента немногочисленны. Преобладает тонкая бегущая растительная полоса, намеченная светлой краской по темному фону или темной по светлому, ветвевидные орнаменты, состоящие из пышных листьев, кресты с цветочным декором, сеть ромбов с волнообразными линиями. Фриз из пирамид с лестничными краями украшает аркаду, под которой представлены изображения святителей.

Руководствуясь эстетическим чутьем, мастер Юсуф Коч увязывает орнаментальный декор архитектуры и орнаменты, украшающие одежды святых, находя равновесие и гармонию в графической игре бегущих динамичных элементов и статике узорочья одежд мучеников и воинов. Общая тональная и цветовая насыщенность декора создает ощущение внешнего фона, удерживающего пластическую массу фигур в одной плоскости и тем самым усиливающего его дематериализацию. Мы встречаемся с совершенно иным принципом применения орнаментального декора в так называемых четырехколонных церквях Гереме¹⁸, перенасыщенность им, что вносит дробность в ощущение архитектурных форм и архитектурного пространства, и без того уже созданную обилием евангельских сцен и персонажей, что сводит функцию орнаментов к чисто декоративной роли.

Несмотря на интерес к пластически выраженным формам, общее объемно-пространственное решение росписей характеризуется подчеркнутой плоскостностью. Эта плоскостность создается линией, элементами декора и зависящей от них формой. Пластическая масса, рожденная эффектом мощного преобладания ее над плотным абстрактным фоном, разрушается и нейтрализуется с помощью орнамента одежд. Несмотря на кажущуюся аппликативность во взаимоотношении фигур мучеников, воинов и фона, мастер, определив их основное тональное и колористическое соотношение, создает внутри основных, крупных объемов замкнутый мир, строящийся на основе более тонких тоновых и цветовых сочетаний. Прорабатывая детально костюмы мучеников и воинов, художник меняет плотность локального тона внутри основных цветовых пятен, степень насыщенности декором частей, составляющих костюм, чередует крупный раппорт орнамента с мелким таким образом, что создается подвижная основа, рождающая впечатление пульсирующей ткани.

Линии всюду принадлежит ведущая роль: во внутренней разделке форм, в силуэтных очертках, в трактовке ликов. Художник постоянно варьирует толщину линии, изредка превращая ее в полосу, иногда в широкую ленту, текучую, не имеющую конца, или в каллиграфически тонкую и при этом столь точную, что одного лишь ее изгиба достаточно, чтобы создать форму, отметить объем. Меняется ее динамика и напряженность: от ощущения натянутости тетивы и конструктивной остроты до аморфного контура. Линия

¹⁸ Имеются в виду церкви Чарикли килисе, Эльмали килисе и Караник килисе в Гереме, расположенные близко друг от друга. Их планы – это вариации на тему византийского храма на четырех колоннах. Их росписи имеют сходство с иконографией и стилем.

вторгается в огромные, инертные формы, одновременно исключая их из сферы живого осязания материи и вдыхая в них жизнь другого порядка. Она то подчиняется преобладанию пластической массы и становится необходимым элементом ее существования, то разрушает, дематериализует массу. Аскетический опыт находит свое внешнее выражение в строгости геометрических форм, света и линий складок, которые становятся строго ритмичными, подчиняясь общей гармонии образа. Это особенно ощущается в манере изображения одежд апостолов Петра и Павла, Луки и Матфея. Здесь линии, намечающие складки и, казалось бы, стремящиеся конструктивно подчеркнуть все изгибы ткани и повторить анатомию человеческой фигуры, постепенно геометризуются и превращаются в орнамент, несомненно, более подвижный и живой, чем преобладающее в количественном отношении декоративное заполнение плащей мучеников и воинов. В изображении мафория Богоматери и гиматия Христа движение линий становится стремительным и отчасти угловатым, края приобретают изломанность и зигзагообразность. В композиции Благовещения это ощущение динамичного широкого разбега постепенно останавливается измельченным контуром подола туники и параболическим очерком плаща слетающего архангела. Интенсивность и динамика линии являются важным фактором в определении временных границ. В Осие Лукас, памятник, являющемся отправной точкой для понимания развития стиля этой эпохи, преобладают линейные элементы с высокой степенью абстракции, обладающие интенсивным статическим характером. В Неа Мони, памятнике, относящемся к переходному периоду от позднемакедонского монументального стиля к комниновскому классическому, декоративные элементы, следующие абстрактному принципу, сосуществуют с теми, которые оживляют образы и создают их психологические характеристики. Постепенное развитие динамических качеств стиля сочетается с появлением и углублением психологических характеристик образов¹⁹. В целом в Юсуф Коч, несмотря на свою значимость и порой преобладание в живописной и декоративной структуре росписей, линия не вторгается в сферу образности, не является средством, передающим эмоциональные переживания, не придает лицам острой индивидуальности, не является средством, разрушающим внутреннюю общность образов. Ее жизнь протекает в рамках схем и формул, сложившихся на протяжении веков. Художник лишь вдыхает в эти формулы новую жизнь своей размашистой и быстрой манерой, характерной для его индивидуального почерка. Такой характер линейности, не создающей каких-либо внутренних рефлексий образа, позволяет сопоставить этот памятник с Софией Охридской, время создания росписей которой относится к 40-м годам XI в.

Колорит фресок Юсуф Коч не отличается богатством и тонкостью цветовых сочетаний. Набор пигментов ограничен, используется только черная – рефть, охра золотистого оттенка, возможно, сиена натуральная, красная охра или гематит, белила, зеленая земля, похожая на глауконит. Количество колеров, составленных художником, невелико, вариативность в их применении основывается на степени разбеленности. Несмотря на небольшое количество используемых цветов, палитра Юсуф Коч обладает ярким запоминающимся живописным строем и подкупает своей интенсивностью.

¹⁹ Mouriki D. Op. cit. P. 253–269.

Художник тонко ощущает гармонию контрастных локальных цветов, смело сопоставляя открытые, находящиеся в разных частях палитры цветового спектра оттенки желтого, зеленого, красного, находя их гармонию в общей тональной плотности, добивается их звучности и выразительности, сопоставляя теплые и холодные тона.

Пещерные храмы были лишены наружного освещения, поэтому богатство и тонкость колористических решений не могли быть восприняты, и потому к ним не стремились. Поверхность стен храма, вырубленного в скале или песчанике, никогда не была идеально ровной. Однако мерцание свечей, создающее свето-теневую игру фактуры грубовато обработанного камня, оживляло живописную поверхность, созданную с помощью локальных цветов, заставляло острее воспринять ритмический и линейный рисунок. Стиль росписей в немалой степени зависела от техники письма. Большая часть восточнохристианской живописи исполнена по гажевой²⁰ (гипсовой) штукатурке, тонким слоем нанесенной на поверхность стены, живопись исполнена практически по сухому.

Большую выразительность стилю придает широкая обобщающая манера письма, оживляющая могучие формы торсов, фигур, крупные черты лиц экспрессивными элементами. По сути, это пример живописи одного дня.

Неорнаментированные одежды апостолов написаны довольно скупо, с применением метода трехтонового письма, когда по локальному тону прописываются складки разбеленным основным тоном и затем выполняется белилами световой рисунок. Иногда эта система обогащалась цветными тенями, повторяющими линии пробелки. Мастер постоянно меняет метод работы, балансируя на грани иллюзионистического и линейного лапидарного искусства; он то усложняет, то упрощает приемы, варьирует степень проработанности, от чего форма то обретает объем, то теряет его. Увлекаясь деталями, как, например, в одеждах воинов, художник выписывает мелкие чешуйки “кольчужки” или же действует с большой степенью обобщенности. При общности технических приемов и технологии, росписи различаются по степени тщательности исполнения личного письма. Объем лика пластически моделирован высветлениями основного тона желтой охры, единого с нимбам. Более проработаны лики архангелов (рис. 9). Поверх санкирной основы жидкой темно-коричневой краской наносился основной рисунок. Следующим этапом художник раскрашивал волосы, наносил на освещенные части тот же, взятый в небольшом разбеле цвет и здесь же прокладывал интенсивные зеленовато-оливковые тени. При нанесении следующего слоя в основной тон личного мастер добавлял большее количество белил, создавая плавную проработку форм. Зеленые притенения накладывались с такой же последовательностью и уточняли моделируемый объем, каждый раз выявляя архитектуру и усиливая пластическое впечатление. Самый верхний, покрывающий наиболее освещенные места слой не переходил в чистую белизну, оставаясь слегка желтоватым, наносился легкими тонкими штрихами, мягко моделируя световую часть и оставляя объемность в пределах общего плоскостного восприятия. Поверх охры прописывались румяна, которые мягко оттеняли лоб, шею, линии носа. Немного интенсивней отмечались губы. Предпоследним этапом наносился уточняющий рисунок, очерчи-

²⁰ Restle M. Op. cit. P. 223–230.

вающий овал лица, надбровные дуги, ноздри, линию рта, тонкой кистью отмечалось направление прядей волос. В заключение писались белки глаз и наносились строго по форме легкие пробела. Манера исполнения изображений характеризуется не столько сложностью моделировок, сколько наложением светов и теней в два слоя, при нанесении которых уточнялся рисунок и появлялась мягкость переходов; линия практически не участвует в формировании формы и определении ее границ. В написании изображений архангелов мастер следует классическим иллюзионистическим принципам освоения формы, которые проявляются в отказе от чисто линейных приемов, в объемности и сплавленности форм, использовании цветowych рефлексов. В ликах других изображений живописные приемы упрощены, разбеленным основным тоном отмечаются только самые выпуклые места, линия приобретает большее значение (рис. 10), что приводит к контрасту света и тени, не сгармонизированных тональной проработкой. Пластика лица оказывается построенной на основе цветных, наскоро положенных линий и пятен (рис. 11, 12), рисунок становится выразителен и резок, в связи с чем растет экспрессивность в общей живописной структуре. Лики мучеников и апостолов почти не моделируются светом, белильными высветлениями, но только с помощью рисунка и теней, от чего усиливается схематичность. Имеющие одну тональную и цветовую основу лики сливаются с нимбами, истончая плоть, озаряя ее светом изнутри, что еще больше усиливает спиритуализм образа. Нужно отдать должное профессионализму мастера, рука которого отличается точностью в выявлении конструктивной основы, что, безусловно, говорит о его греческом происхождении. Художника ни в коем случае нельзя назвать неумелым. Безукоризненное чувство формы позволяет ему с помощью одного приема, точно положенного цветового пятна или линии создать объем или выявить впадину.

Характеризуя лики святых, невозможно определить их понятиями красоты, изящества, прочувствовать внутреннее состояние каждого. Емкие формулы уже сложились на протяжении веков, потому образы так монументальны. Различия их индивидуальных черт определяются типологией каждого конкретного образа, складывающегося веками. Все они создают впечатление отстраненности и отражают идеи, рожденные наиболее аскетическим типом религиозного сознания и соответствующего ему мировосприятия, на которые ориентируется искусство второй четверти XI в.

Символичность образов, минимализм в их трактовке, традиционные для каппадокийской живописи, стали характерны для идеалов всего искусства этого времени, проявившихся во всех византийских памятниках.

В образах святых Юсуф Коч несколько приглушены аскетизм, суровость и внутреннее напряжение, присущие, например, образам Осииос Лукас. В то же время им чужда внутренняя динамика и градации человеческих переживаний, прослеживающихся в искусстве начала XII в. Нет ни задумчивости, ни напряженности как в каждом из них, так и в их общей массе: им присуща озабоченность одной ровной духовностью. Лики в Юсуф Коч остаются надмирными и успокоенными. Эта смягченность аскетических черт, с одной стороны, но отсутствие каких либо индивидуальных характеристик образов, с другой, приближают Юсуф Коч скорее к образам Неа Мони, чем к Софии Киевской. Однако сходство наших росписей с образцами византийского искусства аскетического типа этого времени, такого, как в Осииос Лукас, в Со-

фии Киевской, в Софии Охридской, в Неа Мони, – отнюдь не конкретно и обозначено на уровне только самых основных понятий: внутреннего содержания образов и общей условности стиля, отличающегося сокращенным, по сравнению с классическими моделями, набором художественных средств.

Храм Юсуф Коч, расположенный на территории византийской провинции Каппадокия, представляет несомненный интерес как памятник восточнохристианского искусства. Большая простота, лаконичность и экспрессивность стиля отличают росписи Юсуф Коч от центральных памятников той же эпохи. Безусловно, своеобразие росписей Юсуф Коч не является уникальным, так как стремление византийского искусства этого периода к воплощению аскетических идеалов было всеобщим. По силе воздействия эта живопись не уступает самым впечатляющим созданиям столичного искусства. Ее кажущаяся простота может быть воспринята как сложное явление, соответствующее напряженной духовной жизни, которое можно проиллюстрировать притчей об утонченном блестящем константинопольском вельможе, ушедшем на послушание в египетскую пустыню. Бывший вельможа авва Арсений покорно слушал поучение своего наставника из коптов; другой же увидел и вопрошал его: “Как это ты, превзойдя всякую ученость римскую и эллинскую, просишь совета у невежды сего о помыслах твоих?”. На это Арсений возразил: “Так, науке римской и эллинской выучен я; но из науки невежды сего не вытвердил еще и азбуки”²¹.

²¹ *Аверинцев С.С.* На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // *Восток–Запад*. М., 1985. С. 11–12. В упомянутой статье в приложениях автор приводит собственные переводы изречений древних отцов, в том числе из наиболее древней грекоязычной версии так называемого “Египетского патерика” (*Aportheigmata patrum*), однако именно эта притча приведена в общем тексте статьи С.С. Аверинцева.

Рис. 1. Интерьер храма Юсуф Коч

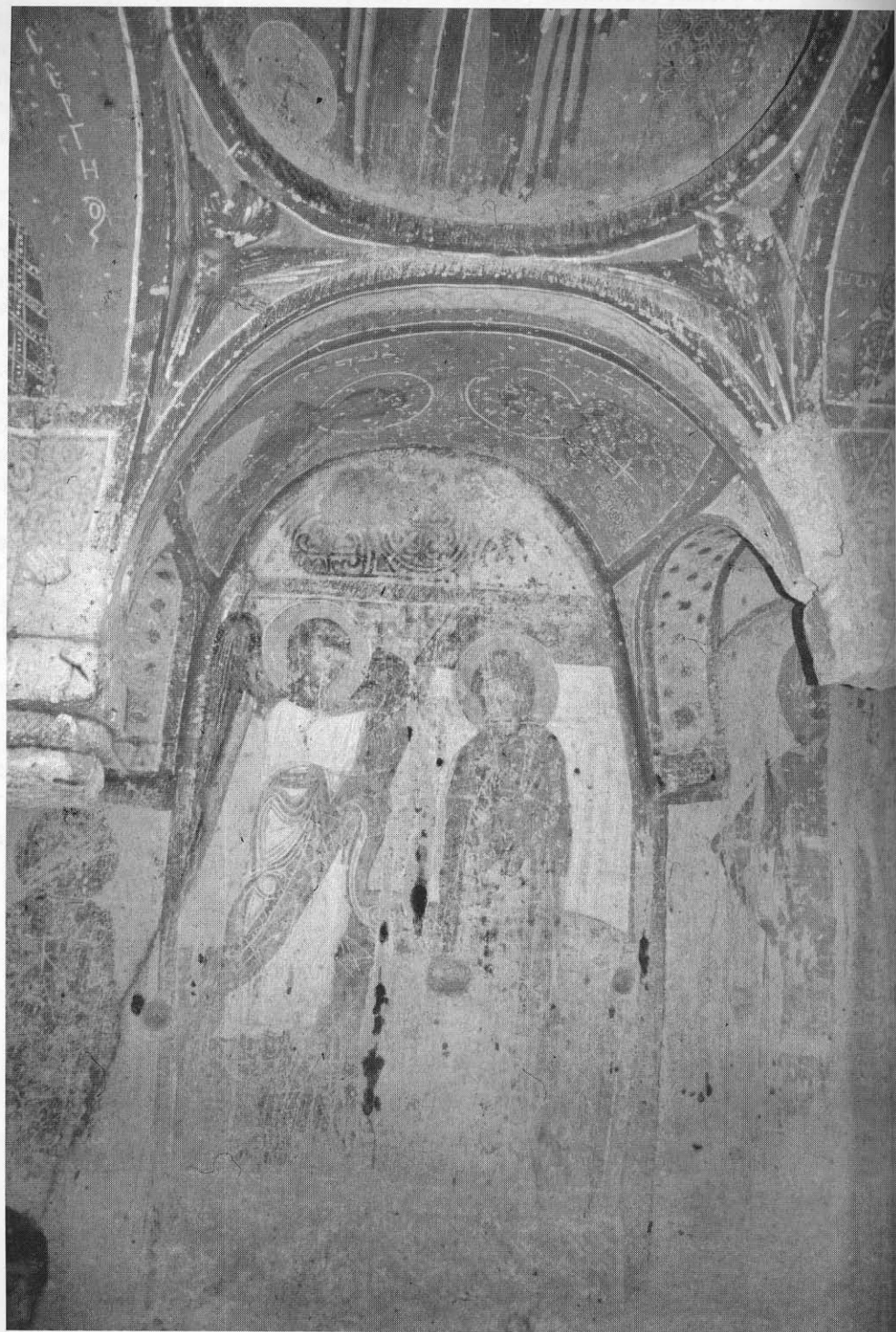

Рис. 2. Северная стена. Благовещение

Рис. 3. Люнет под южной апсидой. Апостолы Петр и Павел

Рис. 4. Южная стена.
Св. Димитрий с донатором храма

Рис. 5. Южная стена. Георгий и Федор на конях

Рис. 6. Купол. Архангелы

Рис. 7. Архангел

Рис. 8. Алтарная часть храма

Рис. 9. Лик архангела

Рис. 10. Апостол Павел

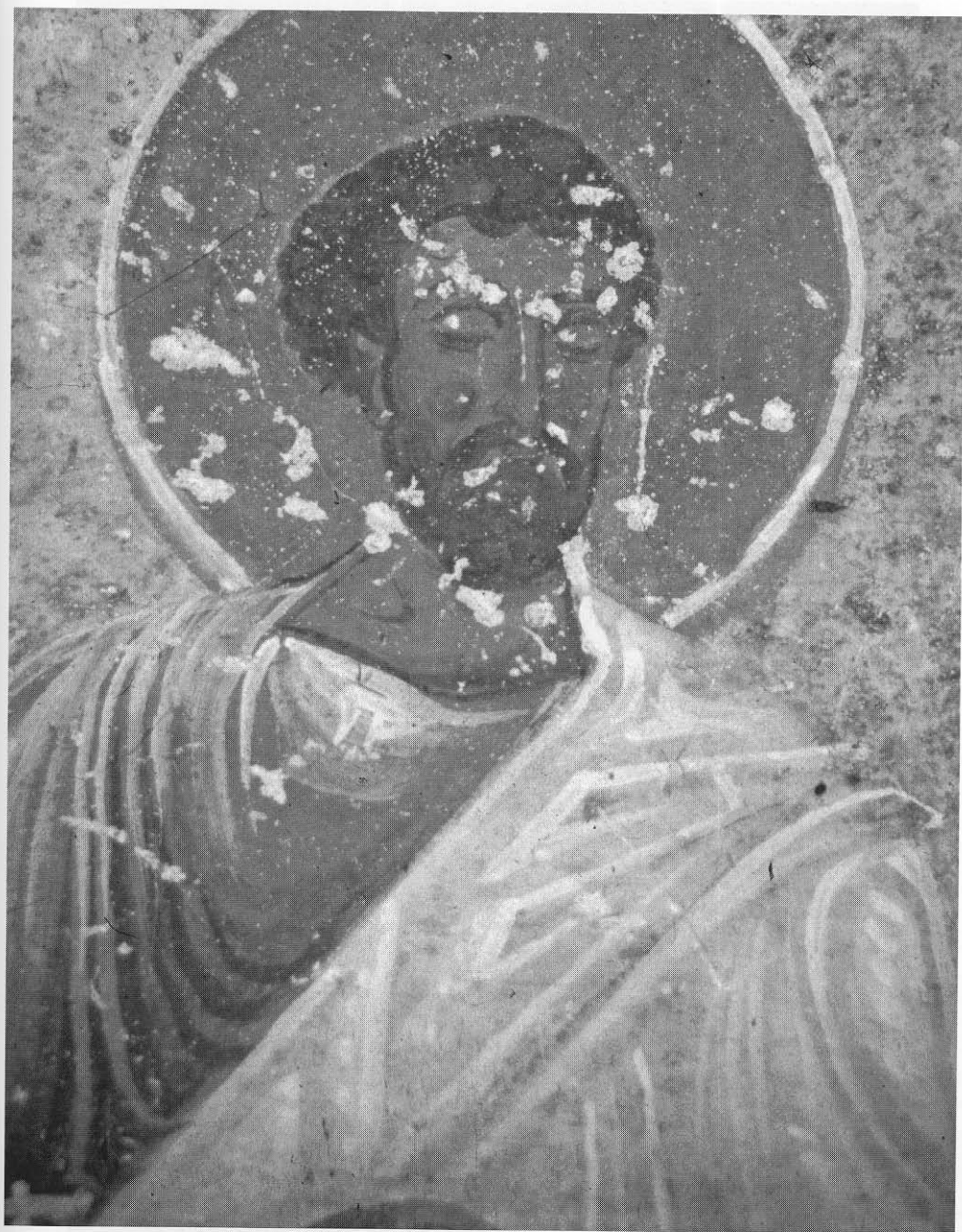

Рис. 11. Южная часть храма, свод западной стены.
Апостол Симон

Рис. 3. Трёхсторонний свод с фризом с изображениями апостолов, рельефы в нишах и мозаиками в бумажной окраске. Свод южной части храма. Материалы: АИИ. Материалы: 26-273. С. 177

Рис. 4. Трёхсторонний свод с фризом с изображениями апостолов, рельефы в нишах и мозаиками в бумажной окраске. Свод южной части храма. Материалы: АИИ. Материалы: 26-273. С. 177

Рис. 12. Апостол Варфоломей

С. Манукян

ОРНАМЕНТ В РУБРИКАЦИИ АРМЯНСКИХ РУКОПИСНЫХ ЕВАНГЕЛИЙ

Становление единого художественного организма рукописных кодексов было процессом постепенным. До X в. создатели книг добивались выразительности текстовых листов без декоративного убранства, посредством определенной композиции текста. Художественность им придавали каллиграфическое красивое письмо, ритм заглавных букв стихов, сочетание чернил разного цвета, крупных и мелких букв, выделение последних слов или букв строки в один вертикальный ряд и размещение концовки стиха посреди столбца. Уже с конца IX в. в рукописях появляются элементы декоративного убранства, которое со временем, по мере расширения функций кодексов, все более и более обогащается и становится важнейшей частью художественного оформления рукописей наряду с иллюстрацией текста (рис. 1).

В основе декоративного убранства лежит орнамент: даже если декор составлен из растительных, зооморфных и антропоморфных изображений, они точно так же орнаментализованы. В эволюции декора армянской средневековой книги главную роль играло искусство рубрикации – подразделение текста на определенные отрывки и художественное акцентирование их начала. Именно для рубрикации и использовали орнамент. Изучение рукописей, в частности Евангелий, свидетельствует о том, что рубрикация, выделяя начала отрывков, читаемых во время богослужения, формировала композицию каждого листа, структуру и систему художественного убранства кодекса, т.е. эстетический элемент в рукописях был функционально востребован.

Цель данной работы – показать, как использовался орнамент в рубрикации армянских рукописных Евангелий.

Абсолютное большинство армянских средневековых **иллюстрированных** рукописей составляют Четвероевангелия – “Евангелия-тетр”. Рубрикация армянского Четвероевангелия подробно рассмотрена нами в докладе на VII Республиканской конференции по армянскому искусству¹. Здесь нам хотелось бы вкратце вспомнить основные положения этого доклада, чтобы сделать более понятной ту роль, которую в этой рубрикации играл орнамент. Среди различных рубрик Евангелия-тетр большое значение для художественного облика имели начала четырех Евангелий (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), которые привели к развитию титульных листов каждого из четырех евангелий². Не менее важную роль играли рубрики так называемые

¹ Манукян С. Рубрикация в художественной системе армянских рукописных Евангелий // VII Республиканская научная конференция по армянскому искусству. Тезисы докладов. Ереван, 1995. С. 80–81. См. также: Тер-Мовсисян М. История перевода Библии на армянский язык. СПб., 1902; Մաթևոսյան Ա. Գրիչ հոփաննես Սանդղիպանցի // Բանբեր Մատենադարանի № 10. Երևան 1971. էջ 379–400.

² Манукян С. Формирование титульного листа в армянской рукописной книге // Вестник общественных наук АН Армении. Ереван, 1991. № 4. С. 99–107.

мых “главных Евангелий”, служивших основными евангельскими чтениями в течение всего церковного года. Их называют также “перикопами”. Таких отрывков по всему Евангелию-тетр, согласно сведениям, сообщаемым писцами в конце каждого из четырех Евангелий, было 252 с небольшими отклонениями в разных рукописях. Рубрики большинства “главных евангелий” совпадали с началами “седмиц” – чтений по дням недели – и играли роль служебного визуального подразделения текста для чтения во время службы. Таким образом, Евангелия-тетр с подобной рубрикацией в средневековой Армении выполняли и функцию, характерную для православных Евангелий-апракос и западных Books of Pericopes: в двух последних текст Евангелия расположен для чтения по месяцам, неделям и дням церковного календаря³. Каждая из двух указанных рубрик имела свой тип оформления, в котором орнаменту отводилась решающая роль.

Как же оформлялись рубрики “главных Евангелий” или, что то же самое, главные чтения Евангелия? Для этого разрабатывается особая система, которая начинает формироваться уже в рукописях IX в. и окончательно складывается в XII в. Она выражается в художественном акцентировании начала чтения и декоративными маргиналиями рядом с ними. Подобная рубрикация отсутствует в традициях других культур и придает армянским Евангелиям-тетр художественное своеобразие.

Вначале размером, формой и скромными орнаментальными отрезками и включениями выделялись первая буква или первые буквы чтений, или вся первая строка (рис. 2). Далее, уже с X в. первая строка или несколько строк “главных Евангелий” (которые в дальнейшем мы будем называть также главными чтениями) писались отличными от основного текста чернилами – красными, вишневыми, лиловыми (рис. 3), с XI в. – золотом (рис. 4, 5), позже – цветными декорированными буквами, нередко с отступом от кромки столбца. С XI в. инициал главных чтений писался крупно, еркатагиром (= уставом), орнаментализованно (рис. 4), с XII в. приобретал форму растений (рис. 3), животных (рис. 6), птиц (рис. 7), людей (рис. 8) в сочетании с орнаментом или в орнаментальном обрамлении. Именно в художественной композиции рубрик чтений развиваются характерные для армянских рукописей декоративные шрифты: “мозаичные” (ւծիւցիւնադիր), “птицевидные” (թռչնադիր), “рыбообразные” (ձկնադիր) – растительные, чисто орнаментальные, антропоморфные буквы, а в киликийских рукописях и “историзованные” инициалы, чаще встречающиеся на титульных листах. Все они орнаментализованы.

Однако этого было недостаточно для служебного использования Евангелия. По такой рубрике трудно было быстро найти необходимый отрывок. Требовалась большая броскость и нумерация отрывков чтений. С этой целью в художественной композиции “главных Евангелий” получают развитие живописные, декоративные, орнаментальные маргиналии с буквенной нумерацией чтений (иногда и без нумерации), визуально четко и броско отмечающие на полях начало чтений.

³ Подобный Евангелию-апракос служебный вариант Евангелия стал входить в употребление в практику армянской церкви, как нам сообщил архиепископ Шагэ Аджемян, в новое время и назывался “Чашу-аветаран” (Ճաշու աւետարան).

Облик маргиналий на текстовых листах складывался постепенно и также принял окончательную форму в XII в. Вначале это были простые, геометрической формы значки, крестики, свастики, спирали, просто росчерки, сделанные чернилами. Они располагались в конце или начале строки, лишь заходя на поле. В X–XI вв. среди них появляются косички, листочки, плетенки, ромбы, орнаментализованные руки (рис. 1), деревья, грибовидные изображения. Но с X в. маргиналии все чаще принимают вид цветных, исполненных красками фигур, чаще всего кругов (рис. 2). Со временем они обогащаются орнаментальными мотивами, своеобразными “усиками”, точками, растительными, “игольчатыми” и зооморфными орнаментализованными элементами, которые рисовались красками и золотом. Установившаяся основная схема маргиналий – это образующие сердцевину в виде круга, овала, “червы”, лепестковой или другой геометрической формы и отходящие от нее вверх и вниз разнообразнейшие растительные и чисто орнаментальные завитки, отростки и ответвления (рис. 3, 6–9). Она перекликается с маргиналиями титульных листов. В композицию маргиналий включались также цветочные (рис. 3), предметные, вазообразные мотивы (рис. 5), кресты, храмики, животные, с конца XII в. антропоморфные (рис. 10) и сюжетные детали (рис. 6). Здесь встречаются спиралевидные, плетеные построения, рокайльные завитки в Киликии, аканфовые листья и пальметты...

Маргиналии исполнены красочно, в сочетании с золотом. Внося в композицию листа звучность и нарядность, декоративные акценты, они превращают текстовый лист в художественное явление, независимо от наличия иллюстраций (рис. 8). Облик маргиналий постоянно обогащается, каждая школа создает свои варианты и образцы. В развитых маргиналиях, отмечающих начала главных чтений, особенно в Киликии, чувствуется даже некоторое расщепление элементов, из которых они вначале складывались (рис. 7). В сердцевину вписывалась буквенная нумерация “седмиц” (рис. 3, 6, 8, 9) и порою литургические указания о днях чтений, в верхней части маргиналии орнаментализованно изображались символы – храмики как символы Иерусалимского храма, петушки как символы Отречения Петра (рис. 5), пламя (рис. 7), канделябры и др. В нижней части маргиналия получала различное завершение – в виде ножки вазы (рис. 5), в виде раскрывающихся листьев, остроугольных завершений, расходящихся во все стороны или только вниз орнаментов (рис. 10).

Подобные декоративные маргиналии становятся неотъемлемым компонентом армянских Евангелий и встречаются только в армянских рукописях, внося художественный элемент в композицию текстового листа. Они могут служить в качестве важного атрибутирующего аргумента при определении происхождения рукописи и для определения школы. Рукопись с такими маргиналиями могла быть создана только армянским мастером, или для ее создания был использован армянский образец⁴. И это неслучайно, так как маргиналии несли функцию, характерную только для армянских Четвероевангелий, игравших роль и служебной книги, отмечая начала литургических чтений из Евангелия. Ту же функцию визуального подразделения берут на

⁴ См. примеч. 11 на Курта Вайцманна в ст.: *Manoukian S.S. L'art du livre en Cilicie et les Traditions byzantines // L'Arménie et Byzance. Histoire et culture. Ouvrage. Publications de la Sorbonne. P., 1996. P. 129.*

себя маргиналии и в других литургических книгах (рис. 1, 6). Мотивы маргиналий, их орнаменты, цветовое и ритмическое решение перекликались с обликом вышеупомянутых главных рубрик. Нередко они даже какими-то линиями и деталями объединялись друг с другом воедино, как это было в Гладзоре и Киликии (рис. 8). Более того, мотивы маргиналий и их декоративное решение перекликались с декоративным убором хоранов и заставок титульных листов четырех Евангелий, с обязательной крупной правой маргиналией на титульных листах, они становились частью обрамлений портретов евангелистов и сюжетных миниатюр. (Во многих рукописях эти орнаменты создавались отдельным художником.)

Именно орнаменты маргиналий главных чтений Евангелий определяли единство декора кодекса. Эти декоративные маргиналии с четким функциональным предназначением получали значение художественной “единицы” декоративного убранства всей книги, объединяющей части художественного организма рукописи в одно целое. Облик маргиналий постоянно развивался и приобрел наиболее совершенные формы в рубрикации перикоп киликийских книг XIII в. Он стал основой художественного оформления армянских рукописных Евангелий и их неповторимой отличительной особенностью.

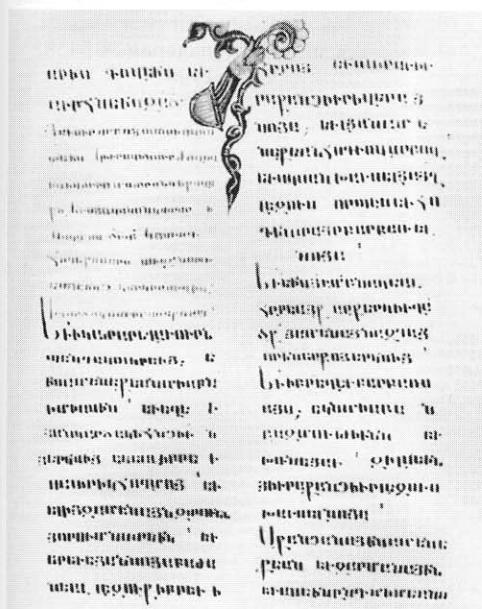

Рис. 1. Образец древней композиции текста с маргиналией. Чашоц IX–X вв. Матенадаран № 985, л. 248а

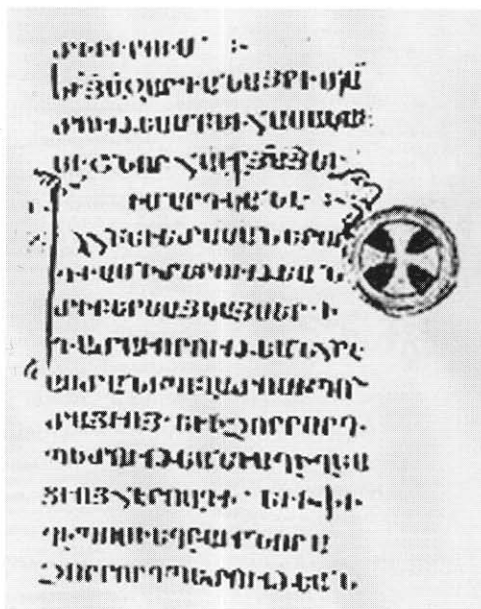

Рис. 2. Фрагмент текста с орнаментированным инициалом, маргинальным крестом в круге и концовкой абзаца. Эчмиадзинское Евангелие 989 г. Матенадаран № 2374, л. 118

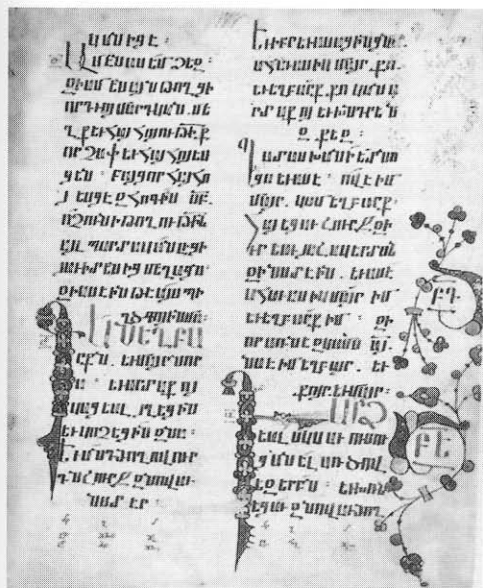

Рис. 3. Текстовый лист с красными строками, инициалами рубрик и маргиналиями с буквенной нумерацией "седмиц". Евангелие XII в. Матенадаран № 3756, с. 177

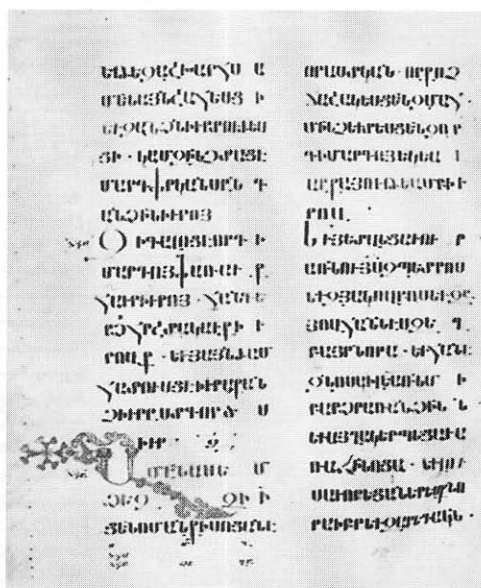

Рис. 4. Текстовая страница с рубрикой и маргиналией. Евангелие 1053 г. Матенадаран № 3793, л. 496

Рис. 5. Страница текста со всеми элементами композиции. Евангелие 1266 г. Приписывается Торосу Рослину. Матенадаран № 5458, л. 299б

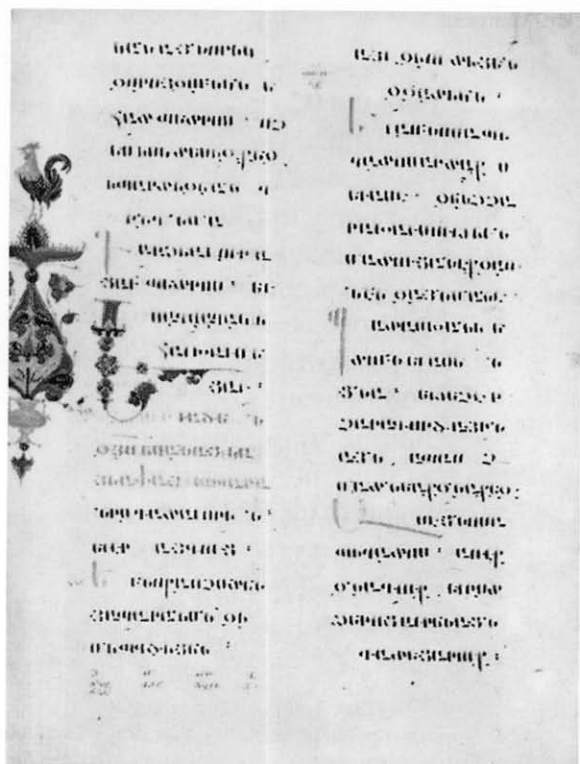

Рис. 6. Композиция текстовой страницы с сюжетной маргиналией у начала чтения. Чашоц принца Гетума 1286 г. Матенадаран № 979, л. 73а

Рис. 7. Композиция текста с рубрикой, маргиналией и буквенной нумерацией чтения. Евангелие 1251 г. Матенадаран № 3033, л. 262а

Рис. 8. Композиция начала главного чтения. Евангелие XIII в. Матенадаран № 7648, л. 356

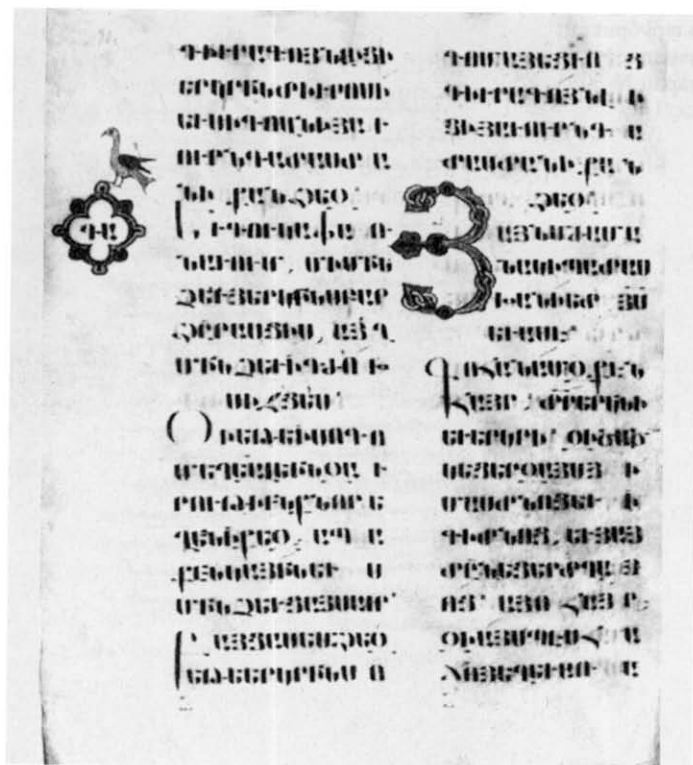

Рис. 9. Композиция
 страницы со всеми
 элементами рубрикации
 и буквенной нумерацией
 чтения. Евангелие XII в.
 (?). Матенадаран № 7737,
 с. 70

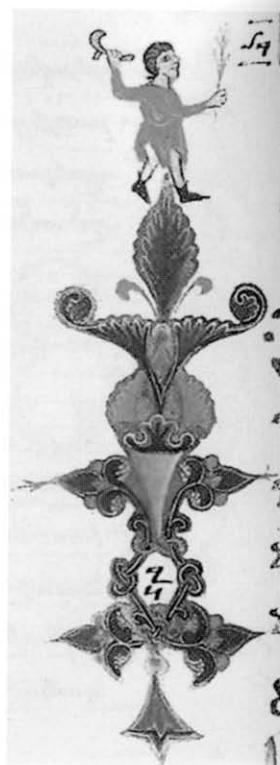

Рис. 10. Маргиналия с фигуркой жнеца, отмечающая начало
 "седмицы". Евангелие 1290 г. Матенадаран № 5736, л. 676

Г.Е. Лебедева, В.А. Якубский

О.А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ О ПРОБЛЕМАХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ И ИДЕЙНАЯ ЦЕНЗУРА 1930-х ГОДОВ

В трудах российских медиевистов 20-х–30-х годов XX столетия проблема крестоносного движения занимала сравнительно мало места. Самый подход отечественных историков к этой тематике весьма показателен для своего времени. Авторское восприятие крестоносных экспедиций (в том числе всегда вызывавшего самые острые споры Четвертого крестового похода), истолкование их причин и результатов – все это наглядно характеризует позиции как отдельных историков, так и целых научных школ и течений в период между двумя мировыми войнами. Те отклики, какие получили эти труды у современников и историографов последующего времени, дают благодарный материал для характеристики состояния отечественной исторической мысли XX в.

Историографию послереволюционных лет нередко делят на две противопоставляемые друг другу части, ориентируясь при этом на методологию. Что касается крестоносной тематики, то в число трудов первой группы, пользовавшихся благорасположением властей, попадали работы (за редким исключением это были лишь сочинения популяризаторского или пропагандистского толка), которым был свойственен разоблачительный пафос, демонстрирующий негативную роль в истории религии и духовенства. Авторы этих трудов, называя себя марксистами, по поводу и без повода приводили цитаты из произведений основоположников этого учения. Вторую, менее многочисленную часть исследований, составляли труды ученых старой школы, концепции которых представителями первого направления – в зависимости от установок свыше и от личного темперамента – либо беспощадно клеймились, либо снисходительно признавались не лишенными познавательного интереса.

В интересующем нас вопросе старую, домарксистскую школу наиболее ярко представляла Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939). Ученица и во многом последовательница И.М. Гревса, она в своих культурологических изысканиях еще до революции 1917 г. часто обращалась к истории Крестовых походов. Среди ее ранних печатных трудов – “Письмо князей-крестоносцев к папе Урбану II”¹. В 1913–1914 и 1914–1915 учебных годах на Бестужевских Высших женских курсах в Петербурге она читала большую лекционный курс на тему крестоносного движения. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится авторский конспект этих лекций, насчитывающий около 500 страниц. Конспект свидетельствует, насколько подробно Добиаш-Рождественская освещала как подго-

¹ Опубликовано в сборнике: Николаю Ивановичу Карееву. К сорокалетию профессорской деятельности. СПб., 1914.

товку и ход Крестовых походов (особенно первого из них), так и историю крестоносных государств в Сирии и Палестине. Большое внимание она уделяла при этом отечественной и зарубежной историографии вопроса: прилагаемый к лекциям список литературы содержит более сотни наименований. Примерно четверть всего листажа была отведена источникам: самим текстам и их анализу. Подробно рассматривались хроники и иные памятники эпохи, в частности было блестяще аргументировано доказательство подлинности письма Алексея I Роберту Фландрскому².

С лекционным курсом генетически связана книга О.А. Добиаш-Рождественской “Эпоха Крестовых походов (Запад в крестоносном движении)” (Пг., 1918). Если авторы, писавшие о крестоносцах на рубеже XIX–XX вв., чаще всего концентрировали внимание на событийной истории походов и настойчиво искали в источниках информацию о политической или социально-экономической подоплеке происходивших событий, то ученице Гревса представлялось более важным разобраться в мыслях и чувствах, какие обуревали паломников и воителей, отправлявшихся в Палестину. Названную книгу, а вскоре последовавшие за ней еще две – “Западные паломничества в средние века” (Пг., 1924) и “Крестом и мечом. Приключения Ричарда Львиное Сердце” (Л., 1925) – можно смело причислить к трудам по исторической антропологии. Исследовательницу интересовали прежде всего сами люди и то, как они впоследствии повествовали о виденном ими в далеких краях или слышанном от других.

Научно-популярные лишь по своей форме труды Добиаш-Рождественской демонстрировали глубокое знание предмета. Явная симпатия автора к крестоносному движению, желание разобраться в душевных порывах людей средневековья вызывали тогда (в 1920-е годы) раздражение у многих историков. В позиции автора увидели чуть ли не прямой вызов новым веяниям в историографии, которые олицетворял тогда, например, Н.Н. Розенталь. Будучи, как и Добиаш-Рождественская, учеником И.М. Гревса, он, увлекшись социологическими схемами в духе собственного понимания марксизма, уверенно увязывал Крестовые походы с экспансией торгового капитала.

Упомянутое разделение историков на две группы было, однако, более чем условным. Четко обозначенные “партийной печатью” различия в методологии на практике постоянно отступали на задний план перед соображениями сиюминутной политики. В итоге ревностные изобличители идеалистических концепций порой сами оказывались повинными в еще более тяжелых “прегрешениях”. С середины 1930-х годов обвинения в политических и идеологических ошибках стали вдвойне опасными. Это испытал на себе тот же Н.Н. Розенталь. Назначенный в 1934 г. заведующим кафедрой истории средних веков только что возрожденного исторического факультета Ленинградского университета, он уже через полгода был изгнан из ЛГУ, когда его покровителя, декана истфака Г.С. Зайделя, арестовали как врага народа.

По иронии судьбы О.А. Добиаш-Рождественская, которую преуспевавшие коллеги, историки “новой формации” долгие годы третировали, упрекая в идеализме, непонимании законов истории и пр., к этому времени доби-

² См.: Заборов М.А. Из истории изучения крестовых походов в отечественной медиевистике (“Крестовые походы”. Курс лекций О.А. Добиаш-Рождественской) // История и историки. М., 1966.

лась признания, правда, скорее как архивист и палеограф. В посвященных ей биографических очерках советский период в жизни выдающегося ученого предстает иной раз в несколько приукрашенном виде, тогда как на деле ее взаимоотношения с новой властью были не всегда гладкими. Но все-таки она имела с тех пор возможность работать в Отделе рукописей Публичной библиотеки, вести занятия со студентами. В 1929 г. ее избрали членом-корреспондентом АН СССР.

Возможность снова вплотную заняться крестоносной эпопеей предоставилась Добиаш-Рождественской в 1934 г. Весной этого года Государственной академии истории материальной культуры и ее кафедре истории феодализма в Западной Европе было предписано в духе майского постановления Совнаркома и ЦК партии "О преподавании гражданской истории в школах СССР" спешно развернуть работу над университетским учебником по истории средних веков. Администрация, "сколачивая", как тогда выражались, авторский коллектив, с просьбой написать "отдел о Крестовых походах" обратилась, естественно, к О.А. Добиаш-Рождественской. Та была перегружена другими делами и тем не менее охотно дала согласие.

Радовала возможность вернуться к любимой теме, да и вообще настроение у нее в то время было приподнятое. Свидетельство тому – датированное 9 июня письмо Д.М. Перушевскому с перечислением новостей. "Их немало. Они хорошие", – предуведомляла она корреспондента, сообщая далее о полученном И.М. Гревсом и ею предложении с будущего года вести занятия в университете, об открывающихся перспективах на переиздание ее "Истории письма в средние века" и на публикацию Кремонских хартий. К разряду хороших новостей она отнесла и то, что председателем феодального сектора в ГАИМК³ был назначен Э.Д. Grimm. С известным историком³ Эрвином Давидовичем Гриммом (1870–1940) О.А. Добиаш-Рождественская познакомилась давно: он в частности был в 1911–1918 гг. ректором Петербургского (Петроградского) университета. Поскольку теперь Grimm одновременно становился и редактором готовящегося учебника по истории средних веков, она была уверена: "Стало быть, все налаживается к лучшему, возможно, лучшему".

Впрочем опыт уже научил ее не слишком предаваться эйфории, и итог перечисленным новинкам был подведен в несколько иной тональности: "Как видно, все это не плохо, иное совсем хорошо"⁴. В отправленном спустя две недели письме И.М. Гревсу сомнения проявились еще отчетливей. "Не все, конечно, и тут безоблачно", – писала она о ходе дел, хотя и успокаивала своего старого учителя – и, должно быть, саму себя – рассуждением: "Все же, думается, то, что /.../ подымает, сильнее, живее того, что депримирует"⁵.

К сомнениям, которые заставляли рассуждать в таком ключе, в недолгом времени добавился конфликт, как раз связанный с крестоносной проблематикой. Не все этапы долгого и в конце концов безрезультатного препирательства освещены в доступных нам материалах с одинаковой полнотой. Но как бы то ни было, обнаруженные нами в делах Ученого совета ГАИМК

³ Там же.

⁴ *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М., 1987. С. 258–259.

⁵ Там же. С. 259–260.

документы: письма О.А. Добиаш-Рождественской, копии писем Э.Д. Гримма к ней, некоторые другие касающиеся этого дела официальные бумаги⁶ дают неплохую возможность судить о подходе исследовательницы к проблеме Крестовых походов и вообще к научной работе, об ее понимании марксизма, не говоря уж о том, что бумаги эти кое в чем дополняют представление о состоянии нашей медиевистики и нашего общества в середине 1930-х годов. Потому остановимся на этом эпизоде несколько подробнее.

Еще в июне, прежде чем уехать за город, на дачу, Добиаш-Рождественская успела составить проспект (“программу”) будущей главы и бегло обсудить его с Гриммом (который официально именовался “заведующим кафедрой истории феодализма в Западной Европе”) и секретарем кафедры М.А. Тихановой. Пока же на очереди стояли другие дела. “Занятая всецело агрикультурой и палеографией”, она писала Гревсу с дачи: “Взяла сюда пишущую машинку и выстукиваю агрикультуру по утрам и палеографию вечером”⁷. Неожиданностью явилась присылка 2 июля из ГАИМК официальной программы отдела “Крестовые походы” взамен той, что была представлена ею. Прочтя бумажку, исследовательница отодвинула в сторону все прочие занятия и немедленно села за ответ.

Так началась продолжившаяся и после возвращения в Ленинград затянувшаяся на полгода переписка. Может показаться странным: зачем, в самом деле, было прибегать к услугам почты, когда проще собраться вместе и все обговорить? “Всякий письменный обмен мнений, разумеется, не в состоянии заменить непосредственную возможность дополнить отдельные положения или слова, во избежание недоразумений, тут же нужными оговорками и разъяснениями” (л. 2 об.), – вполне резонно напоминал Добиаш-Рождественской Э.Д. Гримм. Но у той были свои причины. Она, похоже, предпочитала пореже встречаться с академическим начальством, которое, как ей хорошо было известно, привыкло по-своему перетолковывать любую устную договоренность.

В ее письме от 2 июля сквозит обида. Она была явно в расстроенных чувствах: в нем есть помарки, нескладные фразы. Присланную ей начальственную программу исследовательница все же готова была признать “заслуживающим внимания опытом” (“и мне будет интересно видеть, как удастся ее выполнить”). Правда, на ее взгляд, любому историку, который примет за основу предлагаемый руководством кафедры проспект, понадобится «изменить ряд положений, расходящихся с конкретно-научными “установками последнего времени”»⁸. Речь шла о месте норманнов в программе, а также и других весьма спорных вопросах: об умолчании о паломническом движении, которое, на ее взгляд, было трудно подвести под колонизационное, об умолчании о роли Ключни, о военно-монашеских орденах и т.п.

Но свое собственное отношение к новой программе Добиаш-Рождественская определила бескомпромиссно: “Она целиком... противоречит моему представлению об истории Крестовых походов. Выполнить концепцию, чуждую мне в такой мере (я думала, что дело могло бы идти о некоторых ос-

⁶ Архив ИИМК РАН. Ф. 35/1934. Ед. хр. 55. Указания на листы дела даются в тексте, в скобках.

⁷ Добиаш-Рождественская О.А. Культура... С. 259.

⁸ Выделенные курсивом слова зачеркнуты автором.

вежающих положениях. Между тем сущность моей программы собственно отменена, чего я не мыслила) я не могу и не хочу” (л. 19).

Реакция Э.Д. Гримма была не менее оперативной. В отправленном 5 июля большом письме он, огорченный и встревоженный отказом его корреспондентки участвовать в подготовке учебника, перенес центр тяжести на объяснения по поводу паломнического движения, норманнов и пр., убеждая, что все эти сюжеты непременно будут присутствовать в тексте, а в программу они не попали только из-за ее краткости. Едва ли он не понимал, что не отсутствие в проспекте упоминаний о Ключни или норманнах побудило его корреспондентку отказаться от желанной для нее работы. Просто так было легче вести разговор, убеждая ее изменить свое решение.

Принципиальных разногласий Гримм тоже касался. Но дело тут свелось больше к настойчивому повторению, что он руководствуется “той конкретной постановкой вопроса, которая неумолимо вытекает из марксистской концепции исторического процесса”, что предлагаемая им программа является “стройным выражением определенной исторической концепции”, а “эта концепция и есть марксистская концепция, и я не вижу, в чем она могла бы расходиться с конкретно-научными установками”. Строилось нечто вроде силлогизма. Гримм напоминает Ольге Антоновне ее же слова насчет того, что “вырабатываемый ныне учебник должен быть марксистским не только по общей концепции, но и в смысле последовательного научно-обоснованного освещения отдельных этапов и конкретных исторических событий и явлений”. Отстаиваемая им программа, как сказано, и является марксистской. Значит, все это “позволяет мне надеяться, что вышеприведенные мои объяснения поколеблют в Вас убеждение в абсолютной чуждости для Вас нашей концепции и в полном противоречии его содержания Вашему представлению о Крестовых походах и что Вы признаете возможным не отказать нам в Вашей, крайне ценной, помощи в выпавшей на нашу долю трудной и ответственной, но вместе с тем и увлекательной работе” (л. 21–21 об.).

Письма тогда доходили быстро. 7 июля, приехав на полтора дня домой с дачи, О.А. Добиаш-Рождественская уже нашла это послание. По ее словам, оно “заставило меня сильно задуматься”. Посоветовавшись с И.М. Гревсом, она попробовала “приспособиться к заданию (не жертвуя однако тем, что считаю существеннейшим)”, трижды переделывала проспект, но ни один из вариантов ее не удовлетворил. Все же исследовательница пообещала в ближайшие дни принять окончательное решение и, если оно будет положительным (и если сочтет нужным ГАИМК), то “в сентябре–октябре сделать еще одну попытку вместить максимум желательного освещения, не отменяя (это ни в коем случае) того и так, что и как я считаю важным” (л. 22–22 об.).

Письмо от 7 июля благополучно дошло до адресата, судя по тому, что оно подшито в делах ГАИМК. Зато там нет копии послания Э.Д. Гримма, на которое Добиаш-Рождественская 31 июля откликнулась с некоторым недоумением. Ей показалось, что тот все еще не знаком со сделанными ею предложениями. Их она воспроизвела, но уже не повторяя, что “с величайшей охотой” (л. 22 об.) уклонилась бы от участия в подготовке учебника. Позиция ее такова: “Если я могу строить отведенные мне в учебнике главы, в их конкретно-научной стороне, так, как я ее понимаю, то, в сентябре и октябре, я напишу их, причем ставлю для себя обязательным не вступать в противоречие с марксистскими основами учебника” (л. 23).

Итак, к началу осени некий консенсус, можно считать, был достигнут. На пару месяцев переписка оборвалась, а личные контакты, судя по возобновившейся потом корреспонденции, поддерживались. Это не означает, что у кафедры истории феодализма в Западной Европе дела с учебником шли гладко. Авторский коллектив так и не был укомплектован. Например, лишь в конце октября делается попытка привлечь к написанию раздела о каролингской эпохе Н.С. Цемпша (л. 25). Представленные на кафедру главы вызывали много нареканий. 31 октября Э.Д. Гримм докладывал руководству, что раздел А.Г. Вульфуса по истории гуманизма и первая часть главы И.М. Гревса по истории Италии XI–XV вв. возвращены на доработку – в них обнаружен “ряд существенных недостатков /.../ с точки зрения марксистской концепции исторического процесса”. Вульфус уже успел свой текст переделать, но “ограничился мелкими поправками /.../ не меняющими чисто психологического подхода его изложения к проблемам происхождения и характерных черт гуманизма /.../ и не выяснил ни классовой сущности движения в целом, ни взаимоотношений между разными течениями гуманизма и социальным составом буржуазии в целом” (л. 27–27 об.). Пока бумага ходила по инстанциям, Гревс, сославшись на состояние здоровья, отказался доработать свою главу и вовсе вышел из “предприятия” (л. 26).

Администрация, решив оживить работу над учебником, отправила авторам соответствующие напоминания и назначила на 21 ноября заседание авторского коллектива. Добиаш-Рождественская быть на заседании не смогла (или не захотела), адресовав в “Секретариат Кафедры зап. феодализма” краткую справку. К работе над разделом ею обещано было приступить после 25 ноября, “когда кончатся две очень большие и ответственные мои работы, поглощавшие донныне все мое время”, с тем, что первая половина текста будет представлена “после университетских каникул, в начале февраля”. Напоминалось: “Само приглашение к участию в книге я получила с очень значительным, по сравнению с другими, запозданием. Фактическое неприятие моей программы, в весьма существенных пунктах, в начале летних каникул, когда я имела в виду над нею работать, заставило меня тогда передвинуть мои планы. Когда же вопрос о программе разрешился, по-видимому, удовлетворительно, я уже была связана другими обязательствами. Этим объясняется для меня самой нежелательная оттяжка сроков. Но ныне она совершенно для меня неизбежна”. Заодно сказано было и о том, что “договор со мною заключен никогда не был” (л. 30).

В тот же день Ольга Антоновна обратилась с письмом к Э.Д. Гримму. Главное отличие этого письма от справки в том, что здесь она сочла нужным еще раз четко изложить свою “формулу”: “Я имею в виду сделать все, что не может вступить в противоречие с основными положениями марксистского учения, которые я разделяю. Я говорю об основных, не ища совпадения с теми или иными случайными высказываниями марксистов, часто, очевидно, неверными, не оправдываемыми исторической конкретностью. Однако же, так как у меня будут оттенки, отличающие меня от комплекса мыслей коллегии, ведущей учебник, то я нахожу более осторожным представить в первую очередь лишь часть работы, чтобы и для меня, и для коллегии было ясно, насколько оно входит в общую гармонию учебника”. В конце письма “в виду не вполне благоприятного опыта участия ученых старшего круга в учебной книге” вновь ставился вопрос, не

лучше ли “уже теперь предоставить эту главу другому автору” (л. 33–33 об.).

Ответов тоже было два. Строго официальная бумага за подписями заведующего кафедрой Э.Д. Гримма и секретаря М.А. Тихановой не оставляла места для компромиссов. «В случае, – резюмировалось в ее конце, – если указанная Вами оттяжка действительно совершенно неизбежна и вся глава “Крестовые походы” не сможет быть представлена к 10–15 января – Академия вынуждена будет, несмотря на ее глубочайшие сожаления, отказаться от Вашего, чрезвычайно для нее ценного участия в подготовляемом Академией учебном курсе для вуз*ов и передать эту главу другому лицу» (л. 32).

На следующий день, 27 ноября, Гримм уже от своего имени и, так сказать, полуофициально ответил на личное письмо. Напомнив, что ГАИМК дважды предлагал Добиаш-Рождественской заключить договор, но она не пожелала, он – можно думать, с полным основанием – подчеркнул, что дело все же не в договоре и даже не в обремененности иной работой: «Центр тяжести /.../ в ожидаемом Вами расхождении взглядов между Вами и кафедрой по вопросу о соответствии Ваших взглядов основным положениям марксистского метода и соответствующего ему подхода к историческим явлениям». Обращаясь к своей корреспондентке, Э.Д. Гримм не оспаривал ее «замечания, что следует строго различать “основные положения марксистского учения” от отдельных случайных или неслучайных, все равно, высказываний лиц, считающих себя без достаточных оснований марксистами». Правда, стоит отметить, что “замечание” было им слегка подредактировано. Добиаш-Рождественская писала о “случайных высказываниях марксистов” (л. 33), тогда как более искушенный в политике заведующий кафедрой знал, что ошибаться положено “лицам, считающим себя без достаточных оснований марксистами”, а их ошибки бывают “случайными или неслучайными”.

Но было отмечено и кардинальное расхождение во взглядах. «Я не могу не указать, – заявлял Гримм, – что подчеркнутое вами выражение “основные положения марксизма”, а далее упоминание об “оттенках”, отличающих Вас от “комплекса мыслей коллегии, ведущей учебник”, при чрезвычайной своей неопределенности открывает широкую возможность полного расхождения между Вашим личным пониманием как этих “основных положений”, так и объективной значимости допускаемых Вами “оттенков” и той постановкой вопроса, которая лежит и должна лежать в основе работы по учебнику. Как в личной беседе с Вами по поводу первоначальной программы, так и в последующих объяснениях по поводу нее, я с полной определенностью обратил Ваше внимание на те проблемы, которые возникают при историческом анализе эпохи Крестовых походов, и наметил определенный состав статьи». В итоге сделан вывод: “Указанный Вами срок представления одной только первой части Вашей главы, очевидно, исключает возможность дальнейших попыток уточнить пределы возможных расхождений Вашего освещения эпохи Крестовых походов с тем, которое по убеждению редакции вытекает из существа марксистского учения и обязывает ее признать такое промедление первоначально предложенного срока невозможным” (л. 34).

5 декабря Ольга Антоновна обратилась в Президиум ГАИМК, откуда ей за неделю до того было послано соответствующее отношение, с посланием, которое должно было подвести черту под затянувшимся делом. “Я вынуж-

дена окончательно признать, что мне не удастся принять участие в этой работе. о чем искренне сожалею, так как работа меня интересовала”, – писала она, не забыв изложить свое видение причин неудачи: “Независящие от моей воли обстоятельства, вроде оттяжки введения меня в работу в самом начале и затем изменение моей программы летом, когда у меня были и время, и силы, помешали мне тогда налечь на эту работу. Ныне это уже непоправимо” (л. 40).

Одновременно было отправлено письмо Гримму. Его “раздражение и упрек, направленный ко мне за то, что наши переговоры, затянувшись, не привели к благополучному соглашению”, задела Добиаш-Рождественскую. “С совершенною решительностью” она вернула этот упрек своему собеседнику, напомнив, что еще второго июля отказалась работать по чужой, для нее неприемлемой программе. “Вам угодно было продолжить переговоры. И хотя тогда Вы смягчили смысл изменения моей программы, но риск неудачи оставался. Ответственность за нее ныне лежит не на мне”. Решительно разошлась она с оппонентом и в вопросе о “центре тяжести моего с Вами расхождения”. “Мы с Вами, – несколько неладно по форме, но совершенно четко по смыслу утверждала О.А. Добиаш-Рождественская, – расходимся в конкретно-исторической концепции явления Крестовых походов. Это – главное и, по-видимому, непримиримое. Так как мне не удалось убедить Вас, как и Вам – меня”. «Уже более второстепенным, – продолжала она, – является следующее. Коллективное писание учебной книги было, очевидно, вызвано стремлением заменить марксизм трафаретный живым пониманием исторических явлений в духе марксизма. Для этого приглашались специалисты, которые с хорошим историзмом смогли бы сочетать живое чувство и понимание марксизма. Только соединение этих двух элементов привлекало меня, притягивая к вступлению в комбинацию, ныне завершившуюся для меня неудачно. В последнем своем письме к Вам я высказала опасение, что прежняя трафаретная точка зрения не изжита вполне, и убеждение, что достижение гармонии потребует значительного времени, в котором ныне Президиум мне отказывает. Но я отнюдь не отказывалась от борьбы за свою точку зрения, в которой видела живой марксизм и проведение которой полагала настоящим смыслом моего участия в учебной книге. Вам угодно было трактовать мое опасение – в Вашем письме – и это еще задолго до всякого представления мною работы – как “возможность полного расхождения с той постановкой, которая должна лежать в основе работы по учебнику”... Этот, столь спешный и решительный, вывод – несомненно Ваш личный. Мои мысли и прогнозы были совершенно иные. Это я считаю необходимым подчеркнуть» (л. 38).

Все же последнее слово – по крайней мере в подборке ГАИМК – осталось за Э.Д. Гриммом. 15 декабря 1934 г. он отвечал: «Письмо Ваше от 5.XII я получил. Решение Ваше отказаться от работы по учебнику при данном положении дела не могу не признать логическим выводом из нашей довольно продолжительной переписки по этому вопросу – выводом, о котором могу пожалеть, но изменить который я не могу. Что касается вопроса о “живом” и “трафаретном” марксизме, то разрешите мне воздержаться от переписки на этот счет, так как я не рассчитываю на возможность достигнуть

⁹ Слово “конкретно” – вписано от руки в машинописный текст.

таким путем выяснения хотя бы тех пунктов Вашей первоначальной программы, по существу сохранившей, очевидно, для Вас руководящее значение, которое представляется мне чуждыми именно “живому марксизму”» (л. 41).

На судьбу подготавливаемого в Ленинграде университетского учебника по истории средних веков все это долгое препирательство, которое, можно полагать, стоило его участникам немало сил и нервов, в конечном счете никак не повлияло. Учебник так и не вышел. Нелады, какими ознаменовалась подготовительная стадия работы над ним, вскоре отошли на задний план, забылись перед лицом политической бури, толчок к началу которой дали выстрелы в Смольном 1 декабря 1934 г. Академию истории материальной культуры репрессии тоже не обошли стороной..

Удачливее оказался возглавленный А.Д. Удальцовым, Е.А. Косминским и О.Л. Вайнштейном авторский коллектив, который под грифом созданного в 1936 г. Института истории АН СССР выпустил первый том “Истории средних веков” (М., 1938). Написание двух глав о Крестовых походах взял там на себя Косминский.

Невольно напрашивается сопоставление. Будущий академик, как известно, был талантливый, крупным ученым (и, с точки зрения идеологических боссов, не вполне правоверным марксистом). Однако обстоятельства заставляли его приспособляться, допускать отступления от строгих научных принципов¹⁰. Что касается О.А. Добиаш-Рождественской, то, кажется, бесспорно, что способностями к мимикрии и цинизму Бог ее обделил. Судя по воспоминаниям современников и по ее рукописям, скорее можно говорить о сохранившейся до конца дней известной наивности в житейских делах (в том числе в общении с официальными кругами и с официальной идеологией). Не беремся сравнивать их вклад в науку или соизмерять масштабы этих двух ярких личностей. В чем же и насколько различен их подход к освещению крестоносной проблемы в университетском учебнике?

Специалистом по истории Крестовых походов Е.А. Косминского трудно было бы назвать. Тем не менее свой краткий, на два десятка страниц, очерк он составил вполне профессионально и при этом умело учел, так сказать, социальный заказ. По тогдашнему обыкновению, искомая – так заботившаяся, как было показано, администрацию ГАИМК – “марксистская концепция” проявляла себя здесь главным образом в подборе всех более или менее подходящих к случаю высказываний классиков марксизма-ленинизма. Вполне тривиальная сама по себе мысль о том, что феодальный порядок нашел свое классическое выражение в Иерусалимских ассизах, в учебнике приобретала особый вес, ибо фигурировала в цитате из письма Ф. Энгельса к К. Шмидту. Косминский еще более усилил эффект, предварив цитату пояснением: “Энгельс считал, что...”¹¹. Все-таки одного классического высказывания было мало. Нехватку цитат преодолели при переиздании книги в 1941 г., когда текст пополнили за счет вошедших к тому времени у советских историков в моду “Хронологических выписок” Карла Маркса, хотя к концептуальной стороне проблемы они имели, мягко говоря, косвенное отношение.

¹⁰ См.: Гуревич А.Я. Комментарий очевидца // Одиссей: Человек в истории. М., 2003. С. 301–302.

¹¹ История средних веков. Т. I. М., 1938. С. 257.

Похоже, Е.А. Косминский пошел именно по тому пути, какой упрямо отвергала Добиаш-Рождественская в своем споре с дирекцией ГАИМК. Ее письма на данную тему, равно как и другие высказывания по поводу марксизма, однозначно свидетельствуют об испытываемом ею интересе и уважении к учению Маркса. Должно быть, прав Б.С. Каганович, когда пишет: “В 30-е годы О.А. Добиаш-Рождественская /.../ испытала в своем научном мировоззрении определенное влияние марксизма”¹². Очевидно, так оно и было. Только понимание ею того самого марксистского учения, которое, по ее же словам, она разделяла, было достаточно своеобразным и – главное – никак не гармонировало с кристаллизовавшейся к тому времени в Советском Союзе его разновидностью, гордо именуемой марксизмом-ленинизмом. Ольга Антоновна не могла привыкнуть к тому, что ученый обязан приводить свои выводы в соответствии с сакральными текстами...

Не удивительно, что в ее научных студиях – занятиях историей Крестовых походов в том числе – центр тяжести все больше сдвигался в сторону источниковедения – предмета, который она всегда любила и который к тому же менее всего зависел от идеологической и политической конъюнктуры. Об этих занятиях в частности свидетельствуют хранящиеся в ее личном фонде ОР РНБ конспекты лекций по источниковедению западного средневековья. На их основе О.А. Добиаш-Рождественская в середине 1930-х годов подготовила большую статью, оставшуюся в рукописи и опубликованную полвека спустя Б.С. Кагановичем¹³. Из статьи видно, что нападки критиков не заставили исследовательницу радикально пересмотреть свой взгляд на крестоносную проблему. По-прежнему она была склонна опоэтизировать «приподнятое и возбужденное настроение участников “необычайного подвига”, пережитые ими изумительные впечатления, освобождение от привычных условий жизни и привычных связей». Восхищаясь крестоносными хрониками и связывая с ними рождение “нового типа историка, гораздо более живого и, главное, независимого”, Добиаш-Рождественская в то же самое время тщательно разрабатывала и уточняла генеалогию этих хроник, сопоставляла их с другими видами источников¹⁴. К великому сожалению, до нас дошла лишь часть сделанных ею наблюдений.

Ее положение в советской исторической науке все же было достаточно двусмысленным. С одной стороны – “первая в России женщина-магистр, а затем и доктор всеобщей истории” и прочая лестная фразеология. К тому же Ольга Антоновна, в отличие от своего старого друга Д.М. Петрушевского, была далека от не одобряемых властями дискуссий о неокантианстве и иных абстрактных материях и даже старалась себя убедить (трудно сказать, с каким успехом) в разумности происходивших в стране политических перемен. С другой – “методологические установки автора делают его выводы и оценки совершенно неприемлемыми для марксиста”. Эта цитата, взятая из “Историографии средних веков” О.Л. Вайнштейна¹⁵, адресована исследова-

¹² Каганович Б.С. О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской // *Добиаш-Рождественская О.А. Культура...* С. 320.

¹³ *Добиаш-Рождественская О.А. Источниковедение западного средневековья // Она же. Культура...* С. 52–92.

¹⁴ Там же. С. 83–85.

¹⁵ *Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. С. 326.*

ниям Добиаш-Рождественской о культе св. Михаила. О ее работах на тему Крестовых походов Вайнштейн – с 1935 г. заведующий кафедрой истории средних веков ЛГУ, под чьим началом ряд лет работала О.А. Добиаш-Рождественская – в 1940 г. предпочел вовсе не упоминать. Многие годы спустя, в “Истории советской медиевистики”, он скажет, что они “все же не дают верной картины рассматриваемых явлений”, поставив в вину автору идеализм и неоромантизм¹⁶. А неоромантизм, по его же словам (правда, произнесенным по другому, не связанному с автором “Эпохи Крестовых походов”, поводу), отличался не меньшей реакционностью, чем старый романтизм¹⁷.

Возникла странная ситуация, впрочем, в ту пору нередкая, почти стандартная: за ученых признавались и эрудиция, и исследовательский талант, но напрочь отвергались результаты его изысканий. Именно отвергались, а не опровергались. У марксистов-ортодоксов – даже у таких эрудированных, как О.Л. Вайнштейн – не доставало знания источников, не хватало аргументов по существу дела, и в своей критике позиции Добиаш-Рождественской они больше исходили из априорных посылок (если не просто из высказываний классиков марксизма-ленинизма). Показательно, что, работая в послевоенные годы над фундаментальной “Западноевропейской средневековой историографией” (М., Л., 1964) и останавливаясь на тех крестоносных хрониках, какие в свое время изучала Добиаш-Рождественская, Вайнштейн так и не вступит в прямую полемику с ней.

Особый вопрос – соотношение между “Источниковедением западного средневековья” О.А. Добиаш-Рождественской и книгой ее ученицы и продолжательницы А.Д. Люблинской “Источниковедение истории средних веков”, где источникам по истории Крестовых походов посвящена специальная глава¹⁸. Преемственность между ними и в интересующем нас аспекте бесспорна, но бросаются в глаза также и существенные различия – различия явно в пользу книги 1955 г. Созданному в 1930-х годах очерку еще не хватало внутренней цельности, изложение оставалось фрагментарным, эмоции порой заслоняли собой анализ, короче говоря, при всех своих достоинствах очерк отражал уровень отечественной медиевистики той поры, когда еще не созрели условия для источниковедческого синтеза. Очевидно, именно эти обстоятельства – вместе с отсутствием у Добиаш-Рождественской интереса к социально-экономической проблематике – имела в виду А.Д. Люблинская, всегда с огромным пиететом отзывавшаяся о своей наставнице и тем не менее утверждавшая, что исторические концепции последней “принадлежат безвозвратно ушедшему в прошлое этапу развития русской медиевистики”¹⁹. Попытка Б.С. Кагановича опровергнуть это утверждение²⁰, пусть и продиктованная самыми благими намерениями, все же, думается, несостоятельна.

Критические замечания А.Д. Люблинской, насколько можно судить, никоим образом не касались пристального, настойчивого внимания О.А. Добиаш-Рождественской к людям средневековья, их восприятию мира, их чувствам и страстям – качества, которое так ярко проявилось в ее лекционном

¹⁶ Он же. История советской медиевистики: 1917–1966. Л., 1968. С. 60.

¹⁷ Он же. Историография... С. 271.

¹⁸ Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 116–125.

¹⁹ Она же. Значение трудов О.А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР // Средние века. Вып. 29. М., 1966. С. 173.

²⁰ Каганович Б.С. О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской. С. 319.

курсе и книгах на крестоносную тему. Напротив, Люблинская считала нужным подчеркнуть, что в трудах ее наставницы “немало материала для правильного понимания религиозной психологии средневекового человека и притом не изолированно, а в тесной связи с окружающей его действительностью”²¹.

Но из других уст О.А. Добиаш-Рождественской действительно не раз доводилось выслушивать упреки за якобы переоценку ею роли личности в истории крестоносного движения. Это не поколебало ее позиции: для нее на первом плане всегда стояли люди с их неповторимой индивидуальностью. Свое понимание предмета она четко выразила в рецензии на второй том “Истории Византии” А.А. Васильева (Пг., 1923)²².

Обращают на себя внимание сходные черты в исследовательском мышлении О.А. Добиаш-Рождественской и Ф.И. Успенского. Ученые принадлежали к разным поколениям и разным школам, различны были области их научных разысканий. Но их объединяло общее понимание роли личности в истории. Свое кредо академик Ф.И. Успенский изложил в 1913 г., в первом томе “Истории Византийской империи”: “...нет личности, которая была бы вполне равна другой, есть личности, трудно объяснимые из окружающей их обстановки. Если устранить из истории влияние личности, то останутся неразгаданными самые крупные в ней события”²³.

Трактовка самой истории Крестовых походов и подход к посвященным ей исследованиям – неплохой индикатор состояния нашей исторической науки и происходящих в ней перемен. Красноречивы в этом смысле оценки работ Добиаш-Рождественской, данные в разные годы таким известным специалистом в данной области, как М.А. Заборов. В 1951 г. он писал: “Работы О.А. Добиаш-Рождественской являются шагом назад по сравнению с тем, что было написано русскими буржуазными историками о крестовых походах”. И далее: “...несмотря на довольно интересный фактический материал, работы О.А. Добиаш-Рождественской о Крестовых походах являются совершенно чуждыми марксизму и для нас абсолютно неприемлемыми”²⁴. Полтора десятилетия спустя, в 1966 г., его же оценка звучала так: “Лекции О.А. Добиаш-Рождественской о Крестовых походах содержат ценный материал, в известной мере самостоятельно ею разработанные источниковедческие и историографические положения и разделы. По своей научной обстоятельности и углубленности они могут быть отнесены к числу наиболее солидных спецкурсов по данной проблематике, читавшихся в начале XX века в русской высшей школе”²⁵. Нет нужды пояснять, что такие различия в оценках отражали в конечном счете те изменения, которые происходили в политической жизни страны.

Увлечения, которые допускала О.А. Добиаш-Рождественская в своих занятиях крестоносной тематикой, были другого рода, чем продиктованные социологическим схематизмом, лишённые творческого полета и размаха суждения ее критиков. Даже те ее суждения, с которыми трудно согласиться, зачастую оказывались более плодотворными, чем сухие схемы ее оппонентов.

²¹ Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как историк // Средние века. Вып. 1. М., 1942. С. 216.

²² См.: *Анналы*. Г. 4. 1924.

²³ Успенский Ф.И. *История Византийской империи*. Т. 1. М., 1966. С. 264.

²⁴ Заборов М.А. Крестовые походы в русской буржуазной историографии // ВВ. 1951. Т. IV. С. 188–189.

²⁵ *Он же*. Из истории изучения Крестовых походов в отечественной медиевистике. С. 358.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб.: Алетей, 2003. 623 с.

Читая рецензируемую книгу, я не мог избавиться от ощущения, что ее составитель и ответственный редактор А.А. Чекалова сверяет с юбилеем Александра Петровича Каждана современное состояние византиноведения – и прежде всего российского. Сверяет с глубиной, многогранностью, духом, стилем жизни и исследований ученого.

На Каждана ссылались и будут ссылаться. Каждан – один из крупнейших авторитетов последних пятидесяти лет в познании истории Византии и пограничных с ней регионов. Нередко мнение Каждана бывало весомым аргументом “за” или “против” той или иной концептуальной схемы, признаваемой или отвергаемой в отечественной историографии. К нему апеллируют сторонники “сопоставительного изучения” социальных и культурных явлений средневековья, ревнители квантитативно-просопографических описаний, поборники микроистории (в духе Б. Лепти и Ж. Ревеля) и приверженцы конкретно-политического факта, избалованного от конъюнктурных и нередко имманентно присущих какому-либо виду источников наслоений. На его глубокие гуманитарно содержательные замечания, содержащиеся в соответствующих многочисленных рецензиях и обзорах, равняются многие из составителей научных изданий, многожанровых по форме и весьма сложных по содержанию.

Именно такой сложной по форме и содержанию является и книга “Мир Александра Каждана”. Практически все ее разделы подчинены, как мне кажется, главной цели: как можно ярче осветить многогранную личность ученого. Авторство очерков в мемуарной части принадлежит преимущественно друзьям и коллегам Каждана. Многоплановый очерк С.О. Шмидта “Самый талантливейший с нашего курса” представляет собой пример глубокого исследования, находящегося в зоне не расчленимого взаимопроникновения яркой мемуаристики и тонкого историко-антропологического анализа и максимально полно раскрывающего образ выдающегося византиниста, высокоодаренного, духовно богатого человека.

Той же цели служит и включение в рецензируемую книгу эпистолярной части (с. 413–485) и четырех давно опубликованных работ Каждана, адресованных не столько специалистам, сколько вообще гуманитарно сведущему читателю (с. 486–537)¹. Эти разделы, на мой взгляд, гораздо лучше способствуют пониманию феномена этого ученого и разрушению мифов о нем, присутствующих в современном российском византиноведении, чем многочисленные интерпретации его наследия в научной литературе.

Оригинальность композиции рассматриваемого сборника проявляется уже в том, что его предваряют два предисловия, посвященных памяти Каждана: проникновенные слова Г.Г. Литаврина и И.И. Шевченко, воплощающие в себе черты энкомия и треноса одновременно, как назвал свои строки первый из них (с. 7). И точно так же, как это было присуще обоим названным высоким жанрам византийской словесности, в каждом из предисловий проявилась торжественно-грустная мемуаристика. Отсюда плавность, органичность перехода к первой крупной части книги, выполненной в духе *ad memorem*. В воспоминаниях об Александре Петровиче, которыми делятся такие его друзья и коллеги, как С.О. Шмидт, И.К. Эльдарова, А.-М. Толбот, М.В. Бибилов, М.С. Альперович и М.А. Поляковская, звучат теплые, прис-

¹ Особо отмечу важность для будущих исследователей “мира Каждана” републикацию его статей “Трудный путь в Византию” и “О работе историка: путь исследования” (с. 486–515). Первую из них, кстати говоря, своеобразно дополняют ирония и юмор “автобиографического письма” к Э.Н. Хрущевой (возможно, первой из подобных исследователей) от 8 мая 1992 г. (см.: Из писем А.П. Каждана // Поляковская М.А. Византия, византийцы, византист. Екатеринбург, 2003. С. 335–340). Определенным дополнением к ряду разделов второго очерка может служить статья: Каждан А.П. Конспект или картотека? (О работе историка) // Наука и жизнь. 1970. № 6. С. 65–67.

полненные грусти ноты; авторы сообщают много неизвестных подробностей, относящихся к личным качествам Каждана, о его неординарных поступках, интересных мыслях, которые, безусловно, сами по себе станут ценнейшим источником для будущих исследователей жизни и творчества выдающегося ученого. Но дело не только в этом. Мемуарный раздел книги, написанный, как говорил сам Каждан, людьми “нашего круга” (с. 456), да и вся она в целом, убедительно свидетельствуют о том, что внутренний мир ученого являл собой редкое, предельно органичное и неразрывное сочетание профессионализма историка с цельностью его человеческой и гражданской натуры. В этой демонстрации, на мой взгляд, состоит крупная заслуга составителей сборника. Сложная мозаика идей Александра Петровича и черт его характера вместе с запечатленными в мемуарах конкретными его откликами на вызовы времени позволяет избежать схематизации его наследия (не только сугубо византиноведческого), сочетающего ценности и понятия, за которыми в современном идеологическом и научном поиске преобладают пока только историографические обозначения.

Следует отметить, что весьма квалифицированно выполненная М.А. Курышевой библиография трудов Каждана (с. 538–617), безусловно, может стать отправной точкой для тех, кто профессионально займется изучением не только научного, но и вообще жизненного пути ученого.

Я присоединяюсь к мнению тех, кто полагает, что для понимания творчества любого ученого очень важен учет его человеческих качеств². В книге по этому поводу сказано немало, но для выразительности портрета Каждана представляются особо значимыми следующие слова его друга, известного латиноамериканиста М.С. Альперовича: “Отличительными чертами А.П. являлись, на мой взгляд, цельность натуры, принципиальность, глубокая внутренняя порядочность, упорство и настойчивость в достижении поставленной цели, привязанность к семье, преданность друзьям и доброжелательность по отношению к ним, обязательность, аккуратность и пунктуальность, неуклонное соблюдение установленных режима работы и всего жизненного распорядка, спокойствие и выдержка в общении, терпимость к чужому мнению, сдержанность в проявлении своих чувств, немногословие” (с. 114). В мемуарной части книги и в эпистолярном ее разделе содержится масса конкретных примеров, подтверждающих эти слова. На основании подобных фактов будущие авторы научных биографий Каждана и исследователи его трудов могут представить себе не только развитие взглядов историка-профессионала высочайшего класса, но и перипетии жизненного пути многогранного, сложного и яркого человека.

“Мир Александра Каждана” был выразителен и далеко не прост. Проникнуть в него позволяют письма исследователя, которые, как справедливо замечено, были для него “важным средством самовыражения” (с. 413). Но в дополнение к бесспорному тезису об их важности для восстановления данных его биографии, литературного дара, всей полноты научной лаборатории ученого (благо этих посланий сохранились сотни, и многие бережно хранятся адресатами или их близкими) можно сказать, что каждое письмо Александра Петровича – талантливое произведение. И, как демонстрирует публикация, эпистолярный этот – весьма многожанровое явление. Здесь и глубокие научные рассуждения (иногда конспекты статей или краткое, но меткое изложение сути диссертаций и монографий), и, естественно, полемика, и описание быта и настроений, лирические пассажи, отчеты о текущей деятельности, о поездках; серьезный текст органично способен переходить в юмор, даже по поводу собственных трудностей адаптации к эмигрантской жизни и проблем после адаптации. Будучи уже “видным американским византинистом” (с. 434), Каждан мог писать о себе, органично смешивая мажорные и минорные оценки и в то же время жестко и трезво анализируя ситуацию³. Как

² Сошлюсь в связи с этим на выразительное высказывание А.Я. Гуревича: “Когда я читаю интересное исследование, мне важны не только методы работы, постановка вопроса, выводы автора. Все время возникает вопрос, который на первый взгляд может показаться irrelevantным, но на самом деле он очень даже релевантен к содержанию работы: какова личность того человека, который выражает свой взгляд на исторический процесс, пересматривает существующие точки зрения или повторяет прежние, какое преломление получает все это в личности данного индивида?” (История историка. М., 2004. С. 147).

³ См., например: “Этого у меня в Америке нет – аудитории, которая понимает. Мне кажется, что я живу в атмосфере непонимания, говорю на чужом языке (хотя и по-английски). Меня уважают, но не понимают. И это грустно. Придет – после похорон” (из письма к Е.С. Померанцевой от 11 января 1997 г. – с. 484).

известно, существуют разные мнения на сокровенное в творчестве выдающихся людей. Сами они тоже по-разному относились и относятся к этой проблеме. Б.Ф. Егоров, публикуя письма Ю.М. Лотмана, заявлял, что ему близок идеал философа “общего дела” Н.Ф. Федорова, считавшего, что нужно сохранять для потомков каждую бумажку с любым текстом; потомки сами выберут необходимое из максимально сохраненного материала⁴. Мне представляется, что авторы рецензируемого сборника исходят также из принципа необходимости знать все, что можно о людях прошлого; другое дело, что пока живы те, о ком автор писем мог выразиться отнюдь не в розовых тонах, следует воздерживаться от полной публикации соответствующего текста.

И.К. Эльдарова, являясь по сути весьма значимым соавтором “Мира Александра Кайдана”, помещает в мемуарной части книги не только интереснейший очерк “Памяти друга (письма студента А.П. Кайдана военных лет)”, в котором содержатся и выдержки из эпистолярия будущего византиниста, но и ряд полных писем декабря 1941 г. – сентября 1942 г. (с. 52–68). В разделе “Эпистолярное наследие А.П. Кайдана” имеются пять далеко не равных по объему комплектов писем ученого, относящихся к эмигрантскому периоду его жизни, – письма к М.А. Заборову, Г.Г. Литаврину, К.М. Альперовичу, М.А. Поляковской, Е.С. Померанцевой. В соответствии с упомянутым выше принципом этики, ряд писем представлен не в полном виде. Один из комплектов (письма к М.А. Заборову) имеет особую внутреннюю структуру, содержащую четыре группы посланий, основное содержание которых укладывается в рамках соответствующей проблемы: первые месяцы эмиграции; “что потерял и что приобрел” (слова самого Кайдана); пропаганда за рубежом отечественной византистики; начало работы над изданием “The Oxford Dictionary of Byzantium”⁵.

Все эти письма – очевидно, самое захватывающее чтение из материалов сборника. В том числе и для тех, кто хорошо знал Александра Петровича, мало того, состоял с ним в переписке, но был, естественно, лишен возможности насладиться чтением его строк, предназначенных для кого-то другого. Очень отрадно, что увидевшая свет несколько раньше публикация других писем Кайдана, осуществленная М.А. Поляковской в соответствии с тем же вышеназванным принципом, прекрасно дополняет работу И.К. Эльдаровой⁶. Почти синхронное появление этих изданий говорит о том, что высокая оценка значимости такого рода материала одинакова у разных групп российских византинистов, – идеи носятся в воздухе.

В данной связи следует сказать, что опубликованная в рассматриваемой книге мемуарно-исследовательская статья М.А. Поляковской “Из истории отечественной византистики: М.Я. Сюзюмов и А.П. Кайдан (по материалам эпистолярия)” содержит текст еще трех писем Александра Петровича – главе уральской школы византиноведения. Два из них – полемического содержания, традиционного для переписки двух глубоко уважающих друг друга великих знатоков истории Восточного Рима. В целом статья, конечно же, посвящена в основном характеру и нюансам подобных споров и сюжетно предваряет очерк Э.Н. Хрущевой, который будет рассмотрен ниже. Что касается оценки Кайданом личности Сюзюмова и общности их научных устремлений, то здесь, прежде всего, важнейшими представляются следующие слова из его письма к Поляковской: “Мне кажется, что только Мих. Як. и я вынесли в свет во второй половине XX в. целостные концепции Византии” (с. 78)⁷.

Наиболее объемный в рассматриваемом сборнике раздел, представленный научными статьями друзей и коллег Кайдана, на мой взгляд, с наибольшей полнотой демонстрирует попытку упомянутой выше “сверки” состояния российского византиноведения (и не только) к наследием юбиляра. Поэтому данной части книги стоит уделить особое внимание.

Как дань воспоминаниям о первоначальных, социально-экономических студиях Кайдана, характерных для большинства византинистов 1950-х годов (но студиях, от которых, как справедливо отмечает Я.Н. Любарский, Александр Петрович окончательно не отворачивался никогда, – с. 281), можно рассматривать статьи Г.Г. Литаврина и А.И. Романчук. Литаврин воспроизводит ряд положений своего неопубликованного доклада, прочитанного в апреле 1995 г. в Дамбартон Оуксе. (В обсуждении доклада принял участие и Кайдан – факт, подтверждающий только что отмеченный тезис Любарского.) Речь идет об актуальнейшей для

⁴ Егоров Б.Ф. О письмах Ю.М. Лотмана // *Лотман Ю.М. Письма. 1940–1993. М., 1997. С. 8.*

⁵ Данный эпистолярный цикл великолепно дополняет воспоминания М.-А. Толбот о совместной работе с Кайданом над ODB (с. 84–92).

⁶ *Поляковская М.А. Византия, византийки, византинисты. С. 324–406.*

⁷ Ср.: Из писем А.П. Кайдана. С. 402.

византийского государства X–XII вв. проблеме обращения с основным имперским богатством – землей (которая, как затвердил в качестве аксиомы еще Юстиниан I, должна приносить постоянный доход казне), но с землей заброшенной, которую государство всеми силами пытается вновь запустить в хозяйственный оборот. Вновь демонстрируется поистине детективная работа исследователя с соответствующим актовым материалом (конечно, в первую очередь с хрисулуом 1082 г., фиксирующем ситуацию с класмой, полученной в свое время Львом Кефалой), изощренная методика расчетов способов взимания налога с подобных класм (особенно это касается вычислений параколумфемата на базовый димосий, в чем автор полемизирует с Н. Икономидисом), взгляды на сопрягаемость получаемых таким образом данных с инструкциями для чиновников фиска (прежде всего с “трактатом Дэлгера” и “трактатом Караяннопулоса”). В заключении статьи автор соглашается с мнением Каждана о необходимости объединения усилий историков и правоведов в изучении собственности в империи X–XII вв., что поможет решить и вопросы, задаваемые исследователям класм (с. 131).

К одной из традиционных проблем византийской (и не только византийской) археологии – характеру методики использования данных нумизматики при изучении города “темных веков” – обращается А.И. Романчук. Она не отступает от уже ранее высказанного ею тезиса о некорректности связи между степенью обилия монет в археологических слоях города и однозначностью оценки его экономики (много монет, значит, город процветал – и наоборот), убедительно привлекая в подтверждение и соответствующие наблюдения В.В. Кропоткина (с. 135–136). Отмечу, что в свое время Каждан как раз отличал именно насыщенную историзмом методику Кропоткина в исследовании византийской монетной системы, отчасти противопоставляя ее методике В. Хана⁸. И если Романчук полемизирует по поводу своего основного тезиса прежде всего с Кажданом, ссылаясь на его работы второй половины 1950-х годов, то я обратил бы внимание на то, что в своей рецензии на известный труд М. Хенди⁹ Александр Петрович уже не проводит прямой зависимости между уровнем экономики города и насыщенностью монетами его археологических слоев, а акцентирует внимание на проблеме качества монеты как показателя урбанизации, на характере укрепления монетной системы, например, при Комнинах (о чем писала и Э. Арвейлер). Абсолютно отсутствует тезис об отмеченной взаимозависимости и в работе Каждана 1986 г. “Монета и общество”¹⁰ (ср. его письмо М.А. Заборову от 2 июля 1979 г. – с. 424).

Небольшая, но весьма выразительная статья В.Г. Ченцовой “Замечание по поводу взглядов Георгия Гемиста Плифона на торговлю”, по сути дела, примыкает к выводам, сделанным Романчук, и наглядно свидетельствует, что известные рекомендации морейского интеллектуала относительно упорядочения налогообложения (подати следует взимать натурой) вряд ли следует однозначно толковать как свидетельство свертывания товарно-денежных отношений и натурализации экономики поздней Византии (в этом автор солидаризируется с тем же М. Хенди). Полемизируя, как и Романчук, с тезисами Каждана начала 1950-х годов и отношению К.В. Хвостовой к соответствующим высказываниям Плифона, исследовательница, имея базой анализ пассажей морейца по поводу “плохой иноземной монеты”, пригодности “любой монеты” для существующего обмена, взимания налогов как натурой, так и деньгами и т.п. (с. 190–193), объективно дополняет наблюдения екатеринбургского археолога над данными нумизматики как источником по степени натурализации экономики.

В значительной мере к социально-экономической тематике, рассматриваемой через призму взглядов Каждана, принадлежит и одно из принципиальных наблюдений, сделанных Э.Н. Хрущевой в работе “Каждан как полемист”, – относительно развития взглядов ученого в рамках известной дискуссии между “континуитетчиками” и “дисконтинуитетчиками”. Констатируя, что окончательное оформление концепции дисконтинуитета и ее развернутой аргументации происходит в эмиграционный период жизни исследователя, Хрущева показывает, что Каждан приходит к выводу об отсутствии победителей в данном споре прежде всего на основе глубокого историкографического анализа, уровень которого (заметно отличный от преимущественно атакующего полемического метода ученого в 1950–1960-е годы) продиктован прежде всего стремлением разобраться в логике оппонента и в самой проблеме (с. 295–296). Автор справедливо обратила внимание на то, что Каждан разглядел разницу в

⁸ ВВ. 1978. Т. 39. С. 260–261.

⁹ ВВ. 1972. Т. 33. С. 239–241.

¹⁰ *Kazhdan A. Moneta e società // La cultura byzantina: Oggetti e messaggi. Moneta ed economia / Ed. A. Guillou, P. Odorico, M. Olivier. Rome, 1986. P. 205–236.*

объектах аргументации, используемой участниками дискуссии: если приверженцы теории континуитета анализировали прежде всего внешние сугубо византийские явления (сохраненные централизованной бюрократии, норм римского права, функций города и т.п.), то оппоненты отмечали структурные трансформации (изменение типов собственности, социальной структуры, системы мировоззренческих ценностей). Наряду с этим в статье Хрущевой последовательно демонстрируется очень важный момент: возрастание терпимости к иной точке зрения как свидетельство роста уровня исследовательского мастерства Каждана и углубления его внимания к развитию культуры, социопсихологии и миропонимания византийцев. И хотя схема складывания полемической позиции Александра Петровича, конструируемая Хрущевой (с. 294 сл.), не представляется мне оригинальной (т.е. присущей только ему, вспомним становление очень похожей логики работ такого его учителя, как Е.А. Косминский¹¹; ср. с. 488, 490–491), но сопряжение данной позиции с проникновением в суть предмета исследования, а также с усовершенствованием методики, многое позволяет понять в “мире Каждана”.

Похожий вопрос оказывается одним из анализируемых и в великолепном очерке Я.Н. Любарского “Александр Каждан – историк византийской литературы”. Естественно, что Яков Николаевич, тонкий знаток византийской словесности, ученик и друг Каждана, сосредоточил здесь внимание на самом актуальном: эволюции интересов ученого, углублении его внимания к развитию культуры, социопсихологии и миропонимания византийцев, усложнении методики исследования от достаточно традиционного для конца 1950-х годов анализа социальных воззрений византийского интеллектуала (в данном случае патриарха Фотия) до глубокого комплексного подхода к развитию византийской литературы как живой ткани, где авторы-творцы – сугубо индивидуальны (вне зависимости от жанра, в котором работают), а определяющая роль принадлежит открывателям новых путей и форм художественного освоения действительности. Подкупает искусство Любарского в показе органичности прихода Каждана не просто к высотам новых, порой неожиданных методик в анализе творческого своеобразия византийских писателей (Евстафия Солунского, Никиты Хониата и многих иных), но к замыслу создания истории византийской литературы именно как к истории смелых форм и способов словесной художественности. Смерть, как известно, помешала исследователю завершить эту грандиозную работу, которую он считал своей лебединой песней (с. 1), но даже частично реализованный результат ее, по мысли Г.Г. Литаврина, должен стать “настоящей книгой каждого византиниста, подобно работам таких классиков византиноведения, как К. Крумбахер и Г.-Г. Бэк” (с. 7). Я.Н. Любарский же завершает свой очерк лаконичным вопросом: “Как скоро найдется отважный продолжатель дела А.П. Каждана?” (с. 291).

Конечно, определенный ответ на этот вопрос можно усматривать в замечании И.И. Шевченко: “...it is the duty of his survivors to deliberate about its fate” (с. 9). Однако инициаторы рецензируемого сборника ни в редакционной статье, ни в мемуарных очерках, ни в научных публикациях категорического суждения по данному поводу не высказывают. Более того, собственно истории византийской литературы (точнее одного ее узкого, хотя и весьма интересного сюжета) касается лишь одна статья книги. И. Рохов через анализ жития Евфросиньи Юницы, составленного Никифором Каллистом Ксанфополум, с привлечением энкомия ей Константина Акрополита, устанавливает время существования в Византии мотива женского трансвестизма (подвижница надевает мужскую одежду для пребывания в мужском монастыре) – сюжета, к которому обращался при изучении византийской агиографии и Каждан. В принципе автор соглашается с Кажданом (и с Э. Патлажан): указанный мотив исчезает после IX в. (возможно – только после X столетия), когда в империи меняются взгляды на женщину и на брак (с. 260, 271), но указывает на неопределенность решения вопроса о причинах составления жития в XIV в.

Трактуя узкий сюжет, Рохов, естественно, стремится рассмотреть его в широком контексте отражения в источниках складывания в Византии указанного типа трансвеститской практики. Его наблюдения за конкретными ее проявлениями очень близки к некоторым при-

¹¹ Ср.: Гутнова Е.В. Евгений Алексеевич Косминский (1886–1959) // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. Всеобщая история. С. 328. О возможностях изысканий в сфере методики Е.А. Косминского можно судить на основании материалов его личного архива. См.: Ржевникова М.Я. Обзор личного архива академика Е.А. Косминского // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 328.

мам последователей “Анналов”, например, Ж. Дюби, о работе которого “Дамы XII в.” пишет Ю.Л. Бессмертный, отмечая смещение исследовательского внимания с “положения женщины” на анализ возможностей, открывавшихся в известные периоды средневековья перед той или иной представительницей прекрасного пола (с. 318–319). Учитывая, что Каждан в развитии своей методики постепенно становился в определенной степени приверженцем школы “Анналов”, творчески развивал ее установки (с. 290), публикация в сборнике, посвященном его памяти, статьи Бессмертного “Микроистория и ее проблемы во Франции 90-х годов” – безусловная удача. Статья примыкает к циклу подобных глубоко аналитических работ, опубликованных Юрием Львовичем в его “Казусе”, в “Одиссее” и в ряде иных альманахов и сборников, – работ, созданных в сложнейшем по тематике пограничье методологии и историографии. От доказательства весьма важного тезиса о приверженности адептов микроистории к определенной теоретической “парадигме” (пример тому – мысль о необходимости изучения смысла и способов поведения индивида в конкретно-исторической ситуации, для которой всегда характерна дискретность существующей общественной системы) автор логично переходит к принципиальному тезису – о важности прежде всего функции микроанализа. Тезис этот иллюстрируется примерами наиболее характерных историографических нюансов, выросших на почве французской медиевистики и испытывающих влияние достижений различных ипостасей “новой социальной истории” и известных социологических штудий (в частности Эмиля Дюркгейма). Я полагаю, однако, что для раскрытия основных идей, положенных в основу реконструкции “мира Каждана”, важнее всего резюмирующие соображения Бессмертного относительно сути микроистории как ракурса исторического познания. Для этого ракурса характерно особое внимание к индивидуальным чертам исторических феноменов и к уникальности в помыслах и действиях исторических персонажей (с. 322). Но не такой ли подход можно уловить и в изучении Кажданом творчества византийских литераторов?

Совершенно особое место в сборнике занимает великолепная статья О.С. Поповой “Греческая иллюстрированная рукопись второй четверти XIV века из Венской национальной библиотеки (theol. gr. 300)”. При сравнении прежде всего миниатюр Венского кодекса (содержащего четыре Евангелия, Деяния и Послания апостолов) с миниатюрами Синодального кодекса греч. 407 (обе рукописи-книги имеют немало сходства и относятся к XIV в.) автор, проявляя, как всегда, незаурядную наблюдательность искусствоведа-историка, соотносит появление новых черт стиля художников-оформителей с поиском ими новых выразительных средств для передачи весьма эмоциональных настроений, характерных для Византии 30–40-х годов XIV столетия. Иными словами, Ольга Сигизмундовна вновь демонстрирует подходы и методику, которую так ценил в культурологах и историках искусства Каждан, – стремление увидеть человечески индивидуальное, окрашенное конкретными свойствами времени (а не только данью традиции). Жаль только, что приведенные в качестве иллюстраций к статье фото миниатюр из Венского кодекса, изображающих евангелистов, даны в черно-белом варианте.

Что касается внимания к деяниям и судьбам некоторых конкретных персон византийской исторической сцены, то рецензируемый сборник демонстрирует целый каскад таких сюжетов, весьма, впрочем, различающихся методикой анализа и даже глубиной проникновения в поставленную проблему. Как мне представляется, очерк П. Баденаса де ла Пеньи о формах примиренчества греческих интеллектуалов XV в. с османским двором (на примере творчества Плифона, Георгия Амирути, Георгия Трапезундского и Критувула), несмотря на последовательность попытки соединить позиции его героев с известными философскими тезисами той трагичной эпохи (с. 272–280), более близок к облегченному справочнику на заданную тему, нежели к статье с основательным разбором источников. Причем, к справочнику весьма неполному хотя бы потому, например, что работы российских византистов, обращающихся к аналогичным вопросам при изучении мировидения византийцев XIV–XV вв., Баденасом (судя по его ссылкам) явно не изучались.

Классическим воплощением виртуозного владения методом описательно-аналитической просопографии является, на мой взгляд, статья А.А. Чекаловой “Образ византийской аристократки конца V – начала VI в. (Юлиана Аниция и ее эвергетическая деятельность)”. Исследовательница в некоторой степени отходит от характерных для ее творчества социальных штудий с использованием подобного метода¹² и создает яркий портрет знатной дамы, весьма незаурядной и известной не только в Византии, но и на варварском Западе времен Анастасия и Юстина I. Для написания портрета Юлианы используется синтез аналитической фактоло-

¹² См., например: Чекалова А.А. Сенаторская знать ранней Византии. М., 2000.

гни, разбора иконографии героини и даже романтической, с изрядными элементами легенды, традиции (донесенной в частности Григорием Турским), к ней относящейся.

Обращает на себя внимание, что в цикле "персоналистских" сюжетов, к которым относятся статьи Баденаса и Чекаловой, есть и такие, которые могут откровенно претендовать на увлекательный детектив.

Героем статьи Р.М. Шукурова стал Давид, один из создателей Трапезундской державы Великих Комнинов, судьба которого в отличие от судьбы Юлианы Аниции несравненно хуже отражена источниками. Формулируя "загадку Давида" (термин, ставший названием статьи, откровенно принят автором по аналогии со знаменитой каждановской "Загадкой Комнинов") – почему его имя окрещено "загадочным и многозначительным молчанием"? (с. 229) – Шукуров (путем тонких сопоставлений нюансов международных и династических ситуаций в Малой Азии) создает гипотезу о своеобразном государственном перевороте, сопровождавшем борьбу Ласкаридов и никейцев за Пафлагонию и Вифинию в конце первой – начале второй декады XIII в., – перевороте, приведем Давида в Ватопедский монастырь. Одним из следствий этого переворота, по предположению Шукурова, могло быть отсутствие поддержки Алексея I Великого Комнина со стороны пафлагонцев, которое и привело к поражению последнего от сельджуков в 1214 г. и переходу владений понтийских греков к никейцам.

Цель, похожую на ту, которую поставил для себя Шукуров, поставил и Д.Е. Афиногенов: "Хотя бы немного уменьшить количество всевозможной фантастики в наших представлениях о заговоре 820 г., его причинах и предьстории" (с. 194). Более развернуто, в сравнении с "Загадкой Давида", и название исследования, "Что погубило императора Льва Армянина? (История и мифы)". "Разбор информационных завалов" (термин автора), а проще говоря, дотошные попытки отделить с трудом просматриваемые в отношении данного сюжета исторические факты от литературных (в изобилии преподнесенных прежде всего Генесием), приводят Афиногенова к выводу, казалось бы, predetermined: Лев погиб из-за крупных просчетов во внутренней политике, оттолкнувших от него даже бывших соратников (с. 222). Важнее другое: Афиногенов, как мне кажется, доказал, что упомянутые литературные построения о "жутком заговоре" – отражение пропаганды, затеянной в интересах кланов, отнесенных от государственного кормила Михаилом II.

Приемы, используемые Шукуровым для анализа международных отношений в условиях малоазийской "многополярной" системы, а также элементы просопографических изысканий присущи в известной мере и статье В.П. Степаненко "Армяне в Византии XI в. в свете новых данных сигиллографии". Автор, подчеркивая, что просопография родов армянского происхождения в Византии была поставлена на строго научную основу именно А.П. Кажданом (с. 174), подобно Ж.-К. Шене, Ж.-Ф. Ванье, И. Иорданову и В. Зайбту уточняет (на базе прежде всего новейших каталогов моливдовулов) служебную карьеру ряда представителей таких кланов, как Врахамии, Алухаты, Сенахеримы, Аршакиды, Пакурианы и др. Касается он и такой традиционно тонкой и спорной материи, как этническое происхождение некоторых из указанных родов (например, Пакурианы характеризуются как армяне по происхождению), хотя оговаривает, что этническая атрибуция той или иной фамилии на основе сигиллографии не всегда успешна (эта особенность печатей в качестве источника выявлена, впрочем, уже давно).

К восточной проблематике относится и содержание работы В.А. Арутюновой-Фиданян "Себеос об Ираклии". Об "Истории" Себеоса и об императоре Ираклии написано немало, но рассмотрение отмеченного сюжета с позиций парадигмы императорского идеала (которой плодотворно занимался в том числе и Каждан), да еще с попыткой сравнения развития подобных парадигм в Византии и Армении (с. 157) я наблюдаю впервые. Последовательно разбирая фиксируемый Себеосом набор позитивных качеств Ираклия, исследовательница отмечает, что в отличие от Византии, где благородство происхождения и рыцарская доблесть правителя стали получать приоритет в системе ценностей в середине XI в., в Армении идеал царя-воина, являющегося к тому же царем легитимным, засвидетельствован уже в V в. Мне, однако, кажется, что "изюминка" проблемы не только в засвидетельствовании источниками определенного набора качеств правителя (в Римской империи признаки идеала императора-воина, закономерно обладающего троном, можно видеть уже в *Scriptores Historiae Augustae*¹³).

¹³ См.: *Straub J. Studien zur Historia Augusta*. Bern, 1952. S. 95, 146–147; *Hohl E. Über das Problem der Historia Augusta // Wiener Studien*. 1958. T. 71. S. 138; *Syme R. Emperors and Biography*. Studies in the Historia Augusta. Oxford, 1971. P. 256 sqq.

Важно, какие функции присущи этим качествам в контексте системы мировидения, характерного для известных социальных и политических групп (или для тех, или иных авторов). Если идеал василевса-воина и царя-аристократа сопряжен, например, с определенными установками ойкуменической доктрины, то претензии Ираклия на те или иные земли в пику арабам в контексте взглядов Себеоса имеют, наверное, иную подоснову, нежели в видении Феофилакта Симокатты или Феофана.

Галерея представленных в книге исторических персоналий завершается фигурой Помпея Страбона, деятельность которого во время борьбы между сулланцами и марианцами анализирует А.В. Короленков. Во многом постановка вопросов в этой статье и методика поиска ответов на них сходна с работой Р.М. Шукурова – с той разницей, что серьезной историографической “загадки” своего героя автор не конструирует. Разбирая причины возникновения политического вакуума, возникшего вокруг видного полководца в начале усобицы, и пытаясь – что еще интереснее – определить его место среди видных современников, Короленков не избегает даже обычно избегаемого специалистами сослагательного наклонения в формулировке мысли: могла ли иначе сложиться карьера Помпея? (с. 340). Прямого ответа на это автор не дает, хотя скрупулезный разбор фактов, продемонстрированный в статье, делает весьма убедительным вывод о месте ее героя «между “радикалами” вроде Мария и Суллы, с одной стороны, и консерваторами наподобие Октавия и Цеволы, – с другой» (с. 354). Смею, таким образом, предположить, что карьера Страбона в обстановке подобной смуты действительно могла сложиться иначе. Приходит на память судьба Цицерона после первых его успехов в борьбе с надвигающимся авторитаризмом, как ее метко характеризует Каждан (очень уместно помещение в сборник его рецензии на монографию С.Л. Утченко “Кризис и падение Римской республики”): “Цепь ошибок и поражений, детских просчетов, неверных решений, отчаянных предсмертных метаний...” (с. 520). Помпей Страбон далеко не Цицерон и мало похож на него как по политическим ориентациям, так и по высоте духовного склада; он, мягко говоря, и не борец с диктатурой, но сходство его с Марком Туллем я вижу в том, что находящиеся “посредине” в таких ситуациях слишком зависят от случайных факторов.

В цикл “персональных статей”, представленных в сборнике, входит и очерк М.М. Фрейденберга “Эндрю Шарф – византинист из Бар-Илана”. Специалистам Э. Шарф известен прежде всего как автор монографии “Византийское еврейство от Юстиниана до Четвертого крестового похода”, но Фрейденберг в первую очередь раскрывает многообразие интересов (в том числе и источниковедческих) этого незаурядного исследователя, трудившегося “на стыке византинистики и иудаистики” (с. 303). В данном плане очерк во многом носит справочный характер. Жаль, что за его пределами остался разбор развития методик Э. Шарфа. Неясно также, имели ли место в творчестве ученого новации в подходах к исследованию места евреев в византийской и вообще в европейской истории.

Возвращаясь к “детективному” направлению в рамках рецензируемой книги, отмечу, что его существенной частью являются статьи И.П. Медведева и Б.Л. Фонкича. Обе касаются архивных изысканий византиноведческого профиля, и обе вскрывают случаи предосудительного поведения достаточно известных ученых мужей. Медведев, концептуально (и, думается, справедливо), следуя за И. Шевченко в признании подложности пресловутой “Запиской готского топарха”, строит убедительную гипотезу о принадлежности авторства данного сочинения его первому издателю – Карлу Бенедикту Газе. Исследователь приводит две группы аргументов. Первая, и самая интересная, состоит из анализа некоторых писем Газе (личный фонд акад. Ф.И. Круга в С.-Петербургском филиале Архива РАН), где нет речи о “Записке”, как таковой, но зато немало данных о склонности Газе к “филологическим играм”, к “насыщению” знаменитого издания “История” Льва Дьякона иными неизданными и “анонимными” источниками, к “обогащению” примечаний к изданию Пселла, короче, к экспериментированию с византийской лексикологией и текстами (с. 166–168). Вторая группа аргументов касается огромного сходства мотивов, изобразительных средств и даже лексик “Записки” и скандальной для своего времени повести Вольтера “Кандид”. Статья завершается интригующим вопросом: не уподоблял ли себя Газе (решивший помещением “Записки” в примечания к Льву Дьякону “подшутить” над заказчиком издания Льва, канцлером Н.П. Румянцевым) Вольтеру, позволявшему себе фамильярничать с Екатериной II? (с. 171).

Б.Л. Фонкич поступает иначе: он просто обнаруживает, что Петербургская рукопись греч. 701 (часть Приложения к Большому синопсису Василия) из коллекции А.И. Пападопуло-Керамевса имеет кодикологические показатели, идентичные показателям Софийской рукописи D. gr. 253; мало того, по содержанию Петербургская рукопись непосредственно при-

мыкает к конкретной, легко устанавливаемой части Софийского манускрипта, заполняет своим листажом существующую между листами этого манускрипта лауну. Вывод: Пападопуло-Керамевс, описывавший одно время рукописи Козиницы, просто похитил четыре тетради (20–23) Софийской рукописи – тетради, превратившиеся в греч. 701 (с. 237).

Особое место среди материалов сборника занимают работы, посвященные тематике западноевропейского средневековья. И то сказать – Каждан видел Византию как явление, развещающее в системе так или иначе взаимодействующих с ней обществ, особенности которых, если их рассматривать в сравнении, еще более обнаруживают богатство человеческого опыта, порождаемого каждой сословной группой конкретного социума. Вспомним хотя бы целый спектр соответствующих его работ: от рецензий на монографию Ф.Я. Полянского о цехах или на исследование Н.П. Соколова о венецианской державе до сравнений писательской манеры Роберта де Клари и Никиты Хониата или статьи “Латиняне и франки в Византии” (увидевшей свет уже после кончины ученого). Не будем забывать также и о том, что в 1943 г. Александр Петрович, переходя в аспирантуру к Е.А. Косминскому, всерьез намеревался посвятить себя изучению английской деревни и в первую очередь рецепции римского права в Англии (с. 490). Судьба распорядилась иначе.

А.И. Сидоров в изысканиях по поводу характера королевской власти у франков в VIII–IX вв. прежде всего сосредоточил внимание на понимании современниками “места роли короля в функционировании общественного организма”, на нюансах политического развития раннесредневековых западных обществ под влиянием определенных ментальных стереотипов (с. 323). Речь, разумеется, идет в первую очередь о последствиях представлений о сакральности королевской власти, “патримониальных свойств” раннесредневековой государственности, о специфической публичности власти монарха и т.п. Явления эти в разных своих сочетаниях и в различном контексте уже давно отмечались в литературе¹⁴. В российской медиевистике они отчасти освещались даже в историографических обзорах (см., например, анализ немецкой историографии развития королевской власти в эпоху Каролингов, проделанный А.В. Леонтьевским, и недавние историографические наблюдения С.Ф. Польской¹⁵), но Сидоров на каролингском материале придает им вид системы. И самое важное в его наблюдениях, по-моему, – это доказательство того, что в то время любое важное политическое решение являлось плодом “коллективных усилий короля и широких слоев социальной элиты”, а король в то время – такой же член корпорации, подчиняющийся *правилам ее функционирования* (пусть даже весьма архаичным), как любой другой человек.

С.Е. Александров посвящает свою работу “Германское наемничество конца XV – середины XVII в.” прежде всего публикации переводов уникальных источников, не затрагиваемых, как правило, даже в источниковедческих обзорах, выполняемых в российской германистике. Это уставная грамота оберста ландскнехтов, выполненная от имени Карла V в апреле 1554 г., образец вербовочного патента середины XVI в., реальный вербовочный патент марша 1610 г. от герцога Максимилиана для оберста Александра фон Хасланга и статейная грамота Максимилиана II, утвержденная Шпейерским рейхстагом 1570 г. – один из важнейших предков военных уставов нового времени, нормативный документ, юридически оформлявший внутрислужебные отношения в наемном войске. Александров метко подчеркивает историческую значимость статейной грамоты, сравнивая ее успешное функционирование с воздействием Каролины на нормы уголовного права империи, – повальное вытеснение местных,

¹⁴ Самые известные примеры: *Bloch M. Les Rois thaumaturges*. P., 1983; *Le Goff J. La miracle royale // Actes du colloque de Paris pour le centenaire de la naissance de Marc Bloch*. P., 1986; *European Monarchy: Its Evolution and Practice from Roman Antiquity to Modern Times*. Stuttgart, 1992.

¹⁵ См.: *Леонтьевский А.В.* Проблемы социально-политического развития Каролингского государства в освещении современной немецкой медиевистики // *Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма*. Памяти Д.М. Петрушевского и А.И. Неусыхина. М., 1995. С. 252–258; *Польская С.А.* Сакральность королевской власти во Франции середины VIII–XV в.: церемониальный и символический аспекты проблемы. Автореф. канд. дис. Ставрополь, 1999. Вспомним также работу группы “Власть и общество”, возникшей в 1992 г. в рамках Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени и в том числе конференцию 1993 г. “Харизма королевской власти: мифы и реальность”.

локальных нормативных документов такого рода (с. 392), что сыграло не последнюю роль в укреплении боеспособности немецких войск в XVI в.

Вообще, надо сказать, раздел “Публикация” в рецензируемом сборнике хотя и представлен всего тремя вещами (в том числе – и работой Александрова), но каждая из них по форме резко отличается от двух других. Так, вводные изыскания к публикации перевода Александрова – по сути, микроисследование содержания и исторической значимости названных документов без каких-либо комментариев-примечаний. С.А. Иванов совершает републикацию Жития св. Лазаря Гелесиота, учитывая московский извод источника и издание А. Ламбропулу (с. 354–363); публикация сопровождается превосходным переводом, имеющим, в свою очередь, текстуальные ссылки на различия в разных частях сочинения, присущие двум основным версиям жизнеописания – версии Григория, ученика Лазаря, и версии Григория Кипрского. П.И. Жаворонков (“Династия Ангелов в изобращении Георгия Акрополита” – С. 364–385), после очень краткого введения, публикует перевод ряда начальных глав “Хронологического описания”, т.е. тех разделов сочинения, где Акрополитом использовались не только данные Никиты Хониата, но и сведения из не дошедших до нас источников. Текст перевода сопровождается обширным постраничным комментарием.

Каждый из принципов публикаций, предлагаемых авторами, имеет полное право на существование. Добавлю только, что Каждан тяготеет к системному сочетанию всех трех приемов, т.е. в конечном счете к критическому изданию, с пристальным вниманием прежде всего к текстуальным разночтениям рукописных традиций памятника¹⁶.

Конечно, не все нюансы творчества Каждана нашли отражение в сборнике. Многие из них явно претендуют на специальное изыскание, настолько в них переплетается индивидуальное развитие признанного специалиста и реалии интеллектуальной жизни его эпохи. Чего, например, стоит одна только тема, содержащаяся в сборнике в виде явственных намеков и указаний (с. 115, 497, 516), тема сотрудничества Александра Петровича и журнала “Новый мир”, т.е. работы, позволившей, по словам ученого, сформулировать ему для себя “то, что лишь тихо сидело внутри, – история есть существенный инструмент в понимании современности”. Или проблема развития взглядов Каждана на методологию истории, особенно ярко звучащая в его рецензиях и еще ярче в некоторых письмах. Для мало знающих Александра Петровича может, например, показаться откровением его органическое неприятие “излияния яда” на марксизм (и это в условиях относительного комфорта эмиграции). “И все-таки марксизм создал школу Annales – никуда от этого не уйти, и марксизм (как и гегельянство) побуждал к широкому видению прошлого” (из письма к М.С. Альперовичу от 24 июня 1994 г. – с. 449)¹⁷. Но все это, повторяюсь, скорее поле работы для профессиональных “каждановедов”, нежели предмет даже подробной рецензии.

Не буду делать общей субъективной оценки по всем разделам и направлениям рассмотренного сборника, по сути она складывается из частных суждений, заявленных выше. Главное, что все эти направления по-разному, но тяготеют к наполнению сложнейшей системы, именуемой “мир Александра Каждана”. И еще одно. Важное достоинство книги заключается в том, что она, как неустанно делал это и Александр Каждан, учит воспринимать и осмысливать прошлое (и не только византийское), как относящееся непосредственно к нам сегодняшним, и в этом смысле может считаться по-настоящему своевременной книгой. Все сказанное

¹⁶ Это заметно по его рецензиям на публикации текстов и переводов, см., например, разбор, в соавторстве с М.А. Заборовым, выхода в свет сюзюмовской “Книги епарха” (ВВ. 1952. Т. 5), анализ издания С. Кириакидисом “Взятия Фессалоники” Евстафия (ВВ. 1964. Т. 25), основательную оценку издания В. Кривошеиным и Ж. Парамелем огласительных проповедей Симеона Нового Богослова (ВВ. 1967. Т. 27) и др. Практически все рецензии подобного плана (см. библиографию, составленную М.А. Курьшевой) демонстрируют указанное качество работы ученого.

¹⁷ Ср. место из письма к Е.С. Померанцевой: «Я тоже начал печататься в Израиле, скоро выйдет моя статья в *Mediterranean Historical Review*, и знаешь о чем? О марксизме. Нет, конечно, не о марксизме en gros, но об одной книжке, написанной одним английским византинистом, который думает, что он марксист. Я никогда не подозревал – до недавнего времени, – как развито теоретическое словоблудие (...) на почве философии истории – все эти структуралисты и постструктуралисты, что “словечка в простоте не скажут”, особенно французы. Нет, я не против теории – но теория хороша, когда она служит лесами для построения здания, но если здание убирают и оставляют одни леса – это не про меня» (с. 475).

в ней – и в первую очередь сказанное самим Кажданом – так или иначе стоит под знаком радикальнейшей историзации сознания, происходящей в современном российском византиноведении. – такой, когда мы словно бы извлекаемся из истории, как протекала она до нас, однако само историческое, все уже бывшее и существовавшее, вписывается в наше окружение как нас касающееся и нам принадлежащее.

А.С. Козлов

Арутюнова - Фиданян В.А. “Повеествование о делах армянских” (VII в.): источник и время. М.: “Индрик”, 2004. 272 с.: ил.

VII век считается этапной эпохой для истории Византии, временем крупномасштабных трансформаций, значительно изменивших как географическую конфигурацию, так и внутренний образ империи. Общеизвестно, что одним из влиятельных факторов социального и культурного изменения Византии в ту эпоху явилось тесное взаимодействие с восточным христианским миром и в частности с Арменией.

Новое исследование В.А. Арутюновой-Фиданян, посвященное армяно-византийскому культурному и конфессиональному взаимодействию в судьбоносном VII в., строится как развернутый комментарий к “Повеествованию о делах армянских” – уникальному источнику, написанному на среднегреческом языке анонимным армянским автором. “Повеествование” представляет собой изложение церковной и политической истории Армении в IV–VII вв., причем, в центре внимания анонимного автора стоят все же церковные дела. Несмотря на свою лаконичность, источник содержит не только до сих пор по достоинству не оцененные фактические данные, но и, что немаловажно, позволяет взглянуть на историю армяно-византийских отношений того времени с точки зрения представителя армянской православной общины.

Вполне логична структура монографии. Первая часть представляет собой исследование самого памятника (предисловие, три главы и заключение). Вторая часть включает в себя греческий текст (воспроизведение критического текста Ж. Гаритта 1952 г. с его же добавлениями разночтений по синаяской рукописи¹), русский перевод (первый в отечественной науке) и обширный комментарий, охватывающий широкий круг исторической, географической, про-сопотографической, лингвистической и богословской проблематики.

В первой главе “Источник и автор” исследуется само “Повеествование”, его язык и содержание, а также анализируются общественно-политические и конфессиональные воззрения его анонимного автора (с. 17–59). Как показывает В.А. Арутюнова-Фиданян, “Повеествование” отнюдь не являлось поздним переводом армянского прототипа на греческий, как это прежде считалось в науке, однако писалось изначально на греческом эллинизированным армянским. В качестве обоснования этого тезиса, приводятся многочисленные примеры буквального перевода на греческий понятий и выражений, которые были употребительны в армянском письменном языке того времени, но были чужды для нормативного греческого языка. Особенно убедительным выглядит указание на топонимы и антропонимы, передаваемые автором “Повеествования” в их арменизированной форме (как, например, вместо греч. Ἰουάννης арм. Դուβանիտ). Автор отмечает также высокую фонетическую точность передачи специфически армянских ономов. По мнению автора, перечисленные факты могут знаменовать генезис некоего синтезного лингвистического феномена на территории армяно-византийской контактной зоны. Этот процесс культурной и лингвистической эллинизации был прерван при крушении контактной зоны под ударами арабов. Хотя этот феномен и исчез из жизни широких слоев населения, однако он, как предполагает автор, возможно, продолжил свое существование в кругу армяно-халкидонитской элиты (с. 19–27, 34, 135).

Автором “Повеествования”, скорее всего, являлся православный клирик, для которого халкидонитство – единственная “правая вера”, Армянская церковь является частью Вселенской церкви, а Армения – частью Византийской империи. В.А. Арутюнова-Фиданян определяет “Повеествование” как некое “пособие” для армян-халкидонитов, написанное их собратом по вере и, следовательно, как один из самых пространных текстов, дошедших до нас от армя-

¹ La narration de rebus Armeniae / Ed. critique et commentaire par G. Garitte. Louvain, 1952; Garitte G. Un nouveau manuscrit de la “Narratio de rebus Armeniae”. Le Sin. gr. 1699 // Le muséon. 1958. T. 71. P. 241–254.

но-халкидонитской письменности (с. 58–59). Обширный раздел посвящен истории халкидонитской общины в Армении до начала VIII в. Как показывает В.А. Арутюнова-Фиданян, к середине VII в. халкидонитство взяло верх и стало господствующим вероисповеданием среди армян. Лишь в следующем столетии “армянам удалось выработать самостоятельную церковную политику” (с. 51–59).

Вторая глава “Армения и Византия в конце VI–VII в.: синтезная контактная зона” посвящена реконструкции этнокультурной и политической среды, в которой создавался памятник, анализу ее ментальной структуры (с. 61–102). Глава открывается теоретическим очерком, посвященным содержанию термина “контактная зона” (с. 63–66). Констатируя противоречивость и терминологическую размытость этого понятия в современной историографии, В.А. Арутюнова-Фиданян формулирует свое понимание “контактной зоны”. По определению исследовательницы, “контактная зона” – это “органичная структура со своими законами и своеобразием культурного облика. Взаимосвязь всех компонентов (ментального, этноконфессионального, социально-административного) конструирует армяно-византийскую контактную зону как диалектическое единство, выявляющее свое существование через сложные феномены, порожденные взаимодействием и взаимовлиянием культур” (с. 102).

Во второй части главы рассматривается история миграционных процессов, приведших к значительным изменениям этнодемографической ситуации на востоке Анатолии в связи с переселением туда армян. Миграция армян началась вскоре после византийско-персидского раздела Армении в 385 г. и продолжалась в течение последующих семи веков. Уже к VII в. армяне расселились на обширной территории от Черного моря до Кесари Каппадокийской (с. 67–69). Дается также развернутый очерк социально-административной эволюции армянских земель в IV–VII вв. (с. 69–78). Стержнем главы является реконструкция “образа Византии” в армянской историографии в VII в., которая обнаруживает позитивное отношение армян к Византии, вполне парадоксальное для эпохи насильственного распространения византийской власти в Армении. Этот вывод пересматривает общепринятую в современной историографии трактовку, согласно которой во взглядах армян на Византию в ту эпоху наличествует негативная доминанта (с. 78–98). Анализ широкого круга источников и исследований позволил автору воссоздать цельную картину формирования армяно-византийской социо-культурной модели, в которой, по мнению В.А. Арутюновой-Фиданян, магистральные процессы предопределялись их “синтезной” (армяно-византийской) природой (с. 100–101).

Третья глава монографии «“Повествование” в контексте армянской православной традиции» (с. 103–132) содержит сравнительный анализ более поздних источников IX–XI вв., имеющих касательство к армянской халкидонитской общине: “Послание к католикосу Захарии”, приписываемое патриарху Фотию, “Ширакаванское досье” – богословский текст смешанного жанра, который, как некоторые полагают, был частью актов Ширакаванского собора (IX в.), и, наконец, “Хнагреанк” Тиграна Пахлавуни – отрывок из несохранившейся “Истории” XI в., повествующей об армянских церковных делах в предшествующие столетия. Автор приходит к выводу, что “Повествование” послужило прототипом и образцом для перечисленных сочинений, которые опирались в той или иной мере на само “Повествование” или же его непосредственный источник (с. 130–131). В.А. Арутюнова-Фиданян ставит под сомнение авторство патриарха Фотия для “Послания к католикосу Захарии”, полагая, что оно было составлено в среде самих армян-халкидонитов от имени константинопольского патриарха. Хотя, как отмечает исследовательница, это вовсе не означает, что Фотий не сносился с Армянской церковью, ибо именно при его патриаршестве происходит заметное оживление византийско-армянских церковных связей (с. 117–118, 131).

Несомненным достоинством исследовательского подхода В.А. Арутюновой-Фиданян является привлечение современных культурологических и лингвистических методик для реконструкции культурных феноменов, что не часто встречается в современной византистике и арменистике. Многие проблемы, обсуждаемые в рецензируемой книге (судьбы армянской халкидонитской общины, содержание и структура контактных зон), рассматривались автором и в более ранних исследованиях². Новая книга расширяет фактографическую базу автор-

² См., например, итоговые исследования: Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980; Она же. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; см. также: Шукуров Р.М. Зона контакта: проблемы межцивилизационных отношений в современной византистике // ВВ. 2000. Т. 59. С. 258 и сл.

ской концепции, подытоживает теоретические размышления В.А. Арутюновой-Фиданян о природе контактных зон и синтезных культурных феноменов. Автору удалось обнаружить новые, неизученные феномены в сюжетах и источниках давно известных науке, выработать оригинальную концепцию генезиса и становления ранней православной армянской общины, а также концепцию первого периода халкидонитского движения в Армении, генетически связанного с армянским грекофильством. В целом монография В.А. Арутюновой-Фиданян, ясно очерчивающая роль армяно-халкидонитской субкультуры на ранних этапах средневековой истории Армении, представляется весьма убедительным переосмыслением византийско-армянских отношений в VII в. Это само по себе важно, ибо до сих пор феномен халкидонитства продолжает оцениваться самыми видными и информированными арменистами скорее как маргинальный эпизод в контексте средневековой армянской культуры³.

Монография завершается репринтом греческого текста “Повествования” с параллельным русским переводом (с. 150–202) и подробным научным комментарием к тексту источника и переводу (с. 203–256). Книга снабжена терминологическим указателем, а также указателями личных имен и географических названий. Украшают книгу и 10 цветных иллюстраций, которые дают представление о сохранившихся памятниках армянского церковного зодчества VII столетия.

Столь сложное по своей структуре исследование, насыщенное большим фактическим материалом, вряд ли могло избежать огрехов. Некоторые уточнения можно было бы предложить для транслитераций иранских исторических имен. Стандартная передача иранского царского имени выглядит как Шапур, но не Шапух – армянизированная форма того же имени (с. 214 и сл.); то же касается и персидского имени Бахрам (Бахрам Чубин), которое передано в неупотребительной армянизированной форме Вахрам (с. 245).

По мнению автора, “в 323 г. Константин I, победив Лициния (...) издал манифест, в котором единственной истинной верой признавал христианство, а язычество объявлялось терпимым заблуждением” (с. 210, примеч. 6). Тут явно имеет место недоразумение. Константин I никогда не издавал эдиктов, признававших христианство “единственной истинной верой” и тем более осуждавших язычество. Вероятно, тут имеются в виду эдикты, касавшиеся христиан и опубликованные задолго до 323 г. – Галерия в 311 г., признававшего за христианством статус *religio licita*, и Миланский эдикт 313 г., подготовленный на самом деле Лицинием, но подписанный Лицинием и Константином I и разрешавший переход в христианство из других религий. Серия постановлений, изданных между 313 и 321 гг. не добавляла ничего в базовый статус христианства, но жаловала церкви и христианам привилегии (по большей части налоговые и имущественные), которые были обычны для языческих культов. Государственной религией христианство стало много позже – в 381 г.⁴

Приведенный в первой главе список армянских прототипов для греческого словоупотребления “Повести”, как уже говорилось, в целом вполне убедителен. Однако в некоторых случаях он, как кажется, выдает стандартные греческие выражения за кальку с армянского. Например, по мнению автора, “множественное число этнонима для обозначения земли, где живет этнос, характерно для армянского языка” и не характерно, как полагает автор, для греческого (с. 209, 25, 238 и т.д.) Выражения βασιλευόντων... ἐν τε Ῥωμαίοις καὶ Πέρσαις, ἐκ τῶν Νέων Ῥωμαίων, χώρα τῶν Ἀρμενίων автор рассматривает как несвойственные греческому словоупотреблению и скопированные с армянских прототипов. Это утверждение не представляется обоснованным. Именование страны по схеме “земля/страна/город/царь и проч.”

³ См., например, одну из последних фундаментальных историй армян, как кажется, не учтенную автором рецензируемой монографии: The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century / Ed. R. Hovannisian. N.Y., 2004. P. 112, 120 (гл. 5 посвящена периоду с 428 по 652 г.). См. также другое обобщающее исследование, изданное ведущими зарубежными арменистами и византинистами, в котором почти не нашлось места для обстоятельного обсуждения темы халкидонитства в армянской культуре: Treasures in Heaven. Armenian Art, Religion, and Society // Ed. T. Mathews, R. Wieck. N.Y., 1998.

⁴ См., например: Le monde byzantin. T. I: L'empire romain d'Orient (330–641) / Ed. C. Morisson. P., 2004. P. 51–54 (в гл. 2, написанной Бернаром Флюзаном); Cameron A. The Later Roman Empire. AD 284–430. Cambridge (Mass.), 1993. P. 44–51; Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Т. 2. М., 1994. С. 160–165.

персов, финикийцев, египтян, эллинов и т.д. было вполне стандартным для греческой письменности и фиксируется уже у Геродота⁵.

Эти огрехи, конечно, не могут поставить под сомнение научную значимость обсуждаемого труда. Несомненно, новая книга В.А. Арутюновой-Фиданян является ярким вкладом в отечественную и мировую арменистику и византинистику, она значительно корректирует наши знания о сути и содержании византийско-армянских отношений, придает фактическую полноту и логическую законченность многолетним разработкам автора.

Р.М. ШУКУРОВ

Стратегикон Маврикия / Изд. подгот. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. 256 с.

Еще в начале 1970-х годов в своей аннотации на издание “Стратегикона”, выполненное Х. Михаэску, А.П. Каждан отметил, что появление румынской книги “снова ставит вопрос о необходимости нового русского перевода” этого памятника (ВВ. 1972. Т. 33. С. 235). Александр Петрович, конечно, имел в виду устарелость и низкое качество перевода М.А. Цыбышева (1903), не уточнив, правда, что перевод этот был выполнен с латинской версии трактата, содержащейся в единственном для того времени издании И. Шеффера (1664). Переводы отдельных мест “Стратегикона”, касающиеся прежде всего славянских сюжетов, не ставили своей целью скрупулезного ознакомления российского читателя с памятником¹. Поэтому издание, подготовленное В.В. Кучмой, известным историком византийской армии, прекрасно зарекомендовавшим себя изучением и переводом ромейских военных трактатов², – в известном смысле не просто реализация давно назревшей необходимости, а первая в отечественной византинистике полная *translatio* на русский язык греческого оригинала “Стратегикона”. В основу перевода положено венское критическое издание Дж. Дэнниса с учетом изданий Шеффера и Михаэску, а также существующих переводов (на латинский, румынский, английский, немецкий и русский языки). Перевод сопровождается хорошим реальным комментарием, расположенным постранично, что весьма удобно для читателя, особенно малознакомого со специфичной греческой военной терминологией рубежа VI–VII вв. Подробность, многоаспектное содержание и, вместе с тем, предельная ясность комментария резко расширяют круг читателей книги Кучмы, делая ее интересной не только для византинистов, но и для медиевистов, востоковедов, славяноведов, как историков, так и филологов. Представляются абсолютно верными два принципа трансляции текста трактата, оговоренных (с. 58–59) и тщательно реализованных Кучмой, – предоставление приоритета смыслу информации сочинения (если она не совмещается со стилистикой оригинала) и сохранение без перевода (в большинстве случаев) военных терминов, не имеющих в своем содержании точного аналога в русском языке. Отсюда и свойства методики комментария. Кучма, останавливаясь на каждом из такого рода терминов, когда тот впервые встречается в “Стратегиконе”, неторопливо и в то же время предельно четко разбирает толкования, предложенные его предшественниками, и выверяет вроде бы установившиеся объяснения, факты и хронологию.

Обстоятельное Введение содержит обзор рукописной традиции трактата, проблемы его авторства³, а следовательно, и датировки; очень важно корректное освещение структуры па-

⁵ См., например, для *χώρα/πρόγραμμα τῶν Ἑλλήνων/Περσέως*: Herod., I. 46; II. 13; VIII. 10, 75, а также: *Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996. P. 1457, 2015, словарные статьи соответственно для *πρόγραμμα* (в значении *state, empire*) и *χώρα* (в значении *land, country*).

¹ Здесь следует прежде всего обратить внимание на выполненные В.В.Кучмой перевод и комментарий тех мест трактата, которые посвящены практике борьбы со славянами, в издании: *Свод древнейших письменных известий о славянах*. М., 1991. Т. I (I–VI вв.). С. 364–393.

² Из книг, выпущенных издательством “Алетейя”, отмечу: *Кучма В.В. Военная организация Византийской империи*. СПб., 2001; *Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подгот. В.В. Кучма*. СПб., 2002.

³ В результате многопланового анализа Кучма присоединяется к тем исследователям (начиная с А. Дэна), которые допускают принадлежность авторства “Стратегикона” императору Маврикию (с. 8–15).

матика, тесно связанной с предшествующей традицией создания типологически схожих с ним трудов. Вообще книга Кучмы наглядно демонстрирует, что хорошо выполненное аналитическое введение к переводу источника и такой же по качеству комментарий имеют самостоятельную научную ценность даже безотносительно к высокому качеству этого перевода. Так, большая часть вводной статьи посвящена скрупулезному (но доступному и читателю-специалисту) анализу взглядов автора "Стратегикона" как на стратегию и тактику вообще, так и на конкретные формы их применения (с. 22–53). Здесь прежде всего обращает на себя внимание исследование подходов Маврикия к конкретным принципам ранневизантийской военной доктрины, к тем ее составляющим, которые включают в себя творческие рекомендации по подготовке и осуществлению различных боевых действий. Не буду предлагать развернутых суждений по поводу этого анализа, они практически идентичны тем положительным оценкам, которые дал Н.Д. Барабанов подобной методике исследователя, примененной в книге о "De velitatione bellica" и "De castrametatione" (ВВ. 2004. Т. 63. С. 256–258). Отмечу лишь несколько качеств сочинения Маврикия, анализируемых и подчеркиваемых Кучмой как основополагающие: не только профессионализм рекомендаций и аутентичность действительности выделяемых реалий, но и сугубо практический характер этих рекомендаций, подкрепляемых простотой изложения (весьма актуальной для потенциального читателя, современника трактата). Полагаю, что именно эти свойства делают сообщения "Стратегикона", в том числе и не касающиеся сугубо военной тематики, достойными специального целостного изучения.

В этой связи представляется весьма не простой сама проблема адресата сочинения, к которой в текстологическом плане обращался прежде всего А. Дэн⁴, но которой лишь слегка коснулся Кучма (с. 13–14). Между тем и для вопроса об авторском самосознании Маврикия весьма важно не только метко подмеченное обращение его за опытом к равному по положению военачальнику (с. 14), но и высказанные в первых строках "Стратегикона" суждения о полном забвении военного искусства "в течение длительного времени", о людях, берущихся командовать, но не знающих "общеизвестных истин" (нет ли здесь намека на каких-то конкретных лиц?), о неопытности стратигов (Strat. Praef. 10–14)⁵. Отсюда и намерение Маврикия написать *μετρίαν τὴν ἀστοχέωσιν ἤτοι ἐλαττωμένην* (ibid. 23–24) ("некоторое элементарное пособие или вводный курс", согласно переводу Кучмы, – с. 61). Подобные суждения соответствуют мнению Кучмы о глубине краха старой, предшествующей Маврикию позднеантичной военной системы и о грандиозности замысла императора по строительству вооруженных сил, которая была сформулирована в "Стратегиконе" (с. 55). Не противоречит этому и мысль о сознательном огрублении, примитивизации Маврикием манеры изложения материала в стремлении приспособиться к уровню "средней массы неопытных в военном деле людей"⁶. Разумеется, следует согласиться с тем, что при Маврикии начинаются принципиальные изменения в социальной базе военной организации, предопределившие переход к армии типа ополчения (что станет через какое-то время одним из существенных источников фемной системы). Отсюда и рост роли кавалерии (отличающейся от прежней универсальностью боевого применения), положительные сдвиги в вооружении и снабжении войск и наконец в военно-теоретическом плане восстановление единства тактики и стратегии (с. 54–55). Практицизм и одновременно широта мышления автора "Стратегикона", конечно, помогли соотнести зарождение этих элементов нового с состоянием подготовки к ним большинства военачальников; это может объяснить уничтожающую оценку Маврикием состояния военного искусства предшествующего времени. Другое дело: если соглашаться с оценкой "программы строительства вооруженных сил на новой основе" (той, что сформулирована в "Стратегиконе") как "грандиозной" (с. 55)⁷, то нельзя не учитывать крайний разноречивый оценочный результативности даже не столько реформаторской деятельности Маврикия (о ней современ-

⁴ Dain A. Les Stratégistes byzantins // ТМ. 1967. Т. 2. Р. 344 sq.

⁵ Использую принцип ссылок на оригинал "Стратегикона", принятый в венском издании: Das Strategikon des Maurikios / Ed. G. Dennis. Übers. von E. Gamillscheg. Wien, 1981. При ссылках на вводный очерк Дж. Дэнниса и на перевод Э. Гамиллшера (по этому же изданию) использована обычная пагинация (S.).

⁶ См.: Кучма В.В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40. С. 53. Примеч. 44.

⁷ Аналогичную, но более прямолинейную оценку см.: Petersen Ch.C. The Strategikon: a Forgotten Military Classic // Military Review. Aug. 1992. Т. 72. Р. 73–74.

ная историография предпочитает не говорить⁸), сколько вообще административных и военных преобразований VII в.⁹ Поэтому, ставя военно-теоретическую мысль раннесредневековой Византии на более высокий уровень по сравнению с тем, что было сделано греко-римской теорией (с. 53–54), мы, думаю, все же не в силах определить (во многом благодаря состоянию источников по истории империи VII в.), насколько рекомендации “Стратегикона” достигли своего адресата. Во всяком случае, военная судьба Ираклия не может здесь располагать к оптимизму¹⁰.

Не менее важным представляется и вопрос о той стороне мировоззрения Маврикия, которая касается оценок войны, как явления. Думаю, всяческого внимания достоин вывод о том, что Маврикий не разделяет восходящего к Платону одностороннего взгляда на войну, как на сплошной негатив. Отсюда и постановка “Стратегиконем”, вслед за “Стратегикосом” Онасандра, проблемы справедливых причин войны, и связь этой проблемы с религиозно-идеологическим обеспечением успеха в войне (законность военных действий предопределяет божественную благосклонность к тем, кто их ведет) (с. 27–28). Отмечу в этой связи интересное соображение В.Э. Кэги: справедливая война, согласно целостному взгляду на рекомендацию “Стратегикона”, предполагает избегание генеральных сражений, ведущих к массовым жертвам с той и другой стороны; в кампании предпочтительнее тактика обманов, набегов, измора, позволения окруженному врагу бежать с поля боя, – все это даст возможность достичь победы без лишней крови¹¹. Уже на этих примерах видно, что подготовленный Кучмой перевод “Стратегикона”, сопровождаемый методически точно выверенным исследовательским введением и аналогичным комментарием, сам по себе позволяет развивать мысль специалиста, обращающегося к реалиям позднеантичной и раннесредневековой эпохи. По сути, Кучма, наверное, первым из тех, кто специально занимался этим памятником, продемонстрировал характером своей книги гигантские возможности “Стратегикона” как источника, в том числе и не по военной истории. Приведу только некоторые примеры из потенциала трактата.

В частности, можно обнаружить тягу Маврикия к использованию термина “город” в ущерб термину “кастрон”. Но тяга эта весьма специфична.

Понятия “город” и “кастрон”, составляя композиционную пару, четко различаются в Strat. I. б. 6 и I. 7. 15, – в разделах, посвященных высшей мере наказания тому, кто без основания сдас эти пункты врагу. Кучма присоединяется к выраженному в литературе мнению, что эти

⁸ Даже М. Уитби, один из наиболее известных знатоков источниковой базы для реконструкции времени Маврикия, не пишет о военных реформах этого императора и использует данные “Стратегикона” традиционно “потребительски” – для пополнения сведений Феофилакты Симокатты о стратегии и тактике рубежа VI–VII вв.: *Whitby M. The Emperor Maurice and His Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare. Oxford, 1988. P. 311 sq.*

⁹ Отмечу, что в огромной литературе по истории фем со времен монографий А. Пертузи и И. Караяннопулоса (*Pertusi A. La formation des thèmes byzantins. München, 1958; Karayannopoulos J. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959*) генезис новых военно-административных округов до сих пор не обрел хронологической определенности. Примечательно, что Р. Лили, делая акцент на крайней растянутости преобразований, знаменующих переход к фемному строю (*Lilie R. Die zweihundertjährige Reform zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // BSl. 1984. 45. H. 1. S. 27 ff.*), фиксирует появление первых фем временем Ираклия, а окончательное утверждение (причем во многом – не благодаря целенаправленным императорским реформам) военно-административной власти в них – началом VIII в.: *Idem. Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jahrhundert. München, 1976. S. 287–288, 302 ff.* П. Шрайнер именует творцом (Schöpfer) фемной системы императора Ираклия (*Schreiner P. Byzanz. München, 1994. S. 123 f.*). Дж. Хэлдон считает юстиниановскую систему управления и обороны функционирующей “до начала VII в.”, а “трансформацию” ее относит к последующему времени. См.: *Haldon J. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of Culture. Cambridge, 1990. P. 180; ср.: Idem. The Reign of Heraclius: a Context for Change? // The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontations. Ed. G.J. Reinink, B.H. Stolte. Leuven, 2002. P. 1–16.*

¹⁰ Ср.: *Kaegi W.E. Heraclius and the Arabs // Greek Orthodox Theological Review. 1982. T. 27. P. 109 sqq.; Idem. Heraclius, Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003. P. 229–264.*

¹¹ *Kaegi W.E. Some Thoughts on Byzantine Military Strategy. Brookline (Mass.), 1983. P. 8. Not 65.*

пассажи, как и вообще гл. 6–8 кн. I, созданы под влиянием “военно-дисциплинарного кодекса, обычно связываемого с именем Руфа” (с. 17–18). Дэннис высказывается более осторожно, возводя эти главы к кодексам Феодосия и Юстиниана и подчеркивая, что вкуче с соответствующими нормами “Земледельческого закона” и “Морского закона” они составляли предмет специальных собраний и списков (S. 23).

В книге X (о технике и тактике осады) *κάστρον* и *λόλις*, наоборот, композиционно разведены. Первый из этих терминов несколько раз употребляется в гл. 1, где речь идет об осаде неприятельских крепостей, и только один раз – в гл. 3, которая (как и гл. 2 и 4) трактует нормы перенесения осады ромеями. В той же гл. 3 присутствует и термин *λόλις*, причем в контексте, демонстрирующем, что в этом случае понятия “город” и “крепость” смешиваются: речь идет о возможности присутствия в “городе” “гражданского населения” (так в данном пассаже Кучма переводит термин *δῆμος*, – с. 179), – обстоятельство, вполне сопрягаемое с упомянутой несколько раньше необходимостью освободить осажденный *κάστρον* (это и есть единственный случай употребления такого термина в данной главе) от “беспольных людей”, т.е. от женщин, стариков, больных и детей (с. 177)¹². Аналогичное сопряжение можно усмотреть там же в тезисе о запрещении выходить за стены *τινάξ τῶν στρατιωτῶν ἢ λολιτῶν*. Последний термин Кучма справедливо переводит как “горожане” (с. 179). Тем самым мы видим, что “горожане” и “стратиоты” четко противопоставлены друг другу; это полностью подтверждает и весь контекст гл. 3, в котором бытуют эти понятия. Мало того, в подобном контексте *δῆμος* и *λόλις* практически отождествляются.

Содержательно обоснованное смещение “города” и “крепости” подчеркивается также поглощающим их термином *ὄχυρον*, выведенным в название гл. 1 и 4. Следует, однако, учитывать, что в гл. 4 данный термин идентичен понятию *τόπος ὄχυρόν*, подразумевающему прочную топографическую позицию (с. 180, примеч. 3; *einen festen Platz* в переводе Гамилльшега – S. 347).

Таким образом, композиционное разведение терминов “город” и “кастрон” (“крепость”) в кн. X компенсируется относительным смещением их содержания, акцентом на общности для них оборонительной функции, которая в первую очередь и интересует автора “Стратегикона”. Видимо, с учетом этого и следует относиться к еще одному разделу сочинения, где присутствует термин *λόλις*, но отсутствует *κάστρον*, а именно: к гл. 1 (А) кн. VIII. “Город” упомянут в этом разделе три раза – при констатации необходимости: 1) открыть ворота для бегства горожан после взятия “многолюдного города” (тезис 25); 2) не оставлять незащищенным свой полевой лагерь при осаде какого-либо города (тезис 34); 3) следить за перебежчиками, прибывающими в обороняемые византийцами города (тезис 42)¹³. Таким образом, и в этом разделе город присутствует лишь как объект осады, без констатации каких-либо иных его функций, кроме военно-оборонительной. В гл. 2 (В) кн. VIII “города” нет. Однако здесь надо принять во внимание два обстоятельства, на которые указывает В.В. Кучма. Во-первых, это сходство общего смысла обеих глав (основные принципы действий главнокомандующего, изложенные в форме сентенций). Во-вторых, различие в характере компиляций этих сентенций: передача общего смысла высказываний Онасандра (I в. н.э.) и Вегеция (конец IV – первая половина V в.) в гл. 1 и дотошное, хотя и бессистемное воспроизведение максим Вегеция в гл. 2 (с. 18–19). Отсюда можно предположить, что трехкратное упоминание города в гл. 1, в противоположность к полному его отсутствию в гл. 2, вызвано не каким-то особым интересом автора в этих разделах “Стратегикона” к военным аспектам урбанизма, а специфичными приемами компиляции материала, положенного в основу глав.

Подобные наблюдения относительно тяги Маврикия к использованию термина “город” в ущерб термину “кастрон” позволяют думать о предельно прагматичном отношении императора (по крайней мере в данном сочинении) к явлениям, скрывающимся за этими словами. Город или крепость в “Стратегиконе” – только *ὄχυρον*, а *δῆμος* или *λόλις* – всего лишь люди, способные выполнить определенные функции при осаде укреплений. Об этом же говорится присутствие термина *λόλις* лишь в разделах или пассажах трактата, ограниченных соот-

¹² Сходные рекомендации содержатся в трактатах Энея, Онасандра и Вегеция. См.: Кучма В.В. “Стратегикос” Онасандра и “Стратегикон Маврикия”: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1986. Т. 46. С. 119; *Он же*. “Краткое изложение военного дела” Вегеция как синтез военно-теоретической мысли античности // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. С. 135.

¹³ Ср.: Aeneus Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. The Illinois Grec Club. L., N.Y., 1923. P. 420.

ветствующей “осадной” тематикой. Конечно, тяга Маврикия к более частому использованию в подобных главах или предложениях слова “город” в ущерб слову “кастрон” может свидетельствовать и о серьезной инерции позднеантичного, “градоцентристского” сознания автора трактата¹⁴. Но это требует обстоятельного анализа социальной составляющей текста “Стратегикона” в сравнении с аналогичной составляющей его источников.

Уже этих примеров, полагаю, достаточно, чтобы показать возможности извлечения из “Стратегикона” некоторых данных даже по социально-экономической истории VI в. и уж тем более по истории социально-сословного строя.

Обратим, например, внимание на использование в трактате такого принципиального (и для античности, и для средневековья) понятия как *ἐλευθερία* и производных от него. Высокое качество перевода Кучмы соответствующих мест “Стратегикона” позволяет, конечно, говорить, о невысоком внимании Маврикия к социальным реалиям исключительно в контексте военно-дидактических задач сочинения. Среда, из которой он черпает юридические, этические и социальные понятия, – почти всегда армия. Термины *ἐλευθερία*, *ἐλευθερος* и т.п. оказываются подчиненными целям текста как совокупности требований к военачальникам. Одно из самых важных в этом ключе мест трактата – разъяснение принципов выплаты роги тем стратиотам, которым приходится содержать за ее счет *φάσιλαρχά* (в толковании этого термина Кучма в первую очередь апеллирует к Ф. Оссаресу и Х. Михаэску – с. 70, примеч. 4). Данное понятие включает в себя *πάντος παιδάς* (“всех слуг” в переводе Кучмы) стратиота (Strat. I. 2. 63), что подразумевает *ἢ δοῦλους ἢ ἐλευθέρους* (классически античные антонимы). Перевод указанного раздела базируется на тщательном учете существующих в литературе суждений о связи роги с составом обслуги войска, с составом обоза (*τοῦλδος*), с обоснованием расчета – “один слуга” (*ἕνα παιδά*) на трех или четырех “стратиотов нижних чинов” (так Кучма переводит фразу *εἰς τοὺς κατωτέρους στρατιώτας*; у Гамиллышега – *unter den niedrigeren Soldaten* – S. 83).

Зыбкость свободы человека в рамках реалий “Стратегикона” видна не только в возможности включения элевтера в категорию *παιδά* наряду с *δοῦλος*. В уже упомянутой гл. I (A) кн. VIII имеется предложение о целесообразности обещать осажденным врагам “свободу и пощаду” и демонстрировать им “освобождение (ἄφεσις) пленных” (с. 148).

Упомянутыми пассажами употребление слова *ἐλευθερία* в военно-прикладном контексте трактата, касающемся обеспечения военной кампании в целом, и ограничивается. Другая группа сведений, где оно используется, касается качеств внеимперских народов (XI, 2–4) – сюжеты, многократно проанализированные в исследованиях, посвященных конкретным этносам V–VI вв. Мне, однако, кажется, что в вводной статье Кучмы был бы уместен более развернутый материал, в отношении анализа этнографической информации “Стратегикона”, например, тот, который был представлен в его весьма содержательной работе 1979 г.¹⁵ В контексте “Стратегикона”, обращающего внимание преимущественно на те свойства чужого народа, которые следует знать для успешной борьбы с ним¹⁶, весьма важна высказанная в названной работе мысль (поддерживающая соответствующие наблюдения Б. Застервой) о клишированности, традиционности этнографических зарисовок Маврикия¹⁷. Вместе с тем мне представляется исключительно верным суждение о связанности автора трактата реальным военно-стратегическим характером подобного материала, серьезно ограничивающей эту клишированность; отсюда принципиальное отличие концепции Маврикия от взглядов предшественников: признание “необходимости учиться у противника” (с. 31). Поэтому, полагаю, весьма осторожно следует относиться и к формально традиционному мотиву *ἐλευθερία* при этнографических описаниях таких варваров, как тюрки (“турки” – в переводе Кучмы), “светловолосые народы” (франки, лангобарды и “другие с подобным образом жизни”),

¹⁴ Ср. наличие 14 пассажей с упоминанием кастроны и всего лишь трех мест, где употребляется термин *πόλις* в “De velitatione bellica”: The Byzantine Military Treatises / Ed. G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 356, 367.

¹⁵ Кучма В.В. Византийские военные трактаты... С. 70–72.

¹⁶ Ср.: Цанкова-Петкова Г. Материалията култура и военното изкуство на дакийските славяне според сведенията на “Псевдо-Маврикий” // Известия на Института за българска история. 1957. Т. 7. С. 329–344; *Zástěrová B.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971. P. 54; *Литаврин Г.Г.* Византийцы и славяне – взаимные представления // *Он же.* Византия и славяне. СПб., 2001. С. 594.

¹⁷ Кучма В.В. Византийские военные трактаты... С. 70.

а также “склавы, анты и им подобные”. “Народ тюрк многочислен и свободолюбив” (с. 186) (δολύανδρόν τε καὶ ἐλευθέρον – Strat. XI, 2. 8) – одно из первых наблюдений Маврикия над качествами “скифских народов”. Перевод Гамиллышегом этого места, на мой взгляд, излишне буквален – zahlreich und frei (S. 361), в то время как Кучма передает более глубокий смысл фразы, вытекающий из контекста, ибо именно “свободолюбие” тюрк предполагает их стремление “ни к чему иному, кроме как смело противостоять врагам” (с. 186). Кроме того, указанному этикетному, по сути, антиклизированному наблюдению предшествует чисто прикладная, дидактическая констатация заботы тюрк и авар о боевом порядке в отличие от “остальных скифских народов”. В похожем контексте помещены слова о том, что франки, лангобарды и им подобные ставят “свободу превыше всего”; отсюда их смелость, стремительность, способность вести бой в конном и в пешем строю и т.д. (с. 188). И опять-таки именно рассуждение об отношении “светловолосых народов” к ἐλευθερία, открывая главу об этих этносах, само по себе, в отрыве от дидактического контекста главы, обладает всеми свойствами клише. Абсолютно то же место занимает в рассказе о славянах и антах тезис о свободолюбии этих народов (с. 189); функция его в тексте главы, несмотря на ту же самую этикетность формы, аналогична свойствам таких же слов о значении ἐλευθερία для авар, тюрк и германцев. Можно лишь отметить, что только для славян Маврикий констатирует полное нежелание “ни стать рабами, ни повиноваться”, – писательский прием, резко усиливающий значимость “свободолюбия” склавов и антов для их боевых качеств. Если правы те исследователи, которые полагают, что именно славяне представляли в то время наибольшую опасность для империи (см.: с. 31)¹⁸, то этот прием автора “Стратегикона” – один из возможных аргументов для подкрепления ими своей точки зрения.

Плодотворность перевода многозначных терминов с учетом их контекста ведет к вопросу о степени применения этого принципа к работе с трактатом Маврикия. Например, в достаточно загадочной (с точки зрения проблем характера компилятивного уровня отдельных разделов “Стратегикона”) кн. VIII (гл. В. “Назидания”) контекст предложения 13 буквально подводит к следующему переводу: “Искусный (в оригинале – ἀνδρεῖος – Strat. VIII. В. 13. 34) стратег – это тот, кто приспособляет собственное мастерство к особенностям времени и боевых действий” (с. 151). (Высказывание в целом соответствует смыслу суждений Вегетия¹⁹. Ср.: Vegetius. III. 9.) В той же главе, но в иных контекстах, слово ἀνδρεῖά и производные от него соотносятся с этическим понятием “мужество”: не следует вести в бой стратегов, мужество которых не проверено на практике (Strat. VIII. В. 3. 8–9; ср.: Vegetius. III. 26); в генеральном сражении больше значит судьба, нежели мужество (Strat. VIII. В. 4. 10–12; ср.: Vegetius. III. 26); “мужество и боевой порядок более плодотворны, чем количество сражающихся” (Strat. VIII. 2. 8. 21–23; ср.: Vegetius. I. 1; III. 26); “немногие оказываются мужественными по природе – их делают пригодными старания и тренировки. Стратиги, постоянно занятые делом, будут преуспевать в мужестве...” (Strat. VIII. 2. 9. 24–25; ср.: Vegetius. III. 26). При сравнении функций термина ἀνδρεῖα в этих максимах с его значением в предложении 13, конечно, следует помнить о консервативности и относительности подобных понятий, их темпоральной, социальной и предметной окрашенности. Но, с другой стороны, именно этот термин – один из тех, что выводит на серьезнейшую проблему восприятия Мавриkiem античной культурной традиции.

Так в предложении 9 особенно заметна античная характеристика генетических свойств мужества – признание возможности как природного, так и воспитательного начала в его происхождении. Никакого божественного промысла, в соответствии с христианской традицией, в генезисе ἀνδρεῖα здесь не просматривается. Абсолютно в античном духе максима 4 указывает на влияние τῆς τύχης [а отнюдь не воли Божьей, не христианского провидения, о которых говорится в Strat. Praef. 40–41, 45–46 (ср.: с. 62); II, 1. 10–11 (ср.: с. 84); VII, A. 7–9 (ср.: с. 128); В. 11. 13–14, 12. 16 (ср.: с. 138, 140)] и τῆς ἀνδρεῖας на исход битвы²⁰. И, видимо, дело здесь не только в происхождении подобных тезисов из античного источника (Ср.: Vegetius. III. 26: proelio, in quo amplius solet fortuna potestatis habere quam virtus). Предложение 8 в соответствии с

¹⁸ Ср.: *Curtis F. The Making of the Slavs. History and the Archeology of the Lower Danube Region*, с. 500–700. Cambridge, 2001. P. 74–119.

¹⁹ Мною использовано издание: *Flavii Vegetii Renati Epitome rei militaris / Ed. C. Lang. Lipsiae, 1885*. (Далее: Vegetius).

²⁰ В характеристике использования Мавриkiem термина δευτέρα τύχη, синонимичного ἐνάτια τύχη, Кучма следует за Гамиллышегом (с. 85, примеч. 2; ср. S. 111, Anm. 11).

античными же принципами разделяет ἀνδρεία и τάξις, и это особенно важно, учитывая, что в данном случае термин τάξις более соотносим с тем смыслом понятия τέχνη, который в “Стратегиконе” наиболее близок к понятию “тактика”, к определению конкретных способов военных действий. Например, мне кажется совершенно верным перевод высказывания οἱ πόλεμοι κρίνονται... διὰ στρατηγίας καὶ τέχνης (Strat. II. 1. 11) как “исход сражений решается... стратегией и тактикой” (с. 84) (точно так же у Гамилльшега – durch Strategie und Taktik – S. 111). Соответственно чуть ниже (после определения стратегии) предложения τέχνης δὲ τὸ μετὰ τάξεως καὶ συμφωνίας τὸν στρατὸν ποικίλως καὶ ἀσφαλῶς τὰς τῶν πολέμων μάχας καὶ ἐυχευρήσεις ποιεῖσθαι (Strat. II. 1. 15–17) переводится следующим образом: “Тактика ведает тем, как следует многообразно и надежно осуществлять сражения и другие боевые действия силами войска после выстраивания его в боевой строй и упорядочивания” (с. 85). Наконец, в максиме, указывающей на необходимость применять “различные приемы” (τέχνας διαφόρους) (Strat. VIII. 2. 30. 83) для побуждения стратиотов к смелости (с. 152), – т.е. опять-таки в наиболее антиклизированном, восходящем к Вегецию разделе трактата, – понятие τέχνη наиболее соответствует своему классическому значению – искусство. Достаточно отметить фиксируемое в “Epitome rei militaris” умение римлян подготавливать новобранцев: armoium docere, cotidiano exercitio roborare (Vegetius. I. 1).

Из подобных наблюдений, на мой взгляд, во-первых, вытекает (если возвратиться к предложению 13 второй главы той же книги), что Маврикий не только из опасения тавтологии избегает термина τεχνικός, предпочитая слово ἀνδρεῖος для определения качеств стратига, при-способливающего свое мастерство (ταῖς οἰκείαις τέχνας) к конкретным боевым действиям. Ἀνδρεία в “Стратегиконе”, в том числе в кн. VIII, даже частично не сходится по содержанию с τέχνη, τάξις и иными, им подобными терминами. Поэтому именовать стратига указанной предложению следует, скорее всего, не искусным, а все-таки истинно мужественным или по зрелому отважным. Гамилльшег для своего перевода избирает в данном случае прилагательное tapfer (S. 281). Именно в этом смысле употребляет Маврикий слово ἀνδρεία для именования необходимого, наряду с благоразумием (σύνεσις), для полководца качества (Strat. II. 1. 15) при определении предмета стратегии, изучающей “использование в ходе генеральных сражений условий времени и места, неожиданных действий и различных военных хитростей...” (с. 84–85) – пассаж, смысл и лексика которого крайне близки к содержанию предложения 13. Во-вторых, очевидно, что зависимость Маврикия (даже на компилятивном уровне) от определенного “античного заряда” в некоторых понятиях, содержащихся в кн. VIII вряд ли следует экстраполировать на весь трактат. Так, в оценке качеств, нужных разведчику, мужество уступает расчётливости и бдительности (Strat. IX, 5. 60; ср. с. 171); мужественных стратиотов в определенных случаях следует размещать в тагме впереди и позади менее опытных и более слабых (Strat. XII. B. 9. 34–38). Это суждения, вытекающие не только из античного мировоззрения.

Вообще обращение Маврикия к классическому наследию отличается сложностью хотя бы потому, что если он и демонстрирует знакомство с античными военными трактатами и с некоторыми событиями античной военной истории, но назвать главные его источники невозможно; думаю, Кучма прав, считая их компиляциями из более ранних сочинений (с. 17). И вообще, как убедительно было показано волгоградским исследователем еще раньше, военная концепция Маврикия не столь теоретизирована, как, например, мысль Онасандра²¹. Автор “Стратегикона” намного более приземлен, исходит, ставя задачу перед стратигом и стратиотами, из реальных жизненных ситуаций, мышление его отличается динамичностью, быстрой реакцией на меняющуюся обстановку (с. 22–24). Но является ли это признаком отхода от манер античных военно-теоретических сочинений, определенным знаком переходной эпохи? Полагаю, этот вопрос требует отдельного изучения.

Обобщая все сказанное, повторяю, что выход в свет книги Кучмы – не только важный вклад в углубление целостного подхода к изучению одного из уникальнейших памятников ранневизантийской эпохи. Он побуждает исследовательскую мысль к новому обращению к, казалось бы, давно известному нарративу для извлечения сведений, способствующих реконструкции не только военной, но и в целом общественной восточноримской истории переходного периода.

И еще он подтверждает плодотворность анализа с акцентом на ярко выраженном авторском самосознании такого типа византийских сочинений, которые можно назвать погранич-

²¹ Кучма В.В. “Стратегикос” Онасандра и “Стратегикон Маврикия”: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1984. Т. 45. С. 22.

ными между литературными и нелитературными текстами (вспомним, что А.П. Каждан, по сути, отрицал за последними использование образов и фигур, системы способов и средств, используемых авторами, чтобы выразить себя²²). “Стратегикон” действительно беднее подобными приемами, чем современные ему агиографические или гимнографические произведения. Но дидактизм, помноженный на собственный опыт, оказался в трактате таким отражением общественно-исторической реальности, пусть и военно-прикладной, когда природа последней, равно как и ее познание, предстают в качестве “актуализированного предела”, который империя и ее подданные должны соблюсти, чтобы не потерпеть трагического ущерба. Подобное свойство “Стратегикона” ставит информацию трактата перед барьером эмоциональной выразительности – барьером, преодолеть который Маврикий не решается не из-за своей неспособности это сделать, а в силу серьезности и жизненности поставленных им перед собой задач. И в этом случае “Стратегикон” предстает как памятник, уровень художественности которого также достоин изучения.

А.С. Козлов

Максимович К.А. Закон судный людем. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М.: Древлехранилище, 2004. 240 с.

Как памятник, принадлежащий к корпусу кирилло-мефодиевских текстов, “Закон судный людем” не обойден вниманием исследователей: он неоднократно издавался (см. характеристику изданий на с. 23–25 рецензируемой книги), и ему посвящена немалая литература (см. библиографию там же, с. 169–197). Монография Максимовича, однако, не затеряется в этом обилии написанного. Чтение книги убеждает, что автору есть что сказать нового о хорошо известном произведении.

Максимович отмечает, что его работа – это попытка комплексного подхода к источнику, исследование, посвященное как лингвистическим, так и юридическим аспектам памятника (с. 3, 26). В данном своем качестве эта книга идет гораздо дальше всей предшествующей литературы. Автором движет практическая цель: “по возможности точно установить авторство и время создания памятника” (с. 3), реконструировав “языковую” и “юридическую личность” переводчика (с. 26).

Максимович выступает прежде всего как высококвалифицированный филолог. Он и сам подчеркивает, что делает особый акцент на формально-языковых критериях определения авторства (с. 26; ср. с. 10–11). В этом, на мой взгляд, состоит наиболее сильная сторона книги Максимовича. Его описание переводческой техники “Закона судного” (гл. II. 3) – принятое, к слову, впервые в отношении этого памятника (ср. с. 38) – обнаруживает незаурядное владение теорией перевода и включает весьма разработанную и во многом оригинальную терминологию (автор, впрочем, отмечает ее экспериментальный характер – с. 40, примеч. 26). В других частях книги (гл. III. 3 и IV) Максимович дает простор своим способностям лексикографа и историка языка. Впечатляет объем филологического материала, которым владеет автор, и легкость, с которой он ориентируется в разнообразных словарях, изданиях текстов и в своей многоязычной и обширной литературе. Рассмотрение лексики, синтаксиса и переводческих приемов “Закона судного” Максимович сочетает с историко-юридическим анализом, прослеживая и комментируя тенденции, обнаруживающиеся в изменениях славянского текста по отношению к греческому оригиналу, “Эклоге” (гл. II. 2–3). Отдельная глава книги посвящена рецепции памятника на Руси.

На основании всей совокупности имеющихся данных – и прежде всего учитывая наличие в “Законе судном” целого ряда “моравизмов” (с. 86–103), – автор решительно присоединяется к “моравской теории” происхождения памятника. С особенной похвалой Максимович отзывается о работах виднейшего представителя этой теории, Йозефа Вашицы, хотя и не все выводы чешского ученого он разделяет (с. 13–15, 25). Автор монографии полагает, что перевод был сделан “билингвом”, “в совершенстве владеющим исходным (греческим) и переводящим (славянским) языками” (с. 125). По мнению Максимовича, билингвизм, демонстрируе-

²² Каждан А.П. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 19–20.

мый переводчиком, был возможен только у человека, выросшего на смешанной славяно-греческой территории и при этом получившего образование “в одном из византийских культурных центров” (с. 54–55). Автор книги приписывает перевод св. Мефодию, как это делал прежде С.В. Троицкий (см. с. 16, 19), а не Константину-Кириллу, как полагал Вашица, и относит появление памятника к 870-м годам, т.е. ко времени епископского служения Мефодия в Великой Моравии (с. 55–56, 125–126). Привлечет внимание филологов и расходящийся с широко распространенной историографической традицией вывод Максимовича об “отсутствии коренных различий между языком кирилло-мефодиевских переводов и обиходным славянским языком” (с. 120–121, 127). Тут же несколько загадочно звучит высказывание автора, что в “Законе судном” “использован местный, моравский (позднепраславянский) культурный диалект” (с. 121). Означает ли эта осторожная формулировка, что “Закон” написан на этом, а не на присолунском диалекте, как это обычно полагают, или моравский диалект просто “использован” вдобавок к основному, присолунскому наречию памятника? Максимович высказывает предположение, что “Закон судный” мог проникнуть на Русь не через Болгарию, но непосредственно от западных славян (с. 73, 126–127). Основываясь на истории одного из моравизмов “Закона”, слова кметь, в древнерусских текстах и на бытовании “Закона” в сборнике юридических памятников, составленных при Ярославе Мудром, автор датирует появление памятника на Руси примерно серединой XI в. (с. 66–67, 127).

Весьма привлекательная черта монографии – ее краткость и деловитость. Книга Максимовича представляет собой связную группу отдельных малых исследований о “Законе судном”. Автор не гонится за полным охватом всех проблем, обсуждавшихся в связи с “Законом” (ведь, увлекшись, книгу об этом памятнике можно написать и на пятистах страницах), но концентрирует внимание на тех аспектах, которые позволяют ему установить нечто существенно новое о происхождении, характере и бытовании памятника. Максимович внимателен к деталям и одновременно помнит о том, какова роль этой детали в прояснении основных вопросов его исследования.

Выводы Максимовича аргументированы и, как правило, убеждают. Я позволю себе тем не менее два полемических замечания по поводу заключений автора. Первое касается двуязычия переводчика “Закона судного”. Максимович подчеркивает блестящее знание переводчиком греческого и славянского языков и говорит о “славяно-греческом билингвизме” этого человека (с. 55, 125; см. также цитату о “совершенном владении” двумя языками выше в этой рецензии), в другом месте определяя его даже как “византийского славянина-билингва” (с. 54). Эти выводы заставляют поразмышлять о степени двуязычности переводчика и о той мере, в которой эта двуязычность может быть установлена собственно на основе данного перевода. Как явствует из анализа Максимовича, либо славянский язык был для переводчика родным, либо он знал его весьма близко к родному. Учитывая, что от момента возникновения перевода нас отделяет более тысячи ста лет, мы едва ли способны почувствовать по языку памятника, какая из этих двух возможностей соответствует действительности. О знании переводчиком греческого мы вправе заключить, что он хорошо понимает “Эклогу”, текст VIII в. Значит ли это непременно, что переводчик хорошо владеет и письменным греческим языком? Отмеченная Максимовичем единственная неточность перевода (с. 52) не проясняет ситуацию: однозначно интерпретировать ее как недопонимание переводчиком греческого текста или как несовладание со славянским синтаксисом не удастся (не говоря уже о возможной порче текста). Насколько, таким образом, заключение автора о совершенном владении переводчиком как греческим, так и славянским языком может быть вообще сделано на основе анализа перевода “Закона судного”? Как кажется, вывод Максимовича диктуется не столько характером перевода, сколько внешними по отношению к переводу данными – нашим знанием о высокой степени билингвизма солунских братьев, один из которых, Мефодий, является наиболее вероятным “кандидатом” в переводчики. Еще более неосторожно говорить, пусть даже мимоходом, о “национальности” переводчика (“византийский славянин-билингв”), ибо при высокой степени двуязычия определить таковую на основе перевода едва ли возможно¹.

Вызывает сомнение еще один момент в аргументации Максимовича. Настаивая на принадлежности автора “Закона судного” к епископату (с. 54), он замечает, что “юридическая деятельность в Церкви была (и остается по сей день) привилегией высшего епископата” и что все отцы Церкви, писавшие церковные каноны, были епископами (с. 54, примеч. 58). В под-

¹ *Верещагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971. С. 174–175.

держку этого тезиса он ссылается на Юстинианово законодательство и каноны вселенских и поместных соборов (там же). Более чем сомнительно, однако, чтобы перевод “Эклоги”, светского свода, хотя и перевод несколько вольный и с добавлением альтернативных церковных наказаний (спитимий), относился к той деятельности, которой каноны, упоминаемые Максимовичем, предписывают заниматься исключительно епископам и соборам. Кроме того, альтернативные церковные наказания, добавленные в славянском переводе, по-видимому, следовали уже существующей епитимийной традиции. В большой степени это подтверждает и сам Максимович, который для половины этих наказаний (для четырех из восьми) находит аналоги в канонах св. Василия Великого. Как перевод “Эклоги”, так и его дополнение уже установившимися, традиционными епитимиями мог выполнить и простой монах (скорее всего, с благословения своего епископа или игумена). Многие виды юридической деятельности в церкви – а именно составление сводов, комментирование и редактирование правил – не были привилегией исключительно епископов. Достаточно припомнить имена Никона Черногорца, Зонары и Властаря – монахов, не принадлежавших к высшей церковной иерархии. Доводы Максимовича (с. 54) свидетельствуют об авторе “Закона судного” как о церковном интеллектуале, хорошо знакомом с византийским правом, но ни один из них не доказывает неперемнной принадлежности переводчика к епископату.

Два данных возражения приведены не для того, чтобы опровергнуть предположение об авторстве Мефодия: сделать это после исследования Максимовича будет не просто. Его спорные аргументы, по-видимому, вызваны объяснимым желанием максимально развить свою гипотезу и сократить дистанцию, неизбежно сохраняющуюся по причине скудости данных, между анонимным переводчиком и славянским первоучителем Мефодием.

Хочется упомянуть еще и ценное приложение книги Максимовича – подробное источниковедческое описание Устюжской кормчей (XIII–XIV вв.), одной из древнейших рукописей, где сохранился список “Закона судного”, и одной из двух рукописей, где до нас дошел “Номоканон Мефодия”. Это описание может стать основой для сравнения со второй рукописью “Номоканона”, Иосафовской, и для изучения юридической сборника, в состав которого входил “Номоканон”. Такое исследование помогло бы проверить выдвинутую еще В.Н. Бенешевичем² и позже поддержанную Я.Н. Шаповым³ гипотезу о том, что сокращение “Номоканона” есть дело рук позднего редактора, а сам Мефодий переведил свой греческий оригинал, “Синагогу” Иоанна Схоластика, целиком.

В заключение я отмечу еще одну приятную черту монографии. Книга хорошо структурирована, написана, если так позволительно сказать, “в хорошем ритме” и, несмотря на, казалось бы, предельно сухую лингвистическую и историко-юридическую проблематику, не “занаученным”, но ясным и легко читаемым языком.

Богатая новыми сведениями книга Максимовича – лучшая на сегодняшний день работа о “Законе судном”. Нетрудно предсказать, что она станет и одним из самых цитируемых исследований по истории переводной и юридической литературы православных славян. Для многих заключений Максимовича характерна свежесть взгляда, весьма редкая, когда речь идет о предмете, столь “исписанном”, как кирилло-мефодиевские тексты. Опыт комплексного исследования, предпринятого автором, должен служить образцом для изучения переводных юридических памятников. Мимо выводов и методов автора пройти нельзя, и они, без сомнения, вызовут интерес у специалистов.

В. Александров

Бубалов Ђ. Српски номици. Београд: Византолошки институт САНУ, 2004. 306 с., 12 фотогр.

В последнее время в европейской науке все большее внимание уделяется истории делопроизводства и правовых документов. Можно сказать, что византийская дипломатика после

² Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права Греко-Восточной церкви. СПб., 1914. С. 211–212; *Он же.* Миражи в истории Древней Руси и южных славян // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 249–251.

³ Шапов Я.Н. “Номоканон” Мефодия в Великой Моравии и на Руси // Великая Моравия... С. 243–248.

введения в научный оборот большого количества актов византийского периода вышла на новый уровень исследований. Предметом изучения становится сам институт производства юридических актов, корпорация нотариев. Следует указать прежде всего на работу И.П. Медведева, посвященную византийскому частноправовому акту, в которой автор останавливается также на проблеме происхождения нотариата в Византии и его месте в системе делопроизводства¹. Недавно появилось новое исследование византийского нотариата IX–XV вв.² Книга Дж. Бубало в этом отношении является вполне логическим продолжением этих исследований, поскольку впервые рассматривает становление и развитие этого института в средневековой Сербии. Актуальность ее не вызывает сомнений.

Монография состоит из двух больших частей. В первой части исследователь ставит вопрос о происхождении сербского нотариата, о правовом и социальном положении нотариев, об организации процесса делопроизводства в Сербии. Особая глава посвящена отдельным представителям сербского нотариата. Обращает на себя внимание тот факт, что исследователь активно использует не только законодательство сербских королей и царей, но и материалы частноправовой документации, в которой могут находиться сведения о нотариатах, заверяющих сделки.

В целом можно считать убедительной точку зрения Дж. Бубало, что институт нотариата в средневековой Сербии возник под влиянием аналогичного византийского института, а также Дубровника, где письменное оформление сделок имело давнюю традицию. Структурно он оформился в правление краля Милутина, и получил окончательный вид в XIV в. в период законодательной деятельности царя Стефана Душана. При этом автор определяет источники законов о нотариате – это византийское гражданское законодательство, Прохирон и Законы Юстиниана, а также церковное право, систематизированное в XIV в. Матфеем Властарем. Конечно же, законодательство Стефана в области нотариата отвечало потребностям сербской администрации на местах, а также потребностям сложившихся общественных связей. Характерной чертой сербского нотариата становится то обстоятельство, что нотариаты чаще выходили из среды церковнослужителей и монашества и были связаны с теми или иными церковными общинами.

Основываясь на анализе сербского законодательства XIV–XV вв. и частноправовой документации, Дж. Бубало делает вывод о распространенности нотариата в Сербии этого периода. В целом это было связано, по его мнению, с развитием письменного оформления сделок. Рассматривая материал сербских актов, исследователь останавливается на отдельных представителях нотариата, на их социальном положении.

Вторая часть монографии сербского ученого посвящена организации самого процесса делопроизводства в средневековой Сербии, месту нотариата в судебной системе. Автор рассматривает отдельные частные акты, вышедшие из под пера того или иного нотариуса, рассматривает их с точки зрения палеографии (изучается текст, материал письма, язык, на котором написан документ). Отдельно исследуются формуляры сербских актов и на основе них создается тип условного формуляра. Дж. Бубало приходит к вполне убедительному выводу о том, что этот формуляр в целом соответствует византийскому стандарту³. Касаясь важного вопроса авторитетности свидетельских показаний, исследователь приходит к выводу, что в качестве свидетелей часто выступают случайные лица, что, по-видимому, говорит о незрелости самого института сербского нотариата. В этом отношении также можно сослаться на византийский образец. В то же время в Западной Европе, наоборот, в XII в. статус нотариуса и авторитет нотариально заверенного акта повышается настолько, что институт сторонних свидетелей отмирает⁴. Все же следует заметить, что как в Византии, так и в Сербии больше всего доверяли свидетельским подписям знатных лиц и представителей духовенства.

Наконец, отдельная глава монографии посвящена такому важному вопросу, как правовая ценность юридического акта. Исследователь приходит к выводу, что как в Византии XIV–XV вв., так и в Сербии этого периода в судопроизводстве чаще доверяли пра-

¹ Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988. С. 100–181; Он же. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 255–402.

² Saradi H. La notariat byzantin du IXe – XVe siècle. Athènes, 1991.

³ См. Вернадский Г.В. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. / Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 35–43; Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики... С. 57–98.

⁴ Медведев И.П. Правовая культура... С. 393.

вильно оформленному документу, составленному нотарием, а не устным свидетельским показаниям.

В приложениях к своему труду Дж. Бубало публикует ряд сербских частноправовых актов с их критикой с точки зрения дипломатики, а также фотографии оригиналов актов. В целом монография сербского исследователя являет собой оригинальный труд, который на-чинает исследования сербского нотариата.

М.А. Морозов

Δ ε λ η κ α ρ η 'Α. "Άγιος Γρηγόριος ὁ Σιναΐτης. Ἡ δράση καὶ ἡ συμβολή του στὴ διάδοση τοῦ ἡσυχασμοῦ στὰ Βαλκάνια. University Studio Press. Θεσσαλονίκη, 2004. 372 σ. (= Ἑλληνισμὸς καὶ κόσμος τῶν Σλάβων, 6).

Новая работа молодой греческой исследовательницы Ангелики Деликари¹ посвящена жизни и деятельности св. Григория Синаита (ок. 1265 г. – после 1341 г.). Монография включает в себя предисловие издателя (А.-Э.Н. Тахиаоса), предисловие автора, 5 глав, приложение, библиографию, резюме на немецком языке и указатели имен.

Глава I (с. 29–63) посвящена жизни и трудам выдающегося духовного деятеля поздней Византии, ученика и биографа св. Григория Синаита, Константинопольского патриарха Каллиста I (годы патриаршества 1350–1353, 1355–1363). Автор мотивирует постановку на первое место главы о Каллисте необходимостью решить источниковедческие вопросы – прежде всего вопрос о месте и времени написания жития св. Григория (с. 10). Попутно автор решает и другие вопросы, связанные с жизнью и деятельностью патриарха Каллиста I – в частности уточняет дату его смерти (лето 1363 г.) (с. 40–41, примеч. 33).

В главе II (с. 65–145) описана жизнь св. Григория Синаита – прежде всего его деятельность как основателя монастырей, духовного учителя, подвижника и богослова. Основная цель главы – показать роль и место св. Григория в распространении на Балканах особого богословского и аскетического течения в православном христианстве – *исихазма*². При этом ставилась задача не столько рассмотреть во всех подробностях особенности аскетической доктрины св. Григория (относительно неплохо изученные наукой), сколько описать исторические условия его деятельности в один из самых сложных периодов истории Балкан (с. 11–12). Автор делает экскурс в историю исихастского движения, которое, по мнению А. Деликари, ведет свое начало с IV в. и достигает наивысшего развития в фигурах Григория Синаита и Григория Паламы. Проследживается влияние византийского исихазма в болгарских и сербских землях, а также в России, Молдавии и Валахии. Особую роль в деле распространения исихазма среди славян автор отводит монашеской общине области Парория (Παρόρια), в которой жил и творил Григорий Синаит в последнее десятилетие своей жизни.

Глава III (с. 147–195) посвящена до сих пор нерешенной проблеме локализации области Парория. Автор рассматривает предшествующую традицию изучения этой проблемы, анализирует исторические источники, предлагает новые подходы и решения.

В главе IV (с. 197–215) исследуется рукописная традиция славянского перевода жития Григория Синаита и впервые предлагается полный перечень известных на сегодняшний день славянских рукописей. Установлен самый древний славянский список жития – Афон. Зограф. 214. В главе рассмотрены также известные греческие рукописи жития³.

Глава V (с. 217–268) представляет собой издание древнейшей славянской рукописи ЖГС. Любопытный эксперимент представляет собой обратный перевод со славянского на древнегреческий двух фрагментов, не представленных в оригинале ЖГС (точнее, в его доступных версиях).

¹ Ее первая книга вышла в 1997 г., ср.: *Delikari A. Der Hl. Klemens und die Frage des Bistums von Velitza. Identifizierung, Bischofsliste (bis 1767) und Titularbischöfe. Thessaloniki, 1997.*

² В исходном греч. ἡσυχασμοῦ представлен целый спектр аскетических значений – “молитвенная сосредоточенность; внутреннее упокоение; созерцание; умиротворенность духа” и т.п.

³ Критическое издание греческого текста жития Григория Синаита, по данным автора, готовит Х.-В. Байер (H.-V. Bayer).

Приложение состоит из двух частей – в первой части рассмотрены славянские эквиваленты для греческих исихастских терминов; во второй части опубликован греческий оригинал жития Григория Синаита по двум спискам – Athon, Lavra I 117 и Mosq. Sin. gr. 293.

Библиографический указатель использованной литературы (с. 269–304) содержит 683 названия, в том числе 84 издания источников.

К достоинствам новой монографии А. Деликари можно отнести углубленный анализ всей предшествующей историографии, хорошее владение инструментарием византийской и славянской кодикологии, палеографии, дипломатики и других дисциплин. Разносторонние интересы и энциклопедический кругозор автора хорошо иллюстрируются капитальной библиографией использованных в книге авторов. Монография А. Деликари представляет собой, бесспорно, крупный вклад в исследование средневекового исихазма и станет важным пособием для исследователей данной темы (разумеется, при условии, что они владеют новогреческим языком).

К.А. Максимович

Boud'hors A. Ostraca grecs et coptes des fouilles de Jean Maspero à Baouit. O. Bawit IFAO 1-67 et O. Nancy. IFAO. Le Caire, 2004. X + 109 p. (Bibliothèque d'études coptes 17).

Эта книга – пример того, сколь долгим и извилистым может быть путь археологической находки к публикации. В 1913 г. в Académie des inscriptions et belles-lettres известный французский ученый Жан Масперо сделал доклад о результатах своих раскопок монастыря Бауит в Среднем Египте. Среди прочего он отметил, что были обнаружены фрагменты папирусов и острака, которые имеют отношение к каким-то монастырским владениям, а также, возможно, – к податям и налогам. По его мнению, они могли бы пролить свет на то, что представлял собой этот значительный среднеегипетский монастырь к VIII в. Но, как известно, Масперо погиб в первую мировую войну, и часть найденных им вещей не была опубликована и, казалось, утрачена навсегда. Не были изданы и документы, найденные Жаном Кледа, проводившим раскопки в Бауит 8 лет спустя после Масперо. И только в 1990 г., благодаря заново начатой работе по публикации неизданного материала последней археологической экспедиции Кледа, часть обнаруженных им острака была идентифицирована в запасниках Лувра¹. А в 2000 г. автор нынешней публикации Анн Будор во время посещения хранилища Французского института восточной археологии (IFAO) в Каире случайно заметила на одном из находившихся там острака текст, начинающийся со слов **ϣΙΝΕ Ν̄ΙΣΑ** -, – именно такой тип формуляра был характерен для острака из Бауит, найденных Кледа. Более подробные исследования, проведенные в феврале 2001 г., позволили идентифицировать около 70 черепков, происходивших из монастыря Бауит. Но, более того, на обратной стороне одного остракона была обнаружена карандашная надпись “сoug 2”. Вскоре стало ясно, что маркировка “сoug” имеет отношение к раскопкам Масперо. После этого оставалось мало сомнений в том, что острака, найденные в подвалах IFAO, – те самые (или какая-то их часть), о которых упоминал французский ученый в своем докладе².

В рецензируемом издании опубликовано 67 острака, разных по типу формуляра, упоминаемых там продуктах и степени сохранности. В качестве дополнения издан остракон, хранящийся теперь в Нанси (O. Nancy), который также относится к материалам из Бауит. Непрост вопрос с датировкой. Острака имеют два указания – число месяца и год индикта. Присутствие в текстах множества греческих сокращений сначала натолкнуло издательницу на мысль, что острака можно датировать первой половиной VII в. Однако недавние исследования А. Делетра о платежных расписках, происходящих из Египта и содержащих и коптские, и греческие фразы, показали, что они четко датируются VIII в., так как часть из них составлена на обратной стороне протоколов, написанных по-гречески и по-арабски³. Таким образом, как отме-

¹ Подробнее об этом см.: *Cleda J. Le monastère et la nécropole de Baouit / Notes mise en oeuvre et éditées par D. Bénazeth, M.-H. Rutschowskaya. Avec des contributions de A. Boud'hors, R.-G. Coquin (†), E. Gaillard. Le Caire, 1999 (MIFAO, 111). P. 245–246. Обнаруженные в Лувре острака из Бауит теперь имеют аббревиатуру O. Bawit.*

² Опубликованным в этом издании острака теперь присвоено сокращение O. Bawit IFAO.

³ Эти исследования являлись частью его диссертации, к сожалению, пока не опубликованной.

часть А. Будор, изданные документы с большой степенью вероятности датируются второй половиной VIII в.

Опубликованные острака изданы, как это часто принято в подобного рода изданиях, по типам продуктов, которые в них упоминаются: зерновые, вино, рыба и т. д. Внутри этих разделов документы (там, где это было возможно) распределены по типам формуляров. Сначала опубликованы документы, где речь идет о зерновых (O. WawitFAO 1–26). Пятнадцать из них составлены по формуляру, начинающемуся с **ϣΙΝΕ Ν̄CΑ-**. Данное выражение можно перевести на русский как “получить” или “доставить”. Издателями текстов это выражение переводится по-разному – *faire rentrer, commander, reclaimer*⁴. Всего на сегодняшний день в различных музейных, государственных и частных собраниях обнаружено 142 острака такого типа (предполагается, что все они происходят из Бауит где, как показывают в том числе и исследования папирусов, существовали собственные типы формуляров⁵). Различаются несколько видов формуляров. Самый простой указывает число мешков (**ϑΟΟΥΝΕ/** греческий эквивалент – **θαλλ(όν)**), происхождение продукта (вводимое **ΝΤΕ-**), имя перевозчика (вводимое через **ΖΙΤΝ-**), греческое резюме, где повторяется количество мешков с последующим указанием даты (месяцы паоне или епифи (επεφ), соответствующие июню и июлю⁶, т.е. периоду жатвы). Другой вид добавляет к этим сведениям эквивалент веса мешков в артабах (по формуле, которая начинается с **ΕΡΕ-** и заканчивается **ΖΙΘΟΥ**), количество артаб при этом выражено либо по-коптски, либо по-гречески, в конце эта информация кратко повторяется по-гречески. Только четыре из этих острака предположительно дают номер перевозки (φορά) – O. WawitFAO 6, 13–15. К зерну иногда присоединена “чина” (**ΑΡΑΚ/ἄρακος**), сорт бобовых. Четыре острака (O. WawitFAO 12–15) содержат упоминание о ячмене (**ΕΙΩΤ**). Второй, принципиально иной, тип формуляра составлен по-гречески (O. WawitFAO 16–24): сначала следует номер “форы”, затем имя ответственного за перевозку (вероятно, погонщика верблюдов), вводимое через **δία**, число так называемого **χαμῆλιον** (т.е. веса поклажи одного верблюда)⁷, число мешков и количество артаб (последнее указывается не всегда). Название продуктов обычно не уточняется. Отсутствуют дата и место происхождения продукта. Предназначение этих острака остается не вполне ясным. А. Будор предполагает, что они являлись своего рода “памяткой”, предназначенной для сводных списков по номерам доставок⁸. Два острака отнесены издательницей к категории *autres*. Один из них (O. WawitFAO 25) составлен по-гречески и содержит ту же информацию, что и тип **ϣΙΝΕ Ν̄CΑ-**, но начинается с имени ответственного за перевозку, другой (O. WawitFAO 26), также составленный по-гречески, начинается с даты, но сохранился очень фрагментарно. Интерпретация всех вышеперечисленных острака имеет ряд объективных трудностей. Первая из них состоит в “подвижности” цифровых соотношений между мешками и артабами: в одних случаях число артаб несомненно превышает количество мешков, в других составляет пропорцию “два к одному”.

⁴ Глагол **ϣΙΝΕ** означает “спрашивать” или “искать”. В словаре Крама выражение **ϣΙΝΕ Ν̄CΑ-** переводится как *inquire for and seek after* (*Crum W.E. A Coptic Dictionary*, Oxford, 1939. P. 569 B). А. Будор всегда переводит это выражение *faire rentrer*.

⁵ Об этом см.: *Clackson S.J. Reconstructing the Archives of the Monastery of Apollo at Bawit // Atti del XXII Congresso Internazionale di Papirologia, Firenze, 23–29 agosto 1998 / Ed. I. Andorlini, G. Bastiani, M. Manfredi, G. Menci. Florence, 2001. Vol. I. P. 219–236, Pl. VI–VII.*

⁶ Месяц паоне начинался с 26 мая (по юлианскому календарю), эпеп – с 25 июня. Всего в коптском календаре 12 месяцев по 30 дней и 5 (а в високосный год – 6) дополнительных дней (так называемых *επαгоμενε*).

⁷ Строго говоря, в текстах стоит аббревиатура **χαμῆ**, которая может означать как верблюда **χαμῆλος** так и его поклажу – **χαμῆλιον** или **χαμῆλια** (последнее обозначение встречается в P. Sarga 370). Но смысла это не меняет. Обычно верблюд мог нести 6 артаб зерна, т.е. 147–148 кг, что предположительно равнялось 3–4 мешкам.

⁸ Двухязычие при составлении документов (в данном случае – в пределах одного монастыря) – факт, достаточно хорошо засвидетельствованный для Египта византийского времени. Однако остается не до конца ясным, в какой социальной и этнической среде эти документы составлены. См.: *Boud'hors A. Ostraca grecs et coptes...* P. 3, особ. примеч. 16, где речь идет о документах, составленных целиком по-гречески.

Конечно, легче всего предположить наличие разных размеров мешков. Но некоторые известные данные могут указывать на то, что и артабы также различались⁹. Загадочной остается греческая аббревиатура αθ/ε. На ее счет высказывались разные предположения. А Будор полагает, что ее следует читать как ἀθητήσιος – “не считая”. Тогда речь может идти о выражении, уточняющем малые меры. Не до конца ясно сокращение το^δ, которое может быть прочитано и как το^α. Скорее всего, его нужно понимать как το(ῦ) δ(είγματος) – “согласно норме”.

Следующими опубликованы документы, касающиеся вина (O. WawitFAO 27–45). По замечанию издательницы, в собрании Французского института восточной археологии они не столь многочисленны, как, например, в запасниках Лувра. Эти острака классифицированы следующим образом: первые (O. WawitFAO 27–32) – с формуляром типа (ϠΙΝΕ Ν̄CΑ-) или с номером “форы” в начале документа – составлены по-коптски и по-гречески, вторые (O. WawitFAO 33–40) целиком составлены по-гречески (вначале документа номер “форы” или топоним) и наконец третьи (O. WawitFAO 41–44), тип которых сложно определить из-за их плохой сохранности. В данном типе документов не совсем ясными остаются объемы, там упоминаемые, – λακοοτε, ἀγγεῖ(ον), κν(ί)δ(ιον), μαγαρ(ιχόν), μ(ε)γ(άλα). Ясно, что речь идет о кувшинах, скорее всего, разной вместимости, но более конкретной информацией мы пока не располагаем.

Две острака (O. WawitFAO 46–48) касаются транспортировки соленой рыбы, один (O. WawitFAO 49) – пальмовых волокон. В этой связи уместно вспомнить, что во время своих раскопок монастыря Бауит, в так называемом “зале 42” Масперо, помимо прочего, нашел сосуд и глубокое блюдо, наполненные порезанной на куски соленой рыбой и решето с пальмовыми волокнами. Рыба, упоминаемая в этих острака (ϠΧΑΛ/ΧΟΪΡΟΣ¹⁰), уже идентифицирована – речь идет о так называемом *synodontis schall*¹¹, одной из самых распространенных нильских рыб.

В последнем, четвертом разделе публикации собраны плохо сохранившиеся тексты различных формуляров (O. WawitFAO 50–67). Наконец, в приложении издан текст остракона (O. Nancy), фотография которого уже долгое время хранится в Лувре, но его нынешнее местонахождение было определено совсем недавно. Сейчас он хранится на филологическом факультете университета в Нанси. Текст документа соответствует формуляру ϠΙΝΕ Ν̄CΑ-, и речь в нем идет о поставке зерна. Загадочным остается то, как он попал в Нанси. Никаких записей на этот счет не сохранилось. По мнению издательницы, единственной “ниточкой”, которую можно протянуть из Нанси к раскопкам в Бауит, является Поль Пердризе, бывший в Нанси с 1899 по 1918 г. maître de conférences и работавший какое-то время вместе с П. Жуге, тогдашним директором IFAO.

Стоит отметить, что публикация 67 острака выполнена на высоком научном уровне и соответствует всем требованиям к изданиям подобного рода: в легенде (под литерой “С”) сообщается номер хранилища в IFAO, размеры остракона, количество строк, краткое описание керамики и подчерка. В индексах содержатся разделы собственных имен, топонимов, профессий и должностей, мер и весов, упомянутых продуктов, дат и принятых в острака сокращений. К сожалению, не все черепки удалось сфотографировать. Девять из них числятся пропавшими без вести с октября 2001 г. Эти острака, так же, как и номера 66 и 67, присоединенные к данной серии позднее, воспроизведены А. Будор в авторских эскизах.

Издание острака из Бауит вместе с другими документальными материалами поможет нам детальнее представить хозяйственную жизнь крупного египетского монастыря в VIII в.

⁹ Так, например, в одном документе из собрания Венской национальной библиотеки после количества артаб стоит указание – “малой меры”. См.: *Hasitzka M. Koptisches Sammelbuch I. Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Nationalbibliothek in Wien XXIII. Vienne, 1993. – SBKopt. 230.7.*

¹⁰ Еще одно название рыбы (λαβιν/ταριχέιον) означает просто “соленую рыбу”, возможно, ту же самую.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Clackson S. Fish and Chits: The Synodontis schall // Zeitschrift für Ägyptische Sprache. (2002) 129. P. 6–11.* Клаксон приводит слова французского натуралиста и путешественника XVIII в. Шарля де Монокура, что эта рыба служила пищей в основном бедноте и малопривычна на вкус для европейца.

Так, например, мало сомнений в том, что большинство топонимов, вводимых коптскими словами **ППА**, **ФОИ**, или греческим словом **τόπος**, обозначают земельные владения, из которых осуществлялась доставка продуктов в Баутит. На основании данных острака можно сделать некоторые выводы об объеме продовольственных поставок, а также о рационе питания монахов.

В заключение остается лишь добавить, что свою публикацию А. Будор посвятила светлой памяти безвременно ушедшей английской исследовательницы Сары Клаксон, энтузиазм и научный талант которой в немалой степени способствовали возобновлению интереса к изучению документального материала из монастыря Баутит¹².

А.А. Войтенко

The Armenian People From Ancient to Modern Times. Vol. I: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century / Ed. R.G. Hovannisian (Second Edition). N. Y., 2004. XII + 351 p. + Index.

Предлагаемая книга, по словам ее редактора Р.Дж. Ованнисяна, является первым общим исследованием по истории армянского народа на английском языке и представляет собой коллективный труд ведущих исследователей-арменистов США и Великобритании. Подготовка книги началась еще в 1980-е годы; впервые она была издана в 1997 г., и повторно, расширенным тиражом, – в 2004 г. Полностью это двухтомное издание излагает историю Армении с древнейших времен до конца XX в.

Первый том, вышедший в свет под редакцией Р.Дж. Ованнисяна и охватывающий период с древности до XIV в., представлен исследованиями Р. Хьюзена, Дж. Рассела, Н. Гарсоян, Р. Томсона, Р. Бедросяна, А. Атамян-Бурнутян и П. Коува. Книга снабжена картами (10 экз.) и династическими таблицами (4 экз.), а также схемой транслитерации, используемой при передаче армянских слов и имен (с. XII). Работа состоит из разделов, расположенных в хронологическом порядке, начиная со времени появления протоармян. Общий для всех авторов библиографический список представлен в конце книги, хотя в конце каждого раздела авторы указывают список книг “для дальнейшей информации” по данной теме. В издании даны общий индекс и приложения с краткими сведениями об авторах (с. 350–351).

После предисловия Р.Дж. Ованнисяна книгу открывает раздел Р. Хьюзена “География Армении” (с. 1–17). Автор описывает природный ландшафт Армянского нагорья, расположение его гор, рек и озер, климат, флору и фауну региона, отмечает сейсмическую активность и указывает месторождения полезных ископаемых. Несколько страниц посвящены исторической географии Великой и Малой Армении до конца XX в. Работа снабжена двумя картами: историческая территория Армении и Армянское нагорье.

Основные теории происхождения и раннего этногенеза армян представлены в разделе “Формирование армянского народа”, написанном профессором Гарвардского университета Дж. Расселом, одним из ведущих современных арменистов (с. 19–35). Несмотря на то что первое прямое письменное упоминание армян относится лишь к VI в. до н.э., их древнейшую историю можно проследить, опираясь на данные лингвистических исследований. Армянский язык относится к индоевропейским языкам, а армянское самоназвание *hay* может восходить к форме **Hati-yos* (хеттский). Автор придерживается теории о том, что армяне переселились из Юго-Восточной Европы в Анатолию вместе с фригийцами в середине II тысячелетия до н.э. Их вторжение привело к падению государства хеттов. Осев на новом месте, протоармяне восприняли отчасти культурный опыт хурритов, урартов, ассирийцев, мидийцев и персов и обогатили свой язык лексическими заимствованиями из их языков. Геродот ассоциирует армян с фригийцами, однако фригийцы – это греческий термин, и, по другим свидетельствам, самоназвание протоармян звучало как мушки, а часть Фракии, куда они пришли, получила название Мизии (с этим самоназванием может быть связано и армянское наименование Ке-

¹² См. некролог С. Эммея (Journal of Coptic Studies. (2004)6. P. 1–3), к сожалению, без библиографии. Основным вкладом С. Клаксон в изучение документов из Баутит является монография: Clackson S. Coptic and Greek Texts Relating to the Hermopolite Monastery of Apa Apollo. Oxford, 2000.

сари Каппадокийской – Мазака). Более позднее название “Армения” может восходить к персидскому названию региона к западу от оз. Ван, Арме-Шуприа, где концентрация мушков была особенно высока (с. 24–26, 32). Помимо этой классической концепции переселения армян в Анатолию вместе с фригийцами как части более масштабных индоевропейских миграций существует и другая, находящая себе много противников теория о том, что древнейшие индоевропейцы сами были коренными жителями Армянского нагорья, и, следовательно, не было никаких миграций армян на исторически занимаемые ими земли. Опираясь на данные археологии и лингвистики, сторонники этой теории считают армян коренными жителями Анатолии и полагают, что их язык, не принадлежавший к хурро-урартской группе, эволюционировал здесь под влиянием других индоевропейских наречий. Им приписывается полукочевой скотоводческий образ жизни, хотя сторонники “ревизионистской” школы полагают, что древние индоевропейцы занимались земледелием, в том числе и в Анатолии (с. 24, 26). Дж. Рассел рассматривает лишь содержание этих теорий, не называя имен их сторонников или противников, что в общем-то и нецелесообразно было бы делать в столь кратком и компактном тексте. Далее Дж. Рассел останавливается на истории и культуре родственного протоармянам государства Урарту (с. 28–31). В заключение автор вместе со своими историко-культурными комментариями приводит сохранный Мовсесом Хоренаци миф о Хайке и Беле, представляющий легендарное происхождение армянского народа (с. 24, 32–34). Раздел Дж. Рассела снабжен картой государства Урарту (IX–VI вв. до н.э.) и перечнем правителей династии Оронтидов (Ервандидов).

История древней и средневековой Армении до XII в. в данной книге представлена разделами, принадлежащими одной из ведущих современных арменистов, сотруднице Колумбийского университета Н. Гарсоян. В разделе “Возникновение Армении” (с. 37–62) рассматриваются события VI–I вв. до н.э. Первая часть работы охватывает период с падения государства Урарту и установления власти Персидской империи до походов Александра Македонского. Между 594 и 590 гг. до н.э. столица Урарту Русахинили пала под ударами мидийцев, а спустя немного времени историческая область Армении вошла в состав Персидской державы Ахеменидов. Хотя на тот момент армяне были лишь одним из многих населявших ее народов, целый регион, занимаемый ими, получил в персидских источниках наименование Армина. Включение всего Армянского нагорья в государство Ахеменидов положительно, по мнению автора, сказалось на дальнейшем этногенезе армян: культурная терпимость Ахеменидов и отсутствие внешней агрессии создали благоприятные предпосылки для процветания региона и развития собственно армянских общественных институтов. Вместе с тем при Ахеменидах армяне подверглись сильнейшей культурной и языковой иранизации (с. 37–44). После походов Александра Македонского Армения почти сразу вышла из-под власти Селевкидов и оставалась впредь под властью местных правителей, несмотря на все усилия Селевкидов ее вернуть (с. 44–45). Автор затрагивает проблему связанной с завоеваниями Александра эллинизации Армении, которая коснулась сфер экономики, культуры, языка и идеологии, однако считает, что несмотря на греческое влияние, доминирующей в регионе оставалась все же иранская культура (с. 50–52). Далее Н. Гарсоян обращается к истории армянских царских династий Оронтидов (Ервандидов) и Арташесидов, считая роль Арташесидов решающей в процессе государственного объединения армян. Автор подробно останавливается на правлении Арташесиды Тиграна II Великого (95–55 гг. до н.э.), который расширил территорию государства и нашел силы противостоять экспансии Римской империи. При сыне Тиграна, Артавазде II, римляне оккупировали Армению. Это не привело, однако, к уничтожению династии Арташесидов, но их автономии был положен конец (с. 46–62). Раздел включает карты ахеменидской сатрапии Армения (550–330 гг. до н.э.) и государства Тиграна II Великого (I в. до н.э.), а так же перечень царей Арташесидов и Аршакидов.

В следующем разделе “Династия Аршакуни (12–[180?]-428 гг. н.э.)” (с. 63–94) Н. Гарсоян рассматривает историю Армении в период затяжных римско-персидских войн. Великая Армения Арташесидов, долгое время оставшаяся объектом спора между Ираном и Римской империей, после аннексии римлянами была низведена до статуса провинции. Ветвь парфянской династии Аршакидов, закрепившаяся в I в. н.э. в Великой Армении, вскоре была вынуждена признать сюзеренитет Римской империи и сохраняла свою власть еще около двух веков. В ходе римско-сасанидских войн III в. иранцы ненадолго установили контроль над Великой Арменией, но в 298/299 г. Аршакид Трдат Великий восстановил над ней власть своей династии, и спорный регион вновь перешел в римскую сферу влияния (с. 64–75). Далее автор останавливается на социальной структуре и культуре Армении при Аршакидах (с. 75–81) и на

христианизации Армении, дата которой варьируется от 284 до 314 г. До того момента религия аршакидской Армении представляла собой своеобразный греко-иранский синкретизм, хотя почитались и некоторые семитские божества. Существование обособленной армянской церкви, по словам автора, способствовало укреплению независимости и самобытности Армении (с. 79, 81–84). Раздел завершается описанием последнего, христианского периода правления армянских Аршакидов и очерком истории Армении между Римской империей и Ираном (конец IV в.). В этот период возвысились знаменитые впоследствии армянские нахарарские кланы Бзнуни, Рштуни, Арцруни, Камсаракан и др., но наибольший политический вес имели спарапеты Мамиконяны. Однако после раздела Армении династия Мамиконянов потеряла свое значение сначала на римской, а затем и на персидской половине (с. 84–93). Работа снабжена картой аршакидской Армении (I–V вв. н.э.) и списком Аршакидских царей.

Раздел Н. Гарсоян “Марзпанат (428–652)” (с. 95–115) продолжает хронологическую линию изложения событий и рассматривает следующий период истории Армении вплоть до арабского завоевания. Сначала автор обращается к истории Сасанидской половины Армении (Персармении), которая управлялась марзпанами (этот факт и определил название данного периода армянской истории). Марзпаны поддерживали нахарарскую социальную структуру и автономную армянскую церковь, а в ходе постоянных восстаний против Сасанидов сумели завоевать определенную автономию для Персармении (с. 95–103). Далее Н. Гарсоян обращается к истории византийской Армении. После раздела Армении между Сасанидами и Римской империей западная половина переживала постепенный процесс деарменизации. В отличие от персидской Армении на ее византийской территории национальные армянские общественные институты быстро утрачивали свое значение, и регион постепенно стал трансформироваться в обычные византийские административные единицы. О местных армянских магнатах этого периода известно очень мало (с. 103–107). Дальнейшая византийская экспансия на Восток в VI в. привела к переходу значительной части Персармении под власть империи: в 591 г. Хосров II сам передал ее Византии в обмен на ее помощь в отвоевании престола (с. 107–110). Далее автор обращается к истории армянской церкви при марзпанате (с. 110–114). В конце раздела дается краткий вывод о важности периода марзпаната для формирования армянских общественных устоев, церковной структуры и национального самосознания (с. 114–115). К работе прилагается карта разделов Армении 387 и 591 гг.

Книгу продолжает раздел Н. Гарсоян “Арабские завоевания и возвышение Багратуни (640–884)” (с. 117–142). Арабское завоевание, затронувшее практически всю историческую Армению, положило конец ее разделу. Однако, несмотря на это достаточно поверхностное объединение, в Армении протекал процесс внутренней фрагментации, поскольку спарапеты Мамиконяны постепенно стали терять свое влияние. Несомненно, что в VI и даже VII в. Мамиконяны еще сохраняли доминирующее положение, по-прежнему придерживаясь свойственной их роду провизантийской позиции, однако их ослабление сопровождалось усилением других знатных домов. С конца V в. началось возвышение рода Багратуни; серьезное влияние завоевали себе также нахарарские дома Рштуни, Бзнуни и Камсаракан (с. 117–118). В VII в., накануне арабского завоевания, в административной системе Армении произошли нововведения: византийский император Ираклий I ввел в Армении новый титул ишхана (князя), который заменил прежние высокие звания марзпана и спарапета, а впоследствии присоединил к титулу ишхана византийский титул куропалата (с. 118).

Начало арабскому завоеванию было положено в 644/645 г. В VII в. арабское владычество не принесло для Армении серьезных культурных перемен по сравнению с предшествующим периодом марзпаната. Армения платила дань, сохраняя за собой автономию, а арабские войска были размещены лишь в ее южных пограничных областях (с. 118–125). В VIII в. была образована провинция Арминий со столицей в Двине, управлявшаяся арабским отступником, однако армянские ишханы и спарапеты по-прежнему сохраняли политический вес. Попытки армянских магнатов выступить против арабов и присоединиться к Византии окончились провалом из-за неспособности армян выступить единым фронтом и из-за конфликтов между двумя сильнейшими армянскими родами – Мамиконянами и Багратуни. После подавления крупнейшего антиарабского восстания 774/775 г. многие нахарарские роды Армении оказались в крайнем упадке или были уничтожены. Именно в VIII в. начались преследования христиан (с. 125–134). В этот период ослабления нахарарских родов в Армении были основаны поселения арабского племени кайсит, формировавшие укрепленную границу халифата (сугур). Арабы контролировали крупнейшие города Армении, и их присутствие углубило постепенный процесс внутренней децентрализации страны (с. 132–136). В IX в. в Армении воз-

высился род Багратуни, представители которого стали носить новый престижный титул ишханац ишхан, т.е. князь князей (с. 136–142). К работе прилагается карта Армении на период арабского владычества (650 – ок. 885 г.).

В разделе “Независимые царства средневековой Армении” (с. 143–185) Н. Гарсоян рассматривает период с середины IX в. до начала византийского завоевания Армении. К середине IX в., с ослаблением халифата Аббасидов, для Армении резко изменилась внешнеполитическая ситуация. Главная угроза для армянских князей теперь исходила не от Багдада, а от соседних мусульманских династий, и прежде всего от Хамданидов Мосула и правителей Азербайджана. В то же время и Византия активизировала свою восточную политику, начав отвоевывать свои провинции у арабов (с. 143–146). В этот период в Армении резко возвысился род Багратуни. В 884 г. с согласия арабского остикана князь князей Ашот I Багратуни был коронован как царь Армении (с. 146–149). Прежняя нахарарская структура, процветавшая при Аршакидах и в период марзпаната, при Багратидах оказалась в упадке: владения знатных родов распались на части, поделенные между их враждующими представителями. Эта тенденция не обошла и самих Багратидов, от которых отделились Багратиды Ивирии и Багратиды Тарона. Самые серьезные последствия для Багратидов имела их вражда с Арцруни Васпуракана, войны с кайситами и арабским остиканом. В 908 г. на карте Армении появилось еще одно царство: Гагик I Арцруни с согласия остикана также получил царскую корону (с. 149–158). В этот кризисный для Багратидов период Багратид Ашот II Еркат (914–928/929) посетил Константинополь, вернулся назад с византийскими войсками и сумел существенно расширить свою территорию (с. 158–162). Пик могущества династии Багратидов приходится на 929–1020 г. В 961 г. Ашот III Багратуни (952/953–977) перенес свою столицу в Ани, пожаловал область Вананд своему брату Мушелу, который спустя два года тоже стал царем, основав там новое государство Багратидов. К 980 г. Багратиды основали еще одно царство, Лори (Ташир-Дзорогет), а к 970 г. было создано царство Сюник. Византийцы, которые к тому времени уже начали с юга и севера отвоевывать Армению у арабских владетелей, в 967/968 г. захватили армянское княжество Тарон. Однако угроза со стороны византийцев послужила для армян централизующим фактором. Когда в 974 г. император Иоанн Цимисхий с армией подошел к границам Армении, армянские правители объединились вокруг Ашота III Багратуни, вынудив Цимисхия отказаться от планов вторжения в Армению и признать власть шаханшаха Ашота III (с. 162–171). Завершая раздел, Н. Гарсоян обращается к истории армянской церкви при Багратидах (с. 171–176) и воссоздает картину социально-экономического развития Армении этого периода (с. 176–184). К работе прилагается карта Армении эпохи Багратидов (ок. 885–1064 гг.).

В следующем разделе “Византийская аннексия армянских царств в XI в.” (с. 187–198) Н. Гарсоян описывает процесс прекращения существования этих независимых государств. По словам автора, созданию централизованного государства в Армении всегда мешали центробежные тенденции нахарарских родов, а также внешнеполитическая ситуация, которая заставляла армян ориентироваться либо на запад, на Византию, либо на восток, на мир ислама. Византия аннексировала сначала Тарон и Тайк, где правили различные ветви династии Багратидов, а к 1016 г. – Васпуракан, царь которого, Сенекерим Арцруни, под давлением внешне- и внутривосточных обстоятельств обменял свои владения на византийские территории. Таким же образом в 1045–1065 гг. Византия завладела Великой Арменией и Карсом (Ванандом), цари которых были вынуждены обменять свои земли на ряд областей в Каппадокии. На вновь приобретенных территориях империя основала фемы Ивирии и Армения. Тарон и Васпуракан. Поскольку с востока Армения с середины XI в. подверглась встречному процессу сельджукского завоевания, к 1071 г. независимость сохранили лишь несколько армянских крепостей к северу от оз. Севан, которые удерживали в своих руках представители Багратидов Ташира, и остатки царства Багк в восточном Сюнике (с. 188–193). Далее автор рассматривает административные и культурные изменения, происшедшие в Армении в первой половине XI в. (с. 193–198).

Издание продолжает раздел Р. Томсона “Армянская литература до XI в.” (с. 199–239). Начало армянской литературы автор связывает с фактом создания армянского алфавита (ок. 400 г.) Месропом Маштоцем (с. 200–202). В работе указаны первые армянские переводы Библии и церковной литературы – произведений Иоанна Хризостома, Григория Назианзина, Евсевия Эмесского, “Церковной истории” Евсевия Кесарийского и др., а также первые произведения собственно армянских авторов V в. – Корюна и Езника Кохбаца, которые были учениками Месропа (с. 203–208). Далее автор рассматривает произведения армянских истори-

ков V в. – Агафангела, Фавста Бузанда, Егишэ, Газара (Лазара) и Мовсеса Хоренаци (с. 208–218), сочинения по философии и риторике (с. 218–220), гомилии (с. 222–223), труды Анании Ширакаци (VII в.) в области математики, астрономии и географии (с. 220–222), а также теологические и полемические сочинения (с. 223–226). Затем автор обращается к историкам VI–X вв.: это Себеос, Гевонд (Левонд), Иоанн Драсханакертци, Товма Арируни, Шапух Багратуни, Ованес Драсханакертци, Мовсес Дасхуранци (с. 226–231), упоминает религиозную поэзию Григора Нарекаци (с. 231–232) и отдельно рассматривает произведения XI в.: труды Григора Магистра, Григора Вкайасэра, Степаноса Асогика (Асолика) Таронечи и Аристаке-са Ластивертци (с. 232–236). Автор особо говорит о важности монастырских школ Армении как крупных литературных и научных центрах (с. 236–237) и в завершение обращается к устойчивой литературной эпической традиции – к циклу песен о героях Сасуна (с. 238).

Раздел Р. Бедросяна “Армения в сельджукский и монгольский периоды” (с. 241–271) продолжает хронологическую линию издания. Период XI–XIV вв., отмеченный многократными завоеваниями кочевых тюрок и монголов, оказался наиболее разрушительным для Армении. Сельджукское завоевание Армении в первой половине XI в. происходило параллельно со встречным процессом византийской аннексии армянских царств. Однако с 1071 г. византийцы, потерпев от сельджуков катастрофическое поражение при Манцикерте, были вынуждены оставить все претензии и на Армению, и на большую часть Малой Азии. Разорительные тюркские вторжения XI в. вызвали волну миграции армян на запад, в Каппадокию и Малую Армению (с. 242–247). Сначала Армения вошла в состав государства Великих сельджуков, которое просуществовало около века, а затем оказалась разделена между различными мусульманскими династиями. На территории Восточной Армении, кавказской Албании и Азербайджана был основан Гандзакский эмират (1148–1225), на юге Армении, в Дийарбакре и Хлате, Марванидов сменили Артукиды Агджника (1101–1231) и Шах-Армены Хлата (1100–1207). Армянские территории на востоке Малой Азии вошли в состав государств Данишмандидов, Салтукидов и Мангуджаков. Тюрки в этот период составляли еще этническое меньшинство в Закавказье и Малой Азии, и, по мнению автора, межэтнические браки приводили к постепенной арменизации сельджуков и других мусульманских правителей Восточной Анатолии.

В конце XI–XII в. в Закавказье заявила о себе еще одна серьезная политическая сила – Грузинское царство, появление которого на политической арене автор связывает с деятельностью грузинской ветви армянской династии Багратидов и с массовой эмиграцией армян в этот регион (с. 247–253). Первая половина XIII в. в северо-восточной Армении известна как “период Закаридов”. Подчиненная Грузией Северо-Восточная Армения была пожалована армянскому роду Закаридов (Закарянов, Мхаргрдзели), представители которого заняли высшие посты в Грузинском царстве. Автор отмечает важную роль Закаридов в восстановлении культуры и экономики Армении и их родство со многими знатными нахарарскими фамилиями (с. 253–255). В 1220–1230 гг. Армения пережила несколько разорительных вторжений монголов и кыпчаков Джалал ал-Дина Хорезмшаха, а в 1236–1245 гг. была окончательно захвачена монголами (с. 256–259). Далее автор описывает период монгольского правления. Он не пытается как-то определить, кому из ханов и монгольских военачальников подчинялись армяне до установления власти Хулагуидов (Ильханов) в Иране, однако упоминает о военных столкновениях Ильханов и Золотой Орды в Закавказье в 1260-х годах. Автор говорит о поддержке, которую монголы оказывали христианству, и о расцвете торговли в этот период, и считает, что купцы, духовенство и некоторые представители нахарарских родов являлись сторонниками монгольской власти (с. 259–264). Однако постепенная исламизация государства Ильханов и экономические проблемы, вызванные жесткой налоговой политикой монголов и превращением значительных территорий страны в пастбища, к началу XIV в. привели Армению к упадку. Страна оказалась в глубоком демографическом кризисе: пришла в упадок и традиционная армянская феодальная система – нахарарский строй. К XIV в. нахарарские кланы сохраняли власть лишь в труднодоступных горных регионах. К середине XIV в. прекратила существование и сама династия Ильханов, которую сменили у власти монгольские кланы Джалаиридов и Чобанидов (с. 241, 265–267). В 1385 г. Армения еще раз пострадала от вторжения золотоордынского хана Тохтамыша. Но самыми разрушительными для нее оказались вторжения Тамерлана 1386–1387, 1394–1396 и 1399–1403 гг. (с. 267–271). В завершении работы автор обращается к вопросу о тяжелейшем положении христианства в Армении в XIV в. (с. 269–270).

Раздел А. Атамян-Бурнютян “Киликийская Армения” охватывает период XI–XIV вв. и посвящен истории одного из известнейших армянских государств средневековья. Автор опи-

сывает период создания киликийского государства династией Рубенидов, его историю в период Крестовых походов и борьбу за сохранение независимости в условиях, когда Византия и Антиохийское княжество пытались установить над Киликией свой контроль (с. 273–280). В 1198/1199 г. Рубенид Левон II обрел статус царя, получив короны от папы Клементя III и византийского императора (с. 280–281). Автор делает краткий экскурс в социальную и экономическую историю Киликийского царства (с. 283–285) и переходит к правлению новой династии Хетумидов (с. 285–288) и сменивших их во второй половине XIV представителей кипрской династии Лузиньянов (с. 288–290). К разделу прилагается карта Киликийского армянского государства и таблица его правителей, хронологически разделенная на периоды правления баронов/паронов (lords) и царей, а не по династическому принципу (с. 291).

Издание завершает раздел П. Коува “Средневековые армянские литературные и культурные тенденции (XII–XVII вв.)” (с. 293–325). Автор останавливается на восточном (прежде всего персидском) влиянии на армянскую литературную жанровую систему (с. 294–296). Литературным языком в средневековой Армении оставался грабар, своего рода армянский эквивалент латыни как церковного и научного языка средневековой Европы (с. 296–297). Автор говорит об особой роли монастырей, где концентрировалась научная и литературная жизнь средневековой Армении и о системе образования (с. 303–309). В работе отмечены законодательные памятники Армении (с. 297–301), медицинские сочинения (с. 301–303), историография (с. 305–306), теологические произведения (с. 311–313), поэзия различных жанров (с. 310–321) и сложившаяся в Армении традиция рукописной книги (с. 306–307). В завершение П. Коув говорит о связанном с появлением книгопечатания в Европе XVII в. возрастании интереса к Армении и о расцвете армянской культуры XVII в. (с. 321–325).

Данное издание несомненно представляет научный интерес, однако к его существенным недостаткам относится полное отсутствие отсылочного материала, хотя в конце разделов авторы и приводят краткие списки литературы и источников для дальнейшего ознакомления читателя с темой. Исключение составляют лишь разделы американской исследовательницы Н. Гарсоян, активно ссылающейся на конкретные страницы источников и литературы, и П. Коува. Спорадические отсылки можно встретить и в тексте Дж. Рассела. В соответствии с целью данной книги – созданием обобщающей работы по истории Армении, представленная в ней информация носит преимущественно фактографический характер, и темы разделов, каждая из которых может дать материал для целой монографии, рассмотрены достаточно кратко. Хотелось бы особо отметить роль Н. Гарсоян в создании этой книги, поскольку ее авторству принадлежат шесть из двенадцати разделов.

О.С. Апанович

Balivet M. Les Turcs au Moyen-Âge: des Croisades aux Ottomans (XIe–XVe siècles). Istanbul, 2002. 156 p.

М. Баливе – известный французский ученый, автор фундаментального труда “Византийская Романия и тюркские земли Рума” и ряда статей, объединенных общей тематикой взаимоотношения тюрков с христианским миром, тюрко-греческого (и шире – исламо-христианского) межкультурного диалога¹.

Книга М. Баливе представляет собой переиздание ранее выходивших статей 1998–2000 гг. Исследование носит выраженный концептуальный характер, продолжая и дополняя предшествующие работы автора. Особую ценность интересным и смелым рассуждениям М. Баливе, как всегда, придает серьезная опора его работ на данные мусульманских, византийских, армянских и европейских источников. В Предисловии (с. 5–6) М. Баливе обозначает основные объекты своего исследования и охваченный им период истории. В конце

¹ *Balivet M. Romanie byzantine et le pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994.* Рецензию на эту книгу и на работу В.А. Арутюновой-Фиданян “Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур” (М., 1994) см.: *Шукуров Р.М. Зона контакта. Проблемы межкультурных отношений в современной византийстике // ВВ. 2000. Т. 59. С. 258–268.* См. также сборник ранних статей М. Баливе: *Balivet M. Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. Istanbul, 1999.*

каждой главы первой части и в конце третьей части приведены списки использованной литературы. Общего библиографического перечня в книге нет.

В первой части книги ("Тюрки, крестоносцы и Византия") автор акцентирует внимание на культурной специфике тюрков, которая выделяла их в средние века среди представителей остального мусульманского мира, и проводит на этом фоне ряд интересных параллелей и исследований (с. 7–70). Сначала автор обращается к эволюции образа тюрков, сложившегося у соседствующих с ними народов (ч. 1, гл. 1, с. 9–30). Тюрки, которые, по М. Баливе, вполне заслужили название "народа тысячелетия", были знакомы Византии и халифату Аббасидов еще с VII–VIII в., однако именно к рубежу тысячелетия они превратились в серьезную политическую силу на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье и стали главным врагом для Восточной Европы почти на 1000 лет. Длительное противостояние с тюрками сформировало у европейцев отрицательный собирательный образ этого народа, который, по мнению автора, может отражать и общую враждебность христиан к мусульманам.

Тюрки, слабо исламизированный кочевой народ из Центральной Азии с особой культурой, с сильным влиянием шаманизма и пережитков различных религий, воспринятых ими на протяжении их истории (буддизм, манихейство, несторианство), выглядели весьма необычно в глазах других ближневосточных мусульманских народов – арабов, персов и курдов. Мусульмане рассматривали тюрков, чья военная роль на Ближнем Востоке стала особенно заметна с XI в., как защитников ислама и особенно выделяли в этом отношении роль Мамлюков, которые смогли одержать победу над монголами. Крайне негативно о тюрках отзывались лишь ши'иты, особенно враждовавшие с суннитами-сельджуками исма'илиты, а также христиане. М. Баливе, цитируя Матвея Эдесского, Михаила Атталиата, Иоанна Скилицу, Михаила Сирийца и других авторов, показывает представленный в их сочинениях негативный, хотя и весьма детальный образ восприятия тюрков, и отмечает, что западные авторы времен Крестовых походов были гораздо менее точны в подобных описаниях. Однако автор указывает, что и отношение христиан к тюркам не было исключительно враждебным; армянские, византийские и европейские авторы отмечают доброжелательное отношение многих тюркских правителей к христианам. Основными чертами тюрков в глазах современников считались сила, жестокость, невежество и варварство; тюрки выделялись как чуждым и новым для Ближнего Востока языком, так и своим внешним видом. В XII–XIV вв. экзотичность тюркских обычаев уже не вызывала такого культурного шока со стороны единоверцев, хотя недопонимание с их стороны по-прежнему оставалось. Традиции кочевников и шаманизма, не сочетавшиеся с чистым исламом, были все еще очень сильны у тюрков.

Это негативное восприятие тюрков как воинственного народа дошло до нового времени, поскольку Европе длительное время пришлось отражать османскую экспансию. С ослаблением Османской империи в XIX в. образ турка в глазах европейцев стал просто образом "плохого человека".

Далее М. Баливе исследует два практически синхронных исторических явления начала II тысячелетия: экспансию тюрков и экспансию норманнов в Средиземноморье XI–XII вв. (ч. 1, гл. 2, с. 31–47). Хотя, казалось бы, ничто не побуждает к сравнению этих ничем на первый взгляд не схожих представителей тюрко-монгольского и германского мира, кочевников и моряков, автор находит немало общего в этих явлениях. И норманны, и тюрки первоначально появились в Средиземноморье как наемники Византии и Аббасидов, причем Византия, где тюркских и норманнских наемников было больше всего, более всего от них и пострадала. Их массовое появление в регионе и завоевательная деятельность относятся к XI в. Автор видит определенную симметрию в том, что тюрки и норманны стали играть в регионе роль защитников власти той религии, к которой они принадлежали, – багдадских Аббасидов и папства, и именно с этой точки зрения их нередко воспринимали единоверцы. При этом норманны приняли католичество, а тюрки – суннитский ислам одинаково поздно – лишь в X в. Автор находит некоторые общие черты в военной тактике норманнов и тюрков, в их высоких боевых качествах и в том страхе, который испытывали перед теми и другими современники. Единоверцы одинаково отмечали специфичность норманнов для христианского мира и специфичность тюрков для уммы мусульман, указывали на странность их внешнего вида и обычаев.

И норманны, и тюрки создали сильные воензированные государства, в которых правящие группы составляли численное меньшинство населения (тюрки в Иране, Сирии и Анатолии, а норманны – в Южной Италии, на Сицилии и в Антиохийском княжестве). Экспансия тюрков и норманнов сопровождалась амбициозными претензиями на занятие главенствующе-

го места в иерархии государств мусульман и христиан соответственно, что нашло отражение в принимаемых ими титулах. Оба государства отличались крайним культурным эклектизмом: автор выделяет такие их особенности как многоконфессиональность, многоязычность, транскультурный синкретизм. В восприятии современников созданием сильных, хорошо организованных государств на завоеванных ими землях тюрки и норманны положили конец утвердившимся там беззаконию и анархии, а легитимность их власти оправдывалась различными устными и письменными пророчествами.

Сравнительный анализ тюрков и норманнов дает ряд аналогий, касающихся исторической роли и образа этих народов в глазах христиан и мусульман средневекового Средиземноморья, однако эта симметрия, по мнению М. Баливе, распространялась лишь на XI–XII вв. Впоследствии растущие различия между этими двумя народами уже не позволяют делать таких сравнений. После краха государства Сельджукидов тюрки Анатолии, усиленные новыми волнами миграции своих соотечественников из Центральной Азии, практически превратили греко-армянскую Малую Азию в средиземноморский Туркестан. Присутствие же норманнов не повлекло за собой столь серьезных демографических сдвигов; они так и остались сравнительно малочисленной группой завоевателей-латинян. Из Восточного Средиземноморья их со временем вытеснили Мамлюки, а Сицилию и Южную Италию они фактически потеряли уже в конце XII в.

Далее автор на основе различных исторических свидетельств рассматривает цивилизационное и культурное значение фактов завоеваний пяти крупных средиземноморских городов, оспариваемых в ходе исламо-византийской военной конфронтации с VII по XV в. Речь идет об Иерусалиме, сирийской Антиохии, Никее, Фессалониках и Константинополе (ч. 1, гл. 3, с. 49–68). В зоне исламо-византийского противостояния города нередко по многу раз переходили из рук в руки, подвергались осадам, атакам и разграблениям арабов, тюрков, латинян и самих греков. Все эти события самым скрупулезным образом были отражены в источниках победителей и побежденных. Свидетельства о взятии городов, избранных автором для исследования благодаря их значимости, очень подробны и точны в описании деталей. Это как хроники, так и специально составленные по поводу захвата города плачи и эпические повествования. По мнению автора, все эти тексты часто похожи один на другой, и понимать их надо только при учете предшествующей традиции составления аналогичных описаний.

Изучение типологии описаний захватов городов исламо-византийского Востока позволяет понять общий сценарий этих событий и психологические последствия потери города. Захват и разграбление таких городов, как Иерусалим и Константинополь, часто оценивались побежденными как наступление Судного дня. М. Баливе приводит многочисленные примеры из источников, где описываются завоеватели и побежденные, грабежи в захваченных городах, и отмечает, что жестокость завоевателей нередко становилась дополнительным стимулом для реванша, побуждая желание вернуть город и отомстить, или даже порождала более далеко идущие последствия. Так, разграбление Константинополя в 1204 г. способствовало росту антилатинских настроений, в результате чего к 1453 г. византийцы предпочли власть тюрков папской тиаре.

Автор выделяет варианты захвата города. Это могло быть как взятие его штурмом, так и более редкие и относительно бескровные случаи сдачи города в результате договора, а также в результате официальной или спонтанной капитуляции. Все исследуемые автором города кроме Константинополя пережили такие случаи невоенного перехода под власть противника. Автор касается и психологических причин сдачи города, отмечая в частности, что победа всегда является знаком милости свыше.

Первая часть завершается кратким примечанием (также изданным в 2000 г. как отдельная статья), где автор утверждает, что Крестовые походы, несмотря на очевидно насильственный характер исламо-христианского противостояния в этот период, стали для европейцев и мусульман временем взаимного узнавания и интенсивного обмена во всех сферах науки и культуры. По мнению М. Баливе, глобальный характер исламо-христианского противостояния эпохи Крестовых походов несколько преувеличен, и эта ошибка, по мнению автора, происходит из-за стремления исследователей рассматривать этот феномен с позиций современных глобальных конфликтов последнего столетия, хотя такие глобальные оценки было бы неверно переносить на XII в. (с. 69–70).

Во второй части книги М. Баливе рассматривает исламо-христианское культурное взаимодействие в области науки, избрав для этого конкретный пример состояния медицины в тюркской Анатолии и Османской империи. Для начала автор останавливается на развитии

медицины в османо-византийской зоне влияния в период с конца XIII по середину XV в., т.е. начиная с появления анатолийских эмиратов и до захвата османами Константинополя (ч. 2, гл. 1, с. 73–86). Отмечая невозможность представить в рамках данного исследования комплексную историю византийской и мусульманской медицины, автор ограничивается общим описанием ее состояния у византийцев и тюрок в указанный период и поднимает вопрос: началось ли тюркское завоевание вытеснение византийской медицины и замещение ее арабско-персидской традицией?

Говоря о благоприятном положении медицины при Ласкарисах и Палеологах, М. Баливе отмечает существующие контакты представителей византийской и мусульманской медицинских школ: врачи-арабы совершенствовали свои познания в Византии, а византийцы ездили обучаться медицине на мусульманский восток. При дворах анатолийских эмиров и османов находились и христианские, и тюркские врачи, которые обучались как в Византии, так и в Сирии, Египте и Иране. В статье указывается ряд тюркских малоазийских городов, в которых могла быть своя медицинская школа, однако к концу XIV в., когда медицинские центры сместились на османскую территорию, в частности в Брусу и Эдирне, многие известные врачи, переехавшие из анатолийских эмиратов к османскому двору. Османские медики XV в. ориентировались преимущественно на иранскую и египетскую школы, однако иногда поддерживали контакты и с византийскими врачами.

Далее М. Баливе говорит о динамизме развития медицины после взятия Константинополя при Мехмеде II (1451–1481) и его преемниках (ч. 2, гл. 2, с. 87–100). Известно, что Мехмед II всячески способствовал созданию при своем дворе атмосферы интеллектуального взаимобмена между византийскими и тюркскими учеными, покровительствовал развитию наук вообще и медицины в частности. Хотя при его дворе наряду другими греческими философами и учеными находились и греческие медики, основой для формирования османской медицины послужили все же прежде всего иранская и египетская медицинские школы. Мехмед II основал госпиталь, при котором проводились медицинские исследования, создал большой образовательный центр при мечети Фатих, в котором обучали в том числе и врачебному делу.

Расцвет османской медицины продолжался и при преемниках Мехмеда II Баязиде II (1481–1512), Селиме I (1512–1520) и Сулеймане Великолепном (1520–1566). В XVI в. османы захватили крупнейшие научные центры мусульманского мира – Каир, Багдад, Табриз и Дамаск. Однако несмотря на то, что империя продолжала политику покровительства наукам, и в частности медицине, ко второй половине XVI в. османские медицинские работы начинают носить все более комплиментный характер. Османские медики полностью игнорировали прогресс в европейской медицине, связанный с эпохой Возрождения, и этот консерватизм и застои продлился у османов вплоть до XIX в.

Третью часть книги М. Баливе посвящает диалогу христианства и ислама, культурному взаимодействию османов, византийцев и Запада в периоды Треченто и Кватроченто. Сначала автор обращается к теме византийско-тюркских контактов в середине XIII – середине XV в. (ч. 3, гл. 1, с. 103–116), повторяя в целом тезисы своих предшествующих работ. И сельджуки, и малоазийские эмираты, несмотря на очевидные политические конфликты с византийским миром, были все же настроены на контакт и сближение с Византией. В Византии также были сильны протюркские настроения, и антилатинизм XIII в. к XV в. перерос в туркофилию. Эта ситуация способствовала процессу греко-тюркского культурного взаимобмена. Длительные пограничные контакты тюрок и византийцев в Анатолии сопровождались культурным и политическим взаимодействием сторон, этническими смешениями и лингвистическими заимствованиями. Византийцы перенимали многие мусульманские имена и титулы, а тюрки – греческие. Эта же ситуация с началом османской экспансии (середины XIV в.) повторилась и на Балканах. Попытки Византии и европейцев отразить османскую угрозу привели лишь к росту антилатинских и антивизантийских настроений на Балканах. Многие сербы, валлахи и албанцы, не способные сопротивляться османам, стали присоединяться к ним и сражаться на их стороне против других балканских правителей. Как и для Малой Азии, для Балкан известны были многочисленные случаи смешанных браков.

Как автор отмечал в предыдущей части книги, Мехмед II, будучи правителем “второго Рима”, всячески содействовал процессу интеграции византийских кадров в османское общество. К его двору переехали многие известные византийские философы и гуманисты. Султан живо интересовался древней и средневековой византийской наукой, греческой философией Платона и Аристотеля, византийским неоплатонизмом, и всячески поощрял переводы греческих произведений на тюркский. М. Баливе делает вывод, что исчезновение Византии с

политической арены и замещение ее османским государством не повлекло за собой уничтожения существовавшей в XI–XV вв. модели взаимодействия византийцев-христиан с мусульманами, и считает, что межкультурный симбиоз продолжал сохраняться в Османской империи до XIX в.

В контексте рассуждений о диалоге христианства и ислама М. Баливе особо останавливается на личности Геннадия Схолярия, первого патриарха в османском Константинополе, который поддерживал очень близкие отношения с Мехмедом II и вел с ним религиозные диспуты (ч. 3, гл. 2, с. 117–119).

Книгу завершает исследование, посвященное концепциям диалога христианства и ислама в творчестве европейских гуманистов Кватроченто (ч. 3, гл. 3, с. 121–151). Автор отмечает, что философия в средневековом мире играла межконфессиональную и межкультурную роль, занимая в каком-то смысле место посредника между христианством и исламом. На византийском и латинском пространстве была воспринята преимущественно аристотелевская философия и неоплатонизм. Впоследствии и у греков, и у европейцев ее заместил гуманизм, и многие выдающиеся интеллектуалы-гуманисты стали склоняться к поискам соглашения между враждебными цивилизациями. Начало этим попыткам установления диалога западных христиан с арабо-мусульманским миром положил Раймонд Лулл (ок. 1235–1315 гг.), хорошо знакомый с арабской культурой и знавший арабский язык. Хуан Сеговийский, сделавший новый перевод Корана на латинский и испанский языки, призывал, как можно лучше узнать культуру мусульман, и считал необходимым не критиковать их веру, а искать общее в догмах двух религий. Сходных позиций придерживался и Николой Кузанский.

Далее М. Баливе подробно останавливается на взглядах византийских гуманистов Кватроченто, которые также были настроены на открытость по отношению к исламу. Это неоплатоник Георгий Гемист Плифон, считавший, что и христианство, и ислам должны были со временем уступить место истинной вере – философии неоплатонизма, Георгий Амируци, сторонник аристотелевской философии, и Георгий Трапезундский, полагавший, что христианство и ислам могут быть объединены в одну религию благодаря многим общим чертам их доктрин, и говоривший о близости и общности трех авраамических Писаний – Ветхого Завета, Евангелий и Корана.

В целом книга М. Баливе выдержана в концептуальных рамках его предшествующих работ, посвященных идее цивилизационного взаимопроникновения и взаимодействия византийского мира и мира ислама. Разделы книги охватывают лишь отдельные сферы этой обширнейшей темы, дополняя и конкретизируя предыдущие выводы автора.

О.С. Апанович

Seibt W. (Hrsg.). Die Christianisierung des Kaukasus. The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania). Referate des Internationalen Symposiums (Wien. 9.–12. Dezember 1999). Verlag des Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 2002 (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik / Hrsg. von O. Kresten und W. Seibt. Bd. IX).

В декабре 1999 г. в Вене состоялся международный симпозиум по проблеме христианизации Кавказа. Он был посвящен традиционнo утвердившейся дате обращения Армении в 301 г. Сборник содержит доклады участников симпозиума, специалистов из Австрии, Франции, Германии, США, России, Армении, Грузии и других стран. Преобладают статьи исторического характера, меньше место занимают археологические и искусствоведческие публикации. В центре внимания исследователей находится критическое рассмотрение многослойных и легендарных преданий о христианизации Армении и Грузии, а также Кавказской Албании. Эта последняя менее известна в европейской литературе. В статье К. Юзбашьяна рассматривается проблема формирования национального сознания в Албании; этого вопроса касается и Ж.-П. Мае, который особое внимание обратил на историографические аспекты темы.

Большинство авторов демонстрирует строго критическое отношение к источникам, нередко привлекая малоизвестные сведения. Рассмотрение преданий в связи с историческими фактами ведет к новым выводам. Это особенно касается статей Р.В. Томсона ("Сирийское христианство и обращение Армении") и недавно ушедшего от нас известного кавказоведа М. Ван Эсброка, который обратился к теме о месте мученицы Рипсимае в истории обращения

Кавказа. В целом можно заключить, что в преданиях сильно нивелированы первоначальная многослойность и региональные различия процесса христианизации.

Разные точки зрения дают читателю возможность сравнить различные подходы и интерпретации. Так, Ж.-П. Мае считает реальное обращение Армении в 304–306 гг., тогда как В. Зайбт, принимая во внимание весь исторический контекст, относит это событие к эпохе царя Трдата, т.е. не ранее 315 г. В работе Б. Арутюняна изложено традиционное мнение о разделении диоцезов Армянской церкви в эпоху Григория Просветителя. При этом не учитывается относительно ранние источники (Фавстос Бузанд, 80-е годы V в.), а более поздние свидетельства Хоренаци не всегда критически оцениваются. Эту статью дополняет публикация М.К. Крикоряна с совершенно иной точкой зрения. По его мнению, в вопросе разделения диоцезов ситуация VI в. проецируется в эпоху IV в. и связывается с фигурой Григория Просветителя. В другой своей статье, посвященной формированию канонического права Армянской церкви, М.К. Крикорян приходит к выводу, что оно создавалось в IV в. на греческом языке, а в V в. было переведено на армянский язык и адаптировано к местным реалиям.

Б.Л. Зекиян раскрывает важную роль христианской веры и письменности в процессе формирования армянской национальной идентичности. По его мнению, в соседних Грузии и Албании создание алфавита не играло такой исключительной роли; в Грузии начало религиозно-национального самосознания относится только к началу VII в.

З. Алексидзе исследует четыре новых списка “Обращения Картли”, открытые им в Синайском монастыре св. Екатерины в 1990 г. Они датируются X в. Важность этого открытия состоит в том, что новые рукописи дают неизвестные ранее версии текста. Публикации на эту тему уже появлялись в печати, некоторые из них содержат новую интерпретацию известных археологических фактов. Так, в свете новых данных можно считать, что крупный памятник фортификации, так называемая “келасурская стена” в Абхазии, о времени возведения которой так много спорили, была построена персами во второй половине VI в. (*Alexidze Z. La construction de la KLEIΣΟΥΡΑ d’après le nouveau manuscrit sinaïtique N 50 // Travaux et Mémoires. 2000. T. 13. P. 673–681*). Статья В. Джобадзе содержит новые итоги изучения монастыря св. Варлаама, который после 969 г. или в первой половине XI в. был обновлен грузинами. Этот вопрос является частью большой темы о грузинских монастырях близ Антиохии, которой исследователь занимается многие годы.

Искусствоведческие статьи две – Н. Тьерри и М. Тьерри. Очень интересна интерпретация Н. Тьерри иконографического воплощения предания о св. Нино, в сопоставлении с критическим рассмотрением источников. Несколько особняком стоит статья И. Аржанцевой. Это единственная работа о христианизации Северного Кавказа и единственная археологическая публикация. Здесь приводятся и уже известные сведения о христианстве у алан, в том числе о строительстве церкви в Алании, и информация, основанная на собственных раскопках автора. Археологические данные свидетельствуют о наличии двоеверия у алан – явления вполне естественного. Вообще заметим, что в последнее время наблюдается новый интерес исследователей к Северному Кавказу. Так, в широкий контекст введены источники о византийской миссии к аланам (*Иванов С.А. Византийское миссионерство. М., 2003. С. 178–189*); В. Зайбт собрал все известные данные о печатях светских и духовных лиц Алании (Сфрагистика и история культуры. СПб., 2004); готовится к выходу в свет публикация греческой строительной надписи, открытой при реставрации Сентинского храма и дающей точную дату и имя протоспафария Феодора (информация А.Ю. Виноградова). В тот же контекст византийской политики на Северо-Западном Кавказе вписываются новейшие сведения об Абазгии, которые содержит моливдовул “стратига Сотериуполиса и Анакопии” (ожидаемая статья В. Зайбта и И. Йорданова в: *Studies in Byzantine Sigillography. 2005. 9*). Таким образом, работа И. Аржанцевой будет очень интересна западному читателю, которому Северный Кавказ известен значительно меньше, чем Армения и Грузия.

Сборник содержит подробный указатель и иллюстрации высокого качества. Это весьма полезное издание представляет различные, иногда полемизирующие точки зрения исследователей; оно хорошо отражает современный уровень исследований по истории христианского Кавказа и эффективно способствует обмену информацией между авторами из разных стран. Редактор этого сборника, изданного на высоком научном уровне (он же – энергичный организатор венского симпозиума), проф. д-р Вернер Зайбт, несомненно, заслужит признательность читателей, которые занимаются исследованием христианского Востока.

Аннегрет Плонтке-Луниг (Йена), Л.Г. Хрушкова

веческие переживания, а открывают ошеломляющее таинство, присутствие Святого. Перед Ним верующий испытывает благоговейный трепет. Они выражают также ностальгию... человека по раю...”⁵.

Каталог адресован не только специалистам-искусствоведам, но и более широкому кругу читателей. Он содержит краткий экскурс в историю литургии, пересказ сюжета Романа о Варлааме и Исаафе и ряд других вспомогательных сведений, что в сочетании с простым языком изложения делает чтение легким, увлекательным и полезным.

Отдавая себе отчет в трудности полиграфического воспроизведения книжной миниатюры, следует отметить высокое качество печати каталога. Единственное, о чем можно пожалеть, – как много интереснейшего и важного для истории византийского искусства, но, увы, столь мало доступного для изучения материала осталось за пределами этого издания.

И.А. Орецкая

Trésors du monastère de Sainte-Catherine Mont Sinaï Egypte. Fondation Pierre Giannada. Martigny, 2004. 200 p. (par Helen C. Evans).

Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. München, 2004. 476 S. (Hrsg. von Ludwig Wamser).

2004 год, ознаменованный двумя печальными юбилеями – 950-летием Великой схизмы и 800-летием со дня разорения Константинополя крестоносцами – был отмечен многочисленными событиями в культурной и научной жизни: конференциями, симпозиумами, выставками. Среди них особый интерес вызвала выставка “Сокровища монастыря святой Екатерины на Синае”. Она прошла с большим успехом с 5 октября по 12 декабря в живописном городке швейцарского кантона Вале Мартиньи. Выставка была осуществлена культурным Фондом Пьера Жьяннада (Мартиньи) совместно с монастырем святой Екатерины и музеем Метрополитен на основе ретроспективной экспозиции “Византия: вера и власть (1261–1557)”, которая до этого была открыта в Нью-Йорке¹. На выставке, включавшей в себя наибольшее число произведений искусства, показанных когда-либо вне пределов Синайского монастыря, было представлено более сорока экспонатов периода XII–XV вв: тридцать семь икон, три рукописи и пожертвованный в 1411 г. королем Франции Карлом VI потир. В Мартиньи можно было видеть мозаические образы святого Димитрия Солунского (первая половина XII в.) и Богоматери Одигитрии (первая четверть XIII в.), житийные иконы святой Екатерины и святого Георгия (обе – начало XIII в.). Значительную часть иконного отдела выставки составляли произведения, созданные в мастерских крестоносцев в Иерусалиме и в Акре (наиболее известная из них – двусторонняя икона с изображением “Распятия и Сошествия во ад”, ок. 1280 г.). Среди них особое внимание обращали на себя иконы, на которых рядом с другим изображены восточные и западные святые; не говоря уже о том, какой интерес они могут представлять для историков иконографии, они одновременно являются парадоксальным свидетельством почитания святых уже в эпоху церковного разделения. Из трех рукописей, привезенных в Мартиньи, выделяется прекрасно сохранившееся Четвероевангелие (Gr. 152)²; оно было создано в столичном скриптории в 1346 г. писцом Георгием Галесиотом по заказу младшего сына императора Михаила VIII Палеолога Исаака Асана.

Как сама выставка в Мартиньи, так и подготовленный к ее открытию прекрасный иллюстрированный и снабженный подробными научными комментариями и библиографией каталог (составленный под редакцией хранителя раннехристианского и византийского искусства музея Метрополитен Х. Эванс при участии сотрудников музея), явились заметным вкладом в процесс осознания общих корней европейской культуры.

⁵ Ibid. P. 116.

¹ Byzantium: Faith and Power (1261–1557). Exh. cat. Edited by Helen C. Evans, New York, The Metropolitan Museum of Art, March 23 – July 4, 2004. N.Y., 2004. После Нью-Йорка “синайская” часть экспозиции была выставлена в афинском музее Бенаки; см.: Pilgrimage to Sinai. Treasures from the Holy Monastery of Saint Catherine. Exh. cat. Athens, Benaki Museum, July 20 – September 26, 2004. Athens, 2004.

² На выставке были также представлены Псалтирь (Gr. 61, ок. 1274 г.) и Лекционарий (Gr. 233, конец XIV–XV в.).

скового времени); "Престиж Святой Горы. Центры современного эллинизма" (о рукописании в Ивирском монастыре до XVIII в. включительно и некоторых манускриптах, переданных в дар монастырю правителями Молдавии и Валахии, поддерживавшими тесные связи с Афоном). В каталог вошли 21 иллюстрированная византийская рукопись и 18 поствизантийских.

Собственно каталожные данные сведены к минимуму – это количество листов, размеры и библиография – и вынесены в концевые сноски. Структура книги очень удачна и позволяет легко находить нужный фрагмент: на полях у начала описания рукописи помещен ее шифр; в подписях к иллюстрациям указывается не только шифр и название манускрипта, но и его датировка (известная или аргументируемая автором) и номер страницы, на которой начинается посвященный ему текст.

Авторский текст отличается, с одной стороны, большой широтой охвата (миниатюры каждой рукописи рассматриваются в контексте развития всей византийской культуры), а с другой, детальностью знаний, великолепным практическим владением материалом. В каталоге приводятся подробные данные обо всей декорации рукописей: миниатюрах, таблицах канонов, заставках, инициалах, которые иногда, в случае особого исследовательского интереса, дополняет информация о структуре текста, палеографии, колофонах. Дж. Галаварис не отдает предпочтения какому-то одному методу исследования, сочетая элементы иконографического, стилистического и текстового анализа. Все эти методы способствуют достижению главной цели – истолкованию образа. Его черты, стилистические и иконографические, никогда не случайны, за ними всегда стоит некая совокупность идей. Автор не ограничивается внешним описанием образа и средств, использованных художниками для его создания, но обязательно пишет, решению какой задачи, художественной и духовной, они служат. Например, анализируя изображение Распятия в Четвероевангелии (cod. 56) второй половины XI в., он отмечает, что тело Христа представлено прекрасным, как во всех византийских иконах этого времени; в то же время Спаситель как будто погружен в сон в соответствии со словами службы Великой субботы⁴. Раскрытие смысла образа помогает множество деталей, нюансов; но, с другой стороны, их роль – вспомогательная, и именно так, без излишнего пафоса и преувеличений говорит о них автор.

Помимо вопросов, связанных с изучением миниатюр и орнаментального декора конкретных рукописей, в каталоге на их примере рассматриваются и более общие проблемы, имеющие большое значение для истории византийской книжной миниатюры: формирование иллюстративных циклов четвероевангелия и лекционария, влияние литургии и монументальной храмовой декорации на иллюстрации лекционария; взаимовлияние книжной миниатюры, иконописи и монументальной живописи и т.д.

"Византийская" часть каталога, несомненно, перевешивает "поствизантийскую" по числу художественных проблем и по глубине авторского текста. Последняя глава содержит краткие описания рукописей и исторические данные, относящиеся к их созданию, почти всегда известные. Иллюстрациям афонских рукописей поствизантийского периода не придавалось самостоятельного значения, и потому Дж. Галаварис не предпринимает попытки посмотреть на них с точки зрения критериев художественного качества предшествующей эпохи, хотя отмечает изящество и изобретательность заставок и орнаментальных инициалов, украшающих некоторые из них.

Подобно тому, как не совсем обычен текст каталога, необычно и его заключение, которое автор назвал «"Преходящее и вечное" в рукописях». Миниатюры рукописей всегда несут свидетельство о времени, когда они были созданы, но кроме него, они содержат вневременное "послание" художника к зрителю, читателю, верующему. Задача мастера (не только миниатюриста, но и иконописца, фрескиста, мозаичиста) в любую эпоху состояла в том, чтобы придать изображению событий, однажды случившихся, описанных в Евангелиях, аспект вечности, вечной повторяемости и присутствия в сознании верующего так, как это происходит во время литургии. "Изображения в рукописях, – пишет Дж. Галаварис, – вызывают не чело-

евангелия (cod. 5). Предложенная им датировка – около середины XIII в., но до 1261 г. – связана с наличием в изображении евангелиста Иоанна (fol. 358v) латинских надписей (поверх стертых греческих) в раскрытой евангелистом и лежащей на попирте книгах. Теми же годами он датирует скопированную с ивирского кодекса рукопись (Paris, BNF gr. 54) с текстом на греческом и латыни и Четвероевангелис из Афинской национальной библиотеки (cod. 118) с латинскими текстами на свитках евангелистов.

⁴ Galavaris G. Op. cit. P. 32–33.

веческие переживания, а открывают ошеломляющее таинство, присутствие Святого. Перед Ним верующий испытывает благоговейный трепет. Они выражают также ностальгию... человека по раю..."⁵.

Каталог адресован не только специалистам-искусствоведам, но и более широкому кругу читателей. Он содержит краткий экскурс в историю литургии, пересказ сюжета Романа о Варлааме и Исаафе и ряд других вспомогательных сведений, что в сочетании с простым языком изложения делает чтение легким, увлекательным и полезным.

Отдавая себе отчет в трудности полиграфического воспроизведения книжной миниатюры, следует отметить высокое качество печати каталога. Единственное, о чем можно пожалеть, – как много интереснейшего и важного для истории византийского искусства, но, увы, столь мало доступного для изучения материала осталось за пределами этого издания.

И.А. Орецкая

Trésors du monastère de Sainte-Catherine Mont Sinai Egypte. Fondation Pierre Giannada. Martigny, 2004. 200 p. (par Helen C. Evans).

Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. München, 2004. 476 S. (Hrsg. von Ludwig Wamser).

2004 год, ознаменованный двумя печальными юбилеями – 950-летием Великой схизмы и 800-летием со дня разорения Константинополя крестоносцами – был отмечен многочисленными событиями в культурной и научной жизни: конференциями, симпозиумами, выставками. Среди них особый интерес вызвала выставка “Сокровища монастыря святой Екатерины на Синае”. Она прошла с большим успехом с 5 октября по 12 декабря в живописном городке швейцарского кантона Вале Мартиньи. Выставка была осуществлена культурным Фондом Пьера Жьяннада (Мартиньи) совместно с монастырем святой Екатерины и музеем Метрополитен на основе ретроспективной экспозиции “Византия: вера и власть (1261–1557)”, которая до этого была открыта в Нью-Йорке¹. На выставке, включавшей в себя наибольшее число произведений искусства, показанных когда-либо вне пределов Синайского монастыря, было представлено более сорока экспонатов периода XII–XV вв: тридцать семь икон, три рукописи и пожертвованный в 1411 г. королем Франции Карлом VI потир. В Мартиньи можно было видеть мозаические образы святого Димитрия Солунского (первая половина XII в.) и Богоматери Одигитрии (первая четверть XIII в.), житийные иконы святой Екатерины и святого Георгия (обе – начало XIII в.). Значительную часть иконного отдела выставки составляли произведения, созданные в мастерских крестоносцев в Иерусалиме и в Акре (наиболее известная из них – двусторонняя икона с изображением “Распятия и Сошествия во ад”, ок. 1280 г.). Среди них особое внимание обращали на себя иконы, на которых рядом с другим изображены восточные и западные святые; не говоря уже о том, какой интерес они могут представлять для историков иконографии, они одновременно являются парадоксальным свидетельством почитания святых уже в эпоху церковного разделения. Из трех рукописей, привезенных в Мартиньи, выделяется прекрасно сохранившееся Четвероевангелие (Gr. 152)²; оно было создано в столичном скриптории в 1346 г. писцом Георгием Галесиотом по заказу младшего сына императора Михаила VIII Палеолога Исаака Асана.

Как сама выставка в Мартиньи, так и подготовленный к ее открытию прекрасно иллюстрированный и снабженный подробными научными комментариями и библиографией каталог (составленный под редакцией хранителя раннехристианского и византийского искусства музея Метрополитен Х. Эванс при участии сотрудников музея), явились заметным вкладом в процесс осознания общих корней европейской культуры.

⁵ Ibid. P. 116.

¹ Byzantium: Faith and Power (1261–1557). Exh. cat. Edited by Helen C. Evans, New York, The Metropolitan Museum of Art, March 23 – July 4, 2004. N.Y., 2004. После Нью-Йорка “синайская” часть экспозиции была выставлена в афинском музее Бенаки; см.: Pilgrimage to Sinai. Treasures from the Holy Monastery of Saint Catherine. Exh. cat. Athens, Benaki Museum, July 20 – September 26, 2004. Athens, 2004.

² На выставке были также представлены Псалтирь (Gr. 61, ок. 1274 г.) и Лекционарий (Gr. 233, конец XIV–XV в.).

Самым крупным событием минувшего юбилейного года было открытие выставки “Мир Византии – восточное наследие Европы”. Она была организована государственным Археологическим собранием Мюнхена при участии государственных музеев Берлина и проходила в баварской столице с 22 октября 2004 г. по 3 апреля 2005 г.³ Научная подготовка выставки и составление каталога осуществлялись профессором Людвигом Вамзером, директором мюнхенского Археологического собрания, и профессором Арне Эффенбергером, директором Собрания скульптуры и Музея византийского искусства в Берлине (помимо того, в написании каталога принимали участие ведущие византинисты Германии, среди которых прежде всего следовало бы назвать профессоров И.Г. Декерса и К. Хр. Фельми). Мюнхенская “выставочная византинистика” имеет давнюю историю, которая восходит к концу XIX столетия. Настоящая выставка являлась пятнадцатой по счету, а по объему – едва ли не самой репрезентативной из когда-либо показанных в Германии⁴. Особенностью последней мюнхенской выставки являлось и то, что из общего числа представленных на ней экспонатов – а их было 1020 – более половины составляли те, которые ранее не публиковались или вовсе не были введены в научный оборот. Разумеется, на выставке можно было видеть произведения искусства, уже давно знакомые специалистам: это мозаические иконы “Христос Пантократор” (первая четверть XII в.) и “Распятие с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом” (конец XIII в.), триптихи из слоновой кости X в. и серебряное блюдо с изображением Мелегра VII в. (все – из собрания государственных музеев в Берлине). Однако и среди неизвестных прежде памятников были поистине первоклассные образцы: назовем здесь только икону “Богородица Млекопитательница” (Крит, вторая половина XV в.; частное собрание), прекрасно сохранившийся фрагмент темплона (VI или VII в.; Мюнхен, собрание Хр. Шмидта), группу процессионных крестов (Восточное Средиземноморье, VI–XII вв.; там же), тонированные изразцы с орнаментальным или фигуративным рельефом из Северной Африки и Испании (VI–VII вв.; Мюнхен, Государственное археологическое собрание). В целом выставка представляла собой развернутую экспозицию разных видов византийского искусства: иконописи, монументальной и мелкой пластики, декоративно-прикладного искусства (обращал на себя внимание отдел превосходных ювелирных изделий). И конечно же, обширным был отдел нумизматики. Каталог выставки в основном соответствует композиционному построению выставки и включает в себя следующие разделы: “Император и царство”, “Церковь и литургия”, “Образ и его почитание”, “Реликвии и паломничество”, “Повседневность и роскошь”, “Смерть и загробный мир”. Каталог открывается предисловием Л. Вамзера, вступительной статьей К.Хр. Фельми «“Византия после Византии” – дальнейшая жизнь византийской культуры в православных странах Востока» и завершается главой, посвященной историко-культурным связям Византии и Баварии. Каталог великолепно издан, снабжен хронологическими таблицами и подробной библиографией.

Мюнхенская выставка, подобно выставке в Мартиньи, войдет не только в annales византинистики, но и несомненно поможет преодолению еще до сих пор существующих стереотипов в восприятии Византии, в осмыслении общих для Востока и Запада истоков европейской культуры, и тем самым будет способствовать процессу европейской интеграции.

А.Н. Крешин

³ Кроме того, на выставке были представлены произведения византийского искусства из других городов Германии, а также из собраний музея Метрополитен (Нью-Йорк), Британского музея (Лондон), музеев Граца, Будапешта и Равенны. Следует обратить внимание на то, что в силу начавшейся реставрации, экспонаты всемирно известной византийской коллекции Берлинского музея смогли быть показаны вне пределов немецкой столицы в последний раз.

⁴ Предыдущая выставка, проходившая в 1998–1999 гг. под названием “Рим и Византия”, была распределена между музеем Археологического собрания и Баварским национальным музеем, см.: Rom und Byzanz. Archäologische Kostbarkeiten aus Bayern. München 1998 (Hrsg. von L. Wamser und G. Zahlhaas); Rom und Byzanz. Schatzkammerstücke aus bayerischen Sammlungen. München 1998 (Hrsg. von R. Baumstark).

Kırımtayif S. Converted Byzantine Churches in Istanbul: Their Transformation Into Mosques and Masjids. İstanbul, 2001. 109 p. Index.

Данная работа, по словам самого автора, является своего рода туристическим архитектурным путеводителем по Константинополю, где описываются византийские церкви, часовни и монастыри, которые в мусульманское время были переделаны в мечети, медресе и текке. Согласно автору, работа рассматривает этот процесс превращения христианских храмов в мусульманские (conversion) с социальной, исторической и архитектурной точек зрения, т.е. не только отвечает на вопрос, почему церкви становились мечетями, но и указывает, какие архитектурные изменения в ходе этого процесса привнесли в них османы (см. предисловие, без нумерации страниц). Однако в книге дается преимущественно фактическая информация, действительно построенная по принципу путеводителя, а все теоретические обобщения на этот счет сосредоточены в предисловии и первой главе (с. 1–5).

К моменту османского завоевания (29 мая 1453 г.) Константинополь, по словам автора, был весьма малонаселен, и Мехмед II, и его преемники активно взялись за его восстановление. В город организованно возвращали беженцев и целыми семьями заселяли пленников (христиан, мусульман и иудеев) из различных частей Анатолии и Румелии, обещая им определенные налоговые льготы и свободу вероисповедания. Переселенцев размещали в существующих и вновь основанных кварталах (махалла).

Мехмед II, рассматривая себя как римского императора, сделал Константинополь своей столицей и постарался превратить его в традиционный мусульманский город. Сразу после его завоевания он объявил главной городской мечетью храм Св. Софии (Айясофия). Такая практика – устраивать мечеть в самом выделяющемся здании завоеванного города – была обычной для расширяющихся за счет христианских территорий мусульманских государств того времени. Вместе с тем для поднятия престижа столицы уже при Мехмеде II в Константинополе началось активное строительство и восстановительные работы.

По мнению автора, практика переделки церквей в мечети явилась ответом на быстрый рост мусульманского населения города и основание новых кварталов (махалла), каждый из которых должен был иметь свою мечеть (с. 5). Автор выделяет три основные причины, по которым церкви переделывались в мусульманские религиозные объекты: 1) здания забирали для того, чтобы они служили мечетями, медресе, текке и т.п.; 2) во вновь основанных кварталах церкви нередко оказывались наиболее удобными зданиями для отправления коллективных молитв; 3) сокращение числа христиан в кварталах оставляло церкви в окружении мусульманского населения, и это предопределяло их дальнейшую судьбу – трансформацию в мечеть или медресе.

На протяжении XV–XVI вв. практически все византийские церкви Константинополя были переделаны в мечети и медресе. Из 39 этих церквей и часовен, рассмотренных в данной книге, 16 были переданы мусульманам в правление Мехмеда II, 10 – в правление Баязида II, три – при Селиме I и Сулеймане I, две при – Мураде III и три – при Мураде IV. Исключение составили лишь церкви св. Марии Мухлиотиссы Монгольской, поскольку квартал Фенер, где она располагалась, после османского завоевания города был оставлен грекам, и церковь св. Ирины, возможно, лишь потому, что она находилась в нескольких десятках метров от мечети Айясофии. В XVI в. процесс превращения церквей в мечети замедлился, а в XVII в. фактически прекратился. Это было связано с тем, что к концу правления Баязида II процесс формирования новых кварталов был практически завершен, и в каждом уже была своя мечеть. Однако несколько христианских храмов в этот период все же претерпели конверсию, поскольку теперь их окружало преимущественно мусульманское население.

Среди архитектурных изменений, которые претерпевали византийские церкви после передачи мусульманам, главным нововведением автор считает добавление минаретов. Как правило, они возводились рядом со зданием, с западного угла. Кроме того, внутри здания строился михраб, для чего или использовалась главная апсида здания или вырубалась в стене ниша. Византийские мозаики и фрески на внутренних стенах здания могли быть уничтожены, чаще всего их просто замазывали. Более серьезные изменения коснулись тех переданных мусульманам церквей, которые по какой-либо причине (например, после землетрясения или пожара) претерпевали в османский период восстановительные работы. В строении могли быть заменены крыша, купол или несущие колонны, задельные прежние окна и двери и при необходимости прорублены новые, а наружные притворы (нартексы) могли быть заменены турецкими портиками. Но в целом, несмотря на переориентировку по направлению на Мекку и

длительную эксплуатацию мусульманами, здания церквей сохраняли первоначальную планировку и формы.

Автора данной книги интересуют сугубо архитектурные изменения, которые претерпело после конверсии здание церкви. В этом смысле данное исследование целиком оправдывает заявленную функцию архитектурного и топографического путеводителя. Ограничившись вышеизложенными (и весьма поверхностными) теоретическими обобщениями, автор полностью оставляет в стороне поднятую Ф. В. Хаслуком¹ проблему взаимопроникновения и взаимовлияния христианства и ислама, сильнее всего образом отражающуюся на локальных религиозных памятниках и культах, которые нередко становились общими для представителей обеих конфессий. Ф. В. Хаслук на материале Османской империи приводит обширнейший материал, касающийся подобной трансформации христианских храмов в мечети, и указывает на тот факт, что и после передачи в руки мусульман церкви с их локальными святынями (например, погребениями) нередко продолжали оставаться объектами поклонения для христиан. С. Крымтайгыф полностью опускает этот культурологический аспект проблемы и рассматривает процесс конверсии довольно односторонне, как простой факт изъятия здания из рук христиан и передачи его мусульманам, и даже не включает монографию Ф. В. Хаслука в библиографию. По мнению автора, церкви, которые в мусульманском окружении находились в нищете и нуждались в восстановлении, были обращены в мечети и таким образом сохранены для грядущих поколений (с. 5).

Далее автор переходит к сугубо фактологическому рассмотрению процесса конверсии церквей. Он разделяет исследуемые памятники на две группы (гл. 2 и 3): те, что сохранились и функционируют до наших дней, и те, что оказались в руинах или потеряли свое первоначальное религиозное предназначение. Внутри глав описываемые здания распределены по кварталам (махалла).

Автор дает краткую историческую и архитектурную справку по каждому из рассматриваемых строений. Указываются архитектурный тип здания и его история со времени постройки. В случае невозможности выяснить время создания церкви и ее название отмечается хотя бы приблизительное время ее возведения (комниновский, палеологовский период и т. д.). Отмечены случаи, когда здание по каким-то причинам переживало разрушение или периоды восстановительных работ в византийский и османский периоды. По мере возможности называется время их передачи в руки мусульман, даты строительства михрабов, минбаров, минаретов и других архитектурных изменений, связанных с процессом их передачи мусульманам, отмечается строительство при мечетях текке, медресе, гробниц и др. История использования здания прослеживается во многих случаях до XX в. включительно, а при наличии данных указываются имена их византийских и турецких архитекторов и реставраторов.

Подборка данных практически на каждую церковь/мечеть сопровождается черно-белыми фотографиями внешнего и внутреннего вида здания и его деталей, его чертежами и графическими изображениями. Книга включает примечания (с. 111–123), глоссарий (с. 125–126), весьма обширный библиографический список (с. 127–135) и индекс (с. 137–138). Прилагается так же карта расположения церквей/мечетей в Константинополе (с. 1).

О. С. Апанович

¹ Hasluck F. W. Christianity and Islam under the Sultans. Oxford, 1929.

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС КОПТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

VIII Международный конгресс коптских исследований состоялся в Париже с 28 июня по 3 июля 2004 г. Его заседания проходили в Институте искусства и археологии Сорбонны и в Католическом институте. Такие Конгрессы проводятся с 1976 г. один раз в четыре года в странах, где существуют центры коптских исследований. Предыдущие Конгрессы проходили в Вашингтоне, Риме, Варшаве, Лувене-ля Нёв, Мюнстере. Предпоследний VII конгресс состоялся в Лейдене в 2000 г. Парижский конгресс оказался, возможно, самым представительным: в его работе участвовало около 300 ученых из Австрии, Австралии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Египта, Израиля, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Польши, России, США, Франции, Финляндии, Чехии и других стран. Русская делегация состояла из семи человек (Москва, Санкт-Петербург) и оказалась более представительной, чем на прошлом Конгрессе. К открытию этого научного форума были приурочены три выставки: "Коптская живопись Египта", которая прошла в Египетском культурном центре, где были выставлены эскизы Пьера Лаферьера, который уже более четверти века занимается реставрацией настенной живописи в монастырях Египта; "Христианские страницы Египта. Коптские рукописи"¹, проходившей в крипте отдела рукописей Парижской национальной библиотеки, и "Египет: перипетии истории", состоявшейся в Institut du Monde Arabe. Большая подготовительная работа была проведена организационным комитетом Конгресса под председательством Мишеля Тардьё (Коллеж де Франс, Париж) и прежде всего секретарем Конгресса Анн Будор (SNRS, Париж). В рамках Конгресса состоялось 15 пленарных докладов и работало более 10 секций по различным областям современной коптологии (археология и история искусства, гностицизм и манихейство, документальные источники, копты и мусульмане, монашество, литература и история, литургика, история науки, современность, магия, богословие).

Во вступительном слове председатель Международной ассоциации коптских исследований (IACS) Тито Орланди напомнил о пути, пройденном Ассоциацией с середины 1970-х годов, о несомненных достижениях коптологии за последние годы, а также о ее перспективах и задачах. Одной из основных научных проблем остается работа по исследованию коптских версий библейских текстов и подготовке полной сводной версии коптской Библии. Было также отмечено смещение интереса исследователей от "классических" исследований коптской литературы и текстологии (которые, впрочем, плодотворно развиваются) к проблемам изучения коптской ментальности, истории и богословия коптской церкви, к социологическим и гендерным исследованиям. Было отдельно отмечено создание новых центров коптских исследований (например, в Австралии) и новых периодических изданий (например, ежегодник *Sortisa*, выходящий с 2001 г. в Лос-Анджелесе). Характерно, что, особо отметив двух русских исследователей, О. фон Лемма и А.И. Еланскую, Т. Орланди тем не менее не назвал Россию в перечне стран, где существовали или существуют научные центры коптских исследований. В этом, впрочем, нет ничего удивительного. Несмотря на то что в российских библиотечных и музейных собраниях (в Москве и Санкт-Петербурге) содержатся коллекции коптских рукописей и произведений искусства, а ряд русских исследователей известен за рубежом полноценного центра коптских исследований в России до сих пор не создано.

Исследования по гностицизму и манихейству уже давно и прочно вошли в разряд коптологических дисциплин. Связано это прежде всего с тем, что ряд важнейших источников по этим религиозно-философским учениям поздней античности (например, гностические тексты Наг-Хаммади или манихейский трактат "Кефалайя") сохранились только в коптских пе-

¹ По материалам этой выставки к открытию Конгресса был выпущен каталог.

реводах. В докладе о состоянии исследований по гностицизму Ж.-Д. Дюбуа (SNRS, Париж) коснулся четырех аспектов: проблем различных дефиниций гностицизма, последних исследованных текстов из Наг-Хаммади и проблем идентификации учения двух гностических сект – валентиниан и сифиан. М. Тардье (Париж) в докладе о манихействе помимо обзора наиболее важных работ, вышедших с 2000 по 2004 г., остановился на проблемах методологии манихейских исследований и интерпретации сохранившихся текстов.

Наиболее обширной областью изысканий в области христианского Египта являются археологические исследования и изучение коптского искусства. В докладе о христианской археологии Египта П. Гроссман² (Афины/Каир) сделал краткий обзор современного состояния изучения наиболее известных центров (Абу Мина, Вади Натрун, Фаюмский оазис, Антинополь, Сохаг, Асуан и др.). Уже традиционно в рамках коптологических конгрессов делаются сообщения о последних достижениях (в основном археологических) в исследованиях христианской Нубии. Парижский конгресс в этом смысле исключением не стал – в докладе В. Годлевского (Варшава)³ “Нубийские исследования, 2000–2004” было рассказано о последних важных открытиях в Судане, относящихся к позднеантичному и средневековому периоду. Интересные находки были сделаны в ходе раскопок Банганарти, расположенного в 8 км к югу от Донголы. При обследовании Нильской долины, начиная с Третьего порога до Карима, а также в районе Четвертого порога было идентифицировано несколько новых мест, относящихся ко времени возвышения царства Макурия и к более позднему периоду. Однако, как было отмечено докладчиком, раскопки в Банганарти и Донголе на сегодняшний день являются самыми важными. Доклад К. Иннемее (Лейденский университет) “Коптское искусство, успехи в исследованиях и проекты по сохранению памятников” был посвящен главным образом обзору крупных проектов по исследованию и реставрации таких известных центров коптской цивилизации, как монастырь св. Антония, св. Павла Фивейского, район Сохага (монастыри Шенуте), Вади-Натрун (Скит), Наклун, Баут и др., в том числе проект по реставрации коптских икон. В докладе Д. Беназе (Лувр, Париж) речь шла о музейной деятельности по каталогизации и экспонированию предметов коптского искусства. Приятно отметить, что в библиографическом обзоре Д. Беназе учла и русские публикации последнего времени (шесть статей из сборника Cortica Hermitagiana, вышедшего в 2000 г. в Санкт-Петербурге⁴).

В пленарных докладах об эпиграфических и папирологических исследованиях последних лет Ж. Ван дер Влие (Лейденский университет) и Т. Вилфонг (Мичиганский университет)⁵ помимо обзора наиболее важных публикаций отметили важность эпиграфических и папирусных текстов при реконструкции разных сторон жизни в византийском и раннеарабском Египте. Важными областями современной коптологии являются палеографические и кодикологические исследования рукописного материала. В докладе, посвященном этим сюжетам, А. Будор⁶ обратила внимание на постепенное накопление данных, которые в перспективе могли бы послужить основой для более точных датировок и локализации коптских рукописей. Так, было отмечено, что расстановка или отсутствие диакритических знаков (которое раньше обозначалось как “нестандартное”) могло бы выявить особенности различных скрипториев. В качестве несомненного прорыва в кодикологических исследованиях была названа монография С. Эммеля, посвященная литературному корпусу Шенуте, где было реконструировано и детально описано около 100 кодексов, т.е. десятая часть всех рукописей, которые насчитывала библиотека Белого монастыря в XI в.

Большую область, и хронологически, и по объему сохранившихся текстов, охватывают копто-арабские исследования: в сферу их компетенции входит период времени после арабского завоевания Египта, когда копты начинают постепенно переходить на арабский язык в качестве разговорного и литературного. В своем докладе М. Свенсон (Семинар Лютера,

² К сожалению сам П. Гроссман не смог прибыть в Париж. Доклад был зачитан Ц. Флюк.

³ Пользуясь удобным случаем, выражаем сердечную благодарность проф. В. Годлевскому за предоставленный нам текст его пленарного доклада.

⁴ К сожалению, в библиографии не указано, что статья Б.А. Тураева “Коптские ткани в Государственном Эрмитаже” является переизданием. Не отмечена также обширная библиография работ, посвященных коптской коллекции Эрмитажа.

⁵ Доклад Ж. Ван дер Влие был посвящен исследованиям христианской эпиграфики как в Египте, так и в Нубии. Доклад Т. Вилфонга был зачитан Е. Болман.

⁶ Доклад включал обзор исследований, начиная с 1996 г., поскольку на Лейденском конгрессе 2000 г. доклад о коптской палеографии не был поставлен в программу.

Сен-Пол, США) отметил, что копто-арабские исследования последних лет были не столь плодотворными, как в предыдущий период (1996–2000), когда удалось опубликовать критическое издание трактата аль-Мутаман ибн аль-Ассала “*Majmu' usul al-din*”. Однако он указал, что успешно продолжаются исследования средневековых греко-копто-арабских *scalae*, различных аспектов жизни Коптской церкви в XVII–XIX в. (модели патронажа, реставрации церквей, икон, рукописей и др.), вопросов исламизации сельских районов Египта в VI–XI в. и других проблем. В качестве перспективного направления исследований докладчиком было выделено издание параллельных версий одного источника (в частности, коптских арабских и эфиопских) на примере издания гомилии о церкви в Габаль аль-Тейр, атрибутированное Тимофею Элуру.

Не стоит, пожалуй, говорить о том, сколь важным для понимания социальной и религиозной истории византийского Египта является изучение монашества. Д. Бракке (Блумингтон, США), сделавший пленарный доклад по итогам изучения этого сюжета в 2000–2004 гг., отметил, что, несмотря на усилившийся в последние десятилетия интерес к истории египетского монашества, в отличие от эпиграфики или коптской лингвистики, отдельной дисциплины, целиком посвященной этой теме не существует. Изучение монашества остается своеобразной “точкой пересечения” интересов различных ученых: историков, филологов, папирологов, археологов и богословов. В отличие от доклада на Лейденском конгрессе, почти целиком посвященного различным аспектам социальной истории египетского монашества⁷, Д. Бракке сосредоточился на вопросах интеллектуальной и гендерной истории. Значительная часть доклада была посвящена обзору исследований о двух видных представителях египетского монашества – Евагрии Понтийском и Шенуте, – которые, несмотря на их различия (Евагрий – типичный эллинизированный интеллигент, а Шенуте – наиболее яркий носитель “коптского начала” в монашеском движении), оказались в стороне от основного русла монашеских исследований и только в последние десятилетия стали пользоваться повышенным вниманием со стороны ученых. Основной проблемой в изучении личности и творений Евагрия последних лет является соотнесение философской составляющей его учения и той аскетической практики, в которой она осуществлялась. Одни ученые подходят к решению этого “разделения”, считая, что Евагрий соединял умозрительные построения с аскезой, формируя холистический дискурс “единого созерцания всего”. Другие, опираясь на построения известного исследователя неоплатонизма Пьера Адо, полагают, что Евагрий действовал по известной парадигме позднеантичной философии, где интеллектуальная рефлексия, по сути, и является своеобразной аскетической практикой. Исследования личности и творений Шенуте базируются в основном на изучении его литературного корпуса и концентрируются на расшифровке различных символов его языка (метафора “города”, понятия “семьи”, “чистоты”, “нечистоты”, “великой Церкви” и др.), исследовании риторических приемов, с помощью которых он создает новую идеальную “реальность”, социальной истории (режим питания в монастырях Шенуте их социальная организация и др.). На примере исследования эпистолярного наследия преемника Шенуте Бесы было продемонстрировано, как совершенно бесполезные для изучения социальной истории тексты (напластования различных библейских цитат) могут быть очень полезны для изучения методов конструирования социальной и гендерной идентичности в ту эпоху. В заключение Д. Бракке поведал о некоторых интересных тенденциях последних лет: фактический отказ от поиска единого русла монашеской духовности, интерес к различным “традициям” внутри обширного поля монашеской традиции, индивидуализация этого феномена (“Антоний, Шенуте, Пахомий, Евагрий типичны только по отношению к самим себе”) и др.

Если на прошлом Конгрессе в Лейдене доклад о коптской литературе был в основном сосредоточен на проблеме классификации жанров⁸, то доклад С. Эммеля (Мюнстер), сделанный в Париже, очертил основные задачи изучения этой области коптологии, проиллюстрировав некоторые из них результатами исследований последних лет. По-прежнему актуальными остаются вопросы публикации и перевода коптских литературных текстов, совершенствования

⁷ См.: *Wipszycka E. Les recherches sur le monachisme égyptien, 1997–2000 // Coptic Studies on The Threshold of a New Millenium: Proceedings of the Seventh International Congress of Coptic Studies (Leiden, 27 august – 2 September 2000) / Ed. M. Immerzeel, J. Van der Vliet. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2000. 2. P. 833–853.*

⁸ К сожалению, этот доклад Ю. Хорна не вошел в опубликованные акты Лейденского конгресса.

методики их изучения, уменьшении значительного числа нераспознанных фрагментов, выявления наиболее значимых текстов для истории коптской литературы и наконец продвижения исследований по составлению полноценной "истории коптской литературы". Успехи по "рециркуляции" нераспознанных фрагментов были показаны С. Эммеlem на примере изучения так называемого "Берлинского Евагелия" (или "Евангелия Спасителя"), к которому, как выяснилось, относится еще несколько известных "заново обнаруженных" фрагментов. Комплекс вопросов, связанный с литературным качеством отдельных коптских произведений и в частности герменевтики, был продемонстрирован на примере так называемого "Панегирика Макария, епископа Ткоу", который ныне активно изучается. Наконец, значимость отдельных авторов была показана на примере Руфина, епископа Шотепа, репутация которого как "коптского автора" весьма сомнительна, и Шенуте, который по мнению С. Эммеля, наоборот, является мерилom коптской литературы, и все остальные произведения на этом языке должны быть соотнесены с ним, если не в терминах прямого влияния, то в эстетических категориях. В докладе Т. Баумайстера (Майнц), посвященном истории и историографии египетского христианства было указано, что современные научные изыскания в области истории Церкви уже не ограничиваются исследованиями о епископах, соборах, великих богословах или проблемами взаимоотношений Церкви и государства: исследователи пытаются принять во внимание и социологически значимое множество так называемых "простых верующих". Поэтому увеличивается число публикаций, исследующих вопросы благочестия, менталитета и социальной истории.

Последние достижения в области коптской лингвистики были продемонстрированы в докладе В.-П. Функа (Квебек), а Х. Бракман (Бонн) показал диапазон современных исследований в области изучения коптского богослужения. Уже давно не секрет, что данные литургики могут с успехом привлекаться для решения проблем в смежных областях (культурные влияния, ментальность, библейская текстология, хронология и т.п.).

Сообщения, сделанные на секции "Гностицизм и манихейство", были посвящены различным аспектам изучения текстов из Наг-Хаммади и их сравнительному анализу с библейскими источниками, гностицизму сифиан, исследованию манихейских псалмов. Е. Смагина (Москва) в своем сообщении выдвинула интересное предположение о том, что слово *Sarakōdōn*, вынесенное в заглавие манихейских псалмов, следует трактовать как "сорок", согласно их предполагаемому числу.

Секция "Археология и история искусства" была на Конгрессе самой многочисленной. Весьма разнообразной была и тематика сообщений: это и презентации последних археологических находок в Египте и Судане, рассказ о реставрационных проектах, исследования коптских тканей, орнаментальных мотивов, изделий из бронзы, икон, предметов из дерева и многое другое. В рамках данной секции сделали сообщения и три участника из России: О. Ошарина (Санкт-Петербург) "О назначении позднеантичных завес", О. Лечтская (Москва) "Шелковая ткань с изображением торжественного въезда императора: проблемы иконографии и датировки", А. Горматюк (Москва) "Напластования на поздних коптских иконах".

Сообщения секции "Документальные источники" были в основном посвящены презентациям коллекций из различных музейных, университетских и монастырских собраний Бельгии, Испании, США, Норвегии, лексикологическим и эпистографическим исследованиям, а также изучению коптской керамики. Секция "Мусульмане и копты" оказалась достаточно многочисленной. Здесь были представлены различные аспекты истории и литературы арабского Египта: исламизация, эллинистические и римские мотивы в Фиваиде VIII в., христианские паломничества и святые места, "коптский Каир" в XIV в., апокалиптическая литература коптов в арабский период, "коптский вопрос" в идейных построениях исламских реформаторов в 10-х годах XX в., антикоптская кампания 1938 г. и многие другие. Секция "Монашество" подтвердила некоторые положения доклада Д. Браке — из 17 заявленных сообщений 7 были так или иначе посвящены Шенуте: "Александрийское богословие в пустыне: Шенуте как автор, переводчик и писатель" (К. Шрёдер, Итака), "Шенуте как ересиолог" (М. Мусса, Вашингтон), "База данных рукописей трудов Шенуте, сохранившихся в Парижской национальной библиотеке" (Ж.-Л. Фор, Париж), "Новые данные о конгрегации Белого монастыря" (Б. Лейтон, Йельский университет, США), "Писания Шенуте как исторический источник для понимания организации в кинозии" (Р. Шмурло, Варшава), "Проблемы понимания так называемого Жития Шенуте" (Н. Любомирски, Хейдельберг), "Цитаты из неканонических библейских книг у Шенуте" (Дж. Тимби, Вашингтон). Другие сообщения охватывали широкий спектр исследований по монашеству. М. Малеве (Льеж) проанализировал различные сообще-

ния источников о наготе монахов-пустынников и показал, что помимо наготы реальной в текстах нагота представлена символически (например, символ невинности человека до грехопадения и др.). А. Войтенко (Москва) исследовал два противоположных мотива в "Житии св. Онуфрия Великого" ("внутренняя" пустыня как образ рая обретенного и одновременно рая потерянного) и предположил, что подобная амбивалентность может быть связана с противоречивой ситуацией последней четверти IV в., когда в определенных монашеских кругах идеалом считался анахоретизм во "внутренней" пустыне, а в реальной аскетической практике уже доминировали более умеренные и более социальные формы. В сообщении Т. Тода (Лейден) были подведены предварительные итоги его работы по реконструкции рукописной традиции "Жития св. Макария Египетского" (коптская, сирийская и арабская версии). А. Хенейн (Афины) проанализировал многочисленные греческие заимствования, встречающиеся в коптской версии "Жития св. Антония Великого". А. Хосроев (Санкт-Петербург) в сообщении "Существовала ли дверь в кельях пахомианских монахов?" показал, что под термином "дверь" следует понимать циновку, закрывающую вход в монашескую келью. Д. Бумажнов (Санкт-Петербург/Тюбинген) в сообщении "Visio Dei у св. Павла из Таммы" попытался на примере описания видения Бога у св. Павла из Таммы поставить вопрос о его прямых и косвенных источниках, выявить его связь с александрийской традицией visio Dei и наметить перспективы использования полученных данных в исследованиях предьстории споров между так называемыми "оригенистами" и "антропоморфитами" в нижеегипетских монастырях в конце IV в. Интересным было сообщение Д. Джонсона (Вашингтон) "Положение пахомианских монастырей при Юстиниане", который постарался разобраться в довольно непростом богословском "ландшафте" монастырей Верхнего Египта, отраженных в проповедях их лидеров (апы Моисея, Манассии, Аполлона, Авраама) и установить связь между пахомианской традицией VI в. и другими монастырями Верхнего Египта. В докладе А. Крислипа (Гавайи) был предложен оригинальный взгляд на интерпретацию "демона уныния" в раннемонашеской традиции, а Ф. Селлев (Миннесота) предложил сравнительный анализ темы уединения, благочестия и самостановления человека в *Apophthegmata Patrum* и гностическом "Евангелии Фомы". Объединенная секция "Литература и история" включила в себя обширный диапазон проблем: исследования апокрифической литературы, библейских текстов, датировка "Панегирика апы Макария из Ткоу", чудеса и "женская тема" в агиографических текстах и др.

Небольшая по числу участников секция литургики тем не менее смогла охватить ряд принципиальных тем: методика работы с литургическими текстами, до сих пор используемыми в богослужении (А. Будде, Бонн), изучение коптских лекционных лекционариев (Д. Атанассова, Зальцбург), музыка (М. Кун, Лейден; М. Гаттас, Каир).

На закрытии Конгресса Т. Орланди отметил, что этот научный форум продемонстрировал несомненный прогресс в продвижении коптских исследований за последние годы и улучшение их качества. Следующий Конгресс было решено провести в 2008 г. в Каире.

А.А. Войтенко

С.А. Иванов

“АПОСТОЛЬСКАЯ СИРЕНА”: ПАМЯТЬ СИМЕОНА МЕТАФРАСТА НА АПОСТОЛА ФОМУ (ВНГ, 1835)

Сочинение, вводимое здесь в научный оборот, хорошо представлено в рукописной традиции. Но хотя этот текст дошел в десятках манускриптов¹, он, как ни странно, до сих пор оставался не опубликованным, и представление о нем можно было получить лишь благодаря латинскому переводу². Между тем Ὑλόμνιςα (читается под 6 октября) на апостола Фому (ВНГ, 1835), приписываемая Симеону Метафрасту, обладает не только богословским содержанием, но и известной исторической ценностью.

Образ апостола Фомы (как и некоторых других апостолов) в ранневизантийской литературе никак не ассоциировался с миссионерством. Обратимся, например, к апокрифическим “Деяниям Иуды Фомы”, тексту, зародившемуся в сирийской среде, но скоро переведенному на греческий и пользовавшемуся, несмотря на свою апокрифичность, огромной популярностью в Византии. В этом сочинении проблема “технического” обеспечения миссии звучит лишь однажды, в самом начале, и отвергается как несущественная: «И выпала по жребию и по разделу Индия Иуде Фоме апостолу. И он не пожелал идти, сказав: “Не имею я сил для этого, ибо слаб я, и муж я еврейский, как индийцев могу я учить?” И в то время как так рассуждал Иуда, явился ему Господь наш в ночном видении и сказал ему: “Не бойся, Фома, ведь благодать моя, с тобою она”»³. Действительно, все проблемы решались сами собой, благодаря божественному вмешательству.

Пожалуй, еще существеннее то, что первоначальная версия деяний апостола рисует его скорее как чародея и волшебника, нежели как миссионера, и сражается он скорее с институтом брака, нежели с языческими верованиями. Менее всего в герое “Деяний Иуды Фомы” можно узнать проповедника!

Позднее, начиная с VII в., память Фомы попала в византийские минеи. Отбор сюжетов для краткого рассказа об апостоле весьма показателен: в минейной версии исчезли чудеса и юмористические фабульные повороты, а попали в нее исключительно сюжеты об обращении царственных особ — именно это воспринималось как показатель успешности апостольской

¹ См.: Ehrhard A. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der christlichen Kirche. Erster Teil. Bd. II. Leipzig, 1938, S. 358–387.

² Metaphrasti Commentarius rerum gestarum sancti et gloriosi Apostoli Thomae // PG. Vol. 116 (1864). Col. 563–566.

³ Меццерская Е.Н. Деяния Иуды Фомы. М., 1990. С. 129.

миссии⁴. Такой подход к делу соответствовал характеру “государственного” миссионерства в самой Византии – оно было обращено главным образом на “варварских” правителей, которые уже затем сами должны были крестить свои народы.

По мере того, как в самой Византии развивалось миссионерство, менялся и взгляд на апостолов: в частности, Никита Давид Пафлагон в своей похвале Фоме (рубеж IX–X в.), явно наделяет апостола теми эмоциями, которые приходилось испытать реальным византийским клирикам, оказывавшимся среди “варваров”, будь то мораване, хазары или болгары: “Каково было ему подступаться к ним? А добравшись до этих людей, отвратительных видом, но еще более отталкивающих своим душевным складом, каково было вступить с ними в беседу и общение по вопросам благочестия! Он тихонько сетовал на тягостность общения с этими язычниками”⁵.

Подобный снобизм дорого обошелся ромеям: их миссионерские предприятия в Хазарии, на Руси и в Моравии потерпели фиаско, и даже столь тесно связанная с Константинополем Болгария едва не перешла под покровительство Рима⁶. В X столетии византийцы, учтя опыт предшествующих неудач, изменили миссионерскую тактику. Поскольку никаких пособий для проповедника не сохранилось, судить об этом можно лишь по результатам: в X в. Константинополю удались несколько обращений. Под эгидой патриарха оказались венгры, аланы и наконец Русь. Как известно, сами греки, современники событий, о крещении киевлян не пишут ни слова, и каково было отношение миссионеров к варварам-неофитам, можно лишь догадываться. В свете всего вышесказанного как нельзя более актуальным предстает сочинение Симеона Метафраста.

Следует оговориться, что публикуемый ниже памятник не носит с начала и до конца оригинального характера: первая его половина местами дословно списана с трактата V в., принадлежащего перу Василия Селевкийского⁷ (в издании эти заимствования выделены курсивом), а кроме того, некоторые отрывки, и в частности описание Индии, взяты из романа о Варлааме и Иоасафе (эти цитаты выделены подчеркиванием). Наибольший интерес для нас представляет финальная часть текста (главы 14–17 по нашей разбивке), где совершенно по-новому представлен образ апостола. Под пером Метафраста Фома из экстарвагантного колдуна, каким он был в раннем своем житии, превратился в скромного труженика-миссионера. В тексте ‘Υλοβν-κίου Фома, т.е., с точки зрения Метафраста, идеальный миссионер, приходит к язычникам просто одетым (вспомним, что в IX в. император Михаил убеждал Константина Философа одеться на миссию, как приличествует имперскому послу); апостол дожидается, пока варвары сами заинтересуются им и начнут задавать вопросы; он действует не наскоком, а постепенно, не силой, а убеждением. “Ведь он знал: то, что укреплено в наших душах долгой привычкой, нелегко поддается уничтожению”. Фома разбирается в местной специфике и ведет свою пропаганду “снизу” – индийский правитель узнает о ней

⁴ Там же. С. 36–37.

⁵ Nicetae Paphlagonis In laudem s. Thomae apostoli // PG. Vol. 105 (1862). Col. 136.

⁶ Иванов С.А. Византийское миссионерство. М., 2003. С. 172.

⁷ Текст этого, также не опубликованного сочинения “Слово на святого апостола Фому” (ВНГ, 1844в) в настоящее время сдано нами в печать (Moschovia. Т. 2).

позже других, тогда как в древних “деяниях” только правители и являются объектом миссии. Обращает на себя внимание то, насколько часто Симеон (если мы считаем автором именно его) характеризует своего героя “от противного”: “Великий апостол ни в чем не выказал надменности и кичливости, не стал разговаривать высокопарно и хвастливо и не сделал ничего напыщенного и показного”; “Он не сразу кинулся обличать, не прибег к упрекам, решил не пользоваться таким снадобьем, как суровость”; “Он являл им свое величие и достоинство не с помощью высокомерия, напыщенности и велеречия”. Скрытая полемика ощущается у Метафраста даже по вопросу о том, во что именно нужно посвящать варваров, а что можно и опустить: “Вдобавок к этому он рассказал... и о самих Страстях, которые многим кажутся позорными”. Видимо, своими полунамеками Симеон призывает отказаться от той модели миссионерования, которая зарекомендовала свою неэффективность в предшествующую эпоху. Быть может, все то, что в нашем памятнике приписывается деятельности апостола Фомы среди “индов”, отражает реальную практику византийских миссионеров второй половины X в. на Руси. Надо стать для варваров приятным и “своим” – вот в двух словах рецепт миссионерского успеха, предлагаемый Метафрастом. Поскольку “Македонский Ренессанс”, в эпоху которого творил этот автор, предполагал обращение к античной мифологии, Фома несколько неожиданным, на современный вкус, образом сравнивается в Ὑπόμνημα... со сладкоголосыми Сиренами!

* * *

Критическое издание данного текста по всем сохранившимся манускриптам – дело будущего. Сочтя необходимым ввести Ὑπόμνημα в научный оборот, мы решились опубликовать его по тем четырем рукописям, которые хранятся в Государственном Историческом музее в Москве: Cod. Mosquensis Graecus 180 (Vlad. 360) (=A), Cod. Mosquensis Graecus 175 (Vlad. 358) (=B), Cod. Mosquensis Graecus 131 (Vlad. 359) (=C) и Cod. Mosquensis Graecus 140 (Vlad. 368) (=D). Все они относятся к XI в. и недалеко отстоят от протографа. Некоторые чтения выбраны с оглядкой на подготавливаемое нами к печати сочинение Василия Селевкийского (=V), которым пользовался Симеон.

Ὑπόμνημα εἰς τὸν ἅγιον τοῦ Χριστοῦ καὶ ἔνδοξον ἀπόστολον Θωμᾶν. Κύριε, εὐλόγησον

1. Πάλαι μὲν τὰς κατὰ γῆν διατριβὰς ἀνύοντες οἱ ἀπόστολοι καὶ τὴν ὑπ' οὐρανὸν περιθέοντες τοῖς τῇ ἀσεβείᾳ δεδουλωμένοις τὴν ἐλευθερίαν ἐκήρυσαν θαύμασι πρὸς σωτηρίαν ἐκ πλάνης ἀνθέλκοντες καὶ τῷ φαρμάκῳ τῆς πίστεως ἀπιστίαν νοσοῦσας ψυχὰς ἰώμενοι. Ἐπειδὴ δὲ τὴν πρὸς τὸν Δεσπότην ἀποδημίαν ἐστάλησαν, ἐνέχυρα σωτηρίας τὰ σώματα τοῖς εὐσεβέσι κατέλιπον, ὅπως ὁ παρόντες εἰργάζοντο, τοῦτο καὶ μεταστάντες ἀνώσει, τῆς ἐπουρανοῦ πανηγύρεως ἡμῖν εἰκόνας¹ τὰς τῆς μνήμης αὐτῶν ἑορτὰς χαριζόμενοι, ἴν' ὡς² παροῦσι πάλιν αὐτοῖς καὶ διαλεγόμενοι συνόντες τὰς ἀποστολικὰς δρεπόμεθα χάριτας.

¹ εἰκότας Α.

² φ С.

2. Ὅθεν καὶ νῦν ὁ τῶν ἀποστόλων περιφανέστατος Θωμᾶς διὰ τῆς μνήμης ἡμῶν αὐθις ἐπίδημει, Θωμᾶς ὁ τῆς πίστεως ἡμῶν³ ἐξ ἀπιστίας πατήρ καὶ τῆς ἀληθείας ἀκριβῆς μνηνῆς ὁ τὰς⁴ τῆς ἀπιστίας προφάσεις τῶν ἀπίστων ἀποτεμόμενος καὶ τὴν τῶν ἀποστόλων πίστιν δι' ἀπιστίας βεβαιοτέραν ἀπεργασάμενος. ὅτε γὰρ ὁ μονογενεὺς τοῦ Θεοῦ υἱὸς ὁ ὢν εἰς τὸν κόλπον τοῦ Πατρὸς τὸ ἑαυτοῦ πλάσμα μὴ φέρων ὄραν ἁμαρτία δουλούμενον τοῖς οἰκείοις περὶ τοῦτο σπλάγγνοις ἐπικαμφθεὶς ὤφθη καθ' ἡμᾶς ἁμαρτίας χωρὶς, τότε καὶ ὁ μέγας οὗτος ἀπόστολος μετὰ τὴν τῶν ἄλλων μαθητῶν ἐκλογὴν τε καὶ ἀκολούθησιν τῷ δεσπότη καὶ αὐτὸς ἀκολουθεῖν ἐπετέτακτο.

3. Ἐν Ἰουδαίᾳ γὰρ γῆ τὰς μητρικὰς ὠδῖνας διαλυσάμενος γεννήτορας ἔχων λιτότητι βίου συζῶντας ὑπὸ τούτων ἐτρέφετο καὶ ἀνήγητο καὶ πρὸς τὸν ὅμοιον διεμορφοῦτο βίον οἷά τι καλλίστῳ⁵ παιδαγωγῷ τῇ πενίᾳ παιδαγωγούμενος καὶ πρὸς τὴν δεσποτικὴν ἐντολὴν εὐπαράδεκτος⁶ δι' αὐτῆς γινόμενος⁷, ταῖς οὖν μωσαϊκαῖς ἐντυγχάνων βίβλοις – αὐταὶ γὰρ φιλοπόνως τοῖς Ἰουδαίων παισὶ προῦκείντο – ἐρρυθμίζετο⁸ μὲν τὰ ἦθη πρὸς τὸ σεμνότερον, ἐτυποῦτο δὲ τῇ μαθήσει πρὸς τὰ θεϊότερα καὶ τῶν παιδικῶν ἀθυρμάτων πόρῳ δεικνύμενος διεπλάττετο τε καὶ ἤϋξανεν ἕως πρὸς τὸ τέλειον τῆς Χριστοῦ ἡλικίας μέτρον κατήνησε.

4. Πένητι γὰρ, ὡς ἔφημεν, βίῳ συζῶν καὶ ἀλιευτικῇ μετῴν τεχνῇ, κατ' ἄμφω κρατῶν ἐγίνωσκετο, ἐκ μὲν τούτου τὸ λιτὸν καὶ ἀπέριπτον⁹ καὶ μόνως ἀρκεῖσθαι τοῖς ἀναγκαίοις τυποῦμενος, ἐκ ταύτης δὲ τὸ ἐν πόνοις καρτερικὸν καὶ τὸ τοῖς¹⁰ ἀνιανοῖς ἔκον τί προσημιάζεσθαι¹¹, αὐτίκα γοῦν οὐκ ἀναβολὴν τι καὶ μελλήσει¹² χρῆσάμενος πρὸς τὴν κλησὶν ὑστέρησεν. ἀλλ' οὕτω ταχέως μετέθετο καὶ τῇ τοῦ καλοῦντος ἐδεσμεύθη φωνῇ ὡς θᾶπτον ἢ λόγος τὴν ὑπακοὴν ἐπιδείξασθαι.

5. Οὕτω μὲν οὖν συνοικειοῦται τῷ λόγῳ καὶ τοῖς λοιποῖς τῶν κληθέντων συντάττεται καὶ γίνεται μαθητῆς προθυμότητος, ὑπηρετῆς πιστότατος, ἀπόστολός τε καὶ οἰκονόμος τῆς αὐτῷ ἐγχειρισθείσης ἀποστολῆς τῶν ἐθνῶν δοκιμώτατος. εὐθύς δὲ καὶ πρὸς τὴν ἀποστολὴν ἐπεβρώννυτο¹³ καὶ δυνάμεως θείας ἐνεπίμπλατο¹⁴ πλουτῶν τε¹⁵ τὴν τῶν θαυμάτων ἐνέργειαν. συνεῖναι τῷ λόγῳ διαπαντὸς ἀξιοῦται καὶ μετ' ἐκείνου τὸν τῆς ἐνσάρκου διαγωγῆς χρόνον ἐνδαιτώμενος πολλὰς μὲν ὑφεισθήκει σὺν αὐτῷ τὰς κακοπαθείας, πολλοὺς δὲ τοὺς διωγμοὺς καὶ τὰς μεταβάσεις, καὶ ποτὲ μὲν ὑπὸ Ἰουδαίων ἐλαυνομένῳ καὶ αὐτὸς συνηλανέτο καὶ¹⁶ λιθαζομένῳ συνελιθάζετο, ποτὲ δὲ βουλομένων αὐτὸν¹⁷ ὑπὸ χεῖρα λαβεῖν καὶ θανατώσαι, συνθανατοῦσθαι¹⁸ προεθυμεῖτο πῆν

³ αὐθις – ἡμῶν om. C; ἡμῶν ἡμῶν A, D.

⁴ δταν B.

⁵ καλλίστη B.

⁶ ἀπαράδεκτος B.

⁷ γινόμενος| γενόμενος A.

⁸ ἐρρυθμίζετο C.

⁹ ἀπέριπτον B.

¹⁰ τῆς B.

¹¹ προσημιάζεσθαι C.

¹² μελήσει C.

¹³ ἐπεβρώννυτο D.

¹⁴ ἐπίμπλατο B, D, ἐπίμπλατο C.

¹⁵ πλουτεῖ C.

¹⁶ αὐτὸς – καὶ om. D.

¹⁷ αὐτῶν D.

¹⁸ Om. D.

τοῦ πόθου γέμουσαν φωνὴν ἐκείνην πρὸς τὸν δεσπότην ἀφίεις “Ἄγωμεν καὶ ἀποθάνωμεν μετ’ αὐτοῦ”.

6. “Ὅτε γὰρ τὸν φίλον Λάζαρον ἐκ νεκρῶν ὁ Σωτὴρ ἀναστήσων ἠπειγέτο, ὅτε διὰ τῆς ἀπουσίας ἐνέδωκε τῷ θανάτῳ κρατῆσαι τῆς φύσεως, ὅτε δεῖξαι τὸν τάφον ὑπνοῦ χωρίον ἐβούλετο, ὅτε δεσμώτην νεκρὸν ἤθελε¹⁹ τῶν ζώντων ἀποφῆναι πρὸς τὴν κλήσιν²⁰ ὀξύτερον, τότε προσελθόντες οἱ μαθηταὶ²¹ τὸν τῶν Ἰουδαίων ἀνεκλήρυτον φόβον, τοὺς λίθους εἰς ὑπόμνησιν ἤγον, τὴν παρουσίαν ἀπέτρεπον “Διδάσκαλε, λέγοντες, νῦν ἐξήτουν σε οἱ²² Ἰουδαῖοι ἀποκτεῖναι καὶ πάλιν ὑπάγεις ἐκεῖ”.

Ὡς δὲ λέγοντες πείθειν οὐκ εἶχον, οὐ γὰρ ἐχρῆν τὸ νηπιῶδες εἶτι τῶν μαθητῶν συνεργὸν γενέσθαι τῷ θανάτῳ κατὰ Λαζάρου, οὐδὲ κάλυμα τῆς ἐκ τῶν τάφων²³ ἐλευθερίας τὴν ἐκείνων ὀφθῆναι δειλίαν. ἐπεὶ οὖν, ὡς εἴρηται, ὧ πείθειν οὐκ εἶχον, τῷ τε²⁴ φόβῳ καὶ πόθῳ τὰς ψυχὰς μεριζόμενοι πρὸς ἀθυμίαν ἐτρέποντο. ἄλλ’ ὁ Θωμᾶς ἴδων τοῖς ἀποστόλοις τὴν λύπην ἐκ προθυμίας, “Ἄγωμεν²⁵, φησί, καὶ ἀποθάνωμεν μετ’ αὐτοῦ, ζωῆς γὰρ ἀπάσης ἀμείνων ἢ μετὰ τοῦ δεσπότου²⁶ σφαγῆ”. Εἶχε μὲν οὖν²⁷ οὕτω ταῦτα, καὶ θαῦμα τὰς ἀποστολικὰς κατεῖχε ψυχὰς τὴν κατὰ θανάτου²⁸ τόλμαν τοῦ συμφοιτητοῦ διανοουμένας.

7. Ἄλλ’ ἐπειδὴ σταυρὸς ἐπέπηκτο καὶ θάνατος ἥρτητο καὶ Ἄιδης αἰχμάλωτος εἶλκετο καὶ τάφου νόμος²⁹ ἠλλάττετο³⁰ καὶ θάνατος Χριστοῦ θάνατος θάνατος ἀπεδείκνυτο³¹, ἀναστὰς ὁ Σωτὴρ μετὰ τὰ ἐν Ἄιδου κατὰ θανάτου τρόπαια τοῖς ἑαυτοῦ φίλοις πενθοῦσι καὶ κλαίουσιν ἐμφανίζεται, κὰν τούτῳ τὴν νίκην πιστούμενος καὶ τῶν κάτω θαυμάτων³² θεατὰς ἐκείνους³³ ἀπεργαζόμενος ἀμέλει οὐδὲ αὐτὸν τῆς συντυχίας τὸν τρόπον θαυμάτων³⁴ ἔρημον ἐποίησατο³⁵. ἐν οἰκίσκῳ μὲν γὰρ τινι τοὺς μαθητὰς³⁶ ὁ τῶν Ἰουδαίων τότε φόβος ἐστενοχώρει³⁷, ἐνθεντοῖ³⁸ καὶ προορώμενοι ταῖς ἐλπίσι τὸν κίνδυνον αὐτοῦ ἔμενον, ἐφίσταται οὖν μέσον αὐτοῖς κρυπτομένους ὁ Χριστὸς οὐ φωνὴν πρὸ τῆς θεᾶς ἀφίεις, οὐ τῆ τῶν θυρῶν πληγῆ τὴν αὐτῶν³⁹ ψυχὴν καταπλήξας, ἀλλ’ οἱ τὴν θάλασσαν βαδίσαντες πόδες καὶ θυρῶν⁴⁰ οὐκ ἀνεωγμένους⁴¹ ἔνδον ἐβάδιζον, ἠροεῖτο γὰρ τοὺς ἑαυτῆς νόμους ἢ φύσις ὑπὸ τοῦ δεσπότου κελευομένη, καὶ ὁ τὰ πάντα πεποικῶς τὸν ἑαυτοῦ ναὸν κεκλεισμένων προσάγει⁴² θυρῶν, καὶ ὁ διὰ ξύλου

¹⁹ δεῖσαι add. V.

²⁰ τῆ κλήσει V.

²¹ τῷ δεσπότη V.

²² om. D.

²³ τάφον B.

²⁴ ὧ om. A; τῷ τε| τότε B, D.

²⁵ ἄγωμεν B.

²⁶ δεσποῦτου B.

²⁷ οὖν οὖν A.

²⁸ τοῦ θανάτου D.

²⁹ τάφος μόνος D.

³⁰ ἠλλάττετο A, C, D.

³¹ ἐπεδείκνυτο D.

³² θανάτων V.

³³ ἀποστόλους V.

³⁴ θεατὰς – θαυμάτων om. C; θανάτων V.

³⁵ ἐποίησαντο C; ποιήσαμενος V.

³⁶ αὐτούς V.

³⁷ ἐστενοχώρησε V.

³⁸ ἐνθαῦτα V.

³⁹ κρυπτομένων add. V.

⁴⁰ θύρας V.

⁴¹ ἀνεωγμένας V.

⁴² παρεισάγει V.

συντρίψας τὸν θάνατον νῦν αὐτὴν τοῦ ξύλου τὴν φύσιν βιάζεται. ἐπέστη τοίνυν μέσσοις⁴³ αὐτοῖς ὁ Χριστὸς ἐν τῷ τῆς εἰσόδου θαύματι τὸ τῆς ἀναστάσεως θαῦμα πιστούμενος, κατ'⁴⁴ οὗτω μὲν οἱ μαθηταὶ αὐτοῖς ὄμμασι τὸν ποθοῦμενον⁴⁵ τρουήσαντες ἔχαιρον⁴⁶.

8. Θωμᾶς δὲ τῆς θέας ἀπελέλειπτο μόνος⁴⁷ οἰκονομικῶς ὡς ἔοικε μὴ παρῶν⁴⁸, ἵνα πλέον βασιάνσας τὸ θαῦμα λαμπρότερος εἴη κήρυξ τῆς ἀναστάσεως⁴⁹. ἄλλ' ὁ μὲν Σωτὴρ συμμετρήσας τοῖς ἀποστόλοις τὴν θέαν εὐθύς ἀπηλλάττετο, τὴν ἀκριβεστέρα τῆς θεωρίας ὄψιν ὡς ἔοικε Θωμᾶ τῷ φίλῳ ταμιευόμενος. ὡς δὲ καὶ παρῆν ὁ Θωμᾶς καὶ “Εωράκαμεν τὸν Κύριον” ἔφη λέγοντων τῶν μαθητῶν⁵⁰ πρὸς αὐτὸν, ἐκείνος τῇ περιχαρείᾳ τῆς ἀκοῆς τὴν ψυχὴν ἀναφθείς, ὅπερ⁵¹ ἐπόθει γενέσθαι, τοῦτο γεγονὸς⁵² ἀκούων ἠπίσται. εἰώθασι γὰρ πως αἱ τῆς περιχαρείας ὑπερβολαὶ πρὸς τὴν τῶν λεγομένων πίστιν⁵³ ὀκνεῖν, πρὸς δὲ τοὺς μαθητὰς “Εὰν μὴ ἴδω, φησί, ἐν ταῖς χερσίν αὐτοῦ τὸν τύπον τῶν ἥλων καὶ βάλω τὸν δάκτυλόν μου εἰς τὸν τύπον τῶν ἥλων καὶ βάλω⁵⁴ τὴν χεῖρά μου εἰς τὴν πλευρὰν αὐτοῦ, οὐ μὴ πιστεύσω”.

9. Τί σοι βούλεται, Θωμᾶ, τῆς ἀπιστίας ὁ λόγος; εἰ μαθητῆς ἀπιστεῖ, πῶς Ἰουδαῖοι⁵⁵ πιστεύσειαν⁵⁶; εἰ ἀπόστολος ἄρα καὶ φίλος μὴ παραδέχοιτο⁵⁷ τὴν ἀνάστασιν, πῶς ἂν οἱ σταυρώσαντες⁵⁸ αὐτὴν καταδέξοιτο⁵⁹; οἱ⁶⁰ Θωμᾶν μὴ πείσαντες πῶς ἔθνεσιν εὐπαράδεκτοι λογισθήσονται; οὐ δυσωποῦσά σε καὶ πρὸς πίστιν αἱ τῶν προλαβόντων θαυμάτων νιφάδες ἔλκουσι; λεπρὸς καθαιρόμενος, παράλυτος ἀρμοζόμενος⁶¹, τυφλὸς ὀμματούμενος, χεῖρ νεκρωθῆσα καὶ πάλιν ἀναβιώσασα, κῦματα περυσόμενα⁶² καὶ Λάζαρος ὡς περ ἐσθῆτα τὸν τάφον ἀποδοῦμενος – πῶς οὐ τὰ⁶³ ἔργα θαυμάζεις τούτου δὴ τὴν ἔγερσιν⁶⁴ ὑποπτεύεις; Καὶ αὖθις ἀπιστεῖτω, Νικόδημος πολυπραγμονεῖτω, Ἰουδαῖος σικοφαντεῖτω. τί καὶ Θωμᾶς περὶ⁶⁵ τὴν ἀνάστασιν ἐνδοιάζων;

10. Ἄλλ' ἀντιφθέγγεσθαι δοκεῖ πάλιν ὁ μαθητῆς δικαιοτέρα. “Τί μεμπτέα⁶⁶ μοι τὰ τῆς ἀμφιβολίας παρ' ὑμῖν, ὦ ἀπόστολοι; κήρυξ τῆς ἀναστάσεως πρὸς Ἰουδαίους ἐκπέμπομαι, καθάπερ ὑμεῖς διδάξαί τὰ ἔθνη τὴν ἔγερσιν⁶⁷ ἀποστέλλομαι, πῶς οὐν οἷς τῆς θέας οὐ γέγονα κοινωνός, τούτοις ἐπίσης τὴν ἀποστολὴν παραδέξομαι;

⁴³ μέσσοις C.

⁴⁴ ἄλλ' V.

⁴⁵ πόθον add. C, V.

⁴⁶ ἔχυρον V.

⁴⁷ ἀπελέλειπτο μόνος V; ἀπολελειπτόμενος codd.

⁴⁸ μὴ παρῶν] ἀπῶν V.

⁴⁹ λαμπρότερος εἴη κήρυξ τῆς ἀναστάσεως] λαμπροτέρα. ἀνακηρύξη ἀνάστασιν V.

⁵⁰ scripsi; ἐπῆει λέγειν (λέγων D) τοῖς μαθηταῖς codd.

⁵¹ ὅ μὲν V.

⁵² γενόμενος καὶ V.

⁵³ τῶν λεγομένων πίστιν] πίστιν τῶν λεγομένων V.

⁵⁴ τὸν δάκτυλόν – βάλω om. C.

⁵⁵ Ἰουδαῖος C.

⁵⁶ πιστεύσειαν B, D; πιστεύσειεν C.

⁵⁷ παραδέχεται V.

⁵⁸ οἱ σταυρώσαντες ἂν D.

⁵⁹ παραδέξοιτο B; καταδέξονται V.

⁶⁰ καὶ add. V.

⁶¹ παράλυτος ἀρμοζόμενος om. D.

⁶² παιρυσόμενα D, V.

⁶³ οὐ τὰ] οὐκ οὐτα A; οὐν τὰ B.

⁶⁴ ἀνάστασιν V.

⁶⁵ ὑπὲρ B.

⁶⁶ μεμπτεῖα D.

⁶⁷ ἀνάστασιν V.

πῶς ὧν μὴ ἔχω τὴν γνῶσιν, τούτων τοῖς⁶⁸ ἄλλοις διδάσκαλος ἔσομαι; πῶς ἢ γλῶττα θαρρόντως ἔρει ὧν μάρτυρας⁶⁹ οὐκ ἔχει τοὺς ὀφθαλμούς; ῥήμασι πιστεύσω μόνοις; ἀλλ' ὑποπτος Ἰουδαίους ἔσομαι πρὸς τὴν πίστιν καὶ εὐκολίαν μου μᾶλλον καὶ κουφότητα καταγνώσονται. Ἑλληνας τε τοὺς λόγους οὐ παραδέξονται⁷⁰, γελᾶσονται δέ μου τὴν μαρτυρίαν ἐξ ἀκοῆς μόνης κηρύττοντος τὴν ἀνάστασιν'.

11. Βραχὺς ὁ ἐν μέσῳ καιρός, καὶ παρὴν ὁ Δεσπότης πάλιν⁷¹ τῆς εἰσόδου τοῦ θαύμα καὶ νῦν ὁμοίως ἐπιδεικνύμενος, ἴν' ἄπερ⁷² τοῖς ἄλλοις μαθηταῖς καὶ μόνῳ τῷ Θωμᾷ χαρισθῆται⁷³. Δείκνυσιν οὖν αὐτῷ τὰ σύμβολα τοῦ σταυροῦ⁷⁴, τῆς⁷⁵ ἐν τῇ πλευρᾷ πληγῆς τὴν σφραγίδα δείκνυσσι καὶ "ὅτι ἐώρακάς με πεπίστευκας; μακάριοι οἱ μὴ ἰδόντες, φησὶ⁷⁶, καὶ πιστεύσαντες", πολὺν ἡμῖν τοῖς διὰ⁷⁷ λόγου τῶν μαθητῶν πιστεύσασιν⁷⁸ τὸν μακαρισμὸν προαποτιθέμενος. ἀπολαύσας οὖν τῆς θεᾶς ἐκείνης τῆς θαυμαστῆς ὁ Θωμᾶς, αἰτίος τε τοῖς ἀποστόλοις γενόμενος ἐκεῖνα μαθεῖν ἅ μὴ πρότερον ἤδεσαν, Θεὸν ἑαυτοῦ εἶναι καὶ Κύριον ὠμολογεῖ τὸν ὄραθέντα, Θεοῦ γὰρ ὄντος τῆς ἀναστάσεως τὸ κατόρθωμα.

12. Ἐπεὶ δὲ μετὰ ταῦτα τοῖς μαθηταῖς ὁ Χριστὸς ἀθέατος ἦν τὰ πολλὰ ἅτε τοῦ σώματος ἀφθαρσίᾳ δεδοξασμένου καὶ μὴ δυνατοῦ ὄντος θνητοῖς κατοπτεῦσθαι ὀφθαλμοῖς, ἐφανέρου ἑαυτὸν ὄτε⁷⁹ δὴ καὶ θελητὸν αὐτῷ ἦν καὶ ὄτε συνοίσειν ἤδει⁸⁰ τοῖς θεωμένοις⁸¹. ἀμέλει καὶ τῆς δεσποτικῆς ἀμοιροῦντες ὄψεως τῆς παλαιᾶς καὶ συντρόφου τέχνης ἐπεμελοῦντο· ἢ δὲ ἦν ἢ ἐπὶ σκάφους ἐπίβασις, ἢ πρὸς βυθὸν θαλάσσης τῶν δικτύων κατάδυσις.

Ἐφάνη γοῦν καὶ⁸² ὁ ποθούμενος Ἰησοῦς τῷ αἰγιαλῷ ἐπιστάμενος καὶ πρὸς τὰ δεξιὰ μέρη τοῦ πλοίου καθεῖναι τὸ δίκτυον⁸³ ἐγκελευόμενος, καὶ ὁ τῶν ἀγρευθέντων ἰχθύων ἀριθμὸς ὄσος, θεϊκοῦ γὰρ ἦν προστάγματος ἢ ἐνέργεια. τούτοις Θωμᾶς καὶ συνῆν καὶ συνέπλει καὶ συνειργάζετο καὶ τῶν δικτύων ἐπιμελῶς ἔχετο⁸⁴ καὶ πρὸς ὑπακοὴν ἐδείκνυτο ἐτοιμότητος, πεπαιδευτο γὰρ τῇ πείρᾳ πιστεύειν οἷς ἂν θεὸς ἐνεργῆ⁸⁵ καὶ διὰ τοῦτο σύμπλους καὶ συνεργὸς τοῖς μαθηταῖς ἐγνωρίζετο.

Ἐπεὶ δὲ καὶ ὁ τῆς ἀναλήψεως καιρὸς ἤδη παρὴν καθ' ὃν μετὰ τοῦ ἡμετέρου προσλήμματος ἀνελεῖν αὐτὸν ἔδει πρὸς τὸν Πατέρα, ἐξάγει τοὺς μύστας ὁ Χριστὸς ἔξω τῆς Βηθανίας ἄχρι δὴ καὶ⁸⁶ τοῦ Ελαιῶνος κάκει τὰ περὶ ἑαυτοῦ διεξιῶν καὶ τὰς ἀπὸ τῶν γραφῶν συνάπτων μαρτυρίας, φάγων τε κατ' ὄψιν αὐτῶν καὶ πιστωσάμενος ὅτι μὴ πνεῦμα ἦν ὅπερ αὐτοῖς καὶ ὑπέληπτο,

⁶⁸ τοῖς om. D.

⁶⁹ μάρτυς C.

⁷⁰ δέχονται V.

⁷¹ ὁ Δεσπότης πάλιν] πάλιν ὁ Δεσπότης V et add. φυλάττων καὶ νῦν.

⁷² ὅπερ C.

⁷³ καὶ add. V.

⁷⁴ τὴν εἰκόνα add. V.

⁷⁵ τὴν B.

⁷⁶ φησι om. D; με V.

⁷⁷ δι' αὐτοῦ C, D.

⁷⁸ πιστεύσαντες B.

⁷⁹ ὅτι καὶ D.

⁸⁰ ἤδει] B, C, D; ἢ ἰδει A.

⁸¹ μαθηταῖς D.

⁸² om. D.

⁸³ καθεῖναι τὸ δίκτυον om. B.

⁸⁴ καὶ τῶν δικτύων ἐπιμελῶς εἶχετο om. B.

⁸⁵ ἐνεργῆ B, C; ἐνέργει A, D.

⁸⁶ καὶ δὴ D.

εἶτα καὶ τῇ τῶν χειρῶν ἐπάροσει τὴν εὐλογίαν αὐτοῖς ἐπαφείς ἐκεῖνος μὲν πρὸς οὐρανούς⁸⁷ ἀνεφέρετο, αὐτοῖς δὲ ἡ ἐπάνοδος μετὰ χαρᾶς μεγάλης εἰς Ἱερουσαλήμ ἐγένετο. Καὶ πῶς γὰρ οὐκ ἦν χαίρειν καὶ τοῖς ἄλλοις συγχαίρειν τῶν μαθητῶν τὸν ἱερὸν τοῦτον καὶ μέγαν ἀπόστολον εἰς ἔργον ὀρώντα τοὺς λόγους ἐκβεβηκότας καὶ τὸ τῆς σαρκώσεως μυστήριον ἀψευδὲς ὑπάρχον καὶ ὅτι μὴ μάτην αὐτῷ τὰ τῆς ἀπιστίας ἐνήργητο;

13. Ἡ μὲν οὖν δεσποτικὴ προθεσμία τέλος ἤδη κατὰ τοὺς ἐκεῖνου λόγους ἐδέχετο καὶ τὸ θεῖον πνεῦμα καταπτὰν ἐπ' αὐτοὺς ὥσπερ τις ἤχος βίαιας πνοῆς εὐθὺς εἰς⁸⁸ γλώσσας⁸⁹ πυρίνας διεμερίζετο ἐφ' ἑκάστῳ τε γενόμενον ξέναις αὐτοὺς γλώσσαις⁹⁰ ἐποίει λαλεῖν, ὡς πολλῶ θαύματι κατέχεσθαι τοὺς ἀκούοντας. τότε τοίνυν καὶ ὁ μέγας οὗτος ἀπόστολος σύνεδρος ὢν τοῖς λοιποῖς ἀποστόλοις⁹¹ τὴν ἐν πυρίναις γλώσσαις καὶ αὐτὸς ἐδέχετο χάριν καὶ ὄλον τὸ πνεῦμα εἰσοικισάμενος, ὄλος⁹² ἦν ὄργανον ἐκεῖνου, σοφῶς ἄγαν καὶ κατὰ καιρὸν κρουόμενος. οὕτω Θωμᾶς ἐξ ὕψους δυναμωθείς εὐζωνός τε καὶ πρόθυμος πρὸς τὸ κήρυγμα διετέλει, μηδὲν τι τῶν φοβερῶν δεδιώς, μὴ τῶν ἐνδόξων καὶ περιφανῶν ἐκπληττόμενος.

14. Ὡς οὖν τὰ κατὰ γνώμην τοῖς ἀποστόλοις εἰς πέρας ἀπήντα, ἔδει δε⁹³ τὸ δεσποτικὸν τέλος ἔχειν ἐπίταγμα ὅπερ ἦν “Πορευθέντες εἰς τὸν κόσμον ἅπαντα μαθητεύσατε πάντα τὰ ἔθνη”, ἄλλος⁹⁴ μὲν ἄλλην τῶν ἀποστόλων ἀπεκληροῦτο χώραν τῆς οἰκουμένης, καθὼς αὐτοῖς τὸ ἐπιφοιτήσαν πνεῦμα τὸν κλῆρον ἀφόρισε. Θωμᾶς δὲ πρὸς τὴν Ἰνδῶν ἐξεπέμπετο εἰς ἄκρον ἐκβεβαρβαρωμένην οὖσαν καὶ ταῖς⁹⁵ ἀθέσμοις ἐκδεδιητημένην τῶν πράξεων. αὕτη δὲ πορρωτάτη⁹⁶ μὲν διάκειται τῆς Αἰγύπτου, περικλύζεται δὲ θαλάσσαις καὶ ναυσιπόροις πελάγεσιν, ἐνδεῆς μὲν τῶν ἀναγκαίων οὖσα, πλήθουσα δὲ τοῖς τιμίοις καὶ πρὸς θρύψιν ἐπιτηδείως ἔχουσι⁹⁷. ταύτην τὸ δηλωθὲν περινέμεται γένος πολυάνθρωπόν τε καὶ φιλέμπορον ὄν καὶ τὰ πολλὰ γυμνητεῦον καὶ δίχην ὀρείων θηρῶν διαιτώμενον, δι' ἣν αἰτίαν καὶ τῇ τῶν σωμάτων ἐπιφανείᾳ αἱ ἡλιακαὶ ἀκτῖνες αὐτοῖς προσβάλλουσαι⁹⁸ θερμότερως ἐκκαίουσιν τε καὶ μελαινοῦσιν ἰσχυρῶς καὶ πρὸς τὸ δυσειδέστερον μεταβάλλουσιν. ἐσέβοντο δὲ οὗτοι ξόανα παντοδαπῆς ὕλης πεποιημένα, καὶ ἡ περι ταῦτα σπουδῆ τε καὶ θεραπείᾳ χρόνῳ βεβαιωθείσα μακρῶ λογισμοῦ παντὸς ἐπικρατεστέρα ἐτίθετο τὴν συνήθειαν.

15. Εἰσελαύνων οὖν ὁ μέγας ἀπόστολος πρὸς τήνδε τὴν χώραν, οὔτε σοβαρόν τι καὶ ἀλαζονικὸν οὐδὲν ἐπεδείκνυτο, οὔτε μὴν κομψὸν ἢ μεγαλήγορον ἀπεφθέγγετο, οὐδ' ἄλλο⁹⁹ τι τῶν ὑπερόγκων εἰργάζετο πρὸς ἐπίδειξιν, ἀλλὰ Χριστοῦ τῇ μετριοφροσύνῃ κοσμούμενος, ἀντ' ἄλλου παντὸς¹⁰⁰ κόσμου καὶ

⁸⁷ οὐρανόν D.

⁸⁸ εἰς om. D.

⁸⁹ γλώσσας A, C, D.

⁹⁰ γλώσσαί B.

⁹¹ ἀποστόλοις A, μαθηταῖς B, C, D.

⁹² ὄλος D.

⁹³ ἔδηδε B.

⁹⁴ ἄλλως B.

⁹⁵ ταῖς C.

⁹⁶ πορρωτάτη C.

⁹⁷ ἔχουσα B.

⁹⁸ προσβάλλουσι D.

⁹⁹ ἄλλον B.

¹⁰⁰ παντὸς om. B.

θώρακος αὐτὴν περιβεβλημένος, αὐχηρὸς τὴν κόμην¹⁰¹, ὄχρὸς τὴν ὄψιν, ὄλος¹⁰² κατεσκληκῶς καὶ ἄτροφος καὶ τὸ πᾶν εἰπεῖν οὐ σῶμα μᾶλλον, ἀλλὰ¹⁰³ σκιάν σώματος περιφέρων, πιναρὸν¹⁰⁴ καὶ διερρηκὸς ἐνημμένος τριβῶνι-
ον¹⁰⁵, τὸν τρόπον ἐπεικῆς, τὸν λόγον ἐπωφελῆς, τὸ ἔργον κατὰ πολὺ
θαυμάσιος, τοῖς ταπεινοτέροις συνευδοκῶν, τῶν ὑψηλοτέρων τὸ φρόνημα
καταβάλλων.

16. Τοιοῦτῳ ἦθει καὶ βίῳ Ἰνδοῖς ἐντυχῶν, εἶτα δόξαν αὐτῷ πρὸς τὰ τοῦ
ξθουοῦ εἰσβαλεῖν ἐνδότερα, ἐπεὶ τὴν δεισιδαιμονίαν ἰσχυρῶς εἶδε περιλαβοῦ-
σαν αὐτοὺς καὶ εἰς βάθος ταῖς ψυχαῖς αὐτῶν ἐντακεῖσαν, οὐ πρὸς ἐλέγχους εὐθύς
ἐχώρησεν, οὐ μέμψεις ἐπήγαγεν, οὐχ ὡς φαρμάκῳ τῷ αὐστηρῷ κατεχρήσατο,
ἦδει γὰρ ὅτι τὰ χρονία ἔθει ταῖς ἡμετέραις βεβαιωθέντα ψυχαῖς δυσεξάλειπτα
κομιδῇ καὶ πειθοῖ¹⁰⁶ μᾶλλον ἢ βία μεταβαλλόμενα. διὰ τοῦτο καὶ πραότητι
χρηταί μᾶλλον καὶ¹⁰⁷ ἦθει χρηστῷ καὶ μειλιχίῳ¹⁰⁸ τοῖς ρήμασι, μέγας καὶ
ἀξιότιμος οὐκ ἀπὸ φύσηματος καὶ ὄγκου καὶ μεγαλορημοσύνης, ἀλλ' ἀπὸ¹⁰⁹
τῶν ἔργων καὶ τῶν σημείων αὐτοῖς φαινόμενος καὶ τῷ παρασήμενῳ Χριστῷ
ταπεινοφροσύνη σφόδρα κοσμοῦμενος, ὃ καὶ μᾶλλον ἦρει καὶ εἶλκεν αὐτοὺς
εἰς ἐπίγνωσιν τῷ εἶναι τοῖς μὲν ἔργοις θαυμάσιον, ἐπεικῆ¹¹⁰ δὲ καὶ μέτριον τῷ
φρονήματι, ὅθεν καὶ λόγου ἄξιος Ἰνδοῖς ἐνομιόσθη. καὶ διαπυθάνεσθαι ἤρ-
ξαντο¹¹¹ τίς τε εἶη καὶ ποδαπὸς τὸ γένος καὶ¹¹² ποῖον αὐτῷ σέβας τε καὶ τὸ
ἐπιτήδευμα. ὅδε¹¹³, καὶ γὰρ εἶχε διδάσκαλον ἐν ἑαυτῷ τὸν Χριστὸν, πρῶτος
ἀπεκρίνατο καὶ ἠπίως ὡς εἶη γένους μὲν τοῦ τῶν Ἰουδαίων¹¹⁴, μαθητῆς δὲ
Μωσέως τοῦ πάνυ, Μωσέως ἐκείνου, τοῦ καὶ θεῷ συλλαλήσαντος, εἶτα καὶ
Χριστοῦ μαθητῆς τοῦ ἐπὶ σωτηρίᾳ κόσμου ἐληλυθότος καὶ ὡς ζῶν αἰώνιον
καὶ σωτηρίαν ψυχῶν καταγγέλλων ἦκοι. οἷς οἱ πεπιστευκότες ἀπορρήτων
μεθέξουσι τῶν ἀγαθῶν. πρὸς τοῦτοις διεξῆει τὰ περὶ τῆς τοῦ Χριστοῦ καὶ¹¹⁵
θεοῦ λόγου συγκαταβάσεως, τὰ τῆς ἐνσάρκου διαγωγῆς θαύματα καὶ αὐτὰ τὰ
τοῦ πάθους ἃ τοῖς πολλοῖς δοκεῖ ἐπονείδιστα, τὴν τε τῆς ἀναστάσεως δύναμιν
καὶ τὴν πρὸς οὐρανοὺς ἄνοδον. “οὗ μαθητῆς, φησιν, ἐγὼ καὶ¹¹⁶ διάκονος καὶ
τῶν θαυμάτων καταγγελεύς, οὗ κῆρυξ καὶ εὐαγγελιστῆς τῆς θεανδρικῆς
οἰκονομίας προβέβλημαι, οὗ διαγγέλλων τὴν¹¹⁷ πρὸς ἀνθρώπους φιλανθρωπί-
αν καὶ τὸν πρὸς αὐτοὺς ἀμέτρητον οἶκτον ἕως ὑμῶν¹¹⁸ ἀλύτοις¹¹⁹ ποσὶ
παραγέγονα, οὗ καὶ μύστης καὶ ὑπηρέτης γεγένημαι. καὶ ὄψειν αὐταῖς πιστω-

¹⁰¹ κόμην B.

¹⁰² ὄλος C.

¹⁰³ ἀλλὰ καὶ D.

¹⁰⁴ C in marg.: εὐτελῆ τὰ πάντα.

¹⁰⁵ C in marg.: στολή.

¹⁰⁶ πειθῆ B.

¹⁰⁷ ἦ καὶ D.

¹⁰⁸ μειληχίῳ B.

¹⁰⁹ ὑπὸ D.

¹¹⁰ ἐπεικεῖ B.

¹¹¹ ἤρξατο A.

¹¹² ποδαπὸς τὸ γένος καὶ om. A.

¹¹³ ὅδε ἦν D.

¹¹⁴ Ἰδαίων B.

¹¹⁵ Χριστοῦ καὶ om. B.

¹¹⁶ καὶ om. B.

¹¹⁷ καὶ τὴν B.

¹¹⁸ ὑμᾶς D.

¹¹⁹ ἀλούτοις?

θείς τὰ λεγόμενα, οὐ βία τοὺς ἀνανεύοντας, αὐθαιρέτως δὲ τοὺς πειθωμένους ἐναγκαλιζομαι”.

17. Τοῦτοις καὶ τισι πλείοσιν ἄλλοις ῥήμασι θεοφθόγοις ὁ τῶν Ἰνδῶν μυσθαγωγηθέντες λαὸς τὸν τοῦ λόγου σπόρον ἐν ταῖς ἑαυτῶν ψυχαῖς εἰσ-εδέξαντο. ἔπει τὰ κατὰ τὸ θεῖον εὐαγγέλιον φάναι “τοῦ Κυρίου συνεργοῦντος καὶ τὸν λόγον βεβαιοῦντος διὰ τῶν ἐπακολουθούντων σημειῶν” ἀπερρήγγυντο μὲν κατὰ βραχὺ τῶν εἰδωλικῶν σπονδῶν τε καὶ βδελυγμάτων, τῇ ἀπλανῇ¹²⁰ δὲ προσ-ετίθεντο πίστει καὶ οὕτω ταῖς ἀποστολικαῖς μεταπλασθέντες διδασκαλαῖαις Χριστῷ διὰ τοῦ βαπτίσματος ὠκειώθησαν, ὡς καὶ μέχρις αὐτοῦ βασιλέως ἐγγί-σαι τὸ κήρυγμα κἄν εἰς βάθος τῆς αὐτοῦ μὴ καθίκετο διανοίας. ἀλλ’ οἱ μὲν κατὰ γένος αὐτῷ προσήκοντες ὄλοι τῶν τοῦ ἀποστόλου γενόμενοι λόγων, δυσ-ποσπάστως εἶχον αὐτοῦ καὶ τὸν τῶν Σειρήνων μῦθον ἀληθῆ παρ’ ἐκεῖνῳ καὶ ἐνεργὸν ἐδείκνυον. αὐτὸς δὲ ὑπὸ βαθεῖ¹²¹ ζόφῳ τῆς ἀγνωσίας κρατούμενος καὶ¹²² ὑφ’ ὧν ἔδει θαυμάτων μετὰγεσθαι πρὸς τὸ φῶς ὑπὸ τοῦτων αὐθαιρέτῳ πηρώσει πρὸς πλείονα τὴν μανίαν ὑποτυφόμενος τὸν τοῦ ἀποστόλου θάνατον δισκέπειτο καὶ διὴ θᾶπτον ἢ λόγος τὴν κατ’ αὐτοῦ ψῆφον ἐξάγει, καὶ λόγχαῖς ὁ μέγας οὗτος ἀπόστολος ἀναιρεῖται καὶ τὸν διὰ Χριστὸν θάνατον ἡδέως ὑφίσταται.

18. Τοῦτον ἐμακάρισε μὲν¹²³ ὁ τῶν δι’ αὐτοῦ πιστευσάντων χορὸς, ἐμακάρισε δὲ καὶ ἡ τῶν ἐν ὑφίστοις χοροστασία, καὶ δικαίων πληθὺς σὺν ἀποστόλοις ἐκρότησεν, ὀρώντες τὴν ἱερὰν ἐκείνην καὶ θεοφόρον ψυχὴν πρὸς οὐρανοὺς ἀνιούσαν καὶ ἀγγέλων τάξεισι δορυφορουμένην. τί οὖν τὸ ἐντεῦθεν καὶ τί ἄνωθεν¹²⁴ ἡ ἀγαθότης οἰκονομεῖ, τὸν ἄνθρωπον ἐφελκομένη πρὸς θεοσέβειαν; τὸ μὲν ἱερὸν ἐκεῖνο σῶμα πιστῶν χερσὶ κοσμίως περισταλὲν θάπτεται. ὁ δὲ γε τοῦ βασιλέως υἱὸς νόσῳ πικρᾷ βάλλεται καὶ τέχνης ἀνθρωπίνης ἰσχυροτέρα. ὁ τοίνυν πατήρ, καὶ τί γὰρ ἦ πατήρ, κάμπτεται πρὸς τὴν φύσιν, οἰμωγαῖς καὶ δάκρυσι καταβράβνεται, θρήνοις σπαράττεται καὶ μηδημίαν τοῦ κακοῦ¹²⁵ λύσιν εὐρίσκων εἰς ὑπόμνησιν τῶν τοῦ¹²⁶ ἀποστόλου θαυμάτων ἔρχεται καὶ τί βραχὺ τῶν αὐτοῦ λειψάνων ἐζητεῖ πρὸς ἰατρειάν τοῦ κάμνοντος, ὡς δὲ ἀφανὲς εἶναι τὸ ἀποστολικὸν ἐμάνθανε σῶμα, κἄν χοῦν ᾧ ἐκεῖνο προσέψαυσεν, ἐπέταπτεν ἐνεγκεῖν. οὗ δὴ γενομένου καὶ τῷ ἀβρῶστοῦντι παιδί τὸν χοῦν ὁ πατήρ¹²⁷ ἐπιθείς, ὑγιᾶ τὸν ἐν ἐλπίσιν ὄντα τοῦ θανεῖν ἐβλεπε κἄν ἐκεῖνος τὸ μέτριον φέγγος τῆς ἐπιγνώσεως ὅπερ ἐδέξατο ἐκουσίως ἀπώσατο. καὶ νεκρὸς ἦν ἀληθῶς, τὸν πικρὸν θάνατον τῆς ἀσεβείας ἐπανελόμενος. Καὶ ταῦτα μὲν ὅσον ἦν μὴ ἀποσφαλῆναι τῆς ἀληθείας καὶ συνετέθη καὶ συνεγράφη καὶ πρὸς ἔπαινον ἀνετέθη τῷ ἀποστόλῳ.

19. *Τοσαύτης ἡμῖν αἴτιος εὐφροσύνης σήμερον ὁ Θωμᾶς δι’ οὗ καὶ Ἰνδῶν ἔθνη τὰ βάρβαρα τὴν εἰς οὐρανοὺς φέρουσαν ἐδιδάχθη, καὶ τὰ σώματα ταῖς ἡλιακαῖς μελ-ανθέντες ἀκτίσι τὰς ψυχὰς ἐφαιδρύνθησαν τοῦ νοητοῦ ἡλίου καθαρῶς αὐτοῖς ἐπιλάμψαντος εἰς δόξαν πατρὸς καὶ υἱοῦ καὶ ἀγίου πνεύματος τῆς μῆας καὶ ἀδιαιρέτου θεότητος ἣ πρέπει πᾶσα δόξα, τιμὴ καὶ προσκύνησις νῦν καὶ αἰεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.*

¹²⁰ ἀπλανεῖ D.

¹²¹ βαθύ B.

¹²² καὶ τῶν B.

¹²³ καὶ add. B.

¹²⁴ καὶ τί ἄνωθεν C in marg.

¹²⁵ καλοῦ B.

¹²⁶ om. C.

¹²⁷ om. A.

ПАМЯТЬ НА СВЯТОГО АПОСТОЛА ХРИСТОВА ФОМУ ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!

1. В древности, когда апостолы достигли своих земных уделов и стали обходить поднебесные (пределы), они возвестили свободу тем, кто был поработен нечестием; при помощи чудес они повели их от заблуждения к спасению, излечивая больные неверием души при помощи лекарства веры. Когда же они отошли дорогой к Господу, то оставили благочестивым в качестве залога спасения (свои) тела, дабы и по преставлении вершить те дела, что они свершали, присутствуя (среди живых). Они даруют нам праздники в их память, отражение небесного празднования, дабы мы, сопребывая с ними, будто с присутствующими вновь и беседующими (с нами), пожинали бы апостольскую благодать.

2. Посему и ныне знаменитейший из апостолов Фома благодаря (празднованию его) памяти вновь пребывает с нами. Фома, ставший для нас отцом веры через неверие, точный возвеститель истины. Тот, кто отбил у неверующих предлог для неверия и укрепил в апостолах веру при помощи неверия. Ибо когда едиnorodный Сын Божий, пребывая на лоне Отца и не снеся зрелища того, как его тварь поработена грехом, тронутый в сердце своем, явился среди нас безгрешно тогда и сей великий апостол был назначен последовать за Господом, уже после того, как были избраны и последовали за Ним другие ученики.

3. Ибо он (появился на свет), когда его мать разрешилась от бремени в Иудейской земле. Родители его проживали в скудости жизни; он был воспитан и взращен и пришел к такой же (как у них) жизни, научаемый бедностью, словно неким наилучшим учителем. Благодаря ей он сделался восприимчив к Господней проповеди. Изучая Моисеевы книги – ведь иудейские дети усидчиво ими занимаются – он сделал свой нрав скромным и благодаря учению взял за образцы божественное. Держась вдалеке от детских забав, он мужал и рос, пока не достиг совершенного Христова возраста.

4. Как мы уже сказали, вел он жизнь бедную и занимался рыбацким ремеслом. Он стал известен своей приверженностью обеим этим вещам: с одной стороны, его отличала простота, неприхотливость и способность довольствоваться лишь самым необходимым, с другой же, он добровольно закалял себя в трудах и лишениях. Он явился на зов тотчас, без малейшей задержки и промедления. Он настолько быстро переменял свою жизнь и подчинил себя гласу Позвавшего, что в мгновение ока явил свое повиновение.

5. Так он связал себя со Словом, присоединился к другим позванным и сделался усерднейшим учеником, вернейшим слугой, испытанным апостолом и распорядителем порученного ему дела обращения языцев. Он тотчас укрепил себя для апостольства и преисполнился божественной силы, обогатившись энергией чудес. Он удостоился постоянно сопребывать со Словом и, проведя с Ним все время Его земной жизни, перенес вместе с Ним много страданий, много преследований и скитаний. Когда Его гнали иудеи, и (Фома) вместе с Ним подвергался гонениям; когда в Него швыряли камни, то и (Фома) доставалось. Когда же однажды иудеи решили схватить Его и убить, то (Фома) захотел умереть вместе с Ним, воссылая к Господу вопль, полный любви: “Пойдем и мы умрем с Ним! (Иоанн 11 : 16)”.

6. Когда Спаситель собирался восставить из мертвых своего друга Лазаря, когда Он своим отсутствием попустил смерти возобладать над природой, когда Он задумал показать, что могила – это (лишь) место сна, когда захотел продемонстрировать, что спеленутый мертвец резвее живых откликается на (Его) зов – тогда ученики, подойдя (к Нему), объявили о страхе иудейском и напомнили о (побивании) камнями и стали отговаривать (Его) присутствовать там, говоря: “Учитель, иудеи только что искали убить Тебя, а ты вновь возвращаешься сюда?” (ср. Иоанн 11:8). Говоря так, они не могли убедить (Его), ведь младенческий еще разум учеников не должен был стать сотрудником смерти (в ее борьбе) против Лазаря, а их очевидная робость не могла явиться препятствием для освобождения из могилы. Когда им, как было сказано, не удалось (Его) убедить, души их, переполненные страхом и любовью, обратились к унынию. Фома же, развеивая их печаль, сказал воодушевленно: “Пойдем и мы умрем с ним! Ведь смерть с Господом лучше всей жизни”. Вот так он повернул дело, и восхищение овладело душами апостолов, размышлявших над храбростью своего соучника перед лицом смерти.

7. Но когда был воздвигнут Крест, и была устранена смерть, и Ад был пленен, и изменен был закон могилы, и смерть Христа явилась для смерти смертью, Спаситель, воскресши, после одержанной им в Аду победы над смертью, явился Своим горюющим и плачущим друзьям, и этим также удостоверяя свою победу. Сделав их свидетелями (Своих) подземных чудес, Он, конечно, и сам способ их встречи сделал чудесным. Ведь тогда ученики пребывали в какой-то хижине, и их обуревал страх перед иудеями; находясь там, они предвидели опасность в своих чаяниях, и (все-таки) оставались на месте. И вот среди них, прячущихся, появился Христос, не издав перед своим появлением ни возгласа, не потрясая их душ стуком в дверь. Нет, те стопы, что ходили по морю, вошли также и вовнутрь дверей, не раскрывая их. Ведь природа, подчиняясь приказу Господа, отвергла собственные законы, и Тот, кто все превратил в собственный храм, приходит даже при запертых дверях; Тот, кто расточил смерть при помощи (крестного) дерева, ныне победил самую природу дерева. Итак, Христос появился среди них, чудом своего прихода свидетельствуя чудо воскресения. И таким образом ученики своими глазами увидели любимого и возрадовались.

8. Но Фома был, видимо, в целях (божественного) домостроительства единственный лишен этого зрелища: он тогда отсутствовал, дабы, подвергнув чудо еще большему испытанию, стать более блестящим вестником Воскресения. Спаситель же, отмерив апостолам меру созерцания, тотчас удалился, сохранив, как кажется, более подробный осмотр для своего друга Фомы. Когда же вернулся Фома, и ученики сказали ему слова: “мы видели Господа (Иоанн 20 : 25)”, он, воспылавший душою от радости по поводу услышанного, он, услышавший то, что мечтал услышать, – не поверил. Вот как может чрезмерная радость воспрепятствовать тому, чтобы уверовать в сказанное. Он ответил ученикам: “Если я не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю (ср. Иоанн 20 : 25)”.

9. О Фома, чего восхотело слово твоего неверия! Если ученик не поверил, как же поверили бы иудеи? Если апостол и друг не признал Воскресения, как же смогли бы признать его распинавшие? Насколько убедительными для язычников показались бы те, кто даже Фому не сумел убедить?

Неужели не пристыживает тебя и не побуждает к вере тот шквал чудес, которые этому предшествовали? Очистившийся прокаженный, выздоровевший расслабленный, прозревший слепой, отмершая и вновь ожившая рука? Волны, по которым ходят ногами, Лазарь, снявший саван, словно одежду? Как же ты, восхищаясь Его делам, сомневаешься в Его Воскресении? Пусть не верит Каифа, пусть любопытствует Никодим, пусть доносителем выступает иудей – однако зачем же и Фома сомневается в Воскресении?

10. Но представим, как справедливо возразил бы на это ученик (Христов Фома): “Почему мои сомнения ставятся вами мне в вину, о апостолы? Подобно вам, я (должен быть) послан вестником Воскресения к иудеям. Меня отправляют, чтобы учить язычников о Воскресении – как же я стану передавать и им апостольское (учение) о том, чему сам не был очевидцем? Как же буду учителем для других в том, чего сам не знаю? Как же язык дерзнет сказать то, чему глаза не были свидетелями? Поверить пустым словам? Но ведь я покажусь подозрителен иудеям в деле веры, они заметят мое простодушие, а скорее мою легковесность. Эллины не примут слов. Они посмеются над моим свидетельством о Воскресении, если я буду возвещать его только понаслышке”.

11. Прошло немного времени, и Господь вновь явил чудо своего прихода. В это раз он явился, дабы даровать одному Фоме то, что уже было (даровано) остальным ученикам. Показал Он ему знаки от Креста, показал печать от раны в боку и сказал: “ты поверил, потому что увидел Меня: Блаженны не выдавшие и уверовавшие (Иоанн 20 : 29)”. (Этими словами Он) наперед отложил великое блаженство для нас, уверовавших через слово учеников. Фома же, насладившись тем чудесным зрелищем, сделался для апостолов поводом узнать то, чего они раньше не знали. Ведь (Фома) признал увиденного своим Богом и Господом – воистину это достижение Божьего воскресения.

12. После этого Христос оставался ученикам по большей части невидим, поскольку его тело было восславлено нетлением и не могло созерцаться смертными очами, но он являл себя, когда Ему это было угодно и когда Он считал, что это принесет пользу зрителям. (А апостолы), лишенные привычного лицезрения Господа, занялись привычным ремеслом, то есть восхождением на корабль (и) забрасыванием сетей в глубину морскую. И вот явился им любимый Иисус, стоящий на морском берегу – он повелел положить сети на правую сторону корабля, и количество пойманной рыбы соответствовало мощи Божьего приказа. Среди этих (апостолов) был и Фома. Он вместе с ними плыл, прилежно занимался сетями, вместе трудился; и он же зарекомендовал себя самым скорым на подчинение (Христу): ведь он на собственном опыте научился верить всему, что ни делает Бог. Потому-то он и плавал, и трудился нарвне с (другими) учениками.

Когда же пришло время Вознесения, в которое Ему в человеческом облике предстояло вознестись к Отцу, Христос вывел учеников за пределы Вифании вплоть до Элеона и там разъяснил все о себе, приводя свидетельства из Писания; он ел у них на глазах, удостоверяя, что он не дух, как они предполагали. Затем, вознесением рук передав им благословение, Он был вознесен на небо, а они с великой радостью вернулись в Иерусалим. И как же было нашему святому апостолу (Фоме) не радоваться и не ликовать вместе с другими учениками, когда он видел, что слова воплощаются в дело, что

неложно чудо воплощения и что не напрасно для него закончилась (история) его неверия.

13. Назначенный Господом, по Его словам, срок, закончился, и Божий Дух, низлетев на них, словно некий шум от сильного ветра, тотчас разделился на огненные языки и почил на каждом из них, заставив их разговаривать на иностранных языках (ср. Деяния 2 : 2–4), так что все, кто это слышал, были охвачены большим восхищением. И вот тогда сей великий апостол (Фома), восседавший совместно с остальными учениками, сам получил ту благодать, что (содержалась) в огненных языках, и, приняв в себя весь Дух, сам весь сделался его орудием, применяемым весьма мудро и уместно. Так Фома, укрепленный свыше, сделался подготовленным и бодрым для миссии; он не боялся никаких опасностей, не смущался знатных и знаменитых.

14. Когда апостолам пришло на ум выполнить наконец Господнее повеление, которое было “Путешествуя по миру, научите все народы” (ср. Марк 16:15; Матфей 28 : 19), каждый из апостолов получил в удел одну из стран вселенной, в соответствии с тем, какой жребий уделил каждому сошедший на него Дух. Фома же был послан в страну индов, которая оставалась совершенно варварской и где в обычае были самые незаконные деяния. Эта страна лежит вдалеке от Египта и омывается судоходными морями; в ней отсутствует самое необходимое, но (зато) она изобилует драгоценностями и обладает всем для роскоши. В этой стране обитает вышеназванный род (индов), очень многочисленный, любящий торговлю, по большей части голый и живущий подобно горным животным. По этой причине и из-за (постоянной) открытости тела солнечные лучи более жарко их опаляют, жгут, делают их черными и страшными на вид. Поклонялись же они идолам, изготовленным из различных материалов. Влияние этих идолов и поклонение им, укоренившиеся в течение длительного времени, сделали эту привычку более сильной, чем (это могли бы сделать) любые доводы.

15. Вступив в такую вот страну, великий апостол ни в чем не выказал надменности и кичливости, не стал разговаривать высокопарно и хвастливо и не сделал ничего напыщенного и показного, но украшенный Христовым смиренномудрием, облачился в него вместо всего остального мира и защиты. С грязными волосами, с бледным лицом, весь сухой и тощий, он, коротко говоря, напоминал скорее не тело, а тень от тела. Одетый в бедный и рваный плащ, благожелательный нравом, убедительный словом, вызывающий огромное удивление своими делами, он ободрял смиренных и обуздывал нрав заносчивых.

16. С таким настроем и образом жизни он оказался среди индов, и вскоре слава о нем достигла самых отдаленных (частей этого) народа. Когда (Фома) увидел, что ими владеют предрассудки, иссушающие самые глубины их души, он не сразу кинулся обличать, не прибег к упрекам, решил не пользоваться таким снадобьем, как суровость. Ведь он знал: то, что укреплено в наших душах долгой привычкой, нелегко поддается уничтожению, но скорее изменяется под воздействием убеждения, нежели силы. Поэтому он больше прибегал к мягкости, доброй манере и приятным словам. Он являл им свое величие и достоинство не с помощью высокомерия, напыщенности и велеречия, но делами и знаменами, весьма украшенный смиренномудрием, этой отличительной чертой Христа. Поэтому он предпочитал вести (индов) к богопознанию тем, что сам вызывал удивление своими делами, был

доброжелателен и умерен в мыслях – этим-то он и внушал уважение индам. Они принялись расспрашивать, кто он, какого рода, какая у него вера и чего он хочет. (Фома) же, имея внутри себя учителем Христа, мягко и скромно отвечал, что родом он из иудеев, ученик великого Моисея, того самого Моисея, что беседовал с Богом, а кроме того, он ученик Христа, который явился для спасения мира и который пришел объявить о вечной жизни и спасении душ; те, кто поверят в это, станут причастниками неиссякаемых благ. Вдобавок к этому он рассказал обо всех чудесах, связанных с нисхождением Христа и Бога Слова и Его земным существованием; и о самих Страстях, которые многим кажутся позорными, и о силе Воскресения и восхождении на небо. Он говорил: “Я назначен Его учеником и помощником, возвестителем о чудесах, вестником и благовествователем о Его богомужеском домостроении. Провозглашая Его человеколюбие по отношению к людям и безмерную к ним жалость, я дошел до вас свободными ногами. Я был причастником Его тайн и слугой, и собственными глазами убедился в том, что говорю. Я не (тащу) силой тех, кто отказывается, но принимаю в объятия тех, кто добровольно поверил”.

17. Этими и многими другими богоречивыми словами народ индов был введен в таинства; в их душах угнездились семя Слова. И когда, если выразиться словами божественного Евангелия, “при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями” (Марк 16 : 20), они понемногу были отвращены от идольских возлияний и гнусностей, пришли к истинной вере и, преображенные таким образом апостольскими поучениями, через крещение приобщились ко Христу. Эта проповедь так (распространилась), что достигла даже самого царя, хотя и не проникла глубоко в его сознание. Однако его сродственники все приобщились апостольских слов и сделались неразлучны с ним и на его примере сделали истинным и своевременным миф о Сиренах. Самим же (царем) владела тьма глубокого невежества, и те самые чудеса, с помощью которых его можно было бы привести к свету, – ими же по его собственной ущербности он повергался в еще большее безумие. Он задумал смерть для апостола и в мгновение ока вынес ему приговор. Сей великий апостол был убит копьями и с радостью принял смерть ради Христа.

18. Блаженным назвал (Фому) сонм тех, кто уверовал через него, блаженным наименовал его всевышний хор, рукоплескало ему собрание праведников и апостолов, видя, как сия священная и богоносная душа восходит на небо в сопровождении чина ангелов. Что же после этого еще предусмотрела всевышняя доброта, влекущая человека к благочестию? Священное тело (Фомы) было красиво убрано руками верных и предано земле; а царского сына свалила тяжелая болезнь, не поддававшаяся человеческому искусству (врачевания). И вот отец – да и кто же, как не отец – склоняется перед природой, (разражается) воплями, орошается слезами, его разрывают рыдания. Не находя никакого разрешения этого горя, он вспоминает о чудесах апостола и принимается искать хоть малую часть его мощей, чтобы ею вылечить болящего. Когда же он узнал, что тело апостола сделалось невидимым, то велел принести хотя бы земли, к которой оно прикасалось. Это было исполнено, и отец, приложив землю к больному сыну, вылечил того, кого он уже чаял мертвым. Но хотя царь и узрел в умеренном размере свет познания, он добровольно отверг то, что принял, и воистину стал мертв, умерев

жестокой нечестивой смертью. И все это, дабы не случилось отклонений от истины, было рассказано и записано, и приписано апостолу ради похвалы.

19. Сегодня для нас причиной великого ликования является Фома, через которого даже варварские народы индов выучили ту дорогу, что ведет на небеса; те, чьи тела были вычернены солнечными лучами, приобрели светлые души, когда чисто просияло для них умопостигаемое солнце, во славу Отца и Сына и Святого Духа, одного и нераздельного Божества, которому довлеет всяческая слава, честь и почитание ныне и присно и во веки веков. Аминь*.

* Настоящая работа уже находилась в печати, когда нам удалось ознакомиться со статьей, название которой никак не намекало на то, что в ней содержится публикация нашего памятника: *Volk R. Symeon Metaphrastes – ein Benutzer des Barlaam-Romans // Rivista di studi bizantini e neoellenici N.S. 1996. T. 33. P. 156–167.* Поскольку при этом издании не была использована ни одна из московских рукописей, а кроме того, Р. Фольку осталось неизвестным сочинение Василия Селевкийского, мы решили не отказываться от нашей публикации.

Г. Ильинский

Т.Д. ФЛОРИНСКИЙ КАК ИСТОРИК СЛАВЯНСТВА. (К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ)

I

В мае 1929 г. исполнилось десять лет со дня трагической смерти виднейшего из русских славистов старшего поколения, профессора Киевского университета Т.Д. Флоринского. Так как его могила в России до сих пор остается без литературного креста, то не мешает оживить в памяти его заслуги как историка славянства. Но прежде, чем это сделать, припомним главные факты его жизни.

Он родился 28 октября 1854 г. в Петрограде в семье протоиерея Петропавловского собора Д.И. Флоринского. По окончании 3-й Петроградской гимназии Флоринский поступил в 1872 г. в университет, в котором уже с первых лет он сосредоточил свои занятия в области славяноведения, работая под руководством профессоров И.И. Срезневского, В.И. Ламанского и В.Г. Васильевского. На заданную факультетом тему “Критический разбор свидетельств Константина Порфирородного о южных славянах” он написал сочинение, награжденное золотой медалью и раскрывшее перед ним двери к преподаванию в высшей школе. Так, в продолжение 1880–1882 гг. Флоринский читал лекции на Высших женских курсах, учрежденных проф. К.Н. Бестужевым-Рюминым.

Через пять лет после окончания университета, т.е. в 1881 г. Флоринский выдержал испытание на степень магистра славянской филологии, а 20 декабря того же года защитил в стенах родной alma mater диссертацию на ту же степень, под названием “Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.” (СПб., 1882). Через несколько месяцев (именно в феврале 1882 г.) Флоринский уже избирается Советом Киевского университета доцентом по кафедре славянской филологии, только что осиротевшей после смерти Я.Л. Котляревского, а потом после защиты докторской диссертации “Памятники законодательной деятельности Стефана Душана” (Киев, 1888) и профессором.

На этом посту около 40 лет Флоринский с честью держал знамя своей науки почти до последних дней своей жизни, небогатой внешними событиями, из них я назову лишь избрание его в члены-корреспонденты Российской Академии наук, — но весьма обильной научными результатами.

На Флоринского установился взгляд, как на одного из наиболее видных представителей “школы Ламанского”. Хотя сам Флоринский этого не отрицал и даже не без чувства гордости называл себя его учеником, однако, к своему счастью, как историк, он всегда находился под гораздо более сильным влиянием другого своего учителя, акад. В.Г. Васильевского. Мы говорим “к счастью” потому, что ни для кого не является теперь тайной, что покойный В.И. Ламанский, при всем моральном обаянии своей личности, в

методическом отношении не только ничего не давал своим ученикам, но зачастую оставлял их совершенно беспомощными. Если, не смотря на это, Флоринский сумел стяжать себе крупное имя в русской исторической науке, то этим он обязан, кроме своих личных дарований, главным образом руководству В.Г. Васильевского. Влияние знаменитого русского византиниста обнаруживается не только в научных приемах работ Флоринского и, в частности, в их строгой документальности и фактичности, но и в самом выборе тем для исследований: за ничтожными исключениями, почти все они касаются таких моментов и событий югославянской истории, которые находятся в теснейшей связи с византийской. Поэтому Флоринский с полным правом может быть назван столь же славистом, сколь и византинистом.

Такой двойственный византийско-славянский интерес имеет уже первый сравнительно крупный печатный труд Флоринского – “Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П.И. Севастьянова” (СПб., 1880). В нем автор ознакомил ученый мир с результатами своих библиографических изысканий в области важнейшего отдела наследия известного русского археолога П.И. Севастьянова, его многочисленных фотографических копий с афонских, греческих и славянских грамот. Путем тщательного и в высшей степени кропотливого исследования Флоринский не только установил весь намеченный *quantum* документов, но и многие из них издал либо в полном виде (как, например, все грамоты Стефана Душана), либо в извлечениях. Главной части труда предпослано интересное введение, в котором автор, охарактеризовав в кратких, но метких штрихах значение Афона как центра духовного и культурного общения двух народностей – греческой и славянской – подробно выяснил положение дела описания актов как до знаменитой экспедиции П.И. Севастьянова на Св. Гору, так и после нее. В общем книга Флоринского весьма удачно расчистила уголок совершенно запущенного в его время поля южнославянской и византийской дипломатики.

Если в своих “Аеонскихъ актахъ” Флоринский выступил как тщательный библиограф и издатель, то в статье “Константинъ Порфирородный какъ писатель о южныхъ славянахъ передъ судомъ новѣйшей критики” (ЖМНП. ССХІІІ (1881). Стр. 139–170 и ССХV (1881). Стр. 300–322) он проявил себя вдумчивым мастером исторической критики. Именно вновь вышедшие замечательные исследования К.Я. Грота (Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ. СПб., 1890) и Ф. Рачкого (Bjela Hrvatska i Bjela Srbija. Zag., 1880) дали ему повод поставить вопрос, в какой степени справедливо сделавшееся с легкой руки Дринова и Рачкаго модным мнѣніе о Константине Порфирородном, как о писателе в высшей степени неточном, бестолковом и вообще некритическом. Флоринский находит такой скептицизм преувеличенным даже в той его весьма умеренной форме, в которой он высказан Гротом в его только что указанном сочинении. Рядом дельных соображений Флоринский доказывает, что как инкриминируемое сочинение Константина (“De administrando imperio”), так и другие (“О церемоніяхъ византийскаго двора”, “Жизнь императора Василя”), по стройности изложения, систематичности в распределении материала и сравнительной точности своих фактических данных, стоят нисколько не ниже подобных трудов других византийцев. В частности, Флоринский снимает обвинение с Константина, что он смешивает авар со славянами, объясняя единственное место, где такое смешение наблюдается (29 гл. De adm. imp.), ошибкой переписчика

или позднейшей вставкой; подтверждает новыми соображениями известие Багрянородного о завоевании Далмации аварами и не находит ничего невероятного в сообщении венценосного писателя о передаче императором Ираклием Далмации сербо-хорватам путем особого соглашения. И известие о Белой Хорватии и о Белой Сербии, по мнению Флоринского, служит лишь *ad majorem gloriam* византийского императора, показывая, что он имел об этих странах хоть и смутное, но, по существу, верное представление. Что касается их границ, то Флоринский считает локализацию Шафарика несколько не поклебленной и после возражений Рачкова.

Из эпохи первоначального расселения сербо-хорватов в эпоху наивысшего расцвета их могущества переносит нас замечательная и теперь еще мало устаревшая историческая монография Флоринского “Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.” (2 вып., СПб., 1882). Здесь автор считает даже ненужным “останавливаться на выяснении тесной связи, существующей между историей южных славян и историей Византии. Изучение той и другой должно идти рука об руку. Отделение южных славян от Византии и, обратно, Византии от южных славян немыслимо. Это один мир, живущий общей жизнью, долженствующий иметь и общую историю” (стр. 1).

Стоя на такой точке зрения, автор, естественно, должен был предположить изложению драматической эпохи Душанова царствования обширный очерк состояния Византии во второй четверти XIV в. Он занял собой весь первый выпуск монографии. Кроме обстоятельного политико-географического обзора греческого мира накануне окончательного утверждения турок в Европе мы находим здесь подробный рассказ о завоевании Византийской империи и о восстановлении ее Палеологами, о политической деятельности императора Андроника Младшего и великого домашнего Иоанна Кантакузина, о гражданской войне в империи 1341–1347 г. и о царствовании Иоанна Кантакузина (1347–1354). Все это изложено на основании внимательного изучения первоисточников, что дало возможность автору сделать не мало поправок и дополнений к предшествующим трудам Zinkeisen'a, Hopf'a и Heyd'a.

Еще более самостоятельный характер имеет вторая часть монографии Флоринского. Хотя центром тяжести изложения здесь является величественная личность Стефана Душана и его политическая деятельность, но автор то и другое рисует, конечно, на фоне византийско-славянских отношений. Бросив общий взгляд на ход сербского исторического процесса до Душана, Флоринский сообщает биографические сведения о Душане, рассказывает о первых походах его на юг, участии в византийской усобице и завоевании Македонии, подробно описывает венчание его на царство и тщательно раскрывает виды Душана на Царьград. Описав сношения сербского царя с Венецией и новые войны с Византией, автор подробно выясняет его отношение к славянскому вопросу на Балканском полуострове и к притязаниям латинского запада. И справедливость требует сказать, что распутывая клубок политических противоречий, который представляет собой государственная деятельность Душана, Флоринский нигде не сходит с пьедестала истинно-научного беспристрастия и в заключении своего труда совершенно верно указывает, что причина катастрофы Сербии во второй половине XIV в. заключалась в несоответствии грандиозных планов великого царя внутренним силам основного сербского ядра его чрезвычайно пестрого в этнографическом отношении государства.

Прямое продолжение и отчасти подтверждение идей, разработанных Флоринским в первой части его диссертации, представляет его статья “Политическая и культурная борьба на греческомъ востокѣ в первой половинѣ XIV в.” Киевъ, 1883 (Отд. отт. из Киев. Унив. Изв.). Поводом к ней послужил вышедший в 1880 г. в Венеции сборник грамот, освещающих отношения царицы Адриатики к греческому востоку в период 1300–1350 гг. (“*Diplomatarium Veneto-Levantinum sive acta et diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*”). На основе богатого и часто совершенно свежего материала этого сборника Флоринский подробно рисует положение поработанных латинами греков и взаимные отношения Венеции и Византии; описывает планы и проекты крестовых походов для вторичного завоевания Византии и изгнания турок из Европы и выясняет причины антагонизма отдельных государств в борьбе за экономическое и политическое преобладание на Востоке. В результате автор приходит к выводу, что “вина за турецкий погром ложится не на одну Византию. Оказывается, что если Византия и была слаба в данное время, то ответственность за эту слабость падает в значительной степени на западно-христианский мир, который, систематически разрушая восточную империю, не только никогда не думал об оказании помощи грекам, а, напротив, всегда готов был действовать с их врагами, хотя бы и не христианами” (стр. 8).

Если не органическим, то хронологическим дополнением главной исторической монографии Флоринского является статья “Новые материалы для истории Греции въ средніе вѣка” (Киев. Унив. Изв., 1863). Это не что иное, как весьма обстоятельный реферат о первой серии капитальных “*Monumenta historiae Hellenicae*” (Paris, 1880–1883, 4 тома) Н. Сафы. Автор подробно выясняет здесь громадное значение для истории Европы XV в., опубликованных знаменитым греческим ученым документов, которые все извлечены из венецианских архивов; в частности, по словам рецензента, особенно интересны акты, характеризующие положение греческого народа под венецианским владычеством. Не оставляет без своего комментария Флоринский и предисловие Сафы ко всем четырем томам его монументального сборника, справедливо отмечая, что узко национальное направление издателя не всегда благоприятно отражается на внутренней ценности его изложения. Так, например, вопрос о славянах Греции решается или не достаточно беспристрастно, или не вполне всесторонне.

II

От политической деятельности Стефана Душана Флоринскому естественно было перейти к изучению его деятельности внутренней. Судьба не позволила ему представить всестороннюю характеристику этой деятельности, но зато он заложил для ее исследования прочный фундамент в виде “Памятников законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков” (Киев, 1888). Как показывает уже заглавие книги, этот капитальный труд представляет собой исследование той грандиозной кодификации византийского права на сербской почве, которая была совершена, по предложению сербского царя, знаменитым Скопским собором 1349 г. Согласно выводам Флоринского, эта кодификаторская работа была произведена в гораздо более широком масштабе, чем до сих пор было принято думать: не так называе-

мый “Законник” Душана находился в ее центре, а византийские сборники гражданских и церковных законов в том их виде и системе, в какой они являются в так называемой “Синтагме Матвея Властаря” и “Законе царя Юстиниана”; сербский же “Законник” был издан лишь как дополнение к двум последним, и в этом отношении его роль мало чем отличалась от многочисленных хрисовулов Стефана или, как мы сказали бы теперь, его многочисленных указов. Это откровенное подчинение сербской стихии византийской, в деле законодательства, находилось в полной гармонии со страстным увлечением Душана византизмом – увлечением, вследствие которого он в своей внешней политике чувствовал себя гораздо более царем греков, чем королем сербов. Исходя из этих положений, Флоринский и рассматривает в своей книге: 1) хрисовуллы, простагмы и новеллы Душана как на сербском, так и на греческом языке; 2) “Законник” Душана и 3) сербские компиляции византийских законов, т.е. сокращенную Синтагму Матвея Властаря и Закон царя Юстиниана. В приложениях к своему труду Флоринский издал “Законник” Душана по 4-м спискам и “Закон” царя Юстиниана по 4-м спискам, а также несколько грамот из Меникейского кодекса, приписываемых Душану.

Хотя главное положение Флоринского, что “Законник” царя Душана представляет собой, в сущности, лишь незначительную часть обширного кодекса, встретило возражение со стороны знаменитого сербского слависта Новаковича в его блистательном труде “Законник Стефана Душана царя српског 1349 г. и 1354 г.” (Београд, 1897), где доказывается, что упомянутые византийские сборники не имеют никакого отношения к сербскому кодексу и возникли совершенно особым путем, однако вряд ли аргументацию покойного сербского академика можно признать основательной. Новакович, к сожалению, игнорирует главное и наиболее ценное наблюдение Флоринского, что находящаяся при тексте синтагма Матвея Властаря включает в себе менее одной трети материала, сравнительно с греческим подлинником, и что этот материал носит на себе все признаки самостоятельной обдуманной переработки, совершенной по определенному плану и с ясной намеченной целью. Эти соображения так многозначительны, что побуждают признать наблюдения Флоринского одним из самых важных открытий в области славянской филологии последнего времени.

От законодательной деятельности величайшего сербского царя Флоринский перешел к изучению законодательной деятельности величайшего болгарского царя. Именно в 1904 г. в “Сборникъ статей по исторіи права, посвященныхъ М.Ф. Владимірскому-Буданову” (Кіев), он поместил весьма ценный этюд под названием “Древнѣйшій памятникъ болгарскаго права” (стр. 404-429). Речь идет об одном из самых загадочных памятников славянской письменности – о “Законе Судном Людем”. Ознакомив читателя с общим ходом развития вопроса, Флоринский пытается выяснить всесторонне генезис памятника и в результате приходит к следующим выводам: 1) “Закон Судный Людем” есть произведение эпохи царя Симеона; 2) он есть продукт не частной инициативы, а законодательный акт государственной власти и 3) главным источником “Закона” послужила византийская “Эклога”. “Составитель или составители болгарской компиляции в одних случаях дословно переводили некоторые статьи Эклоги, в других случаях более или менее значительно изменяли и переделывали греческий текст. Эти измене-

ния и переделки различного рода. Иногда они состояли в простом распространении или, наоборот, сокращении греческого текста без изменения основного смысла реципируемой статьи; иногда византийский закон является в своеобразной бытовой редакции (жупаны, кметищи) и содержит дополнения, объясняемые местными условиями и обычаями; наконец, во многих случаях изменения касаются существенной стороны закона, суровые наказания, налагаемые Эклогой, заменены другими, более гуманными. Таким образом, “Закон Судный Людем” необходимо признать не простой компиляцией из Эклоги, а славянским (болгарским) сборником законов, основанных на сравнении их с византийским первоисточником” (стр. 426–427).

Третий славянский законодательный памятник, обративший внимание Флоринского – это “Дубровницкий статут” 1272 г. (“Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В.И. Ламанскаго”. СПб., 1905, Стр. 491–506). По поводу вышедшего в 1904 г. первого критического издания этого драгоценного памятника дубровницкой истории, приготовленного на средства Югославянской академии наук трудами Богишича и Иречка (*Liber statutum civitatis Ragusiae, compositus anno 1272. Zagrabiae, 1904*), Флоринский поставил вопрос, в какой степени в этом статуте отразилось влияние славянского обычного права. Издатели памятника оставили его открытым, но Флоринский справедливо указывает, что хотя эпоха, когда вырабатывался Дубровницкий статут, совпала с эпохой политической зависимости Дубровника от Византийской республики, и потому мало благоприятствовала широкому усвоению дубровницким законодательством славянской стихии, тем не менее статут не может считаться совершенно свободным от всякого славянского влияния. Доказывают это, по мнению Флоринского, хотя бы институт *stanak'a* (*stanicus*) и известный род денежного взыскания (*vrasda*). Не так отчетливо, но все же в достаточной степени сильно славянское влияние отразилось в законоположениях Дубровницкого статута по семейному праву. Хотя, таким образом, “славянские элементы в Дубровницком статуте несомненно присутствуют, но едва ли в значительном количестве. Они выступают лишь как известное построение в правовых нормах иного происхождения и при том захватывают не все стороны этики и не все области права; иногда они не более как параллели к инородным нормам, занимающим в статуте господствующее место” (стр. 489).

Несколько особняком в ряду исторических работ Флоринского стоит его небольшая, но весьма ценная заметка “К вопросу о богомилах” (“Сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В.И. Ламанскаго”, СПб., 1883. Стр. 33–40). Автор знакомит здесь читателей с чрезвычайно интересным актом проклятия против богомилов, составленным на Терновском соборе 11 февраля 1211 г. при царе Бориле и дошедшем до нас в одном среднеболгарском сборнике XIV в. Софийской народной библиотеки. Издавая части текста, Флоринский снабдил их историческим комментарием, несколько не потерявшим своего значения даже после издания памятника Попруженко (Синодик царя Борила. Одесса, 1899).

Важный вопрос, как рано в Моравии, рядом с введенным Кириллом Солунским славянским богослужением по восточному обряду, явилась славянская литургия по латинскому, решает Флоринский в статье “Новое открытие в области глаголицы и вопрос о происхождении славянскаго миссала” (Киев. Унив. Изв., 1890. Стр. 1–16). Внешним поводом для этого краткого, но весь-

ма ценного исследования послужили открытие и издание ак. Ягичем “Венских глаголических отрывков” (*Glagolotica Wuerdigung neuentdeckten Fragmente. Wien, 1890*). Глубокая древность этого памятника и очевидная его палеографическая и лингвистическая связь с Киевским миссалом заставили Ягича в своем исследовании выставить гипотезу, что уже сам Мефодий принужден был сделать уступку врагам славянского богослужения, введя на место восточнославянской литургии богослужение, хотя и на славянском языке, но по западному (римскому) обряду. Флоринский разбивает аргументы знаменитого слависта, подчеркивая их поспешность и неполноту. В частности, особенно остроумны наблюдения Флоринского относительно употребления слова “мыша” в нынешних житиях – употребления, которому придает такой вес Ягич. Флоринский совершенно верно указывает, что это слово встречается только в тех местах обоих житий, которые буквально переведены с латинского документа или находятся под его влиянием.

Гораздо более поздний глаголический миссал Хервои, воеводы боснийского и герцога сплетского (окт. 1404 г.), великолепно изданный Ягочем, Thalloscy'em и Wickhof'ом (*Missale glagoliticum Hervoiiae ducis Spalatensis. Vindobonae, 1891*) вызвали обстоятельную критико-библиографическую заметку Флоринского на страницах Киевского университетского органа (1892 г.). Не щадя самых лестных эпитетов для технической и критической стороны издания, Флоринский подчеркивает здесь многочисленные следы греко-восточного влияния на состав этого в общем чисто католического служебника. Влияние это шло так далеко, что некоторые молитвы миссала целиком заимствованы из греческих евхологиев или славянских требников (типа Синайского). В частности, что касается молитв на пострижение дитяти, то Флоринский, вопреки Ягичу, полагает, что они были заимствованы глаголитами из греко-славянских требников гораздо ранее XV в.

В эпоху первых веков славянской письменности переносят нас статьи: “Нѣсколько замечаний о надписи царя Самуила” (Изв. Русск. Археол. Института въ Константинополѣ. Т. IV. Вып. 1. 1899) и “Къ вопросу о древности и взаимныхъ отношеніяхъ кириллицы и глаголицы” (Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца. 1900). Первая статья написана по поручению директора Института Ф.И. Успенского и представляет тонкий палеографический и лингвистический анализ этого древнейшего датированного памятника славянской письменности. А вторая статья делает на основании того же памятника некоторые выводы относительно приоритета кириллицы перед глаголицей.

Много интересных замечаний и византинист, и славист найдут в превосходных поминальных статьях о Миклошиче (Памяти Миклошича. К ев. Унив. Изв., 1891) и Рачком (Жизнь и труды д-ра Фр. Рачкого, перваго предсѣдателя Югославянской Академіи. Киев. Унив. Изв., 1895), написанных Флоринским под свежим впечатлением известий об их кончине. В последнем этюде, кроме мастерской характеристики значения трудов по югославянской истории незабвенного хорватского академика, находим и полный библиографический перечень его работ.

До сих пор мы говорили о Флоринском как о историке. Но, конечно, его научно-литературный портрет остался бы недорисованным, если бы мы не сказали о нем несколько слов и как о филологе и этнографе. Хотя Флоринский и не прошел строгой лингвистической школы, однако он сумел обоба-

тить славянскую филологию трудом, доньше являющимся лучшим и наиболее полным университетским пособием для изучения славянских языков. Я имею в виду его прекрасные двухтомные “Лекции по славянскому языкознанию” (Киев, 1895–1897). А как этнограф, Флоринский первый после Шафарика дал систематический очерк всего славянства как одного этнографического целого под названием “Славянское племя” (Киев, 1907). Этот капитальный труд, вместе с приложенной к нему превосходной этнографической картой, нисколько не потерял значения и после выхода в свет подобного труда чешского профессора Л. Нидерле.

Таковы главные плоды свыше 40-летней научно-литературной деятельности киевского профессора. Они наглядно показывают, какую невознаградимую потерю понесла русская наука, а вместе с нею и все славянство, с его преждевременной кончиной...

Славянский глас. 1929. Кн. 3. С. 79–83; Кн. 4. С. 124–128

* * *

Замечательный российский славист Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) был по преимуществу филологом, но отличался широким интересом к культурной жизни славянства. Его статья о трагически погибшем в 1929 г. среди 52-х расстрелянных большевиками заложников крупном отечественном слависте, исследователе славяно-византийских отношений Тимофее Дмитриевиче Флоринском (1854–1919) интересна не только по своему содержанию, у нее необычная судьба. Ильинский, видимо, написал статью специально для малотиражного и не пользующегося популярностью болгарского журнала “Славянски глас” (она была опубликована в кн. 3/4 за 1919 г.), чтобы избежать неприятных для себя последствий, неизбежных в случае появления статьи о расстрелянном “монархисте” и “реакционере” в более распространенных изданиях. Ранее, прибегнув к этому способу, ему уже удалось обойти советские цензурные рогатки: ученый опубликовал в “Славянском гласе” (1926. Кн. 1/2 и 3) полный текст статьи “Что такое славянская филология?”, напечатанный на родине в искаженном цензурой виде. К сожалению, обе появившиеся в журнале статьи Г.А. Ильинского остались неизвестными в научном мире: софийский журнал издавался Славянским обществом Болгарии и был рассчитан не на славистов, а на болгарских ревнителей “славянской идеи”.

Судьба Ильинского столь же трагична, как и судьба его “героя” Г.Д. Флоринского: ученого арестовали в начале 1934 г. по так называемому “делу славистов”, и 14 декабря 1937 г. он был расстрелян. Статья же Г.А. Ильинского была прочно забыта, и лишь теперь становится достойным делом научной общественности.

А.Н. Горяинов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДАИК	– Архитектурно-археологические исследования в Крыму
АДСВ	– Античная древность и средние века
БАН	– Библиотека Академии наук
БЛДР	– Библиотека литературы Древней Руси
БТ	– Богословские труды
ВИ	– Вопросы истории
ВДИ	– Вестник древней истории
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗНОИРАО	– Записки Нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества
ЗРВИ	– Сборник Радова Византологического института. Београд
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК АН УССР	– Институт истории материальной культуры АН УССР
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН (С.-Петербург)
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.
ИПБ	– Императорская публичная библиотека
ИРАИК	– Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИА АН СССР	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
МАР	– Материалы по археологии России
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НЗСК	– Национальный заповедник “София Киевская”
НЗХТ	– Национальный заповедник “Херсонес Таврический”
ОР	– Отдел рукописей
ПС	– Палестинский сборник
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов. М.
РГБ	– Российская государственная библиотека. М.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РНБ	– Российская национальная библиотека
РО МГАМИД	– Рукописный отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (РГАДА)
РФВ	– Русский филологический вестник. Варшава
СА	– Советская археология
СВ	– Средние века
СОРЯС	– Сборник Отдела русского языка и словесности АН
СЭ	– Советская этнография
ТКДА	– Труды Императорской Киевской духовной академии
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы
Х. сб.	– Херсонесский сборник
АВ	– <i>Analecta Bollandiana</i>
TntTard	– <i>Antiquité tardive</i>
АП	– <i>'Αρχαῖον Πόντου. Ἀθήναι</i>
ASLSP	– <i>Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova</i>
BF	– <i>Byzantinische Forschungen</i>
Byz.	– <i>Byzantion</i>
BZ	– <i>Byzantinische Zeitschrift</i>
CIAC	– <i>Congrès international d'Archéologie Chrétienne / Congressus internationalis archaeologiae christianae</i>
CJ	– <i>The Classical Journal. Classical Association of the Middle West and South-Charlottesville</i>

- Corso – *Coso di cultura sull'arte ravennate e bizantina*
 DMSG – *Byzantine and Modern Greek Studies*
 DOP – *Dumbarton Oaks Papers*
 DSAM – *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. P.*
 EEBΣ – *Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν σπουδῶν. Ἀθήναι*
 E – *Échos d'Orient*
 GRBS – *Greek, Roman and Byzantine Studies*
 IOSPE. 12 – *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. T. 12. Inscriptiones antiquae Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporianum / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1916*
- JAOS – *Journal of the American Oriental Society*
 JJP – *Journal of Juristic Papyrology*
 JÖV – *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien*
 LThK 1 – X – *Lexikon für Theologie und Kirche. Bd. I–X. Freiburg i Br., 1957–1967*
 MICHA – *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie*
 NA – *Νέον Ἀθηναίων. Ἀθήναι*
 NE – *Νέος Ἑλληνομνήμων. Ἀθήναι*
 OCP – *Orientalia Christiana Periodica*
 ODB I–III – *The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. I–III. New York; Oxford, 1991*
 PG – *Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. P.*
 PL – *Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. P.*
 PLP – *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1995. Fasc. 1–12*
- RAC – *Rivista di Archeologia Christiana*
 RBK – *Reallexicon zur Byzantinische Kunst*
 REB – *Revue de Études Byzantines. P.*
 REG – *Revue des Études Grecques*
 RESEEE – *Revue des Études sud-est européennes*
 RHC – *Revue des Historiens des Croisades*
 RhM – *Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt a.M.*
 SB BAW – *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*
 SBS – *Studies in Byzantine Sigillography*
 SI – *Studia Islamica*
 TIB – *Tabula Imperii Byzantini*
 TLG – *Thesaurus Linguae Graecae*
 TM – *Rravaux et Mémoires. P.*

Научное издание

Византийский временник

BYZANTINA XRONIKA

Том 65 (90)

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Н.В. Барина*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Г.А. Печко

Подписано к печати 30.05.2006. Формат 70 × 100¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 27,3 + 1,3 вкл. Усл.кр.-отг. 29,9. Уч.-изд.л. 31,2
Тираж 650 экз. Тип. зак. 3785

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6